

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С

и

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

тт. I—XVI

ПУБЛИЦИСТИКА-ФИЛОСОФИЯ-ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

тт. XVII—XX

КАПИТАЛ

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

тт. XXI—XXVIII

ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

т. XXIX

УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН.
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ · МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП (б)

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М

XXVII

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП (б) 1935

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

1878 — 1887

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий том входят письма за десятилетие 1878—1887. Том делится на две неравные части: в начале он содержит значительное количество писем Маркса; начиная с 1883 г. идут письма одного уже только Энгельса.

В переписке Маркса и Энгельса отражена систематическая неуклонная борьба за революционную партию пролетариата, за революционную тактику непримиримой классовой борьбы. Об этой борьбе говорят и письма конца 70-х, начала 80-х годов. В эти годы Маркс и Энгельс продолжали уделять чрезвычайно много внимания руководству рабочим движением в Германии. После введения «исключительного закона против социалистов» немецкая социал-демократическая партия не сразу нашла верный путь. Руководители ее — Бебель, Либкнехт и др. — проявляли сильные колебания. Они не сумели дать отпор, с одной стороны, анархистским взглядам Моста, с другой — оппортунистическим взглядам Гехберга, — представителя «интеллигентского филистерства и мещанства в социализме». Гехберг, — этот «контрреволюционный болтун», — как его характеризует Маркс, имел возможность свободно развить свои взгляды в статье «Обзор социал-демократического движения в Германии» в журнале «Ежегодник социальной науки и социальной политики», выходявшем под его редакцией.

Энгельс, ознакомившийся с книжкой этого журнала, резюмируя сущность воззрений Гехберга в письме Марксу от 9 сентября 1879 г. (Соч., т. XXIV), писал:

«Гехберг прямо заявляет, что немцы сделали ошибку, превратив социал-демократическое движение в чисто *рабочее* движение, и ненужным *провоцированием* буржуазии сами навлекли на себя исключительный закон против социалистов. Движением должны

руководить буржуазные и образованные элементы, оно должно носить исключительно мирный реформистский характер и т. п. Ты можешь себе представить, с каким наслаждением набрасывается Мост на эти пошлости и выставляет себя опять истинным представителем немецкого движения».

Маркс и Энгельс потребовали, чтобы Гехберг был отстранен от какого бы то ни было участия в редакции центрального органа партии — «Социалдемократа». В письме Зорге от 19 сентября 1879 г. Маркс упоминает о составленном Энгельсом «циркуляре (письме) к Бебелю и др., в котором без обиняков излагается наше мнение». В этом «циркулярном письме» подробно разобраны все обстоятельства, связанные с вопросом об образовании редакции центрального органа немецкой социал-демократии, и дана беспощадная критика и оценка взглядов Гехберга и оппортунизма вообще. По письмам можно проследить, как Маркс и Энгельс последовательно отстаивают революционный пролетарский характер рабочей партии, неуклонно ведут линию на раскол, на разрыв с оппортунистическими элементами, ведут «бешеную» борьбу против оппортунизма и борьба эта приносит свои плоды.

Ленин в предисловии к переписке Зорге следующим образом говорит об итогах этой борьбы Маркса и Энгельса.

««Бешеная» атака Маркса привела к тому, что оппортунисты отступили и... стусевались. В письме от 19 ноября 1879 г. (к Зорге. В. А.) Маркс извещает, что Гехберга из редакционной комиссии удалили, а от его идей *отрежлись* все влиятельные вожаки партии, Бебель, Либкнехт, Бракке и т. д. Партийный орган социал-демократов «Социалдемократ» стал выходить под редакцией Фольмара, который тогда стоял на революционном крыле партии. Еще год спустя (15 ноября 1880 г.) Маркс рассказывает, что они с Энгельсом постоянно боролись против «жалкого» (*miserebel*) ведения этого «Социалдемократа» и боролись часто *резко* (*wobei's oft scharf hergeht*). Либкнехт был у Маркса в 1880 г. и обещал, что наступит «улучшение» *во всех отношениях*. Мир был восстановлен, и война не выплыла наружу. Гехберг отошел, а Бернштейн стал революционным социал-демократом... по крайней мере, до смерти Энгельса в 1895 г.» (Ленин. Соч., т. XI, стр. 170).

До конца своих дней Маркс борется за дело рабочего класса. И на склоне лет он полон революционной страсти и все силы свои отдает делу борьбы пролетариата за коммунизм.

В письмах Энгельса от 14 и 15 марта 1883 г., в которых он сообщал ближайшим сотрудникам и друзьям о смерти Маркса, дана общая оценка гигантского исторического значения личности и деятельности Маркса: «Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали, — писал Энгельс Либкнехту; — и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках» (Энгельс — Либкнехту 14 марта 1883 г.). После смерти Маркса Энгельс продолжал борьбу за то дело, за которое он боролся вместе со своим великим другом в течение 40 лет. До конца своей жизни Энгельс был учителем и вождем пролетариата, представителем революционной марксистской теории. Он продолжал разрабатывать эту теорию, как он делал это и при жизни Маркса, и отстаивать ее в духе Маркса против всех попыток извратить ее и опозлить.

В предисловии к переписке Зорге Ленин указывал на «две линии Энгельсовских (и Марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и нападений, содержащихся в их многочисленных письмах. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких социал-демократов они всего настойчивее учили: не впадайте в филистерство, в «парламентский идиотизм»..., в мещански-интеллигентский оппортунизм» (Ленин. Соч., т. XI, стр. 144). Эти две линии проводятся в письмах Энгельса его корреспонденту в Америке — Зорге (а также отчасти Вишневецкой), с одной стороны, и в его письмах Бебелю, Бернштейну, Либкнехту и др. — с другой, и после смерти Маркса.

В то же время Энгельс проделал огромную работу по изданию литературного наследия Маркса. В письмах Энгельса, начиная с 1883 г., содержатся ценные подробности о его работе над изданием «Капитала». По ним можно установить, какого огромного труда стоила Энгельсу подготовка к печати рукописей Маркса. Ленин в своей статье-некрологе «Фридрих Энгельс» отмечает огромную работу, проделанную Энгельсом над II и III томами «Капитала».

«Эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса», — говорит Ленин.

Прежде всего надо было расшифровать рукописи, написанные неразборчивым почерком Маркса, который сам часто не мог прочесть того, что он написал. Это могли сделать только его жена и Энгельс (письмо Энгельса Беккеру 20 июня 1884 г.). Расшифровка II и III томов заняла у Энгельса почти два года (1884 и 1885). «Я диктую теперь второй том «Капитала», — пишет Энгельс Беккеру 20 июня 1884 г., — и дело подвигается быстро, но все-таки это каторжный труд, который потребует много времени, а над некоторыми местами придется изрядно поломать голову».

В этом же письме Энгельс писал, что надеется выпустить вторую книгу в конце 1884 г., а третью в 1885 г. На самом деле, вторая книга была окончена только к середине 1885 г., предисловие ко II тому помечено 5 мая 1885 г. За расшифровку третьей книги Энгельс принялся в конце февраля 1885 г. и закончил его только в конце июля. В письме Бебелю от 24 июля 1885 г. Энгельс сообщает, что третью книгу в общем он уже продиктовал до конца. Окончательно же том был подготовлен только к концу 1894 г. О причинах такой задержки Энгельс говорит в своем предисловии к III тому «Капитала». Он указывает там, что ему, во-первых, мешало ослабление зрения. Он должен был щадить свои глаза, и это значительно замедляло работу. Затем быстрому ходу работы мешало и то, что Энгельс должен был выполнять массу других неотложных работ: принимать участие в руководстве рабочим движением разных стран, переиздавать ряд работ Маркса и своих, редактировать переводы этих работ на целый ряд языков. Но главная причина того, что подготовка к печати третьей книги «Капитала» потребовала гораздо больше времени, чем подготовка второй, была в самом характере рукописи этой книги: Маркс ее оставил в гораздо менее подготовленном виде. Подробности о работе, которую пришлось проделать Энгельсу как подготовителю третьей книги, читатель найдет в указанном выше предисловии Энгельса.

В подавляющем большинстве своем переписка и настоящего тома — это переписка с представителями рабочего и социалистического движения. Из корреспондентов, которым писал Маркс в конце

70-х — начале 80-х годов, укажем *Ф. А. Зорге, И. Ф. Беккера, В. Либкнехта, Н. Ф. Даниельсона, П. Л. Лаврова*. Тем же лицам писал и Энгельс, а кроме того и ряду других корреспондентов, среди которых на первом месте, по количеству сохранившихся у нас писем, стоят *А. Бебель, Э. Бернштейн, К. Каутский*.

Значительное количество писем, печатающихся в настоящем томе, было уже опубликовано раньше; для настоящего издания все переводы заново сличены с оригиналами и проредактированы. Огромное большинство писем, вошедших в настоящий том, написано Марксом и Энгельсом на немецком языке. С английского переведено 64 письма, с французского — 34 письма и приложение, с итальянского — 2 письма, с голландского — 1. и 1 письмо написано по-русски.¹

В. Адоратский.

21 марта 1935 г.

¹ С английского переведены письма №№ 9, 14, 16, 22, 35, 41, 54, 60, 62, 65, 71, 77, 78, 81, 83, 85, 86, 87, 90, 100, 115, 119, 120, 126, 131, 132, 159, 179, 181, 182, 210, 245, 270, 281, 282, 283, 290, 296, 306, 308, 320, 336, 338, 340, 343, 348, 351, 363, 373, 393, 397, 400, 401, 403, 412, 415, 419, 420, 424, 425, 426, 428, 438, 447.

С французского — №№ 8, 18, 21, 28, 59, 67, 88, 108, 112, 114, 118, 121, 137, 174, 176, 201, 211, 214, 217, 220, 222, 224, 239, 284, 291, 316, 324, 342, 346, 353, 357, 436, 443, 448 и приложение.

С итальянского — №№ 190 и 334.

С голландского — № 104.

По-русски написано письмо № 158.

ПИСЬМА

1878—1887

1878 год.

1.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 11 января 1878 г.

Старый дружище!

Прежде всего — с Новым годом! Желаю, чтобы этот год принес тебе меньше горя и забот, чем прошедший.

Посылка пришла, наконец, несколько дней тому назад. Большое спасибо! «Bulletin Jurassien» я еще полностью не просмотрел. Интересно следить за развалом этой шайки, окончательно оттесненной на задний план нашими победами на выборах 10 января 1877 г. Пусть они теперь интригуют и рычат сколько угодно — им все равно крышка ¹.

Ты получишь по почте перевод на 50 франков; прими их в качестве нашего взноса на «Précurseur». По новым правилам я должен сохранить полученную здесь квитанцию у себя; перевод тебе пришлют, как полагается, из Базеля.

Мы живем не плохо. Маркс чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлые годы; жена его не совсем здорова, но врач обещает успешное лечение, так что ей, собственно, жаловаться не на что.

У вас в Швейцарии, повидимому, дела идут совсем хорошо. Организация рабочей партии — большой успех, а если программа ее кажется господам бакунистам недостаточно радикальной, так на это наплевать. У партии, которая обладает достаточными политическими средствами, чтобы прямо вступить в борьбу, и которая может рассчитывать быстро приобрести значительный вес, как это имеет место в Швейцарии, есть дела поважнее, чем навязывание каждому отдельному участнику своих конечных целей в качестве догмы. Конечно, программа могла бы быть гораздо лучше, но образцом ей

¹ В подлиннике употреблено выражение: «sie sind und bleiben im Arsch».

послужила немецкая программа, которая при объединении была напичкана пустословием.

В Германии также были совершены большие ошибки. В особенности выступление по поводу французского кризиса, выдержанное совершенно в бакунистском духе. И опять-таки в этом случае обнаружилось, насколько Франция в практическом отношении опередила нас. Как ни ничтожны пока результаты, все же там впервые удалось добиться чего-нибудь без насильственного переворота, а применение силы, так скоро после кровавой бани 1871 г., могло привести там лишь к новому подавлению и новому бонапартизму. Теперь же вполне можно рассчитывать на то, что в недалеком будущем рабочие отвоят свободу печати, право собраний и союзов и остальные средства для организации и для борьбы, а это пока все, что им нужно. У них есть возможность разобраться в теоретических вопросах, что очень важно, и когда, наконец, придет пора, они вступят в революцию в виде крепко организованной партии и с определенной программой. К тому же находящийся теперь в полном разгаре процесс дебонапартизации и республиканизации крестьянства является также чрезвычайно благоприятным обстоятельством, и, наконец, решение последовало потому, что рядовой солдат отказался идти в бой, — процесс развала милитаризма начался изнутри и вскоре перекинется в Германию, в особенности если последствия теперешней политики заставят вести армию воевать в пользу русских.

Затем крупной ошибкой в Германии является то, что там позволяют студентам и прочим невежественным «ученым» в качестве научных представителей партии нести перед всем светом невероятную чушь. Впрочем, это детская болезнь, которую необходимо перенести, и именно для того, чтобы сократить ее, я так подробно разобрал это на примере Дюринга.

В остальном и там все идет прекрасно, и если они теперь как следует развернут антирусскую агитацию, то это может оказать очень хорошее действие.

Кстати, Бюфнуар, с которым так носится «Vorwärts», весьма двусмысленная личность. Сперва он был клерикалом, затем недавно в вдохновенных стихах воспевал Гамбетту и не играет никакой роли среди парижских рабочих. Либкнехт тут снова сел в лужу.

Русские, вероятно, поставят такие условия мира, что война будет продолжаться. Их армия не имеет мостов через Дунай и, следовательно, отрезана. Она может беспомощно погибнуть от голода, если погода не станет лучше. А безуспешная война или новые поражения безусловно вызовут революцию в Петербурге. Она начнется

с двора и с конституции, но это будет 1789 г., за которым последует 1793 г. Пусть только в Петербурге соберется национальное собрание — и лицо всей Европы изменится.

Твой старый

Ф. Э.

2.

Энгельс — К. Гиршу

в Монтре.

Лондон, 3 апреля 1878 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Гирш!

Не будете ли Вы так добры передать Лопатину прилагаемое письмо? Мы не знаем, годится ли еще старый его адрес, который у нас есть. Речь идет о статье об осужденных русских для «Календаря» Бракке. «Égalité» мы уже некоторое время не получаем; надеюсь, что с ней ничего не случилось. С закрытием «Bulletin Jurassien» из-за недостатка средств бакунистское хвостовство окончилось самым жалким образом. Приятно видеть, что движение окрепло настолько, что без труда сметает весь этот сектантский хлам. Я пошлю Вам несколько своих статей о движении в 1877 г., помещенных в нью-иоркском «Labor Standard», как только они придут сюда полностью. С Дюрингом я почти покончил. Вы, вероятно, скоро опять найдете в «Vorwärts» кое-что о его «социализме». Этот филистер отнял у меня безобразно много времени, но нельзя было иначе: либо браться как следует, либо вовсе не браться. Эти анархисты — замечательные парни! Великий враг государства Адемар Швитцгелль, правая рука Гильома, который скорее отсечет себе руку, чем положит в урну избирательный бюллетень, — офицер федеральной армии, по словам самого «Bulletin Jurassien».

Сердечный привет всем друзьям, в особенности Гейбу и Мозесу.

Искренне Ваш

Ф. Э.

3.

Энгельс — В. Бракке

в Брауншвейг.

Лондон, 30 апреля 1878 г.

Дорогой Бракке!

Прилагаю квитанцию Листа на 300 марок, которые он, потеряв около 6 марок, обратил по золотому паритету в 15 фунтов, —

вероятно для того, чтобы не быть вынужденным признать монетную реформу Бисмарка.

Мне кажется, что Вы, рассуждая о государственных железных дорогах и табачной монополии, несколько увлеклись и забежали вперед. Не говоря уже о том, что это необычайно усилило бы мощь пруссачества, обеспечив [правительству], с одной стороны, полнейшую финансовую независимость от всякого контроля, а с другой — непосредственное распоряжение двумя новыми армиями, армией железнодорожных служащих и продавцов табачных изделий, с вытекающими отсюда возможностями раздачи должностей и коррупции, — не говоря уже обо всем этом, не следует забывать, что всякая передача промышленных и коммерческих функций в руки государства может иметь в наши дни двоякий смысл и двоякий результат, смотря по обстоятельствам: либо реакционный — шаг назад к средневековью, либо прогрессивный — шаг вперед к коммунизму. Но мы в Германии едва только выкарабкались из средневековья и в настоящий момент еще только собираемся, при помощи крупной промышленности и благодаря краху, вступить в современное буржуазное общество. У нас в возможно большем развитии нуждается именно *буржуазный* хозяйственный режим, который концентрирует капиталы и до крайности обостряет противоречия, особенно на северо-востоке. Экономическое разложение феодальных порядков к востоку от Эльбы является для нас, на мой взгляд, самым неотложным шагом вперед, так же как и разложение мелкого производства, промышленного и ремесленного, по всей Германии и его замена крупной индустрией. В том-то и заключается, в конце концов, единственная положительная сторона табачной монополии, что она одним ударом превратила бы одно из гнуснейших домашних производств в крупную промышленность. Но зато, с другой стороны, против государственных рабочих-табачников тотчас же были бы введены исключительные законы, они были бы лишены свободы союзов и стачек, а это было бы еще хуже. Нет необходимости в том, чтобы имперские железные дороги и табачная монополия были у нас государственными отраслями хозяйства, — для железных дорог, во всяком случае, это *еще* не является необходимым, и только теперь становится таковым в Англии; наоборот, по отношению к почте и телеграфу это *является* необходимым. И за весь ущерб, который причинили бы нам обе эти государственные монополии, мы получили бы в качестве компенсации только новую звонкую фразу для агитационных речей. Ибо государственная монополия, учреждаемая исключительно из финансовых и политических соображений, а не в силу повелитель-

ной внутренней необходимости, не дает нам даже сколько-нибудь порядочного аргумента. К тому же введение табачной монополии и упразднение домашней табачной промышленности потребовали бы, по меньшей мере, столько же времени, сколько еще в крайнем случае может продержаться бисмарковщина. Вы можете быть вполне уверены в том, что прусское государство настолько ухудшило бы *качество* табака и так повысило бы его цену, что сторонники свободной конкуренции с восторгом затрубили бы об этом провале государственного коммунизма и народ поневоле признал бы их правоту. Все это в целом — невежественная фантазия Бисмарка, вполне достойная его плана 1863 г. аннектировать Польшу и онемечить ее в три года.

Если бы я знал, что проект [об отмене] освобождения военных от налогов был уже внесен несколько лет тому назад прогрессистами, я бы отсоветовал Вам выступать с этим предложением. На мой взгляд, защитой *буржуазных* требований мы можем заниматься лишь тогда, когда буржуазные партии сами не выполняют эту свою первейшую обязанность; но, судя по Вашей же речи, этого условия в данном случае не было налицо. Я отмечаю это только из-за ответа Рихтера; я нисколько не отрицаю того, что постановка нами этого вопроса может принести большую пользу пропаганде, но не могу, конечно, судить об этом отсюда со всей категоричностью.

С г. Дюрингом я, наконец-то, покончил, не считая редакции последних статей, и на этом свете я не хотел бы больше поддерживать это приятное знакомство. Какой зазнавшийся невежда! Если и теперь конец не будет напечатан в кратчайший срок, то в этом виноват буду уж не я.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Э.

4.

Марке — 3. Шотту

во Франкфурт-на-Майне.

[Лондон,] 13 июля 1878 г.

Дорогой друг!

Из Германии у меня никаких известий. Особенно хотелось бы знать, получили ли Вы мое письмо, которое я написал тотчас в ответ на Ваше.

Не получаю даже газет, посылаемых на мое имя.

Если Вы не получили моего письма, то на будущее время

пишите, пожалуйста, по адресу (без дальнейших указаний — для кого): Эдвин Виллис, эскв., 40, Maitland Park, Crescent, Лондон, N. W.

Преданный Вам

К. М.

5.

Марке — 3. Шотту
во Франкфурт-на-Майне.

[Лондон,] 15 июля 1878 г.

Дорогой друг!

Ваше письмо я получил в тот самый день, когда отправил Вам окольным путем несколько строк.

В Вашем предпоследнем письме (от 30 июня) нет *никаких* вопросов ко мне, кроме одного: получил ли я посланную мне часть отзывов германской печати о моем первом послании в «Daily News»? Отвечаю: нет.

Мне и во сне не снилось писать «книгу» о г. Бухере. За ним еще долг: ответ на мои «30» строк¹. У меня нет ни времени, ни повода доставлять вместо него те «3 000» строк, которые он считает необходимыми. Эту басню распустил лондонский корреспондент «Vossische Zeitung». Это, насколько мне известно, д-р Элларт Бискамп, известный прохвост. На этот раз, однако, его скверная шутка удалась.

По состоянию здоровья мне необходимо поехать в Карлсбад. Но г. Бисмарк, которого так тянуло в Киссинген, этого не хочет. *Что делать?*² (que faire?) — как говорят русские. Придется выбрать в крайнем случае один из британских морских курортов, еще не находящихся под опекой спасителей общества из нового Священного союза. Жена моя серьезно больна, и ей придется, повидимому, ехать в Карлсбад; пожалуй, экс-благородную экс-баронессу фон-Вестфален не сочтут контрабандой.

Надеюсь, что путешествие принесет Вам пользу. Если Вы задержитесь где-нибудь подольше, то напишите мне оттуда. Возможно, что мне придется прислать Вам свою английскую статью (еще не напечатанную), которая, однако, совершенно не затрагивает дорогого Fatherland [отечества], как его называют англичане.

С наилучшим приветом Ваш

Карл Маркс.

¹ См. т. XV, стр. 426.

² В подлиннике написано по-русски.

6.

Энгельс — О. Шмидту

в Страсбург.

[Черновик.]

[Лондон, около 18 июля 1878 г.]

Милостивый государь!

Во вчерашнем номере «Nature» я увидел извещение о том, что на съезде естествоиспытателей в Касселе Вы будете делать доклад «Об отношении дарвинизма к социал-демократии».

То, что представители дарвинизма в Германии не смогут уклониться от необходимости занять определенную позицию по отношению к социалистическому мировоззрению, социалисты предвидели уже задолго до дружеского жеста г. Вирхова. Какова бы ни была занятая ими позиция, она может лишь послужить к прояснению положения и просветлению умов. Зато для обеих сторон желательно, чтобы это было сделано вполне компетентными людьми.

Для того чтобы содействовать этому со своей стороны, я беру на себя смелость послать Вам по почте экземпляр только что вышедшей моей работы «Переворот, произведенный в науке г. Дюрингом». Я, между прочим, сделал там попытку изложить в общих чертах отношение научного социализма к установкам современного теоретического естествознания вообще и специально к дарвиновской теории. Места, относящиеся к дарвинизму, отмечены.

В свое время я буду иметь честь подвергнуть Ваш доклад со своей точки зрения той беспристрастной критике, которая единственно достойна свободной науки и которую должен приветствовать всякий научный деятель, даже если она направлена против него самого.

7.

Энгельс — Ф. Паули

в Рейнау.

Лондон, 30 июля 1878 г.

Дорогой Паули!

Надеюсь, что сегодня наши выполнят свой долг, как мы, судя по всему, в праве ожидать. После того как Бисмарк затеял колоссальную глупость, пожелав использовать всю стрельбу для того, чтобы свалить либералов, причем социалисты послужили ему лишь в качестве предлога, мы можем теперь не без удовольствия наблюдать потасовку среди самих героев порядка. Я не понимаю Бисмарка;

его «нервы», должно быть, окончательно отказались ему служить вместе с последними оставшимися у него крохами рассудка. Пусть он не замечает того, что вся его бонапартистская игра заключается в том, чтобы поочередно использовать рабочих против буржуа и буржуа против рабочих, надувая и тех и других, — это еще куда ни шло, но чистейшее безумие, когда он хочет разгромить либералов, — тех самых либералов, которые являются его единственной защитой против открыто феодального ортодоксально-реакционного двора, — этих соглашателей: «мы ведь все равно собаки», которых стоит лишь чуточку приласкать, чтоб они стали лизать ногу, дающую им пинок в зад. Ведь этим самым он окончательно отдает себя в руки людей реакции, тех самых людей, которых он предавал и преследовал и которые его смертельно ненавидят. И это называется «государственный деятель»! И это ничтожество хочет разгромить социалистов при помощи такой политики, которая не может принести пользы никому, кроме социалистов! Если бы мы оплачивали этого простака, то и тогда он не мог бы лучше работать на нас. К тому же он до самого последнего дня оттягивает сессию рейхстага, чтобы травля социалистов успела остыть, буржуа имели бы время устыдиться своей подлой клеветы, а партии порядка так крепко вцепились бы друг другу в волосы, что их стало бы невозможно разнять никакими силами. И в то время как снизу так обильно удобряют корни социализма, его думают погубить тем, что в сентябре подрежут сверху несколько отростков! Мой милый Бисмарк, *casatum non est flictum* [нагадить — не значит сокрушить].

Благодарю за газету; вся эта шумиха на три четверти чистейший вымысел лондонской газеты (д-ра Юха, совершенно опустившегося, старого нищего-пропойцы, и владельца типографии Швейцера, которого поколотили во время демонстрации против кронпринца, но он из трусости не посмел пожаловаться). Этот листок *жселает* продаться рептильному фонду, но фонд этот уже имеет здесь свою газету в лице «*Hermann*» и не собирается дважды платить за одно и то же. Правда только то, что несколько остолопов немецкого происхождения, тоже сильно опустившихся, поднимают большой шум в двух союзах и, пользуясь происшедшей в Берлине стрельбой, хотят изображать здесь представителей рабочих всех стран. Маленький Эрхардт из Маннгейма из тщеславного желания играть роль также поддался искушению и присоединился к этой шайке. Теперь они, кажется, уже в третий раз на протяжении четырех лет провозглашают себя Международным центральным советом пролетариата. Когда поднятый ими шум и бумагомарание дойдут до

известного предела, мы будем вынуждены открыто разоблачить этих господ, чтобы не подумали, будто мы поддерживаем эту дурацкую затею. Реакция безусловно заинтересована в распространении таких слухов.

На путешествие в Германию в этом году виды плохи, даже если вопрос не осложнится еще более политическими препятствиями. Я буду рад, если мне удастся отвезти жену недели на две на ближайший морской курорт. Пока об этом думать не приходится. Всю прошлую неделю она почти не вставала с постели. Положение *очень серьезно* и может привести к весьма дурному исходу. Г-жа Маркс также нездорова — она страдает печенью и желудком, и лучший здешний специалист сказал ей, что окончательно излечить ее болезнь нельзя, а можно только сделать ее терпимой. Какой курорт ей будет предписан, мы еще не знаем. Маркс чувствует себя сравнительно хорошо для этого времени года. Его старшая дочь снова родила мальчика. Мы все поздравляем тебя с твоим «номером 8». Если г-жу Маркс не пошлют на континент, то в этом году у вас вряд ли будут отсюда гости.

Пумпе ленится писать, как всегда, если не больше. Но во всех других отношениях манчестерская школа пошла ей очень на пользу.

Сердечный привет от всех нас тебе, твоей жене и детям.

Твой Ф. Энгельс.

8.

Энгельс — П. Лаврову

в Париж.

Лондон, 10 августа 1878 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой г. Лавров!

Надеюсь, что Вы получили экземпляр моей брошюры против Дюринга, которую я отправил Вам вчера. Я бы давно уже послал ее, если бы у меня был Ваш теперешний адрес. Я писал Смирнову, 4 Lower Charles st., а затем Лопатину, 6 Rue Linné, чтобы узнать Ваш адрес, но ни тот, ни другой не ответили мне. Не можете ли Вы мне сообщить, куда следует отправить экземпляр, предназначенный Лопатину? Его молчание нас несколько беспокоит, потому что предыдущее письмо, посланное по тому же адресу, было переправлено ему в Швейцарию, где он предполагал оставаться, как он мне сам писал, только до июня месяца, а после этого в «Начале» писали, что он *арестован в России*. Хотя в этом известии

имеются хронологические несоответствия, однако его молчание нас тревожит.

Вы, вероятно, уже заметили, что немецкие дарвинисты в ответ на призыв Вирхова решительно ополчились против социализма.

Геккель, брошюру которого я только что получил, ограничивается тем, что в общих выражениях говорит о безумных социалистических учениях, но г. Оскар Шмидт из Страсбурга собирается нас разделать во-всю на съезде естествоиспытателей в Касселе. Напрасный труд! Если реакция в Германии будет развиваться беспрепятственно, то первыми жертвами после социалистов будут дарвинисты. Впрочем, независимо от чего бы то ни было, я буду считать своим долгом ответить этим господам. Мы во всяком случае имеем все основания быть довольными этим событием, как и вообще всем, что совершается. Г-н Бисмарк, который в течение семи лет так работал в нашу пользу, как если бы мы за это ему платили, теперь, повидимому, уже не может сдерживать своих усилий ускорить наступление социализма. «После меня хоть потоп» — не удовлетворяет его; он добивается наступления этого потопа еще при жизни, — да свершится воля его! Боюсь только, что он работает чересчур усердно и потоп наступит раньше положенного срока.

Ваш Ф. Энгельс.

9.

Маркс — Дж. Риверсу

в Лондон.

[Лондон,] 24 августа 1878 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь!

Лондонский корреспондент берлинской «Vossische Zeitung» позволил себе скверную шутку, заявив, будто бы я написал книгу «Господин Бухер». Ложный слух тотчас же распространился по Германии, и прусская полиция сделала все возможное, чтобы подтвердить его, произведя обыски в ряде книжных магазинов, намереваясь захватить экземпляры «Господина Бухера». Итак, «Господин Бухер» — просто мистификация.

Вы меня очень обяжете, прислав каталоги имеющихся у Вас американских изданий и подержанных книг.

Преданный Вам

Карл Маркс.

10.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 4 сентября 1878 г.

Дорогой Зорге!

Сегодня уезжаю для восстановления здоровья в Мальверн, где пробуду три недели (адрес: д-р Карл Маркс, Malvernburg, Great Malvern). Моя жена там уже несколько недель, она очень нездорова; да и маленький мой внук перенес очень тяжелую болезнь. Все эти неприятности объяснят тебе, почему я не написал раньше.

Относительно Дуэ я с тобой вполне согласен: не давай ему «Капитала».

Очень благодарен за твои хлопоты по поводу «Philadelphia Papers» и «Extract» Вейдемейера.

И я и Энгельс получили свои экземпляры своевременно. Для Англии это не годится, хотя бы уже из-за бесчисленных опечаток; кроме того, некоторые места перевода для Англии неудовлетворительны. Но я имею в виду (по моем возвращении) выпустить для Лондона исправленное издание, причем я напишу краткое предисловие, а книга выйдет под именем Вейдемейера, если вы, конечно, согласитесь на это.

Г-н Бисмарк хорошо работает на нас.

Привет.

Твой верный друг

Карл Маркс.

Надеюсь в скором времени получить более радостные вести о состоянии твоего здоровья. Моя жена просит передать тебе свой сердечный привет.

11.

Энгельс — Р. Энгельсу

в Энгельскирхен.

Лондон, 12 сентября 1878 г.

Дорогой Рудольф!

Сегодня днем в половине второго моя жена тихо скончалась после долгих страданий. Накануне вечером мы сочетались законным браком.

Мне предстоят всевозможные экстренные расходы, и так как в банке на моем счету мало денег, то вы очень обязали бы меня, если бы как можно скорее срочно перевели мне около 200 ф. ст.

Твой Фридрих.

12.

Энгельс — Ф. Лесснеру

в Лондон.

[Лондон,] 12 сентября 1878 г.

В 1 ч. 30 м. дня.

Дорогой Лесснер!

Смерть только что избавила мою бедную жену от ее долгих страданий.

Вина я тебе послать не могу, но ты можешь в любой момент прислать за ним.

Твой Ф. Э.

13.

Энгельс — Г. Арнольдту

в Кенигсберг.

[Черновик.]

[Лондон,] 21 октября 1873 г.

В ответ на Ваше уважаемое письмо от 18-го, выражаю готовность временно взять на хранение упомянутые документы. Но так как у меня нет несгораемого шкафа, я, понятно, не могу взять на себя никакой ответственности в случае пожара или кражи и прошу Вас точно оговорить это в сопроводительном письме. Относительно дальнейшего можно будет списаться позднее. Указанные документы я буду хранить не менее тщательно, чем свои собственные такого же рода.

14.

Марке — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 15 ноября 1878 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой г. Даниельсон!

Сегодня я получил Ваше письмо от 28 октября. Письма, на которое Вы ссылаетесь, я вовсе не получил. Возможно, что оно было перехвачено германскою почтою или просто затерялось: прусское правительство до такой степени тормозит своих почтовых чиновников, что много писем «исчезает» неизвестно куда, просто из-за беспорядка. На самом деле, последнее письмо, которое я имел честь получить от Вас, было помечено 7 марта 1877 г.

То, что я прекратил Вам писать, было просто результатом предостережений, полученных мною недавно от моих друзей, проживающих в России, которые просили меня перестать на некоторое время писать им, так как мои письма, несмотря на их невинное содержание, могут причинить им неприятности.

По поводу второго издания «Капитала» позволю себе сделать следующие указания:

1) Я желал бы, чтобы *разделение на главы* — то же относится и к их *подразделам* — было сделано по французскому изданию.

2) Чтобы переводчик постоянно и тщательно сверял второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, упрощать (*aplatir*) изложение при переводе его на французский язык).

3) Я нахожу полезным сделать некоторые изменения и постараюсь подготовить их не позже, как через неделю, чтобы иметь возможность выслать их Вам в следующую субботу (сегодня у нас пятница).

Как только *второй том* «Капитала» будет сдан в печать, — но это едва ли случится ранее конца 1879 г., — Вы будете получать корректурные оттиски, как Вы просили.

Я получил из Петербурга несколько печатных произведений, за которые Вам очень благодарен.

Из полемики *Чичерина* и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая — кажется, Михайлова¹, — обе в «Отечественных Записках», написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, Жуковскому). Профессор Ковалевский, находящийся здесь, говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживленную полемику.

Английский кризис, который я предсказывал на стр. 354 французского издания (примечание), наконец разразился в течение этих последних недель. Мои друзья, теоретики и просто деловые люди, просили меня в то время выбросить это примечание, потому что оно казалось им недостаточно обоснованным, — до такой степени они были убеждены, что кризисы в Соединенных Штатах Америки, в Германии и Австрии должны, так сказать, разрядить («*escompter*») английский кризис.

Первой страной, где дела пойдут вновь по *восходящей* линии.

¹ Н. К. Михайловского.

будут *Северо-Американские Соединенные Штаты*. Только улучшение наступит здесь при совершенно изменившихся условиях, и притом изменившихся к худшему. Народ тщетно будет пытаться освободиться от монополизирующей силы и (поскольку дело идет *непосредственно о благополучии* масс) от губительного влияния крупных компаний, держащих в своих руках промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги и финансы, которые разрастаются все более и более ускоренными темпами со времени гражданской войны. Лучшие американские писатели открыто провозглашают как неопровержимый факт, что хотя война за освобождение рабов и разбила цепи негров, зато, с другой стороны, она поработила белых производителей.

Я считаю, что наиболее интересный объект для исследователя-экономиста представляют теперь именно Соединенные Штаты, и в особенности период от 1873 (со времени сентябрьского краха) до 1878 г., т. е. период хронического кризиса. Те перемены, которые потребовали в Англии для своего осуществления целых столетий, произошли здесь в течение каких-нибудь нескольких лет. Но исследователь должен обратить свое внимание не на более старые, приатлантические штаты, а на более новые (из которых *Огайо* представляет поразительнейший пример) и на самые новейшие (как, например, на Калифорнию).

Многие глупцы в Европе, воображающие, что корень зла кроется в теоретиках, вроде меня и других, вынесли бы хороший урок из чтения *официальных* американских отчетов.

Вы очень обязали бы меня сообщением некоторых сведений о нынешнем состоянии русских финансов, которыми Вы, наверное, располагаете, как занимающийся банковским делом.

Преданный Вам

А. В[ильямс].

15.

Энгельс — Э. Дронке

в Ливерпуль.

[Черновик.]

[Лондон,] 19 ноября 1878 г.

Дорогой Дронке!

Я написал тебе в начале этого месяца с целью сообщить о полученном мною официальном разъяснении о том, что полис, переданный мне тобою в виде обеспечения, не представляет собой никакой

гарантии, пока г-жа Дронке не передоверит его мне, и что поэтому я поручил моим поверенным составить соответствующий документ.

10-го я известил тебя, что документ вручен нотариусам Уитли и Меддок, 6 Water st., Ливерпуль, и просил тебя зайти и ознакомиться с ним.

Я не получил от тебя ответа ни на одно из этих сообщений, а теперь меня известили, что до 17-го ты к Уитли и Меддоку не обращался.

Поскольку почта не вернула ни одного из моих писем, полагаю, что они дошли до тебя. Все же, для большей верности, я просил Уитли и Меддока переслать это письмо тебе на дом. Излишне повторять, что если указанные документы не будут подписаны и вручены мне самое позднее 23-го с. м. утром, я откажусь от очередного платежа.

Твой Ф. Э.

16.

Марке — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 28 ноября 1878 г.

Дорогой г. Даниельсон!

Три посланные Вами книги я получил и очень благодарен за них. Мои русские друзья уже подготовили мешя к тому, чтобы ожидать от Чичерина довольно слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, незнаком с самыми начатками политической экономии и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины.

На прошлой неделе я не имел возможности взяться за просмотр «Капитала». В настоящее время я уже справился с этим делом и нахожу, что — за исключением тех изменений, которые должны быть сделаны переводчиком после сличения второго немецкого издания с французским, — необходимо будет внести еще лишь очень немного новых изменений, которые следуют далее в этом письме.

Два первых раздела («Товар» и «Деньги») и «Превращение денег в капитал» следует переводить исключительно по немецкому тексту. На стр. 86 немецкого издания¹, строка 5 снизу, должно быть:

¹ Русский перевод, изд. ИМЭЛ (1934 г.), стр. 125.

«И на самом деле стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация частичного количества общественного труда, которое затрачено на производство совокупного количества аршин».

В главе XVI французского издания (в главе XIV немецкого издания этого нет) прибавленный пункт о Д. С. Милле (стр. 222¹, столбец II, строка 12 снизу) следует читать: «Я предполагаю везде, — говорит он, — современное положение вещей, господствующее и т. д. — там, где капиталисты и рабочие суть раздельные классы». Следующие две фразы: «Удивительный оптический обман — видеть повсюду состояние, которое до сих пор господствует на земном шаре лишь в виде исключения. Однако пойдем далее.» — надо вычеркнуть, а следующую фразу читать таким образом: «Милль так добр, что допускает, что «нет абсолютной необходимости, чтобы так было» даже в экономической системе, где капиталисты и рабочие суть раздельные классы».

Кризис и вытекающие из него прекращение работ, закрытие фабрик и банкротства продолжают свирепствовать в промышленных графствах; но здесь, в Лондоне, чтобы не пугать широкую публику, газеты употребляют все усилия, пытаясь замаять эти неприятные, но неопровержимые «инциденты». Поэтому человек, читающий только финансовые статьи лондонских газет, может получить лишь самые скудные сведения о происходящем.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

17.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 12 декабря 1878 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

Всем нам очень больно слышать, что тебе так плохо живется. Чтобы поскорее оказать тебе некоторую помощь, я послал тебе по почте 2 ф. ст. По здешним сведениям, по переводу должны выплатить 50 фр. 40 сант. Мне сказали, чтобы я сохранил квитанцию у себя, так как тебе будет послано извещение швейцарской почтой из Базеля. В противном случае сделай об этом заявление. Я постараюсь в ближайшее время достать для тебя еще немного денег.

¹ Русский перевод, стр. 577 — 578.

Насколько мне удалось узнать, здесь едва ли возможно будет устроить тебя представителем какой-нибудь фирмы. С тех пор как я вот уже 10 лет не занимаюсь делами, мои коммерческие связи понемногу заглохли сами собой; когда перестаешь быть барышником, эти господа теряют к тебе всякий интерес. Я попытаюсь все же обратиться еще кое к кому, но обещать тебе пока ничего не могу.

Что же касается «Précurseur», то я на твоем месте не стал бы тратить ни гроша на газету, если она сама себя не окупает. Не понимаю, почему ты должен жертвовать собой ради женевских рабочих и их местной женевской политики. Если они хотят иметь газету, пусть они сами за нее и платят. Вполне достаточно и того, что ты вкладываешь в это дело так много труда и усилий. После всех принесенных тобою жертв ты имеешь полное право созвать эту публику и заявить им, что ты платить больше не можешь, и если они хотят сохранить газету, то сами должны доставать на это средства.

Сегодня здесь получена телеграмма о том, что Союзный совет собирается закрыть «Avant-garde» благородного Гильома. Не знаю, верно ли это, но если так или иначе исчезнет последний бакунистский орган, то «Précurseur» тем более можно будет ликвидировать, в случае если женевцы не раздобудут на него средств.

Боркгейм все еще в Гастингсе на взморье. У него парализована левая половина тела, и если он и поправится, то очень не скоро. Вообще же он, повидимому, чувствует себя довольно бодро и время от времени пишет.

«Дюринга» пруссаки мне теперь тоже благополучно запретили. В Германии нельзя продавать ничего, что написано против интриганов, выдающих себя за социалистов. Так, например, запрещены все направленные против бакунистов статьи Грейлиха, мои и т. д. Бисмарк рассчитывает, что происки анархистов и дюрингианцев сумеют расшатать спаянность наших товарищей и приведут к тому, чего ему больше всего хочется, — к попытке путча, и ему тогда можно будет *стрелять*. Несмотря на все это, наши рабочие в Германии ведут себя великолепно, и я надеюсь, что о них разобьется вся Германская империя. Но одного Бисмарк добьется: если заварится каша в России, — а этого ждать уже недолго, — то и Германия окажется достаточно созревшей для переворота.

Сердечный привет от Маркса и его жены.

В надежде получить от тебя вскоре лучшие вести твой старый

Ф. Э.

18.

Маркс — А. Таландьо

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон,] 1878 г.

Когда «Marseillaise» от 6 октября случайно, — что я могу доказать, — попала, наконец, в руки г. Барри, он тотчас же написал ответ *на английском языке* и попросил меня перевести его на французский. Я со дня на день откладывал выполнение этого поручения, по причинам, которые станут Вам понятны после того, как Вы прочтете это письмо. Г-н Барри не мог изложить всех фактов:

- 1) не скомпрометировав Гирша, судьба которого еще не была решена;
- 2) не скомпрометировав шурина Гирша, который находится еще в Париже;
- 3) не ссылаясь при этом на меня, чтобы не втянуть меня из-за этого в публичную полемику с Вами;
- 4) не затронув известных лиц, упомянутых в Вашем письме;
- 5) не продемонстрировав недобросовестность «Marseillaise».

На мой взгляд, сейчас момент не подходящий для того, чтобы радовать реакционеров подобным скандалом. С другой стороны, г. Барри имеет законное право защищаться. Вот какова дилемма. Я видел лишь один возможный выход из положения: приезд Гирша в Лондон (куда, как он мне сообщил, он приедет в случае его высылки из Франции). Тогда — поместить в «Marseillaise» несколько строк, которые никого не скомпрометируют.

Наконец г. Барри потерял терпение, и так как он прекрасно понимал мои возражения против опубликования его ответа (который в случае надобности был бы напечатан в одной из швейцарских газет), то мы договорились, что:

- 1) его ответ временно останется у меня на хранении,
- 2) я попытаюсь уладить дело, написав Вам.

Теперь перехожу к существу вопроса.

Факты.

1) «Социал-демократический клуб» (который был секцией *Интернационала*, пока существовала эта организация), помещающийся на 6, Rose street, Soho, состоит из двух секций, немецкой и английской. Первая из них избрала своим представителем на конгрессе

г. Эрхардта, вторая — г. Барри. В Лондоне распространился слух о том, что, ввиду полицейского запрещения, конгресс состоится в Лозанне.

Вот копия мандата г. Барри (оригинал его хранится у меня): «*Социал-демократический рабочий клуб*», 6, Rose street, Soho square.

Английская секция. Лондон, 31 августа 1878 г.

Граждане! Предъявитель сего мандата, гражданин Мальтман Барри, является представителем Английской секции Социал-демократического клуба в Лондоне.

В бюро Социалистического конгресса. Лозанна. Швейцария. *Фр. Рити. Секретарь. Английская секция. Социал-демократический клуб*».

Далее, по возвращении г. Барри ему было предложено письмом секретаря *Рити* отчитаться перед клубом.

Таким образом, вполне доказано, что г. Барри был делегирован социал-демократическим обществом, а не «международной полицией», как Вы, несколько «легкомысленно», пытаетесь внушить.

Каковы же те серьезные факты, которые дают Вам право «распространять столь ужасное обвинение» в том, что г. Барри «был послан этими людьми» (т. е. международной полицией)?

Эти факты ни на чем не основаны, т. е. основаны на рассказах весьма подозрительного субъекта, некоего *Шумана*, сообщенных Вам по секрету тайком от г. Барри.

И Вы находите странным, что г. Барри не отвечал публично на обвинения, тайком выдвинутые против него?

Но вернемся на минуту к Шуману. Возвратившись в Лондон, он не находит ничего лучшего, как спешно направить письмо в «*Standard*», торийскую и бонапартистскую газету, объявившую о его благополучном освобождении.

Затем этот субъект, до тех пор мне совершенно не известный, явился ко мне под вымышленным предлогом. Когда я обрушился на него по поводу его сплетен, повторенных в Вашем письме, он заявил: «Но г. Таландые напрасно это напечатал; я определенно ему заявил, что повторяю лишь слухи и что лично я ничего о Барри не знаю» и т. д.¹

¹ Зачеркнуто: «Я со своей стороны очень хорошо знаю, откуда идут все эти сплетни о г. Барри. Их распускают несколько интриганов, принадлежащих к вашей так называемой «Международной рабочей лиге», которая на самом деле и не международная и не рабочая лига. Они злобствуют против»

Затем г. Шуман, по своей собственной инициативе попросил у меня адрес Барри, чтобы извиниться перед ним. В действительности же он этого не сделал. Напротив, он конфиденциально сообщил одному эмигранту, о связи которого со мной он не знал, будто в разговоре с ним Маркс также отзывался о Барри, как о шпионе.

После всего этого нет больше необходимости говорить о *честности* Вашего клиента и поручителя. Впоследствии я получил о нем сведения, которые направляю в Копенгаген.

Вы спрашиваете в Вашем письме, «каким образом г. Мальтман Барри... пишет в «Marseillaise». Да очень просто: Гирш, на имя которого я дал г. Барри рекомендательное письмо, ввел последнего в «Marseillaise» и представил г. Марэ. По своем возвращении в Лондон Барри отправил шурина Гирша *написанное по-английски письмо*, указав на несвоевременность опубликования этого письма в «Marseillaise». Шурин Гирша счел это письмо полезным для Гирша, перевел его на французский язык и сам отдал его в редакцию «Marseillaise».

Опубликовав Ваши разоблачения без всяких комментариев, газета совершила недопустимый поступок, который можно объяснить лишь Вашим письмом к г. Анри Марэ, помещенным в том же номере газеты. В особенности это недопустимо, если принять во внимание, что Вы — личный друг г. Брэдло, состоящий с ним в переписке, и личный враг г. Барри и покойного *Интернационала*.

2) Далее Вы говорите, что Барри в своем письме в «Marseillaise» жалуется на то, что «французская полиция не арестовала его», и Вы добавляете: «но упомянутый гражданин Гирш не жалуется на то, что его не арестовали» и т. д., создавая, таким образом, у читателей впечатление, что Вы говорите от имени Гирша. Но в письме ко мне от 14 октября гражданин Гирш, после своего освобождения, называет Ваше письмо низостью и утверждает, что он о нем ничего не знал. Между прочим, Вы забыли, что Барри был не единственным англичанином, делегированным на конгресс, а их было по меньшей мере дюжина, причем ни один из них не был арестован французской полицией. «Vorwärts», центральный орган германской социалистической партии, прекрасно понял смысл этого места в письме Барри, заметив, что французское правительство, желая доставить удовольствие г. Бисмарку, арестовало Гирша и пр., но не посмело довести свою

Барри, потому что на *Международном конгрессе в Гааге (1872 г.)* он выразил мнение огромного большинства Генерального совета против этих господ, и т. д.»

любезность до того, чтобы посягнуть на англичан. Впрочем, действуя все время заодно с шурином Гирша, г. Барри высказал без обиняков свое мнение г. Жиго, а так как последний возбудил судебный процесс на основании этих переговоров, то Вы можете навести справки в официальном источнике по поводу интимных отношений г. Барри с французской полицией.

Я забыл, однако, что к вящей славе «тех, кто вами управляет», Вы хотите представить французскую полицию не членом «международной полиции», а жертвой последней. Республиканские власти поняли дело иначе; они принесли свои извинения шурину Гирша со ссылкой на то, что «те, кто нами управляет», обязаны относиться с уважением к «властям соседней державы».

Другая Ваша жалоба, продиктованная чувствительной совестью г. Шумана, заключается в том, что г. Барри подвизался в Париже в качестве «корреспондента «Standard», английской торийской и *бонапартистской* газеты».

Назвать «Standard» «бонапартистской» газетой можно только в шутку. До тех пор пока Луи Бонапарт оставался полезным союзником, которого Англия могла использовать, «Standard» льстил ему, но не в столь отвратительной форме, как «Times», и не так наивно, как делали это Брайт и Кобден, которые были в то время вождями английских радикалов, и «Standard» никогда не продавался Бонапарту подобно либеральной «Daily Telegraph». Сейчас — опять-таки в интересах Англии — «Standard», как и почти вся английская пресса, по отношению к Франции обратилась в «умеренного» и даже «оппортунистического» сторонника республики.

Остается, таким образом, еще эпитет «торийская». Заметьте, пожалуйста, что эта торийская газета не прекращает нападков на новый союз и его вождя, г. Бисмарка, тогда как «Times» служит ему официозом, как он это сам заявил в германском рейхстаге. А вот, между тем, г. Эккарнус, один из делегатов так называемого «Международного рабочего союза», к которому принадлежат Шуман и г. Брэдло, подвизался на Парижском конгрессе в качестве корреспондента «Times». Почему же г. Барри не быть корреспондентом «Standard»? Вы достаточно долго прожили в Англии, чтобы знать, что английский рабочий класс (это, впрочем, без сомнения его вина) не располагает ни одной газетой и принужден поэтому во время рабочих конгрессов и т. д. прибегать для своей информации к помощи газет своих хозяев, вигов или ториев, и что в обоих случаях он не может брать на себя ответственности за мнения, высказываемые как теми, так и другими. Вы достаточно долго жили в Англии, чтобы Вам

не нужно было снабжать политические отношения Англии этикетками, заимствованными из словаря французских партий. Иначе, я уверен, Вы никогда не согласились бы занять пост английского государственного чиновника.

При данных обстоятельствах это было бы предосудительно лишь в том случае, если бы по примеру великого республиканца Канпера, корреспондента «*République Française*», Вы посвятили книгу его королевскому высочеству, герцогу Кембриджскому.

Приступаю, наконец, к последнему пункту Вашей филиппики. Еще одно очень важное обстоятельство. В течение недели г. Барри не соизволил ответить на одну из никчемных статей, опубликованных г. Брэдли в «*National Reformer*»!.. Но для этого имеются смягчающие обстоятельства.

Г-н Барри потому так мало беспокоился по поводу статей г. Брэдли от 22 и 29 августа, что он еще 13 июля поместил в «*Spectator*» статью за своей подписью, в которой он подробно изложил линию поведения, которой он придерживался во время борьбы между английскими партиями, вызванной восточной войной. Он позаботился о том, чтобы «распространить» эту статью, перепечатав ее в виде листовки.

Рассудить г. Барри с г. Брэдли — дело их соотечественников, потому что, заметьте, статьи в «*National Reformer*» от 22 и 29 августа были лишь попыткой снова «освежить» эту историю. Соотечественники же рассудили — 22 июля. В этот день в Лондоне состоялся большой публичный митинг, созданный Социал-демократическим клубом в защиту германской социал-демократической партии против Бисмарка. Все газеты поместили отчеты об этом митинге и отнюдь не скрывали от публики, что председателем этого митинга был г. *Мальтман Барри*.

Я совершенно не касаюсь позиции различных партий во время восточной войны. Если все те, кто не последовал по пути, предназначавшему г. Брэдли, а также «*L'Homme Libre*», оказались под подозрением в причастности к какой-либо полиции, я сильно опасаюсь, что огромное большинство социалистов Европы и Соединенных Штатов разделит участь г. Барри. Но мы могли бы оспаривать компетентность судилища, которое нам представляется виновником создания нового Священного союза. Г-н Барри, не придавая ни малейшего значения наглости г. Брэдли, имел для этого еще особое основание — резолюцию, принятую в 1871 г. членами большинства бывшего *Генерального совета Интернационала*.

Затем, г. Барри мог пренебрегать г. Брэдли до тех пор, пока

последний не *опровергнул* публичные разоблачения Генерального совета относительно 1) близости редактора «National Reformer» с Плон-Плоном и другими бонапартистами обоего пола ¹, 2) клеветы на коммунаров, находившихся в Лондоне, которую он черпал из грязных источников — из бонапартистских и бульварных газет.

Во всяком случае Вы знаете теперь, что Ваше письмо против г. Барри ни на чем не основано. От Вас требуется только одно — опубликовать в «Marseillaise» заявление в несколько строк, устанавливающее, что, получив необходимые разъяснения, Вы берете Ваше разоблачение обратно.

Привет.

Преданный Вам

Карл Маркс.

¹ Зачеркнуто: «Гражданин Леблан мог бы дать Вам кое-какие сведения на этот счет. Наконец, о его встречах с бонапартистами в Париже было в свое время сообщено в одной из лондонских газет, когда Лонге, Серрайе и другие французские эмигранты публично осуждали этого человека, который осмеливался повторять подлости бонапартистской прессы и бульварных газет против эмигрантов-коммунаров, когда его публично поносили из-за его нападок на Интернационал даже такие люди, как Хэйлз, Юнг и др., которые сейчас в одной компании—в так называемой Международной рабочей лиге. Помня это, г. Барри мог обойтись без того, чтобы обращать внимание на никчемные статьи».

1879 год.

19.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 30 января 1879 г.

Старый дружище!

Едва ли нужна была твоя открытка, чтобы заставить меня действовать в твоих интересах. От одного моего приятеля в Манчестере я получил 1 фунт для жертв исключительного закона. Я не нахожу лучшего применения этим деньгам, как отдать их тебе, причем я присоединяю еще 1 фунт. Ты получишь из Базеля перевод на 50 фр. 40 сант. на следующий же день по получении настоящего письма. Квитанция у меня. В дальнейшем сделаю все что возможно.

С представительствоm ничего не выходит. Дела здесь отвратительны, и никто не хочет что-либо предпринимать.

Что касается «*Procurseur*», то я на твоем месте раз навсегда заявил бы женеvцам, что не в состоянии нести *какие бы то ни было* расходы на газету. Это прямо позор. Мало того, что ты берешь на себя бесплатно весь труд и хлопоты, ты еще должен платить деньги. Но женеvцы всегда были таковы. Со времени кальвиновского предопределения они всегда считали себя избранным народцем, которому жареные голуби сами должны лететь в рот. Так было с «*Égalité*», для которой Утин должен был доставать деньги и работников; то же самое было и при большой забастовке каменщиков, когда деньги должен был доставать Интернационал. Но когда забастовки происходили в других местах, то у женеvцев напрасно просили помощи.

Очень позабавило нас известие о том, что великий Гильом в ахиллесовом гневе удалился во-свояси. Так и должно было случиться. Анархисты не были достойны своего имени, пока не создавалась анархия в их собственной среде. Гильом все же был последователем великого Бакунина, но когда такой сопляк, как Брусс, захотел перевернуть мир, — это уж совсем уморительно.

Мост издает здесь теперь газетку «Freiheit» для Коммунистического рабочего союза, которая пока хорошо расходуется. Мы желаем ему всяческого успеха, но, разумеется, не имеем к этому никакого отношения и не несем никакой ответственности за ее содержание.

Германия быстро катится по наклонной плоскости. Пинок рейхстагу — это последняя и самая лучшая новость. Пусть только так продолжается, и если к тому же налоги будут все увеличиваться, то бравый Бисмарк еще дождетя кое-чего от своих мещан, которые и без того достаточно быстро разоряются. Для нас, если не говорить о неизбежных страданиях, которые выпадают на долю отдельных лиц, ничто не может быть полезнее того, что теперь происходит. Все зло, которое Бисмарк мог причинить *нам*, он уже сделал; то, что он делает теперь, задевает наших противников, прогрессивную мелкую буржуазию, а со временем заденет также и либеральную крупную буржуазию.

Итак, вперед! А между тем, в России дела идут прекрасно, и это главное. Если там произойдет взрыв, то и Вильгельму придется складывать пожитки.

Твой Ф. Э.

20.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 1 марта 1879 г.

Дорогой Либкнехт!

Мы еще раз попытались через Барри войти в соглашение с «Westminster Review», по крайней мере относительно отчетов о рейхстаге, но этот осел настаивал на том, чтобы статьи подписывались, и нам пришлось ему напрямик отказать и отпустить его на все четыре стороны. Переговоры затянулись, а до получения положительного или отрицательного ответа сообщать было, разумеется, нечего.

Бреславльские выборы здесь тоже произвели сильное впечатление. Но еще более сильное впечатление производит то, что Бисмарк сам быстрыми шагами идет к краху. Он в самом деле действует «von Fall zu Fall» [от случая к случаю]¹ — от падения к падению. В английской прессе он уже почти не находит защитников; даже «Times», которая очень далеко заходила в своих симпатиях к Бисмарку, пытается как-нибудь выбраться из положения. С тех пор

¹ Игра слов: «Fall» — случай и падение.

как Бисмарк стал протекционистом, англичане, конечно, и знать его не хотят. Впрочем, и в Германии возвращение к протекционизму было бы делом прямо реакционным. Во всяком случае очень хорошо, что г. Бисмарц опять ведет дело к роспуску [рейхстага]. Лишь бы он только разозлил как следует немецкого филистера; в конце концов и тот потеряет терпение, особенно когда дело коснется кошелька. А той каши, которую Бисмарк заварил в иностранной политике, ему уж никак не удастся расхлебать.

Листок Моста, повидимому, преуспевает; Мост иногда показывается, но не часто. Мы, конечно, не можем брать на себя никакой ответственности за содержание этой газетки. Но мы ей, разумеется, желаем успеха, как и всему, что делается в надлежащем направлении, хотя и с применением столь несовершенных средств.

Твой Ф.

21.

Маркс — М. М. Ковалевскому

в Москву ¹.

[Лондон, апрель 1879 г.]

Сочинение г. Кареева превосходно (excellent). Только я не вполне разделяю его взгляд на физиократов. Я беру теорию капитала, т. е. современного строения общества. Начиная от Петти и кончая Юмом, эта теория была развиваема только по частям, — здесь кусок, там кусок, — согласно потребностям той эпохи, когда жил автор. Кенэ первый положил в основу политической экономии ее настоящий, т. е. капиталистический, базис, и весь курьез заключается в том, что он так поступает, повидимому, как арендатор землевладельца. Г. Кареев положительно неправ, говоря, что физиократы противопоставляли только одно социальное занятие, именно земледелие, другим, т. е. промышленности и торговле, но никогда не доходили, подобно Смиту, до противоположения социальных классов. Если бы г. Кареев вспомнил основную мысль предисловия Рикардо к его знаменитому творению, где он рассматривает три класса государства (землевладельцев, капиталистов и рабочих, трудами которых почва обрабатывается), то он убедился бы, что первое изобретение трех классов в экономической сфере и их взаимных отноше-

¹ Отрывок по переводу Ковалевского и Кареева, опубликованному в журнале «Былое» № 20, 1922 г. Оригинал не сохранился.

ниях могло найти место только в системе земледелия, как это сделал Кенэ. Сверх того, необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что дает только в собственном представлении. Это справедливо даже для философских систем: так, две совершенно различные вещи — то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень. Поэтому не удивительно, что некоторые приверженцы Кенэ, вроде Мерсье де-ла-Ривьера, находили сущность всей системы в ее параферналиях, тогда как английские физиократы, писавшие в 1798 г., впервые доказывали, на основании Кенэ, наперекор А. Смиуту, необходимость уничтожения частной собственности на землю.

22.

Маркс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 10 апреля 1879 г.

Дорогой г. Даниельсон!

Как раз, когда я получил Ваше февральское письмо (а вместе с ним ценные печатные материалы, благополучно дошедшие до меня, так же как и другие упоминаемые Вами материалы), моя жена заболела так тяжело, что врачи даже сомневались, в состоянии ли будет она пережить этот неожиданный приступ болезни. В то же самое время мое собственное здоровье также сильно пошатнулось. (В сущности говоря, с тех пор, как положение вещей в Германии и Австрии вынудило меня прекратить мои ежегодные поездки в Карлсбад, я никогда уже не находился в достаточно удовлетворительном состоянии здоровья.) При таких обстоятельствах, которые изменились к лучшему лишь с очень недавнего времени, я не мог, конечно, изучить присланный мне материал. В это время я послал Вам письмо через одного немца, ехавшего в Петербург, в котором ограничился, впрочем, только сообщением о получении Вашего письма да рекомендацией Вам подателя. Но, к моему великому изумлению, он снова появился здесь вчера и сообщил мне, что вследствие каких-то случайностей он не ездил дальше Берлина и совершенно отказался от поездки в Петербург.

А теперь, прежде всего, я должен сообщить Вам (это совершенно конфиденциально), что, по дошедшим до меня из Германии сведениям, второй том моей работы *не может быть издан*, пока нынешний

режим продолжает держаться там во всей его теперешней суровости. Это сообщение, учитывая существующее положение вещей, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, нисколько не раздосадовало — по следующим причинам.

Во-первых, я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский кризис достигнет своего предела. Его проявления на этот раз очень своеобразны и во многих отношениях очень отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и длительные кризисы (тянущиеся в продолжение почти пяти лет) в *Северо-Американских Соединенных Штатах, в Южной Америке, Германии, Австрии и пр.*

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним развитием событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду «теоретически».

Вот, например, одна из странных особенностей нынешнего положения дел. Как Вам известно, здесь произошло множество банковских крахов в Шотландии, а также в некоторых английских графствах, в особенности в западных (в Корнуэлсе и Уэльсе). И тем не менее, настоящий *центр денежного рынка*, не только Соединенного королевства, но и всего мира, *Лондон*, до сих пор мало пострадал от этого. Наоборот, за немногими исключениями, громадные акционерные банки, вроде Английского банка, пока только выиграли от общей депрессии. А какова эта депрессия, Вы можете судить по тому полному отчаянию, в какое впали английские торговые и промышленные филистеры, потерявшие всякую надежду на лучшие времена. Я никогда не видал ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такого морального потрясения, хотя я был в Лондоне и в 1857 г. и в 1866 г.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии *Французского банка*, который со времени недавнего развития сношений между обеими странами превратился в *филиал Английского банка*. Французский банк, вследствие того, что свободный обмен кредитных билетов еще не восстановлен, держит громадный запас золота в слитках, и при первом же признаке какого-либо замешательства на лондонской бирже французские деньги наводняют ее для скупки временно обесцененных бумаг. Если бы прошлую осенью французские деньги были внезапно изъ-

яты, Английскому банку пришлось бы наверно прибегнуть к своему последнему средству — к *приостановлению действия закона о банках*, вслед за чем у нас неизбежно разразился бы денежный крах.

С другой стороны, то спокойствие, с каким было произведено в Соединенных Штатах восстановление расплаты золотом, устранило всякие покушения с этой стороны на ресурсы Английского банка. Но что до настоящего времени особенно содействует предотвращению краха на лондонской денежной бирже, это — внешне спокойное состояние банков *Ланкашира* и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада), хотя вполне достоверно известно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей по убыточным сделкам фабрикантов и на ссуды по этим сделкам, но некоторые из них, как, например, Ольдгэмский, даже затратили значительную часть своего капитала на постройку новых фабрик. В то же самое время большие запасы товаров, в особенности хлопчатобумажных, накаплиются день ото дня не только в Азии (преимущественно в Индии), куда их отправляют на консигнацию, но и в Манчестере и т. п. Каким образом такое положение вещей может продолжаться, не вызвав всеобщего краха в промышленности, а следовательно и среди местных банков, влияющих в свою очередь непосредственно на лондонский денежный рынок, трудно себе представить.

А пока — стачки и смятение господствуют повсюду.

Замечу мимоходом, что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других торгово-промышленных предприятий, *железные дороги* процветали; но это происходило только благодаря разным исключительным обстоятельствам, вроде Парижской выставки и т. п. На самом же деле железные дороги процветают только с виду, накапливая долги и увеличивая со дня на день счет *основного капитала*.

Каким бы путем, однако, ни пошло развитие этого кризиса, столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и специалиста-теоретика, — он все же пройдет, как и предшествовавшие ему, и породит новый «промышленный цикл» со всеми его разнообразными фазами процветания и т. д.

Но под покровом этого «с виду» прочного английского общества кроется другой кризис — *земельный*, который произведет великие и важные перемены в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз, сейчас это завело бы меня слишком далеко.

Во-вторых, огромная масса материалов, полученных мною не только из *России*, но и из *Северо-Американских Соединенных Штатов*

и т. д., дает мне приятный «предлог» продолжать мое исследование, вместо того чтобы окончательно обрабатывать его для опубликования.

В-третьих, мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю впасть в то же состояние, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда я испытывал частые головокружения и утрачивал работоспособность после немногих часов серьезного труда.

По поводу Вашего в высшей степени интересного письма я ограничусь немногими замечаниями. Железные дороги возникли прежде всего в качестве «увенчания здания» в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и пр. Я называю их «увенчанием здания» не только в том смысле, что они в конечном счете (наряду с океанским пароходством и телеграфом) сделались *средствами сообщения*, соответствующими современным средствам производства, но также и потому, что они стали основой для возникновения громадных акционерных компаний, послуживших вместе с тем примером для разного рода *других* торгово-промышленных объединений, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой сильный толчок *концентрации капитала*, какого раньше вовсе нельзя было ожидать, и в то же время ускорили и расширили в громадной степени *космополитическую деятельность ссудного капитала*, охватывающего, таким образом, весь мир одной обширной сетью финансового плутовства и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного братства».

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в передовых странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительные верхние слои общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах совершенно не пропорциональных объему и плотности социального основания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах введение железных дорог ускорило социальное и политическое расчленение, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно окончательное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства покровительствовали железнодорожным компаниям и обогащали их за счет государственного казначейства. В Северо-Американских Соединенных Штатах они получили в дар значительную часть государ-

отвенных земель, и притом не только ту землю, которая была необходима для прокладки дороги, но и целые мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесом, и т. п. Таким образом, они стали самыми крупными землевладельцами в государстве. Понятно, что мелкие фермеры из иммигрантов предпочитали селиться именно на этих землях, расположение которых обеспечивало удобный способ перевозки продуктов.

Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключающаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, обеспечив им долгосрочное владение, в гарантировании им прибылей из народного кошелька и пр. и пр., была доведена до крайних пределов Луи Бонапартом, правление которого, в сущности, покоилось на основе торговли железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже отдал в дар некоторым из железнодорожных компаний государственные каналы и т. п.

Но в Австрии и особенно в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и налогового обременения народных масс.

Вообще, железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом сырье, эта торговля усилила нищету масс; и притом не только оттого, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового пресса* на массы, но еще и оттого, что с того момента, когда продукты местного производства получили возможность превращаться в космополитическое золото, многие из этих продуктов, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали в значительной степени недоступными массам вследствие своей *дороговизны* и были, таким образом, изъяты из потребления народа. В то же время, с другой стороны, и *само производство*, — я имею в виду некоторые специальные *виды продукции*, — также изменилось соответственно *большей или меньшей пригодности его для вывоза*, тогда как раньше оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Гольштинии пахотные земли были обращены в пастбища, потому что вывоз скота оказался более выгодным, но в то же время земледельческое население было изгнано из насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных землевладельцев, ростовщиков, купцов, железнодорожных компаний, банкиров и т. п., но очень плачевными для действительных производителей.

Чтобы закончить мое письмо (время отправления которого на почту подходит все ближе и ближе), скажу еще, что я считаю невозможным усматривать действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией. В Соединенных Штатах государственные расходы уменьшаются с каждым днем, и государственный долг ежегодно и быстро сокращается. В России же неизбежность государственного банкротства становится все более и более очевидной. Соединенные Штаты освободились (хотя и самым гнусным образом, к выгоде кредиторов и в ущерб мелкому люду) от бумажных денег, в России же ни одно производство не процветает в такой мере, как фабрикация кредитных билетов. В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и ускоренное искусственно гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, земледельческого прогресса и пр.; Россия же напоминает нам скорее Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (хотя все же имевший под собою гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой над отсталым, косным состоянием главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей. Соединенные Штаты в настоящее время значительно перегнали Англию в темпе экономического прогресса, хотя все еще отстают от нее по размерам накопленных богатств; но в то же самое время народные массы там живее и имеют в своих руках более сильные политические средства для выражения своего негодования против той формы прогресса, которая проводится за их счет. Я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы.

Кстати: какое русское произведение по кредиту и банковому делу Вы считаете самым лучшим?

Г-н Кауфман был настолько любезен, что прислал мне свою книгу — «Теория и практика банкового дела»; но я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний рассудительный критик из петербургского «Вестника Европы» превратился в какого-то Пиндара современного биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже исключительно только с точки зрения данной специальности, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Лучшая ее часть — полемика против бумажных денег.

Говорят, будто некие иностранные банкиры, через посредство которых некое правительство пожелало заключить новый иностран-

ный заем, потребовали от него в виде гарантии введения у себя конституции; я лично далек от того, чтобы верить этому, так как при их нынешних методах вести такие дела они, по крайней мере до сих пор, были всегда очень равнодушны к формам правления и не изменяют этому и впредь.

Преданный Вам

А. Вильямс.

23.

Маркс — Р. Мейеру

в Лондон.

Лондон, 28 мая 1879 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь!

Прилагаю предназначенное для Вас письмо г. Р[ейхенбаха]. Одновременно с этим посылаю почтовой бандеролью 10-ю тетрадь.

Я буду очень рад познакомиться с Вами лично после многих безуспешных попыток познакомиться с Вашими «Politische Gründer» [«Политические грюндеры»]. Если Вы не заняты другими делами, то можете застать меня завтра в любое время между 10 часами утра и 3 часами дня.

Преданный Вам

Карл Маркс.

24.

Энгельс — Ф. Эрхардту

в Лондон.

[Черновик.]

Лондон, 16 июня 1879 г.

В ответ на Ваше любезное письмо от 29 мая я, к сожалению, вынужден сообщить Вам, что при настоящих условиях не смогу удовлетворить Вашу просьбу и прочесть в вашем Союзе доклад.

Орган Союза, «Freiheit», счел нужным публично выступить против позиции социал-демократических депутатов в рейхстаге. Несмотря на то, что в рейхстаге отдельными нашими представителями были сделаны заявления, которые я также считаю неуместными (что я не преминул высказать частным образом в надлежащем месте), я все же ни в коем случае не могу одобрить тот способ критики, который применяет «Freiheit», тем более, что она считает нужным осуществлять *такого* рода критику *публично*.

Вы понимаете, что если бы я при таких условиях прочел доклад в Союзе, то в Германии и за границей это было бы истолковано в том смысле, что я одобряю позицию, занятую «Freiheit».

25.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Черновик.]

[Лондон,] 17 июня 1879 г.

В ответ на Ваше письмо от 13-го, полученное мною только вчера, я с сожалением должен сообщить, что не могу назвать Вам никого, кто был бы в состоянии написать нужные статьи действительно надлежащим образом.

Английское рабочее движение в течение ряда лет безвыходно вращается в узком кругу стачечной борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, причем эти стачки рассматриваются не как временная мера и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель. Тред-юнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как класса. Рабочие делятся в политическом отношении на консерваторов и либерал-радикалов, на сторонников министерства Дизраэли (Биконсфильда) и сторонников министерства Гладстона. О рабочем движении в Англии можно, следовательно, говорить лишь постольку, поскольку здесь бывают стачки, которые, удачен ли их исход или нет, не могут подвинуть движение ни на шаг вперед. Когда подобные стачки, которые, к тому же, в последние годы застоя в делах зачастую намеренно вызывались самими капиталистами, искавшими предлога, чтобы закрыть свои фабрики, — когда эти стачки, при которых рабочий класс не двигается с места, раздуваются до размеров всемирно-исторической борьбы, как это делает, например, здешняя «Freiheit», то это, на мой взгляд, может только повредить делу. Не следует замалчивать то обстоятельство, что подлинного рабочего движения, в континентальном смысле слова, здесь в настоящий момент не существует; я думаю поэтому, что Вы не много потеряете, если не будете пока получать отчетов о деятельности здешних тред-юнионов.

26.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Черновик.]

Лондон, 26 июня 1879 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ!

К сожалению, Вы не сообщили мне с самого же начала, что Ваш запрос предполагал *мое* корреспондирование [в «Jahrbuch»]; Вы сразу же получили бы определенный ответ.

Еще тогда, когда я, уступая неоднократным просьбам, взялся за скучнейшего г. Дюринга, я решительно заявил Либкнехту, что в последний раз позволяю отрывать себя от более серьезных работ для журналистской деятельности, если только этого категорически не потребуют политические события, — а об этом представляется судить мне самому. За 9 лет, проведенных мною в Лондоне, я пришел к заключению, что невозможно доводить до конца крупные работы и в то же время активно участвовать в практической агитации. Я уже довольно стар, и мне пора, наконец, ограничиться определенным кругом задач, чтобы довести хоть что-нибудь до конца. То же самое я писал г. Виде при основании «Neue Gesellschaft».

Что касается г. Гёхберга, то Вы ошибаетесь, думая, что я питаю к нему какую-либо «антипатию». Когда г. Гёхберг основал «Zukunft», мы получили приглашение сотрудничать, подписанное: «Редакция». Если я не ошибаюсь, в то время самое имя г. Гёхберга было нам неизвестно, и само собой разумеется, что мы не обратили внимания на такого рода анонимное послание. Вскоре после этого г. Гёхберг опубликовал свою программу «Zukunft», в которой социализм основывался на понятии «справедливости». Такая программа с самого же начала прямо исключала всех тех, кто рассматривает социализм в конечном счете не как следствие каких-либо идей или принципов, вроде справедливости и т. д., но как идеальный продукт материально-экономического процесса, общественного производственного процесса на известной ступени. Этим г. Гёхберг сам сделал всякое наше сотрудничество невозможным. Но кроме этой программы мне не пришлось видеть ничего такого, из чего бы я мог вынести отчетливое суждение о философских взглядах г. Гёхберга. Все это не может, однако, служить основанием для какой бы то ни было «антипатии» к нему или предубеждения против руководимого им литературного предприятия. Напротив, я отношусь к нему точно так же, как и ко всякому другому проектируемому социалистическому изданию, пока я не знаю, что в нем будет напечатано, — т. е. сочувственно и выжидательно.

Но все это вещи второстепенные; главное же то, что мне приходится совершенно отказаться от сотрудничества в периодических изданиях, раз я намерен закончить труды, которые для всего движения имеют ведь несколько большее значение, чем две-три журнальных статьи. И, как видите, я в течение нескольких лет строго соблюдал это правило по отношению ко всем одинаково.

Заинтересовало меня также Ваше сообщение о том, что Вас кто-то из здешних убеждал, будто я, а следовательно и Маркс, «совершенно согласны» с позицией местной «Freiheit». Это прямо противоречит истине. С г. Мостом мы со времени его нападок на социал-демократических депутатов не видались. Каково наше мнение на этот счет, он мог узнать в середине этого месяца из моего ответа секретарю Рабочего союза, который пригласил меня прочесть там доклад. Я ответил прямым отказом, так как иначе в Германии и других местах должны были бы заключить, что я согласен с тем родом полемики, которую «Freiheit», и притом публично, ведет против социал-демократических депутатов. Я с этим совершенно не согласен, хотя отнюдь не одобряю некоторых выступлений в рейхстаге.

Так как мы из других источников тоже получили подобные сообщения, то хотели бы иметь возможность раз навсегда положить конец этим басням. Это было бы проще всего сделать, если бы Вы были столь любезны и прислали нам копии соответствующих мест в письмах, для того чтобы мы знали точно, что о нас говорилось, и, в зависимости от этого, могли бы выступить. Ваше указание могло быть, конечно, лишь общего свойства, но именно потому определенные сообщения для нас очень желательны; получив их, мы смогли бы непосредственно выступить.

Если г. Мост попадет в объятия анархистов или даже русских такого сорта, как Ткачев, то это будет несчастьем разве только для самого Моста. Подобные люди погибают из-за анархии, которую они сами создают в своей среде. Этим я не хочу сказать, что им не следует от времени до времени давать по рукам.

Я не могу, к сожалению, достать Вам экземпляры тех работ, о которых Вы упоминаете, если их нет в продаже; у меня самого не осталось ни одного экземпляра некоторых произведений, и я тщетно разыскиваю их у букинистов.

Что касается французского движения, то у нас установлена связь не только со здешними партийными товарищами, но и непосредственно с Парижем, да и вообще завязанные во времена Интернационала нити никоим образом не порваны. Так, мы получили на-днях основанную недавно в Опорто социалистическую газету «О орегајо».

Революционная трескотня не представляет для нас ничего нового уже в течение почти сорока лет.

27.

Энгельс — И.-Ф. Баккеру
в Женеву.

Лондон, 1 июля 1879 г.

Старый дружище!

Новое полугодие принесло мне деньги и поэтому я спешу сообщить, что перевел тебе по почте 4 фунта стерлингов, т. е. 100 франков 80 сантимов, которые ты получишь, вероятно, тотчас же вслед за этим письмом. Надеюсь, что этого хватит, чтобы дать тебе хоть маленькую передышку в твоей хронической нужде. Мне хотелось бы, чтобы мы могли сделать что-нибудь большее, чем помогать так, от случая к случаю, но ты знаешь, что в последнее время требования со всех сторон увеличились.

Вполне понятно, что кротость, так некстати проявленная Либкнехтом в рейхстаге, произвела очень неблагоприятное впечатление как на романскую Европу, так и среди немцев. Мы тогда же сообщили об этом в письме. Со старой удобной, благодушной агитацией, с отсидкой время от времени в тюрьме от шести недель до шести месяцев, в Германии покончено раз и навсегда. Во что бы ни вылилось нынешнее состояние, новое движение будет происходить на более или менее революционной основе и должно поэтому носить гораздо более решительный характер, чем завершившийся теперь первый период движения. Фразы о достижении цели мирным путем или прекратятся или же их перестанут принимать всерьез. Сделав эти фразы невозможными и толкнув движение в революционное русло, Бисмарк сослужил нам большую службу, которая с избытком возмещает небольшой ущерб, нанесенный нам препятствиями, чинимыми в агитации.

С другой стороны, это покорное выступление в рейхстаге привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склокой и интригами дезорганизовать партию. Центр этих происков — здешний Рабочий союз, в котором сидят крикуны времен 1849 г., вроде Вебера, Нейштадта-ан-дер-Гардт и К^о. С тех пор как оживилось движение в Германии, эти люди, находящиеся здесь, потеряли все прежнее значение, какое они имели еще в 1840—1862 гг., и теперь они считают, что пришел случай пролезть к руководству. Молодой Вебер, какой-то купец и другие по меньшей мере раз шесть за последние годы объявляли себя Центральным комитетом европейско-американского рабочего движения, но бессознательный мир всегда их упорно игнорировал. Теперь они собираются

провести это силой и нашли себе союзника в лице Моста. «Freiheit» болтает о революции огнем и мечом, что для милейшего Моста является, конечно, совершенно новым удовольствием, которого он раньше никогда не мог себе позволить. При этом истории в рейхстаге страшно преувеличиваются и рассматриваются как предлог для того, чтобы взорвать партию и создать новую. Это — использование господствующего в Германии каторжного режима и системы зажимания ртов в интересах нескольких пустомелей, честолюбие которых находится в разительном несоответствии с их способностями; если же, как нам передавали, Мост распространяет слухи о том, будто бы мы поддерживаем его, то он лжет. Он больше у нас не показывался с тех пор, как начал играть эту роль. В сущности, хорошо, что он так себя разоблачает и, таким образом, лишает себя возможности в будущем работать в Германии; он не лишен способностей, но невероятно тщеславен, недисциплинирован и честолюбив, так что лучше, если он оскандалится. Впрочем, «Freiheit», вероятно, недолго еще существует, а тогда все это преспокойно заглухнет.

Сердечный привет от Маркса и твоего

Ф. Э.

28.

Маркс — К. Каффиеро

в Неаполь.

[Черновик.]

Лондон, 29 июля 1879 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой гражданин!

Сердечно благодарю за два экземпляра Вашего произведения. Недавно я получил две подобные работы: одну — написанную по-сербски, другую — по-английски (изданную в Соединенных Штатах), но обе они имеют тот недостаток, что, желая дать краткое и популярное изложение «Капитала», они в то же время слишком педантично придерживались научной *формы* изложения. Вследствие этого они, как мне кажется, не вполне достигают своей главной цели — заинтересовать широкую публику, для которой предназначаются популярные издания. В этом отношении Ваша работа имеет огромное преимущество.

Что же касается *существа* дела, то, мне кажется, я не ошибаюсь, полагая, что в высказанных Вами в предисловии соображениях имеется явный пробел, а именно там не показано, что *материальные условия*, необходимые для освобождения пролетариата, сти-

хийно порождаются в процессе развития капиталистического производства¹.

Впрочем, я согласен с Вами, если я правильно понял Ваше предисловие, что не следует чересчур обременять умы людей, которых желаешь обучать. Ничто не помешает Вам в подходящий момент вернуться к этому предмету, с тем чтобы в большей мере вскрыть материалистическую основу «Капитала».

Еще раз благодарю.

Глубоко уважающий Вас

Карл Маркс.

29.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

[Черновик.]

Лондон, 4 августа 1879 г.

Дорогой Бебель!

После того как я отправил Вам свое последнее письмо от 25 июля, Гирш сообщил нам свою переписку с Бернштейном и Либкнехтом по поводу новой газеты. Судя по этим письмам, дело обстоит не так, как мы могли думать на основании Вашего письма.

Ввиду того, что Гирш на свои вполне законные вопросы о том, какие приняты решения и кто будет стоять за газетой, с одной стороны, финансируя ее и, с другой стороны, давая ей направление, получил от Либкнехта только лаконический ответ: «партия плюс Гёхберг» и новые заверения, что все в порядке, — мы должны были предположить, что газету финансирует Гёхберг и что «мы», которым, по сообщению Э. Бернштейна, «поручены представительство и наблюдение», это все те же Гёхберг и его секретарь Бернштейн.

Только что полученное второе письмо Бернштейна Гиршу показывает, что дело обстоит именно так.

Вероятно Вам теперь станет ясно, что те ошибки, против которых я предостерегал в своем последнем письме, будут теперь неизбежно присущи газете с самого же начала. Гёхберг доказал, что

¹ Далее зачеркнуто: «а в то же время и классовая борьба, целью которой является, в конечном счете, социальная революция». «Тем, что отличает критический и революционный социализм от его предшественников, по моему мнению, несомненно является эта материалистическая основа. Она показывает, как на определенной ступени исторического развития животное неизбежно превращается в человека...»

в области теории он большой путанник, а на практике он воодушевлен неудержимой страстью к братанию со всеми и каждым, кто выдает свои взгляды за социалистические или даже просто за *социальные*. В «Zukunft» он уже показал, чего он стоит; как в области теории, так и в области практики он только скомпрометировал партию.

Партии нужен прежде всего *политический* орган. А ведь Гёхберг, поистине, в лучшем случае человек совсем не политический; он даже не *социал-демократ*, а *социал-филантроп*. Согласно письму Бернштейна, газета и не должна вовсе быть *политической*, а лишь принципиально социалистической, т. е. в таких руках неизбежно социал-филантропической, своего рода продолжением «Zukunft». Такая газета будет представлять партию только в том случае, если последняя пожелает опуститься до того, чтобы плестись в хвосте Гёхберга и его катедер-социалистических друзей. Если бы руководители партии вздумали поставить пролетариат под руководство Гёхберга и его прекраснородушных друзей, то рабочие едва ли пошли бы за ними; наступил бы неизбежно раскол и дезорганизация; это было бы величайшим торжеством для Моста и его здешних крикунов.

Ввиду этих обстоятельств, о которых мы ничего не знали, когда я писал свое последнее письмо, мы считаем, что Гирш совершенно прав, когда умывает руки, не желая иметь никакого отношения к этому делу. Такова же позиция Маркса и моя. Когда мы обещали свое сотрудничество, мы имели в виду действительный партийный орган, и поэтому наше обещание имеет силу лишь в отношении такого органа, а не в отношении частной газеты г. Гёхберга, которую выдают за партийный орган. В ней мы не будем сотрудничать ни в коем случае. Поэтому Маркс и я настойчиво просим Вас не отказывать в любезности позаботиться о том, чтобы наши имена не были включены в список сотрудников.

30.

Маркс — Р. Мейеру

в Лондон.

[Лондон,] 7 августа 1879 г.

Дорогой г. Мейер!

Посылаю Вам сегодня почтовой бандеролью Ваши «Gründer».

Мой отъезд замедлился, потому что внезапно заболел Лонге; опасаются гастрической лихорадки; сегодня положение, вероятно, выяснится. Если дело окажется серьезным, я должен буду

отказаться от задуманной поездки в Джерси (куда я собирался, потому что это место ново для моей спутницы — моей младшей дочери) и поехать в какой-нибудь морской курорт близ Лондона. На такой курорт я поеду во всяком случае, даже и по возвращении из Джерси, с г-жой Лафарг и моим внуком, и надеюсь, что Вы посетите меня там. Если Вы, по непредвиденным причинам, уедете раньше, будьте так добры вернуть мне книжки журналов (лейпцигских и парижских), а также известить меня (все письма будут мне пересылаться из дому), вышел ли следующий после январского (1879 г.) выпуск «*Österreichische Monatsschrift für Gesellschaftswissenschaften*».

С пожеланием Вам всего наилучшего и с дружескими приветами от моей жены и дочери Элеоноры преданный Вам

Карл Маркс.

31.

Энгельс — К. Гёхбергу

в Цюрих.

[Черновик.]

Истберн, 26 августа 1879 г.

Уважаемый г. Гёхберг!

Так как я не знаю, сколько времени Вы пробудете в Швейцарии, то спешу Вам ответить, что относительно якобы сделанных нам К. Гиршем сообщений Вы получили неправильные сведения. Он не говорил нам ни того, что новая газета должна стать Вашей «частной собственностью», ни того, что она «займет умеренную позицию». Наш взгляд на это дело основывается не на заверениях Гирша, а на рассмотрении всей происходившей по этому вопросу переписки между Лейпцигом и Цюрихом, с одной стороны, и К. Гиршем — с другой. Я вынужден отказаться от разбора всей той комедии ошибок, которая разыгрывается в этих письмах и в которой Гирш повинен менее, чем кто-либо другой. Он держался, на мой взгляд, во всем этом деле в высшей степени разумно, открыто и честно. Я поэтому безусловно одобряю его решение отказаться от редакторства при существующих, все еще не выясненных между лейпцигскими и цюрихскими участниками условиях; я хотел бы только отвести от него незаслуженный им упрек.

С социал-демократическим приветом, преданный Вам

[Ф. Э.]

С послезавтрашнего дня я снова в Лондоне.

32.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 8 сентября 1879 г.

Старый дружище!

Очень жалею, что нужда все еще держит тебя в своих когтях и что не в моей власти окончательно освободить тебя от нее. Пока могу предоставить в твое распоряжение 2 ф. ст. и еще 1 ф., который я получил от одного приятеля, первоклассного химика и коммуниста¹. Перевод на эти три фунта, т. е. 75 фр. 60 сант., я только что отправил; надеюсь, что ты их тотчас же получишь. Само собою разумеется, что со мной тебе нечего стесняться; я всегда готов сделать для тебя все, что могу, и делаю это с удовольствием. Стыдно, что мы до сих пор не сумели обеспечить спокойное существование нашим ветеранам.

«Freiheit» едва ли доживет до Нового года, если ее противники снова не наделают глупостей, которые оживили бы интерес к газете. В Цюрихе собираются основать официальный партийный орган, руководство которым — под верховным контролем лейпцигцев — будет поручено цюрихским немцам; не могу сказать, чтобы они внушали мне доверие. Во всяком случае, в социальном-научном ежегоднике, издаваемом одним из них, Гёхбергом, помещены весьма курьезные вещи: партия неправильно выступает как *рабочая* партия и *ненужными* нападками на *буржуазию* сама навлекла на себя закон против социалистов; нужна не революция, а *длительное* мирное развитие и т. д. Этот трусливый вздор, понятно, — вода на мельницу Моста, и, конечно, Мост не преминул им воспользоваться, как ты можешь судить по последним номерам «Freiheit». Из Лейпцига к нам поступило предложение сотрудничать в новом органе, на что мы было согласились, но затем отказались, после того как узнали, в чьих руках будет непосредственное руководство. После выхода упомянутого ежегодника мы совершенно прекратили всякие сношения с людьми, пытающимися протащить в партию подобный вздор и этакое подхалимство, т. е. с Гёхбергом и компанией. Лейпцигцы скоро поймут, каких они приобрели союзников. Вообще, скоро придет время выступить против филантропически настроенных крупных и мелких буржуа, студентов и докторов, пробирающихся в германскую партию и пытающихся растворить классовую борьбу проле-

¹ К. Шорлеммера.

тариата против его угнетателей в братском союзе человечества. Они делают это в тот момент, когда буржуа, с которыми они хотят объединиться в братском союзе, объявляют нас вне закона, уничтожают нашу прессу, разгоняют наши собрания и выдают нас без всяких околичностей на произвол полиции. Едва ли германские рабочие согласятся принять участие в этой затее.

В России наши одержали большую победу: они сорвали русско-прусский союз. Если бы они своим решительным выступлением не нагнали такого отчаянного страха на русское правительство, оно сумело бы легко справиться с недовольством среди дворянства и буржуазии, вызванным запретом, который наложила Англия на вступление в незащищенный Константинополь, и последующим дипломатическим поражением в Берлине. Но теперь вину за эти поражения приходится сваливать на границу, на Пруссию. Дядя с племянником¹ могли бы еще, на худой конец, замазать трещину, наметившуюся в Александрове, но спасти положение уже невозможно. Если же катастрофа в России наступит не так скоро, то разразится война между Россией и Пруссией. Эту войну Генеральный совет предсказал еще во время французской войны, как неизбежное следствие последней, и ее едва-едва удалось избежать в 1873 г.

Ну, не унывай. Дай поскорее опять о себе знать и напиши настоящее письмо, а то ведь на открытке откровенно обо всем не напишешь.

Сердечный привет от Маркса и твоего старого

Ф. Э.

33.

Энгелье — П.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 15 сентября 1879 г.

Старый дружище!

Мое последнее письмо и перевод на 75 франков, ты, надеюсь, получил.

Зорге пишет, что он тоже написал тебе по поводу понадобившегося теперь возобновления доверенности по завещанию Лингенау, так как иначе смерть Гейба дала бы адвокатам противной

¹ Вильгельм I и Александр II.

стороны возможность объявить старую доверенность недействительной, что вызвало бы новую волокиту.

Маркс, который находится еще на взморьи и, должно быть, прекрасно поправился, пишет мне, чтобы я попросил тебя переслать ему текст доверенности, чтобы он мог сделать все необходимое. Будь так добр, сделай это поскорее. Если это потребует расходов, то напиши мне тотчас же, сколько тебе нужно, и я вышлю деньги. Чем скорее это будет улажено, тем лучше. Доверенность должна быть, конечно, совершенно такая же, как прежняя, только имени Гейба не нужно упоминать, или должно быть указано, что он умер.

История с немецким партийным органом в Цюрихе становится все занимательнее. Цюрихская редакционная комиссия, которая под верховным руководством лейпцигцев должна следить за газетой и подвергать ее цензуре, состоит из Гёхберга, Шрамма и Бернштейна. Шрамм, Гёхберг и Бернштейн опубликовали в издаваемом Гёхбергом в Цюрихе «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*» статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии»; статья эта показала, что все трое — самые заурядные буржуа, миролюбивые филантропы. Они обвиняют партию в том, что она была исключительно «*рабочей партией*» и провоцировала ненависть буржуазии, и требуют передачи руководства движением в руки «образованных» буржуа их же покроя. Тут уж не может быть места благодушию.

К счастью, третьего дня Гёхберг неожиданно явился ко мне сюда, и я выложил ему все начистоту. Бедный малый, — по существу хороший парень, но ужасно наивный, — точно с неба свалился, когда я объяснил ему, что для нас и речи быть не может о том, чтобы опустить пролетарское знамя, которое мы высоко несли почти 40 лет, как не может быть речи и о том, чтобы поддерживать мелкобуржуазный дурман всеобщего братства, против которого мы ведем борьбу тоже почти 40 лет. Словом, он знает, наконец, каковы наши отношения к нему и почему нам не по пути с ему подобными, что бы ни говорили и ни делали лейпцигцы.

Бебелю мы также совершенно категорически заявим о нашей позиции по отношению к этим союзникам германской партии, а затем посмотрим, как они поступят. Если партийный орган выступит в духе этой буржуазной статьи, то мы публично выскажемся против него. Впрочем, едва ли они допустят, чтобы дело зашло так далеко.

Итак, отвечай поскорее.

Сердечный привет от Маркса и твоего старого

Ф. Энгельса.

34.

Маркс и Энгельс — А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракко и др. («Циркулярное письмо»)

[Лондон, 17—18 сентября 1879 г.]

[Черновик.]

Дорогой Бебель!

Ответ на Ваше письмо от 29 августа задержался, с одной стороны, из-за продолжительного отсутствия Маркса, а с другой — из-за некоторых неожиданностей: во-первых, — прибытия рихтеровского «Jahrbuch», а затем приезда самого Гирша.

Из Вашего письма заключаю, что Либкнехт не показал Вам моего последнего письма к нему, хотя я ему это определенно поручил. В противном случае Вы, наверное, не стали бы приводить тех соображений, которые выдвинул Либкнехт и на которые я ему уже ответил.

Разберем же по пунктам вопрос, о котором идет речь.

1. Переговоры с К. Гиршем.

Либкнехт спрашивает Гирша, возьмет ли тот на себя редактирование партийного органа, который предположено основать в Цюрихе. Гирш интересуется тем, как будет финансироваться газета: какими средствами она располагает и кто их будет давать. Первое важно для того, чтобы знать, не заглохнет ли газета через два-три месяца; второе — чтобы удостовериться, в чьих руках будет кошелек, а тем самым, в конечном счете, руководство направлением газеты. Ответ Либкнехта Гиршу: «Все в порядке, подробности сообщат тебе из Цюриха» (Либкнехт — Гиршу, 28 июля) — до него не доходит. Зато из Цюриха Гирш получает письмо от Бернштейна (24 июля), в котором тот сообщает, что «нам поручили представительство и наблюдение (над газетой)». Состоялось будто бы совещание «между Фирекком и нами», на котором нашли, что «Ваша позиция несколько затрудняется теми разногласиями, которые у Вас, как редактора «Laterne», были с некоторыми товарищами, но я считаю эти сомнения недостаточно вескими». О финансировании газеты — ни слова.

Гирш немедленно отвечает 26 июля и осведомляется о материальном положении газеты. Кто из товарищей обязался покрывать дефицит? В размере какой суммы и на какой срок? Вопрос об окладе редактору тут не играет абсолютно никакой роли; единственно, что Гирш хочет знать, это — «обеспечены ли средства для газеты по крайней мере на год».

Бернштейн отвечает 31 июля: в случае, если будет дефицит, он будет покрыт добровольными взносами, из которых *некоторые* (1) уже фиксированы. Замечания Гирша относительно направления, которое он предполагает дать газете (о чем — ниже), вызывают неодобрительные замечания и *предписания*: «На этом *наблюдательная комиссия* должна особенно настаивать, так как она сама находится под контролем, т. е. несет ответственность. Следовательно, по этим пунктам Вам следовало бы договориться с *наблюдательной комиссией*». Ответ желателен немедленный, по возможности — телеграфный.

Итак, вместо всякого ответа на свои законные вопросы Гирш получает извещение, что он должен редактировать газету под руководством сидящей в Цюрихе *наблюдательной комиссии*, взгляды которой существенно расходятся с его взглядами и о составе которой ему даже не сообщают!

Гирш, совершенно справедливо возмущенный таким отношением, предпочитает сговориться с лейпцигцами. Содержание его письма Либкнехту от 2 августа Вам должно быть известно, так как Гирш *настоятельно потребовал*, чтобы его сообщили Вам и Фирекку. Гирш даже соглашался подчиниться цюрихской наблюдательной комиссии в том смысле, что последняя будет делать редакции письменные замечания, а решение будет предоставлено лейпцигской контрольной комиссии.

Между тем, Либкнехт 28 июля пишет Гиршу: «Разумеется, предприятие в финансовом отношении прочно, потому что за ним стоит вся партия плюс Гёхберг. Что касается подробностей, то я ими не интересуюсь».

В следующем письме Либкнехта тоже ни слова о материальной стороне дела, зато есть заверение, что цюрихская комиссия не является редакционной комиссией, а ей вверены лишь *управление* и финансы. Еще 14 августа Либкнехт повторяет это в письме ко мне и настаивает на том, чтобы мы уговорили Гирша согласиться. Вы сами еще 29 августа так плохо осведомлены о действительном положении дела, что пишете мне: «Он (Гёхберг) имеет в редакции не больше веса, чем *всякий другой член партии, пользующийся известностью*».

Наконец, Гирш получает от Фирекка датированное 11 августа письмо, в котором тот признает, что «находящаяся в Цюрихе тройка должна в качестве *редакционной комиссии* взяться за организацию газеты и с согласия лейпцигской тройки избрать редактора... *Насколько я помню*, в сообщенных постановлениях было также указано,

что упомянутый в пункте 2-м цюрихский Учредительный комитет должен взять на себя ответственность перед партией *как за политическую*, так и за финансовую сторону дела... Из всего этого для меня ясно, что... без содействия проживающей в Цюрихе тройки, которой партия поручила основать газету, нечего и думать о принятии на себя редакторских функций».

Тут Гирш, наконец, получил хоть *сколько-нибудь* определенное указание, — правда, только о положении редактора по отношению к цюрихцам. Они являются *редакционной* комиссией; на них лежит и *политическая* ответственность; без их содействия никто не может взять на себя функции редактора. Короче говоря, Гиршу попросту предлагается договориться с тремя цюрихцами, имена которых ему все еще неизвестны.

Но, чтобы создать окончательную путаницу, Либкнехт в приписке к письму Фирекка сообщает следующее: «Только что был здесь Зингер из Берлина; он *утверждает*, что наблюдательная комиссия в Цюрихе *не* является, как полагает Фирекк, *редакционной* комиссией; собственно говоря, эта комиссия — административная, несущая перед партией, т. е. перед нами, финансовую ответственность; члены ее имеют, разумеется, также право и обязанность обсуждать с тобой редакционные вопросы (это право и обязанность *каждого* члена партии); учредить над тобой *опеку* они *не* уполномочены».

Три цюрихца и один из членов лейпцигского комитета — *единственный*, присутствовавший при переговорах, — настаивают на том, что Гирш должен подчиняться официальному руководству цюрихцев, другой член лейпцигского комитета это попросту отрицает. Должен ли Гирш принимать решение, прежде чем эти господа сговорятся между собой? О том, что Гирш имел полное право требовать, чтобы его познакомили с вынесенными постановлениями, в которых были указаны предъявляемые ему условия, об этом никто и не подумал, тем более что лейпцигцам даже не пришло в голову *самим* получить достоверные сведения об этих постановлениях. В противном случае как могла бы возникнуть подобная разногласица?

Если лейпцигцы не имеют единого мнения относительно полученных цюрихцами полномочий, то зато для цюрихцев все совершенно ясно.

Шрамм пишет Гиршу 14 августа: «Если бы Вы в свое время не писали, что в подобном случае (как с Кайзером) Вы опять поступили бы точно так же; если бы Вы, таким образом, не дали повода ждать

от Вас снова таких же выступлений в печати, — мы бы не стали разговаривать об этом. Но теперь, учитывая Ваше заявление, мы должны оставить за собой право решающего голоса по вопросу о приеме статей в новую газету».

Гирш будто бы заявил это в письме к Бернштейну от 26 июля, значит *гораздо позже* совещания в Цюрихе, на котором были определены полномочия цюрихской трйки. Но в Цюрихе уже так опьянены сознанием своего бюрократического всемогущества, что в ответ на это позднейшее письмо Гирша претендуют на право *решать* вопрос о помещении статей. Редакционная комиссия уже стала *цензурной* комиссией.

Лишь тогда, когда Гёхберг приехал в Париж, Гирш узнал от него *имена* членов обеих комиссий.

Итак, если переговоры с Гиршем сорвались, то что послужило этому причиной?

1) Упорный отказ как со стороны лейпцигцев, так и со стороны цюрихской тройки сообщить ему сколько-нибудь точные данные о финансовой базе газеты и тем самым о возможности для нее существовать хоть год. Относительно обеспеченной подпиской суммы он узнал только здесь от меня (на основании Вашего сообщения мне). Таким образом, из прежних сообщений («партия плюс Гёхберг») едва ли можно было вывести другое заключение, кроме того, что либо газета уже теперь финансируется преимущественно Гёхбергом, либо скоро будет всецело зависеть от его взносов. Эта последняя возможность и сейчас далеко не исключена. Сумма в 800 марок — если я верно разобрал цифру — *в точности* равна той (40 фунтов стерлингов), которую здешнему Союзу пришлось добавить (для покрытия дефицита) «Freiheit» за *первое полугодие*.

2) Повторенное несколько раз и оказавшееся впоследствии совершенно неправильным заверение Либкнехта о том, что цюрихская тройка вовсе не получила права контролировать редакцию, и возникшая из этого заверения комедия ошибок.

3) Достигнутая, наконец, уверенность в том, что цюрихской тройке присвоен не только контроль, но и цензура, а ему, Гиршу, остается лишь роль подставного болвана.

Если после всего этого от него последовал отказ, то мы можем только одобрить этот шаг. Лейпцигская комиссия, как мы слышали от Гёхберга ¹, еще усилена двумя живущими вне Лейпцига членами и может поэтому быстро принимать решения только в том случае,

¹ Слова «от Гёхберга» вписаны карандашом.

если между тремя лейпцигцами нет разногласий. Этим подлинный центр тяжести окончательно переносится в Цюрих, а с тамошними господами Гирш, как и любой редактор, настроенный действительно революционно и пролетарски, долго работать не сможет. Об этом ниже.

II. Предполагаемое направление газеты.

Еще 24 июля Бернштейн сообщает Гиршу, что разногласия Гирша с некоторыми товарищами в бытность его редактором «*Laterne*» могут затруднить его положение.

Гирш отвечает, что направление газеты в общем не должно, по его мнению, отличаться от направления «*Laterne*», т. е. в Швейцарии — избегать процессов, а в Германии — не быть сверх меры трусливым. Он спрашивает, какие именно товарищи имеются в виду, и продолжает: «Я знаю лишь одного такого и обещаю Вам, что, если повторится подобный случай *нарушения дисциплины*, я по отношению к этому товарищу буду действовать совершенно так же».

На это Бернштейн, с сознанием своих новых официальных ценовских полномочий, отвечает: «Что касается направления газеты, то, по мнению наблюдательной комиссии, «*Laterne*» не может служить образцом. Мы полагаем, что газета должна отличаться не столько своим политическим радикализмом, сколько принципиальной социалистической установкой. Таких эпизодов, как атака против Кайзера, вызвавшая порицание со стороны всех без исключения (1) товарищей, следует во что бы то ни стало избегать».

И так далее, и так далее. Либкнехт называет выступление против Кайзера «грубым промахом», а Шрамм считает его настолько опасным, что на этом основании подчиняет Гирша цензуре.

Гирш снова пишет Гёхбергу, что случай, подобный кайзеровскому, «невозможен при наличии официального партийного органа, ясные директивы и благотворные указания которого депутат не мог бы так нагло игнорировать».

Фирекк тоже пишет, что новой газете «предписано... быть беспристрастной и, по возможности, игнорировать все имевшие место разногласия»; она не должна быть увеличенной «*Laterne*», и «самое большее, в чем можно упрекнуть Бернштейна, это в том, что он придерживается слишком умеренного направления, если только это упрек в такое время, когда мы не можем идти вперед с развернутым знаменем».

В чем же состоит, однако, этот случай с Кайзером, это непро-

стительное преступление, которое якобы совершил Гирш? Кайзер, единственный из социал-демократических депутатов, произносит речь и подает голос в рейхстаге за покровительственные пошлины. Гирш обвиняет его в нарушении партийной дисциплины, так как он:

1) голосовал за косвенные нэлоги, отмены которых определенно требует программа партии;

2) санкционировал кредиты Бисмарку и тем самым пошел против основного принципа нашей партийной тактики: «ни гроша этому правительству».

По обоим пунктам Гирш безусловно прав. После того как Кайзер так разделался, с одной стороны, с программой партии, которой депутаты, в силу постановления съезда, как бы присягнули, и, с другой стороны, с неиреложным, первейшим и основным принципом партийной тактики, подав голос за кредиты Бисмарку *в благодарность за закон против социалистов*, — Гирш, по нашему мнению, имел точно так же полное право выступить против него со всей резкостью.

Мы никак не могли понять, каким образом эта атака против Кайзера могла вызвать в Германии такое сильное раздражение. Теперь Гёхберг рассказывает мне, что «фракция» разрешила Кайзеру выступить так, как он выступил, и тем самым он может считаться оправданным.

Если дело обстоит так, то это уж поистине из рук вон плохо. Прежде всего Гирш, как и никто вообще, не мог знать об этом втайне принятом решении¹. Далее: тот поворот для партии, в котором прежде можно было винить одного Кайзера, благодаря этому обстоятельству только усугубляется, точно так же, как усугубляется и заслуга Гирша, который открыто и перед всем светом разоблачил пошлую фразеологию и еще более пошлое голосование Кайзера и тем самым спас честь партии. Или в самом деле германская социал-демократия заражена болезнью парламентаризма и воображает, что на народных избранников снизошел святой дух, превращающий заседания фракции в непогрешимые соборы, а постановления фракции — в ненарушимые догматы?

Нет, в лужу сели депутаты, покрывшие своим постановлением

¹ Далее зачеркнуто: «Если даже предположить, что двум или трем социал-демократическим депутатам (вряд ли их там было больше) взбрело на ум разрешить Кайзеру произнести его пошлую речь перед лицом всего мира и вотировать кредиты Бисмарку, то в таком случае они были обязаны публично взять на себя ответственность за это поведение и подождать, что скажет на это Гирш».

выступление Кайзера, а не Гирш. И если те, кто, более чем кто-либо, призваны следить за соблюдением партийной дисциплины, подобным постановлением так безобразно ее нарушают, то тем хуже. Еще хуже, однако, когда осмеливаются думать, что нарушили партийную дисциплину не Кайзер своей речью и голосованием и не депутаты своим постановлением, а Гирш — тем, что он, вопреки этому постановлению, ему вдобавок неизвестному, резко обрушился на Кайзера.

Впрочем, несомненно, что по вопросу о покровительственных пошлинах партия заняла ту же нечеткую и нерешительную позицию, которую она занимала по отношению ко всем возникшим до сих пор конкретным экономическим вопросам, — например, по вопросу об имперских железных дорогах. Это происходит оттого, что партийные органы, особенно «Vorwärts», вместо того, чтобы основательно обсудить эти вопросы, предпочитают рассуждать о структуре будущего общественного строя. Когда вопрос о покровительственных пошлинах *после* закона против социалистов внезапно приобрел практическое значение, по поводу него возникли самые разнообразные оттенки мнений, и не нашлось никого, кто обладал бы предпосылками для отчетливого и правильного суждения, а именно — знакомством с условиями германской промышленности и ее положением на мировом рынке. К тому же у некоторой части избирателей могли быть протекционистские настроения, — и с этим тоже сочли нужным считаться. Единственный путь из этого хаоса — подойти к вопросу с чисто политической стороны (что и сделала «Laterne») — был оставлен без внимания. Вот почему партия в этих прениях проявила с самого начала шатания, неуверенность и нечеткость и, в конце концов, благодаря Кайзеру и вместе с ним, основательно оскандалилась.

Атака против Кайзера становится поводом к тому, чтобы на все лады проповедывать Гиршу, что новая газета не должна ни в коем случае подражать выходкам «Laterne», что она должна отличаться не столько политическим радикализмом, сколько принципиально социалистическим направлением и бесстрашностью. При этом Фирекк усердствует не меньше, чем Бернштейн; Бернштейн же кажется Фирекку самым подходящим человеком именно потому, что он слишком умерен, так как не можем же мы теперь идти вперед с развернутым знаменем.

Но для чего вообще увязать за границу, как не для того, чтобы идти вперед с развернутым знаменем? За границей этому ничто не препятствует. В Швейцарии нет ни германских законов о печати и

союзах, ни германских уголовных законов. Там не только можно, там *должно* писать все то, чего нельзя было писать у себя дома даже до закона о социалистах, — из-за обычных германских законов. Ибо там мы стоим не только перед лицом Германии, но и перед лицом Европы и обязаны, поскольку позволяют *швейцарские* законы, открыто осведомлять Европу о путях и целях германской партии. Тот, кто в Швейцарии захотел бы считаться с *германскими* законами, доказал бы только, что он достоин этих германских законов и что ему нечего сказать сверх того, что разрешалось говорить в Германии до издания исключительного закона. Нечего было считаться и с тем, что для членов редакции может быть на время отрезана возможность возврата в Германию. Кто не готов рискнуть этим, тому не место на таком передовом и почетном посту.

Более того. Исключительный закон именно *потому* наложил оковы на германскую партию, что она была единственной серьезной оппозиционной партией в стране. Если она в заграничном органе выразит Бисмарку благодарность, отказываясь от этой роли единственной серьезной оппозиционной партии, выступая панькой и покорно принимая пинок, то этим она только докажет, что она достойна этого пинка. Из всех печатных органов немецкой эмиграции, которые издавались за границей с 1830 г., «*Laterne*», несомненно, один из самых умеренных. Но если даже «*Laterne*» оказалась слишком дерзкой, то новая газета может только скомпрометировать партию в глазах ее единомышленников вне Германии.

III. М а н и ф е с т ц ю р и х с к о й т р о й к и.

Тем временем прибыл гёхберговский «*Jahrbuch*», содержащий статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии». Эта статья, как сообщил мне сам Гёхберг, написана именно тремя членами цюрихской комиссии и поэтому представляет собою их аутентичную критику движения, как оно до сих пор протекало, а следовательно и аутентичную программу новой газеты, поскольку линия газеты определяется этими людьми.

С самого же начала мы читаем:

«Движение, которому Лассаль приписывал огромное политическое значение, к которому он призывал не только рабочих, но и всех честных демократов, *во главе которого* должны были идти независимые представители науки, и *все те, кто проникнут истинной человечностью*, измельчало под руководством Иоганна-Балтиста Швейцера, превратившись в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы*».

Я не стану заниматься вопросом о том, соответствует ли это, и в какой мере соответствует, действительности. Упрек, который здесь делается Швейцеру, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филиантропическое движение, на степень односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы; между тем, на деле он *углубил* движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии¹. Далее, его упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания присоединиться к нам, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним* образом вести себя как *рабочая партия*»... Господа, которые это пишут, состоят членами партии, которая *самым односторонним* образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или, по крайней мере, отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое официальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

¹ Далее зачеркнуто: «Швейцер был прохвостом, но в то же время очень талантливым человеком. Его заслуга состояла именно в том, что он сломал первоначальное узкое лассальянство с его ограниченной панацеей государственной помощи... Что бы он ни предпринимал из корыстных побуждений и как бы ни настаивал, стремясь сохранить свою гегемонию, на лассальянской всеисцеляющей государственной помощи, — все же заслуга его состоит в том, что он пробил брешь в первоначальном узком лассальянстве, расширил экономический кругозор своей партии и тем самым подготовил ее позднейшее вхождение в германскую единую партию. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, — это ядро всякого революционного социализма, — проповедывалась уже и Лассалем. Если Швейцер еще сильнее подчеркнул этот пункт, то по сути дела это было во всяком случае шагом вперед, как бы искусно он ни пользовался этим моментом, чтобы навлекать подозрения на опасных для своей диктатуры лиц. Совершенно верно, что он превратил лассальянство в *одностороннюю* борьбу *промышленных* рабочих за свои интересы. Но односторонней он сделал ее лишь потому, что из-за корыстно-политических мотивов не хотел ничего знать о борьбе сельских рабочих против крупного землевладения. Не в этом, однако, его здесь упрекают, а в том, что он»... Далее — как в тексте: «*углубил* движение» и т. д.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне-неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того, в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и «многочисленные сторонники из среды образованных и имущих классов. Именно их необходимо привлечь к себе... чтобы агитация принесла *осязательные успехи*».

Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной (!) пропагандой среди так называемых высших слоев общества». К тому же у партии «нехватает лиц, которые были бы в состоянии представлять ее в рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо верить мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и мелкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения». Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом: рабочий класс не в состоянии добиться собственными руками своего освобождения. Для этого он должен принять руководство со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А во-вторых, упаси боже бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их. И вот цюрихская троица воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила стать на путь законности, т. е. *реформы*». Итак, если 500 — 600 тысяч социал-демократических избирателей ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всего числа избирателей), к тому же рассеянных по всей стране, настолько благоразумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит,

что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное внешне-политическое событие, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта, то социал-демократы, вместо того, чтобы в качестве «сволочи, рвущейся на баррикады» (стр. 88), принять участие в борьбе, должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас (при введении закона против социалистов) шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция скрутила в бараний рог напуганную красным призраком буржуазию» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между нею и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классово-вой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все честные люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями». Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отреклась от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из рамок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, будут так любезны, что отменят этот закон, который станет тогда излишним.

«Пусть нас поймут как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач». Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа,

мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение коммуниста Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г. и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя...

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были лишь «детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штрусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти — лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того, чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что «оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило *ненависть* к нам *буржуазии*». Наконец, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона, ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии*».

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, — особенно для нас, отлично знакомых с 1848 г. со всей этой фразеологией. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее соглашательство; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям

сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией с том, что по существу никаких расхождений между нами нет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последних падение капиталистического строя — дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, соглашаться и заниматься филантропией сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того, чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило, кроме... болтовни; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и, в конце концов, привели его к поражению; которые видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротивление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте [коммунистической партии]», в главе о «немецком или истинном социализме». Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление,

что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и приносят с собой свои знания. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте [коммунистической партии]». Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные знания, а этого нельзя сказать о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению; ни «Zukunft», ни «Neue Gesellschaft» не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического образовательного материала там нет. Вместо этого — попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путаннее другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того, чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе пригнать ее к своим извне принесенным воззрениям, наскоро сколачивал себе свою собственную приватную науку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько людей. Вместо того, чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу — к счастью, почти исключительно в своей собственной среде. Без таких просветителей, основной принцип которых — обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, о которых идет речь, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными идеями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти идеи, несомненно, имеют свое оправдание. Но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они — чуждый элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени. Это время к тому же,

повидимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. Учреждая Интернационал, мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого*, надо надеяться, дело не дойдет.

Это письмо предназначено для всех пяти членов комиссии в Германии, а также Бракке...

Против того, чтобы письмо прочли и цюрихцы, мы не имеем никаких возражений.

35.

Маркс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 19 сентября 1879 г.

41, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N.W.

Дорогой г. Даниельсон!

Я только что вернулся в Лондон после почти двухмесячного отдыха на лоне природы на острове Джерси и в других приморских местах. Я был вынужден сделать это и приостановить на время всякую работу, по совету врачей, из-за моего нервного расстройства.

По этой же причине я не был в состоянии отдать должное той духовной пище, которою Вы имели любезность снабдить меня. Но теперь я чувствую, что силы вернулись ко мне, и охотно засяду за работу.

Книгу Ковалевского я получил от него самого. Он один из моих друзей «по науке» («scientific» friends) и приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея.

Более обстоятельное письмо Вы получите от меня, как только я справлюсь немного с наиболее неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствия.

А пока желаю Вам всего наилучшего.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

36.

Марке — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 19 сентября 1879 г.

41, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Дорогой друг!

Только позавчера вернулся в Лондон после семинедельного пребывания сначала в Джерси, потом в Рамсгейте. Однако я позаботился о том, чтобы все дела и *поручения*, которые будут в твоих письмах, немедленно выполнялись Энгельсом. Но старик Беккер, вопреки просьбе Энгельса, не прислал мне еще для подписи бланк доверенности для тебя. Как только получу его, я это дело выполню. Мне пришлось на такой долгий срок поселиться на лоне природы из-за расстройства нервов (оно ухудшилось потому, что вот уже два года, как я по милости Бисмарка не могу ездить в Карлсбад), сделавшего под конец почти невозможной всякую умственную работу и т. п. Теперь, однако, мне гораздо лучше.

Нового издания книги *Вейтлинга* я не получил. Из американских газет я получаю только далеко не слишком содержательный «Labor Standard» Петерсона. Твои последние посылки — статистические данные бюро труда в Пенсильвании, Огайо и Массачусетсе (а также речь Стюарда) — получил. Спасибо. Я очень доволен, что шеф бюро в Массачусетсе¹, как он мне пишет, будет сам присылать мне все свои издания (также и статистические) тотчас же после их выхода в свет.

¹ К. Д. Райт.

Что касается Моста и компании, то мы относимся к ним «пассивно», т. е. не поддерживаем с ними никаких отношений, хотя сам Мост время от времени бывает у меня. Г-н Любек лжет, говоря, будто бы мы с Энгельсом опубликовали какое-то «заявление» против Моста или «Freiheit». Еврейчик Бернштейн написал Энгельсу из Цюриха, что Мост писал в Германию и Швейцарию, будто мы его поддерживаем. На это Энгельс ответил, что он публично изобличит Моста во лжи, если Бернштейн представит *доказательства* того, что Мост писал это. Но на самом деле Бернштейн (племянник берлинского раввина Ребенштейна из берлинской «Volkszeitung») не мог представить ни малейшего доказательства. Вместо этого он шепнул по секрету эту ложь ослу Любеку, а тот с обычной для этих борзописцев скромностью тотчас же продал эту новость в Соединенные Штаты.

Наши разногласия с Мостом совершенно иные, чем у цюрихских господ, этого трио: «д-р Гёхберг, Бернштейн (его секретарь) и К. А. Шрамм». Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» *слишком революционна*. Мы обвиняем его в том, что в ней нет никакого *революционного содержания*, а одни *революционные фразы*. Мы ставим ему в вину не то, что он *подвергает критике партийное руководство в Германии*, а, во-первых, то, что он устраивает *публичный скандал*, вместо того чтобы, как это делаем мы, написать об этом, т. е. сообщить этой публике свое мнение *в письме*; и, во-вторых, то, что он пользуется этим только как предлогом, чтобы выдвинуть себя на первое место и распространять *нелепые планы тайных заговоров* господ Вебера младшего и Кауфмана.

Эти молодцы еще задолго до его прибытия почувствовали себя призванными взять под свое высочайшее руководство «всеобщее рабочее движение» и предприняли повсюду самые разнообразные попытки осуществить это «милое» предприятие. Бравый Джон Мост, человек с совершенно ребяческим тщеславием, твердо уверен, что переезд его из Германии в Лондон произвел целый переворот в мировой истории. Человек этот не лишен таланта, но он губит его тем, что без конца пишет. К тому же он очень непоследователен. Он, точно флюгер, поворачивается то в одну, то в другую сторону при малейшей перемене ветра. Но что мы с Энгельсом будем вынуждены выступить с «публичным заявлением» против лейпцигцев и связанных с ними цюрихцев, — до этого дело действительно может дойти.

Дело обстоит таким образом: Бебель писал нам, что в Цюрихе хотят создать партийный орган, и просил, чтобы наши имена

фигурировали в числе сотрудников. Ответственным редактором нам назвали Гирша. *Мы на это согласились*, и я написал прямо Гиршу, — он был тогда в Париже, но с тех пор его вторично выслали оттуда, — чтобы он согласился стать редактором, потому что только он один давал нам уверенность, что весь этот сброд из докторов, студентов и т. д. и вся эта катедер-социалистическая сволочь, которая задает тон в «Zukunft» и даже начала уже проникать в «Vorwärts», не будет подпущена близко и что партийная линия будет проводиться твердо. Но оказалось, что Гирш обнаружил в Цюрихе целое осиное гнездо. Пятерка — доктор *Гёхберг* (вкупившийся в партию благодаря своим деньгам двоюродный брат пустомели Зоннемана), его секретарь еврейчик *Бернштейн*, *К.-А. Шрамм*, филистер, хотя и с добрыми намерениями, высланные из Лейпцига *Фирекк* (тоже филистерствующий олух, внебрачный сын германского императора) и купец *Зингер* из Берлина (толстопузый мещанин, несколько месяцев тому назад был у меня с визитом), — эти 5 человек объявили себя с высочайшего разрешения лейпцигцев учредительным комитетом и назначили в качестве *административного и контролирующего редакцию комитета* в Цюрихе трио * * * (Гёхберг—Бернштейн—К.-А. Шрамм), которое и должно являться первой решающей инстанцией; высшую апелляционную инстанцию составляли Бебель, Либкнехт и еще некоторые из немецкого руководства. Гирш, прежде всего, пожелал узнать, *откуда поступают деньги*; Либкнехт написал, что от «партии плюс д-р Гёхберг»; Гирш вполне основательно отбросил риторическое украшение, и получилось, что деньги дает Гёхберг. Во-вторых, Гирш не пожелал подчиниться тройце Гёхберг—Бернштейн—К.-А. Шрамм, на что он тем более имел основания, что Бернштейн ответил на его письмо, в котором он просил информировать его, бюрократическим скриком, осудил его «*Laterne*» — какой ужас! — за ультра-революционность и т. д.

После продолжительной переписки, в которой Либкнехт играл далеко не блестящую роль, Гирш отказался; Энгельс написал Бебелю, что *мы тоже отказываемся*, как мы с самого начала отказались сотрудничать в «Zukunft» (Гёхберга) и «*Neue Gesellschaft*» (Виде). Эти субъекты, в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда не годные, хотят обезвредить социализм (который они состряпали по университетским рецептам) и в особенности социал-демократическую партию, а рабочих просветить или, как они выражаются, привить им «элементы образования», сами нахватавшись только путанных полувзятий. Но прежде

всего они хотят сделать партию достойной уважения в глазах мещан. Это убогие *контрреволюционные* болтуны. Итак, еженедельник выходит (или будет выходить) в Цюрихе под их надзором и под верховным наблюдением лейпцигцев (редактор — Фольмар). Между тем, сюда приехал Гёхберг, чтобы привлечь нас. Он нашел одного Энгельса, который, подвергнув критике изданный Гёхбергом (под псевдонимом д-ра Г. Рихтера) «*Jahrbuch*», разъяснил ему глубокую пропасть, лежащую между нами и им (ознакомься с этой *убогой* стряпней; статья подписана тремя звездочками; это — созвездие: Гёхберг—Бернштейн—К.-А. Шрамм). Но там фигурирует и бравый Джон Мост в раболепной статье о кропателе Шефле. Никогда еще не появлялось в печати ничего более позорного для партии. Какое благо сотворил Бисмарк, *не себе, а нам*, тем, что благодаря вынужденному безмолвию в Германии стало возможным отчетливо услышать этих людей!

Когда Энгельс высказался начистоту, Гёхберг словно с неба свалился; он, в сущности, сторонник «мирного» развития и ждет освобождения пролетариата только от «образованных буржуа», т. е. от себе подобных. Либкнехт-де говорил ему, что по существу все мы с этим согласны, что в Германии все, — т. е. все вожди, — разделяют его взгляды и т. д. Либкнехт действительно совершил большую ошибку своей сделкой с лассальянцами, широко раскрыв двери перед всеми этими половинчатыми людьми, и помимо своей воли подготовил деморализацию в партии, которой удалось избежать *только* благодаря закону против социалистов.

Если «Еженедельник» — партийный орган — будет следовать по стопам «*Jahrbuch*» Гёхберга, то мы будем вынуждены открыто выступить против такого опошления партии и теории! Энгельс составил циркуляр (письмо) к Бебелю и др. (конечно, только для *внутреннего обращения* среди вождей германской партии), в котором без обиняков излагается наше мнение. Итак, мы предупредили этих господ, и они достаточно хорошо знают нас, чтобы понять, что в данном случае это означает: подчинение или разрыв. Если они хотят компрометировать себя, тем хуже [для них]. Компрометировать *нас* мы им во всяком случае не позволим. До чего они поглупели под влиянием парламентаризма, показывает, между прочим, тот факт, что они сочли большим преступлением со стороны Гирша то, что он в своей «*Laterne*» немного потрепал прохвоста Кайзера за его позорную речь о таможенной политике Бисмарка. Как можно, — говорят они, — раз партия, т. е. горсточка парламентских представителей партии, уполномочила Кайзера так говорить! Тем больший

позор для этой горсточки людей. Но и это лишь жалкая уловка. На самом деле они были настолько глупы, что разрешили Кайзеру говорить от собственного имени и от имени своих избирателей, он же говорил от имени партии. Как бы там ни было, они настолько успели заразиться парламентским идиотизмом, что считают себя уже *выше критики* и всякую критику громят как оскорбление величества!

Что касается «Коммунистического манифеста», то с этим пока ничего не вышло: то у меня не было времени, то у Энгельса. Но в конце концов нужно будет дело двинуть.

Надеюсь в ближайшем письме получить утешительные известия о том, что ты и твои близкие здоровы и что все у вас благополучно. Пока же шлю тебе дружеский привет от моей жены и остаюсь твой верный и преданный

Карл Маркс.

Джон Мост написал мне по поводу сплетен Любека в чикагской газете. Я ничего ему не ответил, но теперь, после того как я вернулся в Лондон, приглашу его самого к себе и лично выскажу ему свое мнение.

Гирш находится здесь со времени высылки его из Парижа. Я еще его не видал, потому что меня здесь не было, и он, понятно, не мог побывать у меня.

Посылаю письмо в «заказном» конверте, так как у меня не оказалось других, а я не хочу больше откладывать отправку.

37.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру
в Женеву.

Лондон, 24 сентября 1879 г.

Старый дружиче!

Твою открытку получил. Чтобы ты не сел на мель, если расходы по доверенности окажутся больше, я перевел тебе 1 фунт 12 шиллингов, что должно составить 40 фр. 20 сант. Маркс вернулся и чувствует себя, повидимому, великолепно, так что работа над вторым томом «Капитала» может теперь пойти быстро.

Относительно хода переговоров с людьми в стране филистерства я своевременно сообщу тебе.

Очень спешу.

Твой старый

Ф. Э.

38.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

[Черновик.]

Лондон, 14 ноября 1879 г.

Дорогой Бебель!

Благодарю Вас за Ваши сообщения, а также и за сообщения Фриче и Либкнехта, дающие, наконец, возможность ясно представить себе все положение вещей.

Что дело с самого начала обстояло далеко не так просто, доказывают лейпцигские письма и вообще вся путаница с Гиршем. Этой путаницы не было бы, если бы лейпцигцы сразу же отклонили претензии цюрихской тройки на цензорские функции. Если бы это было сделано и об этом было бы сообщено Гиршу, то все было бы в порядке. Но так как этого не было¹, то я, сопоставляя еще раз все, что произошло, и все, что было упущено, — теперешние сообщения участников этой истории и их прежние письма, — могу прийти к одному лишь выводу, а именно, что Гёхберг был вовсе не так неправ, говоря, что цюрихскую цензуру ввели только из-за Гирша, а по отношению к Фольмару она излишня.

Что касается финансирования [газеты], то я не очень удивлен тем, что Вы так легко отнеслись к этому вопросу. Вы имеете с этим дело лишь впервые. Но ведь Гирш как раз на практике «*Laterne*» приобрел этот опыт, и мы, уже не раз видавшие на своем веку подобные вещи и сами это испытывавшие, можем только признать правоту Гирша, который добивался серьезного отношения к этому пункту. «*Freiheit*», несмотря на все субсидии, заканчивает третий квартал с дефицитом в 100 ф. ст., т. е. в 2 000 марок. Я не знаю ни одной запрещенной в Германии немецкой газеты, которая существовала бы без значительных субсидий. Пусть первые успехи Вас не ослепляют. Настоящие трудности контрабандной работы обнаруживаются только со временем и непрестанно возрастают.

Сказанное Вами о поведении депутатов и вообще вождей партии в вопросе о покровительственных пошлинах подтверждает каждое

¹ Далее зачеркнуто: «Почему же Лейпциг тотчас же не отклонил так настоятельно выставленное ими требование? Чтобы заставить Гирша отправиться в Цюрих, нужны были два условия: 1) сообщить о действительном положении, как это теперь и сделано, и 2) уведомление: мы, лейпцигцы, сообщили цюрихцам о том, что им в административные дела редакции вмешиваться нечего, а если они все же вмешиваются, то тебе до этого нет никакого дела, ты обязан отчитываться только перед нами».

слово моего письма. Достаточно скверно было то, что партия, приписывающая себе в экономических вопросах такое превосходство над буржуа, при первом же испытании в этой области точно так же раскололась и растерялась, как национал-либералы, которые свой жалкий провал могли оправдать, по крайней мере, тем, что тут пришли в столкновение действительные буржуазные интересы. Еще хуже было то, что раскол этот не сумели скрыть и выступили неуверенно и неопределенно. Если нельзя было достигнуть единства, то оставался лишь один путь: объявить вопрос чисто буржуазной проблемой, чем он и является в действительности, и не участвовать в голосовании¹. Но хуже всего было то, что Кайзеру разрешили произносить его жалкие речи и *при первом чтении голосовать за законопроект*. Только *после* этого вотума Гирш обрушился на него, и если вслед за тем, при третьем чтении, Кайзер голосовал *против* закона, то этим он свои дела не поправил, а, скорее, испортил.

Постановление съезда — не оправдание. Если партия и теперь будет считать себя связанной всеми прежними, вынесенными в доброе старое время постановлениями съездов, то она сама на себя налагает оковы. Правовая почва, на которой борется живая партия, не только должна быть ею самой создана, но и во всякое время может быть изменена. Закон против социалистов, лишая возможности созывать съезды и вносить какие бы то ни было изменения в старые резолюции, уничтожает тем самым их обязательность. Партия, лишенная возможности принимать обязательные для нее решения, должна находить свои законы лишь в своих живых, постоянно меняющихся потребностях. Если же она предпочитает подчинять эти потребности старым, уже отмершим, окостеневшим постановлениям, то она сама себе роет могилу.

Такова формальная сторона дела. Но и самое содержание этого постановления лишает его всякой силы. Во-первых, оно противоречит программе, так как допускает голосование за косвенные налоги; во-вторых, — недвусмысленному требованию партийной тактики, так как разрешает налоги в пользу нынешней государственной власти; в-третьих же, оно, в переводе на простой язык, означает следующее:

Съезд признает свою недостаточную осведомленность в вопросе

¹ Далее зачеркнуто: «Сослаться на параграф программы, устранивший все косвенные налоги, и руководиться исключительно тактикой, запрещающей утверждение *каких бы то ни было* налогов для этого правительства, и всецело отказаться от участия в голосовании».

о покровительственных пошлинах и поэтому не может принять определенного решения за или против. Он объявляет себя, следовательно, *некомпетентным* в этом вопросе и в угоду почтеннейшей публике ограничивается несколькими общими местами, отчасти ничего не говорящими, отчасти же противоречащими друг другу или программе; и съезд с облегчением думает, что таким путем отмахнулся от этого вопроса.

Так вот это признание собственной некомпетентности, с помощью которого в мирные времена отложили в долгий ящик этот бывший в то время чисто академическим вопрос, эта старая рухлядь должна теперь, в боевой обстановке, когда вопрос стал животрепещущим, связывать руки всей партии, покуда это решение не будет по всем правилам отменено новым решением, принять которое теперь невозможно!

Несомненно одно: какое бы впечатление ни произвели на депутатов нападки Гирша на Кайзера, эти нападки отражают впечатление, произведенное безответственными выступлениями Кайзера на немецких и не-немецких социал-демократов за границей. Надо, наконец, понять, что мы должны поддерживать репутацию партии не только у себя дома, но и перед лицом Европы и Америки.

И в этой связи перейду к отчету. Насколько удачно его начало, насколько искусен анализ прений по вопросу о покровительственных пошлинах, настолько же в третьей части неприятны уступки немецкому филистеру. К чему ненужные места о «гражданской войне», к чему это расшаркивание перед «общественным мнением», которое в Германии всегда совпадает с мнением филистера из пивной? К чему полнейшее замазывание классового характера движения? С какой стати доставлять такое удовольствие анархистам? Притом же все эти уступки совершенно бесполезны. Немецкий филистер — олицетворенная трусость, он уважает лишь того, кто внушает ему страх¹. Того же, кто хочет казаться в его глазах пайнкой, он считает себе подобным и уважает как себе подобного, т. е. ни в грош не ставит. И теперь, когда «буря» филистерского возмущения, именуемая общественным мнением, снова, по всеобщему признанию, улеглась и когда бремя налогов и без того уже гнетет этих людей, к чему эти медоточивые речи? Если бы Вы знали, с каким

¹ Далее зачеркнуто: «Бисмарк обращается с ним так, как он того заслуживает, т. е. попросту пинает, поэтому филистер буквально молится на Бисмарка».

чувством слушаешь это за границей! Хорошо, конечно, чтобы партийный орган редактировали люди, стоящие в центре партии, на боевых позициях. Но стоило бы Вам с полгода пробыть за границей, и Вы совсем по-иному расценили бы это совершенно излишнее самоунижение партийных депутатов перед филистером. Буря, разразившаяся над французскими социалистами после Коммуны, была все же совсем не то, что трескотня по поводу Нобилинга в Германии. А насколько независимее и достойнее держались французы! Можно ли их упрекнуть в подобной слабости, в подобных комплиментах по адресу врага? Там, где они не могли свободно высказаться, они молчали и давали обывателю накричаться вволю, зная, что их время еще вернется, и теперь это время пришло.

Тому, что Вы говорите о Гёхберге, я охотно верю. Против него, как человека, я решительно ничего не имею. Думаю, что лишь благодаря травле социалистов ему стало ясно, к чему он в глубине души стремится. Что стремления его носят буржуазный, а не пролетарский характер, это я ему, вероятно, тщетно старался разъяснить. Но раз он уж себе составил программу, то думать, что он не станет добиваться ее признания, значило бы приписать ему слабость, превосходящую обычную слабость немецкого филистера. Дело в том, что Гёхберг до той статьи и Гёхберг после нее — два различных человека ¹.

Но вот в № 5 «Sozialdemokrat» я нахожу корреспонденцию с Нижней Эльбы, в которой Ауэр, основываясь на моем письме, обвиняет меня, — правда, не упоминая имени, но достаточно ясно, — в том, что я «сею недоверие к испытаннейшим партийным товарищам», — другими словами, что я клевету на них (так как в противном случае я бы имел право на это) ². Не довольствуясь этим, он нелепым и подлым образом приписывает мне такие вещи, которых в моем письме совершенно нет. Повидимому, Ауэр воображает, *что я от партии чего-то добиваюсь*. Но ведь Вы знаете, что не я добиваюсь чего-то от партии, а партия — от меня. Вы и Либкнехт знаете: единственное, чего я вообще требовал от партии, это — чтобы меня оставили в покое и дали мне возможность закончить мои теоретические работы. Вы знаете, что за последние шестнадцать лет ко мне постоянно обращались с просьбой писать для партийных органов и что я исполнял

¹ Далее зачеркнуто: «по крайней мере для партии».

² Далее зачеркнуто: «Мне и в голову не приходит отвечать на столь же глупые, сколь и подлые провокационные нападки Ауэра. Должен, однако, заметить, что Ауэр, очевидно, воображает...»

эти просьбы, по *определенному заказу* Либкнехта писал целые серии и брошюры, как, например, «Жилищный вопрос» и «Анти-Дюринг». Не буду распространяться о том, какие любезности я получал в благодарность за это от партии: например, приятные прения на съезде по вопросу о Дюринге. Вы знаете также, что Маркс и я, с тех пор, как существует партия, добровольно взяли на себя защиту ее от внешних врагов и что взамен мы требовали от партии лишь одного: чтобы она не изменяла самой себе.

Но если партия требует от меня, чтобы я участвовал в ее новом органе, то само собою разумеется, что она должна позаботиться, по крайней мере, о том, чтобы во время переговоров со мной меня в этом самом органе, да еще устами номинального совладельца его, не обвиняли клеветнически в клевете. Я не знаю ни одного литературного или какого-либо иного кодекса чести, с которым это было бы совместимо; думаю, что даже продажный писака не решился бы на это. Поэтому я принужден Вас спросить:

1) какое удовлетворение можете Вы мне предложить за это ничем не вызванное и подлое оскорбление?

2) чем можете Вы гарантировать, что это не повторится?

По поводу ауэровских инсинуаций я хочу еще прибавить, что мы здесь высоко ценим как трудности, при которых партии приходится бороться в Германии, так и значение достигнутых, несмотря на это, успехов и образцовое до сих пор поведение партийных *масс*. Само собою разумеется, что каждая одержанная в Германии победа радует нас так же, как и победа в любой другой стране, и даже больше, так как германская партия ведь росла, примыкая с самого же начала к нашим теоретическим положениям. Но именно поэтому мы придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходились с общей теорией. Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия и партийное руководство выигрывают от того, что за границей у них есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии.

С дружеским приветом

Ф. Энгельс.

39.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 19 ноября 1879 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой Зорге!

Наконец-то я могу выслать тебе все доверенности. Часть их я получил лишь в конце позапрошлой недели. Они прибыли в то время, когда я из-за отвратительнейшей простуды был вынужден сидеть дома, а потом мой адвокат умудрился затянуть дело на целую неделю, и только сегодня я, наконец, получил свою доверенность. После я тебе пришлю счет как за эти доверенности, так и за первую.

Посылаю тебе одновременно с этим, но в другом конверте, остальные три (всего, значит, четыре) доверенности.

Мое письмо, в котором я писал тебе о последних событиях внутри партии, ты, вероятно, уже получил. С тех пор Гёхберг с его цюрихскими единомышленниками удален, по крайней мере номинально, из редакционной комиссии, находящейся теперь в Лейпциге, а Фольмар остается в Цюрихе в качестве редактора. Его газета «Sozial-Demokrat» не многого стоит. Как бы то ни было, все более или менее известные наши товарищи, как Либкнехт, Бебель, Бракке и другие, отреклись от «Jahrbuch» Гёхберга (т. е. Рихтера), хотя пока еще только негласно.

Как ты, вероятно, знаешь из газет, антикоммунистическая шайка, составленная из самых разнородных элементов, потерпела, в конце концов, решительное поражение на марсельском конгрессе.

Жена моя все еще опасно больна, и сам я тоже далеко еще не совсем оправился.

Сердечный привет от моей семьи.

Твой Карл Маркс.

40.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 24 ноября 1879 г.

Дорогой Бебель!

У меня были веские основания для того, чтобы отнести на-мек Ауэра на свой счет. Дата ничего не доказывает. Моста он безусловно исключает, так что спросите его самого, кого он имел в виду,

а там посмотрим, что он скажет. Я убежден, что в недоразумении повинен *не я*.

Заявление, о котором я упоминал, Гёхберг во всяком случае сделал.

Я знаю, что во время переговоров с Гиршем Вы почти всегда отсутствовали, и мне и в голову не приходит лично Вас считать ответственным за все случившееся.

В отношении таможенных пошлин Ваше письмо подтверждает именно то, о чем я писал. Если мнения разделились, — а дело обстояло именно так, — то, учитывая это различие мнений, *как раз и следовало воздержаться от голосования*, иначе было бы принято во внимание мнение только одной части депутатов. Почему, однако, протекционистская часть заслужила больше внимания, чем фри-тредерская, — остается непонятным. Вы утверждаете, что не можете в парламенте ограничиться чистым отрицанием. Но если, в конце концов, все они голосовали против закона, то ведь они остались на почве чистого отрицания. Я лишь утверждаю, что заранее надо было знать, какой тактики придерживаться; надо было действовать в соответствии с окончательным голосованием.

Круг вопросов, в отношении которых социал-демократические депутаты могут выйти за пределы чистого отрицания, крайне ограничен. Все это вопросы, непосредственно затрагивающие взаимоотношения рабочего и капиталиста: фабричное законодательство, нормальный рабочий день, ответственность предпринимателей, выдача заработной платы товарами и т. д. Затем чисто буржуазные реформы прогрессивного характера: единство монетной системы и весов, свобода передвижения, расширение личной свободы и т. д. Но всем этим пока что вас, очевидно, утруждать не станут. По всем другим экономическим вопросам — покровительственные пошлины, переход в руки государства железных дорог, страхового дела и т. д. — социал-демократические депутаты всегда должны будут следовать основному принципу: не голосовать ни за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом. И это тем легче, что в самой партии мнения здесь будут неизбежно расходиться, и, таким образом, политика отрицания будет напрашиваться сама собой.

То, что Вы пишете о Кайзере, только ухудшает дело. Если он вообще высказывается за покровительственные пошлины, то почему он против них голосует? Если он намерен голосовать против них, то зачем он за них высказывается? Если же он усердно изучал эту проблему, то как он может голосовать за пошлины на железо? Если

его занятия хоть чего-нибудь стоят, то он должен был бы знать, что в Германии есть два металлургических завода, Dortmund Union и Königs- und Laura-Hütte, *каждый* из которых в состоянии *удовлетворить спрос всего внутреннего рынка*, а помимо них есть еще не мало предприятий поменьше; что в данном случае покровительственная пошлина — чистейшая бессмыслица; что тут может помочь только завоевание внешнего рынка, следовательно абсолютная свобода торговли, иначе — *банкротство*; что сами фабриканты железа могут желать покровительственных пошлин лишь в том случае, если они организовали «ринг», т. е. заговор, который навязывает *внутреннему рынку монопольные цены*, чтобы излишнюю продукцию по бросовым ценам сбывать за границей, что *они фактически уже и делают в настоящее время*. В интересах этого «ринга», этого заговора монополистов, Кайзер и говорил, и голосовал, поскольку голосовал за пошлины на железо, а Ганземан из Dortmund Union вместе с Блейхредером из Königs- und Laura-Hütte посмеиваются в кулак над глупым социал-демократом, который к тому же еще *усердно изучал* проблему!

Вы должны во что бы то ни стало раздобыть книгу Рудольфа Мейера «Politische Gründer [und die Korruption] in Deutschland» [«Политические грюндеры и коррупция в Германии»]. Без знания всего собранного там материала о надувательстве, о крахе и политической коррупции последних лет невозможно судить о современном положении Германии. Как могло случиться, что этот богатейший источник не был в свое время использован нашей печатью? Книга, разумеется, запрещена.

Вот места в отчете, которые я главным образом имею в виду: 1) то место, где придается такое большое значение завоеванию общественного мнения: кому эта сила враждебна, тот, дескать, парализован, и потому наше существование зависит от того, чтобы «эта ненависть была превращена в симпатию» и т. д. (симпатию! со стороны людей, которые только что, во время паники, вели себя, как негодяи!); так далеко заходить вовсе не требуется, тем более что паника давно улеглась; 2) где говорится, что партия, которая осуждает всякую войну (значит и ту, которую она сама обязана вести и ведет, несмотря ни на что) и ставит себе целью братство всех людей (на словах это цель всех партий, на деле же ни одной, так как и мы не собираемся брататься с буржуа, покуда они хотят оставаться буржуа), — что такая партия не может стремиться к гражданской войне (значит, даже и в том случае, когда гражданская война является средством, ведущим к цели). Из этого положения можно вывести и следующее:

партия, которая восстает против всякого кровопролития, не может стоять ни за пускание крови больному, ни за ампутацию зараженных гангреной членов, ни за научную вивисекцию. К чему такие фразы? Я не требую от вас, чтобы вы «крепко выражались»; минус отчета не в том, что он слишком мало говорит, — наоборот, в нем слишком много такого, что лучше было бы опустить. Дальнейшее уже гораздо лучше, и Ганс Мост, к счастью, благополучно проглядел те несколько мест, на которых он мог бы нажать капиталец.

А вот торжественное сообщение о том, что Либкнехт принес в Саксонии присягу, было промахом со стороны «Sozialdemokrat». Ганс за это уцепился, а его друзья анархисты не преминут уж использовать это и дальше. Маркс и я не видим в этом такой опасности, какая с перепуга померещилась Гиршу. Вам лучше знать, действительно ли «Париж стоит бедни», как сказал Генрих IV, когда сделался католиком и тем спас Францию от Тридцатилетней войны; надо уяснить себе, достаточно ли велика выгода, чтобы пойти ради нее на непоследовательный поступок и принести присягу, обладающую к тому же тем исключительным свойством, что она не может повлечь за собой процесса о ложной присяге. Но раз это случилось, следовало об этом молчать, пока *другие* не подняли шума; а тогда можно было бы защищаться. Если бы не «Sozialdemokrat», то Ганс не услышал бы об этом ни слова.

Очень порадовало нас то, как Вы отделали этого завязатого пьянчужку и обормота. Мы позаботимся о том, чтобы это было распространено и в Париже; смущает нас только вопрос о французских терминах, которыми можно было бы передать эти сочные выражения.

Мы отнюдь не отрицаем, что нам здесь, как говорят, легко рассуждать и что ваше положение гораздо тяжелее нашего.

Прилив мелких буржуа и крестьян свидетельствует, правда, о колоссальных успехах движения, но вместе с тем это и опасно для него, если позабыть, что эти люди должны к нам притти, но *потому* только и идут, что должны. Их присоединение доказывает, что пролетариат на деле стал руководящим классом. Но так как они приносят с собой мелкобуржуазные и крестьянские идеи и стремления, то надо помнить, что пролетариат не выполнит своей исторической руководящей роли, если будет делать уступки этим идеям и стремлениям.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Энгельс.

41.

Маркс — Г. Броше

в Лондон.

[Лондон,] 11 декабря 1879 г.

Дорогой г. Броше!

Не придете ли Вы в ближайшее воскресенье ко мне обедать в 2 часа?

Преданный вам

Карл Маркс.

42.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 16 декабря 1879 г.

Дорогой Бебель!

Не понимаю, как Ауэр может теперь утверждать, что он имел в виду Моста — ведь в своей статье он его совершенно ясно исключает. Впрочем, оставим этот вопрос.

В № 10 «Sozialdemokrat» напечатаны «Очерки по истории прессы», безусловно принадлежащие перу одного из трех светил¹. Там сказано: «Социал-демократы могут только гордиться сравнением с беллетристами вроде Гуцкова и Лаубе», т. е. с людьми, еще задолго до 1848 г. похоронившими остатки своего политического достоинства, если оно у них вообще когда-либо было. Далее: «События 1848 г. должны были бы принести с собой все блага мирной жизни в том случае, если бы правительства удовлетворили требования времени, но, ввиду того, что правительства этого не сделали, не оставалось, к сожалению, иного пути, кроме пути насильственной революции».

В газете, которая находит возможным форменным образом говорить по поводу того, что была революция 1848 г., впервые открывшая дорогу социал-демократии, в такой газете нам не место. Эта статья, а также письмо Гёхберга ясно показывают, что тройное созвездие претендует на то, чтобы их впервые четко высказанные в «Jahrbuch» мелкобуржуазные социалистические воззрения были представлены в «Sozialdemokrat» наравне с пролетарскими. Я не представляю себе, каким образом Вы в Лейпциге, после того как воз уже так глубоко увяз, могли бы воспрепятствовать этому, не доводя дело до открытого разрыва. Вы, как и прежде, видите в этих людях то-

¹ Энгельс имеет в виду Гёхберга, Шрамма и Бернштейна.

варищей по партии. Для нас это немыслимо. Статья в «Jahrbuch» резко отделяет нас от них. Мы не можем даже вести с ними переговоров, пока они утверждают, что принадлежат к одной партии с нами. Вопросы, о которых здесь идет речь, — такие вопросы, по поводу которых уже ни в одной *пролетарской* партии и спора быть не может. Дискутировать их в пределах партии означало бы поставить под вопрос весь пролетарский социализм.

В самом деле, при таких условиях нам лучше всего не сотрудничать [в «Sozialdemokrat»]. Мы только и делали бы, что протестовали, и несколько недель спустя должны были бы заявить о своем уходе, что тоже не пошло бы на пользу делу.

Мы очень сожалеем, что не можем безоговорочно поддержать вас в такой тяжелый для вас момент. Пока партия в Германии оставалась верна своему пролетарскому характеру, мы оставляли в стороне все другие соображения. Но теперь, когда мелкобуржуазные элементы, допущенные в партию, открыли свои карты¹, положение изменилось. Пока им будет разрешено протаскивать по частям контрабандным путем в орган германской партии свои мелкобуржуазные взгляды, этот орган тем самым для нас просто-напросто закрыт².

История с присягой нас очень мало трогает. Пожалуй, можно было бы, как Вы предполагали, найти другой путь, который помог бы устранить неприятный оттенок, но это не имеет большого значения. Тайна, согласно Вашему желанию, будет нами соблюдена.

Журнал Малона может оказать хорошее влияние, потому что, во-первых, Малон не такой человек, чтобы натворить много бед, а во-вторых, его сотрудники-французы позаботятся о том, чтобы дело не выходило из правильного русла. Если Гёхберг мечтает о том, чтобы найти там почву для своих мелкобуржуазных затей, то он скоро убедится, что его деньги попросту выброшены на ветер.

Результат выборов в Магдебурге нас очень порадовал. Несокрушимость рабочих масс в Германии достойна восхищения.

¹ В черновике зачеркнуто: «и претендуют на то, чтобы выдавать внутри партии за социализм свои мелкобуржуазные сомнения и свою ограниченность, — дело меняется. К той партии, к которой принадлежат они, мы не принадлежим; мы не можем также заключать соглашения с такими людьми, пока они не образовали свою собственную мелкобуржуазно-социалистическую партийную фракцию, т. е. покуда они утверждают, что они все-таки принадлежат к одной с нами партии; мы не можем даже вести с ними переговоров, и если германская партия...»

² В черновике зачеркнуто: «Мы не можем пойти и никогда не пойдем по одному пути с мелкобуржуазным социализмом».

Корреспонденции рабочих в «Sozialdemokrat» — единственно хорошее из того, что в нем есть.

Письмо Гёхберга возвращаю. С этим человеком ничего не поделаешь. Если мы не хотим идти вместе с сотрудниками «Zukunft», то этому-де причиной наше тщеславие. Но треть этой компании была и остается для нас *совершенно неизвестной* даже по имени, и приблизительно еще треть заведомо состояла из мелкобуржуазных социалистов. И это именовалось «научным» журналом! А Гёхберг вдобавок воображает, что журнал «влият просвещающим образом!» Доказательство — его собственная, на редкость ясная голова, которая до сих пор, несмотря на все старания, не в состоянии постичь разницу между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. Все разногласия сводятся к «недоразумениям». Точь-в-точь как у демократических кликуш 1848 г.! Или же это — «скороспелые» выводы. Разумеется, — потому что каждый вывод, вкладывающий в болтовню этих господ какой-либо смысл, является «скороспелым». Ведь они хотят сказать не только *то, что говорят*, но по возможности и противоположное.

Впрочем, мировая история идет своим путем, не считаясь с этими мудрыми и умеренными филистерами. В России через несколько месяцев дела должны принять решительный оборот. Одно из двух: либо падет самодержавие, и тогда тотчас же, с падением главного оплота реакции, по Европе повеет другим ветром, либо разразится европейская война, и в неизбежной борьбе всякого народа за свое национальное бытие эта война похоронит и *нынешнюю* германскую партию. Такая война была бы для нас величайшим несчастьем, она могла бы отбросить движение на двадцать лет назад. Но новая партия, которая, в конце концов, должна была бы создаться в результате всего этого, освободилась бы во всех европейских странах от всяческих колебаний и мелочности, которые теперь повсюду тормозят движенье.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Э.

43.

Энгельс — П.-Ф. Беккеру

в Йенеу.

Лондон, 19 декабря 1879 г.

Старый дружище!

Я еще вчера должен был получить деньги и заранее решил, что тотчас же пошлю тебе перевод, но было уже слишком поздно,

чтобы отправить его в тот же день, и у меня все время вертелось в голове: сегодня вечером непременно будет письмо от Филиппа! И письмо в самом деле пришло. Таким образом, ты лишил меня удовольствия преподнести тебе рождественский сюрприз. Итак, я отправил почтовый перевод на 6 ф. ст., которые по здешнему курсу составляют 126 франков: тебе их, вероятно, сейчас же выплатят.

Мы тут кое-как держимся: я пожаловаться не могу, Маркс чувствует себя лучше, чем в прошлом году, хотя все еще не так, как следовало бы, г-жа Маркс давно уже страдает болезнью желудка и редко чувствует себя вполне здоровой. Второй том подвигается вперед медленно и, вероятно, быстрее не пойдет, пока лето, если оно будет лучше, чем в прошлом году, не даст, наконец, Марксу возможности поправиться по-настоящему.

Вчера я написал Бебелю, что мы не можем сотрудничать в «Sozialdemokrat». Гёхберг, как видно из его дальнейших писем, считает само собой разумеющимся, что ему будет предоставлена возможность защищать в «Sozial-Demokrat» взгляды, высказанные им в «Jahrbuch», и я не представляю себе, как лейпцигцы сумеют отказать ему в этом, пока они находятся с ним и его коллегами-филистерами в таких отношениях, как сейчас. Но тем самым совершенно исключается наше участие. После того, как мы со времени выхода Манифеста (и даже со времени появления работы Маркса против Прудона) непрерывно вели борьбу против того же мелкобуржуазного социализма, мы не можем идти с ним вместе в тот момент, когда он, опираясь на закон против социалистов, пытается вновь поднять свое знамя. Да так оно и лучше. Не то мы ввяжемся в бесконечные споры с этими господами, «Sozialdemokrat» сделается ареной борьбы, а в конце концов нам все-таки придется открыто заявить о своем уходе. Всем этим мы оказали бы услугу только пруссакам и буржуа, так что лучше нам этого избежать. Но это не должно служить примером для других, потому что *самый ход переговоров* вынуждает нас поднять перчатку и выступить против Гёхберга и иже с ним. Я не вижу никаких оснований, почему бы тебе, например, не работать в этой газете. Корреспонденции немецких рабочих — единственное, что в ней есть отрадного, и твое участие только улучшило бы газету. Раз уже газета все равно существует, то предпочтительно, чтобы она была как можно лучше, а не хуже. Я говорю это в надежде на то, что они будут тебе как следует платить, потому что нельзя же требовать от тебя в твоём положении бесплатной работы. На лейпцигцев тоже не приходится слишком досадовать по поводу этой истории. Мы это давно уже предвидели. Либкнехт никак не может отказаться от того, чтобы не посредничать

и не заводить друзей направо и налево, и если только партия будет выглядеть сильной, многочисленной и до известной степени обеспеченной средствами, то он готов смотреть сквозь пальцы на эти чуждые элементы. Так будет продолжаться до тех пор, пока он как следует на этом не обожжется, а когда это случится, тогда он спохватится и вернется на правильный путь.

«Freiheit» — просто шумиха без всякого содержания и смысла, а Мост — человек, вообще не лишенный способностей. — показал здесь полную свою неспособность высказать хоть одну-единственную мысль, с тех пор как он оторвался от партийной почвы. Если уж мне захочется почитать сплошную ругань, то я предпочту все-таки покойного Карла Гейнца, — у него это выходило покрепче.

Все доверенности отосланы в Нью-Йорк, но с тех пор я о них больше ничего не слышал. На надежды Либкнехта полагаться не приходится — у него их всегда больше, чем нужно.

Лесснер давно уже не имеет ничего общего со здешним Союзом. Он редко показывается и при этом обычно брюзжит по поводу положения вещей вообще.

В России дела обстоят великолепно. Там дело приближается к развязке, а если дойдет до этого, то у великих людей Германской империи душа уйдет в пятки¹. Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории.

Пусть тебя особенно не огорчают бедные анархисты. Они ведь уже совершенно оскандалились. На Западе им ничего другого не осталось, как разводить анархию в своей собственной среде, да так, что только клочья летят, а в России они всеми своими убийствами только таскают каштаны из огня для конституционалистов, что они к своему ужасу обнаружили только сейчас.

Привет от Маркса и твоего

Ф. Э.

¹ В подлиннике употреблено выражение: «dann geht [ihnen] sofort der Allerwerteste Zentnerweis mit Grundeis».

1880 год.

44.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 10 января 1880 г.

Дорогой Либкнехт!

Твое письмо пришло в самый разгар праздничной суматохи, которая, ввиду прибавления семейства Маркса и присутствия двух гостивших у меня наших друзей из Манчестера, приняла порядочные размеры. Чтобы переслать твое письмо, мне нужно было заглянуть в *новейший* указатель главного почтамта, а указателя поблизости не оказалось. В начале этой недели я, наконец, разыскал его и отправил твое письмо по адресу: Александру Макдональду, эсквайру, члену парламента, Well Hill (в указателе Well hl.), близ Гамильтона, Северная Британия (N.B.).

Из обоих¹ Макдональд — большой прохвост, но он в более тесной официальной связи с углекопами. Возможно, что ты получишь от него ответ раньше моего письма. После открытия парламента ты можешь адресовать письма просто в палату общин, Александру Макдональду.

Так как ты говоришь, что просил у Макдональда документы, затребованные тобой в этом письме, то я, разумеется, ничего больше в этом отношении не предпринимаю, пока не получу от тебя сообщений.

История с серебром или, вернее, с двойной валютой — измышление нескольких ливерпульских хлопковых спекулянтов. Так как в Индии и Китае в торговле практически обращается одно только серебро, а серебро за десять лет упало с 1/15,5 до 1/17,5 — 1/18 стоимости золота, то это обстоятельство, разумеется, еще больше обострило кризис на рынке хлопчатобумажных изделий, вызванный усиленным экспортом на Дальний Восток. Во-первых, цены упали

¹ депутатов-рабочих.

вследствие повысившегося предложения, а кроме того, эти цены выражали для английского экспортера меньшую стоимость в золоте, чем раньше. Глубокомысленные ливерпульцы, которые никак не могут себе представить, что хлопок тоже может упасть в цене, объявили все разницей в валюте и считают, что все в порядке и что индийско-китайская торговля будет процветать, как только здесь постановят, что серебро должно снова стоить $1/15,5$ стоимости золота, т. е. английская публика должна позволить навязать себе серебро по цене на 13 — 15% выше стоимости, для того чтобы экспортеры хлопка этот излишек положили в карман. Вот и все надувательство, за которое уцепилось несколько *scotch-mongers* [чудаков-торговцев]. Это никогда не имело сколько-нибудь серьезного значения. «Times» оказался на-днях таким человеколюбивым, что заявил, с тайным намерением создать для лондонского денежного рынка резервуар, куда бы Лондон мог сплавлять свое обесцененное серебро по цене выше его стоимости: для такой бедной страны, как Германия, золотая валюта не подходит, ей лучше вернуться к более удобной серебряной валюте. Это, разумеется, такое же благое пожелание, как и ребяческая фантазия нашего друга Бисмарка вернуться к двойной валюте и снова при всех платежах выдавать талеры как полноценные, хотя они и стоят на 15% меньше номинала. Однако германские финансисты под эгидой друга Бисмарка настолько поумнели, что это не удалось, и выпущенные талеры с быстротою обезьян устремились обратно в банк и в государственные кассы.

Поздравляю тебя и всех вас с Новым годом и *русской революцией*, которая в наступающем году наверное придет в движение и тотчас же изменит облик всей Европы. За это мы опять должны быть больше всего благодарны нашему другу Бисмарку, который своей демонстративной поездкой в Австрию и союзом с ней поставил русское правительство как раз в нужный (*для нас!*) момент перед альтернативой: война или революция! Что за гений!

Твой Ф. Э.

45.

Маркс — д-ру Краусу

в Лондон.

[Лондон,] 26 марта 1880 г.

Дорогой д-р Краус!

Я совсем позабыл, что сегодня страстная пятница: мы с дочерью Элеснорой нашли вследствие этого в 12 часов кафе «Рояль» закрытым,

прождали до часа и, так как Вы не приходили, поехали в Ваш отель. Будьте добры написать мне сегодня же (так чтобы я завтра получил ответ), сможете ли Вы быть у нас к обеду в воскресенье в 5 часов (а не в 2).

Мисс Элеонора шлет Вам привет.

Ваш *Карл Маркс*.

46.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 1 апреля 1880 г.

Старый дружище!

Сообщаю, что отправил тебе почтовый перевод на 4 ф. ст., т. е. 100 фр. 80 сант.; желаю тебе поскорее их получить. Надеюсь, что здоровье твоей жены и твое стало лучше, после того как суровая зима наконец окончилась. Мы живем так себе. Г-жа Маркс все еще не поправилась, да и Марксу не мешало бы чувствовать себя получше. После зимы для него всегда наступает самое скверное время, судорожный кашель не дает ему спать.

А вообще, здесь опять повторяется та же история, что и в 1850 г. Рабочий союз раскалывается на всевозможные группы: с одной стороны — Мост, с другой — Раков, и нам стоит большого труда не дать вовлечь себя в эту склоку. Все это только бури в стакане воды, которые, возможно, оказывают известное благотворное влияние на тех, кто принимает в этом участие, помогая им кое-чему научиться, но для хода мировой истории довольно-таки безразлично, выскажется ли здесь сотня немецких рабочих за тех или за других. Если бы они еще могли оказывать какое-нибудь влияние на англичан, но об этом ведь и речи быть не может. Мост в своей бестолковой жажде деятельности не может оставаться спокойным, но вместе с тем решительно ничего не в состоянии довести до конца. В Германии люди никак не хотят понять, что раз Моста выслали из Германии, значит настал момент для революции. «Freiheit» во что бы то ни стало должна стать самой революционной газетой в мире, но для этого недостаточно повторять на каждой строчке слово «революция». К счастью, очень мало значения имеет, что пишут в этой газете и чего не пишут. То же самое можно сказать и о цюрихском органе, который сегодня проповедует революцию, а на завтра объявляет насильственный переворот величайшим несчастьем; с одной стороны, боится, как бы Мост его не перекричал,

а с другой — опасается, как бы рабочие не приняли его собственную декламацию всерьез. Вот и выбирай тут между пустозвонством «Freiheit» и ограниченным филистерством «Sozialdemokrat».

Боюсь, что наши друзья в Германии заблуждаются относительно организационных форм, которых следует придерживаться в теперешних условиях. Я не возражаю против того, чтобы те, кто избран в члены парламента, стояли во главе, потому что никакого другого руководства нет, но того беспрекословного повиновения, которого могло требовать старое руководство, избранное для этой цели, они требовать не могут и добиться не сумеют. В особенности при теперешних условиях — без прессы, без массовых собраний. Чем свободнее в настоящее время организация по видимости, тем крепче она в действительности. Вместо этого хотят сохранить старую систему, при которой решение партийного руководства является окончательным (хотя и нет конгресса, который мог бы исправить его, а в случае надобности — сместить), и если кто-нибудь заденет одного из них, его объявляют еретиком. При этом лучшие сами сознают, что в их среде тоже есть всякого рода неспособная и не совсем чистоплотная публика. Они, право, должны быть уж чересчур ограниченными, чтобы не видеть, что их органом распоряжаются не они, а Гёхберг при помощи своего денежного мешка, а заодно с ним его друзья-филистеры Шрамм и Бернштейн. По-моему, *старой* партии с ее прежней организацией приходит конец. Если, как можно ожидать, европейское движение вскоре снова оживет, то в него вольются широкие массы немецкого пролетариата и 500 тысяч человек 1878 г. составят образованное, дисциплинированное ядро этой массы, но тогда уж старая, сохранившаяся от лассалевских традиций, «подтянутая организация» будет тормозом, который хотя и мог бы остановить воз, но которым нельзя удержать лавину. При этом все, что эти люди делают, может только развалить партию. Прежде всего, партию заставляют постоянно поддерживать старых агитаторов и редакторов и для этого ей навязывают целую кучу газет, в которых нет ничего, чего нельзя было бы прочесть в любой захудалой буржуазной газетке. И рабочие должны все это выносить! Во-вторых, эти руководители в большинстве случаев так кротко выступают в рейхстаге и саксонском ландтаге, что позорят перед всем светом и себя, и партию, делают существующему правительству «положительные» предложения относительно того, как ему лучше поступить в различных мелких вопросах и т. д. И рабочие, объявленные вне закона, выданные со связанными руками и ногами на произвол полиции, должны считать это настоящим представительством!

В-третьих, — филистерская мелкобуржуазность «Sozialdemokrat», которую они одобряют. В *каждом* письме они пишут нам, чтобы мы ни в коем случае не верили никаким сообщениям о том, будто в партии возникли разногласия и намечается раскол; но каждый приезжающий из Германии уверяет, что этакое поведение вождей окончательно сбilo всех с толку и с ним там совершенно не согласны. Да иначе и быть не может при тех качествах, которыми обладают наши рабочие и которые они так великолепно проявили на деле. Немецкое движение имеет ту особенность, что все ошибки руководства всегда исправляются массами. Так же, конечно, будет и на этот раз.

Ну, не унывай и пиши нам почаще. Боркгейм все еще в прежнем беспомощном состоянии.

Твой Ф. Э.

47.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг¹.

[Лондон, начало мая 1880 г.]

...Г-н Гассельман сразу будет обезврежен, если опубликовать *действительно* компрометирующие его факты и в рейхстаге отнять у него козыри, т. е. выступить открыто революционно; это можно сделать в совершенно спокойном тоне, как это прекрасно сделали Вы в своей речи о преследованиях. Но если постоянно опасаться, как это часто бывает, что филистер сочтет вас несколько более крайними, чем вы в действительности являетесь, и если к тому же верна прилагаемая вырезка из «Kölnische Zeitung» о том, будто социал-демократами был внесен законопроект о восстановлении *цеховых* привилегий для торговли изготовленными на дому товарами, то это — вода на мельницу Гассельманов и Мостов.

Впрочем, все это не так уж важно. Партия теперь живет благодаря бесшумной стихийной деятельности одиночек, поддерживаемой и организуемой разъездами по стране, запретить которые невозможно. В Германии нам посчастливилось, потому что все, что ни делают наши враги, идет нам на пользу, потому что все силы истории работают нам на-руку, потому что из всего, решительно из всего происходящего мы извлекаем выгоду. Поэтому мы спокойно можем предоставить врагам работать на нас. Бисмарк действительно делает для нас невероятно много. Теперь он завоевал для нас Гамбург,

¹ Начала письма нет.

вскоре подарит нам Альтону, а затем и Бремен. Национал-либералы работают на нас даже тогда, когда они не делают ничего, кроме того, что позволяют давать себе пинки и голосуют за налоги. Католики работают на нас, голосуя сначала против исключительного закона, а потом *за* него, а Бисмарк отдает их за это во власть министерского произвола, т. е. ставит их тоже вне закона. Все, что мы можем сделать, — ничто по сравнению с тем, что теперь делают для нас события. Лихорадочная деятельность Бисмарка, которая всюду вносит беспорядок и все выбивает из колеи, не будучи в состоянии создать хоть что-нибудь положительное, которая до последней крайности и без всякой пользы высасывает из филистера налоги, которая сегодня стремится к одной цели, а завтра к диаметрально противоположной, которая силком загоняет филистера в объятия революции, несмотря на то, что тот так охотно вилял бы хвостом у бисмарковских ног, — эта деятельность — наша сильнейшая союзница; я очень рад, что Вы на основании собственных наблюдений подтверждаете неизбежный при этом сдвиг влево.

И во Франции дела идут отлично. Наши коммунистические воззрения там повсюду прокладывают себе дорогу, и среди тех, кто их проповедует, лучшими являются недавние анархисты, пришедшие к нам, хотя мы для этого и пальцем не пошевелили. Таким образом, среди европейских социалистов установилось единство воззрений. О тех, кто еще путается вокруг да около, не стоит и говорить, после того как последняя секта, секта анархистов, сама собой распалась. Там тоже, как Вы уже заметили, происходит среди буржуазии и крестьянства все более и более сильный сдвиг влево. Но есть одно затруднение: этот сдвиг влево прежде всего вызывает мысль о *военном реванше*, а этого надо избегать.

Победа здешних либералов *тем* и хороша, что Бисмарку испортили его внешне-политическую игру. Войну с Россией ему придется теперь выбросить из головы, и он, как обычно, продаст, вероятно, кому-нибудь свою союзницу — Австрию. Ведь австрийцы уже в 1864 — 1866 гг. испытали на своей шкуре, что Бисмарк только для того и ищет союзников, чтобы их предать, но они слишком глупы и снова попадутся на удочку.

В России дела тоже идут превосходно, вопреки легальным убийствам, ссылкам и мнимому спокойствию. Финансовую немощь ничем не излечить. *Ни один банкир не даст ссуды без гарантий от Национального собрания.* Поэтому теперь делается последняя попытка — *внутренний заем.* Он *на бумаге* удастся, в действительности же полностью провалится. И тогда придется, в конце концов,

созвать хоть какое-нибудь собрание, чтобы получить наличные, если только до тех пор не случится чего-либо иного.

Привет Вам и Либкнехту от Маркса и Вашего

Ф. Э.

48.

Маркс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 27 июня 1880 г.

41. Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государы!

Мой врач настоятельно предписал мне прекратить на некоторое время всякую работу, и я успел бы уже покинуть Лондон, чтобы съездить отдохнуть и поправить свое здоровье где-нибудь у моря или в горах, если бы меня не задержала очень опасная болезнь моей жены. Но письма, посланные по вышеуказанному адресу, всегда дойдут до меня: их будут мне пересылать.

Независимо, однако, от теперешнего состояния моего здоровья, в данный момент я не мог бы исполнить Вашу просьбу по одному тому, что недостаточно хорошо знаю голландский язык, чтобы судить, насколько соответствует содержанию то или иное выражение.

Судя, однако, по Вашим статьям, которые я читал в «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft*» (1-й год издания, 2-я часть), я нисколько не сомневаюсь, что Вы вполне подходящий человек для того, чтобы дать голландцам краткое изложение «Капитала». Замечу еще мимоходом, что г. Шрамм (К. А. Ш., стр. 81) *неправильно понимает мою теорию стоимости*. Уже из одного примечания в «Капитале», где говорится, что А. Смит и Рикардо ошибаются, *смешивая в одну кучу стоимость и цены производства* (не говоря уже о рыночных ценах), — он мог бы видеть, что связь между «стоимостью» и «ценой производства», а следовательно, и между «стоимостью» и рыночными ценами, колеблющимися вокруг «цен производства», отнюдь не относится к самой теории стоимости, а тем более не может быть *заранее определена* путем схоластических общих фраз.

При нынешних условиях II том «Капитала» в Германии появиться не может, чем я очень доволен, потому что как раз в данный момент некоторые экономические явления вступили в новую стадию развития и, стало быть, требуют новой обработки.

С искренним приветом, преданный Вам

[Карл Маркс]:

49.

Энгельс — М. К. Каблуковой

в Биарриц.

Лондон, 22 июля 1880 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

Ваше письмо из Биаррица после некоторых блужданий благополучно доставлено мне сюда, где я проживаю уже десять лет. Спешу дать Вам те сведения, которыми располагаю.

Я обсудил этот вопрос с моим другом Марксом, и мы оба находим, что относительно английских ремесленных школ нет лучших источников, чем имеющиеся в Вашем распоряжении официальные отчеты. Другая, неофициальная, литература по этому вопросу занимается почти исключительно прикрашиванием, а то и просто имеет целью рекламирование какого-нибудь шарлатанства. Я просмотрю отчеты школьных попечительств и министерства просвещения за последние годы, не найдется ли там чего-нибудь, что могло бы Вас заинтересовать, и тогда сообщу Вам об этом подробнее, если Вы будете так любезны и укажете мне, куда Вам можно адресовать письма или посылки недели через две или осенью (так как я на некоторое время уезжаю из Лондона). Ремесленное образование юношества находится здесь в загоне еще в большей степени, чем в большинстве континентальных стран; то, что делается, делается обычно только для вида. Из самых отчетов Вы уже, вероятно, видели, что «Industrial Schools» [ремесленные школы] никоим образом не соответствуют ремесленным школам на континенте, а представляют собой своего рода карательные заведения, куда по судебным решениям посылают на определенное число лет беспризорных детей.

Но вот попытки американцев в этом отношении должны, пожалуй, Вас больше заинтересовать. Соединенные Штаты послали по этому вопросу на парижскую выставку богатейший материал, который, вероятно, остался в большой библиотеке на rue Richelieu. Подробнее об этом Вы можете узнать там же, из каталога выставки.

Затем я постараюсь разузнать для Вас адрес некоего Дакоста в Париже, сын которого принимал участие в Парижской коммуне 1871 г. Дакоста-отец служит в учебном ведомстве, горячо интересуется своей профессией и с величайшей готовностью окажет Вам содействие.

Школы для продолжения образования взрослых рабочих здесь тоже обычно не многого стоят. Если где-либо и делается что-нибудь

хорошее, то лишь благодаря исключительным обстоятельствам и отдельным лицам, т. е. является временным и имеет местный характер. Систематически встречается здесь во всех этих делах только одно: шарлатанство. Наилучшие учреждения очень скоро засасывает мертвящая рутина, а забота о благе общества становится только наиболее удобным предлогом для служащих выкачивать свое жалование. Это настолько обычное явление, что даже заведения, в которых обучаются дети среднего класса — буржуазии — не составляют исключения. Как раз в этой области я в последнее время натолкнулся на замечательные примеры.

Очень сожалею, что не могу сам предоставить Вам сразу новый материал. К сожалению, в течение целого ряда лет я не имел возможности подробно следить за развитием народного образования. В противном случае я был бы очень рад, если бы мог предложить Вам что-нибудь более существенное.

Мы живейшим образом интересуемся всем, что содействует народному образованию, а вместе с тем, хотя бы косвенным образом, движению в такой стране, как Россия, которая находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной энергией и способностью к самопожертвованию.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

50.

Энгельс — М. К. Каблуковой

в Бнариц.

Лондон, 2 августа 1880 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

Пишу вторых. Вот уже несколько дней, как мой дом полон приехавших ко мне из провинции приятелей. Сообщаю адрес:

Г-н Дакоста, 40, rue Gay-Lussac, Париж.

Так как со стариком я виделся всего лишь один раз, и притом недолго, то он наверно не припомнит меня; но вместо рекомендации Вы вполне можете упомянуть, что Маркс достал мне его адрес специально для Вас через своего зятя Лонге, который дружен с молодым Дакоста.

На этой неделе у меня будет время, чтобы написать Вам подробнее прямо в Париж, до востребования.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

51.

Энгельс — М. К. Каблуковой

в Париж.

Лондон, 5 августа 1880 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

В дополнение к моему краткому письму, посланному Вам в Биарриц, могу только сказать, что я, право, не придумаю, какие еще другие документы и отчеты я мог бы порекомендовать Вам, кроме тех, которые Вы сами перечислили в своем последнем письме. Но после школьных каникул, когда сюда вернутся некоторые мои знакомые, я наведу еще дальнейшие справки и, если найду что-нибудь новое, пошлю Вам в Москву или же сообщу об этом. Чтобы корреспонденция выглядела совершенно безобидной, я буду писать по-английски и подписывать Э. Бернс. Письма, направляемые оттуда ко мне, Вы можете адресовать мисс Э. Бернс, 122, Regent's Park Road, N. W., Лондон. Второго конверта не нужно. Это моя племянница.

Я с большим интересом прочел Ваши сообщения о Вашей деятельности в Москве, а равно и о том, что Вы надеетесь с помощью земского ¹ начальника открыть ремесленную школу; у нас здесь есть статистические отчеты всех русских земств ¹, да и вообще превосходный материал об экономическом положении России. К сожалению, я не мог просмотреть их в данный момент, так как они лежат у Маркса, а он со всей семьей находится сейчас на морском курорте. Впрочем, это мало помогло бы мне ответить на Ваш вопрос, так как для этого необходимо такое знание соответствующей отрасли кустарной промышленности, характера производства в этой отрасли, производимых ею продуктов и ее конкурентоспособности, которое можно получить только на месте. В общем мне кажется, что упомянутые Вами отрасли промышленности, по крайней мере большинство из них, будут еще известное время в состоянии конкурировать с крупной промышленностью. Подобные промышленные перевороты происходят чрезвычайно медленно; в Германии во многих отраслях еще и до сих пор не вполне вытеснен даже ручной ткацкий станок, между тем как в Англии он изгнан из этих отраслей уже 20—30 лет тому назад. В России это должно происходить еще более медленно. Ведь долгая зима оставляет там крестьянину столько свободного времени; и

¹ «Земство» написано Энгельсом по-русски.

если он в течение дня хоть что-нибудь заработает, он все-таки окажется в выигрыше. Конечно, эти примитивные методы производства неминуемо должны, в конце концов, погибнуть, и в стране с высоко развитой промышленностью, как, например, здесь, можно было бы утверждать, что гуманнее ускорить этот процесс разложения, чем замедлить его. Но вполне возможно, что в России дело обстоит иначе, — тем более, что там можно определенно предвидеть огромные изменения в общем политическом положении. Мелкие и жалкие паллиативы, которые, как Вы сами убедились, принесли очень мало пользы в Германии и в других местах, в России, может быть, помогли бы кое-где народу пережить политический кризис и сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не получит возможности сказать свое слово. И вот школы, быть может, до некоторой степени помогли бы ему понять, что именно ему надо будет сказать. Этому в большей или меньшей степени содействуют всякие подлинные элементы просвещения, распространяемые среди народа. Быть может, техническое образование достигло бы своей цели вернее всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в самых жизнеспособных из наиболее распространенных отраслей промышленности, а с другой стороны — дало бы детям такие общие технические знания, которые облегчили бы им переход в другие отрасли промышленности. Живя вдали от всего этого, вряд ли можно сказать что-либо еще кроме этих общих мест, но мне кажется, можно довольно уверенно утверждать, что Московская губерния еще не скоро станет центром крупной промышленности, так как она расположена далеко от угольных районов, а дров уже и сейчас нехватает. Поэтому тот или иной вид кустарной промышленности, при всей ее изменчивости, мог бы там продержаться еще некоторое время, даже если благодаря покровительственным пошлинам получают возможность развития отдельные крупные предприятия, как, например, хлопчатобумажная промышленность Шуи и Иванова во Владимирской губернии. Но в конечном счете крестьянам можно помочь только тем, что они получают больше земли и будут ее обрабатывать коллективно.

Ваши сообщения о начинающемся распаде общины¹ и артелей подтверждают сведения, дошедшие к нам и из других источников. Тем не менее, этот процесс распада может продолжаться еще очень долго. И так как общее развитие в Западной Европе протекает в совершенно противоположном направлении и при ближайшем

¹ «Общины» написано Энгельсом по-русски.

потрясении оно приобретет необычайную силу, то следует ожидать, что и в России, которая выдвинула за последние 30 лет так много критически мыслящих умов, это течение во-время окажется достаточно сильным, чтобы опереться на веками сложившееся стихийное стремление к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть. Поэтому производительные товарищества и другие формы внедрения ассоциаций среди народа следует рассматривать в России с иной точки зрения, чем на Западе. Но они все же, конечно, останутся мелкими паллиативами.

С уважением и преданностью

Ф. Энгельс.

52.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Рамсгейт, 17 августа 1880 г.

Старый дружище!

Только сегодня переслали мне сюда твою открытку, и я тотчас же перевел тебе 1 ф. ст., т. е. 50 франков и несколько сантимов (на переводе я указал свой *лондонский* адрес). Само собой разумеется, мы не дадим выкинуть тебя из дому, в то время как мы здесь поправляем свое здоровье на морских купаньях. Об этих нескольких франках не стоит и говорить: такого рода помощь сама собой разумеется между старыми боевыми товарищами, которые вот уже сорок лет как сражаются под одним знаменем и послушны одним и тем же сигналам.

Здесь мы все вместе: Маркс, его жена и дочери с мужьями и детьми; пребывание здесь особенно полезно Марксу; надеюсь, что скоро он уже совсем окрепнет. Его жена, к сожалению, давно уже болеет, но держится бодро, насколько это возможно. Я на будущей неделе возвращаюсь в Лондон, но Маркс должен пробыть здесь как можно дольше.

Кстати, хочу тебе еще сказать, что с письмами вышло большое недоразумение. Маркс никогда не получал от тебя писем на хранение, но у Боркгейма, вероятно, есть кое-какие твои письма. Ты просил Маркса, через г-жу Маркс, еще когда она была у тебя в Женеве, взять их у Боркгейма. Однако Боркгейм утверждает, что никаких писем от тебя он никогда не получал. Так что мы здесь никак не можем разобрать, в чем собственно дело.

Итак, надеюсь, что ты, по крайней мере в данный момент, избавлен от крайней нужды и хоть немного передохнешь.

Сердечный привет от всех нас и в особенности от твоего

Ф. Энгельса.

53.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 30 августа 1880 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой Зорге!

Пишу тебе из Рамсгейта, где я сейчас нахожусь с женой; перед этим я ездил с нею в Манчестер для консультации с моим другом, д-ром Гумпертом. У нее *опасная* болезнь печени.

Вследствие этих наших разъездов я получил твое письмо с опозданием. Вполне с тобой согласен. Если тебе не удастся собрать в стране янки денег, т. е. 200 долларов, придется отказаться от этого дела. Как здесь обстоят дела, ты можешь видеть уже из того, что «Égalité» прекратила свое существование из-за нехватки 3 000 франков. Я для порядка сообщу об этом деле Либкнехту.

Статью в газете «Sun» получил. Очень благодарен. Этот человек показывает, что при всех его добрых намерениях у него нет элементарного понимания того, о чем он пишет. De minimis non curat lex [закон не считается с мелочами], и к этим «minima» [мелочам] я отношу также елейного Дуэ.

С сердечным приветом твой

Карл Маркс.

54.

Маркс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Рамсгейт, 12 сентября 1880 г.

Дорогой г. Даниельсон!

Мне нет надобности говорить Вам, что я был бы очень счастлив сделать все, что Вы считаете полезным; но краткое ознакомление с теми обстоятельствами, в которых я нахожусь в данный момент, убедит Вас, что я не способен в настоящее время к теоретической работе. Я был послан сюда моим врачом с строгим приказом «ничего не делать» и восстанавливать свою нервную систему посредством «*gar niente*» [ничегонеделанья], как вдруг болезнь моей жены, мучающая ее уже с давних пор, ухудшилась настолько, что угрожает привести к *роковому* исходу. При этих условиях все то небольшое

время, какое мне удастся урвать для работы, неизбежно уходит у меня исключительно на такие вещи, которые я *должен* выполнить во что бы то ни стало.

Кроме того, все наиболее важное для *широкой публики*, т. е. составление статистических таблиц и истолкование содержащихся в них *фактов*, Вами уже сделано. Было бы жаль, если бы Вы отложили опубликование Вашего труда, которого я сам ожидаю с величайшим нетерпением.

Вы можете свободно располагать всем, что сочтете полезным извлечь из моих писем с этою целью. Опасаюсь только, что такого материала окажется очень немного, так как я послал Вам всего лишь несколько отрывочных заметок.

Нынешний кризис, по его продолжительности, размерам и интенсивности, является величайшим, через какой когда-либо проходила Англия. Но, несмотря на крушение некоторых шотландских и английских провинциальных банков, на этот раз поражало своим отсутствием обычное завершение всех прошлых крупных периодических английских кризисов — я имею в виду отсутствие финансового краха в Лондоне. Этот в высшей степени необычайный факт, отсутствие так называемой *денежной паники*, нужно приписать особому сцеплению обстоятельств, анализ которых завел бы меня сейчас слишком далеко. Одним из наиболее решающих обстоятельств был, однако, тот факт, что громадный спрос на золото в 1879 г. был в значительной мере удовлетворен благодаря содействию Французского и Германского имперского банков. С другой стороны, внезапное оживление дел в Соединенных Штатах — с весны 1879 г. — отразилось сейчас же на Англии, явившись для нее настоящим *deus ex machina* [неожиданным спасением].

Что касается сельскохозяйственного кризиса, то он будет постепенно усиливаться, развиваться и мало-по-малу достигнет своей вершины, неся с собою настоящую революцию в отношениях земельной собственности, совершенно независимо от циклов торгово-промышленных кризисов. Даже такие оптимисты, как г. Кэрд, уже начали понимать, чем тут пахнет. В высшей степени характерным для английской тупоголовости является следующее: вот уже два года, как в «Times» и в разных сельскохозяйственных газетах печатается ряд писем фермеров, дающих подробный расчет всех издержек по обработке их ферм, сопоставляющих эти издержки с их доходами от продажи продукции по существующим ценам и показывающих, что в результате у них получается определенный *дефицит*. И представьте себе, что ни одному из этих специалистов, так много распро-

страняющихся по поводу этих расчетов, не приходит в голову спросить себя: *какой вид* получили бы *эти расчеты*, если бы *та расходная статья*, которая именуется *ренною*, была во многих случаях вычеркнута из них совсем, а в других сокращена «самым чувствительным образом»? Но это тот щекотливый пункт, которого нельзя касаться. И хотя фермеры перестают уже доверять *шарлатанским лекарствам*, предлагаемым им лендлордами и их наемными писателями, тем не менее они все еще не осмеливаются занять независимое положение, считая, что им самим угрожает сельский «рабочий класс». Во всяком случае тут заваривается славная каша.

Надеюсь, что в Европе не будет всеобщей войны, хотя, в конце концов, даже война не могла бы задержать социального развития (я имею в виду развитие *экономическое*), а скорее усилила бы его интенсивность, но она, наверно, вызвала бы бесполезное истощение сил на более или менее продолжительный срок.

Посылайте, пожалуйста, свои письма попрежнему на мой лондонский адрес, откуда они всегда будут доставляться мне, даже в случае моего временного отсутствия из Лондона.

Искренне Ваш

А. Вильямс.

55.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру
в Женеву.

Лондон, 12 октября 1880 г.

Старый дружище!

От Либкнехта я узнал, что тебе все еще нехватает монеты, но что в данный момент они не могут тебе помочь. Поэтому вышло очень кстати, что мне как раз сейчас удалось отложить для тебя 5 фунтов, которые я поспешил переслать переводом на 126 франков. Желаю тебе как можно скорее благополучно получить их; надеюсь, что это поможет тебе на первое время выбраться из затруднений, пока лейпцигцы сумеют для тебя что-нибудь сделать. Это их прямой долг. Ведь ты поистине являешься точно такой же жертвой исключительного закона, как и лишившиеся своего хлеба агитаторы в Германии.

Либкнехт был здесь и обещал, что линия пюрихской газеты изменится и будет соответствовать прежней линии партии. Если это будет исполнено, то это все, что мы требуем.

Будь здоров и не падай духом.

Твой старый

Ф. Энгельс.

56.

Энгельс — Г. Каулицу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 28 октября 1880 г.

Возвращаю при сем письмо г. Берли.

Что касается инцидента с г. Лафаргом, то Вы признаете основное: Вы сослались на его рекомендацию без его разрешения. Все прочее — дело второстепенное.

Что касается Бейста, то мне незачем выяснять, *когда* Вы еще предлагали давать уроки, о которых идет речь. Не подлежит, однако, сомнению, что после нашего возвращения из Бридлингтон Ки Вы еще раз в моем и Шорлеммера присутствии предложили Бейсту давать уроки и обещали приступить к делу, как и было условлено, но Вы сделали противоположное тому, что обещали, между тем как Бейст не только не нападал на своего «дорогого Каулица» за его спиной, а наоборот, прямо высказал ему свое мнение на Трафальгар-сквере, прибавив притом совершенно справедливо, что мы все трое были заранее убеждены в том, что Вы не выполните ничего из того, что обещали. Я уже после этого прервал бы с Вами сношения, если бы не избегал из-за *личных* дел порывать с людьми, с которыми я находился в какой-либо *политической* связи.

Что касается сплетен «Central News», то я не буду разбирать, кто их распространял — Вы или Мост, так как я не имею разрешения называть источники моей информации и так как, с другой стороны, письмо агента не имеет в моих глазах решительно никакой цены.

Если бываешь вынужденным принять такого рода решение, как то, какое я принимаю по отношению к Вам, то оно основывается не на том или другом отдельном неблагоприятном поступке, а на общем, в течение долгого времени наблюдаемом поведении данного лица. Кроме того, вполне достаточно Вашего почти ежедневного общения с Мостом и его друзьями, которое Вы сами признаете, чтобы вместо оспариваемого Вами факта привести другие, не менее веские.

57.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 5 ноября 1880 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой Зорге!

Мое продолжительное молчание объясняется: 1) очень большой перегруженностью работой и 2) опасной болезнью моей жены, которая

продолжается уже больше года. Ты теперь сам увидал, до чего дошел Джон Мост и, с другой стороны, каким убогим является так называемый партийный орган, цюрихский «Sozialdemokrat» (не говоря уже о тамошнем «Jahrbuch»); заправило — д-р Гёхберг. Мы с Энгельсом постоянно полемизировали по этому поводу в переписке с лейпцигцами, причем часто в очень резкой форме. Но мы избегали каких бы то ни было *публичных* выступлений. Не подобает тем, кто сравнительно спокойно проживает за границей, еще более отягощать — к радости буржуазии и правительства — положение тех, которые работают внутри страны при самых тяжелых условиях, принося большие личные жертвы. Либкнехт был здесь несколько недель тому назад и обещал «улучшение» во всех отношениях. Проведена перестройка партийной организации. Это можно было проделать только тайно, т. е. настолько «тайно», чтобы не узнала полиция.

Вся низость Моста целиком обнаружилась передо мной лишь на страницах *русской* социалистической газеты. Он никогда не осмеливался печатать *по-немецки* того, что он напечатал в здешней русской газете. Это уже не нападки на отдельных лиц, а обливание грязью *всего немецкого рабочего движения*. Вместе с тем здесь со всей ясностью обнаружилось *абсолютное непонимание* им той доктрины, которой он раньше придерживался. Это болтовня, настолько дурацкая, нелепая и бессвязная, что, в конце концов, она превращается в *ничто*, выражая лишь неимоверное личное тщеславие Иоганна Моста. Не добившись ничего в Германии, несмотря на весь поднятый шум, — если не считать его успеха среди всякого сброда в Берлине, — он объединился с парижским отпрыском бакунистов, группой, которая издает «La Révolution sociale» (число читателей которого составляет ровно 210 человек, но их союзником является «Comptine» Пиа). Трусливый мелодраматический фигляр Пиа, — в органе которого я фигурирую как правая рука Бисмарка, — злится на меня за то, что я всегда относился к нему с полным презрением и расстраивал все его попытки использовать *Интернационал* для своих трюков. Во всяком случае Мост одно сделал хорошо, — что он объединил в одну группу всех крикунов — Андрея Шей, Гасельмана и т. д. и т. д.

В результате введения Бисмарком нового осадного положения и преследования членов нашей партии абсолютно необходимо собрать *деньги* для партии. Я написал вчера поэтому Джону Суинтону (ибо доброжелательный буржуа лучше всего подходит для этой цели), указав, что за более подробными разъяснениями о немецких делах он может обратиться к тебе.

Если не считать пустяков, о которых я упоминал выше, — а сколько таких мыльных пузырей, которые вздувались и лопались исчезая бесследно, нам пришлось увидеть в течение нашего долголетнего изгнания, — дела в общем и целом (я имею здесь в виду общее положение Европы) идут превосходно, так же как и дела внутри действительно революционной партии на континенте.

Ты, вероятно, заметил, что «*Egalité*» (прежде всего благодаря переходу к нам *Гед* и работе моего зятя *Лафарга*) представляет собой первую «французскую» рабочую газету (в подлинном смысле этого слова). Даже *Малон* в «*Revue Socialiste*» — правда, со всей непоследовательностью, неотъемлемой от его эклектической природы, — был вынужден объявить себя приверженцем современного научного социализма, т. е. немецкого социализма (мы были врагами, так как он раньше был одним из основателей *Альянса*). Я составил для него «Вопросник», который сперва был напечатан в «*Revue Socialiste*», а потом отдельными оттисками распространен в большом количестве по всей Франции¹. Вскоре после этого сюда в Лондон приехал *Гед*, чтобы вместе с нами (со мною, *Энгельсом* и *Лафаргом*) составить избирательную программу для рабочих к предстоящим всеобщим выборам. За исключением некоторой ерунды, которую *Гед*, несмотря на мои возражения, счел необходимым преподнести французским рабочим, как, например, установление законом *минимума заработной платы и т. п.* (я сказал ему: если французский пролетариат еще настолько неразвит, что нуждается в таких приманках, то не стоит вообще пока составлять какую бы то ни было программу), этот очень сжатый документ дает в кратком введении в нескольких строках определение коммунистической цели, а в экономической части содержит только те требования, которые действительно выросли непосредственно из рабочего движения. Это была решительная попытка стащить французских рабочих с заоблачных высот громких фраз на почву реальной действительности, и поэтому она встретила сильное противодействие со стороны всех французских сумасбродов, для которых эти заоблачные высоты — родная стихия. Несмотря на сильную оппозицию анархистов, эта программа была сначала принята в Центральной организации, т. е. в Париже и его окрестностях, а затем уже и во многих других рабочих центрах. Одновременно образовались различные рабочие группы, которые (кроме анархистов, состоящих не из настоящих рабочих, а из деклассированных элементов и

¹ См. т. XV, стр. 493.

немногих обманутых рабочих в качестве простых рядовых) приняли, однако, большинство «практических» требований программы. То, что это могло произойти несмотря на большие разногласия по другим вопросам, доказывает, по-моему, что это *первое действительное рабочее движение* во Франции. До сих пор там были только секты, получавшие свои лозунги от основателя секты, между тем как пролетарская масса шла за радикальными или мнимо-радикальными буржуа, дралась за них, когда наступал решительный день, чтобы на завтра же быть разгромленной, сосланной и т. д. теми самыми молодцами, которых сама она привела к власти.

Газета «*Émancipation*», которая начала выходить несколько дней тому назад в Лионе, будет органом «Рабочей партии», возникшей на основе немецкого социализма.

К тому же, мы имели и имеем борцов за наши идеи и в самом лагере наших врагов, т. е. в радикальном лагере. Тейс занялся рабочим вопросом в органе Рошфора «*Intransigeant*»; после поражения Коммуны он, подобно всем «мыслящим» французским социалистам, явился в Лондон последователем Прудона, но здесь, под влиянием личного общения со мной и добросовестного изучения «Капитала», он совершенно изменил свои убеждения. Кроме того зять мой оставил свое место преподавателя в «Королевском колледже», вернулся в Париж (семья его, к счастью, осталась пока еще здесь) и стал одним из наиболее влиятельных редакторов «*Justice*», газеты Клемансо, вождя крайних левых. Он работал настолько успешно, что Клемансо, еще в апреле этого года открыто выступавший против социализма и в защиту американско-демократическо-республиканских взглядов, в последней своей речи против Гамбетты, произнесенной в Марселе, перешел на нашу сторону не только в отношении общей тенденции, но и в наиболее существенных частных пунктах, содержащихся в *программе-минимум*. Совершенно безразлично, останется ли он верен тому, что говорит. Во всяком случае он стал проводником наших идей в радикальной партии, органы которой восхищаются теперь, как чудесным откровением, тем, что они услышали из уст Клемансо и что сами они игнорировали или осмеивали, пока это было только лозунгом «Рабочей партии».

Вряд ли нужно тебе говорить, — ибо тебе ведь известен *французский шовинизм*, — что о тайных нитях, которые приводят в движение этих вождей, начиная с Геда, Малона и кончая Клемансо, — это между нами. Об этом не следует говорить. Когда хочешь помочь господам французам, то это нужно *делать негласно*, чтобы не оскорблять их «национальное» чувство.

Анархисты, как водится, уже объявили наших соратников *прусскими* агентами, подчиненными диктатуре «известного» прусского агента — Карла Маркса.

В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там, с одной стороны, *критиков* (главным образом молодые университетские профессора, с некоторыми из них я лично знаком, а также журналисты) и, с другой стороны, — *центральный комитет террористов*, программа которого, недавно тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в *Швейцарии*, издающих в Женеве «*Черный передел*». Большинство из них (не все) *добровольно* оставило Россию, и, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, они образуют так называемую партию пропаганды (чтобы вести *пропаганду в России*, они уезжают в *Женеву!* Каково qui pro quo!). Эти господа высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай. Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина.

На этот раз хватит. Напиши поскорее, что у тебя слышно. Сердечный привет от моей жены.

Весь твой

Карл Маркс.

Я был бы очень рад, если бы ты раздобыл для меня что-нибудь толковое (содержательное) об экономическом положении *Калифорнии*, за мой счет, разумеется. Калифорния меня очень интересует, потому что нигде еще переворот, вызванный капиталистической централизацией, не совершался так беззастенчиво и с такой поспешностью, как там.

58.

Марке — Ф.-А. Зорге
в Хобокен.

Спешино.

[Лондон,] 5 ноября 1880 г.

Дорогой Зорге!

Только что отослал тебе длинное письмо и после отправки его, еще до отхода почты, задним числом вспомнил об одном деле, касающемся бедняги Боркгейма. Когда я этим летом из Рамсгейта заехал к нему в Гастинге, где нашел его больным, в постели, он просил меня написать тебе, чтобы ты зашел к некоему *Францу Мурхарсту*

(215, Washington Str., Хобокен). Он должен нашему Боркгейму деньги, насколько я помню, 10 ф. ст., которые тот одолжил ему на поездку в Америку; у Боркгейма на руках имеется долговая расписка Мурхардта.

Привет.

Твой К. М.

59.

Маркс — А. Лориа

в Мантую¹.

[Лондон,] 13 ноября 1880 г.

Милостивый государь!

Сожалею, что ограниченность моих личных средств не позволяет мне обеспечить Ваше пребывание в Лондоне; я тем более жалею об этом, что придерживаюсь самого высокого мнения о Вашем таланте, знаниях и научной будущности. Но когда откроется парламент (сейчас все ученые и политические деятели покинули столицу), я сумею поговорить о Вас с некоторыми доброжелательными и пользующимися влиянием людьми. Пока же будьте добры сообщить мне, говорите ли Вы свободно по-французски и по-английски.

60.

Маркс — Г.-М. Гайндману

в Лондон².

[Лондон,] 8 декабря 1880 г.

Милостивый государь!

Г-жа Маркс, как большинство больных, болезнь которых носит хронический характер, иногда вдруг бывает не в состоянии покинуть свою спальню, а затем вновь обретает способность общаться с людьми. Полагая, что она сможет через несколько дней навестить г-жу Гайндман, она ей не написала сразу же, но так как на этой неделе у нас нашествие посетителей с континента, то она просит меня сообщить Вам, что будет иметь удовольствие навестить г-жу Гайндман на будущей неделе.

Я приветствую проспект газеты, о которой Вы говорите. На Ваши слова о том, что Вы не разделяете взглядов моей партии

¹ Напечатано в «Ricordi di uno studente settuagenario» Achille Loria (1927), p. 44.

² Оригинал нет. Напечатано в «The record of an adventurous life» of H. M. Hyndman (1911), p. 283—284.

в отношении Англии, я могу только возразить, что эта партия считает английскую революцию не *необходимой*, но — согласно историческим прецедентам — *возможной*. Если бы неизбежная эволюция перешла в революцию, то в этом были бы повинны не только правящие классы, но и рабочий класс. Каждая миролюбивая уступка первых была вырвана у них «давлением извне». Их действия следовали за этим давлением, и если последнее все больше и больше ослабевало, то только потому, что английский рабочий класс не знает, как пользоваться своей силой и использовать свободы, которые предоставлены ему законом.

В Германии рабочий класс прекрасно понимал с самого начала рабочего движения, что от военного деспотизма невозможно избавиться иначе, как путем революции. В то же время германские рабочие понимали, что без предварительной организации, приобретения знания, пропаганды и [...] ¹ такая революция, даже начатая успешно, обернулась бы в конечном счете против них. Вследствие этого они действовали в рамках строгой *законности*. Беззаконие всецело исходило от правительства, которое объявило рабочий класс *вне закона*. Преступления рабочих заключались не в *действиях*, а во *взглядах*, неугодных правительству. К счастью, это же самое правительство, отбросив рабочий класс при помощи буржуазии на задний план, становится в настоящее время все более невыносимым для последней, так как бьет ее по самому чувствительному месту — по карману. Такое положение вещей не может долго продолжаться.

Передайте, пожалуйста, мой привет г-же Гайндман.

Искренне преданный Вам

Карл Маркс.

61.

Энгельс И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 24 декабря 1880 г.

Старый дружище!

Наспех сообщаю, что я только что перевел тебе 5 ф. ст., т. е. 126 франков, которые ты, надеюсь, получишь.

Когда здесь был Либкнехт, я указал ему на то, что при распределении фонда вспомоществования тебя совсем не приняли во вни-

¹ Слово неразборчиво.

мание и что ты, в такой же, и даже в большей мере жертва закона против социалистов, как и многие берлинцы, — а среди них есть и заведомые прохвосты. Теперь он пишет мне: о *Беккере мы позаботимся*. Проследи, чтобы это было выполнено, а если это не будет сделано и ты стесняешься сам что-либо предпринять, то напиши мне несколько слов, и я это сделаю за тебя.

Счастливого Нового года!

Твой старый

Ф. Энгельс.

1881 год.

62.

Маркс — Ш. Лонге

в Париж.

Лондон, 4 января 1881 г.

Дорогой Лонге!

У меня накопилась такая огромная груда старых газет, что потребовалось бы слишком много времени, чтобы разыскать тот номер «Eastern Post», где изложена полемика Генерального совета (в том числе и его членов-коммунаров) с знаменитым Брэдло. Но я думаю, что у Лесснера «Post» имеется под рукой. Впрочем, для Вас это совершенно не важно. То обстоятельство, что Брэдло доносил на коммунаров, что он, как Вы заявили это ему в «Post», повторял худшую клевету таких газет, как «Liberté» и «Soir», что он ожесточенно нападал на Манифест Генерального совета по поводу «Гражданской войны во Франции», — вряд ли может повредить ему в глазах парижской буржуазии. Но все же об этом можно вкратце упомянуть, поскольку это характеризует человека. В ответе генерального секретаря Генерального совета Брэдло, напечатанном в «Eastern Post», сентябрь 1871 г. (ответ писал Хэйлз, но слишком много чести будет называть его по имени), между прочим, говорится: «Бессмысленное разрушение частных жилищ (бомбардировкой Тьера) было делом друзей Брэдло. При республике Рошфор был приговорен к пожизненной ссылке за злоупотребление печатным словом. Что если бы и Брэдло приговорили к пожизненной ссылке за его речи!»

Важно то, что Генеральный совет (извлечения из протоколов его заседаний были напечатаны в «Eastern Post») изблещил Брэдло в том, что он находился в числе прихлебателей Плон-Плона (он был тогда в Лондоне) и поддерживал в Париже подозрительные знакомства. На заседании Генерального совета 19 декабря 1871 г. я заявил, что незадолго до этого Брэдло совершил поездку в Париж, где он общался с Детруайа и Эмилем де-Жирарденом (мне сообщил об этом француз, который писал под именем Азамута или под каким-то

другим турецким именем и которому рассказала это одна дама, по всей вероятности Бримон, присутствовавшая на том вечере, о котором дальше будет речь). Эмиль Жирарден дал в его честь обед, где присутствовали сомнительные, т. е. *бонапартистские*, дамы и где Брэдло поставил себя в смешное положение хвастливыми рассказами о своем мнимом влиянии в Лондоне.

Если Брэдло говорит, что Бримон была яркой патриоткой в то время, когда он с ней познакомился, то ему можно вполне поверить. До Седанской битвы все бонапартисты были патриотами, поскольку они желали победы своему императору. После Седанской битвы они попрежнему оставались патриотами, так как с их точки зрения *Францию могло спасти только* восстановление Луи Бонапарта, даже если бы восстановление это совершилось с помощью Бисмарка.

Само собой разумеется, Вы не должны упоминать обо мне. Что касается подробностей дружбы Брэдло с Бримон, то их может сообщить Блан (старик).

Во время своей полемики с Генеральным советом Брэдло пользовался поддержкой «*Soir*» (парижской газеты). На заседании Совета 2 января 1872 г. Серрайе сообщил: «Он читал статью в «*Le Soir*», написанную в защиту Брэдло. В статье говорилось, что он (Брэдло) оказал газете («*Le Soir*») честь своим сотрудничеством, что он является верным сторонником правительства и не имеет ничего общего с демагогическими интригами».

Когда Гладстон распустил парламент (благодаря чему Дизраэли удалось его сбросить), зал, в котором читал лекцию Брэдло, был разукрашен огромными плакатами с надписью: «Прощай, иконоборец, спаситель народа! Добро пожаловать, великий храбрец из Сент-Стивенса!» Но он рассчитал без хозяина. Он не был избран в члены парламента, несмотря на то, что публично кланчил о поддержке (об одобрительных отзывах) в письмах, адресованных Брайту и другим лидерам «великой либеральной партии», которые ответили ему очень холодно. Не помогли ему и его хвастливые рассказы о том, что он обедал с настоящим епископом (англиканской церкви).

На последних выборах Брэдло оказался счастливее, и по следующей причине. Он был одним из самых крикливых демагогов, поддерживавших руссофильскую кампанию Гладстона против Дизраэли, и фактически одним из самых неистовых агентов той партии, которая стремилась любой ценой снова подобраться к казенному пирогу. Кроме того, в предстоявшей решительной избирательной борьбе нельзя было пренебрегать ни одной группой избирателей. Ханжество вигов и радикальной партии пришлось откинуть в сторону.

Избрание Брэдли в Нордгемптоне не было обеспечено, несмотря на то, что большое количество сапожников этого города принадлежит к его «секте»; в прошлый раз эти сапожники голосовали за него все, как один, а он все же провалился. Но тут был еще и другой либеральный кандидат, которого трудно было провести, так как он приобрел известность своими «щекотливыми делами денежного характера» и, кроме того, замарал свою репутацию также и скандалами другого рода (его отхлестали по физиономии). Это был Лабушер. Он — один из трех владельцев «Daily News» и, следовательно, компаньон толстосума либеральной партии, *пиэтистского* капиталиста *Сэмюэля Морли*. Хотя было трудно провести Брэдли или Лабушера в отдельности, но это можно было сделать, *соединив* их вместе. Публичная рекомендация пиэтиста Сэмюэля Морли (поместившего в газетах письмо), данная атеисту Брэдли, обеспечила ему религиозно настроенные элементы Нордгемптона, а Брэдли обеспечил Лабушеру поддержку неверующих сапожников этого города. Таким образом, оба они прошли в члены парламента от Нордгемптона. Исключительная подлость Брэдли особенно обнаруживается в тех маневрах, при помощи которых ему удавалось вытеснить всех прочих популярных проповедников свободной мысли (научные проповедники обращаются к другим социальным слоям), которые, подобно г-же Лоу, не пожелали быть его личными оруженосцами. Он достигал этого тем, что присвоил себе все партийные фонды. Он добился даже того, что все лекционные залы в Лондоне оказались закрытыми для других, между тем как лично для себя он построил на партийные средства лекционный зал. Поэтому г-жа Лоу и прочие были вынуждены ограничиваться лекциями в провинциях. Если это Вас интересует (мне кажется, однако, что в детали входить не стоит), Вы можете получить полную информацию по этому поводу от тех, кого это непосредственно касалось.

Привет.

К. М.

Не можете ли Вы сообщить мне какие-либо сведения относительно некоего *Э. Фортена*, который написал мне несколько писем и, в обращении ко мне, называет меня «мой дорогой учитель». Его просьба очень «скромна». Он изучает *«Капитал»* и предлагает ежемесячно писать краткие конспекты, которые он будет любезно пересылать мне каждый месяц. Я должен каждый месяц исправлять их и выяснять ему пункты, которые он неправильно понял. Когда он, таким образом, напишет последний месячный конспект и я пришлю его обратно в исправленном виде, у него получится готовая

для печати рукопись, которая, как он выражается, зальет Францию потоками света.

Уже по одному недостатку времени я не соглашусь на его предложение, но во всяком случае нужно будет ответить на его письмо. Возможно, что у него самые лучшие намерения. Прежде чем писать, я хотел бы получить о нем какие-либо сведения. В настоящее время он живет в Бовэ, 22, *rue de la Porte de Paris*.

63.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

Лондон, 1 февраля 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый г. Каутский!

С большим опозданием принимаюсь, наконец, за ответ на Ваше письмо.

Так как Вы в недалеком будущем собираетесь приехать сюда, то подробная *письменная* критика книги, которую Вы мне любезно прислали, оказалась бы, пожалуй, излишней работой: ведь я буду иметь удовольствие лично беседовать с Вами об этом; я ограничусь поэтому немногими замечаниями.

1) Сказанное на стр. 66 и следующих опровергается тем, что между прибавочной стоимостью и прибылью на капитал есть еще и другие реальные различия, кроме разницы процентного исчисления на переменный или на весь капитал. В «Анти-Дюринге», стр. 182¹, собраны относящиеся к этому важнейшие места из «Капитала».

2) Если катедер-социалисты настойчиво требуют от нас, пролетарских социалистов, ответа: как мы думаем устранить угрозу перенаселения и связанную с этим опасность краха нового социального строя, то из этого вовсе не следует, что я обязан исполнить их желание. Разрешать этим господам всяческие их сомнения, которые у них возникают из-за их собственной путанной сверхмудрости, или хотя бы только опровергать весь тот несусветный вздор, который один только Шефле нагородил в своих многочисленных толстых томах, было бы, я считаю, просто потерей времени. Одни только исправления неправильных *цитат* из «Капитала», которые эти господа

¹ Сочинения, т. XIV, стр. 214—215.

приводят, заключая их в кавычки, составили бы, пожалуй, целый том. Пусть они сперва научатся читать и списывать, прежде чем требовать ответа на свои вопросы.

К тому же я отнюдь не считаю этот вопрос злободневным в такой момент, когда возникающее американское массовое производство и *подлинное* крупное земледелие грозят форменным образом удушить нас под тяжестью изготовленных ими жизненных припасов, накануне переворота, который в числе других последствий только еще должен привести к тому, что *земной шар будет заселен*, — то, что Вы об этом пишете на стр. 169—170, слишком поверхностно задевает этот вопрос, — накануне переворота, который и в Европе тоже *наверное потребует* сильного прироста населения.

Расчет Эйлера стоит того же, что и тот расчет, по которому 1 крейцер, положенный в первом году нашей эры на сложные проценты, удваивается через каждые тринадцать лет и сейчас, следовательно, должен составить, примерно, $\frac{1 \times 2^{144}}{60}$ гульденов, т. е. глыбу серебра, превышающую по своим размерам земной шар. Если Вы говорите на стр. 169, что между американскими и европейскими социальными отношениями разница невелика, то это верно лишь, поскольку Вы рассматриваете одни только крупные приморские города или же только внешние правовые формы этих отношений. Широкие массы американского населения живут, несомненно, в условиях, чрезвычайно благоприятствующих приросту населения. Доказательством этого служит поток иммиграции. И все-таки для удвоения [населения] потребовалось бы 30 с лишним лет. Запугивания здесь ни к чему.

Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений. Достигнуть планомерно в таком обществе результата, подобного тому, какой уже теперь развился во Франции и Нижней Австрии стихийно, без плана, кажется мне не таким уж трудным делом. Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе уж сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда, как и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им по этому поводу советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами.

Впрочем, уже в 1844 г. я писал об этом («Deutsch-Französische Jahrbücher», стр. 109¹): «Если бы Мальтус был даже безусловно прав, все же было бы необходимо немедленно предпринять это (социалистическое) преобразование, так как лишь оно, лишь просвещение масс, возможное благодаря этому преобразованию, сделает возможным и то моральное ограничение инстинкта размножения, которое сам Мальтус считает наиболее легким и наиболее действительным средством против перенаселения».

На этом я пока закончу — до устного обсуждения с Вами остальных вопросов. Вы очень хорошо делаете, что едете сюда. Вы один из немногих представителей младшего поколения, действительно стремящийся чему-нибудь научиться, и для Вас будет очень полезно выбраться из той некритической атмосферы, в которой прозябает вся изготовляемая ныне в Германии историческая и экономическая литература.

С искренним приветом Ваш

Ф. Энгельс.

64.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 2 февраля 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Прилагаю письмо Каутскому с просьбой переслать его по назначению. Не знаю, годится ли еще венский адрес, который был мне дан.

5 номеров «Sozialdemokrat», вышедших после Нового года, свидетельствуют о значительном улучшении. Тон унылого отчаяния «побитого человека», дополняющая его высокопарная добродетель, мещанская кротость вперемежку с мостовскими революционными фразами, наконец постоянная возня с Мостом, — все это прекратилось. Тон стал бойким и уверенным, и если так пойдет дальше, то газета будет не усыплять массы в Германии, а пробуждать в них бодрость. Так как у Вас есть «Neue Rheinische Zeitung», Вам следовало бы время от времени в нее заглядывать. Именно благодаря тому презрению и насмешке, с которой мы относились к своим противникам, мы приобрели в течение шести месяцев до осадного положения почти 6 000 подписчиков, и хотя в ноябре нам пришлось начинать все сызнова, в мае 1849 г. у нас опять было прежнее число

¹ Сочинения, т. II, стр. 315.

подписчиков и даже больше. «Kölnische Zeitung» признала теперь, что у нее в то время было *только 9 000* абонентов.

Так как у Вас, кажется, нехватает фельетонов, то Вы могли бы перепечатать как-нибудь стихотворение из № 44 от 1848 г. «Нынче утром в Дюссельдорф я съездил», — под таким, примерно, заглавием: «Пожиратель социалистов 1848 г. (фельетон «Neue Rheinische Zeitung» от 14 июля 1848 г.)», и с подписью автора: Георг Веерт (умер в Гаванне в 1856 г.). Итак, продолжайте в том же духе.

Ваш Ф. Э.

«Не укради» и апология казни Людовика XVI очень хороши.

65.

Маркс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 19 февраля 1881 г.

Дорогой г. Даниельсон!

Спешу ответить хоть несколькими строками на Ваше дружеское письмо.

После того как я вернулся из Рамсгейта, здоровье мое в общем поправилось, но отвратительная погода, которую нам приходится переносить целыми месяцами, осчастливила меня хроническим насморком и кашлем, мешающими мне спать, и т. п. Но хуже всего, что состояние здоровья моей жены с каждым днем становится все опаснее, несмотря на то, что я обращался к самым знаменитым лондонским врачам. К тому же, на меня свалилась куча всяких домашних хлопот, о которых не стоит рассказывать. С другой стороны, мне приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолевать целую уйму синих книг, присылаемых мне из разных стран, в особенности же из Северо-Американских Соединенных Штатов, так что моего рабочего времени едва хватает для выполнения этой задачи, в особенности из-за того, что в последние годы всякая ночная работа мне категорически воспрещена моими врачами. Вследствие всего этого у меня накопилась страшная задолженность по части корреспонденции. А тут еще сейчас в семье моей царит ужасная суматоха по случаю переезда моей старшей дочери, г-жи Лонге, с детьми из Лондона в Париж, где ее муж (который, будучи эмигрантом, занимал место профессора в лондонском

Королевском колледже, а теперь подошел под амнистию) стал одним из редакторов «Justice» (марсельская полусоциалистическая речь Клемансо была инспирирована именно им). Вы понимаете, как тяжела эта разлука при нынешнем состоянии здоровья моей жены. Для нее, так же как и для меня самого, наши внуки, три маленьких мальчика, являлись неистощимым источником радостей.

Теперь, прежде всего, поговорим о прилагаемой рукописи. Автор ее, Лафарг — муж моей второй дочери и один из моих прямых учеников. Он просил меня справиться у Вас, не может ли он через Ваше посредство сделаться сотрудником петербургских журналов «Отечественные Записки» или «Слово» (мне кажется, это единственные журналы, на которые он мог бы рассчитывать). Если это возможно, то он уполномочивает Вас изменить или выкинуть все то, что окажется неподходящим для Санкт-Петербургского меридиана. Что касается до его «имени», то можно будет ограничиться одними инициалами. Во всяком случае, Вам интересно будет прочесть его статью.

Я с величайшим интересом прочел Вашу статью, она «оригинальна» в лучшем смысле этого слова. Оттого ее и бойкотируют. Стоит Вам только вырваться из сетей рутинной мысли, и Вы можете быть уверены, что первым делом натолкнетесь на бойкот; это единственное орудие защиты, которое *рутинеры* умеют пускать в ход в первый момент замешательства. Меня бойкотировали в Германии в течение очень многих лет. То же происходит и в Англии, с той небольшой разницей, что здесь время от времени против меня выкидывают что-нибудь до того нелепое и дурацкое, что мне было бы стыдно публично отвечать на подобный вздор. Но продолжайте в том же духе! Первое, чем Вам, по-моему, следовало бы заняться, это — поразительный рост *задолженности крупных землевладельцев*, этого высшего класса в сельском хозяйстве, и показать им, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под влиянием «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть Вашу полемику со «Словом». Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно насчет Ваших «Очерков». Пока же не могу удержаться от одного замечания по этому поводу. Почва, которая непрерывно истощается и не получает путем растительного, животного или искусственного удобрения и т. п. необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды и других не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по своему

изобилию жатвы; хотя при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., устойчивый характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году* вследствие быстрого поглощения и извлечения из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год*, и тем более ряд последующих неурожайных годов, позволяют присущим почве минералам накопиться сызнова и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду; однако *в других местах* он сдерживается вмешательством самого земледельца, который преобразует этот процесс, но он становится *единственным регулирующим фактором* там, где человек перестал быть «действующей силою» просто по недостатку средств.

Так, *в 1870 г.* в Вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год. *1871 г.*, с очень плохим урожаем, может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному году, *1874-му*, за которым непосредственно следует голодный *1875 г.*; затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще более тяжелым голодным годом — *1880-м.* Сводка результатов отдельных годов за весь этот период показывает нам, что средняя годовая продукция все это время оставалась на одном и том же уровне и что только естественные факторы вызывали изменения в отдельные годы и небольшие циклы лет.

Я писал Вам несколько времени тому назад, что тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к финансовому краху в Лондоне и что это *исключительное явление* объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это увидели и признали даже английские рутинеры. Так, по словам «The Statist» (29 января 1881 г.), «благополучие денежного рынка в течение прошлых лет было результатом *чистой случайности*, того, что *Французский банк* в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 миллионов ф. ст. до 22 миллионов... *Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью нам едва удалось избежать большой опасности*» (!).

Английская железнодорожная система продолжает катиться по той же наклонной плоскости, что и вся европейская *система государственных долгов*. Правящие магнаты, которые являются директорами разных железнодорожных компаний, не только заклю-

чают во все возрастающих размерах все новые и новые займы для расширения своей железнодородной сети, т. е. той «территории», где они царствуют как самодержавные монархи, но они расширяют свои сети, чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов, дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также выбрасывать время от времени подачку постоянно обольщаемым несбыточными иллюзиями рядовым акционерам в форме несколько повышенных дивидендов. Понятно, что этот милый метод рано или поздно должен привести к ужасной катастрофе.

В Соединенных Штатах железнодородные короли становятся теперь мишенью нападков не только, как это было раньше, со стороны крупных фермеров и других промышленных «предпринимателей» Запада, но также и со стороны крупных представителей коммерческого мира — Нью-иоркской торговой палаты. Один из таких железнодородных королей и финансовых плутов, чудовищный спрут финансового мира — Гульд, с своей стороны заявил нью-иоркским торговым магнатам: «Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считаете их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь! Вслед за железными дорогами наступит очередь для всякого рода корпораций (на языке янки это обозначает акционерные компании), после этого — для всех форм ассоциированного капитала, а в заключение — для всех форм капитала вообще; вы расчищаете, таким образом, дорогу для коммунизма, стремление к которому уже и сейчас все более и более распространяется в народе». У мистера Гульда «хорошее чутье».

В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодородных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр., и пр., — то, что они берут у них без всякого эквивалента, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. стоимость одних только неоплачиваемых продуктов, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — кровавое, вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор против англичан, в котором участвуют совместно и индусы, и мусульмане.

Британское правительство знает, что в массе идет какое-то «брожение»; но эти тупицы (я имею в виду правительственных чиновников), ослепленные своей собственной парламентской манерой говорить и мыслить, вовсе не желают уяснить себе существующее положение вещей, не хотят понимать всего размера угрожающей им опасности! Обманывать других, а тем самым и самих себя, — в этом суть всей *парламентской мудрости*. Тем лучше!

Не можете ли Вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера «Chapter on deterioration» [«О вырождении»] (которое Вы цитируете в своей статье)? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Нет ли известий о нашем «общем» друге ¹?

Кстати: последняя статистическая работа *Янсона*, сопоставляющая Россию с Европою, произвела большую сенсацию. Я был бы очень рад взглянуть на нее.

С наилучшими пожеланиями, искренне преданный Вам

Карл Маркс.

Если статья Лафарга не найдет себе «пристанища» в Петербурге, будьте добры, верните мне ее обратно.

66.

Маркс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 22 февраля 1881 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Многоуважаемый товарищ!

Мое долгое молчание объясняется тем, что к ответу на Ваше письмо от 6 января я хотел приложить список изменений, которые Вам следовало бы сделать на случай второго издания «Kapitaal en Arbeid» [«Капитал и труд»]. Вследствие домашних неурядиц, непредвиденных работ и других помех я еще не закончил этого списка и поэтому посылаю Вам пока это письмо без него, так как дальнейшее мое молчание могло бы быть Вами дурно истолковано. Изменения,

¹ Г. Лопатине.

которые я считаю нужным внести, касаются деталей; главное, существо дела, передано.

Благодарю Вас за любезное посвящение; Вы лично бросили этим вызов нашим буржуазным противникам.

Автор «Mannen van beteekenis» [«Выдающиеся люди»]¹, школьный инспектор или нечто в этом роде, обратился ко мне письменно с просьбой прислать ему материал для моей биографии; кроме того, он поручил своему издателю обратиться к моему шурину Юта, чтобы тот уговорил меня согласиться на его просьбу, так как обычно я в таких случаях отказываюсь. Этот господин — автор «Mannen» — написал мне, что он не разделяет моих взглядов, но признает их значение, выражает мне свое уважение и т. д. Этот самый субъект имел после этого бесстыдство включить в свою брошюру клеветническое измышление пресловутого прусского шпиона Штибера, т. е. уличить меня — вероятно, по наущению какого-нибудь боннского катедер-социалиста — в умышленной подтасовке цитат; сей благородный муж не потрудился даже прочесть в «Volksstaat» мою полемику с достопочтенным Brentano, из которой он увидел бы, что Brentano, сперва обвинявший меня в «Concordia» (орган фабрикантов) в «подлоге по форме и по существу», прибег затем к лживой увертке, будто он меня не так понял и т. п. Один голландский журнал хотел предоставить мне свои столбцы для отповеди «школьному инспектору», но я *принципиально* не отвечаю на такие клопинные укусы. Даже в Лондоне я никогда не обращал ни малейшего внимания на подобную литературную брехню. При другом отношении мне пришлось бы затрачивать большую часть своего времени на опровержения — от Калифорнии до Москвы. Когда я был моложе, я иногда горячо брался за оружие, но мудрость, приходящая с годами, заставляет нас избегать бесполезной растраты сил.

Мне кажется, что «вопрос», о котором Вы мне сообщаете и который будет разбираться на предстоящем Цюрихском конгрессе, поставлен неправильно. Как надо будет действовать в какой-либо определенный момент будущего, какие принимать *непосредственные* меры, — это, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать. Но в данном случае вопрос поставлен совершенно *отвлеченно*, представляя собой в сущности фантастическую проблему, и единственным ответом на него должна быть *критика* самого *вопроса*. Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения. Впрочем,

¹ А. Кердийк.

затруднения правительства, внезапно возникшего в результате победы народа, вовсе не представляют собою чего-то специально «социалистического». Наоборот. Буржуазные политики, одержав победу, сразу чувствуют себя в неловком положении из-за своей «победы», социалист же может, по крайней мере, действовать не стесняясь. В одном Вы можете быть уверены: социалистическое правительство не придет к власти в стране, где условия еще не настолько созрели, чтобы можно было немедленно с помощью необходимых мер так скрутить буржуазию в бараний рог, что будет обеспечено первое необходимое условие — время для дальнейших действий.

Вы, пожалуй, укажете мне на Парижскую коммуну; но, не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы достичь единственно тогда возможного и выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем. Одним только захватом Французского банка был бы с треском положен конец бахвальству версальцев и т. д. и т. д.

Общие требования французской буржуазии (при всем их отличии от требований пролетариата) были установлены перед 1789 г., примерно, так же, как установлены в наше время первые непосредственные требования пролетариата, приблизительно одинаковые во всех странах, где господствует капиталистический способ производства. Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, а priori, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществляются требования французской буржуазии? Доктринерское, неизбежно фантастическое, предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы в настоящее время. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе. Основанное на науке понимание неизбежного и постоянно происходящего на наших глазах разложения господствующего общественного строя, массы, все более и более доводимые до бешенства правительствами, воплощающими в себе призраки прошлого, в то же время положительное развитие средств производства, движущееся вперед гигантскими шагами, — все это служит нам порукой, что в тот момент, когда вспыхнет настоящая пролетарская революция, будут налицо и условия (конечно, совсем не идиллические) ее непосредственного ближайшего способа действия.

По моему убеждению, еще не наступил критический момент для создания нового Международного товарищества рабочих; поэтому

я считаю, что все рабочие, а также и социалистические, конгрессы, поскольку они не связаны с непосредственными условиями, имеющимися налицо в той или другой стране, — не только бесполезны, но даже вредны. Они неизбежно будут сводиться к бесконечному пережевыванию банальных общих мест.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

67.

Маркс — В. И. Засулич

в Петербург.¹

Лондон, 8 марта 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев*. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» («Le Capital», франц. изд., стр. 315)².

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса точно ограничена странами Западной Европы. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«Частная собственность, основанная на личном труде... будет замещена частной капиталистической собственностью, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341)³.

¹ см. Приложение.

² «Капитал», русский перевод изд. ИМЭЛ стр. 813—815.

³ там же, стр. 864.

В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их *общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России. Но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс.

68.

Энгельс — С. Кауфману

в Лондон.

Лондон, 11 марта 1881 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

[Черновик.]

Уважаемый г. Кауфман!

В ответ на Ваше письмо от 9-го сего месяца, я, к сожалению, должен сообщить, что не могу исполнить Вашего желания относительно поручительства. На основании моего опыта с поручительствами, я раз навсегда поставил себе за правило лучше уже сразу выложить деньги, если я в состоянии это сделать, чем давать поручительство. Но сейчас у меня нет требуемой суммы; если бы даже я располагал ею, то считал бы своим первым долгом передать ее германской партии, которой мы теперь обязаны отдавать каждую лишнюю копейку¹.

В надежде, что Вы изыщете другие способы пополнить Ваши средства, остаюсь преданный Вам

[Ф. Э.]

¹ Далее зачеркнуто: «Но у меня есть еще и другое соображение. За последние 10 лет я слишком часто видел, как быстро сменяются люди, из которых состоят здешние немецкие рабочие союзы, и поэтому вполне может случиться, что до истечения срока моего поручительства Союз совершенно изменит свою ориентацию, по сравнению с теперешней, так что я, в конечном счете, поручился бы за г. Моста, чего от меня никак нельзя требовать».

69.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 12 марта 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Посылаю Вам материал по вопросу о запрете нарушения супружеской верности. Я, правда, не знаю, сможете ли Вы его использовать. Это щекотливый предмет, и Вы сами должны решить, не будет ли больше вреда, чем пользы, если его затронуть. Во всяком случае мне хотелось показать Вам, каким путем можно трактовать этот запрет, не впадая в филистерское морализирование, и Вам как-нибудь может пригодиться собранный по этому вопросу исторический материал, который имелся в моем распоряжении.

В общем, линия газеты вполне удовлетворительна. Отдельные номера очень хороши. Немножко поменьше доктринерских статей вроде таких, как статья о государственном социализме, было бы не вредно. Как можно ставить Тюрго, одного из первых экономистов XVIII века, на одну доску с весьма практическим финансовым воротилой Неккером, предшественником Лафиттов и Перейров, и тем более с жалким Калонном, человеком, который не брезговал никакими средствами, этим типичным аристократом: «после нас хоть потоп». Как можно этих людей, особенно Тюрго и даже Неккера, ставить рядом с Бисмарком, который в лучшем случае, подобно Калонну, хочет денег во что бы то ни стало, и можно ли, далее, ничтоже сумняшеся, уподоблять этого Бисмарка Штеккеру, а с другой стороны — Шефле и К^о, у каждого из которых опять-таки совершенно иные тенденции? Если буржуа сваливают все это в одну кучу, то из этого вовсе не следует, что и мы должны поступать так же некритически. Ведь в том-то и заключается корень доктринерства, что человек *полагается* на корыстные и ограниченные утверждения противника и строит на этих утверждениях систему, которая основывается на них и, разумеется, рушится вместе с ними. Для Бисмарка все дело в деньгах, еще раз в деньгах и опять-таки в деньгах, а предлоги для их получения он меняет в зависимости от чисто внешних соображений. Дайте ему другой состав большинства в рейхстаге, и он отбросит все свои нынешние планы и выдвинет противоположные. Поэтому никогда и ни в коем случае нельзя делать заключение о банкротстве современного общества на основании каких бы то ни было шагов столь неразумного в теории и столь изменчивого на практике животного, как Бисмарк, как нельзя этого делать и на основании кривляний такого шута, как Штеккер, или пустословия

«мыслящих людей», вроде Шефле. Эти люди вовсе и не «помышляют» (этим исчерпываются, пожалуй, все их «помыслы») провозгласить банкротство современного общества. Наоборот, ведь они только тем и живут, что стараются хоть как-нибудь заштопать его снова. Вот Вам образец мыслительных способностей Шефле: по существу этот глупый шваб признается, что он целых десять лет размышлял над одним пунктом (простейшим) в «Капитале», прежде чем он его понял, а то, как он его понял, оказалось полнейшей бессмыслицей!

Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная фальсификация — называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию: покровительственные пошлины, гильдии, табачную монополию, огосударствление отдельных отраслей промышленности, прусский государственный банк, королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это *критике*, а не *принимать на веру*. Если же мы сделаем последнее и построим на этом теоретическую систему, то она рухнет вместе со своими предпосылками, т. е. при простом доказательстве, что этот мнимый социализм является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой, а его косвенная цель — превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм! Но к этому непременно придешь, если поверишь буржуазии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство и есть социализм!

Вообще же Ваш взгляд на то, какова должна быть линия газеты, вполне совпадает с моим; радует меня также, что в последнее время уже не злоупотребляют так *словом* «революция», как прежде. Вначале, после гнусного отступничества в 1880 г., это было очень хорошо, но лучше все же, — между прочим, и в противовес Мосту, — остерегаться громких фраз. Можно высказывать революционные мысли, не твердя беспрестанно *слова* «р[еволюция]». Впрочем, бедняга Мост совсем растерялся, он уже и так не знает, куда причалить, а тут еще успех Фриче и Фирекка в Америке отнимает у него последние шансы.

Теперь газета может действительно поднять дух и ободрить наших товарищей в Германии, в чем они, по крайней мере так называемые вожди, порой сильно нуждаются. Я опять получил несколько слезных писем и ответил на них надлежащим образом.

Фирекк был тоже вначале очень уныло настроен, но несколько дней, проведенных на вольном лондонском воздухе, вернули ему равновесие. Этот вольный воздух газета должна внести в Германию, для чего нужно прежде всего писать о противнике с презрением, с насмешкой. Если только публика снова научится смеяться над Бисмарком и К^о, это будет уже большим достижением. Не следует забывать, что люди, по крайней мере огромное большинство, впервые очутились в подобном положении и что многих агитаторов и редакторов пренебрежительнейшим образом вышибли с очень приятных мест. Поэтому сейчас необходимо поднять настроение, а также постоянно напоминать о том, что Бисмарк и К^о все те же ослы, те же каналы и те же жалкие и бессильные перед лицом исторического движения людишки, какими они были до покушений. Стало быть, ценно всякое остроумное словечко об этой сволочи.

Об Ирландии скажу лишь следующее: ирландцы слишком умны, чтобы не знать, что восстание было бы для них гибелью. Оно могло бы иметь шансы на успех только в случае войны между Англией и Америкой. Пока же ирландцы заставили Гладстона ввести в парламенте регламент континентального типа и тем подорвали весь английский парламентаризм. Далее, они вынудили Гладстона отречься от всех своих фраз и держаться более по-торийски, чем даже самые ярые тори. Исключительные законы прошли, земельный законопроект будет либо отвергнут, либо кастрирован верхней палатой, и тогда начнется потеха — тайное разложение партий делается явным. Со времени назначения Гладстона виги и умеренные тори, т. е. вся группа крупных землевладельцев, втихомолку объединяются в большую землевладельческую партию. Как только это окончательно созреет и семейные и личные интересы будут улажены, или когда, например, земельный билль заставит новую партию выйти на общественную арену, министерство и нынешнее большинство тотчас же распадется. Против новой консервативной партии выступит тогда новая буржуазно-радикальная, но без всякой иной опоры, кроме рабочих и ирландских крестьян. А чтобы здесь опять не было надувательства и плутовства, тотчас же образуется пролетарско-радикальная партия под руководством Джозефа Коуэна (депутат от Нью-кестля). Он — старый чартист, наполовину, если не целиком, коммунист и очень славный малый. Все это сделает Ирландия; Ирландия — это движущая сила в стране. Сообщаю Вам это частным образом. В следующий раз напишу об этом подробнее.

Привет!

Ваш Ф. Э.

Так как Каутский, которому прошу передать привет, скоро приедет, то нет смысла отвечать ему подробно. Если увидите Бейста, кланяйтесь ему.

70.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 28 марта 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

Я вышлю тебе деньги сейчас же, как только ты дашь мне возможность это сделать, сообщив мне *свой новый адрес*: я должен ведь указать его на почте, а те адреса, которые я нашел в «Précurseur», показались мне мало подходящими и способными создать затруднения. Как только буду иметь от тебя ответ, ты сейчас же получишь 100 франков и обстоятельное письмо от твоего

Ф. Энгельса.

71.

Энгельс — редактору «Daily News»

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, конец марта 1881 г.]

Милостивый государь!

В сегодняшнем номере «Daily News», в статье, озаглавленной «Преследование газеты «Freiheit», сообщается, что тот номер этой газеты, где была помещена статья о смерти русского императора, «заключал в себе также некоторые намеки на виновника таинственного покушения на дворец лорд-мэра». Так как это утверждение можно истолковать в смысле, совершенно противоположном содержанию упомянутой статьи, тогда как статья эта не имеет никакого отношения к статье по поводу петербургского события, и ввиду того, что редактор этой газеты г. Мост в настоящее время не может сам выступить в печати в свою защиту, мы просим Вас поместить нижеследующий дословный перевод всего того, что было сказано в упомянутом номере «Freiheit» относительно «таинственного покушения на дворец лорд-мэра».

«Freiheit», 19 марта 1881 г.: «В среду вечером «неизвестной» рукой перед дворцом лорд-мэра в Сити был положен ящик с порохом

весом около 15 фунтов. Он был подожжен с одного конца, но полицейский «случайно» заметил это и был настолько храбр, что погасил огонь. Нам непонятно, какую цель мог преследовать этот взрыв. Как бы то ни было, международная полиция, повидимому, знает, как нажить капитал на этом деле. На другой же вечер правительству был сделан запрос в парламенте, какие меры *оно намерено принять против социалистических шаек, которые обосновались в Лондоне*. Но министр внутренних дел не счел нужным что-либо предпринимать и только пожал плечами в ответ. Это было все, что международной полиции удалось получить в награду за все ее старания».

72.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 30 марта 1881 г.

Дорогой Бебель!

Фирекк (открытку которого прилагаю) хочет, чтобы я сообщил Вам о бостонском митинге; но, как это обычно бывает при сложных операциях, и тут не обошлось без целого ряда помех: он забыл приложить газетный отчет, который я получил только вчера. Я отдал его сегодня Каутскому, который теперь здесь, чтобы тот переработал его для «Sozialdemokrat».

Митинг в Бостоне прошел блестяще, несмотря на плохо организованное оповещение; было около 1 500 человек, из них треть — немцы. Первым говорил Суинтон, американский коммунист, посетивший нас прошлым летом (он — владелец большой нью-йоркской газеты), затем Фриче и, наконец, Вендель Филиппс, известный противник рабства, который сделал больше чем кто-либо, за исключением Джона Брауна, для уничтожения рабства и проведения [гражданской] войны; это лучший оратор Америки, а возможно — и всего мира. Он выразил благодарность немцам за то, что в 1861 г. члены немецких гимнастических обществ во всех крупных городах грудью защищали его от американской черни и сохранили для Союза город Сен-Луи. Вот, для примера, выдержка из его речи: «Находясь так далеко от поля битвы, я не решаюсь критиковать приемы борьбы. Я смотрю на Россию, лежащую за 4 000 миль отсюда, и вижу, какое тяжелое бремя гнетет ее народ. Но я надеюсь, что найдется сила, которая сбросит это бремя. И если это возможно лишь с помощью кинжала, то я приветствую кинжал! Найдется ли среди

присутствующих хоть один американец, который это осудит? Если найдется, то пусть он взглянет (указывает на висящий на стене портрет) на Джо Уоррена, погибшего при Бенкерс Хилле». Это было сказано 7 марта, а 13-го бомба сделала то, чего не смог сделать кинжал.

По сообщению сегодняшнего «Standard», английское правительство возбудило судебное преследование против *Моста* за статью о покушении! Если русское посольство и Гладстон хотят во что бы то ни стало превратить дурака Ганса в великого человека, то тут уже ничего не поделаешь. Впрочем, еще далеко не известно, будет ли Мост осужден. Добродетельное негодование крупных газет по поводу бомбы было по большей части лишь актом приличия, от которого здешний буржуа, из боязни осрамиться, никогда не откажется. Юмористические газеты, которые гораздо правильнее отражают настроение, совсем по-иному отнеслись к этой истории, а до конца процесса еще многое может измениться; таким образом, необходимый [для осуждения] единогласный приговор двенадцати присяжных еще вовсе не обеспечен.

Возвращаясь к нашим американским друзьям, скажу, что выступление Венделя Филиппса (этому содействовал молодой американский журналист Виллард Браун, который в прошлом году часто бывал у Маркса и вообще очень многое сделал для них в американской прессе, создав необходимую рекламу) имеет огромное значение. Успех вообще превзошел мои ожидания; он доказал, что и у американских немцев, даже у буржуа, культ Бисмарка (*Bismärkereei*) сходит на-нет. Но надежды ¹ на *вторичную* поездку с Либкнехтом вряд ли осуществляются: так скоро отправляться туда вторично нельзя. К тому же петербургское событие и неизбежные его последствия сделают, пожалуй, излишней поездку, которая ведь сможет состояться не раньше будущего года. Александру III волей-неволей придется какой-либо решительной мерой привести лавину в движение, но этому может предшествовать краткий период жестоких преследований, и Швейцария, по всей вероятности, скоро предпримет массовые высылки. А старик Вильгельм тем временем глупеет с каждым днем и того гляди окачурится; Бисмарк день ото дня все больше буйствует и, повидимому, желает во что бы то ни стало играть роль прусского неистового Роланда; буржуазные партии с каждым днем все больше и больше расклеиваются, а налоговое бешенство правительства довершит дело. Даже если бы мы все сидели сложа руки, события насильно вытолкнули бы нас на аван-

¹ Фирекка; по-немецки *Viereck* — четырехугольник.

сцену и подготовили бы нашу победу. Поистине, наслаждение наблюдать, как, приближая всеобщий кризис, назревает давно предсказанное революционное положение во всем мире, как слепые противники работают на нас, как закономерность развития, ускоряющего наступление всемирного краха, проявляется во всеобщем смятении и прокладывает себе через него дорогу.

Привет от Маркса и твоего

Ф. Э.

73.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 4 апреля 1881 г.

Старый дружище!

Пишу тебе перед самым закрытием почты, потому что только сейчас перевел 4 ф. ст., т. е. 100 фр. 30 сант., которые, надеюсь, тебе выплатят без задержки. Твой адрес был мне необходим, так как его *требуют* здесь на почте, иначе они не принимают переводов. Либкнехту попадет от меня за ложные обещания, они *обязаны* что-нибудь для тебя сделать.

Приятно, что мужество вновь возвращается к нашим товарищам; одно время у большинства из них душа ушла в пятки¹; газета тоже становится довольно приличной. Простачку Мосту здорово везет: его «Freiheit» совсем было прогорела, как вдруг английское правительство самым блестящим образом пришло ему на помощь. Непонятно, как можно сделать такую невероятную глупость, но ведь у нас заправляют либералы, а они способны на всякую глупость и подлость. Они так стремительно действовали, что до сих пор еще не знают, по какой статье закона им судить Моста! Но Бисмарку этот трюк понадобился для его дебатов о социалистах в рейхстаге, а так как нашему премьеру Гладстону мысль об укукошенном Александре не дает покоя, то дело не встретило никаких препятствий. Не легко им теперь составить обвинительный акт, а еще труднее подобрать состав суда, который засадил бы Моста. Таким образом, Мост дешевой ценой делается знаменитостью, хотя бы на короткое время, а Бисмарку, даже если он сейчас и доволен, все же придется, в конце концов, снова осрамиться.

Сердечный привет от Маркса и твоего

Ф. Энгельса.

¹ В подлиннике употреблено выражение: «...hatten die Meisten starken Eisgang in der Nase».

74.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 11 апреля 1881 г.

Моя милая Женнихен!

Со времени вашего отъезда здесь стало тоскливо — без тебя, без Джонни, и Гарра, и мистера «Чаю!». Когда я слышу детские голоса, похожие на голоса наших, я часто подбегаю к окну, забывая в ту минуту, что ребятишки по ту сторону канала.

Утешаюсь тем, что у вас теперь хорошая, подходящая для детей квартира; остальное, повидимому, хуже, чем в Лондоне — за исключением, однако, климата, благотворное действие которого на астму ты постепенно почувствуешь.

Я пригласил к маме опять нового врача, которого мне рекомендовал проф. Ланкестер, а именно д-ра Донкина; он, повидимому, знающий и умный человек, но для маминой болезни, мне, право, кажется, все врачи одинаково хороши. Ее, однако, развлекает перемена врачебных консультантов, и первое время — по большей части не надолго — она не нахвалится новым эскулапом. Очки Лонге нашлись тотчас же после вашего отъезда, они на самом деле лежали в вашей спальне. Мы решили послать их с Гиршем, но этот охотник за сплетнями, повидимому, никак не может расстаться с Лондоном в такой момент, когда есть возможность вдоволь посплетничать. Уже одно только «ужасное» дело Моста представляет собой неиссякаемый источник (хотя и вовсе не «кристальной чистоты») для этого Гирша¹. Теперь он грозитя уехать только 18 апреля. Кроме того, он нашел себе соратника в Каутском, против которого он так свирепо был настроен. Энгельс тоже стал судить гораздо снисходительнее об этом субъекте с тех пор, как последний обнаружил большие способности к выпивке. Когда эта очаровательная личность заявила ко мне — я говорю о Каутском, — первый вопрос, который у меня вырвался, был: похожи ли Вы на свою мать? — Совершенно не похож, — ответил он. И в душе я поздравил его мать. Он — посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего лишь 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало; принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде — по-

¹ Hirsch — олень.

рядочный человек; я, по возможности, стараюсь сплавить его другу Энгельсу.

Третьего дня здесь был Догберри-клуб¹; вчера, кроме двух девиц Майтленд (и на минутку зашли Ланкестер и доктор Донкин), на нас было нашествие Гайндмана с супругой, они оба любят засиживаться. Она мне нравится своей резкой, свободной от условностей и репительной манерой думать и говорить, но потешно, с каким обожанием она не отрывает глаз от уст своего самодовольного, болтливового супруга. Мама (время приближалось уже к половине одиннадцатого вечера) так устала, что ушла к себе. Но все-таки ее позабавила немая сцена. Дело в том, что Тусси открыла среди Догберри нового вундеркинда, некоего Редфорда; этот юноша уже кандидат прав, однако презирает юриспруденцию и работает в том же направлении, что и Вальдгорн. Он хорош собой, помесь Ирвинга с покойным Лассалем (однако не имеет ничего общего со свойственной этому последнему цинично-назойливой манерой еврейского маркиза); это умный и кое-что обещающий парень. Так вот, вся штука в том, что Долли Майтленд ужасно *за ним* ухаживает, — до такой степени, что мама и Тусси за ужином все время друг другу подмигивали. Под конец пришел еще и г. Майтленд, довольно трезвый, и затеял со своим соседом по столу — любителем поучать — Гайндманом словесный поединок о Гладстоне, в которого спирт Майтленд верует. Я чувствовал себя довольно скверно, болело горло, — был рад, когда вся эта компания убралась. Странное дело, без общества чувствовать себя хорошо вообще невозможно; когда же оно есть, — стараешься от него отделаться.

Гартман усердно работает в Вульвиче простым рабочим; с ним становится все труднее объясняться на каком бы то ни было языке. Русские эмигранты в Женеве требуют от него, чтобы он публично дезавуировал Рошфора. Он этого не может и не желает сделать, да это и невозможно, хотя бы по причине преувеличенно-хвалебного письма, которое написал Петербургский комитет Рошфору и которое последний опубликовал в «Intransigeant». На самом деле женевицы долго старались убедить Европу в том, что это *они* в сущности руководят движением в России; теперь же, когда эта *ложь*, ими же самими распространявшаяся, подхвачена Бисмарком и К^о и когда она становится для них опасной, они утверждают обратное и тщетно пытаются убедить весь мир в своей невинности. В сущности же

¹ Догберри — комический персонаж из комедии Шекспира «Много шума из ничего», отличавшийся нелепостью своих изречений.

они лишь доктринеры, путанные анархо-социалисты, и их влияние на русском «театре военных действий» равно нулю.

Следила ли ты за судебным процессом против организаторов покушения в С.-Петербурге? Все это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело — непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно «сдержанном тоне». Он очень далек от мальчишеской манеры Моста и других ребячливых крикунов, проповедующих царубийство как «теорию» и «па-надею» (это делали столь невинные англичане, как Дизраэли, Севэдж, Лэндор, Маколей, друг Мадзини Стэнсфильд); они, наоборот, стремятся убедить Европу, что их способ действия является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения в Хиосе.

В связи с этим произошел изрядный скандал в палате общин. (Ты знаешь, что эти жалкие гладстонисты в угоду Бисмарку и Горчакову предприняли покушение на английскую свободу печати в лице этого несчастного Моста, — покушение, которое вряд ли им удастся.) Лорд Черчилль (нахальный молодой тори из рода Мальборо) сделал запрос сэру Чарльзу Дилку и Брассей, этим креатурам Гладстона, по поводу денежной субсидии «Freiheit». Они это категорически отрицали, и Черчилль вынужден был назвать лицо, давшее ему эти сведения. Он тогда назвал неизбежного г. Мальтмана Барри. Прилагаю для тебя вырезку об этом деле из «Weekly Dispatch» (газета Дилка, редактируемая «философским радикалом» Аштоном Дилком, братом «великого» Дилка) и заявление Мальтмана Барри в «Daily News». Ясно, что Дилк врет; что за ничтожество этот хвастун, который сам себя называет будущим «президентом Английской республики» и который из-за боязни потерять свой пост позволяет, чтобы Бисмарк предписывал ему, какие газеты он может осчастливить каким-нибудь фунтом стерлингов, а какие нет. А что если бы еще стало известно, что Аштон Дилк, как только Гартман прибыл в Лондон, пригласил его на завтрак? Но Гартман отказался, потому что не захотел «выставлять себя напоказ».

Кстати о контисте-рenegате Макса. Этому молодцу в «Justice» оказывают слишком много чести и чересчур с ним церемонятся. Этой своеобразной клике — английским либералам и еще худшей их разновидности, так называемым радикалам — на самом деле

кажется преступлением, что «Justice», не считаясь с традициями и вопреки соглашению, обращается с этими жуликами и шарлатанами не так, как это обычно принято, не поддерживает о них легенду, распространенную в либеральной континентальной печати! Надо вспомнить, с каким величайшим бесстыдством лондонская печать нападает на социалистические партии всех европейских стран, как трудно бывает возразить ей хотя бы одним словом, когда кто-нибудь считает это нужным, поместить в этой прессе ответ хотя бы в несколько строк; после этого трудно придерживаться правила, по которому парижская пресса, позволяя себе критиковать «великого» Гладстона, этого отъявленного лицемера и казуиста старой школы, обязана предоставлять в его распоряжение целые столбцы прозы г. Макса, чтобы тот натурой мог вернуть Гладстону полученный от него аванс.

Если бы даже политика Гладстона (политика насилия и усиленной охраны) по отношению к Ирландии была настолько же правильной, насколько она ложна, разве это было бы основанием для того, чтобы говорить о «благородстве» и «великодушии» этого человека? Как будто бы этим определяются отношения между Англией и Ирландией! Надо бы все же дать понять Макса, что такие лицемерные фразы имеют право гражданства в Лондоне, но не в Париже!

Скажи Лонге, чтобы он прочел в *сегодняшнем* «Times» речь Парнелла в Корке; там он найдет суть того, что *следует сказать о новом земельном законе Гладстона*; при этом не следует упускать из виду, что Гладстон своими предварительными позорными мероприятиями (включая лишение свободы слова членов палаты общин) создал такое положение, при котором *теперь в Ирландии в массовом масштабе происходят выселения*, между тем как закон представляет собой чистейшее надувательство, так как лорды, которые получили от Гладстона все, чего они хотели, и которым больше нечего бояться Земельной лиги, без сомнения закон провалят или так его обкарнают, что и сами ирландцы будут, в конце концов, голосовать *против* него.

Тысячу поцелуев детям; привет Лонге. Пиши мне, моя дорогая, как твое здоровье. Прощай.

Твой *Old Nick* ¹.

Дорогой Джонни как тебе нравится Франция?

¹ Семейное прозвище Маркса — чорт.

76.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 14 апреля 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Большое спасибо за выписку; однако, по многим соображениям, нам хотелось бы прочесть *полный* текст этих речей. Каутский, вероятно, уже просил Вас прислать сюда стенограмму на несколько дней. В рейхстаге и ландтагах говорилось много такого, чего лучше было бы не говорить, так что мы не можем об этом судить, не ознакомившись с вопросом в полной мере.

Нас очень неприятно поразило Ваше заявление, что Вы хотите уйти из газеты. Мы не видим к этому решительно никаких оснований и были бы *очень рады*, если бы Вы взяли это решение обратно. Вы с самого начала редактировали газету очень умело, взяли правильный тон и при этом проявили должное остроумие. При редактировании газеты далеко не так важна ученость, как умение быстро схватывать вещи с надлежащей стороны, а это Вам почти всегда удавалось. Каутский, например, не был бы на это способен, у него всегда слишком много побочных точек зрения. Это, пожалуй, годится для больших журнальных статей, но в газете, где нужно быстро принимать решение, это часто приводит к тому, что из-за деревьев не видишь леса, а в партийном органе этого быть не должно. Рядом с Вами Каутский был бы вполне пригоден, но я опасаясь, что если он будет один, теоретические рефлексии будут чрезмерно мешать ему непосредственно исходить из решающей боевой позиции, как подобает в «Sozialdemokrat». Не представляю себе, кто мог бы сейчас заменить Вас, пока Либкнехт сидит и не может поехать в Цюрих, да это было бы и бессмысленно без крайней необходимости, потому что в рейхстаге он гораздо нужнее. Так что Вам волей-неволей все-таки придется остаться.

Если мы до сих пор еще не выступали прямо от своего имени в «Sozialdemokrat», то можете быть уверены, что причина этого вовсе не в характере Вашего руководства газетой. Ничего подобного! Причиной этого были упомянутые ранее заявления, сделанные в *Германии*. Нам, правда, обещали, что это больше не повторится и что в дальнейшем революционный характер партии будет выражен определенно и неуклонно выдержан. Но нам хотелось бы увидеть это сперва на деле, и мы так мало уверены в революционности некоторых господ (скорее, наоборот), что именно поэтому озна-

комление со стенограммами речей *всех* наших депутатов для нас крайне желательно. *После* того как Вы их используете, Вам не трудно будет прислать их сюда на несколько дней; за аккуратный возврат я ручаюсь. Это поможет убрать с дороги последние преграды, которые еще существуют — не по нашей вине — между нами и германской партией. *Все это между нами.*

Гладстон, должно быть, подготавливает Мосту триумф. Вряд ли найдется 12 присяжных, которые *единогласно* осудят Моста, а если хоть один выскажется за его оправдание, весь процесс провалится; правда, его можно будет провести еще раз при другом составе присяжных, но это почти никогда не практикуется. И к тому же закон 1861 г., по которому обвиняется Мост, еще ни разу не был применен, и мнение юристов, в общем, таково, что текст этого закона к данному случаю неприменим.

Уход Аргайля из министерства на том основании, что ирландский земельный билль предоставляет арендаторам некоторое участие в собственности на землю, служит дурным предзнаменованием для судьбы этого билля в верхней палате. Тем временем Парнелл успешно начал в Манчестере свою агитационную поездку по *Англии*. Положение большой либеральной коалиции становится все более критическим. Впрочем, хотя здесь все движется медленно, но зато тем основательней.

Итак, не сдавайтесь перед первыми трудностями, не падайте духом и продолжайте спокойно редактировать газету, как и до сих пор. В крайнем случае напишите в Лейпциг, чтобы Вам прислали кого-нибудь в помощь; это будет, пожалуй, лучшим способом для устранения трудностей, с которыми Вам приходится бороться.

А после того, как Вы заполучите нового человека, Вы еще успеете поговорить об уходе.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

76.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 28 апреля 1881 г.

Дорогой Бебель!

В связи с твоим запросом я обратился к одному компетентному лицу (биржевому маклеру) за советом, как лучше поступить — продолжать ли платить в G[reat] B[ritain] M[utual] and Co (контора

на Чипсайд, № 101, ведь это та же компания — Great Britain Mutual Insurance [Британское общество взаимного страхования], или же приостановить платежи? На это я получил следующий ответ: «Мы опасаемся, что нет другого выхода, как продолжать платежи по мере их истребования» (we fear there is no alternative but to keep on paying the calls as they are made).

Эде¹ прислал нам стенографические отчеты о прениях в рейхстаге по поводу осадного положения и закона о страховании от несчастных случаев. Поздравляем тебя с твоими двумя речами. В особенности понравилась нам речь по закону о страховании. В речи взят правильный тон иронического превосходства — благородного и основанного на действительном знании дела. Критика законопроекта не оставляет желать лучшего и не нуждается ни в каких дополнениях. Должен сказать тебе прямо, также и от имени Маркса: это лучшая из всех твоих речей, которые нам приходилось читать, и прения производят впечатление, что токарь Бебель — единственный образованный человек во всем рейхстаге.

Вот что ты мог бы, пожалуй, прибавить при втором чтении: Вы, господа, быть может, спросите нас, как позволяет нам совесть вотировать *деньги* этому правительству, хотя бы и для помощи пострадавшим рабочим? Господа, власть рейхстага в вопросах финансовых, возможность добиться, затянув потуже мошну, уступок от правительства, — сведена к нулю после всех подвигов прусского ландтага и ваших собственных в деле вотирования [кредитов]. Рейхстаг и ландтаг пожертвовали полностью своим бюджетным правом, они отказались от него, не получив ничего взамен, и несколько жалких миллионов тут ничего не значат. К тому же все разрешенные кредиты были в интересах эксплуататоров (покровительственные пошлины, покупка железных дорог на 30% выше их стоимости — рейнские [акции] котировались ниже 120, благодаря предложению правительства купить дорогу они поднялись до 150, а теперь до 160!); на этот раз пусть, по крайней мере, деньги пойдут рабочим!

Вообще же выставленные тобою условия принятия [законопроекта] вполне обеспечивают тебя от нападков.

Но какой надутый и злобный глупец этот тупой юнкер и бюрократ фон-Путкаммер!

Твой Ф. Э.

Маркс шлет сердечный привет.

Эде пишет, что он пока остается.

¹ Э. Бернштейн.

77.

Марке — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 29 апреля 1881 г.

41, Maitland Park, N. W.

Дорогая Женни!

Поздравляю тебя с благополучными родами; по крайней мере поскольку ты сама потрудились написать нам, предполагаю, что все в порядке. «Женская половина» нашей семьи надеялась, что «новый пришелец» увеличит собой «лучшую половину» человеческого рода; я же со своей стороны предпочитаю «мужской пол» для детей, рождающихся в этот поворотный момент истории. Перед ними — самый революционный период, какой когда-либо приходилось переживать человечеству. Плохо теперь быть «стариком» и иметь возможность лишь предвидеть, вместо того, чтобы видеть самому.

«Новый пришелец» появился почти точно в твой, Джонни и мой день рождения. Он, подобно нам, благоволил к веселому месяцу мая. Мне, разумеется, поручено мамой (и Тусси, хотя быть может она найдет время написать сама) передать тебе все самые лучшие пожелания, но не знаю, на что могут пригодиться «пожелания», разве только чтобы прикрыть человеческое бессилие.

Надеюсь, что современем ты подберешь подходящую прислугу и ваше «хозяйство» войдет в колею. Меня несколько беспокоит, что у тебя как раз теперь, в такой критический момент, так много хлопот. Судя по твоему последнему письму, здоровье Джонни поправляется. Он действительно самый слабый из тех трех мальчиков, с которыми я имею честь быть лично знакомым. Расскажи ему, что когда я вчера гулял в парке, — нашем собственном Майтлэнд-парке, — ко мне вдруг подошел величественный сторож парка, спросил меня о Джонни и под конец сообщил мне важную новость, что он «покидает» свой пост и уступает место более молодым «силам». Вместе с ним исчезает один из столпов «лорда Саутгемптона».

В «нашем кружке», как его называет Бизли, мало нового. Пумпе все еще ждет «известий» от Бейста, а покамест заглядывается на «Каутского», который, однако, до сих пор не «объяснился». Она будет вечно благодарна Гиршу за то, что он не только сделал формальное «предложение», но после отказа возобновил свое «предложение», как раз перед самой поездкой в Париж. Этот Гирш становится все более несносным. Мое «мнение» о нем все ухудшается.

В Лондоне в последнее время помешались на превознесении Дизраэли, что доставило Джону Буллию удовольствие восхищаться собственным великодушием. Разве не «величественно» воскуривать фимиам покойнику, которого как раз перед тем, как он сыграл в ящик, те же люди встречали гнилыми яблоками и тухлыми яйцами? В то же время это учит «низшие классы», что хотя их «естественные начальники» и набрасываются друг на друга в борьбе за «теплые местечки», смерть раскрывает ту истину, что вожди «правлящих классов» всегда «великие и прекрасные люди».

Гладстон проделал очень тонкий трюк, — и только партия «твердолобых» (the «stupid party») этого не понимает, — когда буквально накануне обесценения земли в Ирландии (как и в Англии) вследствие ввоза хлеба и скота из Соединенных Штатов, он предоставил в распоряжение земельных собственников государственное казначейство, чтобы они могли продать ему эти самые земли по цене, которой они уже не стоят.

Действительные трудности земельной проблемы в Ирландии, которые вовсе не являются трудностями исключительно ирландскими, так велики, что единственный правильный путь разрешить ее — было бы дать ирландцам гомруль и таким образом заставить их разрешать ее самим. Но Джон Буль слишком туп, чтобы понять это.

Как раз пришел Энгельс. Он шлет тебе сердечный привет, и так как уже время сдавать почту, и я не смогу отложить окончание письма, придется его оборвать.

Привет Джонни, Гарри и «славному» Вольфу (он действительно чудесный мальчик), а также папаше Лонге.

Твой *Old Nick*.

78.

Маркс — Дж. Суинтону

в Нью-Йорк.

Лондон, 2 июня 1881 г.

41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой г. Суинтон!

Мне вряд ли нужно рекомендовать Вам подателя этого письма, моего близкого друга г. Гартмана. Посылаю с ним для Вас свою фотографическую карточку. Она довольно скверная, но это единственная, которая у меня осталась.

Что касается книги Генри Джорджа, я считаю ее последней попыткой спасти капиталистический режим. Конечно, у автора нет сознательного стремления к этому, но более ранние последователи Рикардо — радикалы — уже и раньше воображали, что все можно исправить посредством национализации земельной ренты. Об этой доктрине я упоминал в «Нищете философии» (опубликованной в 1847 г. и направленной против Прудона).

Г-жа Маркс шлет Вам наилучшие пожелания. К несчастью, ее болезнь принимает все более и более роковой характер.

Остаюсь искренне Ваш

Карл Маркс.

Фирекк так одурел после своего прибытия в Соединенные Штаты, что перепутал моего друга Энгельса со мной и мои приветствия передал Вам от имени Энгельса; он поступил так же и по отношению к другому моему американскому другу, из письма которого я узнал об этом недоразумении.

79.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен ¹.

Лондон, 2 июня 1881 г.

Дорогой Зорге! Горячо рекомендую тебе подателя этой карточки, моего друга Гартмана.

80.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен ².

Лондон, 2 июня 1881 г.

Дорогой Зорге!

Направляю тебе подателя сего, нашего друга, Льва Гартмана, московскую знаменитость. Полагаю, что нет нужды специально рекомендовать его твоему вниманию. Если во время его пребывания в Америке ты сможешь быть ему чем-нибудь полезным, ты этим окажешь услугу общему делу и личную любезность Марксу и мне.

Преданный тебе

Ф. Энгельс.

¹ На визитной карточке Маркса. Напечатано в «New-York Herald», 10 сентября 1889 г.

² Напечатано там же.

81.

Марке — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 6 июня 1881 г.

Дражайший Дон-Кихот!

Я действительно виноват в том, что до сих пор не писал тебе, но ты знаешь, что в этом отношении у меня всегда добрые намерения и дурные дела. Не проходит, однако, дня, когда бы мои мысли не были с тобою и дорогими детишками.

О моем здоровьи тебе нечего беспокоиться: простуду я схватил жестокою, почти столь же стойкою, как хронический насморк покойного Сегена; но теперь это быстро проходит.

Что касается мамочки, то ты знаешь — нет средства против болезни, которою она страдает, и она постепенно слабеет. К счастью, боли не такие, какие большею частью бывают в подобных случаях, лучшим доказательством чему может служить то, что она бывает теперь несколько раз в неделю в лондонских театрах. В сущности, она чувствует себя на редкость хорошо, но о поездке в Париж все-таки не может быть и речи. По-моему, очень хорошо, что вчера совершенно неожиданно приехала Лина Шелер, которая пробудет здесь около месяца.

Получил ли Джонни «Рейнеке-лиса», которого я ему послал, и имеет ли бедняжка хоть кого-нибудь, кто бы мог ему прочесть эту книжку?

Сегодня (праздничный день) и вчера — адский дождь и холод, одна из тех мерзостей, которые отец небесный постоянно держит про запас для своей лондонской плебейской паствы. Вчера он испортил дождем демонстрацию парнеллитов в Гайд-парке.

Гартман уехал в пятницу в Нью-Йорк, и я рад, что он теперь вне опасности. Какая глупость! — за несколько дней до своего отъезда он *просил у Энгельса руки Пумпс*, заявляя при этом, что, по его мнению, он не поступает необдуманно, действуя таким образом, иначе говоря, что он, Гартман, уверен в согласии Пумпс, которая действительно сильно флиртвала с ним, но лишь для того, чтобы расшевелить Каутского. А от Тусси я сейчас узнал, что тот же Гартман делал ей предложение перед ее отъездом в Джерси. Но хуже всего то, что знаменитая Перовская, погибшая за русскую революцию, жила с Гартманом «свободным» браком¹. Она мужественно умерла

¹ В действительности Перовская поселилась с Гартманом под видом его жены во время подготовки взрыва железнодорожного пути под Москвой.

на виселице. От Перовской до Пумпе — это уж слишком, и мама чувствует теперь полное отвращение к нему и ко всему мужскому полу!

Статья Лонге об Ирландии хороша. Мы все думали, что с ним что-то случилось, потому что его имя все реже и реже встречается на столбцах «Justice». Видала или слышала ли ты что-нибудь о нашем знаменитом Гирше? Сегодня я получил от него две нью-иоркские газеты.

Есть одна только новость, достойная быть отмеченной. Говорят, что один янки изобрел угледобывающую машину, делающую излишней большую часть теперешней работы углекопов (а именно — самое «врубание» в забоях и копях), оставляя на их долю лишь *дробление* и нагрузку угля в вагонетки. Если это изобретение окажется удачным, как все позволяет думать, оно даст могучий толчок развитию страны янки и сильно поколеблет промышленное превосходство Джона Булля.

Мама просит тебе сказать, что Лина приехала сюда по случаю свадьбы Лизы Грин, дочери удачливого поклонника Мартина Теппера.

Лаура делает все, чтобы развлекать и веселить мамочку.

Елена ¹ сердечно кланяется тебе.

Ну, а теперь поцелуй за меня много-много раз Джонни, Гарри и благородного Вольфа. Что касается «великого незнакомца», то я не дерзаю на такую фамильярность по отношению к нему.

Что с твоей астмой? Она все еще тебя беспокоит? Я с трудом представляю себе, когда ты отдыхаешь, имея четырех детей и неумелую прислугу.

Будь здорова, дорогое дитя.

Old Nick.

82.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 20 июня 1881 г

Дорогой Зорге!

Я прервал сегодня другие работы ради того, чтобы настрочить тебе, наконец, подробное письмо, но чорт посылает мне одного гостя за другим, и у меня едва осталось время, чтобы успеть до

¹ Е. Демут.

отхода почты послать тебе несколько строк. Итак, изложу все *вкратце*.

Твой сын всем здесь понравился. Так как продолжающиеся уже более полугода кашель, простуда, боль в горле и ревматизм вынуждают меня почти безвыходно сидеть дома, вдали от общества, мы с ним, примерно раз в неделю, непринужденно беседовали часок-другой, и я нахожу, что он в сущности гораздо лучше усвоил наши взгляды, чем это может показаться. Он вообще способный, дельный малый, к тому же хорошо образован, с приятным характером и, что самое главное, полон энергии.

Последними посетителями, только что ушедшими от меня, были Фирекк и недавно обвенчавшаяся с ним тоже урожденная Фирекк. Я не видел этого господина со времени его возвращения из Америки. Несколько дней тому назад он послал мне Каутского с различными бумажками *для подписи* (среди них одна написана Либкнехтом и им же подписана за себя и за Бебеля). Все они касаются известных соглашений, достигнутых через посредство Фирекка с нью-йоркской газетой «*Volkszeitung*» и № относительно наследства Лингенау. Я *отказался дать свою подпись*, заявив, что по этому делу я могу вести переговоры только через нашего генерального уполномоченного, Зорге.

В то же время я заявил Фирекку, что, по-моему, нужно прежде всего уплатить тебе 120 долларов для адвоката в Сен-Луи из сохранившегося еще в Нью-Йорке остатка от сумм, собранных в Америке. Сегодня Фирекк мне сообщил, что он сейчас же отдал соответствующее распоряжение в Нью-Йорк под мою ответственность за это перед лейпцигцами. Он явился как раз во-время, так как иначе я завтра же послал бы в Лейпциг формальный протест против образа действий лейпцигских партийных вождей, которые до сих пор вели себя в этом деле так, как будто *они одни* в праве все решить.

Затем уже, после всего, Фирекк рассказал мне о том, что ты претендуешь на возмещение 80 долларов, которые тебе пришлось затратить. Я ответил, что мы, душеприказчики, считаем своей священной обязанностью уплатить тебе их по окончании процесса, в случае неудачного его исхода.

Еще до получения твоего экземпляра книги Генри Джорджа я получил два других: один от Суинтона и другой от Вилларда Броуна; я отдал поэтому один Энгельсу, а другой Лафаргу. Сегодня я ограничусь тем, что лишь в самых кратких чертах выскажу свое мнение об этой книге.

Человек этот в теоретическом отношении совершенно отстал. Он не понял сущности *прибавочной стоимости* и потому вращается, по примеру англичан, в мире спекуляций о рассматриваемых как самостоятельные частях прибавочной стоимости, т. е. о соотношениях прибыли, ренты, процентов и т. д., причем уровень его спекуляций даже ниже, чем у англичан. Его основной догмат заключается в том, что *все было бы в порядке*, если бы земельная рента выплачивалась государству (ты найдешь соответствующий пункт также в «Коммунистическом манифесте», в главе о переходных мероприятиях). Этот взгляд первоначально принадлежал буржуазным экономистам и был впервые (если не считать подобных требований в конце XVIII столетия) выдвинут, вскоре после смерти Рикардо, его первыми *радикальными* последователями. В 1847 г. я в своем сочинении, направленном против Прудона, писал об этом следующее: «Нам понятно, когда такие экономисты, как Милль (отец, а не сын Джон Стюарт, повторивший это, только в несколько измененной форме), Шербюлье, Хильдич и другие, требуют перехода ренты в руки государства, чтобы заменить ею налоги. В этом требовании сказывается ничем не прикрытая ненависть *промышленного капиталиста к землевладельцу*, который кажется капиталисту чем-то совершенно бесполезным и излишним в системе буржуазного производства»¹.

Мы сами, как уже упоминалось, в числе других *переходных мероприятий* допустили и национализацию ренты. Эти меры, — что в свою очередь отмечается в «Манифесте», — полны внутренних противоречий, каковыми вообще бывают и должны быть переходные мероприятия.

Но Колен первый превратил эти требования *радикальных* английских буржуазных экономистов в *социалистическую панацею* и объявил, что эта мера разрешает антагонизмы, которые заключает в себе современный способ производства. Колен, по рождению бельгиец, был некогда наполеоновским гусарским офицером, а в последние годы Гизо и в первые годы Наполеона малого он, живя в Париже, осчастливил мир многотомным трактатом об этом своем «открытии». Ему принадлежит также открытие, что хотя бога и нет, но зато существует «бессмертная» человеческая душа и что животные «лишены ощущений». Если бы они имели ощущения, т. е. душу, то мы были бы каннибалами и никогда не могли бы установить на земле царства справедливости. Его теория, направленная против земельной собственности, вместе с теорией о существовании души и пр.,

¹ Сочинения, т. V, стр. 405.

проповедуется его немногочисленными уцелевшими поклонниками — большей частью бельгийцами — в течение многих лет ежемесячно на столбцах парижского журнала «Philosophie de L'Avenir». Они называют себя «collectivistes rationnels» [разумными коллективистами] и превозносят Генри Джорджа. Вслед за ними и независимо от них прусский банкир, бывший содержатель лотереи, Замтер из Восточной Пруссии, — большой тупица, — в числе прочих своих произведений разрешился толстым томом подобного «социализма».

Все эти «социалисты», начиная с Колена, имеют общим то, что, оставляя неприкосновенным *наемный труд*, а следовательно и *капиталистическое производство*, они тем самым желают обмануть себя или других, когда утверждают, что с превращением земельной ренты в государственный налог *все беды* капиталистического производства должны сами собой исчезнуть. Все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти *господство капиталистов* и фактически *заново укрепить* его на более широком, чем теперь, основании.

Этот властный умысел, а вместе с тем и глупость недвусмысленно проглядывают из декламаций Генри Джорджа. Ему это тем более непростительно, что от него можно было бы ждать постановки вопроса как раз в обратном смысле, а именно: чем объяснить, что в Соединенных Штатах, где относительно, т. е. в сравнении с цивилизованной Европой, приобретение земли было, и до известной степени (опять-таки относительно) и теперь еще, доступно для народных масс, капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса развились *быстрее* и *в более циничной форме*, чем в какой-либо иной стране!

С другой стороны, книга Джорджа, как и сенсация, которую она у нас вызвала, имеет значение первой, хотя бы и неудачной, попытки освободиться от ортодоксальной политической экономии.

Г. Джордж, повидимому, совершенно незнаком с историей прежних *американских противников ренты*, которые были больше практиками, чем теоретиками. Впрочем, он талантливый писатель (и талантливый рекламист в американском духе), что подтверждается его статьей о Калифорнии, напечатанной в «Atlantic». Ему также присущи отталкивающее высокомерие и самомнение, которые резко отличают всех подобных изобретателей панацей.

Болезнь моей жены, между нами говоря, к сожалению, неизлечима. Через несколько дней я поеду с ней к морю, в Истберн.

Братский привет.

Твой К. Маркс.

83.

Энгельс — Н.-А. Кловзу
в Нью-Йорк.

[Черновик.]

Лондон, 22 июля 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь!

К сожалению, время не позволяет мне написать интересующий Вас обзор¹. Однако, если Вы сами пожелаете познакомиться с современным состоянием рабочего движения в Великобритании, Вы найдете все необходимые данные в еженедельной газете «Labour Standard», издательство которой помещается в д. № 2 на Whitefriars st. До сих пор вышло 12 номеров этой газеты. Большая часть передовых статей без подписи написана мною.

Если Вы хотите завязать сношения с г. Мостом, Вам следовало бы написать издателю «Freiheit» по адресу: 252, Tottenham Court Road, W., Лондон, — который сумеет сказать Вам, возможно ли это при данных обстоятельствах.

Буду рад повидать Вас в случае Вашего приезда в Лондон.

Остаюсь преданный Вам

Ф. Э.

84.

Энгельс — редакции «Freiheit»
в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 22 июля 1881 г.

Некий г. Норрис А. Кловз, ирландский корреспондент газеты «New York Star», рекомендованный мне из Америки, пишет мне следующее:

Если бы г. Мост пожелал сделать какое-либо сообщение нью-йоркской публике, я с радостью предоставил бы ему эту возможность.

Я ответил ему на это:

Если Вы хотите завязать сношения с г. Мостом, Вам следовало бы написать издателю «Freiheit» по адресу: 252, Tottenham Court Road, W., Лондон, — который сумеет сказать Вам, возможно ли это при данных обстоятельствах.

Довожу об этом до Вашего сведения.

Преданный Вам

Ф. Э.

¹ Далее зачеркнуто: «Для этого пришлось бы обратиться к истории английского рабочего класса и его деятельности, начиная с 1824 г., если не с промышленной революции, для чего у меня нет свободного времени».

85.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 22 июля 1881 г.

Дорогая Женни!

У мамы только что был доктор, и мы отправимся во вторник или в среду. О точном дне выезда мы известим тебя телеграммой.

Пожалуйста, *отвечай сейчас же*, потому что мама не уедет отсюда, пока ты ей не напишешь, что тебе привезти из Лондона. Ты знаешь, что она любит возиться с подобными поручениями.

Прилагаю 5 фунтов на мелкие расходы, в связи с необходимостью взять напрокат постельные принадлежности и пр.; остальное уплачу тебе по приезде. Только при этом условии я согласен принять твоё предложение.

Что касается истории, которую Гирш рассказал тебе о Лафарге, то это просто *ложь*. Лафарг, в чем я был уверен с самого начала, никогда ничего подобного не писал своим парижским корреспондентам.

Прощай, дорогое дитя! 1000 поцелуев детям.

Old Nick.

86.

Энгельс — Дж. Шиптону

в Лондон.

Бридлинтон Ки, 10 августа 1881 г.

Дорогой г. Шиптон!

Возвращаю корректурные листы, измененные в соответствии с Вашим желанием. Первый отрывок Вы, как мне кажется, неправильно поняли, а вторая поправка носит лишь формальный характер. Во всяком случае, я не понимаю, какую пользу могут принести подобные исправления, если они требуются ко вторнику, получены здесь в среду, а вернутся обратно в Лондон в четверг, после того, как газета будет напечатана.

Но дело здесь не в этом. Если такие *очень* мягкие и невинные вещи начинают казаться Вам слишком резкими, то это неизбежно наводит меня на мысль, что то же самое будет и с моими собственными статьями, которые обычно бывают гораздо более резкими. Я вынужден поэтому считать Ваши замечания симптоматическими и сделать вывод, что лучше будет для нас обоих, если я перестану

Вам посылать передовые статьи. Это будет гораздо лучше, чем продолжать до того неизбежного момента, пока мы не придем к открытому разрыву. Кроме того, недостаток времени мне безусловно не позволит в дальнейшем писать передовицы регулярно, и в силу одного этого мотива я еще раньше пришел к выводу о необходимости такого решения и думал привести его в исполнение после конгресса трэд-юнионов. Но чем скорее я перестану для Вас писать, тем, пожалуй, будет лучше Ваше положение перед этим конгрессом.

Затем еще один пункт: я считаю, что прежде чем опубликовать статью о профессиональных союзах Макса Гирша в Германии, Вы должны были прислать мне контрольный оттиск статьи, как единственному человеку среди Ваших сотрудников, который что-нибудь смыслит в этом вопросе и мог бы сделать необходимые замечания. Как бы то ни было, для меня невозможно оставаться сотрудником газеты, которая, не посоветовавшись со мной, поощряет восхваления этих профессиональных союзов, которые можно сравнить только с теми наихудшими английскими трэд-юнионами, которые позволяют руководить собою людям, открыто продавшимся буржуазии или, по меньшей мере, оплачиваемым ею.

Излишне добавлять, что независимо от этого я желаю дальнейших успехов «Labour Standard» и, если угодно, буду время от времени присылать Вам случайную информацию с континента.

Уважающий Вас

Ф. Э.

87.

Энгельс — Дж. Шиптону

в Лондон.

Бридлингтон Ки, 15 августа 1881 г.

Дорогой г. Шиптон!

Не могу понять, как Вы могли так странно истолковать статью г. Каутского. Вы возражали против первой части статьи, потому что государственное вмешательство пришлось против шерсти «многим видным деятелям профессиональных союзов». Конечно, это происходит потому, что они — в глубине души — приверженцы манчестерской школы, и до тех пор, пока с их мнениями будут считаться, невозможна никакая газета рабочего класса. Но мое добавление к этому месту статьи должно было убедить Вас, что речь идет исключительно о государственном вмешательстве такого рода, какое в Англии давным давно узаконено в виде фабричного

законодательства — и ничего больше: вещи, против которых не возражают даже Ваши «видные деятели».

Что касается второй части, то г. Каутский говорит в ней: международное регулирование *конкурентной войны* так же необходимо, как и регулирование *открытой войны*: мы требуем *Женевской конвенции* для рабочих всего мира. «Женевская конвенция» является *договором*, заключенным различными *правительствами* для защиты полевых лазаретов и раненых во время войны. То, чего требует г. Каутский, является подобным же соглашением между различными *правительствами* для защиты рабочих, не только одного, но всех государств, от чрезмерного труда, особенно женщин и детей. Я совершенно не в состоянии понять, как Вы могли это истолковать как призыв к *рабочим* всего мира *организовать съезд делегатов в Женеве*.

Цель статьи была мне понятна; Вы должны были сразу увидеть, что в ней предлагалось мероприятие, имеющее непосредственно практический характер и настолько легко осуществимое, что одно из нынешних европейских правительств (швейцарское правительство) решило приняться за его проведение. Предложение уравнивать рабочее время во всех промышленных странах путем превращения фабричного и рабочего законодательства в объект международного соглашения государств представляло очень большую непосредственную выгоду для рабочих. Особенно для рабочих Англии, где, если не считать Швейцарии, рабочие лучше всего защищены от чрезмерного труда и поэтому подвергаются несправедливой конкуренции со стороны бельгийских, французских и германских рабочих, рабочее время которых гораздо продолжительнее.

Согласитесь, что случай такого неправильного понимания с Вашей стороны никак не может содействовать тому, чтобы я пересмотрел свое решение.

Что касается статьи о Гирше, то я слишком хорошо знаю г. Эккариуса, как предателя нашего дела, и для меня будет совершенно невозможно писать для газеты, которая предоставляет ему свои столбцы.

К тому же, я не замечаю никакого прогресса! «Labour Standard» остается тем же средством распространения самых различных и противоречивых взглядов по всем политическим и социальным вопросам, каким он был и раньше, что, может быть, и было неизбежно в первые дни его существования, но чего больше не было бы в настоящее время, если бы в британском рабочем классе существовало течение, стремящееся к освобождению от либеральных

капиталистов. Поскольку такое течение не проявило себя до настоящего времени, я должен заключить, что оно не существует. Если бы были несомненные признаки его существования, то я приложил бы все усилия, чтобы ему помочь. Но я не думаю, чтоб одна колонка в неделю, утопающая, так сказать, среди других самых разнообразных мнений, представленных в «Labour Standard», могла бы сколько-нибудь способствовать созданию такого течения.

Как я уже говорил, я решил прекратить писать после конгресса трэд-юнионов, из-за недостатка времени; так что не имеет никакого значения, напишу я до этого еще несколько статей или нет.

Итак, в надежде на лучшие времена и в ожидании их остаюсь
уважающий Вас

Ф. Э.

88.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Париж,] 16 августа 1881 г.

Дорогой Лавров!

Я должен завтра уехать и поэтому не буду иметь возможности еще раз повидаться с Вами. Но теперь, после того как я уже нашел дорогу в Париж, я буду навещать сюда от поры до времени.

Пока до свиданья.

Ваш К. Маркс.

89.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Бридлингтон Ки, Иоркшир,
17 августа 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Вот уже три недели, как я на взморьи; пользуюсь наступлением дурной погоды, чтобы написать Вам несколько строк до моего отъезда, назначенного на понедельник, 22-го. Если будет время, напишу и Каутскому; во всяком случае, он очень скоро получит ответ и оттиск его статьи в «Labour Standard».

Юдофобские памфлеты Вы, вероятно, уже получили обратно; я послал их Каутскому, так как Вы не указали мне более

определенного адреса. Никогда я не читал ничего столь глупого и ребяческого. Это движение имеет только *то* значение, какое в Германии, при трусости буржуазии, имеет *всякое* движение, инспирированное сверху: это избирательный маневр с целью добиться победы консерваторов на выборах. Как только пройдут выборы или если движение еще до того перемахнет через поставленную ему свыше цель (как сейчас в Померании), оно тотчас же, по приказу сверху, лопнет, как мыльный пузырь, и «исчезнет, как дым». К подобным движениям надо относиться с полнейшим презрением, и я рад, что «Sozial-Demokrat» так и сделал. Карл Гирш, которому вдруг приспичило прокатиться в Берлин, что он и привел в исполнение, пишет мне оттуда: «Антисемитское движение целиком организовано сверху, почти что по команде. Я побывал в самых бедных пивных, и никто там не был шокирован моим носом; ни в омнибусе, ни на железной дороге — нигде я не слышал ни слова против евреев. Официозные газеты, занимающиеся в своих статьях травлей евреев, имеют очень мало читателей. Немцы питают органическую неприязнь к евреям, но ненависть к правительству, которую мне пришлось наблюдать среди рабочих и прогрессивных мелких буржуа и мещан, куда сильнее».

О 1001 берлинском сыщике он говорит, что все они известны и «поэтому ничего не знают. Они настолько наивны, что всегда сидят в одних и тех же пивных и за теми же самыми столиками».

Ваши статьи об «интеллигентах» *очень хороши*. Хорошо и то, что Вы пишете о бисмарковской мании огосударствления, как о вещи, за которую нам не к чему ломать копыя, но которая, однако, подобно всему происходящему, волей-неволей идет на пользу нам, — а также и Ваши соображения об «интеллигентах», как о людях, которые, поскольку они чего-нибудь стоят, сами приходят к нам, если же мы еще должны их вербовать, смогут принести нам вред благодаря остаткам старой закваски. Хорошо и многое другое, хотя против отдельных выражений всегда, конечно, можно что-либо возразить. Вообще последний номер был опять очень хорош: живой, бодрый и полный уверенности в победе тон, утраченный вождями после покушений и издания исключительного закона, появился снова, заменив собою то, что Фридрих-Вильгельм IV называл «трубить себе в штаны» («Nosentrompeterei»). Вы отлично отделали Брэдло.

Несколько замечаний по отдельным пунктам:

1) Вам вовсе незачем так расхваливать Валлеса. Это жалкий литературный или, вернее, литераторский фразер, абсолютно ничего собой не представляющий, который перешел к крайним ле-

вым из-за отсутствия таланта, чтобы выехать на направлении и хоть таким путем протащить в публику свою скверную мазню. Во время Коммуны он занимался только фразерством, а если и действовал как-нибудь, то лишь во вред делу. Не верьте ни единому слову парижских «друзей» (к которым и Малон питает большую слабость) насчет этого вздорного фанфарона. Что он за политик, показывает его письмо к Гриви, после того как тот сделался президентом; письмо, в котором он его просит ввести социалистическую республику и т. д. по высочайшему повелению; это письмо на несколько месяцев задержало амнистию.

2) Испанцы вовсе не все сплошь анархисты. В Мадриде есть превосходное ядро (бывшая «Новая мадридская федерация»), кроме того есть очень хорошие элементы, особенно в Валенсии и небольших фабричных городах Каталонии, разбросаны они и в разных других местах. Энергичнее и проникательнее всех наш друг Хозе Меса (сейчас он в Париже), великолепный парень, сотрудничающий и поддерживающий контакт с Гедом и другими парижанами. Если Вам нужны сведения об Испании, напишите ему по-французски (Малон сможет передать ему письмо непосредственно или через Геду, у меня здесь нет его адреса). Сошлитесь на меня.

В общем, я того мнения, что молодой человек, который так хорошо растет на своей работе, как Вы, должен на ней и оставаться. Я сильно сомневаюсь, сумеет ли Кегель, который к тому же пока еще сидит, так же хорошо справиться. Его теоретическая позиция мне неизвестна; хватит ли у него способностей больше чем на местную сатирическую газетку, во всяком случае не доказано. Англичане говорят: *let well alone* — от добра добра не ищут. Признаюсь, ко всякой перемене я отношусь с недоверием и неудовольствием.

Теперь о революционном конгрессе. Лафарг подцепил какого-то итальянца, который был там делегатом и которого, не знаю почему, выставили. Кроме того, Лафарг встретил кое-кого из этой шайки у одного французского торговца вином и гастрономическими товарами, тоже анархиста. Выясняется:

1) Конгресс состоял из *двадцати с чем-то* человек, среди которых были главным образом *жители Лондона* с мандатами из других мест. Затем несколько французов, итальянцев, один испанец. Заседания происходили *открыто*. Но на конгресс не явился ни один человек, ни один репортер, ни одна собака, ни одна кошка. Тщетно прождав публику три-четыре дня и так ничего и не дождавшись, они приняли героическое решение: объявить заседания *закрытыми!*

2) Прежде всего пришлось констатировать всеобщее разочарование в анархическом движении, оказавшемся насквозь пустышкой, и убедиться в том, что эти несколько крикунов нигде не имеют решительно никаких сторонников. Каждый знал это о себе и своей местности, но, хотя каждый из них потчевал остальных чудовищным враньем о колоссальном успехе движения в *своей* местности, все же каждый верил вранью *других*. Крушение иллюзий было так велико, что делегаты не могли скрыть своего удивления по поводу своего собственного ничтожества даже в присутствии посторонних.

3) Только митинг, на который они, конечно, вызвали репортеров, и затем вздорные парламентские запросы глупых ториев и еще более глупых радикалов спасли до известной степени конгресс. То, что при нынешнем нигилистическом поветрии пресса постарается нажить капитал на митинге, на котором было самое большее 700 человек, — этого следовало ожидать.

Так что если «*Freiheit*» говорит о делегате № 63 и т. д., то это относится к номерам *мандатов*, которые выдавались одним, двумя или тремя лицами на предъявителя или на имя какого-нибудь им совершенно неизвестного, живущего в Лондоне человека, или же десятью-двадцатью лицами — на имя ехавшего в Лондон делегата. Всех действительно присутствовавших делегатов было около двадцати, максимум — тридцать, а приехавших сюда из других мест на верное не набралось и десятка.

Имей в виду: всем этим надо пользоваться осторожно, так как эти сведения у меня из *третьих рук*. Можно бы, например, высказаться в вопросительной форме, — так ли мол это? Эти господа всегда ведь цепляются за *одно* какое-нибудь неточное слово. Это же старая история *всех* анархистских конгрессов. Прочтите в «Мнимых расколах в Интернационале» отчет этих людей об их собственном конгрессе Юрской федерации или в «*Alliance de la Démocratie socialiste*» [«Альянсе социалистической демократии»] отчет об их первом конгрессе после раскола. Анархия же выражается у них прежде всего в том, что каждый хочет быть офицером, и никто — солдатом. Кстати, неистовый анархист Адемар Швйтцгебель (ну, и фамилия!) поносит занятие любой государственной должности как измену анархизму, что, однако, не мешает ему быть лейтенантом швейцарской федеральной армии!

Сердечный привет Каутскому, которому напишу в первый же дождливый день.

Ваш Ф. Энгельс.

90.

Марке — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 18 августа 1881 г.

Мое дорогое, любимое дитя!

Я прибыл в Лондон, т. е. в Maitland Park, около 7 часов.

Туссихен выглядит бледной и худой. Вот уже несколько недель, как она почти ничего не ест (буквально); ее нервная система в крайне подавленном состоянии; отсюда — постоянная бессонница, дрожание рук, невралгические подергивания лица и т. д.

Я тотчас же телеграфировал д-ру Донкину. Он приехал вчера утром, в 11 часов, и долго расспрашивал и осматривал ее. Он говорит, что у нее нет никакой органической болезни, сердце здоровое, легкие в порядке и т. д., но из-за ее безрассудного образа жизни совершенно нарушена деятельность желудка и ужасно истощена нервная система.

Ему удалось убедить ее, чтобы она следовала его предписаниям, а ты знаешь, что раз она дала обещание, она его твердо будет исполнять. При всем том ее выздоровление может идти лишь очень медленно, и я приехал как раз во-время. При малейшем промедлении дело могло принять очень опасный оборот.

Донкин думал было, как он мне сказал до нашего отъезда, уехать из Лондона на Гебридские острова. По случаю нездоровья Тусси и желая дождаться известий о маме, он пробудет здесь еще до конца недели.

Напиши мне о состоянии мамы — уехала ли она от вас и т. д. Что с Лонге и Гарри? Как ты сама и остальные детки?

Довольна ли ты своей новой служанкой?

Кстати, Сарра (ангельсовская Сарра) приходит теперь каждый день на несколько часов помогать Тусси по хозяйству; это девушка с прекраснейшим характером и *справляется с любой работой*. Тусси говорит, что Сарра с большим удовольствием поехала бы к тебе, но Пумпе ничего не сказала ей о том, что Лиза ушла от тебя и что ты ищешь ей *заместительницу*. Она сказала также Тусси и мне, что с большим удовольствием поедет к тебе, только боится одна ехать во Францию. Но это пустяки. Через некоторое время я сам мог бы ее привезти.

А теперь прощай, дорогое дитя! Ничто не могло мне доставить

большого наслаждения, чем время, которое я провел с тобой и дорогими детишками.

Привет милейшему д-ру Дурлану.

1 000 поцелуев детям.

Твой *Old Nick*.

Тусси шлет свои наилучшие пожелания Вольфу и всему семейству.

91.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 25 августа 1881 г.

Дорогой Бебель!

Я бы раньше ответил тебе на письмо от 13 мая, но после лейпцигского «малого»¹ выжидал, не пришлешь ли ты мне другой конспиративный адрес; не дождавшись его, пользуюсь старым и прилагаю письмо Тусси Маркс г-же Либкнехт, адреса которой у нас тоже нет. -

Бернштейн продолжает писать о том, что он хочет уйти из «Sozialdemokrat» и рекомендует теперь включить [в состав редакции] Кегеля, в дальнейшем сделав его преемником Бернштейна. По моему мнению, всякое изменение было бы вредно. Бернштейн сверх ожидания оказался до такой степени на месте (например, его статьи об «интеллигенции», если не считать кое-каких мелочей, были превосходны и выдержанны), что трудно было бы найти более подходящего человека. Кегель в этой области, во всяком случае, еще не испытан, а положение дела таково, что следовало бы избегать всяких экспериментов. Я настоятельно просил Бернштейна остаться и думаю, что и с вашей стороны было бы самым правильным уговорить его. При нем газета все улучшается, да и он сам становится лучше. Он обладает подлинным тактом и быстро схватывает суть дела, — полная противоположность Каутскому; этот последний — неплохой парень, но прирожденный педант и схоласт, который, вместо того, чтобы распутывать сложные вопросы, запутывает простые. Я и мы все к нему лично относимся хорошо, и в обстоя-

¹ малого осадного положения.

тельных журнальных статьях он сможет иногда давать кое-что ценное, но свою натуру он при всем желании не в состоянии побороть. Это сильнее его. В газете такой доктринер — сущее несчастье; даже Эде пришлось в последнем номере «Sozialdemokrat» к одной из его статей прицепить критический хвостик. Зато он написал крестьянскую листовку для Австрии, в которой обнаружил кое-что, напоминающее писательский талант его матери; если не считать нескольких ученых выражений, то листовка эта удачна и принесет пользу.

Либкнехту я писал по поводу речей в ландтаге и в ответ получил заявление, что это была «тактика» (но в этой «тактике» я как раз и вижу помеху открытому нашему сотрудничеству!); в рейхстаге, дескать, скоро раздадутся другие речи. Это, правда, ты и сделал, но как отнестись к неудачному и крайне неуместному выражению Л[ибкнехта] относительно «честности имперского канцлера»? Возможно, что он *намеревался* вложить в эти слова иронию, хотя из отчета это не явствует, — но зато как это использовала буржуазная пресса! Я ему больше не отвечал, делу все равно не поможешь. Но и Каутский сообщает нам, что Либкнехт пишет всем и каждому, — например, в Австрию, — что Маркс и я вполне согласны с ним и одобряем его «тактику», и люди верят этому. Не может же так продолжаться до бесконечности! «Freiheit» скачет и играет по поводу речи Гартмана во время обсуждения закона о несчастных случаях, и если приведенная ею выдержка — подлинная, то речь эта и впрямь была жалкой.

Во Франции рабочие кандидаты получили 20 000 голосов в Париже и 40 000 в провинции, и если бы вожди со времени основания коллективистской Рабочей партии не совершали одной глупости за другой, то было бы еще лучше. Но и во Франции массы лучше большинства своих вождей. В провинции, например, отдельные парижские кандидаты потому потеряли тысячи голосов, что они и там пускали в ход пустую революционную фразеологию (которая так же присуща Парижу, как шум и треск присущи мастерской), но там люди принимали ее всерьез и говорили: как можно делать революцию, не имея оружия и организации? Впрочем, процесс развития во Франции идет своим регулярным, нормальным и строго обусловленным ходом в мирной форме, и это в данный момент очень полезно, потому что иначе провинцию вряд ли удалось бы серьезно вовлечь в движение.

Я отлично понимаю, что у вас чешутся руки, когда в Германии все развивается так для нас благоприятно, а вы связаны по рукам

и ногам и не в состоянии использовать все успехи, которые как будто сыплются на вас сами собой. Но это не беда. В Германии многие (разительный пример — Фирекк, который совсем приуныл из-за того, что легальная пропаганда невозможна) придают слишком большое значение открытой пропаганде и недооценивают действительную движущую силу исторических событий. Только опыт может тут поправить дело. Успехи, которых мы *теперь* не можем использовать, из-за этого далеко еще не потеряны для нас. Только сами события могут расшевелить равнодушные и пассивные массы, и если настроение этих разбуженных масс при нынешних обстоятельствах остается довольно-таки неопределенным, то тем более мощно подействует в свое время освобождающее слово, тем разительнее будет влияние на государство и буржуазию, когда 600 000 голосов внезапно утратятся, когда не только Саксония, но и *все* крупные города и промышленные районы станут нашими, и сельские рабочие окажутся в таком положении, что станут доступны нашему идейному влиянию. Такое завоевание масс штурмом гораздо более ценно, чем постепенное их вовлечение с помощью открытой пропаганды, возможность которой при теперешних условиях у нас скоро отняли бы снова. Юнкеры, попы и буржуа *не могут* при теперешних отношениях позволить нам вырвать у них из-под ног почву, и потому лучше всего, если они об этом позаботятся сами. Придет время, когда снова повеет другим ветром. Пока что вам приходится своими силами тянуть лямку, на своей спине выносить гнусности правительства и буржуазии, а это не шутка. Но не забудьте ни об одной подлости, учиненной вам и всем нашим товарищам. Час мести не за горами, и нам придется его, наконец, использовать.

Твой Ф. Э.

92.

Энгельс — К. Каутскому

в Париж.

Лондон, 27 августа 1881 г.

Дорогой г. Каутский!

Дня через два Вы получите по почте: 1) «Labour Standard» с Вашей статьей, с которой приключился целый ряд забавных инцидентов, 2) номер «Nature» от 18 августа, 3) Вашу рукопись, которую возвращаю Вам обратно.

Немного исправив совершенно ученический перевод, я отправил его Шиптону в качестве передовой статьи. Но милейший Шиптон плохо понял статью и потребовал у меня объяснений; однако по обыкновению было уже слишком поздно. По поводу слов «вмешательство государства» в пользу рабочих этот господин вообразил невесть что, только не то, что там было написано, и [забыл], что это государственное вмешательство давным-давно уже *существует* в Англии в виде фабричного законодательства. Хуже того: в словах «мы требуем всеобщей конвенции в интересах рабочего класса» он вычитал, что Вы требуете *созыва конференции делегатов в Женеве* для упорядочения этого дела!! Ну, что поделаешь с таким остолопом? Я воспользовался этим случаем, чтобы привести в исполнение свое решение порвать с «Labour Standard», так как эта газета становится все хуже.

В «Nature» Вы найдете речь, произнесенную здесь Джоном Саймоном на международном медицинском конгрессе и представляющую настоящий *обвинительный акт медицины против буржуазии*. Дж. Саймон — медицинский инспектор при Тайном совете (государственный советник), фактически — глава всей британской врачебной полиции; он — тот самый, кого Маркс в «Капитале» так часто цитирует и так хвалит, — последний, быть может, из старых, верных своему профессиональному долгу и добросовестных чиновников эпохи 1840 — 1860 гг., для которого интересы буржуазии были главным препятствием при исполнении им своего долга и который вынужден был всегда бороться против этих интересов. Поэтому его инстинктивная ненависть к буржуазии так же сильна, как и понятна. Теперь к нему, врачу, в его специальную область врывается, под поповским руководством, буржуазия со своим антививисекционным движением; он поворачивает свое копьё и вместо вялой и бесцветной проповеди в духе Вирхова атакует противника; *двум-трем научным* экспериментам врачей над *животными* он противопоставляет *гигантские коммерческие* эксперименты буржуазии над *народными массами* и этим ставит вопрос на настоящую почву. Выдержка из этой речи составила бы великолепный фельетон для «Sozialdemokrat».

Впрочем, конгресс единогласно объявил вивисекцию необходимой для науки.

Ваша листовка доказывает, что Вы кое-что унаследовали от литературного таланта Вашей матери. Листовка эта понравилась мне больше всех Ваших прежних вещей. При более тщательной отделке можно было бы изменить некоторые выражения и обороты

речи. Для второго издания я посоветовал бы Вам это сделать. Литературный немецкий язык для рассказа слишком тяжеловесен, а ученых слов, вроде «реакция», которые крестьянскому уму ничего не говорят, следовало бы избегать. Вещица стоит того, чтобы Вы ее основательно переделали с этой точки зрения. Это — лучшая листовка, которую мне приходилось читать.

Ваша мостовская публика в Австрии должна на горьком опыте учиться уму-разуму, иного пути нет. Это процесс, при котором погибает много, вообще говоря, хороших элементов; но если хорошие элементы во что бы то ни стало хотят играть в конспирацию, сами не зная, зачем, то им ничем не поможешь. К счастью, пролетарское движение обладает огромной способностью воспроизводства.

Фирекку и его жене ужасно не повезло в Шотландии с погодой; они отплыли в Копенгаген и уже прибыли туда. Там они пока останутся; адрес: Копенгаген, до востребования.

Нашим французским друзьям кажется все еще мало тех глупостей, которых они натворили за последние два года от излишнего усердия, кумовства, страсти к декламации и т. д. «Citoyen» как будто продали бонапартистам, которые хотя еще и не выставили наших за дверь, но больше им не платят и вообще держат их в черном теле, точно хотят принудить к забастовке, чтобы таким путем от них избавиться. К тому же, все наши вцепились друг другу в волосы, как это часто случается при неудачах. Один из самых неудачливых — Брусс, отличный парень, но первоклассный путаник, считающий в простоте души главной задачей всего движения обращение своих бывших друзей-анархистов. По его инициативе было в свое время принято идиотское решение об отказе от выставления кандидатур. Впрочем, правильный мирный ход развития во Франции для нас в конце концов лишь благоприятен. Только в том случае, если провинция будет втянута в движение, как это происходит с 1871 г., и будет выступать, как это все чаще теперь бывает, в качестве внушительной силы в государстве, т. е. в нормальной законной форме, — только тогда может быть положен конец, в наших общих интересах, тому совершающемуся толчками развитию Франции, которое начинается с переворотов в Париже и затем на многие годы оттесняется назад провинциальной реакцией. *И если тогда* настанет для Парижа время действовать, то провинция будет не против него, а за него.

Сердечный привет от всех.

Ваш Ф. Энгельс.

93.

Марке — К. Каутскому

в Париж.

[Лондон,] 1 октября 1881 г.

Пишу наспех.

Дорогой г. Каутский!

Прилагаю несколько строк для Вашей матери, а также письмо моей дочке. Если бы Вы сообщили мне парижский адрес Вашей матери, можно было бы избежать излишней траты времени.

Я хотел было предложить Вашей матери погостить несколько дней в моем доме и в то же время при моей помощи осмотреть Лондон. *Роковая болезнь моей жены*, которая с каждым днем *приближает катастрофу*, препятствует этому. Теперь и я нездоров.

«Arbeiterstimme» я получаю аккуратно. Она забавляет, но не удивляет меня, так как я уже десятки лет знаю своих швейцарцев.

Что касается мистера Мак-Гайра, то он, повидимому, находится с Вашим письмом в Лондоне. Как же случилось, что никто из моих нью-йоркских друзей не снабдил его рекомендательными письмами? Я всегда отношусь заранее несколько подозрительно к янки-социалистам и знаю, в частности, что именно те из них, с которыми Шиптон был связан, отличаются большим своеобразием и сектантством. Но г. Мак-Гайр может оказаться, тем не менее, превосходным партийным деятелем.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

Жена и дочь Вам кланяются.

94.

Марке — М. Каутской

в Париж.

Лондон, 3 октября 1881 г.

41, Maitland Park Road, N. W

Милостивая государыня!

Посылаю Вам несколько строк для моей дочери. Аржантейль — под самым Парижем, примерно в 20 минутах езды от вокзала Сен-Лазар.

Я позволил бы себе пригласить Вас погостить у меня в Лондоне, — Ваш сын передал Вам, вероятно, что вся моя семья

восхищается Вашими произведениями, — если бы ужасная и, боюсь, *роковая* болезнь моей жены не прервала, так сказать, нашего общения с внешним миром.

Искренне желаю Вам доброго здоровья.

Глубоко преданный Вам

Карл Маркс.

95.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 25 октября 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Очень Вам благодарен за то, что Вы написали мне относительно «*Égalité*». Помимо того вопроса, о котором идет речь, это дает мне повод изложить Вам, какую позицию занимает Маркс, а вслед за ним и я, по отношению к французскому движению. По одному этому примеру Вы сможете судить о нашем отношении к другим внегерманским движениям, сочувствующим нам и в свою очередь вызывающим нашу симпатию.

Я очень доволен, что Вы сейчас не в состоянии оказывать «*Égalité*» денежную поддержку. Письмо Лафарга явилось опять одним из тех безрассудств, без повторения которых время от времени французы, особенно уроженцы местностей к югу от линии Бордо—Лион, не могут обойтись. Он был настолько убежден в гениальности этого шага и вместе с тем в неизбежности провала, что даже своей жене (которая часто удерживает его от подобных выходов) сказал об этом только задним числом. За исключением Лафарга, который всегда за то, чтобы «хоть что-нибудь да делалось», безразлично, что, — мы все здесь были единогласно против «*Égalité*» № 3. Я им заранее говорил, что с их 5 000 франков (если у них еще есть столько) их хватит не дольше, чем на 32 номера. Если Гед и Лафарг хотят во что бы то ни стало приобрести в Париже репутацию неудачливых издателей (*teurs de journaux*), то мы им в этом помешать не можем, но и помогать им мы тоже не станем. Если паче чаяния дело с газетой пойдет лучше и она будет действительно хороша, то мы успеем в трудную минуту что-нибудь предпринять. Но абсолютно необходимо, чтобы эти господа научились, наконец, обходиться собственными средствами.

Дело в том, что наши французские друзья, которые собираются основать рабочую партию, все без исключения делали за

последние двенадцать-пятнадцать месяцев одну ошибку за другой. Первую сделал Гед, когда он из бессмысленного пуризма не дал Малону принять предложенное ему место редактора рабочего отдела в «Intransigeant», с окладом в 12 000 франков. *С этого началась вся склока.* Затем последовала непростительная глупость с «Émancipation», когда Малон поддался на лживые обещания лионцев (худших рабочих во Франции), а Гед с жаром настаивал на том, чтобы газета издавалась во что бы то ни стало. Затем, не стоившая выеденного яйца ссора из-за кандидатуры, причем очень возможно, что Гед допустил формальную ошибку, в которой Вы его упрекаете, но в то же время для меня ясно, что Малон искал предлога для ссоры. Наконец, вступление в «Citoyen français» и уход оттуда г. Бурбо, — он же Секондинье, — авантюриста худшей марки, — уход *без всяких политических оснований*, поскольку он был вызван только неплатой гонорара. Далее, вступление Гед — в чрезвычайно разношерстной компании — в новейший «Citoyen», а Малона и Брусса в жалкий «Prolétaire», который они же, — по крайней мере Малон. — всегда за глаза клеймили как бульварный листок.

«Prolétaire» был органом самой узколобой клики одержимых зудом писательства парижских рабочих. Там было правило, что к участию в редакционных совещаниях и к сотрудничеству в газете допускались только настоящие рабочие. Царила тупоумнейшая вейтлингговская ненависть к «образованным». В результате газета была абсолютно бессодержательной, но с претензией на то, чтобы быть самым подлинным выразителем взглядов парижского пролетариата. Отсюда, при всей показной дружбе, постоянно скрытая смертельная вражда и интриги против всех параллельных газет, включая обе «Égalité».

Если Малон теперь утверждает, что Французская рабочая партия старается превратить «Prolétaire» в свой орган, и на что, мол, в таком случае нужна конкурирующая «Égalité», то никто лучше самого Малона не знает: 1) что первые две «Égalité» тоже существовали наряду с «Prolétaire», 2) что причиной этому была просто полная никчемность «Prolétaire», — Малон знает работников этой газеты ничуть не хуже, чем Гед, и 3) несколько ослов из «Prolétaire» вместе с Малоном и Бруссом далеко еще не составляют Французскую рабочую партию. Следовательно, Малон знает, что все это — надувательство и что это *он* хочет превратить «Prolétaire» в свой орган, потому что во всех прочих местах у него ничего не вышло.

Но что связывает Малона и Брусса с этим бульварным листком, — это их общая ненависть к Марксу. Масса французских

социалистов приходит в ужас при мысли, что нация, осчастливившая мир французскими идеями, взявшая монополию на идеи, что Париж, этот светоч всего мира, должен теперь вдруг получать социалистические идеи в готовом виде от немца Маркса. Однако это все-таки так и есть, и к тому же Маркс настолько превосходит всех нас своей гениальностью, своей чуть ли не чрезмерной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-либо рискнул критиковать его открытия, то он только обжегся бы на этом. Это возможно будет только для людей более прогрессивной эпохи. Если, таким образом, французские социалисты (т. е. большинство из них) волей-неволей вынуждены покориться неизбежному, то дело все-таки не обходится без некоторого брюзжания. Люди из «Prolétaire» утверждают, что Гед и Лафарг являются рупорами Маркса, что в переводе на более откровенный язык должно означать, что они хотят продать французских рабочих пруссакам и Бисмарку. Во всех сочинениях г. Малона это брюзжание также проявляется очень явственно, и притом в весьма недостойной форме: Малон старается найти каких-нибудь других лиц (Лассалья, Шефле и даже де-Папа), которым можно было бы приписать открытия Маркса. Вполне естественно, конечно, что можно придерживаться особого мнения насчет образа действий членов партии в том или ином случае, — кто бы они ни были. Можно иметь расхождения и спорить по какому-нибудь теоретическому вопросу, но оспаривать подобным образом у такого человека, как Маркс, его собственные открытия, значит проявлять низость, на какую способны, пожалуй, только журналисты, — самомнение которых Вам, вероятно, уже достаточно известно по опыту. Я вообще не понимаю, как можно завидовать гению. Это настолько своеобразное явление, что мы, не обладающие этим даром, заранее знаем, что для нас это недостижимо; но чтобы завидовать этому, надо уж быть полным ничтожеством. То, что Малон делает это в скрытой форме, несколько не улучшает дела. При этом, в конечном счете, он остается в дураках, обнаруживая повсюду недостаток знаний и критических способностей. Это можно было бы при случае дать ему почувствовать очень неприятным для его образом, если бы представилась необходимость заняться рассмотрением содержания его очаровательной «Histoire du socialisme» «depuis les temps les plus reculés» [«История социализма» «с самых отдаленных времен»] (11) и прочих его творений.

Брусс, пожалуй, самый беспомощный путанник, какого я когда-либо видел. В анархизме он отбросил анархию, т. е. борьбу против политической деятельности и выборов, но сохранил все прочие

фразы и особенно тактику. Теперь он мудрит в «Prolétaire» в длиннейших, направленных против Геда (которого он не называет) статьях над неразрешимым вопросом, как создать такую организацию, которая исключала бы возможность диктатуры (Геда!!). Если эта абсолютная литературная и теоретическая бездарность, умеющая, однако, поднимать большую шумиху, опять в состоянии играть какую-то роль, то в этом общая вина Лафарга, Геда и Малона.

Наконец, Гед. Он далеко превосходит в теоретическом отношении остальных парижан, обладая ясностью мысли, и принадлежит к числу тех немногих, кого абсолютно не шокирует немецкое происхождение современного социализма. *Hinc illae lacrimae* [вот корень зла]. Поэтому-то господа из «Prolétaire» и твердят, что он просто рупор Маркса, а Малон и Брусс с печальной миной разносят это дальше. Никому, кроме этой клики, это и в голову не приходит. В дальнейшем я еще вернусь к этому. Что он властолюбив — вполне возможно. Каждый из нас властолюбив в том смысле, что добивается, чтобы его взгляды стали господствующими. Если Гед пытается достигнуть этого прямыми путями, а Малон окольными, то это говорит лишь в пользу характера Геда и большей житейской мудрости Малона, особенно когда имеешь дело с такими людьми, как парижане, которые решительно ни в чем не желают повиноваться, но зато с восторгом позволяют водить себя за нос. Впрочем, о всяком человеке, который чего-нибудь да стоит, мне когда-нибудь да приходилось слышать, что он властолюбив, и я делал отсюда только тот вывод, что в действительности его не в чем обвинить. У Геда совершенно другие недостатки. Во-первых — парижское суеверие, будто необходимо постоянно твердить слово «революция». И, во-вторых — его безграничное нетерпение. Он нервно болен, думает, что долго не проживет, и хочет поэтому во что бы то ни стало дожить еще до каких-либо значительных событий. Отсюда, а также из его болезненного возбуждения вытекает его чрезмерная, часто губительная жажда деятельности.

Прибавьте еще к этому неспособность французов, особенно парижан, понимать разногласия иначе, как перенося их на *личную* почву, — и для Вас станет ясно, каким образом эти господа при первых же небольших успехах решили, что они уже у цели, стали делить шкуру неубитого медведя и при этом рассорились.

Впрочем, брошюры и статьи Геда — лучшие из появившихся на французском языке, к тому же он один из лучших ораторов в Париже. И мы всегда считали его прямым и надежным человеком.

Теперь о нас. Мы, т. е. Маркс и я, вовсе не состоим в переписке с Гедом. Мы писали ему только по вполне определенным деловым поводам. Содержание писем Лафарга к Геду нам известно лишь в общих чертах. Из того, что писал Гед Лафаргу, мы читали тоже далеко не все. Они могли поверять друг другу какие угодно планы, о которых мы абсолютно ничего не знаем. Маркс, так же как и я, время от времени давали тот или иной совет Геду через Лафарга, но едва ли он когда-нибудь следовал этим советам.

Правда, Гед приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы Французской рабочей партии. И Маркс тут же в моей комнате, в присутствии моем и Лафарга, продиктовал ему мотивировочную часть этой программы: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения, и т. д. Это был мастерской образец убедительной аргументации, сжатой и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили, но как мало Гед был рупором Маркса, видно из того, что он настаивал на внесении своего нелепого требования о минимуме заработной платы, и так как отвечаем за это не мы, а французы, то мы в конце концов предоставили ему делать, как он хочет, хотя он и признал теоретическую нелепость этого пункта.

Брусс был в то время в Лондоне и охотно участвовал бы в нашем совещании. Но у Геда не было времени, и он не без основания ожидал от Брусса пространных разглагольствований на непонятные ему самому анархистские мотивы; поэтому он настоял на том, чтобы Брусса на этом совещании не было. Это было его дело. Но Брусс ему этого не забыл, и с тех пор начались его козни против Геда.

Эту программу французы поставили потом на обсуждение и приняли ее с некоторыми поправками, среди которых внесенные Маленом отнюдь нельзя считать улучшениями.

Затем я написал еще две статьи в «*Égalité* № II» по поводу «социализма г. Бисмарка», и этим исчерпывается, насколько мне известно, все наше активное участие во французском движении.

Но мелких завистников, которые сами ничего собою не представляют, а хотели бы быть всем, особенно бесит то, что Маркс, благо-

даря своим теоретическим и практическим заслугам, завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении всех стран относятся к нему с полным доверием. В *решительную минуту* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его советы самые лучшие. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о мелких странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение, и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и имеющее величайшее значение для всего движения влияние Маркса.

Малон тоже собирался приехать, но хотел сперва добиться через Лафарга специального приглашения от Маркса, которого он, конечно, не получил. Мы охотно поговорили бы с ним, как со всяким другим, но приглашать его! К чему? Кому мы посылали такие приглашения? Такое же отношение, как к французам, существует у Маркса, а также и у меня, к движению в остальных странах. Мы все время поддерживаем с ними контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность, но всякая попытка влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред, уничтожила бы прежнее доверие времен Интернационала. А для этого мы слишком искушены в революционных делах.

Отмечу еще два факта:

1) Не кто иной, как Гед вместе с Лафаргом, создали Малону в «*Égalité*» совершенно незаслуженную славу, сотворили, так сказать, легенду, и только потому, что Гед, как истый француз, был убежден, что ему, как литератору, непременно нужно иметь около себя *рабочего*.

2) Я уполномочен адресатом письма сообщить Вам следующее: Лиссагара, бывший председателем собрания, на котором Малон выступил против прохвоста Люлье, пишет: Перед самым началом собрания Люлье просит Малона уделить ему несколько минут для переговоров. Малон уходит и не возвращается, пока, наконец, *его комитет* не отправляется в поиски за ним (Лиссагарэ был председателем комитета и собрания). Его застают в самой дружеской беседе за стаканом вина и в полной готовности мирно договориться с тем самым Люлье, которого он клеймил (и вполне справедливо) как последнего из негодяев! Если бы Малону не нужно было в 9 часов ехать в Цюрих на конгресс, можно было опасаться, что состоится примирение. И такой человек хочет быть политическим деятелем!

Адрес Меса следующий: Х. Меса, 36, Rue du Vas, Париж.

Теперь о нас. Мы, т. е. Маркс и я, вовсе не состоим в переписке с Гедом. Мы писали ему только по вполне определенным деловым поводам. Содержание писем Лафарга к Геду нам известно лишь в общих чертах. Из того, что писал Гед Лафаргу, мы читали тоже далеко не все. Они могли поверять друг другу какие угодно планы, о которых мы абсолютно ничего не знаем. Маркс, так же как и я, время от времени давали тот или иной совет Геду через Лафарга, но едва ли он когда-нибудь следовал этим советам.

Правда, Гед приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы Французской рабочей партии. И Маркс тут же в моей комнате, в присутствии моем и Лафарга, продиктовал ему мотивировочную часть этой программы: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения, и т. д. Это был мастерской образец убедительной аргументации, сжатой и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили, но как мало Гед был рупором Маркса, видно из того, что он настаивал на внесении своего нелепого требования о минимуме заработной платы, и так как отвечаем за это не мы, а французы, то мы в конце концов предоставили ему делать, как он хочет, хотя он и признал теоретическую нелепость этого пункта.

Брусс был в то время в Лондоне и охотно участвовал бы в нашем совещании. Но у Геда не было времени, и он не без основания ожидал от Брусса пространных разглагольствований на непонятные ему самому анархистские мотивы; поэтому он настоял на том, чтобы Брусса на этом совещании не было. Это было его дело. Но Брусс ему этого не забыл, и с тех пор начались его козни против Геда.

Эту программу французы поставили потом на обсуждение и приняли ее с некоторыми поправками, среди которых внесенные Маленом отнюдь нельзя считать улучшениями.

Затем я написал еще две статьи в «*Égalité* № II» по поводу «социализма г. Бисмарка», и этим исчерпывается, насколько мне известно, все наше активное участие во французском движении.

Но мелких завистников, которые сами ничего собою не представляют, а хотели бы быть всем, особенно бесит то, что Маркс, благо-

даря своим теоретическим и практическим заслугам, завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении всех стран относятся к нему с полным доверием. В *решительную минуту* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его советы самые лучшие. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о мелких странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение, и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и имеющее величайшее значение для всего движения влияние Маркса.

Малон тоже собирался приехать, но хотел сперва добиться через Лафарга специального приглашения от Маркса, которого он, конечно, не получил. Мы охотно поговорили бы с ним, как со всяким другим, но приглашать его! К чему? Кому мы посылали такие приглашения? Такое же отношение, как к французам, существует у Маркса, а также и у меня, к движению в остальных странах. Мы все время поддерживаем с ними контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность, но всякая попытка влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред, уничтожила бы прежнее доверие времен Интернационала. А для этого мы слишком искушены в революционных делах.

Отмечу еще два факта:

1) Не кто иной, как Гед вместе с Лафаргом, создали Малону в «*Égalité*» совершенно незаслуженную славу, сотворили, так сказать, легенду, и только потому, что Гед, как истый француз, был убежден, что ему, как литератору, непременно нужно иметь около себя *рабочего*.

2) Я уполномочен адресатом письма сообщить Вам следующее: Лиссагарэ, бывший председателем собрания, на котором Малон выступил против прохвоста Люлье, пишет: Перед самым началом собрания Люлье просит Малона уделить ему несколько минут для переговоров. Малон уходит и не возвращается, пока, наконец, *его комитет* не отправляется в поиски за ним (Лиссагарэ был председателем комитета и собрания). Его застают в самой дружеской беседе за стаканом вина и в полной готовности мирно договориться с тем самым Люлье, которого он клеймил (и вполне справедливо) как последнего из негодяев! Если бы Малону не нужно было в 9 часов ехать в Цюрих на конгресс, можно было опасаться, что состоится примирение. И такой человек хочет быть политическим деятелем!

Адрес Меса следующий: X. Меса, 36, Rue du Vas, Париж.

Маркс ничего не знает об этом письме. Он уже двенадцать дней лежит в постели, будучи болен бронхитом с разными осложнениями; однако с воскресенья всякая опасность — при надлежащей осторожности — миновала. Я не мало натерпелся страха. Теперь дело идет на лад, и завтра, 27 октября, мы, надеюсь, покажем миру, что мы еще живем на свете.

Сердечный привет также и Каутскому.

Ваш Ф. Э.

По поводу «Égalité» я считал бы самым правильным не основывать на первых порах *никакой* новой газеты, пока положение в партии несколько прояснится. Если же они все-таки возьмутся за это, то ни мы, ни кто-либо другой не может им помешать, только я не представляю себе, как на этот раз дело обойдется без склоки между «Égalité» и «Prolétaire». Мировым бедствием это не было бы, но все-таки, пожалуй, это излишняя детская болезнь.

Что это за история с Каутским — надеюсь он не собирается превратиться в законченного мальтузианца?

96.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

[Лондон,] 4 ноября 1881 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

Твою открытку относительно конгресса получил слишком поздно, чтобы успеть тебе заблаговременно написать. С тех пор у нас здесь были всякого рода неприятности. Г-жа Маркс уже в течение нескольких месяцев лежит опасно больная, а теперь и Маркс заболел бронхитом, сопровождающимся всякого рода осложнениями и совсем не шуточным в его возрасте и при общем состоянии его здоровья. К счастью, самое плохое позади, и Марксу теперь не грозит никакой опасности; все же большую часть дня ему приходится проводить в постели и он очень ослабел.

Прилагаю почтовый перевод на 4 ф. ст., т. е. 100 фр. 80 сант., которые я могу тебе теперь послать. Надеюсь, что они придутся кстати. Хотя я и очень рад был узнать, что ты получил возможность, по крайней мере, начать сносное существование, но ведь это только

начало, и я очень жалею, что в последнее время сам был в довольно стесненных обстоятельствах и не мог поэтому раньше прийти тебе на помощь.

Меня всегда радует, если какой-либо так называемый мировой конгресс проходит без публичного скандала, как на этот раз. На такие конгрессы собирается всегда самый разношерстный народ, и некоторые — с единственной целью поважничать перед публикой, и поэтому способны на всякую глупость. Ну, на этот раз еще сошло сносно.

На выборах наши товарищи в Германии блестяще выдержали испытание. Они прошли при перебаллотировке в 23 или 27 округах (точно не удалось узнать), несмотря на то, что на этот раз остальные партии были представлены полностью, до единого человека. И все это под гнетом исключительного закона и осадного положения, без прессы, без собраний, без каких-либо средств открытой агитации и с уверенностью, что за это снова жестоко поплатятся сотни партийцев. Это великолепно и произвело во всей Европе, в особенности же здесь, в Англии, огромное впечатление. Сколько мы получим мест — это неважно. Во всяком случае достаточно, чтобы сказать в рейхстаге то, что следует. Но тот факт, что мы в больших городах завоевали себе почву, вместо того чтобы ее потерять, — вот что замечательно; ура нашим ребятам в Германии!

Твой старый

Ф. Э.

97.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 30 ноября 1881 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Если какое-либо внешнее событие способствовало тому, чтобы Маркс снова несколько оправился, так это были именно выборы. И нигде еще пролетариат не вел себя так великолепно. В Англии, после поражения 1848 г., рабочие впали в апатию и под конец покорились буржуазной эксплуатации, сохранив одну лишь борьбу трэд-юнионов за повышение заработной платы. Во Франции пролетариат после 2 декабря исчез со сцены. В Германии же, после трех лет неслыханных преследований, неослабного гнета, полной невозможности открытой организации или хотя бы свободного обмена мнений, наши ребята не только сохранили всю

свою прежнюю силу, но еще больше окрепли в том весьма важном отношении, что центр тяжести движения переместился из полудеревенских саксонских округов в *большие промышленные города*.

Основная масса наших сторонников в Саксонии состоит из ткачей на ручных станках, которые обречены на гибель паровым ткацким станком и держатся еще кое-как только благодаря голодной заработной плате и подсобным занятиям (огородничество, вырезывание игрушек из дерева и т. д.). Положение этих людей экономически реакционно, они представляют гибнущую ступень производства. Поэтому они, во всяком случае, не такие природные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Это не значит, что они по своей природе реакционны, какими сделались *здесь*, в конце концов, например, остатки ткачей на ручных станках — это ядро английских «консервативных рабочих», — но они все же не очень надежны, в особенности потому, что из-за их ужасного нищенского положения они обладают гораздо меньшей сопротивляемостью, чем городские рабочие, а их разбросанность позволяет политически поработить их с большей легкостью, чем жителей больших городов. После тех фактов, о которых сообщал «Sozialdemokrat», можно, действительно, только удивляться тому героизму, с каким эти несчастные еще удержались в таком большом количестве.

Но подлинного ядра крупного движения целой страны они составить не могут. Нужда делает их при известных обстоятельствах, — например, в 1865—1870 гг., — более восприимчивыми к социалистическим взглядам, чем население больших городов, но та же самая нужда делает их и менее надежными. Утопающий хватается за соломинку, он не может ждать, пока от берега отчалит несущая ему помощь спасательная лодка. Лодка — это социалистическая революция, соломинка — покровительственные пошлины и государственный социализм. Характерно, что там, в наших старых округах, шансы победить нас имели почти одни только консерваторы. И если Кайзер мог натворить тогда такую чепуху в вопросе о покровительственных пошлинах, а другие не посмели как следует выступить против него, то кто же тому причина (как мне писал сам Бебель), если не сами избиратели того же Кайзера?

Теперь все это изменилось. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бармен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Ганау, *наряду* с Хемницем и округами Рудных гор, — это создает совершенно иную опору. Ядром движения стал революционный по своему экономическому положению

класс. К тому же оно распространилось равномерно по всей промышленной части Германии. Из движения, ограниченного немногими местными центрами, оно только *теперь превратилось в движение, охватывающее всю страну*. И это больше всего пугает буржуа.

Что касается избранных, то будем надеяться на лучшее, хотя от некоторых из них трудно ожидать чего-нибудь хорошего. Но было бы настоящим несчастьем, если бы Бебель и на этот раз не прошел. Только он, с его настоящим тактом, сумеет обуздать многочисленные новые элементы, наверное уже вооружившиеся различными новыми прожектами, и предупредить всяческие конфузы.

Что касается французов, то лучше всего было бы оставить теперь в покое господ Малона и Брусса и посмотреть, на что они способны. Но это вряд ли удастся. «Égalité» выйдет на-днях; Брусс будет попрежнему клеветать втихомолку, нападать в «Prolétaire», не называя своих противников по имени, а те будут достаточно нетерпеливы и попадутся на удочку, станут нападать на него открыто и будут объявлены смутьянами, сектантами, раскольниками и претендентами в диктаторы. Тут ничего не поделаешь. Люди никак не могут обождать, пока их противники сами сядут в лужу, — им обязательно нужно своей полемикой продлить их существование. Представленные самим себе, Малон и особенно Брусс в каких-нибудь полгода сами бы себя погубили (вероятно, взаимно друг друга). А так это может затянуться.

Реймский съезд, как почти все такие съезды, годился на то, чтобы импонировать внешнему миру, но по существу это был просто обман. Из представленных на нем «федераций» только центральная, северная и восточная действительно существуют, остальные — только на бумаге. Алжирская федерация выбрала своим делегатом *буржуа* Анри Маре (*радикального депутата*)!! Это показывает, что за союзники у Малона. Гед потребовал, чтобы в Национальном комитете были представлены только *действительно организованные* федерации, но это было отвергнуто. Официальный отчет в «Prolétaire» *солгал, умолчал* об этом. Половина делегатов съезда и членов Национального комитета *никого*, следовательно, не представляет. В лучшем случае это — музыка будущего. Поспешность, с какой «Prolétaire», уже совершенно захваченный Малонем и Бруссом, был объявлен официальным органом, объясняется только тем, что таким способом думали заранее подставить ножку «Égalité», выход которой вскоре предстоял. Все организационные решения вызваны, по обыкновению, не мотивами подлинной целесообразности, а соображениями фракционного политиканства.

Характерно для марксophobia Малона, что прошлой весной он попросил Лафарга, когда тот был в Париже, достать ему для нового издания его «*Historie du Socialisme*» [«История социализма»] *предисловие Маркса*. Лафарг, конечно, высмеял его и заявил, что он, видимо, плохо знает Маркса, если считает его способным заниматься такой ерундой.

Дж. Гоуэлл, благополучно провалившийся в Стаффордe «рабочий кандидат», безусловно самый отъявленный прохвост из здешних политиканствующих экс-рабочих. Он до недавнего времени был секретарем парламентского комитета трэд-юнионов (разумеется, платная должность) и произвел при этом опустошения в кассе, которые удалось кое-как замазать, но ему все-таки дали по шапке.

Об истории с поляками я на этих днях напишу К. фон-Кезбургу¹. А пока передайте ему сердечный привет.

Маркс еще очень слаб, ему не разрешено выходить из комнаты и серьезно заниматься, но все же он заметно поправляется. Жена его слабеет с каждым днем.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

98.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Лондон,] 7 декабря 1881 г.

Моя дорогая, хорошая Женнихен!

Ты, конечно, понимаешь, что мне сейчас не до писем. Поэтому посылаю тебе только несколько строк. Так как я вообще еще не выхожу из своей комнаты, то доктора категорически запретили мне присутствовать на похоронах. Я покорился этому запрету еще потому, что дорогая покойница как раз накануне своей смерти сказала сиделке по поводу несоблюдения какой-то церемонии: «Мы не придаем значения внешним формальностям».

Шорлеммер приехал из Манчестера по собственному побуждению.

Мне все еще приходится подвергаться татуированию иодом на груди, спине и пр., и это, при регулярном повторении, вызывает довольно болезненное жжение. Эта операция, которую проделывают только для того, чтобы предотвратить рецидив болезни в период

¹ Ироническое прозвище Каутского.

выздоровления (фактически у меня остался только кашель), оказывает мне теперь большую услугу. Против душевных страданий существует лишь одно противоядие — физическая боль. Представь себе, с одной стороны, светопреставление, а с другой — человека с острой зубной болью.

Я теперь чрезвычайно рад, вспоминая о том, что, несмотря на все колебания, я все-таки решился поехать в Париж! Дорого не только самое время, которое незабвенная провела с тобою и детишками, — чуть-чуть омраченное образом твоей сварливой прислуги, кухонного Мирабо, — но и переживание ею этого времени в воспоминаниях в последний период болезни. Несомненно, что в этот период присутствие твое и детей не могло бы ее так развлекать, как мысли о вас!

Ее могила находится недалеко от могилы милого «Шарля».

Для меня является утешением то, что силы ее оставили вовремя. Благодаря необыкновенно редкому положению опухоли (вследствие чего она была подвижна, могла изменять свое положение), настоящие характерные, невыносимые боли наступили лишь в самые последние дни (и то их удавалось умерять впрыскиванием морфия, что доктор намеренно приберегал к моменту приближения катастрофы, так как при продолжительном употреблении морфий перестает оказывать действие). Как мне предсказывал доктор Донкин, болезнь приняла характер постепенного умирания, словно от старческой слабости. Даже в *последние часы* — никакой борьбы со смертью: медленное засыпание; ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда!

Кстати, Энгельс, как всегда верный и неразлучный, послал тебе, по моей просьбе, номер «Irish World», в которой находится заявление одного ирландского епископа, высказывающегося *против земельной собственности* (частной). Это была *одна из последних новостей*, которую я сообщил *твоей маме*, и она полагала, что ты, может быть, поместишь это в какой-нибудь французской газете для устрашения *французских клерикалов*. Во всяком случае, это показывает, что эти господа умеют петь на все лады.

В «Justice» от 2 декабря 1881 г. какой-то субъект, по имени Б. Жандр, поместил статью «Католический социализм в Германии», в которой он пытается подкрепить свой шовинизм тем, что вслед за Лавелэ принимает всерьез *фантастическую статистику* нашего друга Р. Мейера (в его книге «Emanzipationskampf des 4. Standes» [«Освободительная борьба четвертого сословия»]). На самом же деле так называемые *католические социалисты* за все время

существования Германской империи послали лишь *один раз* депутата в рейхстаг, и то этот единственный депутат тотчас же после избрания фигурировал только в качестве «члена партии центра». С другой стороны, что касается *численности католических рабочих организаций*, то наш Р. Мейер наделил Францию еще несравненно большим числом их, чем Германию.

Только что получил номер «Justice» от 7 декабря и в нем нахожу под рубрикой «Новости дня» некролог, в котором, между прочим, сказано: «Понятно, что ее (речь идет о твоей матери) брак с Карлом Марксом, сыном трирского адвоката, *произошел не без затруднений*. Нужно было преодолеть *не мало предрассудков, из которых самым сильным был, конечно, предрассудок расовый*. Известно, что знаменитый социалист — еврейского происхождения». Все это чистая выдумка; не приходилось преодолевать никаких предрассудков. Думаю, что не ошибаюсь, приписывая изобретательному гению г. Ш. Лонге эти литературные «прикрасы». Тот же автор, говоря об ограничении рабочего дня и о фабричном законодательстве, называет в другом номере «Justice» «Лассалья и Карла Маркса», в то время как первый из них никогда не писал и не говорил ни слова по данному вопросу. Лонге сделает мне большое одолжение, если не станет никогда упоминать моего имени в *своих* писаниях.

Ссылку на случайную анонимную корреспонденцию твоей мамы (это было сделано, чтобы помочь Ирвингу) я считаю бестактной. В то время, когда она написала в «Gazette de Francfort» (она никогда не писала в совершенно реакционной и филистерской «Journal de Francfort», как пишет «Justice»), эта газета («Gazette»), была в более или менее дружественных отношениях с социалистической партией.

Что касается «фон-Вестфаленов», то они были не рейнского, а брауншвейгского происхождения. Дед твоей матери по отцовской линии был правой рукой известного герцога Брауншвейгского (во время Семилетней войны). Благодаря этому он пользовался благосклонностью британского правительства и женился на близкой родственнице Аргайлей¹. Его сочинения, посвященные войне и политике, были опубликованы министром фон-Вестфаленом. С другой стороны, по материнской линии твоя мать происходит от мелкого прусского чиновника² и в действительности родилась в Зальцведеде. Всего этого можно и не знать, но не имея об этом понятия, нечего претендовать на то, чтобы исправлять другие «биографии».

¹ Вайсгарт оф Питтароу.

² Гейбеля.

А теперь, дорогое мое дитя, пришли мне подробное описание деяний Джонни и К^о. Я все жалею, что к нам не отпустили Анри в то время, когда ему так хотелось приехать. Это ребенок, требующий ухода целой семьи, которая исключительно им бы занималась. А среди стольких других малышей, нуждающихся в твоих заботах, это скорее обуза.

Целую много раз тебя и твоих «маленьких человечков».

Твой преданный отец

К. М.

Я был скорее недоволен сообщением Мейснера о том, что необходимо новое, третье издание I тома «Капитала». Мне хотелось бы, как только я буду себя вновь чувствовать в силах, отдать все свое время исключительно окончанию II тома.

Напиши, пожалуйста, несколько слов от моего имени *Рейнгардту*. Я не могу найти его адрес. Он был приятелем мамы.

99.

Маркс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 10 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Из газет ты, вероятно, уже знаешь о смерти моей жены (она скончалась 2 декабря). Ты конечно, понимаешь, что в первые дни после этой невозвратимой утраты я совершенно не в состоянии был вести переписку. Кроме ее брата, Эдгара фон-Вестфалена в Берлине, ты единственный, кому я до сих пор лично сообщил об этом; остальных друзей и знакомых известила моя младшая дочь.

Моя жена до последней минуты оставалась твоим верным другом и справедливо негодовала по поводу того, что партия не облегчает тебе, старому непреклонному и героическому борцу, и твоей верной подруге жизни борьбу за существование.

Я сам еще болен, но уже на пути к выздоровлению; плеврит в сочетании с бронхитом принял настолько серьезную форму, что некоторое время, т. е. несколько дней, врачи сомневались в моем выздоровлении.

Всего хорошего, дорогой друг. Привет твоей жене.

К. М.

100.

Маркс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 13 декабря 1881 г.

Дорогой друг!

Второго числа этого месяца, после долгой и мучительной болезни, умерла моя жена. В продолжение осенних месяцев я находился при ней в качестве сиделки, сначала в одном из английских приморских местечек (в Истберне), а затем в Аржантейле (в 20 минутах от Парижа), где она и я были счастливы, живя с нашей старшей дочерью (г-жею Лонге) и четырьмя ее мальчиками (старшему из них около 5 лет), которые чрезвычайно привязаны к своим дедушке и бабушке.

С моей стороны было, конечно, очень рискованно предпринять эту поездку в Париж при слабом состоянии здоровья моей дорогой жены. Но, положившись на мнение моего доброго друга, д-ра Донкина, я решился на это, чтобы доставить ей эту последнюю радость!

К несчастью, мое собственное, издавна расшатанное здоровье было довольно плохо все это время, и после нашего возвращения в Лондон я внезапно схватил бронхит, осложненный плевритом, так что в продолжение трех недель из последних шести недель жизни моей жены я не мог видеть ее, хотя мы находились в двух соседних комнатах.

До сих пор я все еще не в состоянии выходить из дому. Я был очень близок к тому, чтобы «покинуть этот несовершенный мир». Доктора хотят отправить меня на юг Франции или даже в Алжир.

Многочисленные письма с выражением соболезнования, получаемые мною со всех сторон, служили для меня большим источником утешения, так как во всех этих письмах (за исключением одного-единственного *русского* письма) звучала непритворная симпатия и настоящее понимание и признание редких качеств моей дорогой жены.

Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий для меня момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я желаю окончить как можно скорее II том (даже в том случае, если бы мне пришлось издать его за границей). У меня есть теперь лишний повод поскорее довести его до конца, с тем чтобы посвятить его моей жене.

Впрочем, как бы то ни было, я условлюсь с моим издателем таким образом, чтобы ограничиться для 3-го издания возможно меньшим количеством изменений и добавлений; но, с другой стороны, я потребую, чтобы он отпечатал на этот раз только 1 000 экземпляров вместо 3 000, как он того хочет. Когда эти 1 000 экземпляров, составляющих третье издание, будут распроданы, я сумею внести в книгу те изменения, которые я сделал бы в настоящее время при других обстоятельствах.

Остаюсь всегда Вашим верным другом

А. Вильямс.

101.

Маркс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 15 декабря 1881 г.

Дорогой Зорге!

Сведения, которые лично привез тебе отсюда твой сын, подготовили тебя, без сомнения, к известию о смерти 2 декабря моей дорогой, незабвенной подруги жизни. Сам я еще не настолько оправился, чтобы быть в состоянии оказать ей последнюю почеть. Я до сих пор еще нахожусь под домашним арестом, но на будущей неделе отправляюсь в Вентнор (на острове Уайт).

Из последней болезни я вышел вдвойне инвалидом: морально — из-за смерти моей жены, и физически — вследствие того, что после болезни осталось уплотнение плевры и повышенная раздражимость дыхательных путей.

Некоторое время мне, к сожалению, придется целиком затратить на восстановление своего здоровья.

Понадобилось новое немецкое издание «Капитала». Мне это очень некстати.

Ваш Генри Джордж все больше и больше обнаруживает себя как шарлатан.

Надеюсь, что Зорге младший прибыл благополучно; кланяйся ему от меня.

Твой *К. Маркс.*

Англичане в последнее время начали усиленно заниматься «Капиталом» и т. п. Так, в последней *октябрьской* (или *ноябрьской*, не помню наверно) книжке журнала «Contemporary» помещена статья

Джона Рэ о немецком социализме (совершенно неудовлетворительная, полная ошибок, но «порядочная», как выразился третьего дня один из моих друзей англичан). А почему «порядочная»? Потому что Джон Рэ *не утверждает*, что в моей сорокалетней пропаганде пагубных теорий мною руководили «дурные» мотивы. «Я должен превозносить его великодушие!». «Порядочность», заключающаяся в том, чтобы, по меньшей мере, самому достаточно познакомиться с тем, что критикуешь, повидимому, совершенно непостижима для щелкоперов британского филистерства.

Еще до этого, в начале июня, некий *Гайндман* (который перед тем сам навязал мне свое знакомство) выпустил брошюру: «England for all» [«Англия для всех»]. Она имеет претензию служить *изложением* программы «Демократической федерации», — недавно образовавшейся ассоциации различных английских и шотландских радикальных обществ, полубуржуазных, полупролетарских.

Главы о труде и капитале представляют собой лишь пересказ соответствующих глав «Капитала», но этот молодчик не приводит ни названия книги, ни автора, и только в конце своего предисловия, чтобы застраховать себя от рабоблачений, он заявляет: «Идеями, как и большею частью фактического материала глав 2 и 3, я обязан сочинению одного великого мыслителя и оригинального писателя и т. д.». Мне самому он писал глупые письма с извинениями, говоря, например, что «англичане не любят, чтобы их поучали иностранцы», что «мое имя столь ненавистно и т. д.». При всем том его брошюра, — поскольку она обкрадывает «Капитал», — хорошо служит делу пропаганды, хотя человек этот — сосуд «скудельный» и отнюдь не обладает достаточным терпением, чтобы как следует изучить вопрос, а это первое условие, если хочешь чему-нибудь научиться. Все эти любезные мелкобуржуазные писатели, не-специалисты, воодушевлены одним непреодолимым желанием: немедленно нажить себе деньги, имя или политический капитал на любых новых идеях, которые донесло к ним благоприятным ветром. Несколько вечеров этот парень обкрадывал меня, выпрашивая и желая научиться самым легким способом.

Наконец, 1 декабря в ежемесячнике «*Modern Thought*» (я пришлю тебе один экземпляр) появилась статья *Эрнеста Бельфорта Бакса*: «*Вожди современного мышления*», № XXIII — *Карл Маркс*.

Это первая английская статья, которая проникнута действительным энтузиазмом к новым идеям и смело восстает против британского филистерства. Это не мешает тому, что биографические сведения обо мне, данные автором, большей частью неверны и т. д.

В изложении моих экономических принципов и в переводах (т. е. цитатах из «Капитала») много неверного и немало путаницы, но при всем том появление этой статьи, возвещенное афишами, напечатанными крупным шрифтом и расклеенными на стенах западной части Лондона, произвело большую сенсацию. Самое же важное для меня было то, что я получил этот номер журнала еще 30 ноября, доставив радость моей дорогой жене в последние дни ее жизни. Ты знаешь, с каким живым интересом она относилась ко всем таким вещам.

102.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

Лондон, 17 декабря 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Мое милое дитя!

Только что Гусси вместе с Энгельсом отвезли на извозчике в транспортную контору рождественские подарки для наших малышей. Елена просит, чтобы я специально указал, что *от нее* — одна курточка для Гарри, одна для Эдди и шерстяная шапочка для Па¹; ватем для того же Па «голубое платье» от *Лауры*; от меня — матросский костюм для моего дорогого Джонни. Мама так весело смеялась в один из последних дней своей жизни, рассказывая Лауре, как мы с тобой и с Джонни поехали в Париж и там ему выбрали костюм, в котором он выглядел, как маленький «мещанин в дворянстве».

Письма с выражением соболезнования, которые я получаю со всех концов и от людей самых различных национальностей, профессий и т. д., все восхваляют маму и проникнуты такой сердечной искренностью, такой глубокой симпатией, как это редко бывает в подобных случаях, обычно являющихся лишь соблюдением условностей. Я приписываю это тому, что в ней все было естественно, правдиво, просто, без всякой фальши; отсюда и впечатление, которое она производила на людей, — бодрое и жизнерадостное. Г-жа Гесс пишет даже: «В ее лице природа разрушила свой собственный шедевр, ибо во всю жизнь я не встречала такой умной и любящей женщины». Либкнехт пишет, что без нее он погиб бы среди лишений изгнания и т. д. и т. д. Как необыкновенно крепка была она по

¹ Марсель, сын Лонге.

натуре, несмотря на свой хрупкий вид, видно из того, что, к величайшему удивлению врачей, на ее теле не было никаких пролежней, несмотря на столь продолжительное лежание в постели. У меня во время последней болезни появились поражения в разных местах уже после двухнедельного лежания.

Так как, с тех пор как я поправился, все время стоит очень скверная погода, то я до сих пор нахожусь под домашним арестом. Но, по предписанию врачей, я на будущей неделе уезжаю в Вентнор (остров Уайт), а потом оттуда дальше на юг. Тусси едет со мной.

Ты получишь (посылаю одновременно, с той же почтой) статью обо мне в ежемесячном журнале «Modern Thought». Впервые английская критика так горячо заступает за наше дело. Мамочка еще успела порадоваться этой статье. Там, где цитаты из немецкого «текста» чересчур плохи (я хочу сказать — чересчур плохо переведены на английский язык), я просил Тусси исправить их в тех нескольких экземплярах, которые мы оставили для друзей. Ошибки, содержащиеся в разделе «Жизнь», не имеют значения.

А теперь, дорогое дитя мое, лучшее, что ты можешь для меня сделать, это — хорошенько следить за своим здоровьем. Надеюсь прожить с тобою много хороших дней и достойно выполнить свои обязанности дедушки.

Тысячу поцелуев тебе и малышам.

Твой верный

Old Nick.

Я мог бы еще многое написать относительно Odvanti и пр., но Тусси, кажется, приберегла это для своего письма.

103.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 18 декабря 1881 г.

Дорогой г. Каутский!

Я получил Вашу и Бернштейна телеграмму сегодня в 3 часа 50 минут дня и рад сообщить Вам, что Маркс уже настолько поправился, что его можно будет отправить — для начала — на южный берег Англии. Он поедет туда на этой неделе; как только он опять немного привыкнет к пребыванию на воздухе и можно будет не опа-

саться рецидива, он направится, вероятно, дальше на юг Европы и там пробудет некоторое время.

Я не мог Вам ответить телеграммой, так как мне пришлось бы пойти на центральный телеграф, а у меня к обеду были, по обыкновению, Пумпс с мужем и Сэм Мур (все они шлют Вам сердечный привет), а позже, как Вы знаете, приходит обычно всякий народ. Телеграфировать завтра вряд ли имело бы смысл, так как это письмо Вы получите, вероятно (\pm), так же скоро.

Из-за поляков дела шли здесь в последнее время через пень-колоду.

Итак, «Egalité» снова выходит. В № 1 почти все статьи начинаются очень хорошо, а (+) к концу никуда не годятся. № 2 я еще не видел. Сердечный привет Бернштейну.

Ваш Ф. Энгельс.

104.

Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 29 декабря 1881 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ!

Рад сообщить Вам, что известие о смертельном недуге Карла Маркса — сплошная ложь и вымысел. Его болезнь (бронхит с плевритом) теперь прошла, и он, по совету врачей, уже уехал в Вентнор (на острове Уайт); врачи полагают, что теплый климат и сухой воздух быстро завершат там его выздоровление. Ваше письмо я ему перешлю.

Ваш покорный слуга

Ф. Энгельс.

1882 год.

105.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 6 января 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Пишу Вам сегодня наспех, чтобы объяснить странные выражения, которые имеются в последнем номере «Égalité» по поводу «Sozialdemokrat». Дело в том, что Гед со свойственным ему добродушием пригласил для заведывания немецким отделом газеты известного смертельного врага всего «цюрихского»¹, который не преминул, конечно, выразить таким способом свое неудовольствие по поводу того, что «Sozial-Demokrat» существует, а «Laterne» — нет. Для пользы дела, будьте добры, не обращайтесь на это никакого внимания. Если что-либо подобное повторится, мы немедленно положим этому конец. Зато мы порадовались, что «Sozialdemokrat» без обиняков сразу упрекнул господ депутатов в трусости и этим заставил их занять решительную позицию, от чего некоторые, при отсутствии Бебеля, наверное охотно бы уклонились.

Впрочем, сотрудникам «Égalité» повезло больше, чем они в сущности заслужили. Малон и Брусс ужасно оскандалились, выдвинув в связи с кандидатурой Жоффрена смягченную программу — вопреки решению Реймского съезда, — причем они просто-напросто вычеркнули один неприятный для них пункт из тех, что обсуждались в Реймсе («Égalité», № 4, стр. 7, Париж). Этим они дали «Égalité» законное основание заявить, — что было необходимо при данных обстоятельствах по тактическим соображениям, — что не Гед и К^о, а Малон и К^о — настоящие «авторитаристы», добивающиеся диктатуры. Поскольку сейчас борьба ведется уже открыто, все наши симпатии, конечно, на стороне Геда и его друзей. Кроме того, «Égalité», как всегда, несравненно превосходит «Prolétaire» по своему содержанию. Малон и Брусс снова действуют, как настоящие бакунисты:

¹ К. Гирша.

они упрекают других в диктаторских вожделениях, а сами хотят, под видом защиты «автономии», господствовать, не считаясь с партийными решениями.

Маркс в Вентноре, на острове Уайт. Пишет, что там очень скверная погода, — хуже, чем здесь. Однако это, вероятно, скоро изменится, во всяком случае опасность рецидива болезни уже почти исключена. Готовность, с какой буржуазная пресса поспешила распространить известие о его неизбежной близкой кончине, пошла ему на пользу: «Теперь-то, — пишет он, — я должен на зло этой проклятой сволочи прожить особенно долго».

Каутскому придется вооружиться терпением еще на несколько дней; здесь сейчас Шорлеммер, и можно будет, по крайней мере, немного подзаняться естествознанием; к тому же предстоит еще много беготни, и кончится это только на будущей неделе. Тогда я напишу ему о поляках — «wo ja auch Zeit haben» [коли будет время], как говорит дармштадтец Шорлеммер.

Сердечный привет ему и Вам от Вашего

Ф. Энгельса.

106.

Энгельс — Э. Энгельсу

в Энгельскирхен.

Лондон, 12 января 1882 г.

Дорогой Эмиль!

Освободившись от всевозможных помех, куда относятся также праздничные пиршества и выпивки, я обрел покой и могу послать мои самые сердечные пожелания тебе, Лотхен, Елизавете и ее жениху по случаю их помолвки. Когда в конце осени 1842 г. я ехал в Манчестер вместе с Августом Эрбсле (с тех пор я виделся с ним только один или два раза в Бармене), мне вовсе не приходило в голову, что его сын женится на моей племяннице. В то время об этих обоих молодых людях никто еще и не думал. По этому поводу можно было бы сделать целый ряд подходящих и неподходящих к случаю замечаний, но я их лучше опущу, так как каждый легко может их придумать сам, и к тому же молодая пара слишком занята настоящим и будущим, чтобы уделять время совершенно излишним рассуждениям о том времени, когда их еще и на свете не было.

Впрочем, дело идет к тому, что мне скоро придется желать, чтобы помолвки и их ближайшие и отдаленные последствия совершались в нашей семье несколько замедленными темпами, но, конечно, в столь

многочисленной и плодovитой семье, как наша, за те 60 лет, которые остались у нас за плечами, случаи эти увеличиваются пропорционально квадрату расстояния от исходного пункта, и против такого закона природы ничего не поделаешь.

Я чувствую себя в общем довольно хорошо, только почти перестал слышать левым ухом и каждую зиму страдаю насморком; но я к этому уже давно привык. Мягкая зима поможет тебе отделаться от последствий воспаления легких или, во всяком случае, смягчить их; здесь сегодня опять так тепло, что я не мог ходить в пальто, несмотря на то, что моросил дождик.

Шлю привет всем вам, Лотхен и особенно помолвленным. Буду рад видеть здесь Эмиля.

Твой Фридрих.

107.

Маркс — А. Даниельс

в Кельн.

Остров Уайт, 12 января 1882 г.
1, St. Boniface Gardens.

Дорогая г-жа Даниельс!

В тот же день, когда я Вам писал, моя дочь нашла среди бумаг, привезенных ею из Лондона, мою еще более старую фотографическую карточку. Я тотчас же отправил ее в Кельн в прилагаемом при сем конверте, в котором она была мне возвращена обратно «имперской почтой».

Будьте так добры сообщите мне *Ваши точный адрес*. Тогда я вновь пошлю Вам эту «вещественную улику».

С сердечным приветом преданный Вам

К. Маркс.

108.

Маркс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 23 января 1882 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг!

Прилагаю несколько строк для русского издания «Коммунистического манифеста»; так как они предназначены для перевода на русский язык, то стилистически не так отделаны, как это необходимо было бы для опубликования их на немецком языке, на котором они написаны.

Я только несколько дней тому назад вернулся в Лондон. В результате перенесенного мною плеврита и бронхита у меня остался хронический катар бронхов. Мой врач надеялся излечить меня, отправив в Вентнор (на острове Уайт), место, где обычно бывает тепло даже зимой. На этот раз, однако, во время моего трехнедельного пребывания там, в Вентноре стояла сырая, холодная погода, было пасмурно и туманно, между тем как в то же самое время в Лондоне было почти лето, которое, однако, при моем возвращении в Лондон кончилось.

Теперь меня намереваются послать куда-нибудь на юг, может быть в Алжир. Выбирать не приходится, потому что Италия для меня недоступна (в Милане один человек был арестован, потому что его фамилия похожа на мою); я не могу даже поехать отсюда на пароходе через Гибралтар, потому что у меня нет паспорта, а там даже англичане требуют паспорт.

Несмотря на все настояния врачей и моих близких, я бы ни за что не согласился на такую затею, связанную с большой потерей времени, если бы эта проклятая «английская» болезнь не действовала так на мозг. Кроме того, рецидив болезни, если бы я даже оправился от нее, отнял бы еще больше времени. Несмотря на все это, я сперва попытаюсь предпринять что-нибудь здесь.

Посылаю Вам номер «Modern Thought» со статьей обо мне. Излишне Вам говорить, что биографические данные, приводимые автором, совершенно неверны. Ваш корреспондент, моя дочь Элеонора, которая шлет Вам привет, взяла на себя исправить в посылаемом Вам экземпляре неправильные английские цитаты из «Капитала». Но, как бы плохо г. Бакс ни переводил, — я слышал, что он еще совсем молодой человек, — он, конечно, первый английский критик, который проявляет действительный интерес к современному социализму. Его речь дышит захватывающей искренностью и глубоким убеждением. Некий Джон Рэ, — кажется, он состоит лектором политической экономии в каком-то английском университете, — поместил несколько месяцев тому назад в «Contemporary Review» статью на ту же тему, очень поверхностную (хотя он ссылается на целый ряд моих работ, которых он, должно быть, никогда не видал), но преисполненную той претенциозности, которой проникнуты истинные британцы благодаря особенному, свойственному им тупоумию. Однако он снисходительно допускает, что я в течение почти сорока лет вводил в заблуждение рабочий класс ложными учениями не из корыстных мотивов, а по убеждению. Вообще публика здесь начинает интересоваться социализмом, нигилизмом и т. д. С одной стороны, Ирландия и Соединенные Штаты,

с другой — неминувшая борьба между фермерами и лендлордами, между земледельческими рабочими и фермерами, между капитализмом и лендлордизмом; налицо некоторые признаки оживления среди промышленных рабочих, — так, например, кое-где при недавних частичных выборах в палату общин рабочими были с презрением отвергнуты официальные рабочие кандидаты (особенно ренегат Интернационала, презренный Гоуэлл), предложенные известными лидерами трэд-юнионов и публично рекомендованные «народным Вильямом», мистером Гладстоном; демонстративное формирование в Лондоне радикальных клубов, которые состоят преимущественно из рабочих, англичан вперемежку с ирландцами, и выступают против «великой либеральной партии», *официального* трэд-юнионизма, «народного Вильяма» и т. д. и т. д., — все это вызывает у британского филистера стремление приобрести теперь некоторые сведения о социализме. К сожалению, обзрения, журналы, газеты и т. д. используют этот «спрос» только для того, чтобы «предлагать» публике отбросы продажных, невежественных, лживых писак, цена которым пени за строчку (хотя бы даже они получали по шиллингу за строчку).

Здесь выходит еженедельник под заглавием «Radical», преисполненный добрых намерений, смелый по языку (смелость основана на бесцеремонности, а не на силе), пытающийся вырваться из пут, которыми связана британская пресса, но при всем этом очень слабое издание. Этой газете нехватает толковых редакторов. Несколько месяцев тому назад они письменно обратились ко мне. Я находился тогда в Истберне вместе с моей дорогой женой, затем я был в Париже и т. д., так что до сих пор им еще не удалось переговорить со мной. В сущности я считаю это бесполезным. Чем больше я читаю их газету, тем больше прихожу к убеждению, что она неисправима.

Моя дочь напоминает мне, что уже давно пора кончить письмо, так как осталось несколько минут до отправления почты.

Привет.

Карл Маркс.

109.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 25 января 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Только сегодня собрался я ответить на Ваше письмо от 12-го. Маркс вернулся с острова Уайт со своей младшей дочерью. Оба чув-

ствуют себя значительно лучше. Маркс окреп настолько, что гулял вчера со мной целых два часа без передышки. Так как он еще не работает и, кроме того, к обеду (т. е. к 5 часам) часто приходят Лафарги и подается доброе пильзенское пиво, то дневные часы у меня большей частью пропадают, а при вечернем освещении я писать избегаю с тех пор, как три года тому назад из-за этого пострадал мой левый глаз (хронический конъюнктивит).

Так как я как раз нахожусь сейчас у Маркса, то прошу Вас от его имени поблагодарить Гёхберга за его любезное предложение; однако Маркс едва ли сумеет им воспользоваться; о его поездке на юг определенно известно пока только, что он на Ривьеру и вообще в Италию *не* поедет в силу чисто полицейских причин. Первое условие выздоровления — не иметь неприятностей с полицией, а Италия, наряду, конечно, с бисмарковской империей, дает нам в этом отношении меньше всего гарантий.

Сообщения о том, что делается в Германии среди «вождей», нас очень заинтересовали. Я никогда не скрывал, что, на мой взгляд, массы в Германии гораздо лучше, чем господа вожди, особенно с тех пор, как партия благодаря прессе и агитации сделалась для этих вождей дойной коровой, снабжавшей их маслом, и вдруг Бисмарк и буржуазия эту корову прирезали. Для тысячи людей, у которых это сразу отняло средства в существованию, оказалось несчастьем, что они не очутились непосредственно в положении революционеров, т. е. не были высланы. А то очень многие из тех, что теперь предаются унынию, перешли бы в мостовский лагерь или во всяком случае находили бы «Sozialdemokrat» слишком смиренным. Но большинство из них осталось в Германии и не могло сделать иначе. Они попали в довольно-таки реакционное окружение; будучи в опале, материально зависимые от филистеров, они большей частью сами погрязли в болоте филистерства. Все их надежды вскоре сосредоточились на отмене закона против социалистов. Не удивительно, что под влиянием филистерства среди них возникла в действительности нелепая иллюзия, будто этой отмены можно добиться покорностью. Германия — прескверная страна для людей со слабой волей. Узость и мелочность гражданских и политических отношений, провинциализм даже в крупных центрах, мелкие, но назойливые притеснения, которые приходится претерпевать в борьбе с полицией и бюрократией, — все это обессиливает, вместо того чтобы побуждать к отпору, и, таким образом, в этой большой «детской» многие сами, в конце концов, впадают в детство. Узость жизненных условий порождает узость кругозора, так что человеку, живущему в Германии,

требуется много ума и энергии для того только, чтобы быть в состоянии видеть несколько дальше своего непосредственного окружения; не упускать из виду общую связь мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является на деле самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов.

Но как ни естественно возникновение этого направления, прикрывающего «объективным» умничаньем свою ограниченность и неустойчивость, тем не менее против него должна вестись решительная борьба. И тут сами рабочие массы представляют собой самую надежную точку опоры. Они одни живут в Германии в более или менее современных условиях: все их малые и большие несчастья коренятся в гнете *капитала*, и в то время как всякая иная борьба в Германии — и социальная, и политическая — мелочна, ничтожна и ставит себе жалкие задачи, которые в других странах давным-давно уже разрешены, борьба рабочих — единственная великая борьба, единственная, стоящая на уровне эпохи, единственная, которая не обессиливает борцов, а наполняет их все новой энергией. Стало быть, чем больше корреспондентов Вы найдете среди подлинных рабочих, не превратившихся в «вождей», тем больше будет у Вас шансов создать противовес нытью вождей.

То, что в рейхстаг на этот раз прошли всякого рода странные люди, было неизбежно. Тем более досадно, что Бебель не избран. Он один обладает ясным умом, политической дальновидностью и достаточной энергией, чтобы не допустить глупостей.

Не можете ли прислать нам на одну-две недели, *после того как Вы их используете*, стенографические отчеты прений, в которых принимают серьезное участие наши депутаты. За возвращение отчетов я отвечаю. Газетным сообщениям абсолютно нельзя доверять, в этом мы уже не раз убеждались, а ни одного депутата, в том числе и Либкнехта, не удалось бы заставить присылать нам компрометирующие их речи.

31 января.

Пришлось снова прервать письмо. Между прочим, был здесь маленький Гепнер, удирающий в Америку, банкрот как в денежном, так и в идейном отношении. Это во всех смыслах ничтожный человек, автор благонамеренной брошюры о принудительном выполнении судебных приговоров, вексельном праве, еврейском вопросе и почтовой реформе — все это вяло, вяло, вяло; от старого еврейского остроумия, которое было у него десять лет тому назад, не

осталось и следа; я чуть было не посоветовал ему — креститься! Впрочем, он дал мне возможность ознакомиться с новыми имперскими судебными законами. Это верх безобразия: все мерзости прусского права в сочетании со всеми подлостями кодекса Наполеона, без положительных сторон последнего. Судье предоставлено во всем право свободного решения, он не связан ничем, кроме... дисциплинарного устава, так что в политических делах его решение уж конечно будет определяться и определяется его «свободным усмотрением». Тем самым судья неизбежно становится, при той обстановке, которая существует повсюду в Германии, верным слугой полиции и проводником ее воли. Между прочим, рассказывают (эта острота принадлежит, вероятно, Виндхорсту), что Леонгард на смертном одре сказал: «Теперь я отомстил пруссакам, я создал им судопроизводство, от которого они должны погибнуть».

Закладные Бюркли, приносящие проценты и долженствующие изображать деньги, еще древнее, чем архипутанные проекты старогегельянца, поляка Тешковского. Подобные планы с целью осчастливить мир сочинялись уже во времена основания Английского банка. Так как в первом томе «Капитала» о кредите еще вообще не говорится (не считая простого долгового отношения), то кредитные деньги могут там рассматриваться самое большее лишь в их простейшей форме (знак стоимости и т. д.) и с точки зрения их побочных денежных функций, но там никоим образом не могут еще рассматриваться *приносящие процент* кредитные деньги. Поэтому Бюркли прав, когда он говорит Шрамму: все эти места из «Капитала» не подходят к *моим* особым бумажным деньгам, — а Шрамм прав, когда доказывает, ссылаясь на «Капитал», что Бюркли вообще не имеет ни малейшего понятия о природе и функциях денег. Но это все еще не разоблачает по существу особенностей данного проекта во всей их нелепости; для этого требуется, помимо общего доказательства, что эти «деньги» не в состоянии выполнять основных денежных функций, еще специальное рассмотрение тех функций, которые действительно могли бы выполнять подобные бумаги. Ведь стоит Бюркли сказать: «Какое мне дело до Маркса? Я придерживаюсь Цешковского», — как вся направленная против него аргументация Шрамма сразу отпадает. Счастье, что «Sozialdemokrat» не вмешался в эту историю. Вся эта агитация вероятно заглохнет сама собой.

Что кризисы являются одним из самых могучих рычагов политического переворота, сказано уже в «Коммунистическом манифесте» и доказано в «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» на данных

до 1848 г. включительно, но наряду с этим было отмечено также, что возврат процветания надламывает революции и создает почву для победы реакции. При подробном разборе необходимо принять во внимание промежуточные кризисы, носящие отчасти более местный, а отчасти более специальный характер; такой промежуточный кризис, сводящийся к чисто биржевой афере, мы переживаем в настоящий момент; до 1847 г. эти кризисы были регулярными промежуточными звеньями, так что в моем «Положении рабочего класса» цикл еще определен в пять лет.

Во Франции обе стороны совершили грубые ошибки, но под конец Малон и Брусс, стремясь довести дело до кризиса и вышибить «Égalité» (на что «Федеративное объединение» не имеет никакого права), допустили столько явных неправильностей, что им это даром не сойдет. Со стороны таких прожженных склочников, как Малон и Брусс, такое неумное поведение было бы непонятно, если бы они не были в безвыходном положении. Очевидно, «Prolétaire» находится при последнем издыхании; если же она лопнет, они останутся без газеты, а у противников — их две. Поэтому вопрос необходимо было решить, пока у них еще была газета, распространявшая их решения. Гнусности и сплошной вымысел, которые они распространяют теперь против Геда, Лафарга и т. д., в особенности же история с Жофреном, в которой повинен, однако, не он, а Брусс и Малон, — все это совершенно в стиле старого бакунистского Альянса и будит в нас старые воспоминания. «Sozialdemokrat» совершенно прав не вмешиваясь, пока дело несколько не выяснится; не думаю, чтобы это могло долго продолжаться.

Я хотел еще написать Каутскому относительно поляков, но сегодня от этого придется отказаться.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

110.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 7 февраля 1882 г.

Дорогой г. Каутский!

Я, наконец, собрался ответить на Ваше письмо от 8 ноября.

Одной из действительных задач революции 1848 г. (а *действительные*, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции) было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы, поскольку они вообще

были жизнеспособны и, в частности, созрели для независимости. Эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции — Бонапартом, Кавуром, Бисмарком — соответственно тогдашним отношениям. Остались Польша и Ирландия. Ирландию можно здесь оставить в стороне, она только косвенным образом влияет на дела континента, но Польша расположена посреди континента, и борьба за сохранение ее раздробленности есть именно та связь, которая вновь и вновь сплачивает Священный союз; Польша интересует нас поэтому в высшей степени.

До тех пор пока отсутствует национальная независимость, большой народ исторически не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие бы то ни было внутренние вопросы. До 1859 г. о социализме в Италии не было и речи, даже республиканцев было не много, хотя они и являлись наиболее энергичным элементом. Лишь с 1861 г. республиканцы стали распространяться, а позднее они отдали свои лучшие силы социалистам. То же произошло и в Германии. Лассаль уже готов был признать дело проигранным и отказаться от него, когда, на свое счастье, был убит. Только после того как 1866 г. действительно разрешил вопрос о великопрусском объединении Малой Германии, приобрели значение и лассальянская, и так называемая эйзенахская партия. И лишь с 1870 г., когда с бонапартистскими тенденциями вмешательства было решительно покончено, дело приобрело большой размах. Что было бы с нашей партией, если бы у нас сохранился еще старый Союзный совет! То же произошло и в Венгрии. Только начиная с 1860 г. она втянулась в современное движение: в верхах мошенничество, в низах социализм.

Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций. Скучный республиканский интернационализм 1830—1848 гг. тяготел к Франции, призываем которой считалось освобождение Европы, а *следствием этого было усиление французского шовинизма* до такой степени, что всемирно-освободительная миссия Франции и ее первородное право возглавлять движение мешают нам еще до сих пор на каждом шагу (в карикатурном виде у бланкистов, но, например, у Малона и К^о тоже в очень сильной степени). И в Интернационале французы считали это как бы само собою разумеющимся. Лишь события должны были их и многих других убедить (и по сей день еще продолжают убеждать), что интернациональное сотрудничество возможно только между *равными* и что даже роль первого среди равных возможна разве только при непосредственном действии. До тех пор пока Польша разделена и угнетена, не может, следовательно, развиваться ни сильная

социалистическая партия в самой стране, ни действительно интернациональное общение пролетарских партий Германии и прочих стран с кем бы то ни было из поляков, кроме находящихся в эмиграции. Перед каждым польским крестьянином и рабочим, пробуждающимся от своей спячки к участию [в борьбе] во имя общих интересов, повсюду встает, как первое препятствие, национальный гнет. Устранение его является основным условием всякого здорового и свободного развития. Польские социалисты, не считающие освобождение страны основным пунктом своей программы, напоминают мне германских социалистов, которые не пожелали бы требовать в первую голову отмены закона против социалистов и введения свободы печати, союзов и собраний. Для того чтобы бороться, надо сперва иметь почву под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все — болтовня.

Вопрос о том, возможно ли восстановление Польши до ближайшей революции, не имеет значения. Мы ни в коем случае не призваны удерживать поляков от стремления отвоевывать себе жизненно-необходимые условия для их дальнейшего развития или внушать им, что национальная независимость с международной точки зрения — дело второстепенное, в то время как она на самом деле является основой для всякого интернационального сотрудничества. Кроме того, в 1873 г. между Германией и Россией едва не разразилась война, и, следовательно, была налицо возможность восстановления в той или иной форме Польши, зародыша позднейшей доподлинной Польши. И если господа русские не приостановят своих хвастливых интриг и травли в Герцеговине, они навлекут на себя войну, которая им, Австрии и Бисмарку окажется не по плечу. В том, чтобы дело в Герцеговине приняло серьезный оборот, заинтересованы только русская панславистская партия и царь; боснийская шайка разбойников представляет ведь так же мало интереса, как и орудующие там теперь глупые австрийские министры и бюрократы. Так что даже без восстания, в результате одних лишь европейских коллизий, восстановление независимой Малой Польши было бы, пожалуй, возможно, точно так же как и изобретенная буржуазией прусская Малая Германия создалась не тем, революционным или парламентским, путем, о котором мечтала эта буржуазия, а благодаря войне.

Итак, я придерживаюсь того мнения, что две нации в Европе не только имеют право, но и обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными: это — ирландцы и поляки. Они более всего интернациональны именно тогда, когда они подлинно

национальны. Поляки понимали это во все критические моменты и доказали это на всех революционных полях битвы. Стоит только лишить их перспективы восстановления Польши или убедить их в том, что в ближайшее время новая Польша сама собой упадет к ним в руки, как у них пропадет всякий интерес к европейской революции.

Мы-то в особенности не имеем ни малейших оснований становиться им поперек пути, мешать им в их неизбежном стремлении к независимости. Во-первых, они в 1863 г. изобрели и применили тот метод борьбы, которому с таким успехом подражают теперь русские («Berlin und Petersburg» [«Берлин и Петербург»], приложение 2¹); и во-вторых, в Парижской коммуне они были единственными надежными и способными полководцами.

Впрочем, кто же те люди, которые борются против национальных устремлений поляков? Во-первых, европейские буржуа, у которых поляки со времени восстания 1846 г. и из-за своих социалистических тенденций потеряли всякий кредит; во-вторых, русские панслависты и находящиеся под их влиянием люди, как Прудон, стоявший на точке зрения Герцена. Лишь немногие среди русских, и даже среди лучших из них, успели освободиться от панславистских тенденций и воспоминаний. Панславистское призвание России для них так же несомненно, как для французов — прирожденная революционная инициатива Франции. В действительности же панславизм — мошеннический план борьбы за мировое владычество под маской несуществующей *славянской* национальности; панславизм — злейший враг и наш, и самих русских. Это надувательство в свое время рассыплется в прах, но пока что оно может причинить нам не мало неприятностей. Панславистская война, как последний якорь спасения русского царизма и русской реакции, в настоящий момент подготавливается; будет ли она — большой вопрос, но если будет, то несомненно одно: революционное развитие, так великолепно протекающее в Германии, Австрии и самой России, будет совершенно дезорганизовано и отеснено на другие пути, которые теперь трудно предугадать. В лучшем случае мы потеряем при этом от трех до десяти лет — предельный срок для наступления конституционной «новой эры» в Германии и, может быть, также и в России; при этом наиболее вероятны Малая Польша под гегемонией Германии, война-реванш с Францией, новое натравливание народов друг на друга и, наконец, новый Священный союз. Панславизм, следовательно, теперь больше, чем когда-либо, наш смертельный враг,

¹ Анонимная книга, написанная Экардтом (Берлин, 1880 г.).

несмотря на то, что он стоит на краю могилы или именно поэтому. Ведь Катковы, Аксаковы, Игнатьевы и К^о знают, что как только царизм будет свергнут и русский народ выйдет на сцену, владычеству их навсегда конец. Отсюда эта жажда войны в момент, когда в казне хоть шаром покати и когда ни один банкир не дает русскому правительству ни гроша займа.

Потому-то все панслависты смертельно ненавидят поляков: они единственные *антипанславистские* славяне, следовательно — предатели святого славянского дела, и должны быть насильно включены в великославянское царство, будущей столицей которого будет Царьград, т. е. Константинополь.

Вы могли бы спросить меня, неужели я не питаю никакой симпатии к малым славянским народностям или обломкам народов, разделенных тремя клиньями, которые раскололи славянство: немецким, мадьярским и турецким! Действительно — очень мало. На чехо-словацкий крик о помощи: *Bože ah juš nikto nenj'na zemi ktoby Slavom (sic) spraviedlivost čini!* [Боже, неужели нет никого на земле, кто оказал бы справедливость славянам(!)?], откликнулся Петербург, и все чешское национальное движение стремится к тому, чтобы царь им смог *spraviedlivost činiti* [оказать справедливость]. Так обстоит дело и с другими: сербами, болгарами, словенцами, галицийскими русинами (по крайней мере отчасти). Мы-то, однако, в защиту этих целей выступить не можем. Только тогда, когда после крушения царизма национальные устремления этих карликовых народов освободятся от связи с панславистскими тенденциями к мировому владычеству, только тогда мы сможем предоставить им свободу действий, и я убежден, что для большинства австро-венгерских славян достаточно было бы шести месяцев независимости, чтобы они стали умолять о том, чтобы их обратно приняли. Но ни в коем случае не будет признано за этими народцами то право, которое они теперь сами себе приписывают в Сербии, Болгарии и Восточной Румелии: право препятствовать прокладке европейской железнодорожной сети до Константинополя.

Что же касается разногласий между поляками в Швейцарии, то это — эмигрантские склоки, редко имеющие какое-либо значение, в особенности для эмиграции, которая через три года отпразднует свой столетний юбилей и у которой (так как все эмигранты стараются чем-нибудь заниматься, на худой конец — прожектерством) один прожект следовал за другим и одна новая мнимая теория сменяла другую. Что мы не разделяем воззрений господ из «*Równość*», вытекает из всего вышесказанного; мы им и сообщили это в письме по

поводу празднования пятидесятилетия 29 ноября 1830 г., оглашенном на митинге в Женеве. Вы найдете это в отчете («Sprawozdanie» и т. д., Библиотека «Równość», № 1, Женева, 1881 г., стр. 30 и сл., напечатано по-польски). Господам из «Równość», очевидно, понравились радикально звучащие фразы женевских русских, и теперь они хотят показать, что упрек в национальном шовинизме к ним не относится. Это заблуждение, в основе которого лежат лишь местные и проходящие причины, пройдет, не оказав особого влияния на самое Польшу, и подробно опровергать его не стоит труда.

Каким образом полякам удастся столкнуться с литовцами, белоруссами и украинцами старой Польши, а также и с немцами относительно границы, нас пока не интересует.

Впрочем, как мало рабочие даже в так называемых «угнетенных» странах заражены панславистскими возделениями профессоров и буржуа, доказывает замечательная солидарность немецких и чешских рабочих в Богемии.

Впрочем, довольно.

Привет от Вашего

Ф. Э.

III.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 10 февраля 1882 г.

Старый дружище!

Мы совершенно не знали, что ты был так серьезно болен, нам было только известно, что у тебя рожистое воспаление лица, а оно в большинстве случаев протекает довольно легко. Если бы я имел представление о том, как обстоит дело, я тотчас послал бы тебе немного денег, хотя в то время я тоже был очень стеснен, а требования сыпались со всех сторон. Впрочем, это и сейчас еще не поздно, и потому я перевел тебе 4 ф. ст. = 100 фр. 80 сант., о чем ты, вероятно, получил уже извещение; из-за допущенной здесь ошибки в формальностях я до сегодняшнего дня не мог тебе сообщить об этом.

Между нами говоря, можно считать почти счастьем, что Маркса в последние дни жизни его жены настолько одолевала собственная болезнь, что он не мог быть всецело поглощен предстоящей и действительно неминуемой утратой. Хотя мы уже более полугода совершенно определенно знали, каково положение, событие это все-таки было жестоким ударом. Вчера Маркс уехал на юг Франции.

Куда он направится дальше — решится окончательно, вероятно, только в Париже. Во всяком случае сейчас — не в Италию, в начале выздоровления следует избегать даже *возможности* полицейских придираков.

Мы обдумали твое предложение и пришли к выводу, что время для его осуществления еще не настало, но приближается. Во-первых, новый, по-настоящему реорганизованный Интернационал вызвал бы новые преследования в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Испании и, в конце концов, поставил бы нас перед выбором — либо отказаться от этого дела, либо действовать совершенно *тайно*. Последнее было бы несчастьем из-за неизбежной страсти к конспирации и путчу и из-за не менее неизбежного проникновения шпииков. Даже во Франции нисколько не исключено новое применение вовсе еще не отмененного закона против Интернационала. Во-вторых, при происходящей сейчас ссоре между «Égalité» и «Prolétaire» на французов рассчитывать не приходится. Пришлось бы высказаться в пользу одной из партий, а в этом тоже есть свои дурные стороны. Мы лично стоим на стороне «Egalité», но все-таки *теперь* поостережемся выступать за них публично, потому что они, несмотря на наши предупреждения, делают один тактический промах за другим. В-третьих, с англичанами сейчас труднее, чем когда бы то ни было. В течение пяти месяцев я пытался через «Labour Standard», где я помещал передовые статьи, исходя из старого чартистского движения, распространять и наши идеи, чтобы посмотреть, не найдет ли это отклика, но это не дало никаких результатов, и так как редактор, честный, но совершенно безвольный человек, испугался, в конце концов, континентальной ереси, которую я помещал в газете, то я отказался от этого.

Остается, следовательно, такой Интернационал, который кроме Бельгии, ограничивался бы *одними лишь эмигрантами*, так как даже на швейцарцев нельзя было бы рассчитывать, за исключением Женевы и ее окрестностей, — смотри «Arbeiterstimme» и Бюркли. Основывать просто эмигрантское общество едва ли имело бы смысл, так как с голландцами, португальцами, датчанами далеко не уедешь, а с сербами и румынами — чем меньше связываться, тем лучше.

С другой стороны, Интернационал фактически продолжает *существовать*. Связь революционных рабочих всех стран, поскольку она осуществима, имеется налицо. Каждая социалистическая газета является международным центром; из Женевы, Цюриха, Лондона, Парижа, Брюсселя, Милана тянутся нити во всех направлениях, скрещиваясь между собой, и я, право, не знаю, могла ли бы придать

в настоящий момент группировка этих маленьких центров вокруг большого, основного центра новую силу движению, — это вероятно лишь умножило бы трения. Но именно поэтому в нужный момент, когда понадобится соединить силы, это можно будет осуществить тотчас же, без долгой подготовки. Имена вождей каждой страны известны во всех других странах, и подписанное и поддержанное всеми выступление произвело бы колоссальное впечатление, — совершенно иное, чем большей частью неизвестные имена членов старого Генерального совета. Но именно поэтому нужно приберечь такое выступление до того момента, когда оно сможет сыграть решающую роль, т. е. когда оно будет вызвано событиями в Европе. Иначе это не даст должного эффекта в будущем и окажется холостым выстрелом. Но такого рода события назревают в России, где авангард революции вступит в бой. По нашему мнению, необходимо подождать этого и неизбежного отклика в Германии, а тогда придет момент крупного выступления и создания *официального*, настоящего Интернационала, который будет уже не только пропагандистским обществом, но непременно обществом для активных действий. Поэтому мы решительно придерживаемся того мнения, что не следует ослаблять такого великолепного средства борьбы, используя и истрепав его в сравнительно еще спокойное время, уже накануне революции.

Полагаю, что ты, подумав над этим еще раз, согласишься с нами. А пока мы оба желаем тебе быстрейшего выздоровления и надеемся вскоре услышать от тебя, что ты опять совершенно здоров.

Всегда твой старый
Ф. Э.

112.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 18 февраля 1882 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой г. Лавров!

Бесконечно сожалею, что не застал Вас сегодня после обеда; однако, если Вы, как я надеюсь, получите настоящее письмо еще сегодня вечером, прошу Вас притти ко мне завтра, в воскресенье, между 7 и 8 часами вечера. Вы встретите у меня друзей. Мы все будем очень рады Вас видеть.

Ваш Ф. Энгельс.

113.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 февраля 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Отвечаю на Ваше письмо немедленно: 1) потому, что панславистская история все более обостряется, и 2) потому, что теперь, после отъезда Маркса, я опять должен серьезно засесть за работу и у меня уже не будет времени для столь пространных объяснений.

Стенограммы сегодня отсылаю. Большое спасибо. Большой частью все это несколько бледно, но я доволен уже и тем, что нет позорных выступлений и отречения от наших принципов. Если и в дальнейшем станете присылать время от времени, буду Вам признателен. Исправление прежних грубых промахов, сделанных в саксонском ландтаге, очень меня обрадовало. Думаю, что «Sozialdemokrat» может быть вполне удовлетворен результатами своего выступления. Подписание заявления было, вероятно, для Блоса, горькой пилюлей. Очень радует меня рост числа подписчиков более чем до 4 000 и регулярное распространение газеты в Германии, несмотря на полицию и пр. Это *неслыханный* успех для *нелегальной* немецкой газеты. Газетам, выходявшим до 1848 г., было в этом отношении гораздо легче, потому что их поддерживали буржуазия и книготорговцы, но подписная плата никогда не поступала. Здесь же рабочие *платят*, и это доказывает, насколько они дисциплинированы и насколько живут и дышат движением. Я нисколько не боюсь за наших немецких ребят, когда дело придет к развязке. Они великолепно выдержат любое испытание. И филистерство проявляют не *они*, а лишь господа вожди, которые с самого начала, вместо того чтобы вести массы, сами шли вперед только под нажимом масс.

Что мое письмо не убедило Вас, вполне понятно, коль скоро Вы уже сочувствовали «угнетенным» южным славянам. На первых порах все мы, поскольку нам пришлось пройти через либерализм или радикализм, также переняли оттуда это сочувствие к «угнетенным» национальностям, и я помню, сколько времени и изучения мне понадобилось, пока я отделался от этого, — но зато уж основательно.

Я должен, однако, просить не приписывать мне мнений, которых я никогда не высказывал. Австрийские казенные аргументы, которыми уже в течение ряда лет оперирует «Augsburger Allgemeine Zeitung», меня не касаются. Что в них было верного, то устарело, а что не устарело, то неверно. У меня нет решительно никаких оснований доса-

довать на центробежные стремления в Австрии. «Плотина против России» станет излишней с того момента, когда в России разразится революция, т. е. когда там будет создано какое-либо представительное собрание. С этого дня Россия будет занята внутренними делами, панславизм потеряет всякое значение, начнется распад империи. Панславизм — лишь искусственный продукт «образованных сословий», городов и университетов, армии и чиновников, — деревня ничего о нем не знает, и даже поместное дворянство до такой степени находится в пужде, что проклинает всякую войну. С 1815 до 1859 г. Австрия, несмотря на ее трусливую и глупую политику, действительно была плотинкой против России. Но теперь, накануне революции в России, снова предоставить ей возможность играть роль «плотины» значило бы еще продлить существование Австрии, снова исторически оправдать его, — иными словами, оттянуть неминуемый для нее распад. И вот такова уж ирония истории: допуская славян к господству, Австрии самой приходится признать, что исчезло единственное, что давало до сих пор оправдание ее существованию. Впрочем, война с Россией в течение 24 часов положила бы конец господству славян в Австрии.

Вы говорите, что как только у славянских народов, опять-таки за исключением поляков, не будет больше основания видеть в лице России свою единственную спасительницу, панславизму крышка. Это легко сказать, и звучит оно правдоподобно. Но, во-первых, опасность панславизма, поскольку она существует, находится не на периферии, а в центре, не на Балканах, а в тех 80 миллионах славян, которые поставляют царизму солдат и деньги. Стало быть, вот куда надо приладить рычаг, и он ведь *уже* прилажен. Неужели нужно, чтобы война опять отвела его?

Во-вторых, не стану вдаваться в исследование того, как могло случиться, что малые славянские народы видят в царе своего единственного освободителя. Достаточно того, что это именно так, и мы изменить этого не можем, и так оно и останется до того момента, пока царизм не будет свергнут; в случае войны все эти замечательные народцы встанут на сторону царизма, врага всего капиталистически развитого Запада. Пока дело обстоит таким образом, я не могу интересоваться их *непосредственным*, немедленным совобождением, они остаются нашими прямыми врагами в такой же мере, как и царь — их союзник и покровитель.

Мы должны бороться за освобождение западно-европейского пролетариата, и этой цели нам следует подчинить все остальное. И как бы ни были интересны балканские славяне и т. п., но если их освободительные стремления вступают в коллизии с интересами

пролетариата, то мне до них совершенно нет дела. Эльзасцы тоже угнетены, и я буду рад, когда мы снова сбудем их с рук. Но если накануне явно надвигающейся революции они хотят спровоцировать войну между Францией и Германией, снова натравить друг на друга эти два народа и таким образом оттянуть революцию, то я скажу: «Остановитесь! Вы можете терпеть столько же, сколько и европейский пролетариат. Когда он освободится, и вы, само собой, станете свободными, а до тех пор мы не позволим вам становиться попереки дороги борющемуся пролетариату». То же и со славянами. Победа пролетариата необходимо принесет действительное освобождение, а не мнимое и временное, какое может дать им и царь. Поэтому они, которые до сих пор не только ничего не сделали для Европы и ее развития, а являются для него тормозом, должны обладать хотя бы таким же терпением, как наши пролетарии. Из-за нескольких герцеговинцев зажечь мировую войну, которая унесет в тысячу раз больше людей, чем все население Герцеговины, — не такой должна быть, по-моему, политика пролетариата.

А как «освобождает» царь? Спросите украинских крестьян, которых Екатерина тоже освободила от «польского гнета» (предлогом была религия) только для того, чтобы их потом аннексировать. К чему в сущности сводится все русско-панславистское надувательство? К захвату Константинополя — больше ни к чему. Только этот захват мог бы сильно подействовать на религиозные традиции русского крестьянина, воодушевить его на защиту священного Царьграда, продлить жизнь царизма. А стоит только русским занять Константинополь, — тогда прощай болгарская и сербская независимость и свобода! Братушки очень скоро почувствовали бы, насколько лучше им жилось при турках. Только колоссальной наивностью этих братушек объясняется их вера в то, что царь заботится об их выгоде, а не о своей собственной.

Вы говорите, что Великая Сербия была бы такой же хорошей плотиной против России, как и Австрия. Я уже сказал, что не ставлю ни во что всю эту теорию «плотин», с тех пор как в России окрепло революционное движение. Я говорил также, что распада Австрии я ожидаю с удовольствием. Но перейдем теперь к *качеству* этих народцев, которое ведь тоже следует учесть, когда речь идет о наших симпатиях.

Через 2—4 поколения и после общеевропейских переворотов Великая Сербия безусловно будет возможна. Ныне же — при существующем культурном уровне ее населения — она так же безусловно невозможна.

1. По вероисповеданию сербы разделяются на три части (цифры взяты мною из «Slowenski Narodopis» [«Перепись славян»] Шафарика и относятся к 1849 г.): православных — 2 880 000; католиков, включая так называемых хорватов, но говорящих по-сербски, — 2 664 000, без хорватов — 1 884 000; магометан — 550 000. Для этих людей религия пока еще важнее национальности, и каждое вероисповедание *стремится* к господству. Пока здесь не будет культурного прогресса, который сделает возможной хотя бы веротерпимость, создание Великой Сербии приведет лишь к междоусобной войне. См. прилагаемый «Standard».

2. В стране три политических центра: Белград, Черногория, Аграм. Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиняться верховенству Белграда. Напротив — черногорцы и их друзья, примитивные народцы Кривоша и Герцеговины, будут защищать свою «независимость» против Белграда и всякого другого центрального правительства, будет ли оно сербским или нет, точно так же, как против турок и австрийцев. Эта независимость заключается в том, что они в доказательство своей ненависти к угнетателям грабят скот и другое движимое имущество своих же «угнетенных» сербских соотечественников, как они делали это 1 000 лет тому назад, и кто покушается на это их право разбоя, тот покушается тем самым на их независимость. Я достаточно авторитарен, чтобы считать существование таких примитивных народцев в центре Европы анахронизмом. Если бы даже этот народец обладал такими же достоинствами, как воспетые Вальтером Скоттом шотландские горцы, тоже, впрочем, злейшие грабители скота, мы все-таки могли бы осудить только лишь те *методы*, которые применяет для расправы с ними современное общество. Если бы власть была в наших руках, *мы тоже* должны были бы положить конец этим стародавним традициям разбоя в духе Ринальдо-Ринальдини и Шиндерганнеса. Так же пришлось бы поступить и великосербскому правительству. Стало быть, и с этой точки зрения создание Великой Сербии означает возобновление борьбы, которую ведут сейчас герцеговинцы, т. е. междоусобную войну со всеми горцами Черногории, Каттаро, Герцеговины.

Таким образом, при более близком рассмотрении создание Великой Сербии вовсе не так просто и самоочевидно, как это хотят представить нам панслависты и либералы вроде Раша.

Впрочем, Вы можете сочувствовать этим примитивным народцам сколько Вам угодно, они все же несомненно овеяны некоторой поэтической дымкой; к тому же они до сих пор сочиняют народные песни совершенно в стиле старосербских, которые очень красивы, —

в доказательство я даже пришло Вам об этом статью из «Standard». Но они были и остаются орудием царизма, а в политике не место политическим симпатиям. И если восстание этих молодцов грозит разгореться в мировую войну, которая испортит нам всю революционную ситуацию, то надо в интересах европейского пролетариата без сожаления пожертвовать ими и их правом на грабеж скота.

Вообще же Великая Сербия, если бы она возникла, оказалась бы только расширенным Сербским княжеством. А что оно сделало? Создало бюрократию по австрийскому образцу, состоящую из получивших образование на Западе — большей частью в Вене — белградцев и уроженцев других городов, которые понятия не имеют об общинном землевладении крестьян и издают законы по австрийскому образцу, больно ударяющие по общинному землевладению, так что крестьяне массами нищают и экспроприируются, тогда как во времена турецкого владычества они пользовались *полным самоуправлением*, богатели и платили гораздо меньше налогов.

Болгары сами охарактеризовали себя в своих народных песнях, собранных недавно одним французом и опубликованных в Париже. Большое место в этих песнях занимают пожары. Горит дом, сгорает молодая женщина, потому что муж предпочитает спасти вместо нее свою черную кобылу. В другой песне молодая женщина спасает свои украшения и оставляет в огне своего ребенка. Если в виде исключения рассказывается о каком-нибудь благородном, смелом поступке, то он всегда совершается *турком*. Где еще на свете найдете Вы такой свинский народ?

Впрочем, если Вы взглянете на порядочную лингвистическую карту этой местности (например, в вышеупомянутой книге Шафарика или составленную Кипертом в 1867 г. карту Австрии и нижнедунайских стран), то убедитесь, что дело с освобождением этих балканских славян обстоит вовсе не так просто и что, за исключением Сербской области, вся территория усеяна турецкими колониями и окаймлена греческим побережьем, не говоря уже о том, что Салоники — город испанских евреев. Правда, добряки болгары быстро очищают теперь Болгарию и Восточную Румелию от турок, убивая их, изгоняя и поджигая их жилища. Если бы турки действовали таким же образом, вместо того чтобы предоставлять им самоуправление и уменьшать им налоги, по сравнению с тем, что они платят сейчас, — то от болгарского вопроса и помину бы не осталось.

Что касается войны, то Вы, мне кажется, чересчур легко к этому относитесь. Если дело дойдет до войны, то Бисмарк без труда добьется того, что нападающей стороной окажется Россия: он может ждать,

а русские панслависты *не* могут. Если же Германия и Австрия будут заняты на Востоке, то надо очень плохо знать французов, и особенно парижан, чтобы не предвидеть, что тотчас же поднимется шовинистический вой о реванше, перед которым должно будет замолкнуть бесспорно мирно настроенное большинство французского народа: а это приведет к тому, что и Франция окажется нападающей стороной, а шовинизм, которому тогда будет принадлежать господство, очень скоро потребует присоединения левого берега Рейна. Мне кажется совершенно очевидным, что при таких условиях Германии придется вести борьбу за существование, вследствие чего и в ней также всецело возьмет верх патриотический шовинизм. Таким образом, все перспективы пока против нас. Но если уж война начнется, то исход такой европейской войны, первой после 1813—1815 гг., совершенно нельзя предвидеть, и я ни в коем случае не желал бы, чтобы это случилось. Но раз она начнется, тогда уж, конечно, ничего не поделаешь.

Теперь о другой стороне вопроса. В Германии у нас сейчас такое положение, которое с возрастающей быстротой приближает революцию и вскоре должно выдвинуть нашу партию на первый план. Нам самим ничего даже не нужно делать для этого — достаточно представить нашим противникам работать на нас. К тому же предстоит новая эра, с новым либеральничаящим, крайне нерешительным и колеблющимся императором, прямо созданным для роли Людовика XVI. Единственное, чего нам нехватает, это своевременного толчка извне. Таким толчком послужит положение в России, в которой начало революции — теперь уже только вопрос месяцев. В России наши превратили царя прямо-таки в пленника, дезорганизовали правительство, расшатали народные традиции. Крушение должно наступить в ближайшее время даже и без нового сильного удара, а продолжаться оно будет ряд лет, как в 1789—1794 гг.; таким образом, времени будет вполне достаточно, чтобы оно, в свою очередь, могло воздействовать на Запад, и особенно на Германию, так что движение будет постепенно нарастать — не так как в 1848 г., когда уже 20 марта во всей Европе реакция была снова в полном разгаре. Словом, это такая чудесная революционная ситуация, какой еще не бывало. Одно только может ее испортить: Скобелев сам сказал в Париже, что только война может вытащить Россию из трясины, в которой она увязла. Эта война должна залечить все раны, которые наши товарищи, жертвуя своей жизнью, нанесли царизму. Этого, во всяком случае, было бы достаточно, чтобы положить конец плену царя, направить ярость всего народа на социал-революционеров, отнять у них поддержку либералов, которую они сейчас имеют, — и тогда все принесенные

жертвы оказались бы напрасными, пришлось бы начинать все сначала при менее благоприятных обстоятельствах; но подобную игру едва ли можно сыграть дважды, и можете быть вполне уверены, что и в Германии наши также либо присоединятся к патриотическому вою, либо вызовут против себя такой взрыв ярости, по сравнению с которым взрыв ярости, последовавший за покушениями, казался бы детской игрушкой. Тогда Бисмарк ответил бы на последние выборы не так, как в прежнее время, — законом против социалистов, а совсем по-иному.

В случае сохранения мира, русские панслависты останутся в дураках и должны будут скоро отступить. Тогда императору останется в лучшем случае только сделать еще одну последнюю попытку — опереться на старых обанкротившихся бюрократов и генералов, уже потерпевших кораблекрушение. Это может продолжаться не дольше нескольких месяцев, после чего не останется другого выхода, как призвать либералов, т. е. учредить парламент в той или другой форме, а это, насколько я знаю Россию, означает революцию на манер 1789 г. И при таких условиях чтобы я желал войны? Ни в коем случае, даже если бы из-за этого должны были погибнуть 200 благородных разбойничьих племен.

Но довольно об этом, перейдем к Бюркли. Его брошюру я не прочел и куда-то засунул, но постараюсь разыскать ее у себя или у Маркса. Я не могу поэтому точно сказать, чего он хочет.

25 февраля.

Я только что обыскал всю квартиру Маркса, но брошюры так и не нашел. Специальные вопросы этого рода относятся, при нашем разделении труда, к области Маркса, а из-за его болезни мы не могли обсудить эту историю.

Допустим, что Бюркли разрешает каждому цюрихскому землевладельцу взять на свою землю подобную закладную и что квитанция на нее обращается в качестве денег. Тогда, следовательно, масса обращающихся денег определяется общей стоимостью соответствующих земельных владений, а не гораздо меньшей суммой, достаточной для обращения. Итак, уже отсюда следует, что:

1) либо ипотечные квитанции не подлежат размену, и тогда они обесцениваются согласно сформулированному Марксом закону;

2) либо они подлежат размену, и тогда часть их, излишняя для обращения, возвращается в банк для размена и перестает быть деньгами, причем банк должен, разумеется, вложить в это капитал.

Однако приносящий проценты и, следовательно, ежедневно меняющий свою ценность суррогат денег уже по одному этому не годится

как средство обращения: нужно сперва притти к соглашению не только относительно цены товара в переводе на настоящие деньги, но и относительно цены самых бумаг. Цюрихцы не оправдали бы своей репутации хороших коммерсантов, если бы они, имея возможность разменять ипотечные квитанции, не поспешили поскорее сдать их в банк для размена и не стали попрежнему пользоваться одними только старыми удобными беспроцентными деньгами. Но тогда у кантонального банка весь его собственный капитал и все, что он мог бы собрать в виде ссуд, было бы вложено в закладные, и неизвестно, откуда он достал бы новый оборотный капитал.

Если же ипотечные квитанции не подлежат размену, то они сразу перестают быть деньгами. Люди будут тогда доставать металлические или надежные бумажные деньги из-за границы, а мир ведь, к счастью, чуть побольше Цюрихского кантона, и будут пользоваться ими, потому что решительно никто не станет принимать в качестве денег эти липовые бумажки, которые, как Вы справедливо говорите, будут тогда всего лишь закладными листами местного значения. А если правительство непременно захочет навязать их публике в качестве денег, то оно допляшется до чего-нибудь.

Это между нами, прошу Вас не говорить об этом от *моего* имени, потому что, повторяю, брошюрки я не читал и не имел также времени просмотреть классическую экономическую литературу по этому вопросу; а подобные вещи нельзя критиковать просто так, наобум, и быть уверенным, что не допустишь какого-нибудь промаха. Но чепухой эта затея является во всяком случае.

Маркс в понедельник утром приехал в Алжир. И я, и врачи все время его уговаривали ехать, но ему этого не особенно хотелось. У него есть там знакомый судья из Гражданского трибунала, сосланный в свое время Бонапартом; судья этот хорошо изучил общинный строй арабов и предложил дать Марксу разъяснения по этому вопросу.

Сердечный привет также и Каутскому.

Ваш Ф. Э.

114.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон,] 23 февраля 1882 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой друг!

«Financial Reform Almanach» за 1882 г. указывает следующие адреса:

Дилк, В. Аштон, 1, Hyde Park Gate, S. W.,

ватем — сэр Чарльз, 76, Sloane st., S. W.

Вернувшись от Вас, я застал письмо от д-ра Донкина, того, который некоторое время тому назад лечил Гартмана, а также семью Маркса. Он пишет:

«Несколько дней тому назад я получил письмо от Гартмана (помеченное 14, Huntley st., Bedford sq.), в котором он спрашивает, можно ли ему притти ко мне повидаться. Я немедленно ответил на его письмо, предложив ему на выбор два дня, но после этого не имел от него никаких известий.

«В случае, если мои письма затерялись, сообщите мне пожалуйста, не знаете ли Вы, что с ними. Если увидите его, передайте, что он может притти ко мне в любой день (60, Upper Berkeley st., W.) между 11 и 12 часами утра».

Не будете ли Вы так добры сообщить Гартману вышеприведенное письмо? Так как письмо Донкина не дошло до него, я думаю, что в нем был указан неправильный номер [дома], в котором я также не уверен, потому что знаю его только от Донкина. Таким образом, я лишен возможности непосредственно сноситься с Гартманом и поэтому прибегаю к Вашему посредничеству, тем более что, как Вы говорили, он живет очень близко от Вас.

Я пишу Донкину, что надеюсь через несколько дней дать ему более точные сведения; если возможно, постарайтесь уведомить меня об этом в воскресенье вечером.

Ваш Ф. Энгельс.

115.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Алжир,] 23 февраля 1882 г.

Дорогое дитя!

Установилась хорошая погода; живу в очень комфортабельной вилле, за фортификациями Алжира, на холмах. Единственное, что мне теперь нужно, — это спокойствие; надеюсь скоро поправиться.

Целую всех детишек; привет Лонге.

Глубоко любящий тебя

Old Nick.

116.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 10 марта 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Пользуюсь нарушенным послеобеденным отдыхом, чтобы написать Вам. Что касается девы Марии-Изиды, то это деталь, которой я не мог заняться уже за недостатком места. Культ Марии, как культ всех святых, относится к гораздо более позднему периоду, чем рассматриваемый мною (к тому времени, когда расчетливые попы в лице святых вернули политеистическому крестьянству его многочисленных богов-покровителей), и наконец это объяснение нужно было бы еще *доказать* исторически, для чего требуется специальное изучение вопроса. То же самое с нимбом и лунным сиянием. Во всяком случае, культ Изиды был в Риме во времена империи частью государственной религии.

Биметаллизм. Самое главное для нас, особенно после неистового бахвальства многих «вождей» по поводу превосходства нашей партии над буржуазией в экономических вопросах, в котором сами эти господа совершенно неповинны, — остерегаться таких экономических уступок, которые, нисколько не стесняясь, делают эти господа, когда они рассчитывают подольститься этим к определенной группе рабочих, добиться победы на выборах или другого какого-либо успеха. И вот, на том основании, что в Саксонии добывается серебро, считают возможным пойти на надувательство с двойной валютой. Для того чтобы залучить несколько лишних избирателей, они готовы покрыть нашу партию несмываемым позором в такой области, которая *должна* быть твердыней партии!

Но таковы наши господа литераторы. Точно так же как буржуазные литераторы, они считают своей привилегией ничему не учиться и обо всем рассуждать. Они состряпали нам такую литературу, с которой едва ли что-нибудь может сравниться по экономическому невежеству, новоиспеченному утопизму и самомнению. Бисмарк оказал нам большую услугу, запретив ее.

В вопросе о двойной валюте дело идет теперь не столько о двойной валюте вообще, сколько специально о такой двойной валюте, когда золото относится к серебру, как $15\frac{1}{2}$ к 1. И это следует различать.

Двойная валюта становится с каждым днем все более невозможной вследствие того, что соотношение стоимости золота и серебра, бывшее

прежде хоть приблизительно постоянным и лишь медленно изменявшееся, подвержено теперь сильным ежедневным колебаниям, и прежде всего в том направлении, что стоимость серебра падает вследствие колоссального роста его добычи, особенно в Северной Америке. Истощение золотых запасов — выдумка серебряных магнатов. Но какова бы ни была причина изменения стоимости серебра, факт остается фактом, и его мы должны иметь в виду прежде всего. Серебро с каждым днем теряет способность служить мерилем стоимости, золото же эту способность сохраняет.

Соотношение стоимости обоих металлов составляет теперь приблизительно $17\frac{1}{2} : 1$. Но владельцы серебра хотят насильно навязать всему свету прежнее соотношение $15\frac{1}{2} : 1$, а это так же невозможно, как, например, надолго и повсеместно удержать цену машинной пряжи и ткани на уровне цены ручной пряжи и ткани. Клеймо на монете не определяет стоимости монеты, а гарантирует получателю только ее вес и содержание в ней серебра: оно ни в коем случае не может перенести на $15\frac{1}{2}$ фунтов серебра стоимость $17\frac{1}{2}$ фунтов.

Все это изложено в «Капитале», в главе о деньгах (III гл., стр. 72—120)¹, так ясно и с такой исчерпывающей полнотой, что больше тут ничего не скажешь. В качестве материала по вопросу о последних колебаниях ср. Зетбер «Edelmetall, Production und Wertverhältnis» [«Драгоценные металлы. Производство и соотношение стоимости»] и т. д. (Gotha, Perthes, 1879) Зетбер — первый авторитет в этой области и отец германской монетной реформы; он еще до 1840 г. проповедывал «марку» в $\frac{1}{3}$ талера.

Итак: если серебро будет чеканиться из расчета $15\frac{1}{2}$ ф. серебра = 1 ф. золота, то оно потечет обратно в государственные кассы, — всякий постарается избавиться от него. Это испытали Соединенные Штаты на своем серебряном долларе, который чеканится со старым содержанием серебра, а стоит только 90 центов, и то же самое испытал Бисмарк, когда захотел насильно вновь ввести изъятые из обращения и замененные золотом серебряные талеры.

Управляющий банком г. Дехенд воображает, что при помощи двойной валюты можно будет уплатить иностранные долги Германии плохим серебром вместо полноценного золота и таким образом избежать всякого кризиса золота, что для государственного банка было бы в самом деле чрезвычайно удобно, если бы только это удалось. Но единственным результатом будет то, что г. Дехенд сам до-

¹ Русский перевод, стр. 111—167.

кажет, что он абсолютно не годится быть управляющим банком и что ему место на школьной скамье, а не в кресле управляющего государственным банком ¹.

Прусский юнкер был бы, конечно, тоже счастлив, если бы мог оплатить свои закладные, совершенные в серебре по $15\frac{1}{2} : 1$, или уплачивать по ним проценты, в серебре по $17\frac{1}{2} : 1$. А так как это происходило бы внутри страны, то такое надувательство кредиторов должниками бесспорно было бы осуществимо... если бы только дворянство нашло людей, которые одолжили бы ему серебро по $17\frac{1}{2} : 1$, с тем чтобы расплачиваться по $15\frac{1}{2} : 1$. Потому что у дворянства собственных средств для платежа нехватает. Однако ему пришлось бы брать серебро тоже по $15\frac{1}{2}$, и, таким образом, для него ничего бы не изменилось.

Что касается германской продукции серебра, то выработка из *германской* руды занимает в ней с каждым годом все меньшее место сравнительно с выработкой (рейнской) из *южно-американской* руды. В 1876 г. вся продукция серебра в Германии составляла около 280 000 фунтов, в том числе из южно-американской руды — 58 000. а с тех пор доля последней значительно выросла.

Совершенно ясно, что низведение серебра к роли разменной монеты должно еще больше понизить его стоимость; употребление серебра для других целей незначительно по сравнению с его употреблением в качестве денег, и оно не будет возрастать сколько-нибудь быстрее от того, что демонетизация выбрасывает больше серебра на рынок.

О том, чтобы Англия ввела у себя когда-нибудь двойную валюту, нечего и думать. Ни одна страна с золотой валютой не может *в настоящее время* надолго вернуться к двойной валюте. *Всеобщая* двойная валюта и без того вообще невозможна. Если бы даже все люди сошлись сейчас опять на том, чтобы серебро шло из расчета $15\frac{1}{2} : 1$, они все-таки не могли бы изменить того факта, что стоимость его составляет лишь $17\frac{1}{2} : 1$; и против этого абсолютно ничего не поделаешь. С таким же успехом можно было бы решить, чтобы дважды два равнялось пяти.

Бамбергер оказывал нам в первые годы нашего изгнания очень большие услуги; это был очень порядочный и услужливый человек, секретарь Карла Брауншвейгского. Впоследствии мы потеряли его из виду. Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

¹ Ибра слов: Schulbank — Reichsbank.

117.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Алжир,] 16 марта 1882 г.

Отель «Виктория».

(Пиши сюда, как и прежде,
через Фермэ.)

Дорогое дитя!

Получив *твое письмо через Фермэ*, я отправил посыльного в отель «Ориент», чтоб справиться также и там; ему вручили для меня *твое письмо от 24 февраля*.

Теперь дам тебе краткий отчет о состоянии моего здоровья.

Ввиду того, что мой кашель усилился, было обильное выделение мокроты, бессонница и т. д., я пригласил д-ра Стефана (он лечит также моих соседей по отелю), и вот с *26 февраля*, когда он впервые меня осмотрел, я нахожусь под его наблюдением. Это очень решительный, умный человек. Он нашел, что мое левое легкое, ослабленное плевритом, благодаря стечению неблагоприятных обстоятельств со времени моего отъезда из Парижа и до сих пор, функционирует неправильно. Основное лечение — шпанские мушки (жидкость оттягивается путем смазывания левой стороны спины и груди Collodion cantharical) — действует на меня прекрасно, а от кашля — «смягчающие» средства и наконец Arseniad (безвкусный, как вода) — после каждой еды. *Поскольку это допускает погода*, мне разрешено продолжать мои небольшие утренние прогулки.

К сожалению (при благоприятной погоде сильный кашель прошел бы сам собой), 6 марта началось кровохарканье и после сильного кровотечения 8 и 9 марта продолжалось в более легкой форме до 12-го, а 13-го *кровохарканье прошло бесследно*. Таким образом, эта неприятная история тянулась неделю. Д-р Стефан энергично принялся за лечение, запретил всякое движение (в том числе, конечно, и прогулки); почти совершенно запретил разговаривать, прописал горячие ножные ванны и т. д. и наряду с этим сильно действующие средства. В это время меня также продолжали лечить шпанскими мушками, средствами от кашля и т. д.; благодаря этому кашель действительно сильно уменьшился. Постепенно стала также меняться и погода, хотя она не совсем еще безупречна. Из моей виллы (отель «Виктория»), которая стоит на холме, открывается вид на морской залив, а кругом амфитеатром по горе расположены виллы, — чудесный воздух, даже и без прогулок, как на маленькой галлерее перед

моей и соседними комнатами, так и на веранде, которая служит входом в нижний этаж. Доктор разрешит мне прогулки только после того, как снова освидетельствует мой *corpus delicti*. Надо заметить, что за последнее время у меня появился не только аппетит, но наконец ко мне *вернулся и сон* (в сущности, с 16 февраля, с ночи, проведенной в парижской гостинице, бессонница непрерывно продолжалась вплоть до этого момента).

В общем результат таков: как я уже писал об этом в Лондон, из-за этой дурацкой, необдуманной поездки мое здоровье находится опять в таком же состоянии, в каком оно было тогда, когда я выехал из Maitland Park. Я должен однако сказать, что многие из приехавших сюда терпели и терпят ту же муку. За последние 10 лет в Алжире еще не было такого неудачного зимнего сезона. Я и сам находился в нерешительности; испытаны были остров Уайт и другие места, но Энгельс и Донкин разожгли друг у друга африканские страсти, причем ни тот, ни другой не потрудился навести точных справок и не подумал о том, что в этом году погода из ряда вон выходящая. Несколько раз я старался намеками дать понять, что лучше бы уж начать с Ментоны (или Ниццы), так как Лавров получил от своих русских знакомых очень благоприятные сведения, но мой старый, добрый сангвиник Фред, — который, повторяю, говоря между нами, любя легко может убить человека, — ни о чем подобном и слышать не хотел.

Должен сказать, что обе хозяйки этой виллы-отеля ухаживали за мной с исключительной заботливостью и вниманием. А что касается операций с мушками, то молодой фармацевт г. Кастеляр (он находится здесь со своей матерью с самого декабря в качестве пациента) так любезен, что ставит мне мушки, потом вскрывает водяные пузыри и накладывает повязки на содранные места и т. д. Все это он прodelьывает очень осторожно и оказывает свои добровольные услуги с большим тактом.

Нет ничего более сказочного, чем город Алжир и его окрестности летом и весной; я бы чувствовал себя, как в «Тысяча и одной ночи», при условии, если бы был здоров и если бы все, кто мне дорог (в особенности внуки), были со мной. Я каждый раз был в восторге, когда получал от тебя известия о милых малышах. Тусси также писала мне, что дети не выходят у нее из головы и что ей хотелось бы быть с ними. Но едва ли мне удастся уехать отсюда раньше, чем через месяц, так как мне придется основательно пройти курс лечения под руководством д-ра Стефана и только тогда уже начать лечение воздухом (конечно, если погода к тому времени установится).

«Justice» (полемику с «Citoyen») я не читал и вообще не видал ни одной из парижских газет, за исключением «Égalité». Я очень обрадовался, узнав из твоего письма, что Тусси тактично предотвратила катастрофу. Когда Лиссагарэ выпустит свою «Bataille», ты пришлешь мне, конечно, первые номера. Много толку я от этого не жду; но поживем — увидим.

Добряк Фермэ в первые дни моего пребывания здесь (еще в отеле «Ориент») уходил меня, т. е. *заставил бегать по городу и с горы на гору*, и совершенно *заговорил* меня. Всему этому я положил конец, дав ему понять, что я инвалид. Но он желал мне добра; теперь он знает, что покой, одиночество и молчание являются моим гражданским долгом.

Поцелуй всех малышей. Привет Лонге. Целую тебя много раз, мое дорогое дитя.

Твой *Old Nick*

118.

Марке — П. Лафаргу

в Париж¹.

[Алжир,] понедельник 20 марта 1882 г.

Дорогой Поль!

Ваше милое письмо от 16 марта мне было вручено сегодня (20-го), так что оно, повидимому, было в пути гораздо меньше времени, чем вообще письма из Лондона.

Прежде всего, мой brave гасконец, «что обозначает Верхний Мустафа»? Мустафа — собственное имя, как Джон. Когда выходишь из Алжира по rue d'Isly, видишь перед собой длинную улицу. С одной стороны ее, у подножья холмов, поднимаются мавританские виллы, окруженные садами (одна из этих вилл и есть отель «Виктория»); с другой стороны — вдоль дороги — раскинулись дома, спускающиеся террасами. Все это вместе и называется Верхний Мустафа; Нижний Мустафа начинается у склона Верхнего Мустафы и тянется до самого моря. Оба Мустафы образуют коммуну (Мустафа), мэр которой (этот человек носит имя не арабское и не французское, а немецкое) делает от времени до времени разные сообщения своим обывателям путем официальных афиш; режим, как видите, очень мягкий. По улице Верхнего Мустафы постоянно строят новые дома, сносят старые и пр., но хотя занятые этим делом рабочие — люди

¹ Напечатано в журнале «Начало» за 1899 г., № 5, стр. 205.

здоровые и местные жители, однако после первых же трех дней работы они схватывают лихорадку. Поэтому часть их заработной платы состоит из ежедневной дозы хинина, доставляемого предпринимателями. Тот же обычай можно наблюдать в разных местах Южной Америки.

Мой милый авгур, Вы так хорошо осведомлены, что [пишете]: «Вы должны пожирать все французские газеты, продающиеся в Алжире»; в действительности же, я не читаю даже и тех нескольких газет, которые получают из Парижа другие жильцы отеля «Виктория»: все мое политическое чтение ограничивается телеграфными сообщениями «Petit Colon» (маленькая алжирская газетка вроде парижского «Petit Journal», «Petite République Française» и пр.). Вот и все.

Женни писала мне, что посылает статьи Лонге, о которых Вы также упоминаете, но я так и не получил их. Единственная газета, которую я получаю из Лондона, — это «Égalité», но ее нельзя назвать газетой.

Чудак Вы, Поль! Откуда Вы взяли, или кто это Вам сказал, что я должен «смазывать кожу иодом»? Вы меня прервете и скажете, что это простая мелочь, но в этом обнаруживается Ваш метод «материального факта». *Ex ungue leonem!* [По когтям узнают льва!]. В действительности, вместо Ваших «смазываний кожи иодом», я должен давать разрисовывать себе спину кантаридальным коллодиумом, чтобы вытягивать жидкость. В первый раз, когда я увидел таким образом обработанным свой левый бок (грудь и спину), он мне напомнил в миниатюре огород, засеянный дынями. С 16 марта, когда я писал Энгельсу, ни на спине, ни на груди (эта последняя, в свою очередь, разрисовывается) нет ни одного сухого местечка, на котором можно было бы возобновить эту операцию; сию последнюю нельзя будет произвести раньше 22-го.

Вы говорите: «При сем прилагается пригласительное письмо, которое заставит Вас смеяться». *Es regular.* Как вы хотите, чтобы я смеялся, когда это «при сем прилагаемое» письмо все еще находится в Ваших собственных руках? Когда будет возможность, я напомню г. Ферма об его бывшем товарище — прудонисте Лафарге. Сейчас же, пока доктор мне не позволяет выходить, я пользуюсь этим временем, чтобы не разрешать никому ни частых визитов, ни продолжительных диалогов.

Дожди попрежнему продолжают. Столько климатических капризов, погода меняется с часу на час, проходя все фазисы или вдруг изменяясь из одной крайности в другую. При всем том

замечается тенденция к прогрессивному улучшению, но приходится ждать. И сказать только, что с самого моего отъезда в Марсель и до сегодняшнего дня стояла непрерывно прекраснейшая погода и в Ницце, и в Ментоне! Но это была *idée fixe* — не я ответствен за нее — это африканское солнце и здешний чудодейственный воздух!

В прошлую субботу мы похоронили в Верхнем Мустафе одного из наших сожителей по «Виктории», по имени Арман Маньядер; это был еще совсем молодой человек, которого парижские доктора послали сюда. Он служил в одном парижском банке; патроны продолжали уплачивать ему жалованье в Алжире. Чтобы доставить удовольствие его матери, они распорядились по телеграфу, чтобы выкопали труп и отправили его в Париж, — и все это на их счет. Такая щедрость редко встречается даже у людей, ворочающих «чужими деньгами».

Мой сон возвращается постепенно; кто не страдал бессонницей, не может чувствовать то блаженное состояние, когда, наконец, рассеивается ужас бессонных ночей!

Привет моему милому Какаду¹ и всем остальным.

Ваш К. Маркс.

119.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Алжир,] понедельник 27 марта 1882 г.

Мое дорогое дитя!

Сегодня (27 марта) получил твое письмо. Ты знаешь, как я бываю счастлив каждый раз, когда получаю известия от тебя. Мои сообщения вовсе не скрывали от тебя самого худшего; ты можешь быть поэтому совершенно уверена, что я *говорю только чистую правду*, сообщая, что с тех пор, как я писал тебе последнее письмо, здоровье мое непрерывно улучшается. Бессонница прошла (а она было хуже всего), вернулся аппетит, нет больше сильных приступов кашля, который значительно ослабел. Разумеется, шпанские мушки, из-за их интенсивного действия, можно применять только раз в неделю, так что процесс выздоровления плевры (сама легочная ткань вообще не была задета) левого легкого требует некоторого времени. Конечно, при такой страшно непостоянной погоде, с внезапными

¹ Лауре Лафарг.

переменами, ветрами, жарой, холодом, дождем и лишь с короткими благоприятными промежутками приходится только мечтать о постоянной *соответствующей сезону* погоде, теплой и «сухой». Например, вчера мы уже думали, что наступил решительный поворот, — был великолепный день, и я совершил прогулку, — но сегодня небо серое (с черным отливом), идет проливной дождь, воет ветер. Публика здесь вконец истомилась, потому что, само собой понятно, такая погода с самого декабря (включительно) совсем ненормальна для Алжира. Но в том-то и дело, что об этом нужно было разузнать заранее, а не пускаться на-авось.

Между нами говоря: хотя погода на острове Уайт была неблагоприятна, однако мое здоровье улучшилось настолько, что когда я вернулся в Лондон, все поражаюсь. Но в Вентноре у меня был *покой*; в Лондоне же, наоборот, меня совершенно одолел Энгельс со своими приставаниями (Лафарг тоже трещал, что мне нужны только «прогулки», свежий воздух). Я чувствовал, что не могу больше этого выдержать; оттого я с таким нетерпением стремился во что бы то ни стало уехать из Лондона. Так самой искренней любовью можно убить человека; что может быть опаснее этого для выздоравливающего!

Как я уже говорил, дорогое дитя, мне повезло, и я нахожусь здесь в обществе порядочных, любезных и непритязательных людей (швейцарских французов и настоящих французов; ни немцев, ни англичан в моей вилле-отеле нет). Г-н Морис Кастеляр взялся помогать мне под руководством доктора Стефана; даже Ним¹ не могла бы быть более заботливой и внимательной, чем он. Так что, дорогое дитя, тебе нечего мучиться из-за моего якобы беспомощного положения. За мной вполне достаточный и мужской, и женский уход, а с другой стороны, я пользуюсь привилегией «пациента» — быть молчаливым, держаться в стороне и пр., когда мне хочется побыть в одиночестве или же не обращать внимания на других.

Все это время я совсем не следил за французскими, английскими и другими газетами. Я ограничивался одними телеграфными сообщениями. Что мне хотелось бы получить — так это статьи Лонге о стачках (Лафарг мне их очень расхваливал в своих письмах). Что касается глупости Массара, то я об этом до сих пор ничего не знаю, кроме того, что ты мне писала.

Напиши, пожалуйста, Гиршу, чтобы он мне прислал свою статью, напечатанную в журнале г-жи Адам. Как бы я хотел, чтобы

¹ Елена Демут.

в один прекрасный день ковер-самолет принес бы мне сюда Джонни. Как бы мой дорогой мальчик восхищался маврами, арабами, берберами, турками, неграми, — словом, всем этим Вавилоном, и костюмами (большой частью поэтическими) этого восточного мира, перемешанного с «цивилизованными» французами и т. д. и тупыми британцами! Поцелуй также моего милого Гарри, благородного Вольфа и великого Па!

А теперь — прощай, моя хорошая! Передай также мой привет Лонге.

Твой *Old Nick*.

Ни о какой работе пока и речи быть не может, — даже и о просмотре «Капитала» для нового издания.

120.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Алжир,] 6 апреля 1882 г.

Мое милое дитя!

Только что судья Фермэ принес мне твое письмо от 31 марта; я всегда рад твоим письмам, но когда только, дорогая, ты находишь время писать их? Я часто с тревогой думаю о твоём маленьком хозяйстве, с которым ты должна обходиться при помощи такой бестолковой чудачки, как Эмилия, между тем как твои четверо мальчуганов сами по себе могут поглотить все рабочее время даже у гораздо лучшей служанки.

Фермэ вручил мне также несколько дней тому назад обещанные номера «Justice» (в которых имеются также и творения Гирша, перепечатанные из журнала г-жи Адам). Статьи Лонге о стачках очень хороши. Кстати, в одном месте он говорит, что Лассаль придумал *только слова* (а не открыл самый закон, установленный Рикардо, Тюрго и др.). В действительности, однако, Лассаль заимствовал хорошо известное «культурным» немцам *выражение Гете*, который, в свою очередь, переделал *софокловы* «вечные незыблемые законы» в «вечные железные законы».

Фермэ сидел против меня в моей комнате и молча читал, ожидая пока я кончу письмо к Тусси (в тот же день я получил письмо от нее, а также и от Энгельса), чтобы отнести его в город.

Сегодня жду д-ра Стефана. Если он придет, я смогу сообщить тебе о результатах его осмотра еще в этом письме, которое пойдет завтра утром. Во всяком случае мое выздоровление идет удовлетворительно, хотя и медленно для человека, который жаждет вновь вернуться к работе и покончить с этим *дурацким положением инва-лида*. Но вся эта затяжка происходит благодаря алжирской дурной погоде, совершенно необычной. Ферма не запомнит такой за все 12 лет его пребывания здесь. Погода попрежнему неустойчивая, изменчивая, капризная — настоящая *апрельская погода*, с внезапными переходами от яркого солнца к дождю, от жары к жестокому холоду; небо — то ясное, то пасмурное, почти черное, сухая погода сменяется совсем сырой, туманной, — словом, погода отнюдь не «надежная» или далеко не такая, какую принято считать «нормальной» алжирской «весенней» погодой. Все же, когда не особенно ветрено и нет дождя, апрельские утренние часы очень приятны, так что сегодня, вчера и третьего дня я мог наслаждаться утренними прогулками; таким образом, я три дня подряд гулял по утрам в продолжение одного-двух часов.

Только что меня прервал *шум*, раздавшийся в небольшом, поднимающемся террасами садике (деревья в цвету, сад весь красный), который расположен перед верандой (первого этажа нашей виллы); моя комната (и пять других) помещается во втором этаже, выходя на небольшую галерею над верандою, с которой открывается вид на море и чудесная панорама. Итак, шум привлек меня на галерею. Как весело, от всей души расхохотался бы маленький Джонни, если бы он стоял рядом со мной, увидев внизу в саду настоящего негра, черного, как смоль, который танцевал, наигрывал на маленькой скрипке, ударял длинными металлическими кастаньетами, выделял своим телом пластические движения и корчил уморительные гримасы. Эти алжирские негры раньше были в большинстве своем рабами турок, арабов и пр., но получили свободу, когда власть перешла к французам.

И вот, *позади него*, негра, видна фигура другого человека, который с важным видом и снисходительно улыбаясь смотрит на это негритянское представление. Это мавр (по-английски — Moor, по-немецки — Mohr); кстати сказать, в Алжире мавров называют арабами; небольшая часть их покинула пустыню и свои общины и живет в городах вместе с европейцами. Они ростом выше среднего француза, у них продолговатые лица, орлиные носы, большие и сверкающие глаза, черные волосы и борода, а цвет их кожи бывает всех оттенков от почти белого до темно-бронзового. Их

одежда — даже и нищенская — красива и изящна: покрывало (или мантия), скорее — тога из тонкой белой шерстяной материи или плащ с капюшоном; для прикрытия головы (для чего в неблагоприятную погоду, при сильной жаре и т. п. служит также и капюшон) употребляют тюрбан или кусок белого муслина, которым они опоясываются; обыкновенно они оставляют ноги голыми и не обуваются и лишь изредка надевают туфли из желтого или красного сафьяна.

Последний мавр превзойдет величайшего европейского актера в искусстве драпироваться плащом и в уменьи выглядеть естественным, изящным и полным благородства, — ходит ли он или стоит неподвижно (*когда они едут на своих мулах или ослах, или, что очень редко, на лошадях, они сидят на них не верхом, как европейцы, а спустив обе ноги на одну сторону, и являют собою воплощенную ленивую мечтательность*).

Итак, наш мавр, стоявший позади негра в саду, начал выкрикивать, что продает «апельсины» и «петухов» (и кур), — странная смесь товаров! А между этим мавром, даже и теперь не потерявшим своей величественности, и танцующим, кривляющимся негром стоит птица — чрезвычайно гордый павлин (принадлежащий одному из наших пансионеров) с великолепной синей шеей и пышным длинным хвостом. И при виде этого трио как мне хотелось услышать звонкий смех моего Джонни!

Теперь четыре часа пополудни (часть послеобеденного времени я провел в беседе с Фермэ, который принес мне твое письмо, а затем вернулся в Алжир). Льет дождь. Внезапное понижение температуры чрезвычайно неприятно. Горячий привет д-ру Дурлану!

7 апреля 1882 г.

Лило всю ночь. Утро облачное, но дождя нет. Воздух приятный, хотя слишком сырой. Я гулял в продолжение часа (с 9 до 10 утра), боясь, что меня застигнет дождь, но сошло благополучно. Д-р Стефан не приходил ни вчера, ни третьего дня. Я ему сегодня утром написал, но все-таки отправлю тебе это письмо еще сегодня, не дожидаясь визита доктора. Он придет не раньше 5 часов вечера. Ты видишь, это хороший признак, что доктор стал относиться ко мне несколько небрежнее, — он, значит, больше не беспокоится настолько, чтобы часто навещать меня.

Как я буду счастлив, когда смогу вернуться к своим внукам и к их чудесной мамаше! Я совершенно не намерен продолжать свое

пребывание здесь дольше, чем доктор найдет это абсолютно необходимым.

Целую тебя много раз.

Твой *Old Nick*.

Прилагаемая вырезка — из одной немецко-американской газеты, которую мне прислал Энгельс. Это забавная критика новейшей «*Deutsche Bedientenpoesie*» [немецкой лакейской поэзии]. Надеюсь, Лонге заинтересуется этим.

Милое дитя, я уже запечатал это письмо, но пришлось его вскрыть. Д-р Стефан пришел несколько раньше, чем я его ожидал. Новый осмотр привел его к выводу, — и я очень рад, что могу тебе это сообщить, — что за это время мое левое легкое поправилось почти так же хорошо, как и правое.

121.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Лондон.

[Лондон,] 10 апреля 1882 г.

122, Regent's Park Road.

Дорогой Лавров!

С благодарностью возвращаю Вам корректурные листы. Я сделал бы это раньше, если бы не надеялся видеть Вас вчера вечером и сказать Вам: Христос, воскрес ли он? ¹

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли мне на несколько дней немецкий текст предисловия? «*Sozialdemokrat*» просил нас послать ему это предисловие, а так как оно было напечатано в «Народной Воле» (мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками), то это не представит никаких неудобств.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Наша мысль, по-моему, передана очень хорошо.

122.

Энгельс — Б. Шпарру

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 12 апреля 1882 г.

Милостивый государь!

Я не знаю ни Вас, ни г. К. Шнейдта, на которого Вы ссылаетесь. Если Вы имеете в виду анархиста К. Шнейдта, то ведь он сможет

¹ «Христос, воскрес ли он?» написано Энгельсом по-русски.

звестить Вас в клуб на Rose st. и оказать Вам помощь. Принимая во внимание то, как сотрудники «Freiheit» обрушились на социал-демократическую партию Германии, я едва ли могу испытывать особенное желание поддерживать сторонников этого направления. Между тем, я даже не знаю, к какому Вы принадлежите направлению. Как известно, на Tottenham st., 49, помещается Немецкий клуб, связанный с великой германской партией, и мне кажется невероятным, чтобы оба эти клуба дали умереть с голоду бежавшему с родины партийному товарищу. При той большой нужде, которую порождают полицейские преследования в Германии среди членов огромной социал-демократической партии, я при моих средствах едва ли смогу поддерживать также и сторонников враждебных направлений. Но если клуб на Tottenham st. согласится Вам чем-нибудь помочь, я охотно внесу свою долю.

С совершенным почтением

[Ф. Э.]

123.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон, 13 апреля 1882 г.]

Дорогой Зорге!

Сегодняшней почтой отправил тебе вышедшие номера «Égalité». Дальнейшие тоже буду посылать. Маркс в Алжире, у него был рецидив плеврита, от которого он теперь почти оправился. Но зимой ему надо будет очень остерегаться. Надеюсь скоро получить от тебя письмо. Что подельывает твой сын?

Сердечный привет от твоего

Ф. Э.

124.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 17 апреля 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Как только я узнал от Лаврова, что предисловие появилось в «Народной Воле», я попросил дать мне копию с оригинала, но оригинал находится в Париже, в письменном столе Лаврова. Все-таки он хотел туда написать. Затем я искал у Маркса черновик,

но не нашел его. В конце концов я затребовал у Лаврова оттиск русского перевода, чтобы на худой конец самому перевести его обратно на немецкий язык: я опасался, как оно и случилось, что это сделает первый встречный русский. Только сейчас Лавров прислал мне прилагаемую копию оригинала. Впрочем, виноват в этом я сам. Я хотел было написать Вам открытку, но у меня гостят сейчас Шорлеммер и Адольф Бейст, и по этому случаю мы проводим много времени в обществе г-жи Лафарг (ее муж в Париже) и Тусси Маркс, и я позабыл про открытку. Но чтобы убедить Вас, что у меня не было недостатка в добрых намерениях, посылаю Вам рукопись задним числом.

Поздравляю Вас с Вашим выступлением против этой мокрой курицы, Гейзера.

Частным образом сообщаю: Маркс с 21 февраля в Алжире, он простудился в дороге и приехал туда с рецидивом плеврита, застал прескверную погоду, но сейчас уже почти совсем поправился. Сколько он там еще пробудет, пока неизвестно. С погодой ему решительно не повезло.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

125.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 21 апреля 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Посылаю вам вырезку из «Kölnische Zeitung» о «бароне Гирше». Знаменательно, что *буржуазные* газеты считают нужным заклеить такого шарлатана. Всю статью стоило бы перепечатать, если бы нашлось место, — получился бы блестящий фельетон, особенно потому, что он из «Kölnische Zeitung». Если Вы не перепечатаете ее полностью, то прошу по использованию мне ее вернуть. Рукопись «предисловия» прошу тоже при случае возвратить.

Необходимое пояснение: Махмуд *Надим*-паша, так же как и Махмуд Дамат-паша (шурин султана), — платный русский агент, их главный агент в Константинополе. После того как русский Поляков, тоже добивавшийся турецких железнодорожных концессий, не мог их получить (так как русские не могли *одновременно* готовить войну против Турции и умасливать турок), — после этого русские были, конечно, больше всего заинтересованы в том, чтобы создать для австрийца Гирша, их единственного конкурента,

протезируемого к тому же Австрией, такие условия, чтобы Гирш и вместе с ним Австрия сделались ненавистными Турции, а турки все-таки остались бы без сплошной железнодорожной сети. Всякое финансовое ослабление Турции было само по себе более или менее выгодным для России. И вот Надим делает свое дело, Гирш платит ему за то, что Надим продает Турцию *ему*, а Россия платит Надиму особо за то, что он вообще продает Турцию. Русская дипломатия ведет дела на широкую ногу, без мелочной завистливости мелкого лавочника к своим конкурентам; поэтому, если нет другого выхода, она может предоставить мнимое или временное преимущество такому противнику, как Австрия, а потом использовать это преимущество для себя же.

Сердечный привет Вам и Каутскому.

Ваш Ф. Э.

126.

Марке — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Алжир,] 28 апреля 1882 г.

Дорогое дитя!

Только две строчки. Я думаю, что только пребывание на берегу моря может помочь бедному Гарри. *Если возможно*, ты должна, не теряя времени, увезти его и других детей в Нормандию. Ты рассуждаешь совсем по-детски, думая, что я могу вернуться в Англию, не повидавшись предварительно с тобою и с внуками, где бы нам ни пришлось встретиться — в Нормандии, Париже или еще где-нибудь.

Что до моего здоровья, то оно продолжает улучшаться, иначе д-р Стефан не позволил бы мне покинуть «Африку». Думаю, что двух-трех недель вполне достаточно будет для «переходного» этапа на Ривьере.

Шлю тебе, дорогое дитя, наилучшие пожелания.

Old Nick.

127.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 3 мая 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Не можете ли Вы прислать мне несколько отдельных оттисков или экземпляров газеты со статьей о раннем христианстве? Это было бы очень желательно для меня и полезно в целях пропаганды;

я послал бы их людям, которые обычно не читают «Sozialdemokrat». Достаточно 3—4 экземпляров.

Прилагаю заметку, которая интересна как доказательство той колоссальной быстроты, с какой в Америке происходит концентрация капиталов. «United States Bonds» — это государственные долговые обязательства Соединенных Штатов. N. Y. C. и N. R. Stock — акции N. Y. C. и N. R. [Нью-йоркской центральной и Гудсоновской] железной дороги. Real Estate — земельное владение.

Доллар стоит немного больше 4 марок, для ровного счета — 4 марки, или 5 франков.

Мне очень приятно наблюдать, как народ повсюду становится на сторону «Sozialdemokrat» против хныканья жалких трусов.

Письмо Дарвина было действительно адресовано Марксу, письмо в высшей степени любезное. Но будьте осторожны со статьей Лафарга в «Citoyen» от 28 апреля о «дарвиновском отборе и господствующих классах»: он там в конце открыл нового ланцетника (*Amphioxus*), от которого можно помереть со смеха. Лафарг в Париже, я ему только что написал и жестоко высмеял его *Amphioxus Lafarguii*.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

Пусть здешний Союз не вводит Вас в заблуждение насчет Демократической федерации. Она не имеет пока никакого значения. Во главе организации стоит некий честолюбивый кандидат в парламент по имени Гайндман, бывший консерватор. Большой митинг он в состоянии созвать только при помощи ирландцев и со специфически ирландскими целями, причем сам он принужден играть на митинге третьестепенную роль, а не то ему бы досталось от ирландцев.

Гладстон жестоко оскандалился; вся его ирландская политика рухнула — он вынужден отказаться от Форстера и лорда-наместника Ирландии Купера Темпля (Пальмерстон приходится ему дедом со стороны матери) и принести повинную: ирландские члены парламента выпущены на свободу, исключительный закон не продлен, арендные недоимки крестьян решено частью аннулировать, частью принять на государственный счет на приемлемых условиях погашения. С другой стороны, тори уже поняли, что нужно спасать что возможно: пока еще дело не дошло до *захвата* земли, пусть уж лучше крестьяне выплачивают арендные деньги по прусскому образцу с помощью государства, чтобы землевладельцам хоть *что-нибудь* досталось. Поистине ирландцы заставляют медлительного Джона Булля пошевеливаться. Все это — результат стрельбы!

128.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

[Монте-Карло,] 8 мая 1882 г.

Гостиница «Россия».

Милая Женнихен!

Монте-Карло, откуда я пишу тебе, — один из трех городов (расположенных рядом), триединство которых составляет государство «Монако» (Монако, Кондамин и Монте-Карло). Местоположение удивительно красивое, и климат куда лучше, чем в Ницце и даже в Ментоне.

Конечно, мой приезд имел то комическое последствие, что я привез с собою сюда *первые два дождливых дня* (с января), словно они только и дожидались, пока я приеду из Алжира. Однако, если не считать этого, погода вообще превосходная.

Как ты уже знаешь из моего последнего письма, я разделался со своим плевритом. Что касается катара бронхов, то он может пройти только постепенно. К тому же, воздух скоро станет сухим и теплым *повсюду* (наоборот, опасаются именно отсутствия дождей!). Действие солнца будет особенно сильно, потому что оно сплошь покрыто большими пятнами. Словом, скоро повсюду установится полезная для меня погода.

Так как я не знаю, сколько времени здесь останусь, то хотел бы, чтобы мне поскорей дали знать из Парижа, *где* я вас смогу найти. Лучше всего, если ты будешь мне *телеграфировать* сюда. Телеграммой в 3—4 слова можно сообщить все необходимое.

Много раз целую тебя и детей.

Твой старый *Маркс*.

129.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 16 мая 1882 г.

Дорогой Бебель!

Я уже давно собираюсь тебе написать, так как не знаю точно, ответил ли Маркс на твое последнее письмо. Он неоднократно обещал мне это, но ты ведь знаешь, как все складывается, когда человек болен. Итак, сегодня я тебе, наконец, пишу.

Маркс сперва отправился на остров Уайт, но там все время стояла холодная и сырая погода. Потом через Париж он поехал в Алжир. В дороге снова простудился, а в Алжире его опять встретили холод и дождь, затем погода внезапно резко изменилась. Про-

студа снова перешла в плеврит (воспаление грудореберной плевры), не такой острый, как первый, но все же очень затяжной. Теперь его основательно вылечили, и он бежал от наступившей в конце концов африканской жары в Монте-Карло, игорное заведение принца монакского. Как только по-настоящему наступит лето, он оттуда с г-жей Лонге и ее детьми отправится на нормандский берег. Вернется вряд ли раньше начала июля. Теперь речь идет только о том, чтобы окончательно отделаться от застарелого кашля, и я думаю, что это ему удастся. В Алжире он сфотографировался и снова выглядит довольно хорошо.

Большое несчастье, что на выборах, которые вообще прошли так блестяще, именно ты потерпел поражение. Среди множества новых и отчасти ненадежных элементов ты был бы вдвойне необходим. Вначале было, повидимому, сделано несколько досадных промахов, но сейчас дело пошло как будто несколько лучше. Вдвойне порадовало меня поэтому (да и Маркса не меньше) мужественное поведение «Sozialdemokrat», который не постеснялся решительно выступить против малодушного хныканья Брейеля и К^о, хотя депутаты вроде Блоса и Гейзера стали на их сторону. Обратились и к нам; Фирекк прислал мне полное жалоб письмо по поводу газеты, на что я ему в ответ очень дружелюбно, но и очень решительно сообщил свою точку зрения. С тех пор я ничего о нем не слышал. Был здесь проездом и Гепнер — «с больной душой и пустым карманом» — и проливал горячие слезы; он написал крайне жалкую брошюрку, из которой я убедился, до какой степени он духовно пал. Оба горюют главным образом потому, что «Sozialdemokrat» не считается с существующими в Германии законами и что германские суды, ссылаясь на содержание газеты, обвиняют ее распространителей в оскорблении величества, в государственной измене и т. д. Но ведь сама газета и ее отчеты о процессах против наших товарищей не оставляют сомнения в том, что эти мерзавцы-судьи всегда найдут предлог для того, чтобы засудить ее, как бы она ни писала. Издавать газету так, чтобы судьям не за что было уцепиться, это — искусство, которое еще не изобретено. И ведь эти господа забывают вдобавок, что такой никчемной газетой, какой они добиваются, они заставят наших толпами переходить в лагерь Моста. Между прочим, я посоветую Бернштейну, которому мы по возможности оказывали до сих пор моральную поддержку, немного смягчить иронией и насмешкой свой тон добродетельного негодования, ибо этот тон становится скучным, если не достигает крайней степени напряжения, — а тогда он становится смешным.

Третьего дня у меня был Зингер; от него я узнал, что условный адрес еще годится, в чем я не был вполне уверен, так как давно им не пользовался. У Зингера сомнения иного рода. Он принадлежит к числу тех, которые считают огосударствление чего-нибудь половиной дела или, во всяком случае, подготовительным мероприятием... и поэтому втайне мечтают о покровительственных пошлинах, табачной монополии, о переходе железных дорог в руки государства и т. д. Все это — вздор, наследие односторонне преувеличенной борьбы против манчестерства; этот вздор имеет больше всего последователей среди перешедших к нам буржуазных и академических элементов, потому что он облегчает им позицию в спорах с их буржуазной и «образованной» средой. Зингер рассказывал, что у вас в Берлине недавно дебатировался этот вопрос и что Зингер, к счастью, оказался в меньшинстве. Мы не имеем права ни политически, ни экономически компрометировать себя ради таких мелочных соображений. Я пытался объяснить ему: 1) что в Германии покровительственные пошлины совершенно не к месту (в Америке — наоборот), так как наша промышленность развилась и получила возможность экспортировать при свободе торговли, а для этой возможности ей на внутреннем рынке совершенно необходима конкуренция заграничных полуфабрикатов; что железодельная промышленность, производящая в четыре раза больше, чем нужно внутри страны, использует покровительственные пошлины лишь против *внутреннего рынка*, а *за границей*, как показывает опыт, напротив, прибегает к бросовым ценам; 2) что табачная монополия представляет собою такое ничтожное огосударствление, которое даже не может служить аргументом в этой дискуссии, и что, в конце концов, мне наплевать, добьется ли ее Бисмарк или нет, так как и в том и в другом случае это пойдет нам на пользу; 3) что переход железных дорог в руки государства выгоден только для акционеров, продающих свои акции выше стоимости, для нас же нисколько, так как с двумя-тремя компаниями мы справимся так же быстро, как и с государством, если сначала захватим его в свои руки; что акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа, как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими, и огосударствление не прибавит в пользу этого никаких новых доказательств. Но Зингер слишком крепко вбил себе это в голову и согласился со мной только в том, что с политической точки зрения ваша отрицательная позиция — единственно правильная.

Почта отправляется. Сердечный привет тебе и Либкнехту.

Твой Ф. Э.

130.

Маркс — Э. Маркс

в Лондон.

Монте-Карло (Монако),

21 мая 1882 г. Гостиница «Россия».

Дорогое дитя!

Ты мой главный кредитор, и я действительно собирался написать тебе сегодня (воскресенье) длинное письмо, но человек предполагает, а термометр располагает. Сегодня *в виде исключения* стоит прекрасная погода, поэтому хочется провести день на свежем воздухе, вместо того чтобы «засесть за письмо», а вечером я писать не стану: я обещал это моим медицинским советникам. Расставаясь с приятелем Фермэ, я сказал ему: как только попаду на южный берег Франции, погода изменится. Я действительно «роковой» человек и горжусь этим своим качеством — пророчество отчасти исполнилось: *с начала января* на Ривьере была исключительно прекрасная летняя погода, лишь некоторые ворчуны жаловались на почти полное отсутствие дождя. С момента моего прибытия в Марсель 4 мая начались дожди, которые льют иногда по целым дням, часто полдня и почти всегда по ночам; общее понижение температуры, по временам холодные ветры; в общем непостоянная, переменчивая погода; воздух всегда или часто чрезмерно насыщен сыростью. При всем том здесь *сравнительно хорошая, теплая погода*, хотя и не такая сухая и постоянная, как это требуется для моих легких. Но ни в Италии, ни в других местах нет сейчас лучшей погоды: Канны, Монте-Карло и Ментона — три самые здоровые местности, с более ровной и более теплой средней температурой, чем Ницца, Рим и Неаполь.

Твой *Old Nick*.

131.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

Монте-Карло, 26 мая 1882 г.

Гостиница «Россия».

Дорогое дитя!

Я всегда счастлив, когда получаю письмо от тебя, хотя и сожалею, что твой *Old Nick* иногда лишает тебя ради этого части твоего ночного отдыха.

Мое здоровье улучшается вместе с погодою. Возможно, я перееду

в начале июня в Канны и пробуду там с неделю. Все зависит от совета врача и от того, каково будет в июне начало лета.

Газета Л. (имею в виду того, что с острова Кубы)¹ совершила несколько крупных промахов, больше по неведению и из ребяческого стремления быть как можно более передовой.

Что касается «Bataille», то до сих пор я не видел в ней ничего выдающегося. Правда, я ознакомился только с первыми четырьмя номерами, но я выберу время и просмотрю ее.

Сердцем я с тобой и с детишками; я соскучился по ним. Однако после целого ряда довольно неприятных «медицинских» экспериментов торопиться не следует. Во всяком случае, надеюсь скоро быть с вами.

Твой *Old Nick*.

132.

Маркс — Ж. Лонге

в Аржантейль.

Канны, 4 июня 1882 г.

Дорогое дитя!

Я приеду *в один из первых дней недели, начинающейся 6 июня*. Не могу указать точно. Это будет зависеть от обстоятельств, которые нельзя предвидеть заранее. Ты меня очень *обязжишь*, если не станешь справляться о точном дне и часе моего приезда. Я всегда замечал, что *ничто меня так не волнует, как встречающая меня на вокзале публика*. Не говори также никому (в том числе и гасконцу, русскому² и Гиршу), что ты меня ждешь на той неделе. Мне хочется полного покоя среди твоей семьи в № 11 на бульваре Thiers.

Твой *Old Nick*.

Под «покоем» я разумею «семейную жизнь», детскую возню, весь этот «микроскопический мирок», гораздо более интересный, чем мир «макроскопический».

133.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 20 июня 1882 г.

Дорогой Зорге!

Твои деловые поручения выполню в ближайшие дни. Плату за «Égalité» я передам Лафаргу, который находится в Париже, и потре-

¹ П. Лафарга.

² П. Лаврову.

бую от него расписку, хотя бы и неофициальную. Что касается «Labour Standard», то ты ничего не потеряешь, если я подпишусь на нее только с 1 июля. Газета становится все хуже.

Маркс пробыл около двух месяцев в Алжире, где у него, как я, кажется, тебе уже писал, опять обнаружился плеврит. Вылечившись, он поехал в Монте-Карло, в Монако, и снова получил плеврит, но в более легкой форме. Оттуда он недели три тому назад уехал в Париж и теперь находится у своей дочери, г-жи Лонге, в Аржантейле около Парижа, откуда ежедневно ездит в Энгьен для лечения тамошними серными источниками своего кашля и хронического катара дыхательных путей. Общее состояние его здоровья очень хорошо; что касается его дальнейшего маршрута, то это целиком зависит от врачей.

Присланный нам английский перевод «Манифеста» совершенно неприемлем без коренной переработки. Но ты понимаешь, что при данных условиях о ней и думать не приходится.

О Льве¹ вот уже несколько месяцев ни слуху, ни духу. Он большой чудаки, и его нужно предоставить самому себе. У меня нет даже его адреса. Кстати, с некоторых пор я получаю письма для Льва от д-ра Лилиентала из Нью-Йорка, которые я могу пересылать только через Париж. Кто этот Лилиенталь?

Претензии лассальянцев по прибытии их в Америку были неизбежны. Люди, мнящие себя единственными апостолами истинного евангелия, не могли выступить без претензий перед американцами, коснеющими еще в духовном мраке. К тому же, после того как в Германии почва все более и более стала уходить у них из-под ног, им необходимо было обосноваться в Америке. Зато мы счастливо избавились от них в Германии; в Америке, где все развивается в десять раз быстрее, с ними скоро управятся.

Надеюсь, твои глаза поправятся, если ты будешь их беречь. Мне тоже однажды пришлось с этим возиться, и я знаю, что это за противная история.

В общем дела в Германии идут прекрасно. Правда, господа партийные литераторы пытались вызвать в партии реакционно-буржуазный покорно-интеллигентский поворот, но с треском провалилась. Издевательства, которым всюду подвергаются рабочие-социалисты, сделали их еще более революционными, чем они были три года тому назад. Подробности об этом ты, вероятно читал в «Sozialdemokrat». Из вождей Бебель и на этот

¹ Л. Гартмане.

раз держал себя лучше всех. Либкнехт несколько колебался, потому что не только сам он готов без особого разбора встретиться с распротертыми объятиями всякого «образованного», слегка нахватавшегося социал-демократических идей, но и его зять, жирный увалень Бруно Гейзер, один из самых отчаянных нытиков. Эти господа во что бы то ни стало хотели ценою кротости, смирения и подлизыванья выклянчить отмену закона против социалистов, так безпардонно лишившего их литературного заработка. С падением этого закона (сами буржуа не рассчитывают на его продление теперешним или каким-нибудь другим рейхстагом, так как они убедились, что он не дает никаких результатов), раскол несомненно обнаружится и господа Фирекки, и Гёхберги, образовав из себя правое крыло, отпадут; с ними можно будет от времени до времени вступать в переговоры, пока они, наконец, совершенно не стушуются. Это мнение было нами высказано сейчас же после введения закона против социалистов, когда Гёхберг и Шрамм напечатали в «Jahrbuch» в высшей степени гнусную оценку партийной деятельности и требовали более благопристойного, воспитанного и элегантно-образного действия со стороны партии.

Привет Адольфу, он ничего не сообщает о себе.

Всего хорошего.

Твой Ф. Энгельс.

Скажи Адольфу, что у Пумпе родилась девочка.

134.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 21 июня 1882 г.

Дорогой Бебель!

На твое письмо мне придется отвечать по памяти, так как я отдал его Тусси для пересылки Марксу и с тех пор его не видал.

Маркс уже около трех недель в Аржантейле около Парижа у своей дочери; он, говорят, прекрасно выглядит, стал смуглым, как настоящий мавр (ты знаешь, что это — его прозвище), прекрасно настроен, но еще не разделался с бронхитом. Чтобы покончить с ним, ему пришлось, наконец, в угоду Фогту, стать членом

серной банды¹. Дело в том, что он принимает серные ванны по совету, в Энгиене. Вопрос о дальнейших его скитаниях решат врачи.

Относительно того, что рано или поздно дело дойдет до столкновения с буржуазно настроенными элементами партии и до разделения на правое и левое крыло, у меня уже давно не было никаких иллюзий, и в записке по поводу статьи в «*Jahrbuch*» я прямо заявил, что считаю это желательным. Что и ты пришел к такому же заключению — нас может только очень порадовать. В своем последнем письме я почти не упоминал об этом пункте, потому что, на мой взгляд, с расколом *специально нечего*. Если бы эти господа добровольно решились образовать отдельное правое крыло, то все бы прекрасно устроилось. Но вряд ли они на это пойдут; они знают, что будут представлять собою армию из одних офицеров без солдат, — вроде «колонны Роберта Блюма», которая во время кампании 1849 г. примкнула к нам и выразила желание «воевать под предводительством храброго Виллиха». Когда мы спросили, из скольких бойцов состоит героическая колонна, мы получили следующий ответ — можешь себе представить, как мы хохотали: полковник, одиннадцать офицеров, один горнист и двое рядовых. При этом полковник из кожи лез, чтобы походить на непоколебимого Шиндерганнеса, и у него был конь, на котором он и сидеть-то не умел. Все эти господа хотят быть вождями, но даже *выдавать* себя за вождей они могут, лишь оставаясь в нашей партии, и поэтому *они* поостерегутся вызвать раскол. С другой стороны, они знают, что и *мы*, пока остается в силе закон против социалистов, имеем основания избегать раскола, который мы не можем сделать предметом открытой дискуссии. Поэтому нам придется выносить их письменные и устные жалобы и стоны до тех пор, пока мы не получим снова возможность в самой стране и перед лицом рабочих размежеваться с ними по спорным вопросам как принципиальным, так и тактическим, — если только они не зайдут слишком далеко и не принудят нас к расколу раньше. А пока что — закон против социалистов так или иначе близится к праведной кончине, и как только он будет устранен, надо будет, по-моему, напрямик заявить о положении дел; тогда поведение этих господ само по себе покажет, как быть дальше.

Если они образуют отдельное правое крыло, можно будет от случая к случаю, поскольку это будет приемлемо, сговариваться с ними о совместных действиях, даже блокироваться и т. д. Вряд ли это, впрочем, понадобится: самый разрыв обнаружит их полное

¹ Карл Фогт и его друзья именовали Маркса вождем «серной банды» (Schwefelbände), т. е. банды поджигателей. См. т. XI, ч. 1, стр. 254 настоящего издания.

бессилие. У них нет ни связи с массами, ни талантов, ни знаний, одни только претензии, но зато — невероятные. Впрочем, там видно будет. Во всяком случае путем разрыва мы добьемся ясности и освободимся от совершенно чуждых нам элементов.

Нам нечего бояться, что у нас тогда не будет представительных кандидатов в рейхстаг. Это — чистейший предрассудок. Если какой-нибудь рабочий скажет в рейхстаге «мене» вместо «меня», то достаточно спросить, давно ли научились различать «мене» и «меня» Гогенцоллерны, не говоря уж о фельдмаршалах? И если Бисмарк не стесняется назначать рабочих, которые говорят с грамматическими ошибками, членами своего народно-хозяйственного совета, то можем ли мы в таких делах стесняться? Я знаю, что кое-кому это кажется ужасным. Нам — нисколько. К тому же это положило бы конец совершенно нелепой тактике наших депутатов — выступать всем по очереди, что якобы «демократично», но ни малейшего демократизма в этом нет. Откуда партия возьмет столько хороших парламентских ораторов и что будет, когда в рейхстаге окажется 200 наших?

На одно ты можешь вполне рассчитывать: если дело дойдет до столкновения с этими господами и левое крыло партии откроет свои карты, то мы, при всех обстоятельствах, пойдем с вами — притом активно и с поднятым забралом. Если я лишь теперь выступил под своим именем как сотрудник «Sozialdemokrat», то это объясняется только тем влиянием, которое упомянутые господа так долго оказывали на газету, и отсутствием в продолжение долгого времени гарантий того, что они не приобретут это влияние вновь.

В Париже, как ты знаешь, в рядах Рабочей партии раскол. На последнем конгрессе центральной Франции группа «Prolétaire» (Малон, Брусс и т. д.) без околичностей выставила за дверь группу «Égalité» (это — лучшие из наших: Гед, Девиль, Лафарг и т. д.). «Sozialdemokrat» совершенно правильно осудил подобный образ действий, а «Égalité» перевела это место. В ответ «Prolétaire» заявил: их группа якобы разъяснила свою позицию руководству германской партии и после этого между ними установилось полное согласие. Известно ли тебе что-нибудь об этом? Господа из «Prolétaire» — бесстыдные лгуны, но я, с другой стороны, помню очень много примеров того, как лейпцигский «Volksstaat» и «Vorwärts» совершали величайшие глупости в отношении французов и французских дел. Не сообщишь ли ты мне что-нибудь по поводу того, что произошло в действительности? Я постараюсь прислать тебе вырезку из «Prolétaire». Малон, Брусс и К^о находят роль рабочих кандидатов слиш-

ком скучной; они связались поэтому с несколькими радикальными буржуа и литераторами и приглашают остальных из той же породы примкнуть к этому союзу: они думают, что так их скорее выберут. Их приемы борьбы против «Egalité» — точь-в-точь старые гнусные приемы бакунистов.

Твой Ф. Э.

135.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 15 июля 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Спешу тотчас же ответить на Ваше последнее письмо, иначе из-за воскресенья письмо пойдет только через три дня.

О мерингиаде мне сообщил здесь один знакомый, я сразу же узнал автора и суфлера. С тех пор как планы Гирша насчет «Sozialdemokrat» потерпели тогда в присутствии Вас и Бебеля такое полное крушение, он проникся смехотворной яростью против «цюрихцев». Мы не раз недвусмысленно давали ему понять, что не будем его в этом поддерживать, что он действует всецело на собственный риск и страх, — но это имеет только тот результат, что он не беспокоит нас своими жалобами. Впрочем, он уже давно снова в Париже (где его терпят) и в прошлое воскресенье, 8 июля, женился на некой Лине Гашерт.

Что касается этого дела по существу, то у нас нет никаких оснований вмешаться. Меринг распускал про нас столько вранья, что мы косвенно признали бы правдой все остальное, если бы стали опровергать что-либо одно. Мы годами оставляли без внимания всю эту лживую болтовню, если только крайняя необходимость не вынуждала нас к ответу. Так как наши располагают «Volkszeitung», было бы достаточно простого сообщения о том, что 4 июня в «Sozialdemokrat» была напечатана моя статья за моей подписью. Это лучший ответ. Да и Вы сами можете, как Вы и предполагали, сослаться на это в «Sozialdemokrat» и прибавить, что Маркс и я всегда предварительно согласуем друг с другом наши публичные выступления. Я очень рад, что моя статья в «Sozialdemokrat» появилась именно теперь, это сокрушительный удар по всем этим глупостям.

Но в то же время я думаю, что Вы хорошо сделаете, оставив Гехберга в стороне. Ведь он же хочет являться только частным лицом и может поэтому сам выступить в свою защиту, если сочтет

это нужным. Не знаю, обрадуется ли он, если снова вытащить на свет старую историю со статьей в «*Jahrbuch*» и т. д., — если в связи с этим *внутри партии* возникли бы сомнения насчет нашей позиции, мы могли бы оказаться вынужденными вернуться к этому вопросу, что я, по крайней мере, считаю совершенно излишним.

Так как Маркс живет в Аржантейле совершенно уединенно и по возможности скрывает свое пребывание там, то он не встречался с Гиршем, по крайней мере насколько мне известно, и едва ли жаждет его видеть. Марксу нужен покой, и я не стану беспокоить его всей этой историей, пока это не будет абсолютно необходимым, т. е. пока Гирш не выкинет еще чего-нибудь.

Я получил от Каутского даже не одно, а два длинных письма о всякой всячине, но, как я уже Вам писал, у меня сейчас нет больше времени для такой обширной переписки, и к тому же, чтобы вникнуть в кое-какие отдельные вопросы и ответить на них, мне пришлось бы заняться их специальным изучением. Вот — единственная причина моего молчания.

О чартизме я не знаю решительно ни одной хорошей работы. Если бы мне удалось заставить нашего старого друга Гарни из Бостона (бывшего редактора «*Northern Star*») написать историю чартизма, то это был бы действительно подходящий человек.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

Я сам не поддерживаю абсолютно никакой переписки с Гиршем, так что у меня совершенно нет повода сообщить ему мой взгляд на эту историю. Если представится случай, я, конечно, им воспользуюсь.

136.

Энгельс — А. Гепнеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 25 июля 1882 г.

Дорогой г. Гепнер!

Ответ мой задержался из-за болезни и многократных переездов Маркса. Лишь в самое последнее время я мог вести с ним деловую переписку. Наше мнение о проектируемом Вами предприятии следующее.

Так как Вы там обладаете полным юридическим правом печатывать все появляющиеся в Европе издания, то, по нашему

мнению, лучше всего было бы, если бы Вы, никого не спрашивая, прямо воспользовались этим правом. Если Вы захотите переиздать «Коммунистический манифест», то мы ровно ничего не имеем против этого, нам и в голову не придет протестовать против этого, если только пропуски и изменения — совершенно недопустимые в историческом документе — или неуместные примечания не принудят нас к этому. Предисловия мы не можем Вам дать хотя бы из-за того, что мы не находимся вместе, а главным образом потому, что мы тем самым связали бы себя известной солидарностью с предприятием, следить за которым и контролировать которое мы не в состоянии, да и вовсе не желали бы. Таким же образом Вы можете по своему усмотрению решать и вопрос о других работах, которые Вы пожелали бы издать, не давая нам оснований когда-либо жаловаться по поводу того, какие книги Вы издаете наряду с нашими.

То же относится и к моему «Положению рабочего класса». Если Вы издадите эту работу без изменений, то я ничего не могу иметь против этого. Но если бы я дал Вам специальное разрешение, то моей обязанностью было бы снабдить книгу дополнениями и примечаниями, которые связывали бы ее с современностью, а на это потребовалось бы полгода работы. Кроме того, я пожелал бы в этом случае иметь гарантию, что начатое дело будет доведено до конца.

Надеюсь, мне удалось Вас убедить, что в Ваших же интересах действовать за собственный страх и риск. Мы, во всяком случае, препятствовать Вашему предприятию не станем, если не будем к тому вынужденными, а скорее — наоборот.

Что касается нового популярного изложения «Капитала», то у Маркса было с ними столько неприятностей, что к нему с этим и не подступиться, в особенности теперь. Но из *второго* издания популярного изложения, *сделанного Мостом*, Маркс устранил (это *между нами!*) все наиболее грубые ошибки и сделал некоторые дополнения, так что это изложение наиболее удачно и его можно было бы переиздать.

Больше, пожалуй, нечего Вам порекомендовать для переиздания. Лейпцигская литература сводится преимущественно к рассуждениям о социализме будущего и докторским диссертациям кандидатов в парламент. Французские работы Жюлье Гада большей частью хороши, но чересчур рассчитаны на французские условия. «Долой социализм!» Бракке, пожалуй, для Вас не подойдет. Парламентские речи Бебеля — лучшее, что появилось в Германии по нашей линии, но это вещи, написанные на злобу дня (*Gelegenheitsstücke*); Лассаль кипит экономическими ошибками, и вся

его точка зрения давным-давно преодолена. Брошюра Бракке «Предложение Лассалья» дает правильную, но не исчерпывающую критику.

Впрочем, — выбирайте сами. Наилучшие пожелания Вашему предприятию.

Ваш Ф. Э.

137.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон, 31 июля 1882 г.]

Дорогой Лавров!

Я бы уже давно поблагодарил Вас за присылку «Манифеста» на русском языке, но не мог Вам писать, ничего не сообщая о Марксе, а мне было строжайше воспрещено сообщать кому бы то ни было в Париже, что он находится в Аржантейле. К сожалению, указание врачей, которые предписали ему как можно меньше говорить, заставляет его еще *скрываться*.

К[овалевский] заходил ко мне, когда меня не было дома. Его видела только Элеонора Маркс; и он не оставил адреса. Он должен был уехать через несколько дней после своего приезда, но мне совершенно неизвестно, куда он направился. Как будто бы у него было намерение вернуться на родину. Элеонора Маркс в Аржантейле. Если Вы обратитесь к Лонге, то, может быть, узнаете больше.

Ваш Ф. Э.

138.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Отрывок.]

[Лондон, начало августа 1882 г.]

... как простая глупость, но как чисто бакунистская рекламная бесцельная «пропаганда действием». Если она не имела таких же последствий, как аналогичные глупости Геделя и Нобилинга, то только потому, что Ирландия все-таки находится не совсем в Пруссии. Предоставим поэтому бакунистам и мостовцам ставить подобные ребяческие выходки на одну доску с убийством Александра II и грозить «ирландской революцией», кото-

рой и в помине нет. И вот что еще следует запомнить, когда речь идет об Ирландии: никогда не хвалить безоговорочно ни одного ирландца, политического деятеля, и не солидаризироваться с ним, пока он не умер. Кельтская кровь и привычная эксплуатация крестьян (а в Ирландии все «образованные» сословия, в особенности же адвокаты, только этим и живут) развивают в ирландских политических деятелях большую склонность к коррупции. О'Коннелль брал с крестьян за свою агитацию целых 30 000 ф. ст. ежегодно. По поводу унии, за которую Англия роздала взятку на 1 000 000 ф. ст., кому-то из подкупленных бросили упрек: «Вы продали ваше отечество». Он ответил: «Конечно, и я был чертовски рад, что у меня было отечество для продажи».

Подлости, применяемые германскими правительствами, полицией и судьями по отношению к нашим людям, приобретают постепенно такой характер, что самые крепкие выражения при их оценке кажутся слишком бледными. Но так как одни лишь крепкие выражения не всегда придают достаточную силу языку и при постоянном повторении одних и тех же выражений, вроде негодяи и т. п., их эффект слабеет, так что приходится прибегать ко все более «крепким» выражениям, рискуя при этом впасть в стиль Моста—Шнейдта,— то желательно было бы прибегнуть к другому средству, которое могло бы обеспечить выразительность и без крепких слов. И такое средство существует: оно заключается в преимущественном использовании иронии, насмешки, сарказма, которые уязвляют противника больше, чем самые грубые слова возмущения. Мне кажется, хорошо было бы в «Sozialdemokrat» применять давно испытанный *иронический* тон всюду, где только возможно, как это уже и делается в последних номерах. Тем эффектнее будут звучать отдельные громовые удары. Бебель в этом отношении вполне согласен со мною, к тому же Ваши корреспонденты теперь уже и сами в достаточной степени заботятся об острой характеристике происходящего.

По поводу напечатанного в «Égalité» перевода того места из «Sozialdemokrat», где говорится об удалении ее сторонников с конгресса центральной Франции, «Prolétaire» помещает лицемерную статью об обмене любезными письмами между Комитетом внешних сношений германской рабочей партии и Французским национальным комитетом. Не можете ли Вы сообщить мне что-нибудь по этому поводу? О существовании такого Комитета внешних сношений я ничего не знал; уж не знаменитое ли это *бюро связи?*

«Bataille» находится при последнем издыхании. Это — поражение, и заслуженное. Лиссагарэ оказался никуда не годным

журналистом; он и его коллеги Малон и Брусс апеллируют к шовинистическому германофобству парижан против Геда и др.: марксисты, немецкая туманность (*nébulosités allemandes*) и т. д. Все это, однако, не помешало Лиссагарэ предложить владельцу «*Citoyen*» свое участие в редакции газеты! Редакция, разумеется, немедленно же это отклонила (это *между нами*).

. Маркс в Аржантейле у своей дочери, скрывается от парижан и лечится от хронического бронхита и кашля энгиенскими серными источниками; вообще же он поправился и чувствует себя хорошо, но ему приходится еще очень беречь себя.

Передал ли Вам Адольф Бейст «Тайную историю берлинского двора» *Мирабо*, которую я дал ему для Вас? Эту книгу «*Sozial-Demokrat*» мог бы очень хорошо использовать.

Ваш Ф. Э.

139.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру
в Женеву.

Лондон, 9 августа 1882 г.

Старый дружище!

Вчера я не мог отправить тебе перевод, но сегодня я уже это сделал, и тебе там выплатят 5 ф. ст., которые по курсу равны 126 франкам. Я был очень рад получить твое письмо и узнать, как тебе живется. Не знаю, чего бы я только ни дал, чтобы ты, Маркс и я опять могли собраться вместе, но в нынешнем году это вряд ли будет возможно; Маркса тебе, может быть, удастся повидать еще этим летом, но это будет зависеть от того, куда его пошлют врачи. Продолжение письма придется отложить на несколько дней, скоро отправляется почта, а мне нужно еще подробно написать Бернштейну относительно всякого рода дел.

А пока будь бодр и здоров, как всегда, и прими сердечный привет от твоего старого

Ф. Энгельса.

140.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 9 августа 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Сегодня наспех ограничусь лишь несколькими замечаниями, так как на-днях я уезжаю к морю и занят по горло.

1. О немецком издании «Утопического и научного социализма» я тоже давно уже подумываю, особенно с тех пор, как я увидел, что эта книжка произвела настоящую революцию в головах многих из наиболее передовых французов. Я рад, что наши мнения совпадают. Однако немецкий текст, как более лаконический, отличается и значительно большей трудностью, чем допускающий некоторые вольности французский. Сделать эту вещь популярной без ущерба для содержания, да так, чтобы она могла служить общедоступной, пропагандистской брошюрой, — задача трудная. Но я, когда буду на взморьи, попытаюсь сделать все, что в моих силах. Когда Вы можете приступить к печатанию, и сколько оно потребует времени? Мне, разумеется, надо будет присылать корректурные оттиски (двойные, как это делают французы, что представляет большие удобства).

2. Вы, разумеется, полагали, что при нашей старой дружбе Либкнехт имеет законное право попросить у Вас мое письмо и что Вы обязаны предоставить это письмо в его распоряжение. Я не нахожу в этом ничего такого, чем я мог бы быть недовольным. Вы не могли знать, что из многочисленных размолвок, происходивших между мною и Либкнехтом, четыре пятых были вызваны подобным же самоуправством с его стороны — опубликованием частных писем без разрешения, вздорными или прямо противоречащими смыслу текста примечаниями к моим статьям и т. д. На этот раз он тоже использовал мое письмо совершенно недопустимым образом. Письмо было написано в прямой связи с Вашей статьей. Либкнехт же подходит к нему так, будто в нем дано «мое» изложение ирландского вопроса *в целом*. Это ужасно легкомысленно, особенно когда против моего письма выдвигаются речи Девитта, которые в то время, когда писалось это письмо, *вовсе еще и не были произнесены* и которые не имеют никакого отношения к письму, потому что Девитт с его государственной земельной собственностью является пока еще только *симптомом*. Но так легкомысленно поступает Либкнехт всегда, когда ему хочется показать, что он «умнее всех». Что ж, пусть забавляется, но он не должен при этом злоупотреблять моими письмами. Этим он вынуждает меня просить Вас в будущем (я стараюсь выразиться как можно корректнее и дипломатичнее) давать ему мои письма, самое большее, для прочтения, не оставляя у него, однако, оригинала и не разрешая снимать копию.

3. Я сообщил Марксу о гиршо-мерингиаде то, что было необходимо, представив это в самом юмористическом виде, и боюсь,

что если Карлуше ¹ случится увидеть Маркса, то ему придется провести несколько не особенно приятных минут.

4. Мне кажется, что в египетском вопросе Вы слишком уж благожелательно относитесь к так называемой национальной партии. Об Араби мы знаем немного, но можно поставить десять очков против одного, что это обыкновенный паша, который не хочет уступить финансовым воротилам сбор налогов, потому что он, по доброду восточному обычаю, предпочитает загрести их в собственный карман. Тут повторяется обычная в крестьянских странах история. От Ирландии до России, от Малой Азии до Египта — в крестьянской стране крестьянин существует для того, чтобы его эксплуатировали. Так ведется со времен ассирийского и персидского царства. Сатрап — иначе, паша — олицетворяет собой главную восточную форму эксплуатации, так же как купец и юрист — современную западную форму. Непризнание долгов хедива — это, конечно, недурно, но спрашивается: что же дальше? Нам, западноевропейским социалистам, не следовало бы так легко идти на эту удочку, как идут на нее египетские феллахи или же... все романцы. Странно! Все романские революционеры жалуются на то, что они постоянно совершали революции в пользу других — это объясняется очень просто: их всегда ослепляло слово «революция». И все-таки, чуть где-нибудь вспыхнет мятеж, как революционный романский мир совершенно не критически приходит в восторг. Я считаю, что мы вполне можем быть на стороне угнетенных феллахов, не разделяя при этом иллюзий, которым они в данный момент подвержены (ведь крестьянскому народу нужно веками подвергаться обману, пока он поймет это на собственном опыте), и можем выступать против насилий англичан, вовсе не солидаризируясь из-за этого с их теперешними военными противниками. Во всех вопросах международной политики к сентиментальным партийным газетам французов и итальянцев следует относиться с величайшей осторожностью, и мы, немцы, и в этой области обязаны своим критическим отношением поддерживать наше теоретическое превосходство.

Довольно, однако, заниматься критикой! К сожалению, мне сегодня уже некогда послать Вам фельетон. Мне очень хочется на деле доказать бравому Карлуше, что за невероятные пустяки он наплев Мерингу о моем отношении к «Sozialdemokrat». Но скоро Вы получите фельетон и сможете тогда, если захотите, прямо указать на это

¹ К. Гишу.

в примечании, — разумеется, не называя Карлуши, которому теперь и так уж приходится просить пощады.

Сердечный привет. С побережья я пришлю Вам, если хоть как-нибудь управлюсь, письмо также и для милейшего Каутского; имеющиеся у меня его адреса вряд ли годятся. Последний был на имя какой-то женщины с французской фамилией, — надеюсь, что это действительно только *конспиративный* адрес?

Ваш Ф. Э.

141.

Энгельс — Ф.-А. Зорге
в Хобокен.

Лондон, 10 августа 1882 г.

Дорогой Зорге!

Прилагаю квитанцию от «Égalité». Лучшей у этих замечательных дельцов я не мог добиться.

С тех пор, как Лаура Лафарг в Париже, мы этой газеты не видим и ничего про нее не знаем. Уплачено было 14 шиллингов.

«Labour Standard» от 11 июля по 5 августа посылаю сегодня в двух пакетах. Было бы нелепо тебе на него специально подписываться. Я просто буду тебе отсылать свой экземпляр, вместо того чтобы бросать его в корзину.

Маркс еще в Аржантейле, принимает серные ванны в Энгвиене против хронического бронхита. Он должен очень остерегаться рецидива плеврита. Остальное знают врачи, а может быть и они не знают.

Очень спешу.

Твой Ф. Э.

142.

Энгельс — Э. Энгельсу
в Энгельскирхен.

Грет Ярмаут, 20 августа 1882 г.
10, Columbia Terrace.

Дорогой Эмиль!

Уже в течение 10 дней мы находимся здесь — Шорлеммер, Пумпс, малыш и я. Сладостная лень морского курорта повинна в том, что только сегодня я собрался тебе ответить.

Прежде всего, я сам отрекомендовал тебя Сэму Муру и просил его послать тебе адрес его городского бюро (у адвокатов эти бюро называют chambers), так как у меня здесь этого адреса нет, а в настоящее время его можно застать только там. В его лице ты найдешь образцового англичанина, обладающего всеми достоинствами своей нации и не имеющего ни одного из ее недостатков. Он, конечно,

тоже социал-демократ и говорит по-немецки, хотя и не очень свободно. Он охотно поможет тебе всем, чем сумеет, и принесет тебе больше пользы, чем я. Когда прошло почти 13 лет с тех пор, как оставил дела, и 12 лет с тех пор, как выехал из Манчестера, то имеешь уже мало влияния среди людей, первый принцип которых — руку руку моет. А Мур оставил дело только три-четыре года тому назад, живет еще среди них и потому скорее может чего-нибудь добиться. Я, например, даже не знаю, живы ли еще те люди, с которыми я имел дела, сохранилась ли их прежняя фирма и не продали ли они всего предприятия. Если бы тебя рекомендовали Эрменсу и Роби, это принесло бы не пользу, а вред; они не покажут тебе своей фабрики и в конце концов будут предостерегать от тебя на бирже знакомых прядильщиков и фабрикантов.

На фабрики вязальной пряжи и на ниточные фабрики тебе попасть не удастся потому, что, насколько я знаю, кроме фабрики Эрменса и Роби в Манчестере таковых не имеется. Есть всевозможные прядильные предприятия, но ты увидишь там только старые тростильные машины, потому что эти фабриканты продают пряжу в необработанном виде. Как легче попасть на фабрики — это зависит от условий в каждом отдельном случае, но в общем я всегда находил, что лучше всего действовать на чистоту с людьми, которым тебя рекомендовали, и откровенно сказать, кто ты такой. Попытки пробраться туда хитростью, делавшиеся многими немецкими прядильщиками, почти всегда приводили к тому, что их разоблачали и сообщали о них на бирже другим, после чего им уже ничего не показывали. Конкуренция здесь поставлена на гораздо более широкую ногу, чем в Германии, и мелкие уловки, которые там часто практикуются, здесь совершенно не удаются.

В начале октября туда возвращается Шорлеммер; он тоже может оказать тебе помощь. *Очень* полезна тебе будет прежде всего рекомендация от Эрмена и Энгельса к их крупной немецкой коммиссионной фирме, которая окажет тебе дальнейшую помощь и даже сумеет указать тебе, в каких случаях уместно будет умалчивать о том, кто ты такой.

Хватит на сегодня. Пора уже накрывать на стол. В общем живем мы здесь очень хорошо. Прекрасная погода, пильзенское пиво, морской воздух и морские купанья совершенно излечили меня от катара желудка, который был у меня в понедельник, в день твоего отъезда.

Пумпс и Шорлеммер шлют сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

143.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих

Лондон, 12 сентября 1882 г.

Дорогой г. Каутский!

Вы, право, должны извинить меня за то, что я так долго заставил Вас ждать ответа; у меня было столько всякого рода помех, что мне пришлось, для того чтобы ввязаться, наконец, за работу, отбросить все второстепенные дела и отложить всю переписку за исключением безусловно необходимой. И так как Вы своим колониальным вопросом поставили мне задачу, которую вовсе не так легко разрешить, то судьба эта постигла и Ваши письма, причем был забыт и Вальтер.

Если Вальтер и д-р Браун приедут сюда, то мне будет приятно повидать их, и я охотно сделаю для них все, что от меня зависит. Остальное уж приложится. Но *что* же Вальтеру здесь, собственно говоря, изучать? Этот вопрос надо ведь решить прежде всего. Социализм как таковой? Для этого ему незначем приезжать сюда, это он может сделать повсюду, кроме Австрии и Германии; к тому же источник для таких занятий, т. е. литература, которую стоит читать, будет исчерпана очень скоро. Экономия? Историю? Этого тут в Британском музее чрезмерное изобилие, так что неопытный человек рискует тотчас же заблудиться. Естественные науки? Для этого нужны лекции, которые здесь баснословно дороги. Я полагаю, что, прежде чем посылать его сюда, следовало бы установить определенный план его занятий, — по крайней мере, в главных чертах, — и если мне сообщат этот план, то мне легче будет судить о том, где этот план наиболее выполним, — здесь или где-нибудь в другом месте. К тому же без *некоторого* хотя бы знания английского языка молодой человек оказался бы здесь на мели. Ему было бы, я думаю, полезно с полгода позаняться французским и английским, чтобы он еще до поездки за границу научился хоть кое-как читать на обоих языках. Кроме того, если он хочет успешно заниматься, он должен вообще иметь кое-какие предварительные знания по истории, географии, а по возможности также и математике и естественным наукам. Как у него обстоят дела на этот счет, я не знаю, но если они у него хромают, то лучше всего отправить его сперва в Вену, чтобы он предварительно приобрел эти знания под руководством своих друзей и вообще сперва узнал, *каким образом*, живя самостоятельно, можно что-нибудь серьезно изучать. Иначе деньги в Лондоне будут

затрачены в значительной мере впустую. Вот как мне представляется это дело; может быть, все это и неуместно, но я ведь ровно ничего не знаю об уровне образования этого молодого человека и полагаю поэтому, что так или иначе я должен был на это указать. Если Вы дадите мне более подробные сведения на этот счет, то Вам ответа долго ждать *не* придется. Вы ведь знаете, что я вообще всегда стоял за посылку молодых и подающих надежды людей за границу, для того чтобы они расширили свой кругозор и стряхнули с себя неизбежные на родине местные предрассудки.

На Маркса в отношении Вальтера Вы особенно не рассчитывайте. Он вряд ли вернется раньше мая и тогда еще, вероятно, должен будет очень себя беречь, чтобы иметь возможность закончить свои работы. Теперь ему в особенности строго воспрещено говорить много, к тому же вечером он должен иметь покой, иначе он ночью плохо спит. Днем он, разумеется, предпочитает работать. Когда надо разделиться с застарелым хроническим бронхитом и притом после трижды повторявшегося острого плеврита приходится следить за тем, чтобы не только окончательно залечить болезнь, но и не допустить ее рецидива, и все это на 65 году жизни, — это уже само по себе причиняет достаточно забот.

Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. Так вот: они думают об этом то же, что они думают о политике вообще, — то же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь не существует рабочей партии, есть лишь консервативная и либерально-радикальная, а рабочим тоже перепадает не мало благодаря английской монополии на мировом рынке и в колониях. По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, — Канада, Капская колония, Австралия, — все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, — Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, — пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, — даже вероятно, — сделает революцию, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например в Алжире и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колос-

сальную силу и такой пример, что полудивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся уже одни экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода.

История в Египте затеяна русской дипломатией. Гладстону предоставляется взять Египет (который еще далеко не в его руках, и если бы это ему и удалось, то это еще вовсе не значит, что он сохранил бы его) для того, чтобы Россия могла завладеть Арменией, — по Гладстону, такой захват был бы опять-таки освобождением христианской страны от магометанского ига. Все остальное в этом деле — видимость, фарс, предлог. Удастся ли эта затея, скоро увидим.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

Д-р Закс прислал мне свою книгу о Тюрингии¹, будьте добры поблагодарить его от моего имени за это; как только прочту ее, я ему отвечу.

Мой условный адрес: Г-же П. В. Рошер, 122, Regent's Park Road, без внутреннего конверта. Это — Пумпс; кстати, у нее уже дочка. Пумпс, правда, больше у меня не живет, но это ничего не значит.

144.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 13 сентября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Из работы на курорте в Ярмауте ничего не вышло — пять человек в одной комнате, в том числе четырехмесячный ребенок моей племянницы, так что ничего нельзя было делать и вместо всякой работы я благодумствовал и поглощал превосходное пильзенское пиво. Но завтра я возьмусь за дело и не стану отрываться, пока не закончу брошюру.

¹ «Die Hausindustrie in Thüringen» («Домашняя промышленность в Тюрингии»).

Ваше предложение относительно предисловия о бисмарковском социализме вполне разумно и в известной мере совпадает с моими собственными желаниями. Но в предисловии с этой дрянью не управиться, оно вышло бы слишком растянутым. Кроме того, у меня нехватает материалов по страхованию от несчастных случаев и т. д., а именно — нет соответствующих законопроектов, без которых обойтись невозможно.

Эта тема давно уже вертится у меня в голове, и я вижу, что нужно все-таки об этом что-нибудь написать. И я решил написать (для «Sozialdemokrat») ряд статей (из которых каждая будет вполне законченным целым) о свирепствующем сейчас в Германии лже-социализме; их потом можно будет издать отдельной брошюрой. Первая часть: бисмарковский социализм — 1) покровительственные пошлины, 2) огосударствление железных дорог, 3) табачная монополия, 4) страхование рабочих. Но для этого мне нужно бы иметь: к 2) — курсовой бюллетень с указанием курсов огосударствленных за последнее время железных дорог (горно-бранденбургская, берлино-герлицкая, берлино-штеттинская, бранденбургско-познанская) невадолго до их огосударствления, а также, по возможности, цены, которые государство заплатило за эти дороги; к 4) — законопроект Бисмарка в том виде, как он был представлен рейхстагу.

Если вы можете мне это достать, то у меня будет достаточно материала.

Но к этому я присоединил бы еще вторую часть и в ней подвернул бы критике ряд туманных представлений, введенных в обиход Лассалем, о которых наши иногда все еще болтают, — например, «железный закон заработной платы», «полный продукт труда *рабочему*» (а не *рабочим*) и т. д. Эта часть еще нужнее первой; здесь необходимо, наконец, навести порядок, и если это разозлит кое-кого из лассальянских «вождей», которых, мы, к несчастью, приняли к себе, тем лучше. Так что вторая часть для меня, собственно говоря, самая важная.

Но мне кажется, что такая деловая критика святого Фердинанда кое-кому придется не по вкусу. Пожалуй, если такая вещь появится в партийном органе, это будет понято как провокации раскола внутри партии и как нарушение соглашения, заключенного в свое время с лассальянцами. В таком случае все целиком, как только будет написано, могло бы выйти отдельной брошюрой, без предварительного опубликования в «Sozialdemokrat».

Итак: или *все целиком* появится сначала в «Sozialdemokrat», а затем отдельной брошюрой, или же будет сразу издано отдельной

брошюрой, или, наконец, останется пока вообще ненаписанным. Вот как обстоит дело. А теперь выбирайте, что хотите, и посоветуйтесь, если нужно, с другими по этому вопросу. Но то, на чем мы остановимся, должно быть выполнено. Неприятностям, которые мне пришлось переносить с «Дюрингом», когда Мост заявил протест, я во второй раз подвергаться не желаю.

Впрочем, по поводу бисмарковщины и всего, связанного с нею, очень хорошо уже сказано в обеих статьях в «Sozialdemokrat», посвященных вопросу о возможной отмене закона против социалистов. Я предполагаю, что они написаны Бебелем¹; если же нет, то партия может поздравить себя со вторым человеком, который так великолепно умеет проникнуть в суть дела, отбросив в сторону все второстепенные соображения, и при этом пишет так просто и ясно. Статьи превосходны.

То, что Вы говорите в оправдание дряблости некоторых лиц в Германии, я тоже уже не раз себе говорил. При всем том, однако, это все то же искони немецкое отсутствие характера и силы сопротивления и стремление показать себя, не перед рабочими, а перед филистерами почтенным добряком, а совсем не таким ужасным людоедом, каким тебя считают. Все это люди, воображающие, что их крошечное образование абсолютно необходимо для освобождения рабочих, которые сами себя освободить не могут, а будут освобождены только ими. Освобождение рабочего класса возможно, по их мнению, только при помощи «образованного» мещанина; как могут бедные, беспомощные, «необразованные» рабочие сами этого добиться!

Каутскому я писал вчера. Он утверждает, что нашел там нескольких превосходных докторов философии: если они действительно хороши, они были бы весьма кстати.

Адольф Бейст может спеть Вам мелодию к «Брэйскому викарию». Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

145.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 сентября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Посылаю Вам предисловие и разделы I и II. Раздел III тоже готов, так же как и заключительная заметка, страниц на семь, о древне-

¹ Статьи были написаны Г. Фольмаром.

германском общинном землевладении (марке). Но я хочу это еще раз основательно просмотреть и поэтому несколько задержу у себя.

На рекламу в начале книги я не могу согласиться. Когда Лафарг выпускал французское издание и Малон прислал ему нечто крайне неудовлетворительное в этом роде, то Маркс вместе с Лафаргом написали это введение, которое там, быть может, и было уместным. Но для немецкого издания, выпускаемого мною самим, это совершенно неприемлемо. Между прочим, когда Маркс вернется, я, может быть, как-нибудь состряпаю для Вас брошюрку о немецком социализме от 1840 до 1852 г. Надо же когда-нибудь это сделать. Но большая часть материалов у Маркса, а куда он их засунул — одному богу известно.

Мне, конечно, нужно бы иметь *оба* законопроекта о страховании от несчастных случаев, а также все новые проекты социального характера, внесенные в рейхстаг осенью.

Решительное осуждение косвенных налогов было провозглашено нами еще в 1849 и 1850 гг., отсюда Лассаль и заимствовал его. Остальные же Ваши замечания о Лассале я принимаю к сведению. По поводу некоторых из них можно было бы кое-что возразить, но не в этом дело. *Личность* Лассалья остается совершенно в стороне, но мне придется все же положить конец иллюзии, будто Лассаль в экономической области (да и во всех других) был оригинальным мыслителем.

Очень рад, что автором статей оказался Фольмар; это доказывает, что он очень подвинулся вперед. С тем, что Вы говорите о законе против социалистов, я вполне согласен. Нам будет выгодно только в том случае, если закон этот будет отменен целиком и полностью. А это произойдет только тогда, когда в германскую политическую лавочку как-нибудь проникнет свежий ветер, когда наступят события, непосредственно подготовляющие революцию, — новая эра, конституция в России или что-нибудь в этом роде. Тогда мы, без всякого сомнения, приобретем большинство повсюду, где сейчас имеем сильное меньшинство, и завоюем все крупные города и вне Саксонии.

Так же как и Вы, на французов постоянно жалуются и все другие. Они всегда под влиянием минутных настроений и отдельных личностей. «Citoyen» я не читаю, «Égalité» получаю очень неаккуратно, не знаю даже, жива ли она еще, и поэтому никак не могу судить о последних выходках французов. Но одно несомненно: с Бруссом мира быть не может. Он был и останется отъявленным анархистом, признавшим лишь допустимость участия в выборах; при этом *он* и Малон вышибли других из Федерации центральной

Франции, обострили борьбу до крайности, и Брусс применяет в ней чисто бакунистскую тактику: клевету, ложь и всевозможные подлости. Пусть тактика других временами бывает нелепой и ребяческой, пусть она не достигает своей цели и делает для нас, иностранцев, совершенно невозможным выступать в их защиту (от чего мы здесь неуклонно отказывались), — но главное-то заключается в том, что раз навсегда никакое сотрудничество с Бруссом невозможно. Он не успокоится до тех пор, пока его маленькая клика типа «Альянса» не приберет к рукам все движение.

Впрочем, обе фракции «Рабочей партии», вместе взятые, составляют лишь ничтожно малую часть парижских рабочих масс, которые все еще следуют за такими людьми, как Клемансо (полемика Гедда против него также носила чересчур личный характер, да и вообще велась неправильно). Между тем, Клемансо вполне может развиваться и при известных условиях может пойти еще гораздо дальше, чем сейчас, в особенности если он поймет, что все дело в *классовой борьбе*; правда, поймет он это лишь тогда, когда будет к тому *вынужден*. Гедд вбил себе в голову, что «афинская республика» Гамбетты гораздо менее опасна для социалистов, чем «спартанская республика» Клемансо, и поэтому хочет предотвратить ее — как будто мы или вообще какая-нибудь партия в мире может воспрепятствовать стране пройти через исторически необходимые ступени ее развития. Он не учитывает также, что мы едва ли придем во Франции от республики в духе Гамбетты к социализму, не пройдя через республику в духе Клемансо. Но без такого понимания необходимой исторической связи и, тем самым, вероятного хода развития событий невозможна никакая успешная партийная политика. Однако я уже махнул рукой на этих людей и предоставил им делать что им угодно. Бельгийцы тоже ничего не добьются своими увещеваниями.

Племянницу и приемную дочь Дж.-Ст. Милля, приславшую деньги в избирательный фонд, зовут *Елена Тэйлор*, и, следовательно, ее нужно отличать от Эллен и т. д. Тэйлор; хотя оба имени по существу одинаковы, но они строго различаются между собой.

О Гарсиа я решительно ничего не знаю. Время от времени ко мне заходит кто-нибудь из Клуба, и при случае я наведу там справки. Кстати, кто пустил в «Citoyen» и «Bataille» утку о смерти Бебеля? Мы здесь, и Маркс в Веве, где он провел три недели, страшно испугались и не имели никакой возможности проверить это известие, пока в понедельник вечером в «Justice» не появилась телеграмма Либкнехта с опровержением; ведь на сообщения «Sozialdemokrat» мы абсолютно не могли полагаться, потому что он вышел еще в

четверг. Маркс теперь, вероятно, уже на пути обратно в Аржантейль, может быть он остановится на несколько дней в Женеве. Ему лучше, но из-за плохого лета успех его лечения сильно пострадал.

Прошу в двух словах подтвердить получение рукописи, а также прислать рукопись *вместе* с листами, конечно бандеролью. На сколько времени можно мне задержать у себя остальное без ущерба для дела?

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

146.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 23 сентября 1882 г.

Дорогой Бебель!

Нам пришлось пережить из-за тебя не мало волнений. Неделю тому назад, в пятницу 16-го с. м., в 10 часов вечера, ко мне явились двое из Союза с вопросом: верно ли то, что сообщается в двух номерах «Citoyen» (с некрологом), будто ты умер? Я ответил, что это весьма мало вероятно, но ничего определенного сказать не мог. Так как у меня сидел очень скучный человек, который все не уходил, хоть я больше с ним и не разговаривал, то я лишь после 11 часов смог побежать к Тусси Маркс. Она еще не ложилась. У нее оказалась «Bataille» — тоже с некрологом, без всякого указания на источник известия, которое, однако, сообщалось как вполне достоверное. Итак, все в смятении. Известие о величайшем несчастье, которое могло бы постигнуть германскую партию, становилось, по меньшей мере, правдоподобным. То, что английские газеты, увлеченные ликованием по поводу Египта, ничего об этом не сообщили, мне показалось вполне понятным. Далее, в субботу вечером я не получил «Sozialdemokrat», что правда, случается нередко; к счастью, в воскресенье утром я узнал, что Тусси получила свой экземпляр, и, судя по его содержанию, известие весьма неправдоподобно. Просматривать немецкие газеты в кафе не имело никакого смысла, потому что их ежедневно меняют. Так мы оставались в мучительном неведении, покуда, наконец, в понедельник вечером мы не прочли в «Justice» официальное опровержение.

То же самое произошло и с Марксом. Он был в Веве на Женевском озере и прочел это известие в реакционном «Journal de Genève», который, разумеется, сообщил это как неоспоримый факт. Крайне расстроенный, он в тот же день отправил мне письмо, которое

пришло как раз в понедельник вечером, так что ближайшей же утренней почтой я мог послать ему радостное сообщение о том, что все это — сплошная ложь.

Нет, дружище, таким молодым ты нас покинуть не имеешь права! Ты на двадцать лет моложе меня, и после того как мы рука об руку выдержим еще не одну жаркую битву, ты обяван оставаться под огнем и тогда, когда мое лицо застынет в последней гримасе. А так как те, кого по ошибке зачисляют в покойники, живут дольше всех, то ты, как и Маркс, осужден теперь, вероятно, на очень долгую жизнь.

Кто, черт возьми, пустил это идиотское известие? Не кроется ли за этим снова враль Меринг?

Получил ли ты мои последние письма два-три месяца тому назад — в частности то, в котором я отвечал тебе по поводу тайных элементов в партии?

За это время ты мог неоднократно убедиться в том, что твое пожелание о моем открытом сотрудничестве в «*Sozialdemokrat*» исполняется. Не далее, как вчера, я отправил Бернштейну, после основательной переделки и популяризации, две первые главы из тех трех глав «*Анти-Дюринга*», которые должны появиться на немецком языке, по примеру французского издания. Остальное уже готово, но, пока это не мешает печатанию, останется еще у меня, чтобы я мог еще раз как следует просмотреть эту самую трудную часть. В конце будет приложена большая заметка о древне-германском общинном землевладении. Когда ты сядешь за решетку, я советую тебе достать из какой-нибудь библиотеки: Г. Л. фон-*Маурер*. «*Einleitung zur Geschichte der Marken- Hof- Dorf- und Städteverfassung in Deutschland*» [«Введение в историю марки, двора, деревни и города в Германии»], и его же «*Geschichte der Markverfassung in Deutschland*» [«История марки в Германии»]. Необходимо, чтобы кто-нибудь в Германии, кто в состоянии без предубеждения и без «ученых» предрассудков разбираться в таких вещах, до некоторой степени ознакомился с этим вопросом. Указанные труды — основные, и знакомство с ними дало бы тебе солидную опору во всех прениях по аграрным вопросам и вопросам землевладения.

Фольмар порядком вырос, если судить по некоторым его статьям в «*Sozialdemokrat*» (о возможности отмены закона против социалистов). Меня очень порадовало бы, если бы это подтвердилось во всех отношениях. Нам дозарезу нужны дельные люди.

Маркс медленно оправляется от последствий своих трех плевритов. Против застарелого бронхита, очень мучительного и

причиняющего бессонницу, он в Аржантейле пользовался расположенными поблизости английскими серными источниками, но из-за скверной погоды и общего состояния его здоровья действие их оказалось менее благотворным, чем можно было почти наверняка ожидать. После этого он с г-жой Лафарг отправился на три недели в Веве; третьего дня он должен был выехать оттуда — сперва в Женеву, затем в Париж; если позволит погода, то он в октябре придет на несколько недель сюда. Зиму он ни в коем случае не должен проводить в Лондоне, но устроится ли он на юге Англии или где-нибудь в другом месте — решат врачи. Все-таки по письмам Маркса я вижу, что выздоровление, хотя и замедленное из-за плохого лета, все же неизменно подвигается вперед.

Где вы, собственно, друзья, теперь обретаетесь? «Малое» [осадное положение], кажется, всех вас — как Маркса его болезнь — превратило в летучих голландцев.

Передай сердечный привет Либкнехту, если его увидишь.

Вся египетская история была мезьей евреев (Ротшильда, Эрлангера и т. д.) за изгнание из Египта при фараоне.

Твой Ф. Э.

147.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 20 октября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Давно уже хотел написать Вам о французских делах, но только сейчас собрался это сделать. Тем лучше, я смогу, таким образом, убить сразу двух зайцев.

1) *Сент-Этьен*. Несмотря на благонамеренные советы бельгийцев, неизбежное совершилось, непримиримые элементы разъединились. И это хорошо. Вначале, при основании Рабочей партии, необходимо было допускать всех, кто принимал программу: если иные принимали ее со скрытыми оговорками, это должно было обнаружиться в дальнейшем. Мы здесь никогда не заблуждались насчет Малона и Брусса. Оба они выросли в бакунистской школе интриг; Малон даже участвовал в создании бакунинского тайного «Альянса» (один из 17 учредителей). Но, в конце концов, надо же было дать им возможность показать, отказались ли они вместе с бакунистской теорией и от бакунистской практики. Ход событий показал, что они приняли программу (и исказили ее, Малон внес целый ряд

ухудшений) лишь с тайным намерением ее провалить. То, что было начато в Реймсе и Париже, завершено в Сент-Этьене. Программа лишена своего пролетарского классового характера. Коммунистическое обоснование 1880 г. заменено мотивировками из устава Интернационала 1866 г., которые потому как раз и пришлось так вольно формулировать, что французские прудонисты были очень отстали, а исключить их все-таки нельзя было. Положительные требования программы аннулированы, так как каждой местности предоставлено право вырабатывать для всякой специальной цели свою особую программу, когда только ей вздумается. Мнимая сент-этьенская партия не только не является рабочей партией, но это вообще не партия, потому что у нее в действительности нет никакой программы: это, самое большее, партия сторонников Малона — Брусса. Тягчайший упрек, который оба они могли предъявить старой программе, заключался в том, что она больше людей оттолкнула от партии, чем привела к ней. Теперь это исправлено: у прудонистов и радикалов нет больше оснований оставаться вне партии, и если бы дело пошло так, как хочется Малону и К^о, «революционная каша», на которую жалуется Фольмар, была бы термином, официально выражающим [позицию] французского пролетариата.

Во всех романских странах (а может быть, и еще кое-где) всегда царила большая снисходительность в вопросе о съездовских мандатах. Многие из этих мандатов не могли вынести дневного света. Пока этим не слишком злоупотребляли и пока дело не имело большого значения, беда была не так велика. Но бакунисты превратили это (сначала в Юре) в систему, стали заниматься систематической подтасовкой мандатов и пытались таким путем захватить руководство. То же самое мы видим теперь в Сент-Этьене. В подготовке конгресса во всем целиком господствует старая бакунистская тактика, для которой все средства хороши — ложь, клевета, тайные происки. Это единственная область, в которой Брусс мастер. Но они забывают, что то, что может иметь успех в маленьких секциях и на небольшой территории, вроде Юры — неминуемо приведет к гибели тех, кто прибегает к подобным приемам и подвохам в настоящей рабочей партии большой страны. Мнимая сент-этьенская победа продержится недолго, и с Малонем — Бруссом скоро будет покончено навсегда.

Повидимому, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, как это вытекает из диалектических законов развития вообще. Германская партия стала тем, чем она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, в которой даже и настоящие драки играли немаловажную роль. Объединение

стало возможно лишь тогда, когда шайка прохвостов, специально с этой целью выращенная Лассалем, совсем уже изжила себя, да и тогда мы чересчур поспешно пошли на это объединение. Во Франции те люди, которые, хотя и пожертвовали бакунистской теорией, но продолжают пользоваться бакунистскими средствами борьбы и в то же время готовы принести классовый характер движения в жертву своим частным интересам, — тоже должны сначала изжить себя, прежде чем опять станет возможным объединение. Проповедывать при теперешних обстоятельствах объединение было бы чистейшим безрассудством. Моральные проповеди не помогут против детских болезней, которые при нынешних обстоятельствах неизбежны.

Впрочем, и руанцы очень нуждаются в постоянной и строгой критике. Они слишком часто одержимы революционной фразой и беспочвенной жаждой деятельности.

2) «*Citoyen*» — «*Bataille*». Уже летом, когда дело с «*Bataille*» обстояло плохо, деньги были истрачены на рекламу и т. п., капиталисты отвернулись, а Лиссагарэ порвал с Малоном — Бруссом, — уже тогда Лиссагарэ предложил Геду слить обе газеты, с тем, чтобы они вдвоем были главными редакторами и каждый имел бы право выбросить из редакции *другой* газеты трех человек. Таким путем Лиссагарэ рассчитывал устранить ненавистного ему Лафарга. Редакторы «*Citoyen*» единогласно отклонили это. Дела «*Bataille*» продолжали ухудшаться. Тогда Лиссагарэ сговорился о слиянии обеих газет с владельцем «*Citoyen*» (одним голландским финансистом), *за спиной ее редакторов*, надеясь этим маневром заставить их подчиниться себе. Но случилось обратное: редакторы «*Citoyen*» не прекратили выпуска газеты ни на один день и подали на владельца в суд за нарушение договора. Этим они провалили весь замысел Лиссагарэ, который чудовищно оскандалился и сам же это признал, прибегнув к последнему средству и вызвав «подлеца Лафарга», как он его называет в «*Bataille*», на дуэль, на что тот, надо надеяться, ни под каким видом не согласится. Можно с уверенностью сказать, что этой бонапартистской выходкой Лиссагарэ погубил себя навсегда. В момент, когда партии, для борьбы против сент-этьенцев, больше чем когда-либо нужна своя газета, — поставить ее существование на карту ради спасения своей собственной погибающей газеты, во что бы то ни стало изменить (если бы маневр удался) характер газеты, вступая при этом в союз с ее буржуазным владельцем против представителей партии, редакторов, — этого стерпеть нельзя.

Если прилагаемое составлено в слишком сильных выражениях,

смягчите их. Как обстоит дело с печатанием брошюры? Маркс здесь (это по секрету!), и надо надеяться, что он сможет провести зиму на английском побережье.

Ваш Ф. Э.

Это письмо уйдет в 5 часов вечера, 20 октября, значит Вы его получите завтра вечером или в воскресенье утром.

148.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 27 октября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Спешу сообщить окончание парижских историй, так как не думаю, что парижане присылают Вам материалы — нам самим здесь приходится насильно их выжимать у этой публики.

Итак, «Citoyen» продолжал выходить под старой редакцией, в то время как Лиссагарэ, спомощью двух анархистов, Мальса и Крие, редактировал «Le Citoyen et la Bataille». В пятницу вечером «Citoyen et Bataille» делает попытку конфисковать (через полицию) «Citoyen» за фельетон «Ванда Крылова», на который предъявил право собственности владелец прежнего «Citoyen» Бломмештейн, голландский финансист, теперешний компаньон Лиссагарэ. Благодаря своевременному предупреждению фельетон был снят, и явившийся для конфискации полицейский комиссар должен был ретироваться с носом. В воскресенье редакция «Citoyen et Bataille» заявляет, что в случае повторения попыток конфисковать «Citoyen», она в полном составе (3 человека) выйдет в отставку. В то же воскресенье вечером «Citoyen des deux mondes», как она была переименована по совету юристов, была конфискована за незаконное присвоение этого названия, опять-таки по доносу Бломмештейна. В понедельник, т. е. во вторник утром, газета выходит снова под названием «Citoyen International» и требует, чтобы редакция «Citoyen et Bataille» сдержала свое слово и вышла в отставку. Последняя и не думает этого делать. Мальс и Крие заявляют, правда, что *они*-то во всяком случае уйдут, но не уходят; Крие арестуют за мнимое соучастие в событиях в Монсо-Ле-Мин и сажают в тюрьму.

Между тем, редакция «Citoyen», которой ежедневно грозила конфискация, если она не изменит заголовка газеты, переименовала ее четыре дня тому назад в «L'Égalité», причем еженедельная

«Égalité» будет продолжать выходить. Не знаю, откуда у них деньги, — вот уж три недели мы не имеем от них никаких известий. Сегодня мы тоже не получили «Égalité». Выдающийся организаторский гений французов особенно проявляется у наших друзей в том, что они создали такую чудовищную путаницу, в которой никаких концов не найдешь.

Попытка прикончить «Citoyen» с помощью судов и полиции срывает с Лиссагарэ последний фиговый листок. Он представляет собой редкое по своим размерам сочетание глупости и подлости.

Маркс просит Вас прислать ему экземпляры швейцарского фабричного закона. Вы нас очень обяжете, если сообщите, в каком, приблизительно, году был принят действующий сейчас в Германии фабричный закон и есть ли это особый закон или часть имперского промышленного устава. Мы тогда сумеем его раздобыть. Марксу он нужен для третьего издания первого тома, и он обещает прислать Вам за это при случае что-нибудь для «Sozialdemokrat». Через несколько дней он уезжает на остров Уайт, где проведет, если все будет благополучно, всю зиму (это в 5—6 часах езды отсюда).

Ваш мистер Гарсиа — один из множества маленьких демократиков, которые бегают здесь по Лондону и участвуют во всех союзах. Их новейшим вождем или, как выражается Штибер, главным начальником является некий адвокат Гайндман, ярый демократический карьерист, провалившийся на последних выборах кандидат в парламент. Никто не идет за этими людишками, они поддерживают лишь друг друга. Они разделяются на разнообразные секты, к которым примыкает несектантское общедемократическое болото. Их главная забота — придать себе вес и значение перед публикой. Отсюда все это перечисление неизвестных знаменитостей в корреспонденциях Гарсиа. Добрых намерений у большинства из них сколько угодно, но достаточно сильно и стремление играть видную роль¹. Я посоветовал бы Вам поэтому быть *очень осторожным* с письмами этого человека: представить в виде влиятельной партии маленькую клику, которая в течение двадцати лет, под разными именами и в различной форме, оставалась все такой же ничтожной, — вот к чему сводятся, в конечном счете, все его старания. Но, мне кажется, «Sozialdemokrat» не для того существует, чтобы создавать европейскую известность этим усердствующим импотентам. Прилагаю билет одного из маленьких союзов, в котором Гарсиа состоит секретарем и куда он недавно приглашал меня прочесть доклад; я, разумеется, отказался.

¹ Игра слов: «Guter Wille ist bei den Meisten reichlich vorhanden, aber auch der gute Wille, eine Rolle zu spielen».

Жду с величайшим нетерпением материалов о Бисмарке. Если Маркс теперь уедет, я серьезно засяду за работу, и так как это работа большая, которая уж давно должна была быть сделана, то я *освобожусь не так-то скоро* и предупреждаю Вас заранее, что Вам тогда придется подождать. Будь у меня материалы здесь, я мог бы взяться за них сейчас же и управиться еще *до этого*. Бебель обещал, но ничего не прислал, а тут еще он того и гляди засядет в кутузку, куда уже угодил Либкнехт; а от остальных я тем более ничего не получу.

Прилагаемое — для Каутского. Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

149.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 28 октября 1882 г.

Дорогой Бебель!

Наконец-то я собрался тебе написать — Маркс уже около трех недель снова здесь, послезавтра он едет на остров Уайт; за все это время у меня не было ни минуты покоя.

Из статей Фольмара мне очень понравилась именно первая: в ней он воздал должное господам нытикам из «правого крыла», которые добиваются отмены исключительного закона, хотя бы и на таких условиях, которые для партии были бы хуже, чем самый закон, — только бы вновь обзавестись газетами вроде «*Gerichts-Zeitung*» и таким образом вернуться в свой старый литературный хлев. Этим господам — а статья только против них и была направлена — следовало, по моему мнению, разъяснить, что *добровольная* отмена закона против социалистов может очень легко произойти на условиях, которые ухудшат положение *партии*; следовало подчеркнуть, что путем унижительного попрошайничества нам менее всего удастся избавиться от исключительного закона.

Впрочем, этот вопрос и для меня — вопрос академический. Я думаю, что закон будет сметен событиями, которые послужат вступлением к революции и которых долго ждать не придется.

Вторую статью я лишь бегло просмотрел, так как в это время два или три человека мне непрерывно мешали, иначе я заметил бы французское влияние в том, как автор представляет себе революцию, и по одному этому сразу узнал бы нашего Фольмара. Ты вполне правильно уловил эту сторону дела. Фраза о «единой реакционной

массе» здесь находит, наконец, мнимое осуществление: все официальные партии, сбитые в один клубок, — *здесь*; мы, социалисты, в стройном отряде, — *там*; великая решающая битва — и сразу победа по всей линии. В действительности все это происходит не так просто. В действительности революция, напротив, начинается, как ты и отметил, с того, что огромное большинство народа, а также и официальные партии объединяются *против* изолированного благодаря этому правительства и свергают его; и лишь после того, как те из официальных партий, которые смогли еще удержаться, в борьбе между собой одна при помощи другой и едва вслед за другой потерпят крах, только после этого наступит развязка, о которой говорит Фольмар, и вместе с тем и возможность нашего господства. Если бы мы с Фольмаром вздумали начать революцию немедленно с ее *последнего акта* — нам пришлось бы очень плохо.

На заключительные слова о новой тактике я тогда обратил мало внимания, — во всяком случае, имея под рукою уголовный кодекс, в этих словах можно найти много такого, за что в два счета *упекут в кутузку*. Не беда, однако, если время от времени палку перегнут в эту сторону, ведь и в другую сторону ее перегибают не мало. Но если я на это место обратил слишком мало внимания, то ты, по-моему, отнесся к нему слишком уж серьезно, и ты видишь по ликованию Фирекка в «*Süddeutsche Post*», как правое крыло пытается использовать твой ответ. Не думаю, чтобы под влиянием статьи Фольмара наши товарищи в Германии так-таки сразу и усвоили его манеру выражаться. Только требование Фольмара, чтобы мы объявили: «мы организуемся тайно», следует безусловно отклонить.

Материалов о Бисмарке жду с нетерпением, но теперь, когда вы оба сидите, мне придется, вероятно, еще подождать. Если я, однако, тем временем увязну в другой большой работе, которая у меня тоже давно на очереди, то не смогу прервать ее, и Бисмарку придется повременить.

Во Франции произошел долгожданный раскол. Сотрудничество Геда и Лафарга с Маленом и Бруссом было, впрочем, при организации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо оппортунистически (в переводе на социалистический язык: *поссибилистски*) отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов,

больше сторонников? Малон и Брусс высказались за последнее; тем самым они пожертвовали пролетарским классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением. Мы в Германии уже прошли первый этап этой внутренней борьбы, другие нам еще предстоят. Единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства. Кто, подобно Марксу и мне, в течение всей своей жизни боролся, больше, чем против кого бы то ни было, против мнимых социалистов (буржуазию мы воспринимали как *класс* и почти никогда не ватевали единичных схваток с буржуа), — тот не станет сокрушаться из-за того, что неизбежная борьба разразилась.

Надеюсь, что письмо это дойдет до тебя, прежде чем ты окажешься за решеткой. Маркс и Тусси шлют сердечный привет. Выздоровление Маркса идет полным ходом, и если плевроит не повторится, то будущей осенью Маркс будет крепче, чем когда-либо в течение всех последних лет. Если ты встретишь Либкнехта в «Käfigtum» [в тюрьме] (как говорят в Берне), кланяйся ему от всех нас.

Твой Ф. Э.

150.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 2—3 ноября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Я все еще не получил корректуру (*только что прибыла*, 3 ноября). Зато я получил от Бебеля законопроект о страховании от несчастных случаев и болезней 1882 г., но не первоначальный проект, представляющий бисмарковский социализм *в чистом виде*, не подвергшийся влиянию парламентских голосований (было бы очень желательно получить именно этот проект, вместе с прочими материалами, относящимися к *банку* для страхования от несчастных случаев, без этого ничего нельзя сделать).

Большое спасибо за «маркиза Познанского»¹. По остальным железным дорогам мне эти подробности не нужны. Достаточно *курса в начале или в середине 1879 г.* (до того, как стало известно что-либо

¹ Marquis-Posener = биржевое прозвище Märkisch-Posener Eisenbahngesellschaft (Общество Бранденбургско-Познанской железной дороги).

об огосударствлении железных дорог); разницы между тогдашним и нынешним курсом достаточно, чтобы показать, как государство купило буржуазию.

Лассаль во многих отношениях был хорошим юристом и достаточно изучил римское наследственное право, чтобы своими познаниями импонировать юристам (это было его любимым выражением). Осматривая в Британском музее камень из Розетты, он сказал Марксу: «Как ты думаешь, стоит ли мне потратить полгода на то, чтобы импонировать египтологам?» В Германии достаточно, если кто-нибудь развивает тот или иной пункт с точки зрения определенной теории, а юристы позабыли ныне, что теория, которую развивал Лассаль, *буквально заимствована из гегелевской философии права и философии истории* и что в применении к римскому наследственному праву она к тому же еще и неверна; это право надо выводить не из «воли», как учит Гегель, а из истории *римского gens, родовой семейной общины*, о которой юристы большею частью тоже не очень-то много знают. Впрочем, я сказал ведь только, что мне придется разрушить легенду о Лассале как *оригинальном мыслителе*, а это совершенно необходимо.

Письмо Лафарга в «Prolétaire» мне неизвестно, попробую запросить его из Парижа, но оттуда едва ли удастся получить. Если письмо еще у Вас, прошу мне его прислать. Я Вам его верну. Вообще говоря, Малону следовало быть осторожнее, у Лафарга куча компрометирующих писем от него.

Нелепая статья Пикара во всяком случае *была дезавуирована* в «Citoyen», Маркс сам это читал. Впрочем, человек, пославший Вам статью с подчеркнутыми синим карандашом местами, не знает французского языка; он *подчеркивает, как шовинистическое заявление «Citoyen», такое место, которое Пикар вкладывает в уста «буржуазных эксплуататоров... патриотической лиги... во главе которой стоит Гамбетта!* Я подчеркиваю это место красным карандашом. Пикару угодно быть в оппозиции к Геду, и он протащил свою статью, чтобы напакостить ему; если бы там могла быть порядочная редакция, этой ерунды не поместили бы.

Перейду теперь к «отнюдь не порядочному поведению редакторов «Citoyen» в деле Годара». Случайно это дело нам в точности известно; Марксу об этом не раз рассказывали в Париже лица, принимавшие в нем участие, а также и совершенно посторонние. После инцидента, происшедшего на каком-то собрании, Годар отправляется в редакцию «Citoyen», где Гед, все еще питающий некоторую *личную нежность* к своим бывшим анархистским собратьям, встречает его очень дружелюбно. Вдруг, среди мирной беседы, без малейшего повода, Годар

наносит Геду сильный удар в лицо. Подбегают остальные. Годар с анархистской трусостью ретируется в угол: не станут же его, пленника, бить. И наивные сотрудники «Citoyen», вместо того, чтобы как следует намять ему бока, держат совет и решают, что действительно его надо отпустить, потому что он пленник!! Годар, к сожалению так и не отведавший палки, воспользовался случаем и тут же задал стрелкача. Но на следующий вечер, когда большинства редакторов заведомо не было на месте, дюжина вооруженных (дубинками и т. п.) анархистов ворвались в редакцию и с угрозами потребовали удовлетворения. Однако Массар держался твердо, и им пришлось убраться ни с чем. О случившемся известили Федерацию центральной Франции, которая несколько вечеров посылала рабочих для охраны редакции, и господа анархисты больше не появлялись.

Но я все-таки попросил бы Вас сообщить мне, в чем собственно заключалось «отнюдь не порядочное» и т. д.

Из всего содержания Вашего письма я вижу, что Вы не получали регулярно «Citoyen» и поэтому должны были ограничиваться, кроме «Égalité» и «Prolétaire», сообщениями парижских товарищей, которые в свою очередь пользовались исключительно лишь информацией Малона и К^о и, повидимому, проявили по отношению к ним порядочное легкоеверие. Но партийный орган, по-моему, ни в коем случае не должен допускать, чтобы его суждение о рабочем движении другой страны определялось преимущественно под влиянием товарищей, временно находящихся в столице этой чужой для них страны. Немецкие союзы за границей — безусловно наилучшие источники информации о заграничном движении. Они редко в состоянии получить представление о движении в целом; будучи большею частью ограничены лишь узким кругом определенных связей, они не могут поэтому идти в ногу с окружающим их движением и, к тому же, они воображают, что до сих пор еще представляют собою нечто значительное даже по сравнению с массами в самой Германии. Могли бы мы свободно судить о движении или отсутствии движения в Англии, если бы стали хоть сколько-нибудь считаться с неустойчивым большинством здешнего Союза? А не относятся ли немецкие союзы в Нью-Йорке столь же некритически к американскому рабочему движению? Каждый союз требует прежде всего, чтобы за ним признавали известное значение, и поэтому, если у него нет очень энергичного и разумного руководства, легко попадает в сети иностранных ловкачей.

Ваши неоднократные уверения, что «марксизм» сильно дискредитирован во Франции, опирается ведь тоже на этот единственный

источник, т. е. на *перепевы Малона*. Правда, так называемый «марксизм» во Франции совсем особого рода, такой, что Маркс сказал однажды Лафаргу: «Ясно одно, что сам я не марксист». Но если «Citoyen» расхотелся прошлым летом в количестве 25 000 экземпляров и занял такое положение, что Лиссагарэ поставил на карту свою репутацию, чтобы захватить его, то это все же как будто противоречит пресловутой дискредитации. Но еще больше противоречит этому тот факт, что дискредитация не помешала этим людям пользоваться таким кредитом, что после их изгнания из «Citoyen» они *в тот же день* основали новую большую газету, охраняли ее целых две недели, *почти исключительно* благодаря поддержке *рабочих и мелкой буржуазии* (ouvriers et petits industriels, — пишет Лафарг), от происков владельца старого «Citoyen» и нашли капиталиста, с которым они завтра должны окончательно решить вопрос относительно издания газеты. Перед лицом столь красноречивых фактов Малону придется, вероятно, оставить при себе свою «дискредитацию». А «кредит» самого господина Малона так велик, что когда он попросил Ропшфора увеличить ему гонорар за его статьи в «Intransigeant», тот ответил: «Я буду вам больше платить, *если вы будете меньше писать*». Пусть Малон попробует без гроша в кармане основать в Париже ежедневную газету и покажет, каким кредитом он пользуется!

Однако довольно об этом. Я просил Лафарга посылать «Égalité» в порядке обмена в «Sozialdemokrat», и он пишет мне сегодня, что сделает это, так что Вы будьте любезны в свою очередь посылать ему «Sozialdemokrat». Если Вы не будете регулярно получать «Égalité», то Вам надо будет только черкнуть несколько слов — открытку — по адресу: П. Лафарг, 66, Boulevard du Port Royal, Париж.

Что касается статей Фольмара, то именно первая из них, направленная своим острием против людей, которые кричат об отмене закона против социалистов *любой* ценой, была очень хороша и убедительна. Вторую я лишь бегло просмотрел, собираясь уезжать и находясь в обществе трех-четырех громко разговаривавших людей. Иначе я не отнесся бы так легко, как я это сделал, к тому, что он в конце требует, чтобы партия взяла чрезмерно угрожающий тон. В этом вопросе Бебель прав, но я думаю, что он отнесся к нему чересчур серьезно. Недостаток второй статьи (который я заметил, но которому не придавал значения) заключается в ребяческом представлении, что ближайшая революция должна будет *начаться* с разделения всего мира на два лагеря: «здесь гвельфы, там гибеллины»; с одной стороны — мы, с другой — вся «единая реакционная масса». Это зна-

чит, что революция должна начаться с пятого акта, а не с первого, в котором все оппозиционные партии совместно выступают против правительства и его промахов и таким образом одерживают победу, после чего среди победителей отдельные партии одна за другой, изжив себя, сходят со сцены, что, в конце концов, заставит народную массу целиком перейти на нашу сторону, и тогда уже сможет развернуться знаменитый решительный бой Фольмара. Но этот пункт был в данном случае второстепенным, суть статьи — в доказательстве, что если бы дела пошли согласно желанию господ из «правого крыла», то мы могли бы избавиться от закона против социалистов на условиях, которые были бы для партии хуже, чем самый закон, но зато эти господа получили бы возможность опять издавать газеты вроде гамбургской «*Gerichtszeitung*» и т. п. и выдавать их за партийные органы. В этом я вполне согласен с Фольмаром, о чем написал и Бебелю.

Вчера я послал на Ваше имя (137, Alte Landstrasse, Riesbach) почтовый перевод на 12 шилл. = 15 фр. 10 сант. в оплату моей и Маркса подписки. Прошу известить меня о сроке следующего платежа.

Поздравляю с вступлением тиража в седьмую тысячу!

Ваш Ф. Э.

После Вашей поправки в предисловии всякое упоминание о виденской конференции становится излишним, поэтому я его вычеркиваю. Прошу присылать мне по *два* экземпляра корректурных листов. Корректуру отошлю сегодня или завтра.

151.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 4 ноября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

«Почтительнейше подтверждая отправку моего вчерашнего письма, имею счастье уведомить Вас о получении Вашего почтенного письма от 1-го с. м. и спешу ответить на него». Как видите, старый конторский стиль еще не совсем позабыт. Пишу Вам тотчас же, чтобы избавить Вас от множества лишних хлопот. Очень любезно с Вашей стороны, что Вы выкапываете и присылаете нам все эти книги, но «в настоящий момент мы, право, не можем

воспользоваться ими». Дело в том, что в третьем издании Маркс хочет только исправить и дополнить данные о нынешнем состоянии фабричного законодательства, а для этого ему нужен точный *текст самих законов и больше ничего*. Второстепенные вещи, вроде правил об охране труда, об ответственности и т. д., для *этой* цели не имеют никакого значения. А что мне еще нужно для работы о Бисмарке, я писал Вам вчера: курсы [акций] шести недавно огосударствленных железных дорог от начала или середины 1879 г. и законопроекты Бисмарка по страхованию от несчастных случаев и т. д. в *первой* редакции. Если мне понадобится новое издание Залинга, которое должно вскоре выйти (я очень Вам благодарен за то, что Вы обратили мое внимание на это), то я в течение четырех-пяти дней сумею достать его здесь.

Очень признателен за Ваши сообщения о Гарсиа; ведь неизвестно, где еще придется с ним встретиться. То, что он говорит об агитации некоторых трэд-юнионистских лидеров за проведение туннеля под каналом, совершенно правильно. Это все те же лица, которые всегда охотно продавались радикальной буржуазии (при Морли), на этот раз к ним присоединился Дж. Шилтон, редактор «Labour Standard». То, что компания по сооружению туннеля оплачивает их, не подлежит никакому сомнению; из одного энтузиазма они не стали бы тратить деньги на путевые расходы и т. д. Все это, правда, довольно невинно, но все же Шилтон уже отведал теперь буржуазных денег, и при его безграничной слабыхарактерности и погоне за популярностью это может его далеко завести. Девственность утрачена, и поседевшие в интригах прочие «представители рабочих» скоро, вероятно, окончательно приберут его к рукам.

Охотно верю, что из Парижа Вас бомбардируют письмами в пользу Малона и против Геда. Но корреспондент, которого Вы цитируете, сам выдает свою некомпетентность в этом деле, заявляя, что пишет под влиянием разгоревшейся в данный момент травли немцев, и упрекает Вас в том, что Вы выполняете свой долг редактора партийного органа, т. е. рассматриваете дело «с высоты птичьего полета», критически и в целом, и не поддаетесь, как он сам, впечатлению мимолетных и имеющих лишь местное значение эпизодов. И если этот человек два месяца спустя все еще носит с той же злополучной статьей, если на основании одного только этого случая он делает заключение о значительной фракции рабочих, то неужели и партийный орган должен быть столь же ограниченным? Если в Париже есть множество несоциалистических и полусоциалистических рабочих, изливающихся свой шовинизм на ненавистных немцев, то отвечает ли за

это «Citoyen»? Во всяком случае не больше, чем немецкие социалисты в Париже за то, что есть много несоциалистических немецких рабочих в Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке и в целом ряде крупных американских городов, которые соглашаются, когда вопрос ставится ребром, на уменьшение заработной платы, снижают этим заработную плату местных рабочих (а в Америке даже ирландцев!) и создают, таким образом, массе немецких рабочих не совсем незаслуженную дурную репутацию. И, наконец, если статья эта так уж стала ему поперек горла, почему он не *выступил против нее*? Статья была дезавуирована, — правда, в довольно мягкой форме, — но Маркс говорит, что, по понятиям парижских журналистов, это была вполне удовлетворительная форма, в какой любая тамошняя газета обычно дезавуирует своего попавшего в просак редактора, когда на газету не оказывают *давления*. А такое давление можно было оказать, и очень просто. Достаточно, чтобы было написано письмо с протестом и отнесено кем-либо или какой-нибудь депутацией в контору газет, чтобы редакция вынуждена была отнестись к делу серьезно. Если бы дежурный редактор (им ведь мог бы оказаться и сам Пикар) стал чинить препятствия, достаточно было пригрозить, что если письмо не появится завтра в «Citoyen», то оно в тот же день будет послано в Цюрих в «Sozialdemokrat». Возможно, Ваш корреспондент недостаточно владеет французским языком, тогда можно было обратиться к Фольмару; в случае отсутствия Фольмара Гирш охотно сделал бы это. Если бы эти люди поступили таким образом, они внушили бы уважение к себе и дали бы полезный урок «Citoyen»; я бы тогда очень порадовался этому. Но сначала переносить все с овечьей кротостью, а потом хныкать, — это чисто по-немецки и навлекло на немцев заслуженное презрение. Если бы *мы* стали терпеть подобные вещи со стороны французов и англичан, если бы наши в Германии были так же бесхребетны, к чему бы это нас привело? Прежде чем требовать, чтобы партийный орган считался с их мнением о французском движении, немецкие социалисты в Париже должны сначала доказать, что они, во-первых, вообще способны к непредвзятой и беспристрастной критике, а во-вторых, — что они умеют *стоять за себя* перед французами. Здесь не было ни того, ни другого.

Относительно вредности ежедневной газеты в Париже я не могу с Вами согласиться. Ежедневный орган оказывает в *Париже* влияние только на узкие круги; для того, чтобы влиять на массы, надо иметь ежедневную газету. Мы тоже были против ежедневной газеты, когда не было никаких шансов ее получить и когда произошло

ребяческое переселение «Emancipation» в Лион. Теперь дело обстоит иначе. «Citoyen» создал в Париже имя себе и своим редакторам, буржуазные газеты всех оттенков вынуждены были вступить с ним в полемику и были разбиты на-голову, и теперь потерять ежедневную газету было бы большим поражением. Этому несколько не противоречит то, что газета эта не может быть идеальной, совершенной, что ее мнимо-демократическое редактирование целым комитетом часто сводится на деле к отсутствию всякой редакции, как в случае со статьей Пикара. Но Лафарг прислал мне недавно около 20 номеров, в которых говорится о расколе, и я вовсе не нахожу, чтобы газета была так уж плоха, за исключением некоторых пунктов, за которые их давно уже бранили и которые встречались бы и в еженедельнике. Газета, выходящая два раза в неделю, немислима, это заранее скажет всякий, кто знаком с условиями парижской печати — она была бы *мертворожденной*. Или еженедельник — или ежедневная газета. А на издание газеты у бывшей редакции «Citoyen» сейчас, во всяком случае, имеются очень большие шансы, как показывает ее быстрое превращение в ежедневную «Egalité», тираж которой в Париже уже сейчас превышает 5 000 экземпляров.

Теперь о митинге Клемансо. Прилагать к этому, как и к прочим парижским событиям, немецкую мерку абсолютно невозможно. Когда Гамбетте не дали говорить в его избирательном округе, вся радикальная и социалистическая печать торжествовала. Теперь то же самое произошло с Клемансо. Клемансо — спокойный, расчетливый человек, вполне готовый идти дальше, если он видит в этом необходимость, и готовый даже сделаться коммунистом, если его в этом удастся *убедить*: «Convainquez-moi donc!» [«Убедите же меня!»]. И рабочие его избирательного округа применяют весьма действительное средство убеждения, показывая ему, что его депутатское место в опасности. Это, может быть, подстегнет его несколько вялое изучение социализма.

Но кто же те люди, которые это сделали? Только ли Гед и К^о? Нет, ведь председателем собрания был Жоффрен, друг Малона и будущий противник Клемансо на выборах в Монмартре! Значит, наши вели себя, как и всегда, когда ведется борьба с буржуазией, настолько прилично, что голосовали за малоновского председателя и были заодно со сторонниками Малона. Если поведение рабочих заслуживает упрека, то упрек этот относится к сторонникам Малона в гораздо большей мере, чем к сторонникам Геда.

Фраза в «Citoyen» говорит только о том, что такой тактики против Клемансо следует держаться и впредь. Раз она оказалась успеш-

ной, то почему же не продолжать ее и в дальнейшем? Это еще вопрос, в состоянии ли «Proletaire» отплатить «Égalité» той же монетой на собраниях. До сих пор я не видал ничего, что дало бы мне основание это предполагать. Но если так оно сейчас и произойдет, это ровно ничего не значит и едва ли будет долго продолжаться.

А теперь, наскоро, до отправления почты, — иначе это письмо уйдет только в понедельник утром, — несколько слов о проектируемой Вами кампании за изменение программы. Я считаю ее крайне несвоевременной. Программа нехороша, но решительно никто не говорит больше об этом. Изменение программы надо производить таким образом, чтобы не к чему было придраться. Стало быть, пока нельзя выбирать делегатов открыто и, значит, пока можно оспаривать *любой* мандат, лучше будет без крайней нужды программы не трогать. Изменение программы дало бы повод правому крылу корчить из себя истинных блюстителей партийных принципов, верных старой, испытанной программе, и т. д. Подумайте же хорошенько, прежде чем бросить это яблоко раздора в партию, связанную по рукам и ногам.

Величайшая опасность всякой политической эмиграции заключается в ее жажде деятельности: должно же что-то происходить, надо же что-то делать! И вот, делают вещи, в значении которых не отдают себе отчета и которых, как потом убеждаются сами, лучше было бы не делать. Может быть, Вы и Фольмар тоже немножко страдаете жаждой деятельности? В таком случае, берегитесь самих себя!

Сердечный привет!

Ваш Ф. Э.

Маркс в Вентноре, на острове Уайт, он чувствует себя хорошо.

152.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 9 ноября 1882 г.

Дорогой Зорге!

«Labour Standard» я оплатил до 3 декабря, 4 шиллинга 5 пенсов, и указал Шиптону, чтобы все дальнейшие счета он посылал мне. Так что если ты хочешь подписаться, то поскорее сообщи мне об этом.

Маркс пробыл здесь три недели, очень поправился, теперь ему нужны только свежий воздух и уход. Он настолько подлечил свои

болезни, что будущим летом наверняка отделается от них. Главное — чтобы этой зимой не повторился плеврит, и поэтому он уехал в Вентнор на острове Уайт, откуда я только что получил от него несколько строк. Там он, если позволят обстоятельства, как следует возьмется за третье издание, и можно надеяться, что ему потребуется на это не слишком много времени. В общем он был очень бодр и хорошо настроен, и если все пойдет как следует до будущей осени, его здоровье будет лучше, чем все эти годы.

Благодарю за сведения о Лилиентале, я теперь его знаю так же хорошо, как если бы был с ним знаком со школьной скамьи.

Очень рад, что твой Адольф хорошо устроился. Он, наверно, скоро сумеет найти тот путь, который даст ему возможность быстро выдвинуться. Его письма я получил, но, к сожалению, еще не ответил на них, как и на множество других.

Гепнер — порядочный пустельга, и в своих выпадах против Шевича, например, он чересчур много внимания уделяет всякой ерунде. Кто станет так восхищаться «немецкой культурой»! Ему следовало бы сначала познакомиться с американской культурой. Но ведь это типично немецкая манера. Приезжает такой субъект из провинциального немецкого городка и сразу хочет поучать Америку. Однако в Америке его пообломают, а так как он малый со способностями и не лишен остроумия, то может еще оказаться весьма полезным.

16 ноября.

Видишь, что у меня творится? Неделю тому назад я прервал письмо и только сегодня в состоянии продолжить его и, надеюсь, также и закончить.

Лафарг еще с весны в Париже, его жена последовала за ним летом. Она пробыла месяц с Марксом в Веве.

Маркс был сначала в Алжире, потом в Монте-Карло (Монако), и в обоих местах у него были рецидивы плеврита. Потом он побыл в Аржантейле у Лонге, откуда ездил в соседний Энгиен, чтобы принимать серные ванны для излечения своего хронического бронхита. Потом он жил в Веве и наконец вернулся сюда.

Знаешь, Лафарг (при очень большой помощи с моей стороны, так как он ни за что не хотел учиться немецкому языку у своей жены) перевел на французский три главы моего «Анти-Дюринга» (введение и первые две главы раздела III, «Социализм») и издал под заглавием: «Socialisme utopique et socialisme scientifique» [«Социализм утопический и социализм научный»]. Книжка имела во Франции

огромный успех. Большинство ленится читать такие толстые книги, как «Капитал», и потому тоненькая брошюрка действует гораздо быстрее. Я издам теперь эту книжку, с пояснительными вставками, по-немецки; рукопись находится в Цюрихе, и первый лист уже напечатан. Как только книжка выйдет, я пошлю ее тебе. А пока, у Вас есть д-р Штибеллинг в качестве просветителя масс для Америки на всех наречиях. Человек этот полон лучших намерений, но ему не дается теория, и потому он порядком путает.

«Egalité» выходит теперь ежедневным и еженедельным изданием. Сумеет ли удержаться ежедневное издание (которое выходит вместо «Citoyen», откуда наших выкинули при помощи финансового трюка), зависит от успеха переговоров с одним денежным господином. «Sozialdemokrat» слишком слабо реагирует на раскол между нашими и Малоном. Но пройдоха Малон (один из 17 основателей бакунинского тайного «Альянса»), который так мягко стелет, сумел настолько втереться в доверие к парижским немцам, наши же вдобавок сделали несколько ужасных глупостей, что теперь парижане изо всех сил нажимают на Цюрих. Кроме того, и Либкнехт, возвращаясь отсюда домой через Париж, тоже якшался с Малоном. Все же, если Лафарг и Гед не натворят чересчур больших глупостей, я с «Sozialdemokrat» справлюсь.

Привет Адольфу.

Твой Ф. Э.

153.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

Лондон, 15 ноября 1882 г.

Дорогой г. Каутский!

Сегодня в 3 часа дня получил Вашу телеграмму и сейчас же телеграфно ответил: «Невозможно». Так как у меня не было под рукою Вашего адреса и я предполагал, что при оплаченном ответе экспедиция будет знать, куда послать ответ, то я телеграфировал просто: «Каутскому, Вена». А только что, в 9. 30 вечера, я получаю прилагаемую повестку. Отыскать письмо с адресом квартиры невозможно; все, что я могу сделать, это сейчас же Вам написать, не пропустив утренней почты.

Чтобы снова не размениваться всецело на мелочи, как я это делал многие годы, я должен поставить свою журналистскую деятельность в самые узкие рамки — ограничиться сотрудничеством в «Sozialdemokrat», да и то — писать туда лишь в тех случаях,

когда это будет практически необходимо или же когда надо, — как это случилось недавно в ответ на глупости Меринга, — показать, что между «Sozialdemokrat» и нами не существует никакой вражды. Вся партийная переписка с различными странами, которую я веду из-за болезни и отъезда Маркса, и без того лежит на мне тяжелым бременем. Поэтому, если я хочу на старости лет закончить свои более крупные работы, я попросту лишен всякой возможности участвовать в Вашем журнале¹, которому я, конечно, желаю всяческого успеха.

В частности, написать статью о Дарвине я в данный момент не могу. Я писал Бернштейну, что он ее получит, когда я по ходу своих работ подойду к этой теме; но до этого может еще пройти не один месяц, отчасти по его вине, так как он сам поощрял мои работы в другой области, которые и я считаю более нужными. Следовательно, пока я не управлюсь с этим и не вернусь опять к естественным наукам и не доберусь до зоологии, об этом не может быть и речи. Если бы я вздумал отделаться общими местами о Дарвине, то это не пошло бы на пользу ни Вам, ни мне.

Так как уже поздно, то я могу лишь поблагодарить Вас за Ваши интересные сообщения о тамошнем положении и, в заключение, сердечно поздравить Вас по случаю Вашей помолвки.

Искренне Ваш
Ф. Э.

154.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 28 ноября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Прежде всего большое спасибо за сведения об огосударствленных железных дорогах. Этого вполне достаточно. От Бебеля я получил законопроекты 1882 г. о страховании от несчастных случаев и болезней, но мне необходимы и соответствующие законопроекты 1881 г. в первоначальной формулировке, в которой Бисмарк дает полный простор порыву своей души, страдающей за бедняков; во второй формулировке голосование буржуазных депутатов уже значительно подрезало ему крылья, и это уже не весь Бисмарк целиком.

«Arbeiterstimme» Маркс прежде получал, но, вероятно, не возобновил подписки, и ее больше не присылают.

¹ «Die Neue Zeit».

Статья Фольмара, за исключением нескольких второстепенных пунктов, — чистейшие перепевы Малона. История французского рабочего движения с 1871 г. у него *совершенно искажена*, и этого нельзя было так пропустить. Например, во второй статье, Геда упрекают в том, что он не примкнул к нескольким мелким кликам (из которых впоследствии вышел «Prolétaire» или же чистые кооператоры, против которых он как раз и вел борьбу)! Как будто группа позднейшего «Prolétaire» вообще приняла бы «нерабочего»! Но главное искажение — это то, которое правильно отмечено Девилом в «Égalité» от 19 ноября («Прошло пять лет», история «Egalité»): борьба на съездах за «коллективистическую» программу и *победа этой программы на марсельском съезде в 1879 г.* Об этом Фольмар не говорит ни слова. Я не могу предположить, чтобы Фольмар сознательно допустил подобную фальсификацию, но не менее трудно понять, как он мог этого не знать и как могут все его сведения по истории французского движения ограничиваться лишь тем, что Малон нашел нужным ему рассказать.

Умолчав о марсельском съезде, он скрывает от читателя тот важный факт, что Французская рабочая партия три года тому назад приняла коллективистическую программу и что, следовательно, отход Малона от этой программы является *определенным шагом назад*. Так как необходимо, чтобы наши товарищи в Германии были знакомы с историей французского движения не в таком виде, в каком она должна была бы происходить в угоду нынешним потребностям Малона, а так, как она происходила в действительности, ошибку эту обязательно нужно исправить. По-моему, проще всего это сделать воспользовавшись упомянутой статьей Девиля, именно потому, что она совершенно не носит полемического характера. Если у Вас этой статьи уже нет, сообщите мне открыткой, и я тотчас же ее Вам пришлю.

Пусть, однако, Малон поостережется. Если бы мы вздумали описать его дела и подвиги так же подробно (но только более правильно), как он через Фольмара описывает деятельность Геда, то ему бы плохо пришлось. У нас сохранились еще все документы, в которых он *высказывался против восстания 18 марта 1871 г.* Он примкнул к движению только впоследствии, когда оказалось, что дело идет лучше, чем он ожидал.

Я справлялся у Лафарга относительно сил обеих фракций; руанцы имеют в Париже 15 групп, при помощи которых «Égalité» держалась целый месяц, что во всяком случае их очень положительно характеризует. В провинции они, по словам Лафарга, очень сильны.

Северная федерация по существу — за них, она не хочет вмешиваться в парижские раздоры, но верна старой коллективистической программе и напечатала ее на первой странице своей «*Foçat*». Руанцы созывают свой ближайший съезд в Рубе, куда съедутся все делегаты севера, и находятся в постоянной тесной связи с Северной федерацией. Другая провинциальная рабочая газета, «*L'exploité de Nantes*», тоже напечатала на первой странице старую программу вместе с мотивировочной частью, перепечатывает статьи из «*Égalité*», и в ней сотрудничает Девиль. Таким образом, *единственные* имеющиеся в провинции *два* рабочих органа — *оба* на стороне руанцев. В провинции, не считая севера, повсюду, где есть рабочие организации, — в Реймсе, Эпине, Лионе, во всем каменноугольном бассейне Алье, в Бордо, Ангулеме, Рошфоре, — мы бьем POSSIBИЛИСТОВ, которые сильны только в Бретани и в Марселе.

Нет ничего удивительного, что Малон привлекает много народа нищенской похлебкой своих мотивировочных положений без программы. Но когда создают партию без программы, партию, в которой могут подвизаться все, кому угодно, то это уже не партия. Старые сектанты, с которыми так нежничают Малон — Фольмар, в течение многих лет доказали свое бессилие, и лучше всего дать им спокойно умереть. Синдикальные камеры? Но если мы всякое стачечное общество, которое, подобно английским трэд-юнионам, борется только за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, вообще же плюет на движение, — если мы всех их станем причислять к рабочей партии, то в действительности получится партия, стоящая за *сохранение* наемного труда, а не за его уничтожение. А как мне сообщает Маркс, большинство этих парижских синдикальных камер еще бесцветнее, чем даже английские трэд-юнионы. Тем, что в угоду таким людям отказываются от всякой партийной программы, — их нельзя повести вперед. И слыхано ли что-нибудь подобное: партия без программы — партия, за расплывчатыми мотивировочными положениями которой (составленными совершенно в духе коммуниста Микеля, который тоже верит, что коммунизм возможен через 500 лет) следует заключение о том, что каждая группа фабрикует свою собственную частную программу!

Однако, что за польза Малону от синдикальных камер? Они не платят взносов, не посылают делегатов в федеральный совет, они номинально примыкали к федеративному объединению до раскола и номинально примыкают к нему и сейчас; их отношение, как выражается Лафарг, чисто платоническое. Они здесь только для декорации. Как обстоит дело с другими группами Малона, видно из

следующих слов Лафарга: «В XVII округе наши друзья после съезда организовали группу, в которую тотчас же вошло 29 человек. Чтобы насолить нам, POSSIBИЛИСТЫ *подразделили* свою группу, состоявшую, как мне передавали, всего из 20 человек, на пять *подгрупп*, объединенных местным федеральным комитетом. Придуманно не плохо, но обманет это только посторонних и тех, кто находится далеко отсюда». Точно так же поступали и бакунисты. Судя по словам Лафарга, POSSIBИЛИСТЫ действительно сильны только на Монмартре, и там они хорошо организованы.

Быть временно в меньшинстве — организационно — с правильной программой все же лучше, чем иметь без программы большой, но при этом почти номинальный круг мнимых сторонников. Мы всю свою жизнь были в меньшинстве и чувствовали себя при этом отлично. А меньшая численность организации в Париже (если это действительно так, в чем я еще далеко не убежден, — POSSIBИЛИСТЫ не посмели явиться на дискуссионное собрание руанцев по поводу обоих съездов) может быть вдвое и втрое возмещена влиянием прессы.

Как при таких условиях Ваши парижские корреспонденты могут видеть в сент-этьенцах «действительную рабочую партию» — для меня непостижимо. Эти люди, во-первых, вовсе не составляют партию и уж меньше всего *рабочую* партию, точно так же как и здешние рабочие. Но они являются в зародыше тем, во что здешние превратились полностью: *хвостом радикальной буржуазной партии*. Единственное, что их связывает, это буржуазный радикализм, — ведь рабочей программы у них никакой нет. И рабочие вожди, которые берутся поставлять для радикалов это стадо рабочих избирателей, совершают, на мой взгляд, *прямое предательство*.

Шутки ради я запросил также и по поводу Ваших замечаний о Годаре. Этот Годар, который называет себя анархистом, как и его учитель Марэ, *сотрудничает в тулузской оппортунистической газете*. Отказать такому человеку в напечатании так называемого опровержения вполне естественно при всяких, а не только при парижских газетных нравах.

Зато наши друзья снова выкинули величайшую глупость, навлекши на себя своим революционным бахвальством преследования, в то время, когда еще не было обеспечено существование газеты. Гед, как Вы знаете, арестован, а Лафарг, вероятно, последует за ним. Если эти двое будут сидеть, не станет наиболее активных — не только писателей, но и организаторов. Девиль ленив, Массар в качестве секретаря редакции не плох, но для того чтобы сохранить

газету при тяжелых условиях, эти люди едва ли годятся. О трех остальных я уж не говорю. Бриссак и Буи, старые коммунары, являются скорей балластом, а Пикар — заурядный журналист.

Вообще же не давайте себя уговорить, что Гед и Лафарг хотят «обязательно подчинить своему руководству» все организации. Это излюбленный козырь бакунистской тактики, который и вообще постоянно пускается в ход во Франции, когда нет других аргументов.

Отношение «Égalité» к загранице! Если бы Вы только имели представление о том, какой беспорядок в этой редакции и каков в ней уровень знания немецкого языка! Если Лафарг останется на свободе, Вы лучше всего пишите прямо ему — он, по крайней мере, сделает все, что нужно. Ничего другого я не могу посоветовать.

Если Вы хотите использовать резюме моей брошюры, я это вполне одобряю. Заключительное примечание Вы теперь скоро получите. Дело Шмидта великолепно. *Поллаки* давно уже содержит в Лондоне частное полицейское бюро; в адресной книге оно значится среди осведомительных бюро (всего их имеется 18) — Поллаки, Игнатий Павел, 13 Paddington Green, W. (недалеко от меня), корреспондент «*Foreign Police Gazette*».

Надеюсь, что мое поздравление по поводу 7-й тысячи тиража опять запоздает. Зато меня сегодня можно поздравить с тем, что мне исполнилось 62 года.

Сердечный привет!

Ваш Ф. Э.

155.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 16 декабря 1882 г.

Старый дружище!

Я давно уже жду получения денег, чтобы снова послать тебе 5 фунтов. Вчера, наконец, я получил их, и в тот же вечер пришла твоя открытка. Я тотчас же перевел тебе эти 5 фунтов = 126 франков и надеюсь, что ты получишь их без задержки.

Очень рад был узнать, что ты избавился от всей этой кантональной и коммунальной мерзости, — это просто трата времени, и из этого ничего, кроме сплетен и лишних огорчений, не получается. Между прочим, осел Солари все еще посылает мне по два экземпляра «*Précurseur*». Хорошенькие порядки там в экспедиции!

Анархисты ежегодно совершают самоубийство и каждый год вновь возрождаются из пепла. Так будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, анархизм не начнут серьезно преследовать. Это единственная соц[иалистическая] секта, которую действительно можно уничтожить преследованиями. Ведь постоянное возрождение анархизма основано на том, что всегда находятся выскочки, которые гонятся за дешевой популярностью. Анархизм словно специально создан для этого. Но подвергать себя опасности — не тут-то было! Поэтому теперешние преследования анархистов во Франции смогут повредить этой шайке лишь в том случае, если преследования эти не будут просто видимостью и полицейским надувательством. Но кто во всяком случае окажется жертвой, так это бедняги горняки из Монсо. Впрочем, я настолько привык к анархистским паяцам, что мне кажется вполне естественным, когда за действительным движением увивается и эта шутовская карикатура. Опасны они только в таких странах, как Австрия и Испания, и то лишь временно. Еще Юра, со своим часовым ремеслом в разбросанных домишках, представляется мне благодатной почвой для этой чепухи, и здесь твои удары будут полезны.

Марксу врачи разрешили провести зиму на юге Англии; он уже около полутора месяцев живет на острове Уайт. До сих пор с двумя основными его болезнями дело обстояло благополучно: нет следов ни плеврита, ни бронхита. Само собой разумеется, что при той мерзкой погоде, какая у нас здесь стоит (едва избавились от тумана, который держался целую неделю), для выздоравливающего неизбежны разные легкие простуды, а при состоянии здоровья Маркса это штука затяжная и неприятная. Но если дело ограничится только этим — еще не беда. Очень возможно, что будущим летом его снова пошлют в Швейцарию, и в таком случае вы с ним, конечно, увидите.

Адрес г-жи Лафарг — 66, Boulevard de Port Royal, Париж. Ее муж был недавно арестован, но теперь снова на свободе. Дело шло о нескольких его выступлениях в провинции, а когда судебный следователь из Монлюсона вызвал к себе его и Геда, они, вместо того чтобы повиноваться, жестоко высмеяли его в «*Égalité*». За этим, конечно, последовал приказ об аресте, но хотя Лафарг ежедневно бывал в редакции и был настолько далек от намерения скрываться, что объявлял о своих выступлениях на собраниях и производил на них речи, — замечательной парижской полиции понадобилось три недели на то, чтобы его разыскать. Его, так же как и Геда, тотчас же отпустили после первого допроса в Монлюсоне. Возможно все-таки, что они получат по несколько месяцев.

Ты знаешь, что во Франции Рабочая партия раскололась. Малону и Бруссу не терпится стать депутатами, поэтому им необходимо как можно скорее обзавестись стадом избирателей. Итак, создана партия *без программы* (буквально, потому что после целого ряда общих мотивировочных положений следует заключение: каждое местное отделение создает свою собственную программу), куда охотно принимают всякий сброд, а для того, чтобы провести это, перед конгрессом в партию набрали людей, которые принимали старую программу с тайным намерением провалить ее на конгрессе. Гед, Лафарг и другие были побиты большинством голосов, и те, кто остался верен программе, переехали в Руан. Наши люди не владеют тактикой и наделали непоправимых ошибок, но они все же добьются своего, и «поссибилисты» недолго будут задавать тон. У наших имеется очень мощный рычаг в виде ежедневной «Égalité», причем им важны только интересы *дела*, чего нельзя сказать о склочниках Малоне и Бруссе.

Будь здоров, старина, держись крепче, ведь все мы идем под гору, но до конца еще далеко.

Твой Ф. Э.

156.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 16 декабря 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Шорлеммер жалуется, что он давно уже не получает «Sozial-Demokrat»; срок его подписки кончился, и он еще месяц тому назад прислал мне прилагаемый чек (о котором я позабыл), с просьбой возобновить его подписку *на год*, а «остальное употребить на партийные нужды».

Рукопись о марке мне пришлось три раза целиком переписывать заново; мне из-за нее нужно было снова перечитать пять-шесть из десяти толстых томов Маурера и, кроме того, сравнить их с другими источниками. Теперь я послал рукопись Марксу, который гораздо дольше и основательней корпел над этими вопросами, — в понедельник жду ее обратно.

Малон издевается над Фольмаром, иначе он наверно исправил бы ошибочное утверждение последнего, что «Égalité», нападая на «альянсистов», имеет в виду бакунинский «Альянс». Ничего подобного! Так называются поссибилисты, поскольку их теперь уже не

отличишь от членов «Социалистического альянса», основанного года четыре тому назад Журдом, бывшим делегатом финансов Коммуны, при сотрудничестве других, настоящих и бывших, прудонистов (как, например, Лонге) и образующего социалистический резерв «Justice». Вы наверно встречали там упоминание об этом Альянсе во время выборов. На последних общих выборах в палату он выставил своих кандидатов и собрал приблизительно столько же голосов, — по крайней мере, в некоторых округах, — как и Рабочая партия. Если Фольмар, несмотря на свое полугодовое пребывание в Париже, этого не знал, то Малон намеренно скрыл от него это, как и многое другое. Так всегда бывает, когда неосмотрительно свяжешься с какой-нибудь шайкой. Фольмар становится забавным, когда восхваляет Малона, как дисциплинированного члена партии, а других обвиняет в нарушении дисциплины. Кому надо напоминать о дисциплине — тому, кто высоко держит старое знамя, или тому, кто вербует сторонников с прямой целью изменить этому знамени и променять его на новое? Откуда же взялось большинство у Малона в Сент-Этьене, если он предварительно не навербовал себе людей, заранее имевших намерение уничтожить старую программу и именно с этой целью завербованных?

Грызня между Малоном и его Кловисом Хюгом из-за Луи Блана замечательна. И это называется партия!

Как видите, Северная федерация высказалась прямо за Руан.

Лафарг напечатал в последних номерах «Égalité» прелестные статьи — например о кандидатуре Бонту. Остроумие им гораздо больше к лицу, чем доктринерское вещание.

Будьте так любезны, позаботьтесь о досылке Шорлеммеру неполученных им номеров.

Искренне Ваш

Ф. Э.

157.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 22 декабря 1882 г.

Дорогой Бебель!

Надеюсь, что послезавтра тебя на сутки выпустят и, таким образом, письмо дойдет до тебя без затруднений.

То место в моем последнем письме, которое показалось тебе мистическим, имеет только тот смысл, что исключительному закону будет, по моему мнению, положен конец либо непосредственно

событиями революционного характера (например новый взрыв или созыв национального собрания в России, что немедленно отразилось бы на Германии), либо такими событиями, которые толкают движение вперед и готовят революцию (смена монарха в Берлине, смерть или отставка Бисмарка) — то и другое с почти неизбежным водворением «новой эры» [...]¹.

Кризис в Америке — как и здешний кризис, а также и не всюду еще устраненные затруднения для германской промышленности — представляется мне не настоящим кризисом, а лишь отголоском перепроизводства, имевшего место во время предыдущего кризиса. Крах в Германии наступил в прошлый раз раньше срока вследствие аферы с миллиардами; здесь и в Америке он наступил в нормальный срок, в 1877 г. Но производительные силы еще никогда, ни в один из периодов процветания, не выросли в такой степени, как в 1871—1877 гг., и отсюда — это напоминает 1837—1842 гг. — хронические затруднения в основных отраслях промышленности и в Англии, и в Германии, в особенности по хлопку и железу; рынки до сих пор еще не в состоянии переварить всего произведенного. Так как американская промышленность все еще пока работает главным образом на огражденный внутренний рынок, то там при быстром увеличении производства легко может возникнуть местный промежуточный кризис, но в конце концов это поведет лишь к сокращению того срока, по истечении которого Америка приобретет возможность экспортировать и станет опаснейшим конкурентом Англии на мировом рынке. Поэтому я не думаю, — и такого же мнения Маркс, — чтобы настоящий кризис наступил задолго до обычного срока.

Европейскую войну я считал бы несчастьем; на этот раз дело приняло бы чрезвычайно серьезный характер, война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы на смарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции. Единственно хорошее, что могла бы дать война, это — восстановление Малой Польши, но это ведь произойдет и в результате революции, и притом — само собой; русская конституция, как следствие неудачной войны, имела бы совсем иное, скорее консервативное значение, — в отличие от конституции, завоеванной революционным путем. Такая война, по моему мнению, отсрочила бы

¹ Пропуск.

революцию на десять лет, но зато потом революция оказалась бы, конечно, тем более основательной. А вообще говоря, пахло войной. Бисмарк произвел с австрийским союзом совершенно такую же демонстрацию, как в 1867 г. с южно-германскими союзами во время люксембургской истории. Посмотрим, не произойдет ли чего-либо весной.

Твои сообщения о положении германской промышленности нас очень заинтересовали, — в особенности же категорическое подтверждение того, что расторгнут картельный договор железозаводчиков. Эта история не могла долго продолжаться, особенно у германских промышленников, которые не могут обойтись без мелкого жульничества.

Мейеровских работ мы здесь до сих пор не видали, и поэтому то, что ты нам о них сообщил, было для нас новостью. Что Маркс будет фигурировать в соседстве с его кардиналами, следовало ожидать; Мейер всегда испытывал особенное удовольствие, когда ему случалось прямо от кардинала Маннинга являться к Марксу, он этого не скрывал.

В своих «Soziale Briefe» [«Социальных письмах»] Родбертус очень близко подошел к понятию прибавочной стоимости, но последнего шага он не сделал, не то ему пришлось бы распрощаться со всеми своими мечтаниями о том, как бы помочь запутавшемуся в долгах юнкеру, а на это наш милейший Родбертус пойти не мог. Но ты прав: он во много раз лучше всех немецких вульгарных экономистов, включая и катедер-социалистов, которые ведь питаются нашими отбросами.

История с карлушинным¹ сватовством тоже оказалась для нас новостью. Свадьба, как рассказывали мне очевидцы, была будто бы очень унылой — настолько, что кто-то из присутствовавших на гражданском венчании воскликнул: «Это — похороны Л!»

Вчера я отослал в Цюрих последнюю часть рукописи брошюры, а именно добавление о марке и краткую историю немецкого крестьянства вообще. Так как Маурер плохо пишет и перескакивает с одного предмета на другой, то при первом чтении книги трудно уловить суть. Как только я получу корректурные листы, я тебе pošлю всю работу, потому что в ней не просто извлечения из Маурера, но и косвенная критика его взглядов, а также много нового. Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь несколько лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и прочим «образованным», а рабочим.

¹ К. Каутского.

Пора кончать, иначе я не успею отправить письмо заказным вечерней почтой. Пруссаки, повидимому, еще не дошли до того, чтобы вскрывать (*bestiebern*) заказные письма; до сих пор вся корреспонденция приходила в нормальном виде — долголетний опыт научил меня разбираться в этих вещах более или менее точно.

Передай, пожалуйста, своей жене прилагаемую рождественскую открытку и сердечный привет.

Твой Ф. Э.

158.

Энгельс — Л. Гартману

в Лондон¹.

[Черновик.]

[Лондон, декабрь 1882 г.]

У меня есть письмо из Америки для тебя, но мне приказано выдать это письмо только тебе лично.

Можешь приехать принимать оно?

Твой [Ф. Э.]

159.

Энгельс — Г.-М. Гайндману

в Лондон.

[Лондон, 1882 г.]

Милостивый государь!

Благодарю Вас за присланную мне брошюру. Я очень рад, что знаменитый старый Том Спенс снова извлечен на свет.

Мне будет очень приятно познакомиться с Вами лично, после того как Вы уладите свои взаимоотношения с моим другом Марксом, которого Вы, как я вижу, теперь цитируете.

Уважающий Вас

Ф. Э.

¹ Письмо написано по-русски. Воспроизводится дословно.

1883 год.

160.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 18 января 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Сперва праздничные дни, потом дни траура¹ — все время помехи. Вы сами понимаете, что у меня почти нет ни одной свободной минуты с тех пор, как Маркс, возвратившись из Вентнора, оказался под домашним арестом из-за бронхита, к счастью, пока не серьезного; ему нельзя много говорить, и мне приходится устраивать разные семейные дела (только ни слова об этом в газете, Маркс пришел бы в ярость, если бы увидел, как бесцеремонно, да к тому же отчасти и не верно, толкует об этом бравый Фирекк в сегодняшней «Süddeutsche Post»).

Все же я, наконец, урвал часок для Вас. Что касается возвращаемого при сем Гумбеля, то он имеет с гейневским Гумпелино ту общую черту, что тоже интересуется бумажками. Вообще же это превосходный экземпляр немецкого социалиста за границей, так как он, очевидно, побывал в Париже. Вследствие того, что для этих людей создали теорию, в которой они сами совершенно неповинны и которую они часто понимают лишь весьма элементарно или вообще не дают себе труда ее понять, — каждый захолустный простофиля среди них считает себя выше всех иностранцев. Он приезжает из Гейльбронна или какой-нибудь другой захолустной дыры в Лондон или Париж и приходит в негодование от того, что там не признают его захолустной точки зрения. Вместо того, чтобы расширить свой кругозор и кое-чему научиться, он намеренно становится еще более ограниченным, чем прежде, потому что тогда его отличие от презираемых им иностранцев и, стало быть, его воображаемое превосходство выступает еще ярче. Люди этого типа господствуют в немецких

¹ Смерть Женни Лонге.

союзах за границей, и если они теперь заставляют Вас страдать, то вспомните-ка, кто пытался после издания закона против социалистов придать этим союзам путем централизации и т. д. незаслуженное значение? Если бы Вы тогда так же хорошо знали этих людей, как сейчас, Вы вряд ли проявили бы столько усердия.

«Партия чистых рук» — что это означает? Не то ли, что у Гассельмана или Фриче и у стольких других, про которых мог бы рассказать всякий, кто был выслан за границу или сам приезжал сюда, чистые руки?

Особенно хорош Гумпелино, когда заводит речь о своих бумажках. Когда этаким захоластный рыцарь добродетели так фарисейски выступает против порядков, которые достаточно неприятны, но реальная польза которых для партии все же бесконечно перевешивает возможный вред, — это уж наверно не спроста. У рабочих нет бумажек. Им на биржевой отдел ровным счетом наплевать. Значит, мелкий буржуа, который тоже желает спекулировать бумажками, вот кто требует благонамеренного, добропорядочного, благопристойного биржевого отдела в своей партийной газете. Во-первых, не дело социалистической газеты давать указания, как лучше всего эксплуатировать рабочих, а ведь доходы от бумажек также получаются за счет неоплаченного труда. А, во-вторых, если Гумпелино все-таки требует этого от социалистической газеты, то это отнюдь не говорит в пользу его социализма и еще меньше в пользу его коммерческого гения. У меня тоже есть бумажки, которые я время от времени покупаю и продаю. Но я все-таки не настолько наивен, чтобы при моих операциях искать совета в *социалистической* печати. А кто станет это делать и прогорит — так ему и надо. Авраам Гумпелино, крестись!

Нас очень порадовали ответы Грилленбергера и «Sozialdemokrat» на лицемерие Путткамера. Так и следует: не изворачиваться, не гнуться под ударами противника, как это делают еще очень многие, не выть, не хныкать, не лепетать извинения, что у нас, мол, не было дурных намерений. Надо отвечать ударом на удар, на каждый удар врага — двумя, тремя ударами. Такова издавна наша тактика, и до сих пор мы, кажется, недурно справлялись с любым противником. «Словом, сила наших солдат в том, что они ведут наступление; это одно уже хорошо» — говорит старый Фриц в инструкции своими генералам, — и то же можно сказать о наших рабочих в Германии. Но если, например, Кайзер во время дебатов об исключительных законах — если только краткий отчет Фирекка (□-Auszug) верен — отступает и жалуется, что мы революционеры лишь в пивкиском смысле, — что тогда? А надо было сказать вот что: весь рейхстаг и Союзный совет сидят

на своих местах только благодаря революции; старый Вильгельм, когда он проглотил три короны и один вольный город, тоже был революционером; вся законность, вся так называемая правовая почва есть не что иное, как продукт бесчисленных, но совершенных против воли народа, направленных против народа революций. О, эта проклятая немецкая дряблость мысли и воли, которую с такими усилиями протащили в партию вместе с «образованными», — когда же мы, наконец, избавимся от нее!

Скоро отправляется почта. На те отдельные пункты Вашего письма, которые я, быть может, пропустил, отвечу при первой возможности. Спасибо за фотографию. Когда пришлете корректуру?

Привет.

Ваш Ф. Э.

161.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 8 февраля 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

1. Надеюсь, Вы получили посланную 20 декабря заказным последнюю часть рукописи (*Марку*). Однако типографские проволочки доходят до безобразия. Если так будет продолжаться, Вы можете отпечатать заново титульный лист и поставить на нем 1884 г. Когда же будет, наконец, следующий лист?

2. Я не получил *ни* первого законопроекта о страховании от несчастных случаев, *ни* речи Бебеля по этому поводу. Но мне кажется, что специальное выступление против бисмарковского социализма было бы теперь уже запоздалым. Газетка Фирекка потеряла всякий вкус к нему; Зингер, до этого сильно страдавший манией огосударствления, в последний раз совершенно освободился от нее и был по настоящему революционер, а слабосильная команда в рейхстаге, Блос, Гейзер и К^о, утратила, повидимому, если не желание, то во всяком случае мужество. К чему же, в таком случае, палить из пушек по воробьям? Мне кажется, надо предоставить бисмарковскому социализму самому похоронить себя. Значит, остается только критика дурных лассалевских пережитков. Но если печатание брошюры будет идти так медленно, то, пожалуй, и это выступление устареет прежде, чем появится на свет.

3. Насчет Малона Вы ошибаетесь. Он не так глуп, или, вернее, не так бесхитроsten, каким прикидывается. Это мнимый проstack,

который выучился у бакунистов, как исподтишка нажимать и при этом делать вид, что жмут его. Вы когда-нибудь убедитесь, что я прав.

4. Биржевой налог. Здесь в Англии он существует давным-давно в виде самого обыкновенного гербового сбора на передаточном акте — $\frac{1}{2}\%$ с уплаченной суммы и 5 шиллингов за переписку (акций на предъявителя здесь бывает мало, они обложению не подлежат). Результат только тот, что *настоящая* биржевая игра идет со сделками на разницу, при которых не бывает фактической передачи. Так что налог падает только на так называемое «солидное капиталовложение». Да и никак нельзя этого сделать таким образом, чтобы биржевые игроки не могли его обойти.

Я против этого 1) потому, что мы вообще требуем только *прямых* налогов и отвергаем *все* косвенные, чтобы народ знал и чувствовал, сколько он платит, и чтобы таким образом можно было добраться до капитала; 2) потому, что *этому* правительству мы ни в коем случае не можем вотировать ни копейки.

Вопли против биржи Вы справедливо называете мелкобуржуазными. Биржа изменяет только *распределение* прибавочной стоимости, *уже украденной* у рабочих, а как это происходит, это для рабочих, как таковых, в конце концов совершенно безразлично. Но биржа изменяет распределение в сторону централизации, в огромной мере ускоряет концентрацию капиталов и является поэтому столь же революционным фактором, как и паровая машина.

Чисто мелкобуржуазными являются также налоги с моральной целью — разве только налог на пиво и на водку еще можно бы оправдать. Но то, что предлагается здесь — просто смешно и насквозь реакционно. Если бы биржа не создала в Америке огромных состояний, как могли бы возникнуть в этой крестьянской стране крупная промышленность и социальное движение?

Было бы очень хорошо, если бы Вы как-нибудь занялись этим, но осмотрительно. Нельзя подставлять себя под удары Штеккеров.

5. Третье издание «Капитала». Оно, повидимому, несколько затянется, потому что Маркс все еще прихварывает. Пребывание в Вентноре при постоянно дождливой погоде не пошло ему на пользу. А тут еще смерть дочери. Он вернулся три недели тому назад и так охрип, что еле может говорить; при таких условиях много нельзя требовать (только ни слова об этом в газете).

6. За книгу Родбертуса—Мейера¹ мы будем Вам очень благодар-

¹ Родбертус, «Briefe und sozialpolitische Aufsätze» (1882) с предисловием Р. Мейера.

ны. Этот человек вплотную было подошел к открытию прибавочной стоимости, но его имение в Померании помешало ему в этом.

Большое спасибо за фотографию.

Каутский прислал мне свою брошюру об американском верновом хозяйстве. Какая ирония: три года тому назад надо было ограничивать рост населения, потому что иначе ему нечего будет есть, а теперь оказывается, что население недостаточно велико, чтобы съесть одни только американские продукты! Такие казусы происходят оттого, что так называемые «вопросы» изучают один за другим, без всякой связи. При этом становишься, конечно, жертвой той диалектики, которая вопреки Дюрингу «объективно присуща самим вещам».

Я рад узнать, что в гогенцоллернской семье опять есть педераст по специальности. Этого нехватало для полноты картины. Принц Карл и Фридрих Вильгельм II тоже, правда, «занимались» этим делом, но также и женщинами. Да, кстати: передал ли Вам Адольф Бейст «Тайную историю берлинского двора» Мирабо, которую я послал с ним для Вас? Если нет, возьмите ее у него. В книге неопцененные материалы о Фридрихе Вильгельме II, в важнейших местах загнуты страницы.

С сердечным приветом Ваш

Ф. Э.

162.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 10 февраля 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Почтительнейше подтверждая отправление моего вчерашнего письма, прилагаю при сем письмо для Каутского, прежний адрес которого, быть может, уже не годится.

Возвращаясь к биржевому налогу, замечу, что нам вовсе не следует отрицать «аморальность» и жульничество биржи. Мы даже можем в самых резких чертах изображать ее как крайнее проявление капиталистической наживы, где собственность совершенно непосредственно переходит в воровство; но отсюда следует сделать вывод, что обломать эту, представленную во всей своей чистоте, вершину нынешнего хозяйства отнюдь не в интересах пролетариата, — наоборот, гораздо выгоднее предоставить ей совершенно свободно развиваться, чтобы и последнему дураку стало ясно, к чему приводит современное хозяйство. Нравственное негодование мы предоставим тем, кто

достаточно алчен, чтобы играть на бирже, не будучи биржевиком, и кто поэтому, как и полагается, становится жертвой грабежа. А когда биржа и «солидный деловой мир» вцепятся друг другу в волосы, помещик же, который тоже пытается спекулировать на бумажках и выходит из этих спекуляций дочиста обобранным, будет третьим во взаимной борьбе этих трех главных частей эксплуатирующего класса, — тогда мы будем четвертой стороной: той, которая смеется.

Прошу и Вас также прислать мне точный адрес с указанием улицы и номера дома. Иначе я не смогу послать деньги, а мне их нужно будет послать, между прочим, за шесть экземпляров брошюры Шмидта, которую мы с Шорлеммером хотим отправить в Германию и которую прошу мне прислать.

На этом я должен закончить.

Ваш Ф. Э.

163.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

Лондон, 10 февраля 1883 г.

Дорогой г. Каутский!

Наконец-то я могу Вам ответить и поблагодарить Вас за все присланное. Вы себе и представить не можете, сколько самых различных обстоятельств мешали мне не только работать, но даже вести самую срочную переписку. С тех пор, как заболел Маркс, все бремя падает на меня одного, а вдобавок число запросов и т. д. удваивается. К тому же, вечером я не могу писать, потому что это утомляет глаза и приводит к бессоннице. Таким образом, для всей письменной работы остается несколько дневных часов, которых зимой так мало; вдобавок при здешних расстояниях, если понадобится хоть один раз сходить в город, то почти всегда пропадает целый рабочий день. А какая у меня была в последнее время беготня!

Но довольно об этом. «Neue Zeit» я еще не видел, но сегодня напишу Дитцу. Чтобы послать подписную плату почтовым переводом, мне необходимо знать *улицу и номер дома* — такое здесь правило.

Ваша статья о производстве жизненных припасов в Америке очень своевременна. Г-н Мейер, вероятно, очень гордится тем, что Вы в такой степени использовали его сообщения. В Вене ли он еще? Встречаете ли Вы его?

Но какова ирония всемирной истории! Три-четыре года тому назад неомальтузианцы проповедывали необходимость ограничить

прирост населения искусственным путем, так как иначе всем нам скоро нечего будет есть. Теперь же они доказывают, что нехватает населения даже для того, чтобы поглотить, помимо продукции самой Европы, еще и избыток произведенных в Америке жизненных припасов. О, мудрый Эдип, разреши мне эту загадку! Стало быть, теперь приходится убирать подальше не хлебную корзинку, а пресловутую маленькую губку. Это, впрочем, отнюдь не помешает тому, чтобы тот же или какой-либо другой прием с успехом применялся в буржуазных семействах для того, чтобы поддерживать соответствие между количеством детей и доходами, не подрывать здоровья женщины слишком частыми родами и т. д. Но я все же остаюсь при том мнении, что это — частное дело мужа и жены и, пожалуй, их семейного врача (я сам рекомендовал в подобном случае то, что Вы называете «способом Рациборского»), и думаю, что наши пролетарии будут и впредь, как до сих пор, верны своему имени, производя на свет многочисленное *proles* [потомство].

Вас, наверно, удивит, что в отношении Вашей статьи о гетеризме я все еще стою на старой точке зрения: что общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом половых отношений внутри племени. Напротив, психологическое объяснение ревностью подставляет позднейшие воззрения и опровергается сотнями фактов (о чем ниже). Дарвин в этой области так же мало авторитетен, как и в экономии, откуда он заимствует свое мальтузианство. Об обезьяне мы не знаем в этом отношении почти ничего, так как наблюдения в зверинце ничего не доказывают, делать же наблюдения над стадом диких обезьян трудно, и произведенные якобы наблюдения не могут быть ни точными, ни окончательными, ни, тем более, пригодными для обобщений. Горилла и оранг-утанг и без того не в счет, так как не живут стадами. Первобытные племена со свободной моногамией, на которые Вы ссылаетесь, я считаю выродившимися — относительно жителей полуострова Калифорнии Банкрофт это доказал. Не грубость является показателем первобытного состояния, а степень сохранения старых кровных связей племени. Эти связи, следовательно, и необходимо устанавливать в каждом отдельном случае, прежде чем делать какие-либо выводы из отдельных явлений у того или иного племени. Так, например, у обитателей полуострова Калифорнии эти старые связи в значительной мере ослабели, причем, однако, их не заменила какая-либо иная организация; это верный признак вырождения. Но и они свидетельствуют *против Вас*. И у них женщины периодически возвращаются в состояние общности. Это и есть главный пункт, о котором Вы, однако, вовсе и не упоминаете.

С такой же достоверностью, как там, где благодаря принудительной чересполосице земля периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли; с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин там, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности. А это происходит не только у Ваших обитателей полуострова Калифорнии, но — либо реально, либо символически — и у очень многих других индейских племен, кроме того у финикийцев, вавилонян, индусов, славян, кельтов, — следовательно, было давным-давно и притом широко распространено, — и целиком опровергает психологический аргумент ревности. Мне очень хотелось бы посмотреть, как Вы в дальнейшем сумеете преодолеть это затруднение, потому что обойти его Вам ведь не удастся.

Только что пришла Пумпе с мужем и ребенком, и тут всякому писанию конец. Всегда так.

С сердечным приветом Ваш

Ф. Э.

164.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон. 27 февраля 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

У меня в последнее время произошла небольшая размолвка с Фирекком, заставившая меня порвать с ним. Так как возможно, что он приедет в Цюрих на конгресс и будет там упоминать об этой истории в *частных* беседах, то я хочу, чтобы в этом случае была известна не только *его* версия. Поэтому я уполномочиваю Вас прочесть настоящее письмо каждому, с кем Фирекк будет говорить об этом деле, а Бебелю и Либкнехту — во всяком случае.

Еще до рождества Фирекк или, вернее, его жена прислала мне визитную карточку инженера Дейнгардта из Мюнхена с тремя вопросами химико-физико-промышленного характера и просила меня, если возможно, достать эти сведения. Я послал карточку в Манчестер Шорлеммеру, который по поставленным вопросам сразу распознал пронирыливого и назойливого изобретателя и к крайне лаконическим ответам присовокупил еще и «эпиграф». Вот в каком виде вернулась карточка к Фирекку:

«1. Применяется ли уже озон на английских бумажных фабриках наряду с хлором и хлористой известью для белиния тряпья? — *Нет!*

2. Имеет ли озон, по сравнению с другими белильными средствами, применяемыми в промышленности, серьезные преимущества в техническом или финансовом отношении? — *Нет!*

3. Наталкивается ли добывание озона и его применение в промышленных предприятиях на значительные трудности? — *Да!*

К. Дейнгардт, инженер (напечатано на карточке).

Эпиграф: «Araque inventor! [Изобретатель, отвяжись!]».

В таком виде карточка вернулась обратно. Если Фирекк не хотел показывать эпиграф своему Дейнгардту, то ему стоило лишь переписать вопросы и ответы на лист бумаги или на открытку — и вопрос был бы исчерпан.

Но вот я получаю «Süddeutsche Post» № 7 (от 17 января) (которую Фирекк прислал мне в обмен на «Labor Standard») и читаю в отделе «Почтовый ящик» следующее:

«Г-ну инженеру Дейнгардту, здесь. Автор «Электротехнической революции» пишет нам, что, *несмотря на противоположные заявления проф. Шорлеммера* из Манчестера, он продолжает утверждать, *что озон добывается с помощью динамомашин*» и т. д.

Что это значит? Каким образом это совершенно частное сообщение попало в газету вместо настоящего почтового ящика? И как Фирекк посмел публично использовать в своей газете частное сообщение, которое Шорлеммер, исключительно из любезности к Фирекку, сделал Дейнгардту — субъекту, по свидетельству самого Фирекка, крайне назойливому? Либо Фирекк не понимал, что он делает, либо он сделал это из мести за «эпиграф».

Между тем в трех поставленных вопросах и ответах на них вовсе не говорится о том, добывается ли озон с помощью динамомашин; динамомашин в них вообще не упоминается. Стало быть, Фирекк, косвенно приписывая Шорлеммеру отрицание того, что озон вообще добывается с помощью динамо, прямо *искажает истину* и приписывает Шорлеммеру утверждение, которого тот никогда не делал. Но химику с более чем европейским именем, несомненно, не может быть безразлично, если ему приписывают в химико-физических вопросах утверждения, которых он никогда не высказывал, и притом делают это публично в университетском городе Мюнхене, где тоже ведь есть химики и физики, которые могут это прочесть. Я отправил поэтому, считая это своим прямым долгом, газету Шорлеммеру, который прислал мне следующее письмо для Фирекка:

«Когда кто-нибудь (цитирую по памяти) без разрешения публикует частное сообщение, это неприлично. Но если к тому же это

сообщение еще искажают, это уже больше чем непристойно». Шорлеммер требует поэтому для выяснения дела опубликования всего содержания карточки — с вопросами, ответами и эпиграфом.

В ответ на это последовало длинное письмо Фирекка ко мне о том, что Дейнгардт бомбардировал его тремя письмами по поводу озона (так что эпиграф был *вполне уместен*), мое же письмо, полученное им вместе с письмом Шорлеммера, для него все равно, что *нож к горлу* (это *неправда*, он может показать письмо; я требовала только, чтобы он в вежливой форме дал полное удовлетворение Шорлеммеру). Но еще, мол, тяжелее для него письмо Шорлеммера с предъявленным в нем требованием. Эпиграфа он не может опубликовать (этого, конечно, Шорлеммер и не требовал всерьез), а остальное — лишь в том случае, если Шорлеммер *возьмет обратно* оскорбительные выражения своего письма. Пока он еще не видит, в чем его ошибка, на наши же требования, поставленные в «такой совершенно неприемлемой форме», он должен ответить отказом. *«Я же не знал, что г. профессор Шорлеммер читает «Süddeutsche Post», и никак не могу предположить, что Вы специально послали ему этот номер! Ведь возможность, что Вы явились доносчиком на меня, я считаю... исключенной, и я был бы только рад, если бы Вы помогли мне сделать шаги, требуемые для успокоения крайне раздраженного профессора»*. Его читатели, мол, на 11/12 партийные товарищи... И пусть от него не требуют того, чего «не в состоянии выполнить уважающий себя человек» и т. д.

Итак: человек злоупотребляет, *по его собственному признанию*, именем Шорлеммера и искажает его слова, в надежде, что *тот об этом не узнает*. А когда я сообщаю об этом Шорлеммеру, — я, который один только и впутал его в эту историю, — то оказываюсь «*доносчиком*» на Фирекка. Пострадавшим лицом оказывается не Шорлеммер, а Фирекк, хотя Шорлеммер отозвался о поведении Фирекка еще в чересчур мягких выражениях. Об *искажении* слов Шорлеммера вовсе умалчивается.

Наши ответы Фирекк может прочесть каждому. Мы послали ему адресованное не на его имя, а на имя редакции, заявление, которое мы, стало быть, предназначали для печати, с предложением опубликовать тут же вопросы и ответы. Что же делает Фирекк? Сперва он вежливо извиняется в почтовом ящике: «Мы чрезвычайно сожалеем об этом досадном недоразумении и постараемся его уладить». А затем? — В № 17, от 9 февраля, читаем: «К вопросу об электротехнической революции. Г-н профессор Шорлеммер из Манчестера дает следующие ответы на поставленные ему вопросы, которые мы

помещаем здесь для выяснения одного (!) недоразумения (!)» (следуют вопросы и ответы).

Выяснение «недоразумения» сводится к полному затемнению дела; удовлетворение, которое должен был получить Шорлеммер, сведено к попытке поднять его на смех и снова злоупотребить его именем. После этого я стал отсылать «Süddeutsche Post» обратно нераспечатанной. Тогда от Фирекка снова приходит открытка с вопросом, чем он заслужил такое *оскорбительное* (для него все оскорбительно) обращение и т. д. Что я ему на это ответил, тоже открыткой, пусть он прочтет Вам сам, если желает. «С этакой свиньей надо порвать всякие сношения» — пишет мне Шорлеммер. Так я и сделал.

Ваш Ф. Энгельс.

165.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 27 февраля 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Ваше письмо получил вчера вечером. «Egalité» опять лопнула; я попросил бы Вас опубликовать по этому поводу в «Sozialdemokrat» следующие факты (см. прилагаемый листок). Надеюсь, что эти люди станут наконец умнее и не будут браться за издание газеты на основании подобных договоров. Обжалование ни к чему не приведет, будет только стоить денег, и каждый французский суд рад будет случаю отказать социалистам и решить процесс не в их пользу, а газета все равно не оживет.

Между прочим, Гед и Лафарг привлекаются по статье 91 Уголовного кодекса: заговор и подстрекательство к гражданской войне — смертная казнь. Каков фарс!

Хорошо еще, что они теперь, по крайней мере, не могут заявлять публично о своей солидарности с анархистами, в связи с тем, что те *сидят за решеткой*, — с этими детьми, которые играют с огнем, а когда их порют, прикидываются самыми невинными мальчиками на свете. У одного болвана в Брюсселе бомба разорвалась в кармане собственных брюк! Динамит начинает становиться просто смешным.

А теперь о другом. В результате одной гнусности, которую позволил себе Фирекк по отношению к Шорлеммеру в «Süddeutsche Post», я порвал с ним. Подробности изложены в письме, которое я послал

Шорлеммеру и которое он, если будет согласен с его содержанием, отошлет Вам завтра прямо из Манчестера (прилагаю это письмо, — он мне его вернул, потому что я забыл его подписать). Мне не приходится Вам говорить, что если бы Фирекк и Фриче приехали не в качестве официальных представителей партии, мы здесь приняли бы их в то время очень холодно. Но ради этого, да еще потому, что Маркс был нездоров, мне пришлось в некотором роде выполнить долг гостеприимства. К тому же теперешняя жена Фирекка близко сошлась с моей племянницей (та и другая были в то время тайно помолвлены) и т. д. и т. д. Тогда я совершенно определенно высказал ему свое мнение о его склонности к вульгарной демократии. Словом, я с ним возился, а теперь этому должен быть положен конец.

Такого поведения, какое позволил себе Фирекк по отношению к Шорлеммеру, не стерпел бы и чистильщик сапог. А ведь Шорлеммер, после Маркса, бесспорно самый известный человек во всей европейской социалистической партии. Когда я с ним познакомился 20 лет тому назад, он был уже коммунистом. В то время он был бедным частным ассистентом у английских профессоров. Теперь он — член Королевского общества (здешней Академии наук) и самый крупный авторитет в мире по своей специальности — химии простейших углеводов (парафины и их производные). Его большой курс химии, изданный им вместе с Роско, но написанный почти исключительно им одним (это известно всем химикам), считается лучшим в Англии и Германии. И такое положение он завоевал себе за границей, в борьбе с людьми, которые эксплуатировали его до последней возможности, — завоевал исключительно благодаря действительно научным трудам. Не было ни одного случая, чтобы он покривил душой. При этом он нигде не стесняется выступать как социалист, читает вслух за столом, где обедают доценты, остроты из «Sozialdemokrat» и т. д., но справедливо требует, однако, чтобы его не вытаскивали под тем или иным предлогом на показ публике помимо его воли, как это сделал Фирекк. Однако — до завтра; скоро полночь, а я нарушил свое правило — не писать по вечерам.

28 февраля.

Сделайте одолжение, не называйте меня беспрестанно в газете «товарищем». Во-первых, я ненавижу всякие титулы, а так как во всей немецкой печати, той, с которой стоит считаться, людей называют без титула, просто по имени (если их не ругают), то и нам следовало бы этого придерживаться, кроме тех случаев, когда обо-

значение «товарищ» должно действительно сообщить читателю, что данное лицо принадлежит к партии. То, что уместно и принято на трибуне и в устных спорах, иной раз совершенно неприемлемо в печати. Кроме того, мы здесь вовсе и не «товарищи»—в узком смысле этого слова. Мы принадлежим к германской партии едва ли в большей мере, чем к французской, американской или русской, и так же мало можем считать себя связанными немецкой программой, как и программой-минимум. Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного* социализма. Оно, однако, не позволяет нам принадлежать к какой-либо отдельной национальной партии, по крайней мере до тех пор, пока мы не возвратимся в Германию и не примем непосредственного участия в тамошней борьбе. Теперь это не имело бы смысла.

По поводу того, что Вы говорите о вине Либкнехта в привлечении филистерских элементов, мы уже давно придерживаемся того же мнения. При многих своих превосходных качествах Либкнехт обладает тем недостатком, что всеми силами старается привлечь в партию «образованные» элементы, и для него, как для бывшего учителя, ничего не может быть хуже, чем если в рейхстаге рабочий иной раз скажет *мене* вместо *меня*. Кандидатуру такого человека, как Фирекк, ни в коем случае не следовало бы выставлять: он гораздо больше опозорил бы нас в рейхстаге, чем сотни неправильно употребленных «*мене*», что, кстати сказать, случается иной раз даже с Гогенцоллернами и фельдмаршалами. Если пришельцы, происходящие из образованных и вообще буржуазных кругов не стоят *полностью* на пролетарской позиции, они только вредны. Но если они действительно стоят на этой позиции, они могут быть очень полезны, и их следует приветствовать. Далее, одна из особенностей Либкнехта заключается в том, что он ради временного успеха не задумываясь жертвует более серьезными успехами в будущем. Примером может служить весьма рискованная посылка Фирекка и Фриче в Америку. Пока все сошло гладко, но кто может знать, не опозорит ли нас Фриче в Америке в дальнейшем. А потом будут говорить: это был официально посланный представитель германской социал-демократии в Америке! Какую осторожность приходится соблюдать с такого сорта людьми при выдвижении кандидатур, доказывает случай с Опенгеймером.

Опять помешали!

1 марта.

С мелкобуржуазным мещанско-филистерским духом в партии мы постоянно вели самую жестокую борьбу, потому что он,

развиваясь со времени Тридцатилетней войны, охватил *все* классы в Германии, сделался наследственным ее несчастьем, родным братом лакейства, верноподданнического смирения и всех прочих наследственных немецких пороков. Это он сделал нас за границей смешными и достойными презрения. Это филистерство — главная причина господствующей у нас дряблости и бесхарактерности. Оно царит на троне так же часто, как и в хижине сапожника. Лишь с тех пор, как в Германии образовался *современный* пролетариат, лишь с тех пор в его лице развился класс, почти совершенно не зараженный этой немецкой наследственной болезнью и проявивший в борьбе отвагу, энергию, юмор и упорство. Как же нам не бороться против всякой попытки снова искусственно привить этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости. Но испуганных в первый момент после покушений и закона против социалистов вождей охватил страх, доказавший только, что сами они слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерского мнения. В то время партия, если и не *стала* филистерской, то все же должна была *казаться* таковой. Теперь все это, к счастью, преодолено, но вовлеченные в нее незадолго до закона против социалистов филистерские элементы, преобладающие в особенности среди учившихся и в большинстве случаев не закончивших своего образования людей, — все еще в наших рядах, и за ними надо зорко следить. Мы очень рады, что Вы нам в этом помогаете. Вы там в «Sozialdemokrat» — на важнейшем посту.

Оставьте Вы в покое эту несчастную статью из «Jahrbuch». Она оправдывает биржевиков. Но можно прекрасно самому быть биржевиком и в то же время социалистом и поэтому ненавидеть и презирать *класс* биржевиков. Разве придет мне когда-либо в голову извиняться за то, что я когда-то был совладельцем фабрики? Здорово досталось бы тому, кто вздумал бы меня в этом упрекнуть. И если бы я был уверен, что завтра выиграю на бирже миллион и, таким образом, смогу предоставить большие средства в распоряжение партии в Европе и в Америке, я тотчас же отправился бы на биржу.

Вы совершенно правы относительно стремления заслужить похвалу врагов. Мы частенько из себя выходили, когда «Volksstaat» и «Vorwärts» с радостью отмечали, если кто-нибудь из катедер-социалистов одобрительно п...т. Предательство Микеля началось с его слов: «Мы должны во всех областях добиваться признания буржуазии». А Рудольф Мейер может льстить нам сколько угодно, — его признают снова разве только за действительно заслуживающих внимания «Politische

Gründer» [«Политических грюндеров»]. Мы, конечно, никогда не беседовали с ним на серьезные темы, а почти исключительно о Бисмарке и тому подобном. Но Мейер, по крайней мере, порядочный человек, который умеет показывать зубы и господам дворянам, а не карьерист, как все катедер-социалисты, которые процветают теперь также и в Италии. Образчик их, Ахилл Лориа, был здесь недавно, но после двух визитов ко мне больше уж не приходил.

Шум, который поднял Фирекк по поводу электротехнической революции, ничего не смысля в этом деле, только реклама для изданной им брошюры. В действительности же это колоссальная революция. Паровая машина научила нас превращать тепло в механическое движение, но использование электричества откроет нам путь к тому, чтобы превращать *все* виды энергии — теплоту, механическое движение, электричество, магнетизм, свет — одну в другую и обратно и применять их в промышленности. Круг завершен. Новейшее открытие Дебрэ, состоящее в том, что электрический ток очень высокого напряжения при сравнительно малой потере энергии можно передавать по простому телеграфному проводу на такие расстояния, о каких до сих пор и мечтать не смели, и использовать в конечном пункте, — дело это еще только в зародыше, — это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии, и если вначале оно будет полезно только для *городов*, то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней. Совершенно ясно, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии. Тупица Фирекк видит в этом лишь новый аргумент для своего излюбленного огосударствления: то, чего не может сделать буржуазия, должен сделать Бисмарк.

Я очень огорчен историей с Шумахером. Надеюсь, что это только временно; он ведь вообще был бодрым, решительным парнем. Но это, как Вы выражаетесь, проклятая атмосфера Германской империи.

На конгресс я ехать не собираюсь по многим причинам. Положение вещей на континенте в настоящее время таково, что я предпочитаю оставаться здесь.

Каутский прислал мне вторую часть своей работы о браке, в которой он опять хочет протащить контрабандой общность жен как вторичное явление. Но это не пройдет. Я напишу ему еще об этом и пришлю Вам письмо. Несчастье Каутского в том, что вместо того,

чтобы сложные вопросы превращать в простые, он, наоборот, усложняет простые. И потом, если так много пишешь, нельзя дать ничего путного. Для гонорара ему следовало бы писать популярные вещи и оставить себе время для того, чтобы разрабатывать научные темы вдумчиво и исчерпывающе, потому что только так и может что-нибудь выйти.

«Федраста» (den Phädrasten), над которым мы очень смеялись, я уже переправил дальше, в Манчестер, где он будет иметь большой успех.

Маркс все еще нетрудоспособен, не выходит из своей комнаты (он приехал тотчас же после смерти дочери) и читает французские романы. У него, повидимому, очень сложная болезнь. Я возлагаю большие надежды на приближающееся лето.

Ваш Ф. Энгельс.

Не помещайте только ничего в газете о состоянии здоровья Маркса. Фирекк в «Süddeutsche Post» невероятно искажил те сведения, которые я время от времени сообщал его жене (сам он мне почти никогда не писал), но мне это, конечно, удалось скрыть от Маркса, иначе бы он вцепился мне в волосы. На это Фирекк тоже не имел от меня никакого разрешения.

166.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

Лондон, 2 марта 1883 г.

Дорогой г. Каутский!

Я получил Вашу вторую статью о браке, и так как она содержит ответ на мою критику первой статьи, то я тут же продолжаю; у меня сейчас как раз есть свободное время, а завтра я занят.

Прежде всего я считаю абсолютно недопустимым, что Вы, оспаривая общность жен как первобытное явление, хотите ее снова привнести как явление вторичное. Где существует общность, — будь то общность земли, или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность. Это положение я считаю настолько неопровержимым и общезначимым, что если бы Вы даже

указали мне на исключения, то, как бы они на первый взгляд ни были разительны, я бы видел в них не аргумент против этого положения, а лишь еще один требующий разрешения вопрос.

Вы, далее, неправы, приписывая в первой статье ревности решающую роль, а во второй статье совершенно отбрасывая ее в сторону. В первой статье свободная моногамия выводится главным образом из ревности — другие мотивы, повторяю, для меня значения почти не имеют. Но если ревность может преодолеть естественную половую общность, — а косвенно Вы эту последнюю *все-таки* допускаете: «внутри племени господствовала *полная половая свобода*», — если ревность может, следовательно, поставить эту естественную свободу в границы временной моногамии, то тем более она в состоянии преодолеть менее значительные препятствия. Общая собственность племени на военнопленных является гораздо меньшим препятствием. Жена остается женой, будь она свободной или рабыней; но ревность мужа, если речь идет о рабыне, обеспечила бы, право же, гораздо легче единоличное владение, чем в том случае, когда дело касается свободных женщин, имеющих *право* на нарушение брака! Но едва только возникает брак с военнопленными, как у мужчины сразу же исчезает ревность; общность, казавшаяся ему в первобытном состоянии такой отвратительной, становится приемлемой и приятной, и даже после введения моногамии или полигамии, даже у семитических гаремных народов, мужья не имеют ничего против того, чтобы их жены в храмах или где бы то ни было в определенные периоды времени отдавались первому встречному. Нет, дорогой мой, это не так-то просто! Вы должны быть последовательны до конца, если даже это для Вас и не совсем удобно. Раз ревность сделала невозможной первичную половую общность жен, то тем самым с половой общностью раз навсегда, вплоть до капиталистического общества включительно, покончено. Либо вторая Ваша статья опровергает первую, либо наоборот.

Кстати: я несогласен с тем, что свобода женщины в первой ее стадии способствовала моногамии, так как об угнетении не могло, мол, быть и речи. Тот аргумент, что половая общность основана на угнетении, сам по себе неверен; это — современное извращение; предполагающее, что речь может идти только об общности женщин для *мужчин* и по *их произволу*. Эта предпосылка совершенно чужда первобытному состоянию. Половая общность существовала для *обоих* полов. Если вы опровергаете неправильное воззрение, то этим еще не опровергнуты правильные факты, которые подверглись искажению.

Далее: сводя всякую половую общность и ее следы к умыканию чужих жен, Вы придаете этой форме брака, как преобладающей, невероятное распространение, не приводя, однако, ни малейшего доказательства этому.

Дальнейшее расплывается в море гипотез, среди которых кое-что [для известных периодов и определенных] местностей безусловно верно. Но с обобщениями вы мчитесь, как курьерский поезд. Так быстро разрешить эти вопросы нам не удастся. И хотя кельтский клан, римский gens, немецкий Geschlecht — все являются подразделениями племени, тем не менее между ними есть существенные различия, и происхождения они, наверное, различного. Точно так же различны и виды кланов у некельтских народов.

Я убежден, что если Вы будете продолжать заниматься этим вопросом или через некоторое время вернетесь к нему, то придете к совершенно иным результатам и, быть может, пожалеете, что Вы в этой чрезвычайно трудной области проявили такую поспешность. Вы очень много читали на эту тему, но чересчур поторопились с выводами, и притом слишком большое значение придали мнениям так называемых антропологов, которые все страдают, я бы сказал, своего рода катедер-социалистическим косоглазием. Если Вы опровергнете бахофенское прославление половой общности и превращение ее в таинство, то половая общность все же останется фактом.

Ну, звонят к обеду; итак, не обижайтесь, я все же —

Ваш старый

Ф. Энгельс.

167.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 7 марта 1883 г.

Дорогой Бебель!

Я сегодня вынужден тебе отвечать по памяти, потому что твое письмо все еще у Маркса, а мне все-таки хочется поздравить тебя с освобождением, которое должно произойти послезавтра.

Описанный тобой быстрый рост промышленности Германии меня чрезвычайно радует. Мы во всех отношениях переживаем теперь вторую бонапартистскую империю: биржа мобилизует все мертвые или наполовину бездействующие капиталы, притягивая их и концентрируя в немногих руках; эти капиталы, оказавшиеся, таким образом, доступными для промышленности, порождают промышленный подъ-

ем (который отнюдь не следует отождествлять с деловым оживлением), а раз уж дело двинулось, оно пойдет все быстрее и быстрее. Только в двух отношениях эра Бисмарка отличается от эры Наполеона III: там процветание было связано с относительной свободой торговли, у нас же дело идет вперед, несмотря на покровительственные пошлины, которые как раз в Германии совершенно неуместны. Во-вторых, эра Бисмарка оставляет гораздо большее число людей без работы. Это объясняется отчасти тем, что прирост населения у нас гораздо больше, чем в двухдетной Франции, отчасти же тем, что Бонапарт своими парижскими постройками вызвал искусственный спрос на рабочую силу, тогда как у нас после эпохи миллиарда этому быстро пришел конец; отчасти здесь, повидимому, играют роль еще и другие причины, которые мне не ясны. Во всяком случае, мещанская Германия начинает, наконец, превращаться в современную страну, а это для наших дальнейших быстрых успехов совершенно необходимо.

Когда читаешь германские буржуазные газеты и парламентские речи, кажется, что живешь в Англии времен Генриха VII и Генриха VIII: те же причитания о бродягах, те же вопли о принудительном уничтожении бродяжничества, о тюрьмах и розгах. Это служит лучшим доказательством того, как быстро совершается отделение производителя от его средств производства, вытеснение мелкого производства машиной и усовершенствование машины. Но как смешны и презренны эти буржуа, которые стремятся посредством моральных проповедей и уголовных кар уничтожить необходимые последствия своей собственной деятельности! Как жаль, что ты не в рейхстаге, это было бы темой как раз в твоём духе.

Ваш пример — то, что вы спокойно принесли присягу в саксонском ландтаге, — нашел подражателей. Итальянцы единогласно постановили, что присяга не должна быть помехой, и Коста безропотно присягнул. А ведь эти люди именуют себя «анархистами», несмотря на то, что участвуют в выборах и позволяют себя избирать!

С моей брошюрой в Цюрихе вышла безобразная проволочка, но теперь она уже как будто напечатана; не знаю, быть может, в захолустном Цюрихе так долго продолжается брошюровка, — во всяком случае я все еще жду своих экземпляров; пока что я их еще не получил. Заметка о марке тебе многое разъяснит у Маурера; он отчаянно нескладно пишет, и все же его работы превосходны. Я прочел его книгу пять или шесть раз и на будущей неделе прочту ее снова, после того, как проштудирую еще раз все его остальные труды в их общей связи.

Очень порадовало нас то, как отделили нравственно-религиозного

Путкаммера — сперва Грилленбергер в самом рейхстаге, а затем несколько раз в «Sozialdemokrat». Теперь уж он будет поосторожней!

Милейший Гепнер перепечатал в Нью-Йорке «Наши цели», якобы с исправлениями и с приложением картинки, которая должна была изображать тебя, но на которой в действительности изображен настоящий янки. Так как у меня есть только первое издание, то я не могу судить, что он там напортил своими исправлениями (verschlimmbessert). Если у тебя нет его издания, я могу тебе прислать; надо ведь тебе полюбоваться тем, как ты выглядишь в представлении американцев.

Пора кончать письмо, я должен пойти к Марксу; его здоровье все еще не в порядке. Если бы было на два месяца позже, то погода и воздух сделали бы свое, но теперь у нас дует норд-ост, на улице метель и вьюга — вот и попробуй излечиться от застарелого бронхита!

Привет Либкнехту.

Твой Ф. Э.

168.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Телеграмма.]

Лондон, 14 марта 1883 г.

Маркс скончался сегодня.

Энгельс, Лондон.

169.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Мою телеграмму Вы, вероятно, получили. Это произошло с ужасающей быстротой. Видны на будущее были самые лучшие, но сегодня утром — внезапный упадок сил, после чего он просто уснул. В две минуты этот гениальный мозг перестал мыслить, и именно тогда, когда врачи подавали нам самые блестящие надежды. Что означал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты — и в области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто все время был с ним. Вместе с ним на долгие годы исчезнет и его широкий кругозор. Мы еще не доросли до этого. Движение пойдет своей дорогой, но уже не будет того спокойного, своевременного.

обдуманного руководства, которое не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям.

Остальное в другой раз. Сейчас полночь, а я весь день и вечер должен был писать письма и бегать по разным делам.

Ваш Ф. Э.

170.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Из телеграммы, которую я отправил г-же Бебель — это единственный известный мне адрес — вы, вероятно, знаете, какую страшную потерю понесла европейская социалистическо-революционная партия. Еще в прошлую пятницу врач — один из лучших в Лондоне — сказал нам, что есть все основания предполагать, что он выздоровеет и будет крепче, чем когда-либо, как только питание восстановит его силы. И именно с тех пор он снова начал есть с большим аппетитом. Но сегодня, в третьем часу дня, я застал всех в слезах: он очень плох. Ленхен предложила мне подняться к нему, сказав, что он дремлет; она оставила комнату каких-нибудь две минуты назад. Когда я вошел к нему, он спал, но спал вечным сном. Величайший ум второй половины нашего века перестал мыслить. О непосредственной причине смерти я без врачей судить не берусь; весь случай был настолько сложным, что даже врачам потребовалось бы исписать кипы бумаги, чтобы его подробно описать. Но, в конце концов, теперь это уже и не важно. За последние шесть недель я перенес достаточно страха и могу только сказать, что, по моему мнению, сначала смерть его жены, а затем смерть Женни, последовавшая в чрезвычайно критический момент, сделали свое и приблизили конец.

Несмотря на то, что сегодня вечером я его видел неподвижно лежащим на кровати, с лицом, застывшим навеки, я все же не могу себе представить, что этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках.

Твой Ф. Энгельс.

171.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 15 марта 1883 г.

Старый дружище!

Радуйся тому, что ты еще прошлой осенью видел Маркса, больше уж ты его никогда не увидишь. Вчера днем, в 2 часа 45 минут, едва оставив его на две минуты, мы нашли его тихо уснувшим в кресле. Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться. Произошло, вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Теперь мы с тобой, пожалуй, последние из старой гвардии времен до 1848 г. Ну, что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают друзья, но нам обоим это не в диковинку. И если кого-нибудь из нас и сразит пуля — пусть так, лишь бы она как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго.

Твой старый боевой товарищ

Ф. Энгельс.

172.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 15 марта 1883 г.

11 ч. 45 м. вечера.

Дорогой Зорге!

Твоя телеграмма получена сегодня вечером. Сердечное спасибо!

Сообщать тебе регулярно о состоянии здоровья Маркса не было возможности, так как оно постоянно менялось. Вкратце сообщу тебе главное.

Незадолго до смерти своей жены, в октябре 1881 г., он заболел плевритом. После выздоровления его направили в феврале 1882 г. в Алжир, но по дороге, из-за холодной и сырой погоды, он заболел и приехал туда с новым плевритом. Отвратительная погода продолжала держаться; едва он вылезился, его, ввиду приближавшейся летней жары, послали в Монте-Карло (Монако). Туда он прибыл опять с плевритом, но в более легкой форме. Снова отвратительная погода. Оправившись, наконец, он уехал в Аржантейль, близ

Парижа, к своей дочери, г-же Лонге. Там он пользовался против старелого бронхита серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Погода и там оставалась прескверной, но все же лечение помогло. Затем он отправился на шесть недель в Веве, откуда он, как казалось, почти здоровый, вернулся в сентябре. Ему разрешено было провести зиму на южном побережье Англии. Да и самому ему так надоела бездеятельная кочевая жизнь, что новое изгнание на юг Европы, вероятно, повредило бы ему морально в той же мере, в какой помогло бы физически. Когда начались лондонские туманы, его отправили на остров Уайт. Там дождь шел не переставая; он опять простудился. На новый год мы с Шорлеммером хотели его навестить, но тут получены были известия, потребовавшие немедленного отъезда туда Тусси. И сразу после этого — смерть Женни; он вернулся сюда с новым бронхитом. После всего предшествовавшего и в его возрасте это внушало опасения. Сверх того произошло множество осложнений, в особенности нарыв в легком и невероятно быстрый упадок сил. Несмотря на это, общее течение болезни шло благоприятно, и еще в прошлую пятницу лечивший его врач, один из лучших молодых врачей Лондона, которого особенно рекомендовал ему Рэй Ланкастер, подавал нам самые блестящие надежды. Но кто хоть раз рассматривал под микроскопом легочную ткань, тот знает, как велика опасность прободения стенки кровеносного сосуда при нагноении в легком. И поэтому я в течение шести недель каждое утро, поворачивая за угол, в смертельном страхе смотрел, не опущены ли шторы на окнах. Вчера днем в 2.30 — это был самый подходящий час для того, чтобы его навестить — я пошел туда и застал весь дом в слезах: наступает, очевидно, конец. Я стал расспрашивать, пытался найти причину, утешить. Оказывается, произошло небольшое кровоизлияние, но вслед затем сразу наступил упадок сил. Наша славная старая Ленхен, ухаживавшая за ним так, как ни одна мать не ухаживает за своим ребенком, поднялась наверх и тотчас же вернулась: он в полусне, мне можно к нему подняться. Когда мы вошли, он спал вечным сном. Пульс и дыхание исчезли. В течение этих двух минут он тихо и безболезненно скончался.

Все события, наступающие в силу естественной необходимости, как бы они ни были ужасны, содержат в самих себе утешение. Так и на этот раз. Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Марк никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки

от желания их закончить и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть. «Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых», — любил он повторять слова Эпикура. И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящей славе медицины и на потеху филистеров, которых он в пору своего расцвета так часто повергал в прах, — нет, в тысячу раз лучше то, что случилось, в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена.

После всего того, что предшествовало этому и чего даже врачи не знают так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выход.

Пусть так. Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда естественно обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У доморощенных знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развязаны руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий — и без того неизбежных — теперь будет гораздо больше. Ну что ж, с этим мы должны справиться — для того мы и существуем. Вот почему мы далеко еще не теряем мужества

Твой Ф. Энгельс.

173.

Энгельс — Ф. Лесснеру

в Лондон.

Лондон, 15 марта 1883 г.

Дорогой Лесснер!

Наш старый Маркс вчера в 3 часа тихо уснул навеки. Непосредственная причина смерти — вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Похороны состоятся в субботу в 12 часов. Тусси просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой Ф. Энгельс.

174.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 24 марта 1883 г.

Дорогой Лавров!

Я получил длинную телеграмму из Москвы, в которой меня просят возложить венок на могилу Маркса от имени студентов Петровской сельскохозяйственной академии. Не имея моего адреса, они телеграфировали в редакцию «Daily News». Теперь они просят меня сообщить стоимость венка и мой адрес. Но телеграмма без подписи; подписано: студенты Петровской академии в Москве.

Кому отвечать? Не посоветуете ли Вы мне? Так как телеграмма пришла после похорон, а могила была снова открыта сегодня, чтобы похоронить в ней маленького сына Лонге¹, умершего в прошлый вторник, я смогу возложить венок только на будущей неделе. Но, я бы хотел сообщить этим славным ребятам, что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня поручение.

Очень спешу.

Весь Ваш

Ф. Энгельс.

175.

Энгельс — Т. Куно

в Нью-Йорк.

Лондон, 29 марта 1883 г.

Дорогой Куно!

Твое письмо вызвало здесь вчера дружный смех. Каждому, кто знал Мавра в домашнем быту и в интимном кругу, известно, что его никогда не называли там Марксом или даже Карлом, а только Мавром, так как каждый из нас имел свое прозвище и по прозвищу переставали называть тогда, когда прекращалась и тесная интимность. Мавр было прозвищем Маркса с университетских времен; в «Neue Rheinische Zeitung» его тоже всегда называли Мавром. Если бы я как-нибудь назвал его иначе, он подумал бы, что между нами произошло какое-то недоразумение, которое следует уладить.

Твой Ф. Энгельс.¹¹ Апри.

176.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 2 апреля 1883 г.

Дорогой Лавров!

Спешу подтвердить получение Вашего письма с переводом на 124 фр. 50 сант. Я смогу получить эти деньги не раньше среды, потому что завтра должен просматривать рукописи, оставленные Марксом. Исполнив поручение, я помещу отчет в цюрихском «Sozial-Demokrat» и попрошу редакцию послать Вам несколько экземпляров этого номера. Само собой разумеется, что имя гражданина Кранца не будет упомянуто.

Я нашел рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Весь процесс, взятый в целом», около 1 000 страниц in folio. Пока еще нельзя сказать, может ли эта рукопись быть напечатана в том виде, в каком она есть. Во всяком случае мне придется ее переписать, потому что это черновик. Завтра у меня будет, наконец, время, чтобы посвятить несколько часов на просмотр всех рукописей, оставленных нам Мавром. Особенно меня интересует очерк диалектики, который он всегда хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он знал, что, проведая о том, что у него что-нибудь готово, мы будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать. Все это между нами, я не имею права ничего печатать без Тусси, которой вместе со мной завещано литературное наследство.

Мы все были радостно удивлены известием о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин снова благополучно вернулся на волю. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на-днях. Передайте ему от меня горячий привет.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

177.

Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 11 апреля 1883 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ!

Вы понимаете, что после смерти моего старого друга я был так поглощен корреспонденцией, всякого рода делами, просмотром

оставшихся рукописей и т. д., что мог заниматься только самым неотложным. Сегодня я улучил, наконец, несколько минут, чтобы выразить Вам благодарность за Ваше сочувственное письмо и за Ваш превосходный некролог в «*Recht voor Allen*». Этот некролог был безусловно одним из лучших, какие нам известны, — таково единодушное мнение здесь в интимном кругу.

От имени осиротевших дочерей Маркса и от моего собственного приношу также сердечную благодарность голландской рабочей партии за то, что она, по крайней мере духовно, отдала последний долг нашему другу. Она шла здесь в одном ряду с немецкими, французскими, испанскими, русскими и американскими партийными товарищами.

Если судьба или любовь к путешествиям, возможность которых для нас, увы, весьма ограничена, приведет меня в Голландию, то я сочту своим долгом посетить Вас; со своей стороны прошу Вас побывать у меня, если Вам случится приехать в Англию.

Маркс оставил объемистую рукопись второго тома «Капитала»; я должен сначала полностью прочесть ее (а каким почерком она написана!), прежде чем смогу сказать, в какой мере она подготовлена к печати и насколько она нуждается в дополнениях из более поздних тетрадей. Во всяком случае, *главное — есть*. Но так как я не могу еще сказать ничего более определенного, то прошу Вас пока ничего не сообщать об этом в печати; это могло бы только привести к недоразумениям. К тому же литературное наследство завещано мне совместно с младшей дочерью Маркса, Элеонорой, и без нее я ничего не могу предпринимать, а дамы, как Вы знаете, любят соблюдать формальности.

Простите, что я пишу не по-голландски; за последние годы у меня совсем не было практики в вашем языке.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

Прилагаю свою фотографическую карточку и прошу прислать Вашу. Как только мы получим новые фотографии Маркса, я пришлю Вам одну из них.

178.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 14 апреля 1883 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Д-р Эвелинг, редактор «*Progress*», написал в «*Republican*», желая купить гравюру по дереву, с которой был напечатан помещенный

в этой газете портрет Маркса. Ответ гласил: «Гравюра отослана в Германию, в «Sozialdemokrat», так что мы не можем доставить ее Вам». Эвелинг просит меня тотчас же узнать у Вас, нельзя ли ему получить эту гравюру как можно скорее. Если нет, то хотя бы клише с нее. Может быть, тут произошло недоразумение, и гравюра была отправлена в «Neue Welt». Пожалуйста, сообщите мне об этом немедленно открыткой.

Отчет о съезде весьма отрадный.

Очень спешу.

Ваш Ф. Э.

Второй том «Капитала» есть, но в каком состоянии, сказать не могу, надо прочесть 1 000 страниц рукописи. Только ничего пока не пишете в газете; когда я смогу сказать что-нибудь определенное, сообщу Вам точные сведения.

179.

Энгельс — Дж. Ноулсу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 17 апреля 1883 г.

Милостивый государь!

Среди бумаг покойного д-ра Маркса есть написанное мною критическое резюме «Капитала», но мы до сегодняшнего дня еще не могли найти его среди массы оставленных Марксом рукописей.

Тем не менее, если бы я даже его нашел, то не решился бы послать его Вам, — по крайней мере, для той цели, о которой Вы говорите. Не знаю, насколько принято среди литераторов в этой или какой-либо другой стране, чтобы один автор одалживал свои рукописи другому.

Наш опыт с английскими журналистами мало утешителен. За исключением нескольких представителей англиканского духовенства, они неизменно искажали наши взгляды, а наши действия изображали в ложном свете. Их полное невежество в том, что касается нашей теории и практики, могло сравниться только с их нахальством. В «The Nineteenth Century», — кажется, в июле 1878 г., — была опубликована статья Джорджа Гоуэлла об Интернационале, полная искажений и ошибок. Маркс послал Вам опровержение, но Вы отказались его поместить.

Если Вы сами хотите познакомиться со взглядами Маркса, то

боюсь, что Вам придется прочесть немецкое, русское или французское издание «Капитала».

Я знаю только одного англичанина, который мог бы правильно изложить содержание «Капитала». Это — один манчестерский адвокат ¹. Если Вам угодно, я охотно запрошу его, не согласится ли он выполнить для Вас эту работу.

Уважающий Вас

[Ф. Э.]

180.

Энгельс — редакции «New-Yorker Volkszeitung»

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 18 апреля 1883 г.

122, Regent's Park Road.

[Черновик.]

В Вашей газете от 15 числа Вы перепечатали мою телеграмму к Зорге в таком виде, как будто она была адресована *Вам*.

В номере от 17 числа Вы сообщили, будто я телеграфировал Вам, что Маркс умер в Аржантейле.

Мы здесь не привыкли позволять себе такие вольности с именем других людей или допускать что-либо подобное по отношению к нам самим.

Этим самым Вы делаете для меня невозможным посылать Вам в дальнейшем сообщения.

Если в Вашей газете еще раз будет допущено подобное злоупотребление моим именем, то Вы заставите меня просить моего старого друга Зорге объявить это прямым подлогом с Вашей стороны.

Уважающий Вас

Ф. Э.

181.

Энгельс—Ф. Ван-Паттену

в Нью-Йорк.

[Черновик.]

Лондон, 18 апреля 1883 г.

Уважаемые товарищи!

Отвечу коротко и ясно на Ваш запрос от 2 апреля о позиции Карла Маркса по отношению к анархистам вообще и к Иоганну Мосту в частности.

¹ С. Мур.

Маркс и я уже с 1845 г. придерживались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное растворение (dissolution) и в конечном счете исчезновение политической организации, именуемой *государством*, — организации, которая всегда имела главной целью обеспечить, посредством вооруженной силы, экономическое угнетение трудящегося большинства имущим меньшинством. С исчезновением имущего меньшинства исчезает и необходимость в вооруженной государственной силе, служащей целям подавления. В то же время мы всегда считали, что для этого, а также для достижения других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции пролетариат должен будет прежде всего захватить в свои руки организованную политическую государственную власть и с ее помощью сломить сопротивление класса капиталистов и реорганизовать общество. Все это изложено уже в «Коммунистическом манифесте» 1847 г., в конце второй главы.

Анархисты ставят вопрос на голову. Они говорят, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов — капиталистов — и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа неминуемо закончилась бы поражением и массовой резней рабочих, как это было после Парижской Коммуны.

Нужно ли мне особо доказывать, что Маркс выступал против этой анархистской бессмыслицы с первого же дня, как Бакунин преподнес ее в ее теперешней форме? Об этом свидетельствует вся внутренняя история Международного товарищества рабочих. Анархисты, начиная с 1867 г., при помощи самых гнусных средств пытались стать во главе Интернационала, и Маркс был главным препятствием на их пути. В результате пятилетней борьбы анархисты были исключены из Интернационала на Гаагском конгрессе в сентябре 1872 г.; человеком, который сделал больше всех для того, чтобы добиться этого исключения, был Маркс. Наш старый друг Ф.-А. Зорге, из Хобокена, который присутствовал на конгрессе в качестве делегата, может сообщить Вам, если Вы пожелаете, дальнейшие подробности.

Теперь относительно Иоганна Моста. Утверждать, что Мост, после того как он стал анархистом, имел какую бы то ни было связь с Марксом или получал от него поддержку, может либо человек обманутый, либо заведомый лжец. После появления первого номера лондонской «Freiheit» Мост не более одного-двух раз заходил к Марксу и ко мне. Мы у него тоже не бывали и ни разу не встречались с ним, даже случайно, с тех пор, как в этой газете прорвался его новоявленный анархизм. Мы в конце концов перестали выписывать эту газету, так как в ней «решительно ничего не было». Мы питали к анархизму Моста и к его анархистской тактике такое же презрение, какое питали к тем, от кого он всему этому научился.

Еще в Германии Мост напечатал «популярное» изложение «Капитала». Он просил Маркса просмотреть его перед вторым изданием. Маркс сделал это при моем участии. Оказалось возможным изъять только самые грубые ошибки, иначе нам пришлось бы написать всю вещь заново, с начала до конца; Маркс согласился дать свои исправления при неперменном условии, чтобы его имя никогда и ни в чем не было связано с этой стряпней Иоганна Моста, даже в ее исправленном виде.

Вам предоставляется полная свобода опубликовать это письмо в «Voice of the People», если вы этого захотите.

С братским приветом
Ф. Э.

182.

Энгельс — Дж. Ноулсу
в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 20 апреля 1883 г.

Милостивый государь!

Я буду рад, если Вы найдете рукопись, о которой идет речь, и дам Вам преимущественные права на нее при двух само собой понятных условиях, о которых я хотел бы все же упомянуть: 1) что в случае, если Вы получите это право, то никому не сообщите об этом и 2) что в случае, если Вы напечатаете рукопись, она появится в виде отдельной статьи и вне всякой связи с какой-либо другой.

Преданный Вам
Ф. Э.

Разрешите довести до Вашего сведения, что я не «д-р», а отставной хлопчатобумажный прядильщик.

20 м. и Э., т. XXVII

183.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 23 апреля 1883 г.

Одновременно с этим посылаю корректуру. Ваше письмо получил, ответу на него на этой неделе статьей о Марксе в «Sozialdemokrat». Мне придется еще много повозиться, прежде чем она будет окончательно готова.

Побасенка о злом Энгельсе, соблазвившем доброго Маркса, повторялась с 1844 г. бесчисленное множество раз — попеременно с другой побасенкой об Аримане-Марксе, совратившем с пути добродетели Ормузда-Энгельса. Теперь у господ парижан откроются наконец глаза.

Ваш Ф. Э.

184.

Энгельс — Ф.-А. Зорге
в Хобокен.

Лондон, 24 апреля 1883 г.

Дорогой Zorge!

Прилагаю при сем несколько строк для Гартмана от его друга Броше, путаного анархиста, но очень славного малого. Будь добр, передай это.

«Volkszeitung» наделала достаточно глупостей, однако все же не так много, как я ожидал. Причем все внесли сюда свою лепту: Шевич, Куно, Дуэ, Гешнер. То был квартет людей, которые вообразили себя всезнайками, но ни черта не знают — все вместе и каждый в отдельности. Все же я нашел необходимым написать в редакцию несколько строк: мою телеграмму, посланную тебе, они напечатали так, как будто она была отправлена на *ил* имя, а вторую телеграмму, посланную *им*, они исказили, вставив в нее, что Маркс умер в Аржантейле. Здесь мы не допустили бы ничего подобного. Этим самым они сделали для меня невозможным в дальнейшем делать им сообщения, и если они еще раз позволят себе злоупотреблять моим именем, я буду вынужден просить тебя публично объявить об их подлоге. Пусть эти господа проделывают свои американские штучки в своем собственном кругу. Впрочем, американцы гораздо порядочнее: по словам «Volkszeitung», мне была послана телеграмма, но этой телеграммы я никогда не получал и был уверен, что господа из «Volkszeitung» прикарманили деньги. Сейчас Ван-Паттен пишет, что денег вообще не было. Мне придется заявить здесь об этом в печати, иначе вый-

дет, что я скрыл эту телеграмму от парижской прессы и от «Sozial-Demokrat». Ответ относительно Моста, который я послал Ван-Паттену на его запрос, он наверное уже успеет напечатать до того, как дойдет настоящее письмо.

На копенгагенском конгрессе было решено, что Либкнехт и Бебель ближайшей весной отправятся в Америку. Цель поездки — сбор денег на избирательную кампанию 1884—1885 гг. (все это *между нами*). Либкнехт предложил Тусси поехать с ним в качестве секретаря, и ей это очень улыбается; так что легко может случиться, что ты с нею там скоро увидишься. Планов у нас еще вообще никаких нет. Литературная работа (3-е издание I тома «Капитала»; издание II тома, рукопись которого найдена, но еще неизвестно, насколько она подготовлена к печати и нуждается ли в дополнениях; биография на основании обширной переписки и т. д.) отнимает все свободное время, а Тусси, кроме того, приходится еще выполнять массу литературных заказов.

Ты имеешь, конечно, полное право напечатать выдержки о Генри Джордже из писем к тебе Маркса. Но не лучше ли будет обождать, пока я пришлю тебе замечания, сделанные Марксом на полях его экземпляра книги Джорджа, чтобы потом объединить все это вместе? Теоретически отточенные, но краткие, не иллюстрируемые примерами резюме, как их дает Маркс, слишком еще мало доступны рядовому американцу, да это и не к спеху. Как только у меня будет время, я поближе ознакомлюсь с ними. Если ты тем временем пришлешь мне копию соответствующего места из письма Маркса, это упростит работу.

Прилагаю брошюру. Я сам пока получил только несколько экземпляров. Второе издание печатается. *Знает ли В[...]*¹ *теперь английский язык?* Его прежние переводы были грамматически и стилистически совершенно негодны для печати, они ужасно скомпрометировали бы нас и вместе с тем поставили бы в смешное положение издателя. Во всяком случае я хотел бы просмотреть образцы перевода.

Ф. Э.

185.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 28 апреля 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

(Я думаю, мы обойдемся без скучного «господин»). К настоящему письму приложена кое-какая переписка, в том числе с американцами, по поводу Моста.

¹ Неразборчиво.

Непростительно, что Вы вернулись не через Лондон, я твердо рассчитывал на это. Вы, может быть, приедете как-нибудь летом, тогда мы вместе поплаваем в море. Ночлег для Вас у меня всегда обеспечен.

Майоль, лучший фотограф в Лондоне, постоянно работавший для Маркса, держится правила: «С знаменитых людей мы денег не берем». Мы поэтому не можем торопить его (он очень неаккуратен) с оттисками, разве только косвенным образом. Мы заказали ему, якобы для одного немецкого книготорговца, 1 000 визитных карточек (12 ф. ст. = 240 марок = 24 пфен. за штуку) и 200 кабинетных портретов ($\frac{3}{4}$ фигуры) за 8 ф. ст. = 160 марок = 80 пфен. за штуку. Это последний, самый лучший снимок, на котором Мавр изображен во всем своем олимпийском спокойствии и свойственной ему бодрой уверенности в победе. Я предлагаю их Вам, Либкнехту и Зорге в Нью-Йорке, за вычетом того, что понадобится нам самим. Сколько Вы хотите получить? Совсем не требуется распродать их сразу. Во всяком случае они будут лучше, чем изготовленные у вас.

Ваш Ф. Э.

186.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 30 апреля 1883 г.

Дорогой Бебель!

На твой вопрос, не переселиться ли мне в Германию, или в Швейцарию, или еще куда-либо на континент, я отвечаю просто: я не поеду ни в одну из стран, откуда меня могут выслать. Но застрахованным от этого можно быть только в Англии и в Америке. В Америку я по собственному желанию съездил бы разве только погостить. Следовательно, я остаюсь здесь.

К тому же Англия имеет еще одно большое преимущество. С тех пор, как покончено с Интернационалом, здесь нет абсолютно никакого рабочего движения, кроме такого, которое плетется в хвосте буржуазии, радикалов, и ставит себе маленькие цели в пределах капиталистических отношений. Таким образом, только здесь и можно спокойно продолжать теоретическую работу. Повсюду, кроме Англии, пришлось бы принимать участие в практической агитации и тратить на это невероятно много времени. Но в этой области я сделал бы не больше, чем всякий другой, между тем как в области теории я не вижу пока никого, кто мог бы заменить меня и Маркса. То, что в этом направлении пытались делать более молодые, стоит немногого,

а большей частью и вовсе ничего не стоит. Каутский, — единственный, кто усердно занимается, — вынужден писать для того, чтобы жить, и уж поэтому не в состоянии дать ничего путного. И вот теперь, на 63-м году жизни, когда у меня по горло собственной работы, когда предстоит год работы над вторым томом «Капитала» и еще год — над биографией Маркса и над историей немецкого социалистического движения за период 1843—1863 гг. и Интернационала 1864—1872 гг., было бы с моей стороны попросту безумием променять свое здешнее спокойное убежище на такие места, где пришлось бы участвовать в собраниях и в газетной полемике и уже в силу одного этого неизбежно утратить ясность взгляда на вещи. Конечно, если бы опять наступили такие времена, как в 1848 или в 1849 г., то я снова сел бы на коня, раз это нужно. Но теперь — строгое разделение труда. Даже от «Sozialdemokrat» я должен по возможности отстраниться. Подумай только об огромной корреспонденции, которую раньше делили мы с Марксом, а теперь уже больше года веду я один. Мы должны ведь, пока это в моих силах, сохранить те многочисленные нити из всех стран, которые до сих пор добровольно сходились в кабинете Маркса.

Что касается памятника Марксу, то я, право, не знаю, что тут делать. Семья его против памятника. В их глазах было бы кощунством заменить простую надгробную плиту, сделанную для его жены, плиту, на которой теперь высечены имена Маркса и его маленького внука, монументом: в Лондоне этот монумент едва ли отличался бы от окружающих претенциозных филистерских памятников. Лондонские кладбища совершенно не похожи на немецкие. Здесь — могила к могиле, между ними нет места даже и деревцу, и памятник в ширину и в длину не должен выходить за пределы купленного узенького клочка земли.

Либкнехт говорил об издании полного собрания сочинений Маркса. Все это прекрасно, но выходит та же история, что и с планом Дитца относительно второго тома [«Капитала»]: забывают, что право на второй том давно передано Мейснеру и что издание других менее крупных вещей тоже должно быть предложено прежде всего ему и может быть издано *только за границей*. Ведь еще до исключительного закона считалось, что даже «Коммунистический манифест» не может быть напечатан в Германии, — разве что в качестве оглашенного на Вашем процессе документа.

Рукопись второго тома закончена до 1873 г., вероятно даже до 1870 г. Она написана готическими буквами, а после 1873 г. Маркс пользовался только латинскими.

Теперь уже слишком поздно отправлять письмо заказным, оно пойдет простым, но я запечатаю его своей печатью.

Либкнехту посылаю сегодня вечером письмо в Берлин.

Твой Ф. Э.

187.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 1 мая 1883 г.

Дорогой Зорге!

Чтобы иметь хорошие фотографии Маркса, мы заказали у Майоля, лучшего здешнего фотографа, который делал последние снимки, наиболее удачные из них, в количестве:

1000 визитных карточек — 12 ф. ст.,

т. е. около 3 пенсов штука;

200 кабинетного размера, $\frac{3}{4}$ фигуры — 8 ф. ст.,

т. е. около 9 пенсов штука.

Из них ты можешь получить сколько тебе нужно по себестоимости. Я предложил их также Либкнехту и Бернштейну в Цюрихе. Если указанного числа мало, мы сможем заказать еще, но это нужно быстро решить.

Твой Ф. Энгельс.

188.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 10 мая 1883 г.

Дорогой Бебель!

Я охотно верю, что ты предпочитаешь *не* сидеть в рейхстаге. Но ты видишь, к чему повело твое отсутствие. Бракке еще несколько лет тому назад мне писал: все-таки из всех нас один Бебель обладает подлинным парламентским тактом. Я не раз убеждался, что это так. Поэтому ничего не поделаешь, при первой же возможности тебе придется снова занять свой пост; я буду очень рад, если тебя выберут в Гамбурге, и ты тем самым поневоле избавишься от своих сомнений.

Если в течение длительного срока заниматься агитационной и парламентской работой, то она, конечно, очень приедается. Это —

как с рекламой и коммивояжерством: успех приходит не скоро, а иной раз его и вовсе не бывает. Но тут ничего не поделаешь: кто взялся за дело, должен довести его до конца — иначе весь затраченный труд ни к чему. А при исключительном законе без этого единственного пути, оставшегося открытым, ни в коем случае не обойтись.

Отчет о копенгагенском съезде составлен так, что я почти ничего не мог прочесть между строк и не мог поэтому внести поправки в сообщение Либкнехта, которое оказалось, как всегда, прикрашенным. Во всяком случае, я заключил, что половинчатые (*die Halben*) потерпели жестокое поражение, и полагал поэтому, что они теперь спрячут когти. Однако дело до этого пока еще, повидимому, не дошло. Относительно этих людей мы никогда не заблуждались. Газенклевера, равно как и Гассельмана, ни в коем случае не следовало допускать, но Либкнехт с его опрометчивой погоней за единством, против которой мы тогда изо всех сил протестовали, навязал нам осла и, сверх того, на некоторое время, еще и негодяя. Блос когда-то был живым, отважным человеком, но со времени своей женитьбы и т. д. в заботах о хлебе насущном быстро размяк. Гейзер всегда был преисполненным самомнения растяпой, а Кайзер — болтливым коммивояжером. Риттингаузен уже в 1848 г. ничего собой не представлял, — он стал социалистом лишь для виду, чтобы с нашей помощью добиться своего «прямого народовластия». Но у нас есть дела посерьезнее.

То, что ты пишешь о Либкнехте, ты, вероятно, давно уже думаешь. Мы знаем его в течение долгих лет. Популярность для него — необходимое условие существования. Он *должен* поэтому примирять и замазывать, чтобы отсрочить кризис. При этом он от природы оптимист и видит все в розовом свете. Это придает ему бодрости и является главной причиной его популярности; но в этом есть и теневые стороны. Покуда я переписывался с ним одним, он не только окрашивал все свои сообщения в свои излюбленные розовые тона, но и скрывал от нас все неприятное; а на наши запросы он отвечал так легкомысленно, что мы чаще всего раздражались и спрашивали себя: неужто он нас считает такими дураками и верит, что мы на это клюнем! Вдобавок, эта его неутомимая предприимчивость, которая, правда, очень полезна в текущей агитационной работе, но которая нас постоянно обременяла бесплодной перепиской, это его вечное прожектерство, которое сводилось к тому, чтобы нагружать работой *других*, — короче говоря, ты понимаешь, что подлинно деловая переписка, вроде той, какую я уже в течение нескольких лет веду с тобой и с Бернштейном, при таких условиях была совершенно

невозможна. Отсюда — вечные пререкания и тот почетный титул, которым он как-то в шутку меня наградил: титул величайшего грубияна Европы. Правда, мои письма к нему бывали зачастую грубы, но их грубость была обусловлена содержанием его писем. Маркс это знал лучше, чем кто бы то ни было.

Затем, Либкнехт при всех своих ценных качествах — прирожденный школьный учитель. Если в рейхстаге депутат-рабочий скажет «мене» вместо «меня» или латинскую короткую гласную произнесет как долгую, а буржуа при этом смеются, он приходит в отчаяние. Поэтому ему в рейхстаге нужны «образованные», вроде размазни Фирекка, который *одной* речью в рейхстаге способен скомпрометировать нас больше, чем две тысячи безграмотных «мене». Кроме того, Либкнехт не умеет ждать. Для него важнее всего на свете немедленный успех, даже если в жертву ему приносится значительно больший успех в будущем. Это вы испытаете в Америке, если поедете туда *после* Фриче и Фирекка. Их отправка туда была таким же промахом, как и опрометчивое объединение с лассальянцами, которые сами пришли бы к вам через полгода, — но пришли бы, как дезорганизованная шайка, без своих обанкротившихся вожаков.

Ты видишь, что я говорю с тобою совершенно откровенно и рассчитываю, что это останется между нами. Но я думаю также, что было бы хорошо, если бы ты дал решительный отпор краснобайству (*überredende Suade*) Либкнехта. Тогда он уступит. Если его действительно поставить перед решающим выбором, он, несомненно, пойдет по верному пути. Но он предпочтет это сделать не сегодня, а завтра, а еще лучше — не завтра, а через год.

Если в самом деле некоторые из депутатов голосовали за законы Бисмарка, — следовательно, на его пинок в задницу ответили ему поцелуем в то же место, — и если фракция после этого не изгоняет этих людей, то, право, я буду вынужден публично отречься от партии, которая терпит подобные вещи. Однако, насколько мне известно, это противоречило бы принятой партийной дисциплине, которая *требует*, чтобы меньшинство голосовало с большинством. Впрочем, ты это знаешь лучше меня.

Пока исключительный закон в силе, всякий раскол был бы, на мой взгляд, несчастьем, так как партия лишена всякой возможности общаться с массами. Но раскол этот нам могут навязать, поэтому надо быть на-чеку. Так вот, если что-либо подобное произойдет — где бы ты ни находился, будь добр известить меня об этом, и притом немедленно, потому что германские газеты я всегда получаю с большим опозданием.

Во всяком случае, Блос, когда он был выслан из Гамбурга в Бремен, прислал мне очень жалобное письмо, на которое я ему ответил в очень решительном тоне. Вся моя переписка в таком хаотическом состоянии, что нужно было бы затратить целый день, чтобы отыскать это письмо. Но так или иначе, мне придется привести ее в порядок, и тогда я пошлю тебе это письмо — если нужно, в *оригинале*.

Твой взгляд на рыночные отношения подтверждается тем, что происходит в Англии, Франции и Америке. Сейчас — промежуточный кризис, как в 1841—1842 гг., но на гораздо более высокой ступени. Вообще десятилетний цикл ясно обозначился лишь с 1847 г. (благодаря добыче золота в Калифорнии и Австралии и тем самым — окончательному образованию (vollständige Herstellung) мирового рынка). Теперь, когда Америка, Франция и Германия начинают разрушать мировую монополию Англии и вследствие этого, как до 1847 г., начинает быстрее проявляться перепроизводство, вновь появляются на сцену пятилетние промежуточные кризисы. Это — доказательство окончательного истощения капиталистического способа производства. Период процветания уже больше не достигает своего полного развития; по истечении пяти лет уже наступает перепроизводство, и даже в течение этих пяти лет дело в общем идет прескверно. Впрочем, это отнюдь не означает, что в 1884—1887 гг. не будет снова довольно большого оживления на рынке, как и в 1844—1847 гг. Но после этого, без всякого сомнения, наступит решительный крах.

11 мая.

Я хотел написать тебе еще кое-что об общем торговом положении, но сейчас перестанут принимать заказную почту. Итак, до следующего раза.

Твой Ф. Э.

189.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 10 мая 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Если ты своим прожектерством и необдуманными поступками за собственный страх будешь попрежнему заставлять меня заниматься бесполезным бумагомаранием, то переписку с тобой мне наверно придется забросить.

Я просто просил тебя тогда *ответить*: каковы мои права по отношению к Виганду? Договор 1845 г. предусматривает второе издание и устанавливает причитающийся за него гонорар. Спрашивается:

1) Связывает ли *меня* этот договор еще и теперь?

2) Если *да* и если Виганд отказывается печатать второе издание на тех условиях в отношении гонорара, которые предусмотрены договором, то безусловно ли я *свободен*?

На эти простые вопросы я *никогда* не мог получить от тебя ответа, а так как ты мне его обещал, то я и называю это попросту «халатностью».

Но я никогда тебе не поручал лично или через третье лицо вести переговоры по поводу моего дела и понять не могу, как тебе могло прийти в голову начинать их теперь, ничтоже сумняшеся, за собственный риск и страх. Я *категорически требую*, чтобы ты решительно ничего не предпринимал, иначе я вынужден буду тотчас же написать Виганду и *все дезавуировать*.

От Мейснера получено сегодня письмо; об издании выпусками он вовсе не упоминает. Договор не дает нам права вмешиваться в это дело. Но если Дитц сможет доказать Мейснеру, что это ему выгодно, то Мейснер все-таки на это может согласиться.

Адрес Лафарга: 66, Boulevard de Port-Royal, Париж (рядом с [тюрьмой] St. Pélagie: удобно на случай, если засадят).

Фотографии доставляются частями и будут отосланы Дитцу при первой возможности.

190.

Энгельс — А. Лорна

в Мантую.

[Черновик.]

[Лондон, май 1883 г.]

Милостивый государь!

Я получил Вашу брошюру о Карле Марксе. Вы вольны, конечно, подвергать его учение самой жестокой критике, хотя бы Вы и мало в нем поняли. Вы можете писать биографию Маркса, представляющую чистейшую фантазию. Но чего Вы не вольны и чего я никогда никому не позволю, — это возводить клевету на личность моего покойного друга.

Уже в одной прежней работе Вы позволили себе обвинить Маркса в том, что он недобросовестно приводил цитаты. По прочтении этой работы Маркс сличил свои и Ваши цитаты с оригиналом и сказал мне, что его цитаты совершенно правильны, и если здесь была какая-либо *недобросовестность*, то только с Вашей стороны. Теперь,

когда я вижу, как Вы цитируете Маркса, с какой бесцеремонностью Вы приписываете ему рассуждения о *прибыли* в тех местах, где он говорит о *прибавочной стоимости*, причем он не раз предостерегал от ошибочного их отождествления (г. Мур и я повторили Вам это в личной беседе здесь в Лондоне), — я знаю, кому я должен верить и кто поступает недобросовестно.

Но это — лишь мелочь по сравнению с Вашим «твердым и глубоким убеждением... что над всем учением Маркса господствует *сознательный софизм*» («Le dottrine del Marx» [«Учение Маркса»], стр. 510); что Маркс «не останавливается перед ложными заключениями, *отлично зная, что они ложны*»; что «он часто был софистом, желающим *в ущерб истине* притти кстрицианию современного общественного строя», и что он, по выражению Ламартина, «играл ложью и истиной, как дети играют в бабки».

В Италии, стране античной цивилизации, это, возможно, могло сойти за комплимент; возможно, что и среди катедер-социалистов это считается большой похвалой, так как эти brave профессеры никогда не могли бы состряпать свои бесчисленные системы, «не поступившись истиной». Мы, революционные коммунисты, смотрим на дело иначе. Мы считаем такие утверждения позорящими обвинениями и, зная их лживость, швыряем их обратно автору, который этими выдумками обесчестил лишь самого себя.

Мне кажется, Вашей обязанностью было ознакомить читателей, в чем же собственно состоит этот знаменитый «сознательный софизм», который господствует над всеми учениями Маркса. Но я напрасно ищу этого! Nagott [ни черта!]

Какую нужно иметь мелкую душонку, чтобы вообразить себе, будто такой человек, как Маркс, «постоянно угрожал своим противникам» вторым томом, написать который ему «даже в голову не приходило»; будто этот второй том не что иное, как «хитрая уловка, придуманная Марксом для подкрепления своих научных аргументов». Этот второй том существует и вскоре будет опубликован, и тогда Вы, может быть, сможете понять разницу между прибавочной стоимостью и прибылью.

Имею честь выразить Вам все те чувства, которые Вы заслуживаете.

Ф. Э.

Немецкий перевод этого письма будет опубликован в ближайшем номере цюрихского «Sozialdemokrat»¹.

¹ См. т. XV, стр. 667 настоящего издания.

191.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 22 мая 1883 г.

Старый дружище!

Как могло тебе притти в голову, что я каким-то образом в состоянии достать молодому партийному товарищу литературный заработок? У меня уже давно нет абсолютно никакой связи с немецкими издателями, за исключением Мейснера (благодаря «Капиталу»), а с газетами и журналами тем более. Что же я могу сделать? Если бы этот человек даже умел переводить с немецкого на французский или английский, и то я не мог бы помочь ему найти работу. Обратись лучше к Либкнехту, у него ведь есть «Neue Zeit» и масса связей.

С домом Маркса нам придется возиться еще до будущего марта, так что с переездом и дальнейшими планами особенно спешить нечего. Привести это наследство в порядок — действительно, каторжная работа. Я удивляюсь, как Марксу удалось сохранить почти все бумаги, письма и рукописи, написанные даже до 1848 г., — великолепный материал для биографии, которую я, конечно, напишу и которая, между прочим, будет также и историей «Neue Rheinische Zeitung» и движения 1848—1849 гг. на нижнем Рейне, историей паршивой лондонской эмиграции 1849—1852 гг. и историей Интернационала. Первым делом необходимо издать II том «Капитала», а это не шутка. Имеется 4 или 5 вариантов 2-ой книги, из которых только первый закончен, а позднейшие только начаты. Не мало труда придется положить, имея дело с рукописями такого человека, как Маркс, у которого каждое слово на вес золота. Но мне этот труд, приятен, ведь я снова вместе со своим старым другом.

В последние дни я разбирал письма с 1842 по 1862 г. Передо мною снова ожили старые времена и те веселые минуты, которые доставляли нам наши противники. Я часто до слез смеялся над этими старыми историями. Юмора наши враги никогда не могли у нас отнять. Но среди этого попадаетея также и много очень серьезных вещей.

Только это между нами. Смотри, чтобы ни слова об этом не попало в печать. То, что может быть опубликовано, я время от времени помещаю в «Sozialdemokrat». Бернштейн хорошо выправляется, он хочет учиться, не лишен остроумия и обладает ясностью мысли, способен переносить критику и свободен от всякой мелкобуржуазной прописной морали. Но наши ребята в Германии дей-

ствительно прекрасный народ, с тех пор как закон против социалистов освободил их от «образованных» господ, которые до 1878 г. пытались свысока поучать рабочих своей невежественной университетской путанице, чему, к сожалению, помогали очень многие из «вождей». Полностью освободиться от этого гнилого хлама еще не удалось, но все же движение снова определенно вошло в революционное русло. Это-то именно и великолепно у наших ребят, что массы гораздо лучше почти всех вождей, и теперь, когда закон против социалистов принуждает массы *собственными* силами вести движение, а влияние вождей сведено к минимуму, — теперь дело идет лучше, чем когда-либо.

Твой старый

Ф. Энгельс.

192.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 12 июня 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Сейчас половина двенадцатого ночи. Я только что прочел и отправил корректуру второго листа третьего издания «Капитала» (не малый труд), а остаток вечера хочу использовать, чтобы хоть начать письмо к Вам.

Что касается внутрипартийных дел, то я уже в протоколе прочел кое-что между строк, а вскоре после этого получил краткое разъяснение от Бебеля. Еще задолго до этого я писал Бебелю, что разрыв с этими трусами из правого крыла, в конце концов, должен произойти, но что, по-моему, не в наших интересах форсировать его, пока мы не будем в состоянии опять непосредственно общаться с массами, т. е. пока существует закон против социалистов. Если они нас *вынудят* к этому, тогда надо будет постараться, чтобы они нарушили партийную дисциплину, а не мы, и тогда наша победа заранее обеспечена. А до этого их следовало бы довести в том случае, если они не хотят вести себя смирно. Что касается Либкнехта, то он сделает все возможное, чтобы оттянуть кризис, но когда кризис наступит и он убедится в том, что отсрочить его больше нельзя, он займет правильную позицию.

Вот вкратце что мне предстоит сделать:

1) Привести в порядок литературное наследство, причем почти все приходится делать самому, потому что никто, кроме меня, не знает старых работ. Это огромная груда, и в основательном бес-

порядке. Многого еще нехватает, многие пакеты и ящики даже еще не вскрыты!

2) Подготовить третье издание с различными изменениями и некоторыми добавлениями из французского издания. При этом читать корректуру.

3) Воспользоваться представляющейся возможностью издать английский перевод — я был сегодня по этому делу у одного здешнего крупного издателя — и затем самому проредактировать перевод (с Муром, который будет его делать, мы в дружбе уже 26 лет, он прекрасный работник, но тяжел на подъем).

4) Сличить три-четыре варианта начала второго тома и подготовить его к печати; при этом *переписать начисто* весь второй том.

5) Время от времени покутить недельку с Шорлеммером, который вчера опять уехал в Манчестер; он всегда привозит с собой работу, но, увы, напрасно!

Такова жизнь!

Осел из «Vossische Zeitung»¹ (мне *четыре* раза присылали этот номер) повидимому, действительно причинил доброй Германии не мало печали своими речами о горемыке Марксе. Быть может, как-нибудь, когда я буду в особенно веселом настроении, я его взгрею. Если бы эти ослы имели возможность прочесть переписку между Мавром и мною, они бы просто остолбенели. Поэзия Гейне — детская игрушка по сравнению с нашей дерзкой, жизнерадостной прозой. Мавр мог приходить в ярость, но ныть — никогда. Я хохотал до упаду, когда перечитывал старые рукописи. Эта переписка, имеющая также и историческое значение, насколько это будет зависеть от меня, попадет в надлежащие руки. К сожалению, у меня есть письма Маркса только с 1849 г., но зато они сохранились полностью.

Посылаю Вам оригинал первоначальной наброска заключительной части «Коммунистического манифеста», которую можете сохранить на память. Первые две строки написаны под диктовку г-жей Маркс.

Прилагаемое стихотворение Веерта я успел бы во-время послать Вам для фельетона, если бы Вы не устроили так, что Ваше письмо опоздало на двенадцать часов, и мне таким образом пришлось ждать, не напечатаете ли Вы фельетон, как он есть. Вы можете, впрочем, пристроить его и как-нибудь иначе. Произведения Веерта из одной уже противоположности торжественному Фрейлиграту полны иронии и юмора. В них и помину нет «сурьезности» (Ernscht).

¹ Г. фон Трейчке.

Что касается отмены закона против социалистов, то люди в Германии не видят дальше своего носа. То, что Александр III в Москве разочаровал Россию своим манифестом точно так же, как Фридрих Вильгельм IV разочаровал в 1841 г. пруссаков (а положение в России гораздо напряженнее), имеет большее значение в этом отношении, чем все то, чего все Гейзеры, Блосы и К^о могли бы когда-либо добиться своим нытьем. Если в один прекрасный день его пристрелят, как собаку, — а это с ним обязательно случится, — то весь *внутренний* режим Бисмарка не будет стоить ломаного гроша. Тогда пойдет другая музыка. Достаточно только умереть старому Вильгельму, — я имею в виду не Вильгельма Блоса ¹, — и перемены неизбежны. Людям нынешнего поколения не пришлось испытать, и они не могут себе представить, на что способен состарившийся кронпринц, когда ситуация за это время стала революционной. Да к тому же еще такой колеблющийся безвольный дурак, как «наш Фриц»! Не исключена даже возможность, что сумасшедшее французское правительство затеет такую драку со всем миром, что доведет в Париже дело до переворота. Тунис, Египет, Мадагаскар, Тонкин — а теперь они еще собираются оспаривать у англичан какие-то Скалистые острова у норманского побережья, где не наберется и 50 жителей. Надеюсь только, что в Париже ничего не произойдет, так как глупость, господствующая там в массах, такова, что превзойти ее могут только здесь, в Лондоне.

К тому же Бисмарк честно работает на нас, как полдюжины волов. Его новейшая теория о том, что имперская конституция есть не что иное, как договор между правительствами, который они в любой день могут заменить другим, не спросившись рейхстага, — ведь это прямо клад для нас. Пусть только попробует. При этом явное стремление вызвать конфликт, эти его нахальные глупцы Бедикер и К^о в рейхстаге, — все это вода на нашу мельницу. Во всяком случае здесь уже не место фразе о «единой реакционной массе», которая пригодна главным образом только для декламации (или же для *действительно* революционной ситуации). Ведь в том-то и заключается действующая в нашу пользу ирония истории, что *различные* элементы этой феодальной и буржуазной массы, к выгоде для нас, скандалят, грызутся и поедают друг друга и, стало быть, образуют нечто прямо противоположное однородной массе, — нужно быть болваном, чтобы вообразить, что достаточно назвать их всех

¹ Игра слов: «Wenn der alte Wilhelm bloss stirbt (ich meine nicht den Wilhelm Bloss)».

«реакционными», чтобы справиться с ними. Наоборот, все эти разношерстные прохвосты должны сначала расправиться друг с другом, окончательно друг друга обессилить и осрамить и подготовить для нас почву, поочередно доказав один за другим свою негодность. Одной из крупнейших ошибок Лассалья было то, что он совершенно забывал в своей агитации о тех крохах диалектики, которые он усвоил у Гегеля. В своей агитации он всегда видел только одну сторону дела, совсем как Либкнехт, но так как Либкнехт в силу случайных обстоятельств видел правильную сторону, то в конечном счете он все-таки стоит выше великого Лассалья.

В том-то и беда нынешнего буржуазного движения в Германии, что оно образует «единую реакционную массу», и этому должен наступить конец. Мы не двинемся вперед, пока хотя бы часть буржуазии не будет вынуждена — внутренними или внешними событиями — вступить на путь *действительного* движения. Вот почему с нас уже довольно *господствовавшего до сих пор* режима Бисмарка; вот почему он может быть нам полезным только в случае конфликта или отставки, вот почему приходит время, когда закон против социалистов будет устранен полуреволюционным или подлинно-революционным путем. Все споры о том, избавимся ли мы только от «малого» [осадного положения], или от всего закона в целом, или же будет усилен обычный уголовный кодекс, — напоминают мне споры о девственности Марии во время и после родов. Решающими являются общие политические условия внутри страны и *за границей*; а они изменяются, не стоят на месте. Между тем, в Германии вопрос рассматривают только исходя из *незыблемости* нынешнего положения в Германии. Наряду с этим развивается связанное с представлением о единой реакционной массе убеждение, что после того, как будет свергнут нынешний режим, к власти придем мы. Это чепуха. Революция — длительный процесс, сравни 1642—1646 гг. и 1789—1793 гг., и для того, чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии должны поочередно притти к власти и осрамиться. Тогда придем мы и возможно, что еще раз временно потерпим поражение. Хотя при нормальном ходе вещей я считаю это мало вероятным.

Сегодня я отослал в «Народное издательство, Готтинген-Цюрих» неоплаченной посылкой, через «Континентальное посылочное агентство» (контрагент германской и швейцарской почты) пакет с заказанными Вами фотографиями. Счет прилагаю. Из этих денег запишите на мой счет 1 фунт 7 шиллингов, за вычетом 4 франков, израсходованных на чаевые, подписную плату и т. д. (если при переводе остатка

будет удобнее немного округлить сумму в ту или иную сторону, то, это, конечно, неважно). Здесь осталось теперь еще 500 визитных карточек и 280 кабинетных, — кто первый закажет, тот первый и получит. Но пока кроме Дитца у Вас конкурентов нет. Чем мне только ни приходится заниматься, Вы можете видеть из того, что сегодня я должен был проверить и заново упаковать фотографии для Вас и для Дитца, — все это собственноручно от начала до конца, — а также доставить их в контору (2¹/₂ английских мили отсюда). Изволь-ка работать после этого!

Борд — осел, мы его давно уже знаем. У Маркса лежит около ста присланных им тетрадей, так и не распечатанных. Пошлите его к чорту.

В Швейцарию я не поеду, пока континентальные маршруты не станут более безопасными. Ведь не было уверенности в том, что Маркс мог бы этим летом поехать во Францию или проехать через нее без неприятностей. Кто уже раз был выслан, тот должен быть готов ко всему, если не согласится сделать шаги, на которые я не могу пойти. Я это знаю.

Внутрипартийными делами Вы мне отнюдь не докучаете. Живя за границей, никогда нельзя быть достаточно осведомленным обо всех подробностях такой внутренней борьбы в рабочей партии, которая все же является руководящей европейской рабочей партией. А наш друг Либкнехт из принципа держит все это в тайне от меня, его отчеты розовы, как утренняя заря, лазурны, как ясное небо, и цветут надеждой.

К годовщине июньского сражения 1848 г. я посылаю Вам статью Маркса из «*Neue Rheinische Zeitung*». Он один во всей европейской печати стал на сторону повстанцев, когда они потерпели поражение.

Сердечный привет!

Ваш Ф. Э,

13 июня 1883 г.

Как Вы думаете, не будет ли своевременным напечатать в «*Sozial-Demokrat*» в виде фельетона одну *безгранично* дерзкую работу Маркса и мою от 1847 г., в которой мы отделали сидящих и сейчас в рейхстаге «истинных социалистов»? Это самое дерзкое из всего, что было когда-либо написано на немецком языке.

193.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 июня 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Если Вы поедете в Париж, то должны перебраться к нам через канал на несколько дней. Проезд туда и обратно будет Вам стоить меньше, чем Вы промотаете за это время в Париже. Комната для Вас здесь уже приготовлена. Я покажу Вам тогда и ту дерзкую рукопись, о которой писал, и другие рукописи. Г-жа Лафарг укажет Вам, как удобнее всего ехать.

Ваш Ф. Э.

Привет Либкнехту.

194.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобовен.

Лондон, 29 июня 1883 г.

Дорогой Зорге!

Мой рабочий вечер испорчен одним посещением, и у меня поэтому есть немного свободного времени, чтобы написать тебе.

Критика Г. Джорджа, посланная тебе Марксом, такой шедевр по своему содержанию и так монолитна стилистически, что было бы жаль ослабить ее, присоединив к ней отрывочные, написанные по-английски заметки на полях принадлежавшей Марксу книги Джорджа. Они пригодятся еще как-нибудь в другой раз. Все это письмо к тебе написано, как это обычно делал Маркс в таких случаях, с расчетом на позднейшее его дословное опубликование. Поэтому, напечатав его, ты не совершишь никакой нескромности. Если ты хочешь печатать по-английски, то я его тебе переведу, так как перевод «Манифеста» снова показал, что там у вас, повидимому, нет никого, кто мог бы переводить *наш* немецкий язык на литературный и грамматически правильный английский. Для этого необходимо иметь опыт литературной работы на обоих языках, и притом не только газетной работы. Переводить «Манифест» дьявольски трудно; русские переводы, пожалуй, лучшие из всех, которые я встречал.

Третье издание «Капитала» требует от меня каторжной работы. У нас есть экземпляр, в котором Маркс отметил изменения и добавления, которые необходимо сделать по французскому изданию; но всю эту кропотливую работу надо еще проделать. До «Накопления» у меня уже готово, но здесь придется почти полностью переработать

всю теоретическую часть. К тому же — большая ответственность. Дело в том, что французский перевод несколько упрощен по сравнению с немецким изданием, и по-немецки Маркс никогда не стал бы так писать. Кроме того, издатель торопит меня. Прежде чем я с этим не покончу, нечего и думать о том, чтобы приступить ко второму тому. Начало есть, по меньшей мере, в четырех вариантах: так часто Маркс приступал к этой работе, и каждый раз болезнь прерывала окончательную редакцию. В какой мере расположение материала и окончание последнего варианта, помеченного 1878 г., согласуется с первым вариантом, написанным еще до 1870 г., я еще не могу сказать.

Из работ, написанных до 1848 г., спасено почти все. Сохранились почти полностью (за исключением того, что изъедено мышами) не только рукописи наших совместных работ, но и переписка. После 1849 г., конечно, тоже все сохранилось целиком, а с 1862 г. материалы находятся даже более или менее в порядке. Есть также очень обширный рукописный материал, относящийся к Интернационалу, достаточный, мне кажется, для полной его истории, но подробнее ознакомиться с этим мне еще не удалось.

Есть также 3—4 тетради математических работ; я показывал однажды твоему Адольфу рукопись Маркса с новым обоснованием дифференциального исчисления.

Не будь такой массы американского и русского материала (по одной только русской статистике более 2 кубических метров книг), — второй том был бы давно напечатан. Это изучение подробностей задержало выход книги на многие годы. У него, как всегда, должны были быть полностью собраны все имеющиеся материалы, вплоть до последнего дня, а вот теперь все это ни к чему, за исключением его выписок, где он, вероятно, по своему обыкновению, оставил много критических замечаний, которые пригодятся в качестве примечаний для второго тома.

Фотографии здесь; я вышлю их тебе, как только у меня будет время упаковать их. Но как послать? Бандеролей в плотной упаковке почта не принимает. Посылок по почте еще не пересылают, а отправлять такую маленькую посылку через посылочное агентство будет стоить бешеных денег. Может быть, ты укажешь мне, как это лучше всего сделать.

Я прочитал уже пять листов третьего издания в последней корректуре; издатель обещает доставлять по три листа в неделю.

Твой Ф. Энгельс

У меня сейчас совершенно нет времени отвечать Гепнерчику на его многочисленные длинные письма. Его сообщения всегда интересны, хотя и переполнены личными кляузными и проникнуты самомнением новичка-иммигранта. Так что тебе придется уж извиниться перед ним за меня.

Шевич ответил мне с «достоинством» и сожалеет о моей «мелочности». Достоинство ему к лицу. Ответа он от меня не получит.

Не получит ответа и Мост, который вынужден признать все, что я утверждал, и потому так и злится. Я думаю, что в Америке, этой сектантской стране, он найдет последователей и сумеет некоторое время мутить народ. Но таков уж характер американского движения, что все заблуждения должны быть изжиты на практике. Если бы американская энергия и кипучая деятельность сочетались с европейской теоретической ясностью, все дело было бы у вас закончено в течение десяти лет. Но это исторически невозможно.

195.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Истберн, 21 августа 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Твое письмо осталось без ответа, так как я заканчивал работу над третьим изданием, а затем переехал сюда на 4, Cavendish Place, Истберн, Англия, где думаю остаться приблизительно до 12 сентября.

Г-жа Маркс умерла 2 декабря 1881 г.; Женни [Лонге] — 9 января 1883 г. О том и другом было напечатано в «Sozialdemokrat».

Парижская «Vorwärts» была мелкой газеткой, которой теперь приписывается больше значения, чем она того заслуживает; в редакции сидели отчаянные бездельники. Маркс следил главным образом за тем, чтобы она сохраняла верное направление, и помещал в ней время от времени полемические статьи и заметки против пруссаков. Гейне послал Марксу из Гамбурга часть корректурных листов «Зимней сказки» для напечатания в «Vorwärts» еще до появления книги в Германии.

Более точных сведений я тебе дать не могу, так как вообще видел лишь несколько номеров, а газетка просуществовала недолго.

В «Deutsche Brüsseler Zeitung» Маркс писал довольно много, между прочим — полемические статьи против Гейнца.

Письмо Бебеля своевременно получил, ответу на него отсюда; должен был отложить его, как и всю остальную корреспонденцию; потому что завален работой. Передай Бебелю, что Шорлеммер здесь и на-днях отправляется в Дармштадт, где останется, примерно, по середины сентября. Если Бебель до того времени попадет в эти края, то Шорлеммер просит известить его об этом (по адресу: проф. Шорлеммеру, Дармштадт), а также о том, где Шорлеммер может его встретить, он тогда постарается его разыскать.

Сегодня исполняется половина срока отсидки Лафарга.

Твой Ф. Э.

196.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Истбери, 27 августа 1883 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Бернштейн!

Вместе с этим посылаю почтовый перевод на 4 ф. ст. для старого Беккера. Я все еще надеюсь, что известия о нем, как это уже бывало не раз, преувеличены его семьей. Но он, конечно, очень стар, много перенес на своем веку, и г-жа Лафарг говорила мне, что в прошлом году в Женеве он выглядел постаревшим по сравнению с тем, каким крепким он выглядел в Гааге.

Много я и сегодня не могу написать. Почта отправляется отсюда в 1 час дня, а передо мной лежит корректура 19-го листа «Капитала», которая тоже должна быть сегодня отправлена.

Очень благодарен за Ваше предложение относительно Калера-Рейнтала, но я, к сожалению, не могу им воспользоваться. Мои дела, отвлекающие меня от основной работы, за исключением мелочей, все такого рода, что я должен выполнять их лично. А если я и мог бы кое-что поручить другому, то только такому человеку, который свободно говорит по-английски, хорошо знает Лондон и местные условия и мог бы избавить меня от лишнего хождения.

Я пробуду здесь приблизительно до 12 сентября — до тех пор можно пользоваться вышеуказанным адресом, а затем опять лондонским.

Кроме корректуры и залежавшейся корреспонденции меня еще ждет: 1) рукопись Девиля — французская популяризация «Капитала», 2) часть рукописи английского перевода. То и другое требует

тщательного просмотра. Как видите, и здесь мне нет покоя. К счастью, я живу у самого моря и сижу у открытого окна, через которое в комнату вливается морской воздух.

Я очень сожалел, что Вы не приехали. Я о многом хотел бы с Вами поговорить. Нужно быть во всяком случае готовым к тому, что *часть* литературного наследства Маркса должна будет появиться за границей, и на этот счет только Вы могли бы сообщить или предложить мне что-нибудь приемлемое, но об этом надо переговорить лично, писать слишком долго. Прошу, однако, ничего об этом не говорить, чтобы тамошние издатели не обольщались ложными надеждами; мой опыт с партийными типографиями таков, что я *очень и очень подумал бы*, прежде чем поручить им большую и важную работу.

Почтовую квитанцию я оставляю здесь, потому что на ней прямо указано, что получателю она не нужна. Ваш адрес я указал по памяти — 137, Alte Landstrasse, Рисбах, — если не так, исправьте это, пожалуйста, на цюрихском *главном* почтамте.

Предложение по поводу дерзкой рукописи было, скорее, неудачной шуткой. Пока существует закон против социалистов и пока «Sozialdemokrat» является единственным возможным органом, нельзя ни в коем случае из-за таких второстепенных вопросов бросать в партию яблоко раздора, что случилось бы, если бы из этого захотели сделать «принципиальный вопрос».

При обсуждении вопроса о «республике», особенно во Франции, основы нашей позиции выступают, по-моему, в «Sozialdemokrat» недостаточно ясно. А именно:

В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией бонапартистская монархия (характеристика которой дана Марксом в «18-м брюмера» и мною в «Жилищном вопросе», II, и в других местах) играет приблизительно такую же роль, как старая абсолютная монархия в борьбе между феодализмом и буржуазией. Но точно так же, как эта борьба не могла быть доведена до конца (ausgefochten) при старой абсолютной монархии, а лишь при конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 гг. и 1815—1830 гг.), так и борьба между буржуазией и пролетариатом может быть доведена до конца только в республике. Если поэтому благоприятные условия и революционное прошлое помогли французам свергнуть Бонапарта и установить буржуазную республику, то у французов имеется перед нами, еще не вышедшими из мешанины полуфеодализма и бонапартизма, то преимущество, что они уже владеют формой, в которой борьба должна быть доведена до конца (ausgekämpft werden muss),—

формой, которую нам предстоит себе еще только *завоевать*. Они обогнали нас политически на целый этап. Поэтому монархическая реставрация во Франции имела бы своим последствием то, что борьба за восстановление *буржуазной* республики снова стала бы в порядок дня, в то время как сохранение республики означает возрастающее обострение *прямой*, неприкрытой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией вплоть до кризиса.

И у нас тоже первым, непосредственным результатом революции может и *должно* быть, по *форме*, не что иное, как *буржуазная* республика. Но тут это будет лишь коротким переходным моментом, так как, к счастью, у нас нет чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, быть может с партией прогрессистов во главе, послужит нам прежде всего *для привлечения широких масс рабочих на сторону революционного социализма*; это будет проделано в течение одного-двух лет и приведет к полному истощению и саморазрушению всех возможных партий кроме нас, партий промежуточных. Лишь после этого мы сможем с успехом взять власть в свои руки.

Грубая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе, будто революцию можно сделать в один день. На самом же деле она представляет собою многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению. Каждая революция, которая совершалась в один день—или устраняла лишь заранее уже обреченную на гибель реакцию (1830 г.), или приводила к результатам, прямо противоположным поставленной цели (1848 г., Франция).

Ваш Ф. Э.

Что Вы скажете по поводу следующей [вырезки из «Kölnische Zeitung» от 20 июля 1883 г.]?

«Последний, так называемый *красный номер* «*Rheinische Zeitung*» (третье издание) от 19 мая 1849 г., на первой странице которого было опубликовано «Прощальное слово «*Neue Rheinische Zeitung*» Ф. Фрейлиграта, был здесь на-днях вновь конфискован полицией. Какой-то старьевщик купил как макулатуру большое количество экземпляров этого последнего, прощального номера тогдашнего органа демократии и продавал их по 10 пфеннигов за штуку. Полиция положила этому конец, конфисковав оставшиеся у торговца газеты. Если эта конфискация была произведена из тех соображений, что скверная бледно-красная печать газеты может повредить глазам читателей, то публика должна быть благодарна полиции; самый же текст едва ли еще способен в наши дни повлиять на кого-либо».

197.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Истберн, 30 августа 1883 г.
4, Cavendish Place.

Дорогой Бебель!

Пользуюсь спокойной минутой, чтобы написать тебе. В Лондоне — много работы, здесь — много помех (трое взрослых и двое маленьких детей в одной комнате), а к тому еще корректура, просмотр пробного английского перевода и французского популярного изложения «Капитала», — изволь писать письма при таких условиях!

Третье издание, в котором много добавлений, я прокорректировал до 21-го листа; книга выйдет в свет до конца этого года. Как только вернусь, я засяду за второй том, а это каторжный труд. Наряду с совершенно законченными частями — многие только в набросках, все в черновом виде, за исключением, примерно, двух глав. Цитаты в беспорядке, записаны все вместе, как попало, собраны только для того, чтобы позже сделать из них выборки. К тому же — почерк, в котором могу разобраться один только я, да и то с трудом. Ты спрашиваешь: как могло случиться, что Маркс именно от меня скрывал, в какой мере закончена работа? Очень просто: если бы я об этом знал, то днем и ночью не давал бы ему покоя, пока книга не была бы закончена и напечатана. Это Маркс знал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись издам я, всецело в его духе, — об этом он говорил и Тусси.

Что касается фотографии, то голова вышла превосходно, поза — несколько принужденная, как на всех его фотографиях; он был плохим «натурщиком». Я не нахожу в снимке ничего вызывающего, но предпочел бы все же, из-за напряженности позы, маленький портрет большому.

Гамбургские выборы вызвали и за границей большую сенсацию. Наши вели себя более чем образцово. Такое упорство, выдержка, гибкость, готовность к бою, такая уверенность в победе, и в связи с нею такой юмор в борьбе с мелкими и крупными безобразиями германской действительности, — все это в новейшей германской истории попросту неслыханно. Это выступает особенно внушительно в сравнении с коррупцией, расслабленностью и всеобщей деморализацией всех остальных классов германского общества. В той мере, в какой они обнаруживают свою неспособность удержать власть, в

той же мере блестяще выступает призвание германского пролетариата к господству, его способность опрокинуть всю эту старую пакость.

«Холодный душ», предназначенный Бисмарком для Парижа, становится смешным даже в глазах французских буржуа. Даже такая глупая газета, как «Soir», обнаружила, что дело тут всего лишь в новых кредитах на армию (на этот раз полевая артиллерия). Что касается его дипломатических союзов (он опустил уже до Сербии, Румынии, а теперь даже до Испании), то все это — карточные домики, которые рухнут при первом же дуновении ветра. Если ему повезет, то он обойдется без них, а если не повезет, то они предоставят ему шлепнуться задницей в грязь. Чем мошенник бессовестней, тем больше он верит в честность других и в конце концов поэтому и погибает. С Бисмарком и его внешней политикой дело вряд ли выйдет так далеко, потому что французы не сделают ему одолжения и на союз не согласятся. Разве только царь мог бы с отчаяния сделать такую попытку и при этом свернуть себе шею. Впрочем, надо надеяться, что он еще до того свернет себе шею у себя дома.

Манифест лондонской Демократической федерации издан двумя-тремя десятками мелких союзов, которые по меньшей мере лет двадцать под разными именами (участники постоянно те же) все снова и снова и все так же безуспешно пытаются добиться того, чтобы их принимали всерьез. Важно только то, что теперь они, наконец, вынуждены открыто признать нашу теорию, которая во времена Интернационала казалась им навязанной извне, и что за последние годы появилась молодежь из буржуазии, которая, к стыду английских рабочих, лучше разбирается в положении и проявляет больше энтузиазма, чем рабочие. Ведь даже в Демократической федерации рабочие по большей части неохотно и формально принимают новую программу. Вождь Демократической федерации Гайндман — архиконсерватор и крайне шовинистически настроенный, хотя и неглупый, карьерист, который прямо-таки безобразно вел себя по отношению к Марксу (их познакомил Р. Мейер); поэтому мы и порвали с ним личные отношения. Ни в коем случае не вздумай поверить, если тебе кто-либо скажет, что в Англии разворачивается подлинное пролетарское движение. Я знаю, что Либкнехт хочет убедить в этом себя и весь мир, но это неверно. Элементы, проявляющие в настоящее время активность, смогут приобрести значение, усвоив нашу теоретическую программу и тем самым став на твердую почву, но лишь в том случае, если здесь начнет массовое рабочее движение и если им удастся этим движением овладеть. До тех пор они — одиночки, за спиной

которых — мешанина сектантов и путаников, остатки движения 40-х годов и ничего больше. Но настоящее всеобщее рабочее движение возникнет здесь — если не произойдет чего-либо непредвиденного — только тогда, когда рабочие почувствуют, что английская мировая монополия подорвана. Участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической ничтожности английских рабочих. Плетясь в хвосте за капиталистами в деле экономического использования этой монополии, но разделяя все же ее выгоды, рабочие, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии», которая бросает им, со своей стороны, кое-какие мелкие подачки, которая признала за ними право на тред-юнионы и стачки, отказалась от борьбы за неограниченный рабочий день и предоставила избирательное право лучше оплачиваемым рабочим. Но если Америка и объединенная конкуренция остальных промышленных стран пробьют достаточно широкую брешь в этой монополии (по отношению к железу это уже не за горами, по отношению к хлопку, к сожалению, еще далеко), то тебе суждено увидеть многое.

Я просил Либкнехта передать тебе, чтобы ты, если между 12 сентября и нынешним днем будешь где-нибудь вблизи Дармштадта, сообщил об этом Шорлеммеру, который находится там, — он мог бы с тобой тогда повидаться. Но теперь, вероятно, уже поздно об этом говорить. Привет Либкнехту.

Твой Ф. Э.

198.

Энгельс — К. Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 18 сентября 1883 г.

Дорогой г. Каутский!

Что касается гейзеровщины, то я считаю свое вмешательство пока преждевременным. Пусть эти господа сперва погарцуют перед публикой. Несколько прокламаций и провалившегося проекта «права на труд» недостаточно; пусть они побольше распяшутся, чтобы их можно было ухватить как следует и чтобы они не могли увернуться при помощи лживых отговорок. Было бы очень полезно, если бы Вы пока что подбирали соответствующий материал: наступит момент, когда нужно будет ударить по этим господам, а пока торопиться нет нужды. За Бебелем и «Sozialdemokrat», как Вы сами говорите, стоят массы, а противоядие ведь тоже есть. Охотно верю, что

Вам в вашей швабской дыре приходится от этих людей несладко, но ведь Штуккерт¹ и Мюнхен — самые дрянные места в Германии. Кроме того, у меня положительно нет времени вдаваться в полемику, которая потребует много труда и усилий. Если это будет *необходимо*, — тогда другое дело! Листовку возвращаю.

Из-за недостатка времени я не могу снова вернуться к подробному обсуждению статей о браке. Во всяком случае, первобытная половая общность относится к такой отдаленной эпохе и настолько заслонена последующим прогрессивным или регрессивным развитием, что теперь не приходится искать сохранившихся образцов ее первоначальной формы. Но все позднейшие формы ведут назад к этой первобытной основе. Я, однако, уверен в том, что до тех пор, пока Вы не отбросите вовсе ревность в качестве *общественно-определяющего элемента* (в первобытную эпоху), правильное изложение процесса развития не возможно.

Вообще во всех этих научных исследованиях, охватывающих такую обширную область и массу материала, какие-либо подлинные достижения возможны лишь в результате долголетней работы. Легче нащупать по отдельным вопросам новую и правильную точку зрения, что Вам иногда и удавалось в Ваших статьях; но охватить весь материал сразу и расположить его по-новому можно только после исчерпывающей его обработки — иначе такие книги, как «Капитал», появлялись бы гораздо чаще. Поэтому я очень рад, что Вы для ближайшей литературной работы избрали темы вроде библейской первобытной истории и колонизации, где, при менее исчерпывающем изучении деталей, все же можно дать кое-что новое и притом актуальное. Статья о колонизации мне очень понравилась. К сожалению, Вы излагаете большей частью лишь немецкий материал, по обыкновению тусклый и не дающий ни наиболее ярких моментов тропической колонизации, ни новейшей ее формы, — я имею в виду колонизацию в интересах биржевых афер, которую Франция теперь прямо и неприкрыто проводит в Тунисе и Тонкине. Новый разительный пример тихоокеанской работорговли: попытка аннексии Новой Гвинеи и т. д. при посредстве Квинсленда была прямо рассчитана на торговлю невольниками. В тот же день, когда отправилась в Новую Гвинею аннексионная экспедиция, туда же и к расположенным на восток островам направилось квинслендское судно «Фанни» для захвата labour [рабочей силы], но возвратилось без labour с ранеными на борту и прочими неприятными следами боя. Об этом

¹ Штутгарт.

рассказывает «Daily News» (начало сентября) и замечает в передовице, что англичане вряд ли могут упрекать французов в таком образе действий, пока сами они поступают точно так же!

Заседавший на прошлой неделе в Ноттингеме конгресс трэд-юнионов отклонил по инициативе «рабочего» парламентария Бродхерста 26 голосами против 2-х предложение Адама Вейлера добиваться международного фабричного законодательства. Вот они, либкнехтовские хваленые трэд-юнионы!

Почему Фриц Денгардт не пишет больше в «Neue Zeit»? Он писал очень недурно и занимательно. Журналу приходится, конечно, преодолевать невероятные трудности: предписанная ему самоцензура в тысячу раз хуже старой официальной цензуры. У Вас там вдобавок водятся кое-какие весьма странные сотрудники, и Вы сами, вероятно, нередко мечтаете о лучших. Во всяком случае, это дело имеет для Вас то преимущество, что Вы можете параллельно продолжать свои научные занятия и медленно вынашивать их результаты.

Между прочим, Ява служит доказательством того, что население нигде и никогда не размножается так быстро, как при системе не слишком тяжелого подневольного труда: в 1755 г. — 2 миллиона, 1826 — 5½ миллионов, 1850 — 9 миллионов, 1878 — 19 миллионов, за 125 лет почти удесятирившееся население — единственный пример, приближающийся к мальтузианской прогрессии. Уберите голландских эксплуататоров, и население станет более или менее стабильным.

Адлер был здесь как раз в то время, когда я уезжал к морю, и приехал снова, когда я вернулся; это человек, из которого может выйти толк. Он видел здесь многое, что может оказаться для него полезным.

Из Штутгарта вчера прибыл почтовый перевод на 6 фунтов 3 шиллинга за фотографии, но без сопроводительного письма.

Попросите, пожалуйста, Дитца не отказать в любезности сообщить мне в двух словах, чья фамилия (имя) и адрес (в Штутгарте) были указаны на почте при отправке. Здешняя почта очень педантична в подобных делах, и в случае малейшей неточности в моем заявлении я денег не получу.

Второй том «Капитала» будет стоить мне еще не мало труда. Большая часть рукописи относится ко времени до 1868 г. и местами представляет собой только набросок. Вторая книга очень разочарует вульгарных социалистов. Она содержит почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования о явлениях, которые происходят внутри самого класса капиталистов, и ничего такого, из чего можно было бы фабриковать ходкие словечки и громкие фразы.

У Пумпс уже двое малышей. Гусси Маркс поселилась вблизи Британского музея. Ленхен ведаёт моим домашним хозяйством.

Сердечный привет,

Ваш Ф. Э.

199.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон. 8 ноября 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Несколько недель, как я лежу в постели, чтобы излечить несерьезную по существу, но неприятную и запущенную хроническую болезнь. Через несколько дней я снова буду на ногах. Этим объясняется мое молчание. Извинитесь за меня перед Каутским, — я не знаю, находится ли он еще в Штуккерте.

Статья о праве на труд была очень хороша и очень своевременна. Каутский уже тоже бомбардировал меня письмами по этому поводу, и я вполне готов выступить, как только это будет *необходимо*; но я думаю, что надо сначала дать этим господам немножко зарваться; пусть сперва точнее сформулируют, что они имеют в виду; никогда не нужно мешать людям высказать свой вздор «целиком и полностью», тогда только и есть за что ухватиться. Надеюсь, что Ваша статья побудит их к этому.

Если у парижских немцев и *теперь* не раскрылись глаза в отношении Малона и К^о, значит их уж ничем не проймешь. Открытый союз этих людей с *предателями* английского рабочего движения, с официальными представителями трэд-юнионов, снискал им одобрение всей английской буржуазной прессы, от «Times» и «Daily News» до «Standard». Как хорошо, что Гед и Лафарг сидели, — этот великолепный эпизод мог быть разыгран таким образом без всяких помех!

Между прочим, не знаете ли Вы некоего д-ра Морица¹ Кварка (sic!)² в Рудольштадте? Этот совершенно неизвестный мне человек ссылается на какое-то тоже неизвестное мне сочинение против еще более неизвестного Флейшмана и хочет перевести на немецкий язык «Нищету философии». У меня к нему мало доверия.

Напишите мне поскорее о том, что творится на свете; я так поглупел, валяясь в постели, что никак не могу собраться с мыслями.

Ваш Ф. Э.

¹ Ошибочно вместо Макса.

² Quark — дрянь.

200.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 13 ноября 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Прилагаемое — для В. Засулич.

С этим Кварком Вы сняли у меня камень с сердца. Я написал ему, что *Вы* первый предложили свои услуги и переведете «Нищету» и т. д. Сним таким образом покончено. Его брошюра — дрянь («Quagsk»). Маркс свернул бы мне шею, если бы я разрешил переводить его этому крикливому обожателю Гогенцоллернов и консервативному государственному социалисту.

Но теперь нам нужно будет сделать это как следует. Это не стандартная работа, дело совсем не такое легкое. Вы могли бы прислать мне хотя бы рукопись первого листа, когда она будет готова, это дало бы нам возможность сговориться относительно характера всей работы.

Брошюру Плеханова мне не прислали, а прислали только «Манифест» и «Наемный труд и капитал». Я узнал таким образом, что эта вещь вышла в *немецком* издании; почему же мне и наследникам Маркса не сообразовали прислать экземпляр?

Не получал я также ни одного экземпляра нового издания (немецкого) «Манифеста», а равно и третьего издания «Развития [социализма]». Что случилось со специально подготовленной для отдельного издания «Маркой», мне решительно неизвестно. Такие вещи могут проделывать только «добродушные» (gemütliche) немцы.

Из моих портретов имеется лишь тот, который у Вас есть; не думаю, чтобы этот человек (в Брайтоне) по дешевой цене размножил его, но попробую. Как видите, я нисколько не в претензии на Вашу экспедицию, но и она могла бы быть менее чувствительной к неудачной остроте, поскольку она сама позволяет себе заполнять такими остротами по полстолбца в каждом номере.

С «правом на лень» будьте осторожны. Даже французы нашли, что это местами уж чересчур, и Малон с Бруссом сильно использовали это против Лафарга. Смотрите, не давайте крикунам в настоящий момент удобного предлога; в этом отношении наш друг Бебель также еще немножко германец. При этом мне вспоминается поэма «О заднице». Если автор совершил все упомянутые в ней героические подвиги, то он может их также и воспевать. Впрочем, я имею в виду половые органы и не могу вступать в спор с людьми, которые причисляют к этим органам также и свой зад.

Нашему другу Лаврову было, конечно, весьма нелегко подписаться под тем, что он и его русские товарищи теперь «окончательно порвали со своими анархистскими традициями». Не то, чтобы они очень дорожил, но все же это было что-то свое, «русское». Впрочем, он очень славный старик, но со своей «русской молодежью» он всегда оказывается в роли наседки, которая высиживает утиные яйца и потом с ужасом смотрит, как утята лезут в страшную воду. Теперь это случилось с ним в *пл-ый* раз.

Очень рад приезду Каутского; надеюсь, что к тому времени я уже буду совсем здоров.

Ваш Ф. Э.

201.

Энгельс — В. И. Засулич

в Женеву.

Лондон, 13 ноября 1883 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая гражданка!

Я совершенно не в состоянии ответить на те вопросы, с которыми Вы обратились ко мне. Издание второго тома «Капитала» на языке оригинала сильно запаздывает. Я должен был до сих пор заниматься, главным образом, 3-м изданием первого тома.

До сих пор я не получал из Санкт-Петербурга сведений относительно издания русского перевода II тома. Не думаю, чтобы в настоящее время в русской столице помышляли о подобном издании. Наверно сначала пожелали бы ознакомиться с немецким текстом.

С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что кризис может наступить со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свобода печати будет достигнута прежде, чем в Германии. В этом случае переводчик первого тома, г. Лопатин, мог бы претендовать на право перевода второго тома.

Мне кажется, было бы несколько преждевременным в настоящий момент притти к какому-нибудь окончательному решению. Я принимаю к сведению Ваше любезное предложение и сердечно за него благодарю. Может быть, через несколько месяцев все это станет яснее, и тогда мы снова сможем об этом побеседовать.

Мне доставило большое удовольствие Ваше сообщение, что Вы взяли на себя перевод моего «Развития [социализма] и т. д.».

Жду с нетерпением появления Вашего произведения и вполне оцениваю честь, которую Вы мне оказываете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, усердия в моей глубокой преданности.

Ф. Энгельс.

202.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 30 ноября 1883 г.

Старый дружище!

Я бесконечно обрадовался, снова получив письмо, написанное твоей рукой. Нигде я не мог получить точных сведений о твоём здоровье и очень рад, узнав, наконец, что ты хоть немного оправился.

Вот уже больше месяца как я тоже лежу в постели, чтобы избавиться от несерьёзной по существу, но очень неприятной и затяжной болезни; поэтому могу писать лишь очень кратко, так как всякое нарушение горизонтального положения мне запрещено. Но скоро я, вероятно, смогу встать и приняться за накопившуюся в большом количестве работу.

Как только снова примусь за приведение в порядок архива Маркса, я разыщу нужные бумаги, но пока ещё все находится в величайшем беспорядке, так как мне всё приходится делать самому. Г-жа Лафарг уже с год, или даже больше, как живет в Париже, а её младшая сестра сняла две комнаты поблизости отсюда, — поблизости, это значит за полчаса ходьбы отсюда, — а так как только я один могу решить, что важно и что неважно в этой груде документов и т. д., то вполне понятно, что она, будучи загружена большой литературной работой, всю разборку предоставила мне.

Я тоже надеюсь, что ещё где-нибудь да встречу тебя, старого боевого товарища, и — кто знает — может быть опять при таких же обстоятельствах, как тогда, в Дурлахе и Веренбахе, на поле брани? Как это было бы чудесно! Ведь долго нынешнее мошенничество продолжаться не может, если только г. Бисмарк при помощи всеобщей войны, к которой он явно стремится, не создаст новой поддержки и временного препятствия революционному развитию.

Ты получишь по почте перевод на 5 ф. ст.

Сейчас я снова должен лечь в постель. Будь здоров, старина, поправляйся как следует и пиши иногда своему старому верному

Ф. Энгельсу.

203.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Лондон, 22 декабря 1883 г.]

Если «Labour Standard» еще у Вас, — пожалуйста, пошлите ее немедленно *Лафаргу*; он обработал заметку Шиптона в «*Cri du Peuple*», и нужен оригинал, потому что дело вызвало скандал. Я могу получить другой экземпляр не раньше понедельника или даже четверга (да и то не наверное).

С субботы я опять на ногах, но все еще очень слаб.

С фон-дер-Марком Вы хорошо разделались. Этот осел воображает, что нужно считаться с тем, что *он* подразумевает под словом «государство»! Совершенно так же Родбертус упрекает Маркса в том, что тот понимает под капиталом *действительный* капитал, а не родбертусовское «понятие капитала». Это чисто по-немецки.

Вернулся ли Каутский?

Привет.

Ваш Ф. Э.

1884 год.

204.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 1 января 1884 г.

Дорогой Бернштейн!

Прежде всего поздравляю с Новым годом Вас, Каутского и всю экспедицию.

Во-вторых, прошу прислать мне «Sozialdemokrat» за прошлую неделю. Я должен был получить его в субботу, 29-го, но до сих пор его еще нет.

Вот уже две недели, как я, наконец, снова на ногах и поправляюсь с каждым днем; надеюсь, что через неделю буду опять вполне трудоспособен. А это чертовски необходимо.

Надеюсь, Вы не слишком негодовали на мои многочисленные поправки в Вашей рукописи. Я уже говорил Каутскому, что хотя мы и не можем копировать стиль Маркса, но необходимо все же, чтоб наш стиль не был прямой противоположностью марксовскому. Обратите на это некоторое внимание, и у нас с Вами выйдет работа, которую не стыдно будет показать.

Примечание об американском рабстве я сделаю, а также и ряд других. О многом я смогу сказать в предисловии. Насколько правильно было место о рабстве, подтверждается еще и сейчас: в хлопководческих штатах капиталистическое производство не процветает, потому что не имеет в своем распоряжении кули, китайцев или индусов, т. е. рабов, под видом свободных рабочих; на островах же Кубе, Маврикия, Соединения и др. оно процветает, и притом именно постольку, поскольку там применяется труд кули.

Что касается Вашего прежнего запроса по поводу места из «Гражданской войны во Франции» в предисловии к «Манифесту», то Вы, вероятно, согласитесь с ответом, который дан в самом оригинале («Гражданская война», стр. 19 и сл.¹ Посылаю Вам экземпляр

¹ К. Маркс. Избранные произведения (изд. 1934 г.), т. II, стр. 385.

на случай, если у Вас там его нет. Речь идет просто о том, что победивший пролетариат должен заново переделать старый бюрократический, административный и централизованный государственный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей; а между тем, *все* буржуазные республиканцы с 1848 г. разносили эту машину, пока были в оппозиции, но как только приходили к власти, принимали ее без изменений и использовали отчасти против реакции, но в еще большей степени против пролетариата. То, что в «Гражданской войне» *бессознательные* тенденции Коммуны поставлены ей в заслугу как более или менее сознательные планы, оправдывалось и даже было необходимо при тогдашних обстоятельствах. Русские очень хорошо сделали, присоединив это место из «Гражданской войны» к своему переводу «Манифеста». Если бы тогда не надо было так спешить с выпуском, мы тоже могли добавить это и еще кое-что другое.

Между прочим, Вы все время твердите, что у Геда сомнительное прошлое или что-то в этом роде. Мне об этом ровно ничего не известно. Все это наверно только клеветнические измышления Малона, но я хотел бы, чтобы Вы помогли мне выяснить эту историю.

На-днях я пришлю Вам фунт стерлингов от Шорлеммера за подписку, остаток — на партийные нужды. Сегодня для почтового перевода уже поздно.

В России, наконец, снова начинается. История с царской поездкой на санях очень подозрительна, зато с Судейкиным все совершенно ясно. Так и хочется послать Александру телеграмму с пожеланием «веселых праздников».

Прислала ли Вам Гусси Маркс «To-Day» и последние номера «Progress»? Если нет, я это сделаю. Эти органы *совершенно вне* традиционистского движения и находятся в руках *весьма разношерстной* компании. Бакс — славный малый, но еще немного зелен; Эвелинг хорош, но у него мало свободного времени, чтобы он мог освоиться с совершенно чуждой ему экономикой; Джойнс — парень ненадежный (был учителем в классической школе в Итоне, ездил с Генри Джорджем в Ирландию, был арестован вместе с ним и потерял свое место и теперь ищет, где бы ему пристроиться); наконец, Гайндман — честолюбивый партийный лидер без партии (*in partibus infidelium*¹), который еще только ищет партию, а пока генерал без армии, впрочем — довольно толковый человек. Лучше всего поддерживать хорошие начинания, не солидаризируясь с определенными лицами. Во всяком

¹ Буквально — должность епископа в стране неверных, т. е. лишь номинально.

случае появление «То-Дау» и превращение «Progress» в социалистический журнал именно в тот момент, когда беднота лондонского Ист-Энда начинает подавать голос, имеет большое значение. К тому же во всей стране хроническое перепроизводство, которое теперь, повидимому, доведет до кризиса. Обстоятельства благоприятны, но доросли ли люди, взявшие движение в свои руки, до уровня, которого требуют эти обстоятельства, — покажет будущее.

На этот раз вряд ли все это пойдет прахом, подобно тому, как это бывало с прежними подъемами.

Ну, хватит! Таких длинных писем я не писал уже три месяца. Сердечный привет от Шорлеммера и от меня всем друзьям.

Ваш Ф. Э.

205.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 9 января 1884 г.

Дорогой Каутский!

(К чему все еще докучать друг другу «господином»?) Сообщение о декорации для коронования очень характерно и вызвало много смеха; тем не менее приняты меры, чтобы оно не получило преждевременной огласки, т. е. раньше, чем декорация будет доставлена и оплачена. Кроме Шорлеммера, Ленхен и Тусси о ней никто не знает.

Большое спасибо за адрес Фриче.

В чисто теоретической части работа Девиля¹ — лучшая из появившихся до сих пор популяризаций. Он все правильно понял, но допустил крайнюю небрежность в стиле, которую я в рукописи устранил. Зато описательная часть сделана слишком бегло, так что для людей, не знающих подлинника, она местами совершенно непонятна. Затем, он чересчур отодвинул на задний план *историческое* появление мануфактуры и крупной промышленности *как следующих друг за другом исторических периодов*, а в популярном изложении именно это очень облегчило бы понимание дела (читатель остается даже в неведении насчет того, что «фабричное законодательство» вовсе не существовало во Франции, а только в Англии!) И, наконец, он дает полное изложение всего содержания [«Капитала»],

¹ «Le Capital de Carl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique», Paris, 1883 («Капитал» Карла Маркса, в кратком изложении с приложением очерка научного социализма).

включая и то, что Маркс должен был ввести ради полноты научной разработки предмета, хотя для понимания теории прибавочной стоимости и вытекающих из нее выводов этого и не требуется (а ведь для популярного изложения только и важны именно эта теория и выводы из нее). Например, о количестве обращающихся монет и т. д.

Кроме того, он буквально воспроизвел резюмирующие положения Маркса, после того как предпосылки их дал в весьма неполном виде. В результате эти положения зачастую выступают в совершенно неправильном свете, так что у меня при просмотре сплошь и рядом возникало желание оспаривать положения Маркса, которые в оригинале, в связи с предшествующим, получают совершенно четко ограниченный смысл, тогда как у Девиля они приобретают абсолютно всеобщее и, следовательно, неверное значение. Этого я изменить не мог, не то пришлось бы перекраивать всю рукопись.

Что касается Вашего перевода этой работы, то мои отношения с Мейснером вынуждают меня занять здесь совершенно нейтральную позицию. Как только Вы мне определенно напишете, что Вы за это беретесь, я предполагаю, переговорив с Тусси, которая вполне разделяет мое мнение, поступить следующим образом. Я напишу Мейснеру, что некто намеревается издать по-немецки работу Девиля (которую я перешлю Мейснеру), что я в этом не вижу ничего такого, что могло бы повредить продаже «Капитала», — скорее, наоборот, это может оказаться полезным, — и что я к тому же не могу воспрепятствовать этому; но если он предполагает принять против этого меры, то пусть сообщит мне, а я извещу об этом кого следует.

Рассуждая абстрактно, т. е. не говоря о Мейснере, новое популярное и *краткое* (по размеру *вдвое* меньше Девиля) изложение теории прибавочной стоимости крайне необходимо, и работа Девиля в ее *теоретической* части несравненно лучше других. Нужно было бы отбросить: 1) точное следование отдельным главам и параграфам «Капитала» и 2) все, что не является необходимым для понимания теории прибавочной стоимости. Это заранее предполагает переработку заново описательной части и ее значительное сокращение. Это, кроме того, устранило бы и главное опасение Мейснера, особенно если изменить заглавие, например: «Неоплаченный труд и его превращение в капитал» или что-нибудь в этом роде.

В крайнем случае можно было бы напечатать эту вещь у Дитца и издать так же, как издана «Женщина [и социализм]» Бебеля — в Швейцарии. Итак, обдумайте это дело и напишите мне о нем еще раз.

Прилагаю две фотографии — для Вас и для Моттелера.

История с недостающим номером «Sozialdemokrat» тем временем выяснилась: это — величайший успех, которого до сих пор добилась социал-демократия; ей удалось включить *53 недели в год* — настоящее чудо! Если продолжать в том же духе, то все мы проживем на 2% дольше¹.

Сердечный привет Бернштейну и Вам от Вашего

Ф. Э.

Я хотел приложить почтовый перевод на 1 ф. ст. от Шорлемера, но запоздал, придется отложить до следующего раза. Когда кончается срок подписки моей и Тусси? Она тоже не получала своего «Sozialdemokrat» до позавчерашнего дня; неужто об этом позабыли? Прошу справиться на этот счет.

206.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 18 января 1884 г.

Дорогой Бебель!

Наконец-то я опять в состоянии хоть два-три часа в день проводить за письменным столом и выполнять свои корреспондентские обязанности. Ничего особенно серьезного или болезненного не было, но история эта дьявольски затяжная и неприятная, и мне еще долгое время придется внимательно следить за своим здоровьем.

Мое письмо о г-же Л., написанное в постели карандашом, ты, по всей вероятности, получил. Так как я больше ничего об этом не слышал, то полагаю, что с этим делом покончено. Письмо Либкнехту под мою диктовку написал Каутский, который был как раз здесь. надеюсь, что Либкнехт письмо получил и то, о чем я его просил, тебе передал. Из этого ты видишь, что относительно американских дел я не питаю никаких иллюзий и не был склонен изображать тебе это дело абсолютно необходимым. Но я попрежнему считаю: если вы хотите добиться успеха, то нужно ехать вам двоим и никому другому. Можешь ли ты ехать, — об этом я судить не берусь, тебе это лучше знать. Но несомненно одно: никакими американскими деньгами

¹ 1 января 1883 г. вышел внеочередной номер «Sozialdemokrat», благодаря чему № 52 пришелся на 20 декабря 1883 г.

нельзя было бы возместить тот ущерб, который должен был бы неизбежно произойти, если бы посланные лица опять принизили партийную позицию до вульгарно-демократического и добродетельно-филистерского уровня, как это сделали Фриче и Фирекк. А против этого твое присутствие было бы, конечно, самой верной гарантией.

Очень порадовали меня добрые вести, которые ты сообщил о дальнейшем ходе движения. Поистине, правительство не могло найти лучшего способа поддержать и усилить движение, как повсюду вовлекая наших в эту ожесточенную местную борьбу с полицией, — в особенности если полиция состоит из таких дрянных субъектов, как в Германии, и наши ребята могут повернуть острия копий и перейти в наступление против врага. Если к тому же полицию сбивают с толку все время меняющиеся инструкции сверху, как было недавно в Берлине, то это нам еще более на-руку.

Если бы снова повторили попытку ввести в моду «право на труд», то и я написал бы об этом что-нибудь в «Sozialdemokrat». Я обсуждал это дело с Каутским; мне хотелось бы, чтобы Гейзер и компания сперва чем-нибудь себя связали, проявили себя в чем-нибудь конкретном, чтобы было за что зацепиться, но Каутский думает, что этого не дождешься. Эти безалаберные студенты, приказчики и т. д. — проклятие для движения. Уровень знаний у них ниже нуля, и именно поэтому они не желают ничему учиться; их так называемый социализм — обывательская фраза и ничего более.

Удастся ли вам отделаться от параграфа об осадном положении, я не знаю, — всегда найдется предлог в виде ссылки на то, что только таким путем можно охранить особу старика Вильгельма, а перед этой фразой вся масса филистеров ползает на брюхе.

Большое спасибо за твою книгу «Женщина /и социализм/». Я прочел ее с большим интересом, — в ней очень много хорошего. Особенно ясно и хорошо то, что ты говоришь о развитии промышленности в Германии. Я тоже в последнее время немного занимался этим вопросом, и если бы нашлось время, написал бы об этом кое-что в «Sozialdemokrat». Странно, что филистеры не понимают, до какой степени столь оплакиваемая «язва бродяжничества» является неизбежным продуктом подъема крупной промышленности при сложившихся в Германии условиях земледельческого и ремесленного труда и как развитие в Германии этой крупной промышленности, — ввиду того, что Германия повсюду оказывается последней, — может протекать только под постоянным давлением неблагоприятной обстановки на рынке. Ибо немцы способны выдерживать конкуренцию лишь при условии более низкой, сведенной до голодного уровня заработной

платы и все более и более сильной эксплуатации домашней промышленности, на почве которой развивается фабричная промышленность. Превращение ремесла в домашнюю промышленность и постепенное превращение последней, поскольку это окупается, в фабричную и машинную промышленность, — вот что происходит в Германии. Подлинно крупная промышленность существует у нас пока только по железу, в текстильной же промышленности все еще царит ручной станок благодаря голодной заработной плате ткачей и их картофельным огородам.

И в Англии промышленность тоже приобрела другой характер. Десятилетний цикл, повидимому, прорван с тех пор, как, начиная с 1870 г., американская и германская конкуренция кладут конец монополии Англии на мировом рынке. С 1868 г. в основных отраслях господствует стесненное положение при медленно возрастающей продукции, а теперь Америке и Англии как будто угрожает новый кризис, которому в Англии не предшествовал период процветания. Вот где тайна внезапного, хотя за последние три года и медленно подготовлявшегося, но теперь внезапно вспыхнувшего здесь социалистического движения. Организованные рабочие — трэд-юнионы — до сих пор держатся от него в стороне; оно развивается под руководством «образованных», вышедших из буржуазии элементов, которые кое-где, иногда не безуспешно, пытаются войти в соприкосновение с массами. Люди эти в моральном и интеллектуальном отношении очень неравноценны, поэтому пройдет некоторое время, пока они рассортируются и положение станет ясным. Но движение это вряд ли теперь снова совершенно замрет. Генри Джордж с его национализацией земли по всей вероятности сыграет роль метеора, потому что здесь этот вопрос имеет традиционное значение, а кроме того и действительное значение, в связи с гигантскими размерами крупного землевладения. Но в первой в мире промышленной стране дело не может на долгое время ограничиться одним этим. Притом Джордж — настоящий буржуа, и его план — все государственные расходы покрывать земельной рентой — лишь повторяет план рикардовской школы и, стало быть, насквозь буржуазен.

Если хочешь изучить образчик государственного социализма, то возьми *Яву*. Там голландское правительство на основе старых коммунистических сельских общин так «социалистически» организовало все производство и так ловко взяло в свои руки продажу всех продуктов, что кроме приблизительно 100 миллионов марок на жалованье чиновникам и армии ему остается чистого дохода около 70 миллионов марок: в год для уплаты процентов несчастным государственным

ным кредиторам Голландии. В сравнении с этим Бисмарк — невинный младенец!

В России так или иначе в течение этого года будет конституция, а тогда может завязаться дело.

Твой Ф. Э.

207.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 23 января 1884 г.

Дорогой Бебель!

В письме, которое я послал тебе в субботу, я забыл сказать чтобы ты и Либкнехт не заказывали себе третьего издания «Капитала», потому что, как только нам пришлют экземпляры, вы оба получите по одному. Третий экземпляр мы отправим в Цюрих, в архив партии.

Тусси, вероятно, уже написала тебе относительно перевода книги «Женщина [и социализм]». Что касается твоего гонорара, то едва ли удастся что-либо выколотить, — впрочем можно попробовать; во всяком случае он не превысит 3 пенсов = 0,25 марки за каждый проданный экземпляр: это — обычная здесь оплата. Я думаю, что книгу здесь можно было бы продавать по 2 или по 2½ марки, из которых по меньшей мере 30% пошли бы в карман книготорговцев. Издателей, которые занимаются такого рода книгами, здесь еще очень мало, да и те бедны. Мы сами за английское издание «Капитала» получим, вероятно, не больше 200 фунтов, из которых, быть может, придется оплатить перевод, так что на нашу долю придется половина суммы; тут, пожалуй, ничего не поделаешь.

Сердечный привет Либкнехту и тебе от твоего

Ф. Э.

208.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 28 января 1884 г.

Дорогой Бернштейн!

Мое письмо от 1-го Вы, вероятно, получили, так же как и Каутский — письмо от 9-го. Относительно последнего я не совсем уверен из-за сомнительного номера дома (38?); я послал ему также фотографии, о которых он просил.

Теперь вопрос о следующем:

Среди наследства Маркса кое-что подойдет для партийного архива; я теперь как раз занят разборкой книг и т. д. и рад, что опять в состоянии это делать. При этом мне, однако, попадается много такого, чего нам не нужно, но что могло бы очень пригодиться для библиотеки редакции партийного органа. Здесь это излишне, потому что имеется в двух экземплярах. Прежде всего, словари: 1) большой французско-немецкий словарь Мозена-Паскье, пять томов in 4°, в сильно истрепанных переплетах; 2) старый итальянский Ягеман, тоже очень хороший словарь, 3) испанские, голландские, датские словари и, может быть, еще и другие. Я не знаю еще точно, не захочет ли Тусси оставить что-нибудь из них для себя; если нет, не прислать ли мне их в Цюрих вместе со всем остальным? Кроме этого найдутся еще и другие книги, которые можно будет Вам предложить, когда я узнаю, что Вы на это согласны.

Далее по поводу «Justice». Эту газету Гайндман внезапно швырнул в свет без достаточной финансовой подготовки и без всякой подготовки в прессе. «То-Day» могла бы продержаться и за полгода или за год пробить себе дорогу к тому, чтобы превратиться в еженедельник. Теперь же оба эти издания должны будут взаимно друг друга ослаблять. Но Гайндману не терпится, и он, вероятно, снова обожжется на этом. Меня просили сотрудничать, но я отказался, сославшись на недосуг. В «То-Day» безусловно можно принимать участие, но не в еженедельнике, выступающем в качестве партийного органа: тут надо сначала посмотреть — что да как. Два первых номера доказывают своей полной безыдейностью, что эта публика уже совершенно выдохлась и рассчитывает теперь только на новых сотрудников. Словом, это неудачная затея, и только неожиданные благоприятные обстоятельства могли бы помочь газете стать на ноги.

На тот случай, если г. фон-дер-Марк или кто-нибудь другой будет еще говорить об «уступках» анархистам с нашей стороны, привожу места, доказывающие, что исчезновение (das Aufhören) государства мы провозгласили еще тогда, когда никаких анархистов вообще не существовало. «Нищета философии», стр. 177¹:

«Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества».

¹ т. V, стр. 416 настоящего издания.

«Манифест», в конце II раздела:

«Когда в ходе развития исчезнут классовые различия... общественная власть утратит политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованная сила одного класса для подавления другого¹».

Последний номер «Sozialdemokrat» опять был очень хорош: живое изложение и много материала. Правда, последнее не всегда зависит от редакции. Ваша обработка Лафарга прелестна, отдельные немецкие выражения меня очень позабавили.

Привет Каутскому.

Ваш Ф. Э.

209.

Энгельс — Л. Крживицкому

в Лейпциг.

[Черновик.]

Лондон, 28 января 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ!

Отвечаю на Ваше любезное письмо от 23 с. м.

Перевод «Капитала» Маркса на польский язык мы можем только горячо приветствовать и готовы по мере сил всячески содействовать устранению препятствий, которые могут встретиться при опубликовании этого издания.

Будучи, согласно завещанию автора, хранителями его литературного наследства, мы настоящим даем полное согласие на издание этого перевода и желаем Вам всяческого успеха.

210.

Энгельс — К. Фитцджеральду

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 28 января 1884 г.]

Одновременно посылаю Вам почтовый перевод на 10 шилл. 10 пенс. — мою годовую подписную плату за «Justice».

Я так перегружен работой не только в ближайшее время, но и в более отдаленном будущем, что было бы легкомысленно с моей стороны обещать статью для Вашей газеты. Последние полгода я был

¹ г. V, стр. 502 настоящего издания.

лишен возможности работать как следует и только сейчас понемногу восстанавливаю силы, необходимые мне для выполнения моей самой неотложной задачи — подготовки к печати рукописей, оставленных моим покойным другом Марксом. Этому я обязан посвятить все свое время. Я обещал статью для «То-Дей», но это было сделано при более благоприятных обстоятельствах, и боюсь, что и им придется ее долго дожидаться.

211.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 28 января 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Лавров!

Около трех недель тому назад я послал Вам номер «Standard» со статьей, которая может быть для Вас интересной. Надеюсь, Вы его получили.

Сейчас я начал — здоровье мне это, наконец, позволяет — приводить в порядок книги и т. п., оставленные Марксом. Среди прочего имеется целая русская библиотека, которая составила благодаря любезности Даниельсона и содержит очень ценные материалы о современном социальном положении России. Там собрано почти все, что вышло по этому вопросу. В моем возрасте и при моей чрезмерной загруженности работой я лишен возможности приняться за углубленное изучение России, которое, к несчастью, прервалось смертью нашего друга. Тогда мне пришла мысль, и Тусси согласилась со мной, что наш долг — предоставить эти книги в Ваше распоряжение. Вы, как признанный представитель русской революционной эмиграции и старый друг покойного, конечно, больше всех имеете право на коллекцию книг, добытых благодаря преданности Ваших и наших друзей в России, для Вашего личного пользования или для того, чтобы она послужила ядром для создания библиотеки русской революционной эмиграции. Если Вы согласитесь, я могу их Вам послать — на Ваш или любой другой адрес, который Вы мне укажете в течение февраля. Я оставляю здесь только те книги, из которых Маркс сделал выписки, и еще несколько, которые могут мне понадобиться для II тома «Капитала». Без этих книг наберется приблизительно около ста томов.

Что касается II тома, то я, наконец, начинаю в нем разбираться. Для наиболее важных частей 2-й книги — «Обращение капитала» —

г. е. для ее начала и конца, у нас есть редакция 1875 г. и позднее. Тут надо будет только привести цитаты согласно имеющимся указаниям. Для средней части книги есть не менее четырех вариантов, написанных до 1870 г.; в этом единственное затруднение. 3-я книга — «Капиталистическое производство, рассматриваемое в целом» — существует в двух вариантах, написанных до 1869 г.; к более позднему времени относятся только несколько заметок и целая тетрадь уравнений для вычисления разнообразных факторов, согласно которым норма прибавочной стоимости превращается в норму прибыли. Но извлечения из книг о России и о Соединенных Штатах содержат множество материалов и заметок о земельной ренте, а также заметки, относящиеся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам, как орудию кредита, и т. д. Я еще не знаю, в какой мере я смогу их использовать для 3-й книги, — может быть, лучше будет их объединить в отдельном издании. Я так, должно быть, и сделаю, если включение их в «Капитал» представит большие трудности. Больше всего забочусь я о том, чтобы книга вышла как можно скорее, и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением *Маркса*.

Со дня на день мы ждем экземпляров 3-го издания I тома; мы Вам пошлем один из них, как только получим.

Женевские русские издания «Манифеста» и т. д. меня очень порадовали.

Только что получил письмо от двух поляков, Крживицкого и Сосновского. Они испрашивают разрешение на польский перевод «Капитала». Мы, конечно, им это разрешение дали. Сосновский живет в Париже. Может быть, Вы случайно знаете этих граждан?

Ваш Ф. Энгельс.

212.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 4 февраля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Перед закрытием почты пишу наспех несколько строк.

Прошу срочно сообщить мне, как Вы хотите обработать Девиля, — перевести дословно, сохранив подразделения, или же сократить, как предлагал я? Как только я буду это знать, я запрошу Мейснера; я ведь должен ему сообщить что-либо определенное.

Один экземпляр для Мейснера заказан в Париже; до тех пор, пока он прибудет, получится и Ваш ответ.

Теоретическую часть я охотно просмотрю, хотя и не считаю это необходимым. Просматривать же описательную часть не имеет смысла, Вы ведь опибок Девиля не повторите. Основная его ошибка в том, что он применяет как абсолютные те положения, которые у Маркса имеют силу лишь при определенных условиях. Девиль эти условия опускает, и потому самые положения представляются неправильными.

Обо всем остальном через несколько дней.

Ваш Ф. Э.

213.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 5 февраля 1884 г.

Дорогой Бернштейн!

Об одном Вы можете не беспокоиться: я не желаю себе лучшего переводчика, чем Вы. В первом листе, стремясь к верной и точной передаче смысла, Вы несколько пренебрегли стилем, — только и всего. К тому же мне хотелось передать в переводе своеобразный, непривычный для Вас, стиль Маркса, — этим и объясняются многочисленные поправки.

Если Вы, переведя содержание на немецкий, прочтете затем рукопись еще раз, обращая внимание на стилистическую удобочитаемость, и будете при этом помнить, что везде, где только возможно, надо избегать громоздкого школьного синтаксиса, который нам всем вбивали в голову и при котором глагол в придаточном предложении ставится непременно в самом конце, — то Вы не встретите больших затруднений и уж сами приведете все в порядок.

Лучше всего посылайте мне рукопись *по частям*, чтобы каждая часть представляла собой нечто более или менее законченное — по 1, 1½, 2 печатных листа сразу. Тогда я тут же буду делать к этому примечания. Корректуру я тоже охотно просмотрел бы, в печати многое выглядит по-иному.

Пришлите мне, пожалуйста, статью из старого «Sozialdemokrat» о Прудоне, я совсем упустил это из виду; может быть, ее придется целиком включить в предисловие. Я, конечно, верну Вам ее обратно.

Относительно фон-дер-Марка и «Volkszeitung» я вполне разделяю Ваше мнение. Когда умер Маркс, Шевич *подделал* мою те-

леграмму к Зорге и напечатал ее так, будто она была послана мною в «*Volkszeitung*». Я заявил протест. Он постарался оправдать подделку лживым утверждением, что первое слово было неразборчиво, — но перепечатал-то он его *правильно!* Другой его довод — что он «считал это необходимым в интересах газеты». И к тому же мой протест, по его мнению, «мелочен». Зато не было мелочным и только, повидимому, свидетельствовало о *широкой* натуре этих господ, когда они использовали смерть Маркса для саморекламы и для провозглашения своего полусоюза с Мостом. Но Шевич — последний из социал[истически настроенных] русских аристократов, а эти люди всегда стараются «итти дальше всех» и привыкли использовать все на свете в качестве средства для своих целей. Статья о терпимости была просто глупой. Русские с наслаждением лупили друг друга, и ирландцы тоже.

Не знаю, получаете ли Вы «*Travailleur*» и т. д., я получаю время от времени отдельные номера и посылаю их Вам. Посылаю, кроме того, два номера «*Sozialdemokrat*» с пометками Маркса, которые, пожалуй, будут Вам интересны.

Итак, фунт [стерлингов] Шорлеммера я оставляю у себя, прошу занести его на мой счет, а Шорлеммеру зачесть из этих денег его годовичную подписную плату. остаток же передать в избирательный фонд с соответствующим оповещением в «*Sozialdemokrat*». Прошу также занести на мой счет подписную плату за меня и за Тусси, если Тусси не получит газету в обмен на «*To-Day*». Затем, прошу посылать Тусси по другому адресу:

Г-же Маркс. 32 Great Cornam street, W. C., Лондон.

Понятия не имею, что делать с деньгами, собранными на памятник Марксу. Сколько их там всего? Если хотите, я напишу Вам статью для номера к 14 марта; скажите мне только приблизительно, о чем писать, чтобы она была подходящей для Вас.

У Мейснера, вероятно, есть еще экземпляры «18 брюмера»; то, что он не старается продвинуть их, объясняется, должно быть, трусостью. Так как Маркс продал ему *все* издание, то мы тут ничего поделать не можем.

Из книг Тусси забрала себе лучшие словари, французские и итальянские, но там все еще осталось порядочно, и я приберег для Вас одну замечательную вещь — редакционный экземпляр «*Neue Rheinische Zeitung*». В этом месяце я Вам это перешлю.

Стихов я никаких не знаю — разве только «Царь-пар» из моего «Положения рабочего класса [в Англии]». Теперь здесь разыскивают английский подлинник этого стихотворения, но он, повидимому,

исчез так же, как сербский подлинник гетевской песни — плач благородной жены Гассана-Аги, — с ним даже дело обстоит еще хуже, потому что последний все же еще существует в рукописном виде.

Чего бы не дал Бисмарк, чтобы иметь «венцев в Берлине», т. е. анархистов! Это настоящая карикатура на русских, но несомненно *выращенная полицией*.

Вап Ф. Э.

214.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 5 февраля 1884 г.

Дорогой Лавров!

Значит решено, книги я Вам вышлю.

Ах, этот II том! Если бы Вы знали, мой старый друг, как хотелось бы мне поскорее его подготовить. А вот, пришлось потерять полгода из-за моей проклятой болезни. И теперь еще я не смогу начать серьезно работать раньше середины марта; это время мне понадобится для того, чтобы привести в порядок все книги, бумаги, газеты и т. д., а я могу, не переутомляясь, заниматься этим всего лишь по несколько часов в день. Особенно это беспокоит меня потому, что я — *единственный из оставшихся в живых*, кто в состоянии расшифровывать этот почерк и эти сокращения отдельных слов и целых фраз. Что касается издания выпусками, то это отчасти будет зависеть от издателя и от германских законов. Пока я не думаю, чтобы это было очень подходящим для такой книги, как эта. С корректурой я постараюсь сделать так, как этого хочет Лопатин. Но около двух месяцев назад Вера¹ Засулич писала мне, чтобы я представил ей перевод. Я ответил, что преимущественное право на перевод остается за Лопатиным и что говорить об этом пока преждевременно. Но обсудить возможность напечатания перевода в *России* можно было бы уже и сейчас. Думаете ли Вы, что это можно будет сделать? II том носит чисто научный характер и трактует лишь вопросы, относящиеся к взаимоотношениям *внутри самой буржуазии*. Но в III-м будут места, которые заставляют меня сомневаться в возможности их напечатать даже в Германии при исключительном законе.

В отношении издания полного собрания сочинений Маркса те же затруднения, и это только одна из многочисленных трудностей,

¹ Имя написано по-русски.

которые надо преодолеть. У меня около 60 листов (по 16 печатных страниц) старых рукописей Маркса и моих от 1845 до 1848 г. Из всего этого можно будет опубликовать только извлечения, но я не смогу взяться за это, пока не закончу работу над рукописью II тома «Капитала». Так что остается только ждать.

В статье, о которой Вы говорите и которой у нас здесь тоже нет, будет от 3 до 5 печатных листов. Это сводный обзор политического развития Франции с 24 февраля 1848 до 1851 г. Это вкратце изложено в «18 брюмера», но все-таки статью стоит перевести. Я сам разыскиваю полный экземпляр «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung», у меня есть только 2/5 всех номеров.

Девиль прислал мне свою рукопись для просмотра. Так как я был болен, то ограничился лишь теоретической частью, где мне пришлось исправить очень немного. Но описательная часть составлена наспех. Прежде всего она иногда непонятна для того, кто не читал оригинала, а потом он часто дает выводы Маркса, опуская условия, при которых эти выводы только и являются правильными. Это иногда создает более или менее ложное впечатление. Я обратил на это его внимание, но книгу спешили выпустить как можно скорее.

Ваш Ф. Энгельс.

215.

Энгельс — Г. Нонне

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон, около 12 февраля 1884 г.]

По поводу намечаемого Вами плана я не могу дать определенного ответа, пока не знаю, о ком идет речь и что имеется в виду. Могу только сказать, что при известных обстоятельствах я мог бы пойти на то, чтобы *блокироваться* с людьми, которые не стоят целиком на революционно-коммунистической позиции, если они того стоят, но ни в коем случае не на *союз* с ними. Кроме того, мое время целиком занято работами, которые во что бы то ни стало должны быть выполнены, а моя международная переписка и без того достаточно обширна. Клемансо безусловно пришлось бы пойти еще значительно дальше, прежде чем мы могли бы заключить с ним союз. Сомневаюсь, может ли он, ближайший кандидат в министры со стороны крайней левой, желать чего-нибудь большего, чем просто «добрых отношений» с нами. Такие добрые отношения можно поддерживать с социалистами

самых различных оттенков до тех пор, пока не доходит до принципиальных или тактических разногласий, и тогда уже приязнь сменяется неприязнью. Теперь решайте сами, подходящий ли я для Вас человек.

216.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 14 февраля 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Старый дружище!

О моем здоровье тебе беспокоиться нечего, это была затяжная история, но совершенно не опасная, и она постепенно проходит.

Твои пожелания к Новому году я переписал и переслал Лауре.

Затем я только что отправил тебе по почте 5 ф. ст., чтоб ты, старина, и твоя жена могли немного подлечиться. Надеюсь, что сравнительно мягкая зима и приближающаяся весна благотворно отразятся на вашем здоровье.

Я нашел кое-какие касающиеся тебя документы, но не могу еще сказать, все ли это; надо еще просмотреть целую большую корзину с письмами и т. д. Как только разделаюсь с этим, пошлю тебе все, что найду.

Что касается твоего плана, то прежде всего приходится считаться с условиями, существующими сейчас в Германии. Время от времени я получаю сведения об этом непосредственно из Германии, и, судя по ним, полицейский произвол там неограниченный и правительство решило положить конец *всякой* легальной агитации нашей партии, под каким бы видом и предлогом эта агитация ни проводилась. Достаточно того, чтобы это исходило от социал-демократов, — и каждое собрание распускается, каждая попытка выступления в печати подавляется, а в местностях, объявленных на осадном положении, высылают всех участников. Опыт последних шести лет не оставляет у нас в этом отношении никаких сомнений.

По-моему, мы за границей совершенно не в состоянии решить вопрос о своевременности, сроке и содержании новой попытки массовой агитации и должны всецело предоставить это нашим товарищам в Германии, которые на себе испытывают притеснения и лучше всех знают, что возможно и что нет. Так что, если ты обратишься к Бебелю или Либкнехту и они там обсудят это дело, то я считал бы, что они должны решить — да или нет, а мы — подчиниться их решению.

Впрочем, с агитацией в Германии дело вовсе не так уж плохо, хотя буржуазная пресса ее обычно замалчивает и только время от времени невольно издает боязливый стон о том, что партия стремительно завоевывает почву, вместо того чтобы ее терять. Полиция открыла нашим широчайшее поле деятельности: повсеместную и непрерывную борьбу с самой полицией. Эта борьба везде и всегда ведется с большим успехом и, что лучше всего, — с большим юмором. Полицию побеждают, и вдобавок еще и высмеивают. И эту борьбу я считаю при настоящих обстоятельствах самой полезной. Прежде всего она поддерживает в нашей молодежи презрение к врагу. Нельзя было двинуть в бой против нас худшие силы, чем немецкая полиция. Даже там, где она побеждает, она терпит моральное поражение, и в наших ребятах со дня на день возрастает уверенность в победе. Эта борьба ведет к тому, что как только притеснения, наконец, уменьшатся (а это случится в тот день, когда в России дело разыграется), мы будем насчитывать наши силы не сотнями тысяч, а миллионами. Среди так называемых «вождей» много гнилья, но в наши массы я верю безусловно, а то, чего им нехватало в смысле революционного опыта, они все больше приобретают в этой партизанской войне с полицией, и что ни говори, а мы никогда еще не видели пролетариата, который за такой короткий срок научился коллективно действовать и дружно итти в ногу. Поэтому, хотя на поверхности ничего и не видно, по-моему, мы можем совершенно спокойно ожидать момента, когда затрубят сбор. Ты увидишь, как они выступят!

С братским приветом твой старый

Ф. Энгельс.

217.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон, 14 февраля 1884 г.]

Дорогой Лавров!

Принимаю к сведению сказанное Вами относительно русского перевода II тома «Капитала». Когда придет время, мы вернемся к этому вопросу.

Что касается немецкого издания, то Вы знаете, что там мы под властью самого неограниченного произвола и что там могут запретить *все*. Маркс никогда не считался с существующими законами, он всегда высказывался откровенно, и было бы чудом, если бы II том не

давал достаточно оснований для конфискации и изъятия по закону 1878 г. Но надо рискнуть, и я, конечно, ничего не стану смягчать.

Когда Г. Лопатин был здесь, он мне сказал, что Н. Даниельсон хочет, чтобы я ему вернул книгу под заглавием «Труды Комиссии для исследования хлебной промышленности в России»¹. Теперь я нахожу много книг по торговле и производству зерна. Книга, наиболее подходящая к указанному заглавию, — «Труды экспедиции, снаряженной императорским Вольным экономическим и Русским географическим обществами для исследования хлебной торговли и промышленности в России»¹, 2 тома, 1870 г.

Об этой ли книге идет речь? Если да, то по получении подтверждения от Вас я ее немедленно отошлю обратно по адресу: Мойка, 27, Санкт-Петербург.

Надеюсь, что смогу отослать Ваши книги на будущей неделе. Некоторые из них я оставил у себя; если окажется, что они мне не понадобятся для II тома, я отправлю их Вам позже.

Ваш Ф. Энгельс.

218.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 16 февраля 1884 г.

Дорогой Каутский!

У меня сегодня немного свободного времени, поэтому отвечаю сразу же.

Если Вы просмотрите несколько глав, то убедитесь, что у Девиля необходимо заново обработать не только *историческую* часть, но и описательную (рабочий день, кооперация, мануфактура, крупная промышленность и т. д.). Пока я Мейснеру ничего не пишу, пошлю ему только французскую книгу и извещу о том, что теперь она перерабатывается и что в свое время я сообщу ему подробности.

В Париже выходит также новое французское издание «Нищеты философии». Я пишу к нему предисловие; в предисловии к немецкому изданию я разоблачу миф о Родбертусе. Этот миф ведет свое начало от Р. Мейера и получил такое распространение в Германии, Англии и даже в Америке, что этому нужно положить конец. Я докажу: 1) что в 1850 г. мы не имели возможности чему-либо научиться у г. Родбертуса, 2) что мы его вовсе не знали, 3) что его великие

¹ Заглавия книг написаны Энгельсом по-русски.

открытия уже в 1848 г. были общими местами, 4) что его специфические снадобья для социалистического лечения подвергнуты критике в «Нищете [философии]», *прежде* нежели он их открыл.

Как видите, для Вас тут все еще остается достаточно работы, но перечисленные выше вещи могу сделать только я, потому что я это пережил и один только владею соответствующим материалом, относящимся к 1840—1850 гг.

Родбертусовская теория ренты — вздор; в первой рукописи «Капитала» 1861—1863 гг. есть обстоятельная, написанная Марксом в довольно ироническом тоне критика этой теории в очень объемистом отделе: «Теории прибавочной стоимости», который я, вероятно, напечатаю в конце второго тома или как третий том.

Но для моего предисловия мне необходима статья Родбертуса: «Открытое письмо комитету Германского рабочего союза», Лейпциг, 1863 г. Не можете ли Вы или Эде достать мне эту вещь на несколько дней? Я верну ее, как только сделаю нужные мне выписки.

Обещанную Эде статью о Прудоне в старом «Sozialdemokrat» я еще не получил; может быть, сегодня вечером прибудет. По всей вероятности, я переведу ее для французского издания.

Если бы Эде вдруг появился здесь, это меня необычайно обрадовало бы, теперь вдобавок я снова могу — в скромных размерах — выступить в роли собутыльника.

Возвращаюсь к Вашему предпоследнему письму. Дитц давно уже хочет получить «Положение рабочего класса»; я условно обещал, впредь до выяснения моих отношений со старым издателем, *Вигандом*. Вот уже 15 лет, как Либкнехт обещает выяснить это (т. е. мои юридические отношения с Вигандом) через Фрейтага, а я все еще ничего не узнал. Во всяком случае Дитц больше, чем кто-либо, имеет на это право, и я, наконец, сам приму меры, чтобы узнать, что я в праве сделать.

Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить свирепствующий государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на *Яве*, где он процветает во всей своей красе. Весь материал можно найти в книге адвоката Дж.-В.-Б. Мони: «Java, or how to manage a colony» [«Ява или как управлять колонией»]. Из этой книги видно, как голландцы на почве древнего общинного коммунизма организовали производство государственным путем и обеспечили людям вполне удобное, по их понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной тупости, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 миллионов марок ежегодно (теперь, наверное, больше). Случай в высшей

степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки; между прочим, это — доказательство того, как первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия современного коммунизма) и в условиях современного общества оказывается столь же кричащим анахронизмом (который должен либо быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община — марка старых кантонов.

Относительно первобытного состояния общества существует капитальный труд, имеющий такое же *решающее* значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс: это Морган — «Ancient Society» [«Первобытное общество»], 1877 год. Маркс говорил об этой книге, но мне тогда было не до этого, а он к ней больше никогда не возвращался; он, очевидно, был ею доволен, потому, что, судя по очень подробным извлечениям из этой книги, *сам* хотел познакомить с ней немцев. Морган в границах своего предмета самостоительно открыл во второй раз марксово материалистическое понимание истории и заканчивает в отношении современного общества непосредственно-коммунистическими требованиями. Впервые римский и греческий gens [род] вполне разъяснен посредством родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для истории первобытного общества. Будь у меня время, я бы обработал материал, включив замечания Маркса, в форме фельетона для «Sozialdemokrat» или «Neue Zeit», но об этом и думать нечего. Все мошенничество Тэйлора, Леббока и К^о окончательно лопнуло — вся эта эндогамия, экзогамия и прочий вздор. Эти господа замалчивают здесь книгу по мере своих сил, она напечатана в Америке; я заказал ее неделю пять тому назад, но до сих пор еще не получил, хотя на титульном листе и значится лондонская фирма в качестве соиздателя.

Сердечный привет!

Ваш Ф. Э.

219.

Энгельс — Г. Ноппе

в Париж.

[Черновик.]

[Лондон, около 26 февраля 1884 г.]

То, что я Вам писал о Малоне, — это неоспоримые факты, которые были мне доказаны и которых не могут изменить никакие парижские сплетни. Малон действительно ушел с конгресса Лиги мира

вместе с Бакуниным и 15 другими лицами и участвовал в учреждении тайного Альянса. Документ от марта 1870 г. я видел собственными глазами. Что бы Малон теперь ни наврал про Интернационал, мне безразлично, и я вряд ли стану обращать на это внимание. То, что он самоучка, не дает ему, по-моему, права фальсифицировать историю. Если он является подходящим человеком для роли вождя среди французов, то мне остается только пожалеть французский пролетариат.

Что касается Вашей пропаганды интернациональных связей, то

1) цели ее настолько неопределенны, что я, право, не в состоянии тратить свое время на задачи такого расплывчатого характера;

2) почти все названные Вами лица мне неизвестны (единственный, которого я знаю *более близко*, как раз не назван). Но невозможно, конечно, активно проработать более сорока лет в международном движении, чтобы не иметь повсюду старых друзей и союзников, с которыми связан политически и морально. У них-то я и должен был бы сначала навести справки о некоторых Ваших товарищах и о взаимоотношении тех и других. Но и этого я не мог бы сделать как следует, умалчивая о Вашем проекте;

3) я к тому же, однако, никак не могу вступить в союз, совершенно не зная, куда он меня приведет и к каким связям обяжет в дальнейшем. Повидимому в Париже будет образовано нечто вроде центрального комитета, который будет решать вопросы о приеме новых членов и о тех или иных выступлениях, и тогда может случиться, что я окажусь связанным с людьми, против которых мне следовало бы вести решительную борьбу, или окажусь ответственным за выступление, которого не одобряю. Я никак не могу подвергать себя такой возможности.

Однако пусть все это Вас не смущает. Если Вы создадите что-нибудь порядочное, я во всяком случае буду этому рад. Благодарю Вас за доверие и остаюсь и т. д.

220.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон,] 3 марта 1884 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогой Лавров!

В прошлую пятницу я Вам послал в Париж через контору Братьев Флажоле, 27 Rue Paul Lelong, ящик с известными Вам книгами.

Расходы по пересылке уплачены здесь: если их с Вас потребуют, немедленно известите меня. В случае неполучения, будьте добры потребовать книги по указанному адресу.

Отправлено отсюда гг. Гиттенс и К^о,

Ваш Ф. Энгельс.

221.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 3 марта 1884 г.

Дорогой Каутский!

Бернштейн Эде взял на себя ответственность от твоего имени и за твой счет выпить со мною на брудершафт. Я позволяю себе тут же применить это на деле, в надежде, что ты Эде не дезавуируешь.

Он сегодня вечером едет в Париж, проведет там завтрашний день и выедет вечером, так что прибудет в Цюрих, вероятно, одновременно с этим письмом.

Прилагаю [материал] о продаже России Бисмарку в обмен на ходатайство Бисмарка у Блейхредера о новом русском займе. В первую очередь надули Ферри и Гладстона; если Блейхредер даст денег, то попадется и Бисмарк, а как только дело в России разыграется, все они окажутся в дураках.

Твой Ф. Энгельс.

222.

Энгельс — В. И. Засулич

в Женеву.

Лондон, 6 марта 1884 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может Вам быть полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого издания, в настоящее время в Париже печатается новое французское издание. Я пишу кое-какие примечания к этим двум изданиям и текст их пришлю Вам.

В качестве предисловия можно взять статью Маркса о Прудоне из берлинского «Sozialdemokrat» (1865 г.). Там сказано почти все, что нужно. Она будет напечатана в качестве введения в обоих новых изданиях, французском и немецком. Статья эта сохранилась

только в одном экземпляре, принадлежащем архиву нашей партии в Цюрихе. Если не найдется другого среди бумаг Маркса или моих (я узнаю это в ближайшие недели), Вы легко можете получить копию этой статьи через Бернштейна.

Для немецкого издания мне придется написать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов о том, что в «Капитале» Маркс совершил плагиат у Родбертуса, и доказать, что, наоборот, Маркс подверг Родбертуса критике уже в «Ницете [философии]» до того еще, как Родбертус успел написать свои «Социальные письма». Мне кажется, что для русской публики, куда еще не проникли наши псевдо-социалисты, это не представляет интереса. Впрочем, судите сами. Материал, если угодно, в Вашем распоряжении.

То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому, нашла себе убежище в России. Вы просите меня указать Вам книги для перевода. Но ведь Вы уже перевели или обещали перевести почти все произведения Маркса. Из моих Вы уже взяли лучшие. Остальные наши немецкие книги либо слабы в теоретическом отношении, либо ограничиваются вопросами, представляющими интерес главным образом для Германии. В последнее время французы написали довольно много хороших вещей, но все это пока лишь первые ростки. Изложение «Капитала», написанное Девилем, удачно в своей теоретической части, но описательная часть написана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знаком с оригиналом. К тому же, это слишком велико для популярного изложения. Тем не менее, мне кажется, что, если его переработать, из него можно было бы сделать хорошую вещь. Популярное изложение «Капитала» было бы очень полезно в стране, где самую книгу можно достать лишь с трудом.

Говоря о положении в России, я, конечно, имел в виду в частности также и финансы, но не исключительно их. Положение правительства, которое, как петербургское, находится у последней черты, и царя-пленника, каким является гатчинский отшельник, не может не становиться все более и более напряженным. Разорены как дворяне, так и крестьяне, армия оскорблена в своих шовинистических чувствах и возмущена комедией, которую она видит ежедневно, — государем¹, который прячется; необходимость войны

¹ «Государь» написано Энгельсом по-русски.

для того, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству, и в то же время невозможность предпринять ее из-за отсутствия денег и неблагоприятной политической конъюнктуры; могучий разум нации горит желанием разбить сковывающие его цепи; ко всему этому полнейшее отсутствие денег и нож деятелей¹, приставленный к горлу правительства, — мне кажется, каждый месяц должен обострять трудности положения, и если бы нашелся конституционно настроенный и смелый великий князь, само русское «общество» должно было бы видеть в дворцовой революции наилучший выход из этого тупика. Спасут ли Бисмарк и Блейхредер своих новых друзей? Сомневаюсь. Я скорее склонен задать себе вопрос о том, который из двух союзников обворует другого.

Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли или в «Отечественных Записках» он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал ответ, который, повидимому, был предназначен для опубликования в России, но никогда не послал его в Петербург, боясь, что одно его имя скомпрометирует журнал, где будет напечатан его ответ.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным. Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

223.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 7 марта 1884 г.

Дорогой Зорге!

После моего хронического недомогания, которое продолжалось всю осень и зиму (хотя болезнь и не была серьезной, но все-таки мешала и беспокоила), и после того, как мне, чтобы находиться в покое, пришлось провести два месяца в кровати, я, наконец, настолько оправился, что могу как следует приняться за работу и разделаться со своими долгами по части писем. Надеюсь, что ты и твоя супруга тоже понемногу оправитесь от последствий ваших

¹ «Деятели» написано Энгельсом по-русски.

гораздо более серьезных бедзней, и тогда все снова понемногу войдет в колею.

Так как я двигаюсь еще не совсем свободно и мои прогулки ограничиваются самыми ближайшими местами, а послать мне некого, то я твое поручение выполнил несколько иначе. Предназначенный тебе экземпляр 3-го издания «Капитала», равно как и «Le Capital» [«Капитал»] Девиля, отправлены тебе бандеролью в двух пакетах; таким же образом я отправлю и фотографии, теперь я научился их упаковывать. Два других экземпляра «Капитала» ты, наверно, легко достанешь в Америке.

Я подписался для тебя на целый год на «То-Дау», и ты, вероятно, будешь аккуратно ее получать. У всех этих людей множество добрых намерений, но чертовски мало знаний. Для «То-Дау» это еще кое-как сходило, но сейчас Демократическая федерация издает еженедельник «Justice», который отличается тем, что необыкновенно скучен, вечно повторяет одно и то же и абсолютно неспособен как следует осветить хотя бы *один* какой-нибудь злободневный вопрос. Посылаю тебе несколько номеров, но подписываться на него не стоит. Вообще к Демократической федерации не следует питать особого доверия; там много всяких сомнительных элементов. Гайндман, разыгрывающий из себя роль вождя партии *in partibus infidelium*¹, довольно неразборчивый в средствах карьерист, несколько лет тому назад провалившийся в качестве консервативного кандидата в парламент, вел себя недостойно также и по отношению к Марксу. Я держусь в стороне от всей этой Демократической федерации под благовидным предлогом недостатка времени и стою ближе к «То-Дау», особенно к Баксу; он очень славный парень, но совершенно некстати начал теперь зубрить Канта. *Если ты ничего не имеешь против*, то я опубликую в «То-Дау» по-английски письмо Маркса к тебе по поводу книги Г. Джорджа. Тогда вы сумеете использовать это письмо и у себя.

Вряд ли у меня хватит времени вступать в пререкания со Штибелингом. Таких мелких божков можно спокойно предоставить самим себе. Сектантства в Америке все равно в течение ближайших лет предотвратить невозможно. И великий Мост в результате, вероятно, кончит как К. Гейнден II. «Wochen-Volkszeitung» я получаю, но в ней мало интересного.

Как обстоит дело с поездкой Бебеля, Либкнехта или кого-либо другого в Америку, — я не знаю. На их запрос я высказал свое мнение, что считаю не совсем удобным каждые три года доить Америку

¹ см. примечание на стр. 339.

для выборов: В Германии, в общем, дела очень хороши. Наши ребята ведут себя великолепно. Закон против социалистов втягивает их повсюду в местную борьбу с полицией. Борьба эта связана со всякими остроумными и забавными проделками, и мы большей частью выходим из нее победителями. Борьба эта представляет собой лучшее в мире средство пропаганды. Время от времени все буржуазные газеты тяжело вздыхают по поводу огромных успехов наших товарищей, и все они сильно опасаются новых выборов. Две недели тому назад у меня гостил племянник из Бармена, независимый консерватор, которому я сказал: В Германии мы достигли таких успехов, что можем сложить руки, предоставив нашим врагам работать за нас. Отмените ли вы закон против социалистов или удлините срок его действия, обострите его или смягчите, что бы вы ни сделали — все нам на-руку. — Да, — ответил он, — удивительно как обстоятельства складываются в вашу пользу. — Однако, — заметил я, — этого бы не было, если бы эти обстоятельства еще сорок лет тому назад не были нами правильно поняты и мы не действовали бы соответствующим образом. — Ответа не последовало.

Во Франции дела наши тоже пошли лучше с тех пор, как Лафарг, Гед и Дормуа снова на свободе. Они очень активны, часто посещают провинцию, где, к счастью, сосредоточены их главные силы; издают газетки в Реймсе и Сен-Пьер-Ле-Калаэ, а через месяц созывают съезд в Рубэ. Кроме того, каждое воскресенье они читают в Париже лекции, которые хорошо посещаются; Лафарг читает о материалистическом понимании истории, Девиль — о капитале. Я напишу им, чтобы они послали тебе свои лекции, которые все печатаются. Счастье, что у них сейчас в Париже нет ежедневной газеты, — время для этого еще не пришло. «Нищета философии» выходит в Париже новым изданием, в Цюрихе выходит также немецкое издание и в Женеве — русское. Я, кажется, не посылал тебе еще ни одного экземпляра моего «Развития [социализма]». Это объясняется тем, что сам я всегда получал по одному или по два экземпляра (остолопы!). Теперь эта книжка вышла третьим изданием и, кроме того, на французском, итальянском, русском и польском языках. Эвелинг хочет перевести ее на английский. Он тоже очень славный молодой человек, но чересчур разбрасывается и сейчас тратит много времени на борьбу со своим бывшим другом Брэдло, у которого здешнее социалистическое движение вырывает почву из-под ног, а вместе с тем и средства к существованию. Приходится, стало быть, защищаться, что, однако, для этого ограниченного и жуликоватого субъекта — нелегкая задача.

Тусси чувствует себя недурно, она приезжает сюда почти каждое воскресенье. Ленхен, как ты знаешь, ведет мое хозяйство. Через две недели я, наконец, сумею серьезно приняться за второй том «Капитала» — это тоже будет каторжный труд, но я рад ему.

Прочти Моргана (Льюис-Г.) «Ancient Society» [«Первобытное общество»], вышло в 1877 г. в Америке. Он мастерски раскрывает картину первобытного общества и его коммунизма. Он инстинктивно заново открыл марксово понимание истории и заканчивает свой труд коммунистическими требованиями по отношению к современности.

Сердечный привет Адольфу.

Твой Ф. Э.

224.

Энгельс — П. Лафаргу

в Париж.

[Лондон,] 11 марта 1884 г.

Дорогой Лафарг!

Совершенно согласен почти со всеми Вашими изменениями¹, за исключением следующих:

Стр. 6: «Неверные понятия относительно... меновой стоимости» — нельзя продолжать фразу посредством «и»; следующее за этим его утопическое объяснение обусловлено этими неверными понятиями. Эта причинная связь должна быть указана.

Стр. 6, внизу: «Он режет слух и т. д.» — это слишком сокращено; здесь ничего не сказано о ложной или мнимой науке. Надо постараться быть поближе к оригиналу.

Стр. 7: то же самое. Кроме того: «Но, будучи вынужден отказаться от своих претензий на оригинальность», — искажает текст. Маркс говорит: «Кроме того, это беспомощное и отвратительное старание самоучки, у которого уже сломлена его естественная гордость оригинальностью и самостоятельностью своего мышления, щегольнуть своей ученостью». Он был действительно оригинальным мыслителем и гордился этим. Но он перестал этим гордиться, когда увидел, что то, что для него было оригинальным и новым, уже было сказано другими до него. Тогда он переходит к ложной науке и т. д. Ваш текст отрицает оригинальность Прудона.

Там же — Кабэ. Вы не в праве приписывать Марксу больше того, что он действительно сказал: «Кабэ, заслуживающий уважения

¹ Речь идет о переводе статьи Маркса о Прудоне (1865 г.).

за свою деятельность среди французского пролетариата». Маркс ничего не говорит о преданности, — слово, которое, как Вы знаете, он ненавидел. Можно было бы сказать: заслуживающий уважения за ту роль, которую он сыграл по отношению к французскому пролетариату (или — в политическом движении французского пролетариата и т. д.) или что-нибудь в этом роде.

Там же. — Можно ли сказать: проповедывать *в течение* (pendant) *трех томов*?

Там же, внизу, относительно *Тьера*: раз уж Вы сокращаете, то следовало бы прибавить сказанное в оригинале: «Речь Тьера против предложений Прудона, которая потом была издана в виде отдельной брошюры». Это, кажется, знаменитая книга «De la propriété» [«О собственности»], но я в этом не уверен.

Стр. 8: «Кредит... мог бы ускорить» — не кредит, а его применение; следовательно, нужно было бы сказать: мог бы *содействовать* ускорению, или употребить другой подобный оборот.

Стр. 9: «Проявляет цинизм кретина в честь царя»? В угоду царю, обнаруживает цинизм кретина. Цинизм, с которым Прудон относится к бедствиям Польши, представляет собою лесть по отношению к политике царя. Именно это и следовало бы подчеркнуть.

Там же, внизу: «С одной стороны и т. д.» Следует отметить *две противоречивые тенденции*, которые господствуют над интересами мелкого буржуа; ваш текст их как-то затушевывает.

Стр. 10: «Кричащие» лучше, чем «скандальные».

15 марта.

Ну вот, — постарайтесь быть более верным подлиннику. Маркс не из таких людей, с которыми можно обходиться легкомысленно. Надеюсь, что Лаура добьется того, чтобы текст был передан хорошо и точно.

Прилагаю 10 ф. ст.

Мы привезли сюда все книги и книжные ящики и вот уже три дня как занимаемся тем, что объединяем обе библиотеки и приводим их в порядок. Это дьявольская работа — мы с Ним¹ оба пзмучились. Поэтому сейчас не пишу больше. Сердечный привет Лауре от Ним и от меня.

Искренне Ваш

Ф. Э.

¹ Елена Демут.

225.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 24 марта 1884 г.

Дорогой Эде!

Спешу поделиться кое-какими новостями. Сегодня мы покончили, наконец, с Maitland Park'ом, и старый дом возвращен хозяину, но я все еще по горло занят разборкой книг и бумаг и не могу ни за что как следует взяться, пока не приведу это в порядок.

Демонстрация 16-го ознаменовалась двумя скандальными провалами: Гайндмана и Фроме.

Гайндман, без прямого согласия с его стороны, был назначен оратором, как говорят, по предложению Ракова. Так как он не надеялся на успех, то заявил в «Justice», что выступать будет «один рабочий», а он будет только слушать. В том же номере «Justice» напечатана крайне гнусная заметка о последнем номере «To-Day» — чуть ли не объявление войны. Затем Гайндман стал интриговать против посылки делегатов на конгресс в Рубэ: это, мол, съезд меньшинства, и незачем вмешиваться во внутренние раздоры французов. Но в следующий вторник, на заседании комитета Социал-демократической федерации, он потерпел полное поражение; самые надежные из его приверженцев выступили против него; он не мог привести действительных мотивов своего выступления; с энтузиазмом было принято решение об участии в демонстрации и в конгрессе, а Гайндман, который *теперь* уже охотно стал бы говорить в Хайгете, сам себе отрезал путь к отступлению, и произнести речь было предложено Эвелингу, который с радостью принял это предложение. Так всегда бывает с этими умничающими мелкими склочниками — их собственная хитрость оборачивается против них же самих.

Передают, что Фроме очень хорошо говорил в Хайгете, но зато в Союзе — отвратительно. Посылаю Вам «Deutsche Londoner Zeitung», в которой филистерский репортер наивно выдает свою радость по поводу того, что Фроме своими ужасными банальностями прямо высказал его самые заветные мысли. В Союзе это будто бы вызвало потом большой скандал. Это было уж чересчур. Фроме отделался как следует, и он якобы заявил, что не встретил в Лондоне ни одного социалиста, а человека и подавно. Теперь уж он туда не скоро сунется. Меня он, к счастью, пощадил.

Большое спасибо за «Deutsches Tageblatt», его я тоже отсылаю обратно. Останавливаться на тупоумной болтовне Б. Беккера значило бы оказывать ему слишком много чести. Совершенно безразлично, что пишет этот экс-президент человечества и что печатает

«Deutsches Tageblatt»; теперь об этом давно позабыли даже в Берлине. Такая бессильная злоба заглохнет сама собой. Но чего стоит эта газета, которая печатает подобные вещи! В парижском «Figaro» вдали все-таки искуснее, да и то только в первое время после Коммуны, в период всеобщей паники.

Мартовская статья была все же очень хороша, наиболее существенные пункты подчеркнуты вполне правильно. Точно так же и статья в следующем номере о крестьянской проповеди членов Народной партии; плоха в ней только ссылка на «понятие» демократии. Это понятие изменяется всякий раз с изменением демоса [народа] и поэтому не продвигает нас ни на шаг вперед. По-моему, надо было сказать следующее: пролетариату для овладения политической властью также нужны демократические *формы*, но они для него, как и все политические формы, только средство. Если же кто-либо теперь стремится к демократии как к *цели*, то он должен опираться на крестьян и мелких буржуа, т. е. на классы, обреченные на гибель, которые, поскольку они хотят искусственно сохранить себя, являются *реакционными* по отношению к пролетариату. Далее, не следует забывать, что *последовательной* формой господства буржуазии является именно демократическая республика, которая сделалась слишком опасной только вследствие уже достигнутой пролетариатом ступени развития, но, как показывают Франция и Америка, она все еще возможна как прямое господство буржуазии. «Принцип» либерализма, как нечто «определенное, исторически сложившееся», является, таким образом, в сущности лишь непоследовательностью; либеральная конституционная монархия является адекватной формой господства буржуазии: 1) вначале, когда буржуазия еще не вполне справилась с абсолютной монархией, и 2) в конце, когда пролетариат уже делает демократическую республику слишком опасной. И все же демократическая республика всегда останется *последней* формой господства буржуазии — той формой, в которой ему приходит конец. На этом я кончаю свои поучения.

Ним шлет привет. Тусси я вчера не видал.

Твой Ф. Э.

226.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 24 марта 1884 г.

Дорогой Каутский!

Книгу Моргана лучше всего заказать в Америке; немногие экземпляры, напечатанные под фирмой Мак-Миллан для Англии,

повидимому, все скуплены или распроданы — свой экземпляр я лишь с трудом раздобыл у *букиниста*.

Американского издателя я не знаю. Мой экземпляр обошелся мне в 13 шиллингов 4 пенса.

Если найдется время, то я обработаю тебе это для «*Neue Zeit*», но только в том случае, если вы выпустите отдельный оттиск в виде брошюры (получится, примерно, листа три); на мне, собственно, лежит эта обязанность по отношению к Марксу, и я могу использовать его заметки.

С Мейснером мы теперь сошлись на том, чтобы выпустить сначала отдельно вторую книгу «*Капитала*», а затем последуют третья и «*Теории прибавочной стоимости*» в качестве второй половины второго тома. Так дело двинется быстрее. Закрывают почту.

Твой Ф. Э.

История с Моррисом не имеет значения; все они большие пу-
таники.

227.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 11 апреля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Твое письмо и письмо Эде получил. Морган, надеюсь, будет готов на будущей неделе; сейчас я не могу много работать. Здесь Шорлеммер и Мур.

Это до поры до времени последняя моя работа; резюмировать такую богатую содержанием, но так скверно написанную книгу — дело не шуточное. Если Гусси найдет соответствующее письмо, то [в книгу] войдет также и отзыв Маркса о Рихарде Вагнере; какая между ними связь — сообразите сами.

Затем я немедленно перейду ко второму тому, кроме того займусь пересмотром: 1) вашей «*Нищеты [философии]*», 2) примечаний и предисловия для французского издания и 3) проверкой английского перевода [«*Капитала*»], который теперь необходимо решительно двинуть вперед, и, кроме того, 4) еще «*Дюринг*» и все то, что пришлют для просмотра французы.

Фабиан преследует меня с упорством, от которого он отказался бы, если бы знал, как он нас этим смешит. Много лет тому назад мы должны были сотрудничать в журнале, который он собирался основать вместе с другим великим мыслителем, на основе уже

состряпанной последним философской программы, состоявшей из плохо понятого и прокисшего кантианства четвертого поколения. Затем он ополчился на мое диалектическое толкование математики и пожаловался Марксу, что я оклеветал $\sqrt{-1}$, а теперь история опять начинается с начала. Пусть гуляет рука об руку с фон-дер-Марком по белу свету, а читать я его не стану.

«Положение рабочего класса». Последние сведения, полученные мною по этому поводу от Либкнехта, гласили, что, по разъяснениям Фрейтага, я все еще связан контрактом с Вигандом. На то, что Либкнехт *говорит*, совершенно нельзя полагаться, а на деле он палец о палец не ударяет. Я сам напишу Фрейтагу, это единственный выход.

Сколько бы Гейзер ни ругал атеистов, Бисмарк не доставит ему удовольствия и не отменит закона против социалистов. Тот, у кого еще до сих пор были на этот счет иллюзии, теперь, пожалуй, от них освободится, после того как Бисмарк, чтобы спасти закон, пустил в дело свой последний резерв, старого осла Лемана.

Что фракция *запрещает* Либкнехту работать в газете — замечательно. Это почище старой прусской цензуры. Ну, если Либкнехт с этим примирится, значит дело зашло далеко.

Родбертуса и т. д. получил. Большое спасибо. На будущей неделе пришло обратно. Соответствующее примечание в «Капитале» находится во втором издании на стр. 552¹, в третьем издании я значительно исправил его дополнением; взгляни, пожалуйста.

Этим тебе придется удовлетвориться, так как мне нужно еще написать Эде.

Твой Ф. Э.

228.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 11 апреля 1884 г.

Дорогой Эде!

Я тоже думаю, что толстой книге Фроме лучше всего дать умереть естественной смертью.

Посылка делегации в Рубэ в момент обсуждения закона против социалистов причинила бы большой вред. Нытики стали бы говорить, что этим только и вызвано продление закона, хотя он все равно будет продлен; этого надо избежать. Конгрессы — это демонстрации и полезные личные встречи и потому имеют лишь второстепенное значение; нельзя жертвовать ради них более важными соображениями. Я постараюсь разъяснить это парижанам.

¹ Русский перевод (1934 г.), стр. 593.

Посылка адреса была при данных обстоятельствах единственным, что было возможно и достаточно. Мысль о международном конгрессе в Лондоне приводит меня в ужас, я тогда уеду.

С Родбертусом вам лучше всего подождать, пока вы не получите моего предисловия к «Нищете [философии]»; главных, т. е. английских, работ [по этому вопросу] вы там у себя вовсе не можете знать. Они указаны в «Нищете» на стр. [50]¹; из этих работ явствует, что *использование* рикардовской теории стоимости для социалистических выводов — этот излюбленный конек Родбертуса — было в Англии с 1820 г. всем известным общим местом у экономистов, а с 1830 г. — у социалистов. Я, кажется, уже писал вам, что я там же покажу, что Маркс не только ровно ничего не стянул у Родбертуса, а наоборот, еще в «Нищете» он заранее, и сам того не зная, подверг критике как написанные, так и все остальные, еще не написанные, произведения этого самого Родбертуса. Я думаю, что нам лучше всего подождать с нападением, пока «Нищета» не выйдет по-немецки, а там — ударим как следует (я имею в виду главную атаку); мелкие стычки, для того чтобы вызвать родбертианцев на перестрелку, всегда полезны.

Ожидаю рукопись. Между прочим, если во втором отделе вас затрудняют гегелевские выражения, то оставьте просто в рукописи свободные места, я их заполню; по-немецки должна быть точно соблюдена гегелевская терминология, а то будет непонятно.

Третье издание я получил в *трех* экземплярах. Над присланным вместе с ним «Дюрингом» я немножко поломал себе голову, а затем спокойно отложил его в сторону, решив, что он попал ко мне по ошибке. Мне и в голову не пришло, что это намек на второе издание. Меня очень радует, что это так, — тем более, что, как мне сейчас сообщают со всех сторон, эта вещь произвела, особенно в России, совершенно неожиданное для меня впечатление. Стало быть, скука, неизбежная при полемике с незначительным противником, не помешала этой попытке дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественно-научных и исторических проблем оказать свое действие. Я ограничусь почти одними только стилистическими исправлениями и, возможно, сделаю еще добавления в естественно-научной части. То, что прежнее издание было выпущено в двух частях, объясняется тем, как издавалась работа (отдельными оттисками), вообще же это не имело никакого смысла.

Карточки для Ним, о которых ты спрашиваешь, еще не получены.

Твой Ф. Э.

¹ т. V., стр. 331 настоящего издания.

229.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 26 апреля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Я собирался — и всем здесь об этом рассказывал — устроить Бисмарку каверзу и написать нечто такое (Морган), чего бы он никак не мог запретить; но при всем желании — не выходит. Главу о моногамии и заключительную главу о частной собственности, как источнике классовых противоречий и рычаге, разрушающем старую общину, я просто *не могу* написать так, чтобы они уложились в рамки закона против социалистов. Чорт меня подери, не могу иначе! — как говорит Лютер.

Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами. Это ничего не дало бы нашим рабочим. Итак: напишешь хорошо — запретят наверняка; напишешь подло — разрешат. Но подло я писать не умею.

На будущей неделе я, вероятно, кончу (Шорлеммер опять здесь, до понедельника): получится добрых четыре листа, если не больше. Если вы, по прочтении, рискнете это напечатать в «*Neue Zeit*», то пусть это падет на вашу голову, а на меня не пеняйте. Если же вы окажетесь настолько благоразумны, что не станете рисковать всем журналом ради одной статьи, то напечатайте эту вещь брошюрой — либо в Цюрихе, либо как «Женщину [и социализм]». Это уж ваше дело.

Для нашего общего мировоззрения вещь эта, мне кажется, будет иметь особенное значение. Морган позволяет нам установить совершенно новые точки зрения; он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу. Какие бы еще сомнения ни оставались у тебя относительно отдельных фактов из истории первобытного и «дикого» состояния, *gens* [род] в основном разрешает вопрос и разъясняет первобытную историю. И поэтому вещь должна быть серьезно обработана, тщательно взвешена и доведена до окончательных выводов, — но и должна быть написана *без оглядки на исключительный закон*.

Еще один важный пункт: я должен показать, как гениально предвосхитил Фурье Моргана в целом ряде вопросов. Критика цивилизации, данная Фурье, только благодаря Моргану выступает во всей своей гениальности; но над этим придется поработать.

Мое письмо от понедельника насчет новых изданий ты, вероятно, получил. Прошу тебя позаботиться, чтобы до получения моей рукописи *ничего* не было пущено в набор. «Крестьянская война» будет совершенно переделана. В «Дюринге» изменения, внесенные в «Развитие социализма», нужно вставить в самом начале, многое нужно исправить и дополнить.

Кстати: у меня здесь лежит около 50 экземпляров «Дюринга»; если они могут вам понадобиться, я сейчас же их вышлю, но укажите, каким путем, чтобы они не пошли через Германию, где их могут перехватить. Об этом там, наверное, узнают. Прошу дать мне возможно более точные указания.

Твой Ф. Э.

230.

Энгельс — Л. Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 4 мая 1884 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман!

Мое здоровье в порядке, история была ватяжная и тягостная, но не серьезная, однако для описания ее понадобилось бы несколько страниц. Твою открытку получил, спасибо также за Лейбницаду; к сожалению, я не могу заниматься подобными побочными работами, так как завален по горло работой по редактированию II тома и просмотром переводов марксовских работ на немецкий, английский и французский. Кроме того, переиздаются две мои работы. II книга [«Капитала»], вероятно, выйдет отдельно, но так как я осенью и зимой потерял очень много времени, то сильно запоздал со всеми делами и меня так теребят со всех сторон и требуют выполнения стольких обещаний, что я решил никогда больше их не давать.

Твой Ф. Энгельс.

231.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Лондон,] 17 мая 1884 г.

Дорогой Эде!

Рукопись будет сегодня готова, остается еще просмотреть ее и окончательно отделать, на что потребуется два-три дня. А затем вы

ее получите. Я думаю, что Каутский в виде опыта может опубликовать в «Neue Zeit» главу о семье (исключив моногамию), а все целиком должно быть напечатано отдельной книжкой. Где и каким образом — об этом вы сумеете сделать мне свои предложения после того, как получите рукопись.

О парижских выборах и прочем напишу, как только будет свободное время. Теперь мне покоя не дает рукопись; я отложил из-за нее все остальное, даже самое срочное. Это большая вещь — около 130 убористо написанных страниц in 8° — под заглавием «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Пора отправлять почту и обедать. Привет Каутскому.

Твой Ф. Э.

К прочим помехам прибавилась еще опасная болезнь сынишки Пумпс, я очень боюсь за него.

232.

Энгельс — К. Каутскому и Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 мая 1884 г.

Дорогие ребята!

Посылаю рукопись без заключительной главы, которая еще нуждается в просмотре. Вы увидите, что для *легального* германского рынка эта вещь не годится; обдумайте, печатать ли ее в Штутгарте, под подставной фирмой, или же сразу в Цюрихе, и напишите мне об этом. Со времени «Прусской водки» запрещено *все, что появляется за моей подписью*. Если рукопись пойдет в Штутгарт, то я не хотел бы, чтобы она была предварительно отдана на суд мудрецов, которые там заправляют. Во всяком случае, читать *корректуру* я должен сам и прошу посылать мне *двойные* оттиски на хорошей бумаге с широкими полями, иначе тщательная корректура невозможна. Подтвердите, пожалуйста, получение открыткой. Сегодня вечером или завтра отвечу на ваши письма; я отложил все, чтобы покончить с этим делом, а сейчас иду на похороны умершего в воскресенье сынишки Пумпс.

Ваш старый

Ф. Э.

233.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

[Лондон,] 23 мая 1884 г.

Дорогой Каутский!

Рукопись 1—8 глав ты, вероятно, получил; я отослал ее тебе вчера *заказным*. Если ты хочешь извлечь из нее что-нибудь для «Neue Zeit», то лучше всего будет взять, как я тебе уже предлагал, главу о семье, исключив моногамию. О моногамии там дано достаточно предварительных сведений для того, чтобы была сохранена известная законченность.

Что касается запрета, то я тебе уже писал, что все, что выходит из-под моего пера, запрещается из принципа; «Прусская водка» была личным оскорблением для Бисмарка, и с тех пор, как Рихтер состряпал себе из этого водочную политику, герой водки и почтовой бумаги мне ничего больше не прощает. Все твои аргументы, после принятия закона против социалистов и последовавшего тотчас же за ним запрещения «Süddeutsche Post», и сами по себе отпадают. А правительство начнет, вероятно, сыпать запретами; об этом говорит поведение либеральной печати — она *форменным* образом требует решительного выступления против нас. Ты, как австриец, совершенно не можешь уследить за ходом мыслей в головах таких людей, как Бисмарк, Путткаммер и К^о: для этого нужно знать прусскую полицейскую государственность до 1848 г.; возродить ее посредством закона против социалистов — вот основная цель этих юнкеров-бюрократов. Все остальное по сути дела второстепенно.

Относительно находящихся здесь экземпляров «Дюринга» мне еще пока ничего не сообщали.

«Капитал» Родбертуса у меня есть. Там, кажется, ничего нет. Он вечно повторяет одни и те же убогие положения.

Архивный материал находится у меня в полной сохранности и будет возвращен в полном порядке. Как только я покончу с заключительной главой и приведу еще в порядок у себя дома различные вещи — книги и т. д., — возьмусь за второй том «Капитала»; это — *днем*, а по *вечерам* — прежде всего за пересмотр вашей «Нищеты философии», а также за примечания и предисловие к ней. Такое разделение не только полезно, но и абсолютно необходимо, так как долго разбирать почерк Маркса при искусственном освещении нельзя, если не хочешь ослепнуть. Моя критика Родбертуса, впрочем, ограничится ведь главным образом вопросом о плагиате, а всего

остального — его утопий социального спасения, земельной ренты, поземельного кредита с целью освобождения юнкерства от долгов (Bodenkreditgrundadelsschuldentlastung) и т. д. — я лишь слегка коснусь. У тебя будет, следовательно, достаточно материала, чтобы как следует разделать этого мелкого померанского эксплуататора поденщиков (Häuslerexploiteur), который стал бы, может быть, второразрядным экономистом, если бы не был родом из Померании. С тех пор, как олухи вроде Фрейарш Тюрингера¹, цепляющиеся, с одной стороны, за нас и, с другой — за катедед-социалистов и желающие обеспечить себя и там, и тут, используют «великого» Родбертуса против Маркса, — а сейчас даже Адольфы Вагнеры и прочие бисмаркианцы возводят его в пророки карьеристского социализма, — у нас нет абсолютно никаких оснований щадить эту изобретенную самим Родбертусом и раздутую Мейером знаменитость (Мейер ничего не смыслит в экономии, и Родбертус служил ему тайным оракулом). Человек этот не дал абсолютно ничего в области экономии; он был очень талантлив, но всегда оставался дилетантом и, прежде всего, по-померански невежественным и по-прусски заносчивым. Максимум его достижений — это остроумные и верные точки зрения в отдельных вопросах, но он никогда не знал, как их применить. Да и как вообще может приключиться с порядочным человеком, чтобы его писания стали евангелием карьеристов бисмарковского социализма? Так история отомстила этому искусственно раздутому «гению».

Твои сообщения о внутренних делах в Германии всегда очень желательны.

А теперь мне надо еще написать Эде.

Твой Ф. Э.

234.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 23 мая 1884 г.

Дорогой Эде!

Надеюсь, что твоя деловая поездка все-таки увенчалась успехом. Сейчас все дело, думается мне, только в том, чтобы замести старые следы и отвлечь от них этих господ; если это удастся, то частично можно будет пользоваться опять старым путем. В остальном поможет глупость полиции.

¹ Freiarisch вместо Freiwald.

«Нормальный рабочий день» Родбертуса я себе заказывал, но он уже распродан. Я был бы очень рад, если бы ты мог прислать его мне, — разумеется на время, — так как там дана единственная аутентичная редакция его проектов реформ в пользу рабочих. Возвращаю тебе теперь заказным номера старого «Sozialdemokrat», так как я узнал, что они есть у Лесснера. Мы все еще продолжаем с Лафаргом согласовывать перевод, и поэтому оригинал был мне здесь нужен; теперь я, конечно, могу его вернуть.

Здесь был Зингер; я, между прочим, изложил ему свой взгляд на тактику при перевыборах. Считаю совершенно бессмысленным устанавливать здесь какое-либо обязательное во всех случаях правило, которое на самом деле, конечно, никогда не будет соблюдаться. Мы располагаем большой силой, которая останется совершенно неиспользованной, если будет провозглашено воздержание от голосования во всех тех случаях, когда в перевыборах не голосуется ни один из наших. На практике в таких случаях всегда сами собой возникали избирательные блоки, например с центром: мы голосуем за вас *здесь*, если вы голосуете за нас *там*, — и мы таким способом получали не одно место. Конечно, при этом много делается и глупостей, но они случаются при всех обстоятельствах, и это не основание для того, чтобы сделать еще бóльшую глупость. Я сказал ему даже, что, например, в таких местах, как Берлин, где избирательная борьба протекает почти целиком между нами и прогрессистами, не исключена возможность соглашений и *до* основных выборов: вы уступите нам такие-то избирательные округа, а мы вам взамен — такие-то, но это, конечно, лишь в том случае, если можно рассчитывать, что обязательства будут соблюдены. Несуразным я считаю только стремление заранее устанавливать на конгрессах общеобязательные правила, определяющие тактику для тех случаев, которые могут наступить в будущем.

В сущности, я доволен, что закон против социалистов продлен, а *не* отменен. Либеральный филистер дал бы на выборах крупную победу консерваторам; чтобы сохранить закон против социалистов, он полезет не только в огонь и воду, но и в самую глубокую помойную яму. А результатом этого был бы еще более жесткий закон против социалистов. Судя по теперешнему положению, он продлен, вероятно, в последний раз, и если старый Вильм протянет ноги от своей болезни почек, этот закон на практике вскоре перестанет существовать. То, что германские свободомыслящие и центр так основательно оскандалились при голосовании, тоже чего-нибудь да стоит, а еще важнее — бисмарковское право на труд. С тех пор, как этот путаник ухватился

за него, у нас есть надежда избавиться от кликуш вроде Гейзера. Впрочем, надо быть Бисмарком, чтобы сделать такую глупость перед лицом растущего рабочего движения, которого нельзя подавить даже исключительными законами. Наши пока действуют правильно, стараясь завлечь его как можно дальше, требуя осуществления его слов на деле; коль скоро Бисмарк несколько больше свяжет себя в этом вопросе, на что он все же, должно быть, не так легко пойдет, все это очковтирательство закончится прусской полицейщиной. Пустые фразы в качестве избирательной программы ему очень мало помогут.

Право на труд придумал Фурье, но у него оно осуществляется только в фаланстере и, стало быть, уже предполагает принятие последней. Фурьеристы, миролюбивые филистеры мирной демократии, «*Démocratie pacifique*», — как назывался их орган, — носились с этой фразой именно потому, что она так невинно звучит. Парижские рабочие 1848 г., имевшие самые смутные представления в теоретических вопросах, дали навязать себе эту фразу, потому что она выглядела такой практичной, далекой от утопизма и так легко осуществимой. Правительство осуществило ее тем единственным способом, каким только и могло ее осуществить капиталистическое общество, — в форме бессмысленных национальных мастерских. Точно таким же образом право на труд было осуществлено во время хлопчатобумажного кризиса 1861—1864 гг. здесь в Ланкашире посредством муниципальных мастерских. А в Германии его тоже осуществляют в голодных и каторжных рабочих колониях, с которыми носится теперь немецкий филистер. Выставленное как *отдельное* требование право на труд и не *может* быть осуществлено иначе. От капиталистического общества требуют, чтобы оно осуществило это право, но оно может выполнить это только в пределах *своих* условий существования, и если права на труд требуют у *него*, то его требуют при данных, определенных условиях и, стало быть, требуют создания национальных мастерских, рабочих домов и колоний. Если же требование права на труд *косвенно* выражает требование уничтожения капиталистического способа производства, то по отношению к нынешнему состоянию движения оно является трусливым шагом назад, уступкой закону против социалистов, фразой, которая не имеет иного назначения, как сбить рабочих с толку и затемнить у них понимание той цели, к которой они должны стремиться, и тех условий, при которых они только могут ее достигнуть.

В Париже наши на деле применили на выборах в городскую думу рекомендуемую тобою тактику и выставили Дерера против

Жоффрена только потому, что вначале против него не было ни одного оппортуниста, так что здесь оппозиция была почти необходима. Лишь позднее уже выступил Симоно, и тогда Гед тотчас же потребовал, чтобы Дерер снял свою кандидатуру; но на это нехватило мужества, и Дерер с треском провалился. Зато Вайян победил в своем округе против POSSИБИЛИСТОВ; Рети — пьяница (poivgard) с самой скверной репутацией и провалился вполне заслуженно. А если Жоффрен провалился на перебаллотировке, то в этом повинны его люди, а не наши. Впрочем, против POSSИБИЛИСТОВ все время придется выступать, пока они не пойдут на соглашение с нашими на выборах; пока они так бесцеремонно выдают себя за подлинно рабочую партию, они вынуждают наших к прямой оппозиции. Итак: или — или; это всецело зависит от них самих.

Что касается в частности Жоффрена, то у него была такая паршивая программа, что даже радикалы отказались выставить против него кандидатов, потому что, мол, программа Жоффрена в основном является их *собственной!*

Здесьняя «Justice» становится хуже с каждой неделей.

Твой Ф. Энгельс.

Я примусь также и за «Дюринга». Когда вы, примерно, собираетесь приступить к печатанию? Стоит мне только засесть за него, и я буду сдавать вам сразу по 6—8 листов, хотя именно в начале придется многое пересмотреть.

«Крестьянская война» будет переработана заново, за исключением описания военных событий. Для этого я очень многое изучил за последние годы, в нее войдет порядочная часть немецкой истории. Возьмусь за это, как только управлюсь с «Дюрингом».

235.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 5 июня 1884 г.

Дорогой Эде!

Пробыл неделю на взморьи. Сильно порезал себе указательный палец на правой руке, так что с трудом пишу. Каутскому, стало быть, придется подождать, потому что «Sozialdemokrat» важнее, чем «Neue Zeit», и к тому же с последней дело обстоит так, что совершенно

неважно, подсыплю ли я туда своего перцу или нет. Впрочем, я считаю все действия Каутского, поскольку он мне сообщал о них и насколько я могу судить о положении вещей, вполне правильными.

С «Sozialdemokrat» дело обстоит несколько иначе. С тех пор как господа нытики по сути дела объединились в партию и имеют большинство во фракции, с тех пор как они осознали свою силу, созданную им законом против социалистов, и используют ее, я считаю, что мы тем более обязаны удерживать до последней возможности все командные высоты, находящиеся в *наших* руках, и прежде всего самую важную из них — нашу позицию в «Sozialdemokrat».

Эти люди *живут* законом против социалистов. Если бы сейчас было возможно открытое обсуждение вопросов, я стоял бы за немедленный переход в наступление, и тогда им живо пришел бы конец. Но пока открытое обсуждение недоступно, пока вся издающаяся в Германии пресса в их руках, а их численность (поскольку к ним принадлежит большинство «вождей») дает им возможность использовать во-всю сплетни, интриги, клевету исподтишка, — я считаю, что до тех пор *мы* должны избегать всего, что дало бы право свалить *вину* за раскол на нас. Это — общее правило борьбы внутри собственной партии, и сейчас ему необходимо следовать более, чем когда бы то ни было. Этот раскол надо провести так, чтобы мы продолжали вести за собой старую партию, а они либо вышли бы из партии, либо были бы выкинуты из нее.

Теперь о времени. Сейчас все преимущества на *их* стороне. Мы не можем помешать им и после раскола всячески порочить нас и клеветать на нас в Германии и выдавать себя за представителей масс (ведь массы *избирают* их!); у нас в руках только «Sozialdemokrat» и заграничная печать. Они могут говорить во всеуслышание, а нам это очень трудно. А если *мы* будем инициаторами раскола, то вся партийная масса скажет не без основания, что мы посеяли раздор и дезорганизовали партию в такое время, когда она как раз перестраивалась с большим трудом и подвергаясь опасностям. Если мы сумеем избежать раскола, то я все еще держусь того мнения, что следовало бы его отсрочить до того момента, когда в Германии наступит какая-нибудь перемена, которая даст нам несколько большую свободу действия.

Но если все-таки раскол станет неизбежным, то он ни в коем случае не должен носить личного характера, не должен быть случайной склокой (или чем-то, что можно было бы изобразить как склоку), например — между тобой и штутгартцами, а должен про-

изойти по какому-нибудь вполне определенному принципиальному вопросу, в данном случае — из-за нарушения программы. Как ни плоха программа, ты все-таки после некоторого ее изучения убедишься, что в ней для тебя найдется достаточно опорных точек. К тому же программа не подведомственна фракции. Далее, раскол должен быть настолько подготовлен, чтобы по крайней мере Бебель был согласен с ним и сразу же пошел с нами заодно. И в-третьих, ты сам должен уяснить себе, что ты намерен и что ты *можешь* сделать, когда наступит раскол. Допустить, чтобы «Sozialdemokrat» перешел в руки этих людей, значило бы осрамить германскую партию на весь мир.

В таком деле ничто не может быть хуже нетерпения; решения, принятые сгоряча, всегда представляются нам необычайно благородными и героическими, но неизбежно приводят к глупостям, как я сам сотни раз испытал это на собственном опыте.

Итак: 1) раскол надо оттягивать как можно дольше; 2) если он станет неизбежным, — сделать так, чтобы он исходил *от них*; 3) тем временем все подготовить к нему; 4) ничего не предпринимать, по крайней мере без Бебеля, а по возможности — и без Либкнехта, который опять исправится (пожалуй, даже *перестарается*), как только увидит, что раскол неизбежен во что бы то ни стало, и 5) удерживать позицию, которую вы имеете в лице «Sozialdemokrat» против всех и вся — до последней возможности. Таково мое мнение.

На то, что эти господа смотрят на вас «свысока», вы безусловно можете ответить сторицей. Вы ведь за словом в карман не лезете и наверно сумеете отнестись к этим ослам с достаточным высокомерием и с достаточной иронией, чтобы отбить у них охоту к подобному поведению. С такими невежественными и самонадеянными в своем невежестве людьми нужно не спорить всерьез, а издеваться над ними, сажать их в лужу на основании их же собственных слов и т. д.

Не забудь также, что у меня связаны руки огромным количеством взятой на себя работы, так что если дело дойдет до схватки, то я не смогу участвовать в ней в такой мере, как хотелось бы.

Мне хотелось бы также, вместо общих сетований на этих господ, узнать от тебя несколько подробнее, *чем* именно они недовольны и *чего* требуют. Заметь, что чем дольше ты будешь с ними вести переговоры, тем больше они дадут тебе обвинительного материала против самих себя.

Напиши мне, в какой мере я могу касаться этих вопросов в переписке с Бебелем; мне нужно ему на-днях написать, и я подожду

до понедельника, 9-го с. м., к этому времени я смогу уже получить от тебя ответ.

Привет Каутскому.

Твой Ф. Э.

236.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 6 июня 1884 г.

Дорогой Бебель!

Твое письмо от 4-го с. м. получил, о приложении позабочусь. Ты не пишешь, получил ли ты мое заказное письмо от 21 апреля, к которому я приложил *вскрытый конверт* твоего письма от 18-го того же месяца. Если окажется, что конверт подменен, то почтовая штиберовщина (Briefstieberei) будет вдвойне доказана.

Если бы все шло по желанию консерваторов и либералов и согласно тайным вожелениям филистеров из прогрессистской партии, то закон против социалистов, конечно, давным-давно превратился бы в постоянный и был бы сохранен навеки. Но это может случиться лишь при том условии, что в мире не произойдет никаких других событий и все останется так, как есть. Вопреки всем этим филистерским упованиям, закон этот провалился бы, если бы наш приятель Бисмарк не пустил в ход свои два последних рычага — прямое вмешательство императора и угрозу роспуска. Следовательно, нет необходимости в особенно сильном потрясении столь мирного в настоящий момент status quo, чтобы положить конец всей этой штуке. А это наступит, по-моему, еще до истечения ближайших двух лет.

Правда, Бисмарк впервые сыграл с нами *действительно* скверную шутку, раздобыв для русских 300 миллионов марок. Это на два-три года избавит царя от острой финансовой нужды и тем самым устранил на некоторое время грозящую ему опасность — оказаться вынужденным созвать сословия для утверждения кредитов, как это было во Франции в 1789 г. и в Пруссии в 1846 г. Если в течение ближайших двух-трех лет не произойдет в России революции, то либо наступят непредвиденные осложнения, либо разорвется несколько нигилистских бомб. И в том, и в другом случае невозможно заранее что-либо учесть. Несомненно одно: повторить подобный маневр с займом (Pumpmanöver) не удастся.

А внутри страны, как ты сам говоришь, предстоит смена монарха, которая все расшатает. Создалось положение, подобное тому, которое было в 1840 г. перед смертью старого Фридриха III. К старой застойной политической системе было приковано столько интересов, что вся филистерская масса только и мечтала о том, как бы ее увековечить.

чить. Но со смертью старого монарха исчезает краеугольный камень, и все искусственное здание рушится; когда прежние интересы столкнулись с совершенно новым положением, внезапно оказалось, что сегодня мир выглядит совсем не так, как выглядел вчера, и необходимо искать новую опору. У нового монарха и окружающих его людей есть давно отвергнутые планы; весь управляющий и способный к управлению личный состав частично пополняется и обновляется; чиновничество при новых условиях теряет голову, неуверенность в будущем, неопределенность в вопросе о том, кто завтра или послезавтра окажется у власти, — все это расшатывает работу всей правительственной машины. А нам только этого и надо. Но мы выиграем еще больше. Во-первых, у нового правительства вначале будет, несомненно, тенденция полиберальничать, а затем оно само себя испугается, начнет шататься и кидаться из стороны в сторону, перебываясь кое-как и принимая от случая к случаю решения, противоречащие одно другому. Не говоря уже об общих результатах такой качки, что станется при таких условиях с законом против социалистов? Малейшей попытки «честно» проводить его в жизнь достаточно, чтобы его парализовать. Одно из двух: либо нужно применять его так, как теперь, по чистейшему полицейскому произволу, либо он повсюду окажется бессильным. Это одно. Во-вторых, тогда вновь оживет буржуазная политическая лавочка, официальные партии перестанут быть единой реакционной массой, какой они являются теперь (что для нас не выгодно, а вредно), и вновь начнут серьезно бороться между собой, бороться и за политическую власть. Для нас огромная разница, будут ли шансы на власть не только у национал-либералов, но и у кронпринцевских свободомыслящих — или же, как это делается теперь, к управлению никого дальше свободных консерваторов не подпустят. Мы до тех пор не сможем оторвать массы от либеральных партий, пока этим партиям не представится случай скомпрометировать себя на практике, стать у руля и показать свое бессилие. Мы все еще, как в 1848 г., являемся оппозицией будущего, и нам необходимо иметь у власти самую крайнюю из теперешних партий, чтобы стать по отношению к ней оппозицией настоящего. Политический застой, т. е. теперешняя бесполезная и бесцельная борьба официальных партий, не может служить нам долго на пользу. Другое дело — прогрессивная борьба этих партий, при условии постоянного сдвига центра тяжести влево. Это то, что происходит сейчас во Франции, где политическая борьба, как всегда, принимает классические формы. Сменяющие друг друга правительства подвигаются все более и более влево, и министерство Клемансо — уже дело близкого

будущего; это министерство еще не последнее из возможных буржуазных правительств. С каждым сдвигом влево рабочим делаются все новые уступки (ср. последнюю стачку в Денен, где впервые *не были* вызваны войска), и — что важнее всего — поле битвы все больше и больше расчищается для решающего боя, позиция партий становится все яснее и отчетливее. Я считаю это медленное, но неудержимое развитие французской республики к ее необходимому конечному результату — противоположности радикальных, мнимосоциалистических буржуа и действительно революционных рабочих — одним из самых серьезных событий и надеюсь, что развитие это не будет прервано; меня радует, что наши еще не достаточно сильны в Париже (тем сильнее они зато в провинции), чтобы позволить спровоцировать себя при помощи революционной фразы на какой-нибудь путч. Такой классической ясности развития, как во Франции, нет, конечно, в бестолковой Германии; для этого мы слишком сильно отстали и поэтому переживаем события лишь тогда, когда они уже пережиты другими. Но как бы ни были паршивы наши официальные партии, любая политическая жизнь для нас благоприятнее, чем теперешнее политическое кладбище, где не происходит ничего, кроме интриганства в области внешней политики.

Скорее, чем я ожидал, приятель Бисмарк спустил штаны и показал собравшемуся народу заднюю часть своего права на труд: английский закон о бедных 43-го года царствования королевы Елизаветы в соединении с улучшенным изданием «Бастилий» 1834 г. Какая радость для Блоса, Гейзера и К^о, которые уже давно носятся с этим правом на труд и, кажется, вообразили, будто *они* поймали Бисмарка! Раз уж я коснулся этой темы, то не могу не упомянуть о том, что выступления этих господ в рейхстаге (судя по плохим газетным отчетам) и в их собственной прессе все больше убеждают меня, что, по крайней мере, я никоим образом не стою с ними на одной почве и не имею с ними ничего общего. Эти якобы «образованные», а на самом деле совершенно невежественные и упорно не желающие чему-либо учиться филантропы, которых, вопреки многолетним предостережениям Маркса и моим, не только пустили [в партию], но и исхлопотали для них парламентские кресла, — эти люди, как мне кажется, все больше и больше замечают, что во фракции они в большинстве и что именно они, виляющие хвостом, как только Бисмарк кинет им крупинку государственного социализма, больше всего заинтересованы в том, чтобы закон против социалистов оставался в силе и в крайнем случае применялся с поблажкой к таким благонадежным господам, как они; при этом опять выходит, что именно

такие люди, как мы с тобой, связывают руки правительству, — ведь если бы «образованные» от нас отделились, они легко доказали бы, что по отношению к ним исключительный закон не нужен. Воздержание от голосования и вообще все поведение в отношении динамитного закона тоже показательно. Но что же будет на ближайших выборах, если, как намечается, в руки этих людей попадут самые надежные избирательные округа?

Очень жаль, что ты будешь так далеко именно в такой критический момент, когда предстоят выборы; у нас, конечно, нашлось бы что сообщать друг другу время от времени. Не можешь ли ты дать мне адрес, откуда тебе пересылали бы мои письма? Надеюсь также, что ты изредка будешь присылать мне сообщения о том, что случится интересного во время твоей поездки.

Если не считать, как мне кажется, непрерывного и усиленного сплочения буржуазных «образованных» элементов партии, то я доволен нынешним ходом дел. Мне хотелось бы пока что избежать раскола — до того времени, когда мы получим свободу действия. Но если раскол окажется необходимым, а это вам виднее, то пойдем и на это (dann auch so).

Выходит моя работа о происхождении семьи, собственности и государства; как только она появится, я ее тебе пришлю.

Твой старый

Ф. Энгельс.

237.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру
в Женеву.

Лондон, 20 июня 1884 г.

Старый дружище!

Настоящим сообщаю, что сегодня отправил тебе перевод на 5 фунтов и надеюсь, что когда ты получишь это письмо, которое пойдет следующей почтой, у тебя будет уже извещение. Я давно поджидал момента, когда у меня окажутся свободные деньги, и рад, что это случилось.

Большого письма я тебе, к сожалению, написать не могу, так как при моем состоянии здоровья вредно долго сидеть у письменного стола. Мне это запрещено. К сожалению, я этим снова несколько расстроил свое здоровье; мне пришлось очень много работать; но отдых в лежащем положении, которым я снова усиленно пользуюсь в последние дни, скоро опять все наладит. Я диктую теперь второй том «Капитала», и дело подвигается быстро, но все-таки это каторжный труд, который потребует много времени, а над некоторыми местами

придется изрядно поломать голову. К счастью, голова у меня в полном порядке и вполне работоспособна, что, надеюсь, докажет тебе книжка о происхождении семьи, частной собственности и государства, которая в скором времени должна выйти из печати. Думаю, что еще до конца этого года появится вторая книга «Капитала», а третья — в будущем году.

На троице я провел неделю у Боркгейма; он все еще лежит наполовину парализованным, три раза в день встает, чтобы поесть и немного поработать: пишет свою биографию. Он так весел и благодушен, что в его состоянии это кажется просто чудом, но по временам ужасно скучает. К тому же ему нельзя утомлять себя серьезным чтением, впрочем он и раньше этого не делал. Я посылаю ему время от времени книги и пр. Он часто спрашивает про тебя, мы с ним много говорили о тебе и вообще о старых временах.

Среди бумаг Маркса я нашел несколько военных походных журналов и других материалов о германских отрядах в Швейцарии, вероятно, относящихся к документам, о которых ты писал. Возможно, найдется и еще что-нибудь. Здесь все в сохранности, но еще в полном беспорядке. Мне пока придется сложить все письма и пр. в большой ящик, до той поры, когда у меня будет время разобрать их и привести в порядок. Сейчас же совершенно необходимо переписать заключительные тома «Капитала» разборчивым почерком и дать текст годный для печати. Ни того, ни другого никто, кроме меня, теперь сделать не может. Если бы мне пришлось протянуть ноги прежде, чем я это выполню, то для всякого другого было бы невозможно расшифровать рукописи, которые сам Маркс часто не мог после прочесть. Это могли сделать только его жена да я. Письма же написаны так, что их могут прочесть и другие.

Через 3—4 месяца в Германии будут выборы. У меня самые радужные надежды. Среди вождей немало хлама, но на массы я надеюсь, как на каменную гору.

Твой старый

Ф. Энгельс.

238.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 21 июня 1884 г.

Дорогой Каутский!

Надеюсь, что ты уже вернулся из своей поездки в Зальцбург и скоро сообщишь мне, чем кончилось в Штуккерте¹, на берегах Нек-

¹ Штутгарте.

кара, дело с «Neue Zeit». Из того, что мне пишут Эде и Август, я заключаю, что господ мудрецов тем временем все же несколько укротили. Пора бы мне также узнать, наконец, что-нибудь определенное о судьбе моей рукописи. Эде написал несколько строк карандашом, обещал написать еще, выполнил = 0.

Ваша рукопись все еще здесь; я ею еще не занимался, и по следующей причине. По окончании своей рукописи я сидел, как на горячих углях, пока не взялся за второй том «Капитала». Наконец я за него засел; я предполагал по вечерам заниматься редактированием вашего перевода, а также английского перевода (первого тома «Капитала»), но слишком опрометчиво рассчитал. Я, начиная с пасхи, усиленно работал, просиживая 8—10 часов за письменным столом, и вследствие связанного с этой работой положения тела отчасти вернулась моя старая болезнь, но на этот раз уже в хронической, а не в прежней острой форме. В результате сидеть за столом снова почти запрещено. И вот я решился на героическое средство: пригласил Эйзенгартена, чтобы диктовать ему рукопись, и мы корчим с ним с десяти до пяти ежедневно, причем лежа на диване я, видимо (глупое слово — этого не видишь, а чувствуешь), поправляюсь, но, конечно, медленно. Сверх ожидания — дело идет хорошо. Эйзенгартен — человек смысленный, прилежный и работает охотно, в особенности потому, что как раз штудирует первый том в третьем издании. Но рукописи большей частью в таком состоянии, что я, для того, чтобы установить только предварительную редакцию, вынужден каждый вечер работать над продиктованным. В настоящий момент это отнимает у меня все свободное время; думаю, что скоро пойдет легче, так как мы теперь переходим к древнейшему тексту (Urewangelium), написанному до 1870 г., а там будет меньше редакционной работы. К тому же, в *лежачем* положении я не мог бы как следует просмотреть вашу рукопись. Но если это спешно, то я найду время и постепенно это сделаю. Однако я мог бы этим заняться лишь в случае крайней необходимости, т. е. в том случае, если бы вы быстро закончили всю книгу. К тому времени, если не раньше, будет готово и предисловие о Родбертусе.

Что касается твоих жалоб на «образованных», то я не буду особо останавливаться на этом; я знаю этих филистеров вот уже сорок лет и встречал их во всяком виде; еще недавно я подробно развивал Эде свое мнение на этот счет. Главное — не позволять им навязывать тебе что бы то ни было, но при этом оставаться совершенно невозмутимым.

Динамитчики открыли, наконец, истину. Речь идет о том, чтобы

выкорчевать с корнем старое общество, но тут выясняется, что корень этот, собственно говоря, не корень, а уд. Исполненные этой глубокой истины, они, наконец, нашли то место, за которое следует ухватиться, и взорвали писсуар.

Я тоже думаю, что за женевско-каружской «Explosion» стоял не кто иной, как итальянский шпион Карло Терцаги, которого мы разоблачили еще в Альянсе социалистической демократии!

Высланные австрийские анархисты объединились здесь с обычными, давно существующими немецкими организациями попрошаек; один из них обманом домогался у меня пособия, был, однако, разоблачен и сегодня при вторичном посещении незамедлительно выброшен за дверь.

Вторая книга «Капитала» будет еще более головоломной, чем первая, — во всяком случае, в начале. Но это чудесные исследования, из которых люди впервые поймут, что такое деньги, и капитал, и многое другое.

Но пора снова лечь. Вообще говоря, если не считать местного заболевания, я совершенно здоров и голова в полном порядке.

Привет Эде.

Твой Ф. Э.

Воскресенье 22-го.

Дополнительно: Гайндман думает *скупить* все небольшое здешнее движение; он сделал все возможное, чтобы разорить «То-Дау». Бакс, давший на это деньги, ошибся в расчете и скоро будет разорен. Гайндман, сам человек богатый, к тому же располагающий средствами очень богатого энтузиаста-художника, но бездарного политика Морриса, либо возьмет тогда «То-Дау» под свою опеку, либо погубит ее. В обоих случаях он думает быть единоличным хозяином. Я рад, что равнодушно отнесся ко всей этой чепухе. Гайндман — ловкий и хороший делец, но плоский и твердолобый Джон Булль, обладающий самолюбием, значительно превышающим его талант и все, им содеянное. У Бакса и Эвелинга самые благие намерения; они не мало учатся, но все распалось, и одни эти литераторы ничего не смогут сделать. Массы еще за ними пока не идут. Когда люди немного рассортируются, станет лучше.

239.

Энгельс — Е. Паприц

в Лондон.

Лондон, 26 июня 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Сударыня!

Про литографированную газету, о которой Вы говорите, я уже слышал, хотя мне не удалось еще увидеть ни одного экземпляра.

Мне кажется, что Вы несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы наверное знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски многие из наших работ, а вскоре будут переведены и напечатаны еще некоторые, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., «Наемный труд и капитал»¹, тоже принадлежит к этой серии и напечатана под этим заглавием.

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Очерки [критики политической экономии]». Хотя я еще немножко горжусь этой своей первой работой в области социальных наук, я очень хорошо знаю, что теперь она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и грубых промахов («boulettes»). Боюсь, что она принесла бы больше вреда, чем пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр «Анти-Дюринга».

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь было бы трудно разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставленных Марксом, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к *английским* рабочим Вы говорите. Может быть Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции», манифест Интернационала по поводу Парижской коммуны? Могу его Вам послать.

Если бы здоровье мне позволяло, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя *дома* я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда в Вашем распоряжении около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении.

Ф. Энгельс.

240.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 26 июня 1884 г.

Дорогой Каутский!

Рукопись «Анти-Родбертуса» я завтра возвращу заказным. Замечаний у меня не много — я сделал на полях несколько пометок карандашом. К этому добавлю еще следующее:

1) Римское право есть законченное право *простого товарного производства*, следовательно — докапиталистического; это право включается, однако, большей частью в правовые отношения капиталистического периода. Стало быть, — именно то, в чем наши горожане в эпоху своего подъема *нуждались* и чего *не* находили в местном обычном праве.

К стр. 10 у меня много возражений:

1) Прибавочная стоимость является лишь исключением при производстве посредством рабов и крепостных; нужно сказать — прибавочный *продукт*, который по большей части непосредственно потребляется, а не *реализуется на рынке*.

2) Со средствами производства дело обстоит не совсем так. Во всех обществах, основанных на стихийном разделении труда, продукт, а следовательно, в известной степени, и средство производства — по крайней мере в ряде случаев — господствует над производителем: земля в средние века — над крестьянином, который служит лишь придатком к земле, ремесленное орудие — над цеховым ремесленником. Разделение труда непосредственно является господством орудия труда над рабочим, хотя и не в капиталистическом смысле.

Нечто подобное происходит у тебя и со средствами производства в конце статьи.

1) Ты не должен так отрывать *земледелие* и *технику* от политической экономии, как это получается у тебя на странице 21 и 22. Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, ткацкий станок — неотделимы от капиталистического производства, как неотделимы орудия дикаря и варвара от *его* производства. Орудия дикаря обуславливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество. Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только *теперь* определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства, так как орудия еще не совершили грехопадения.

Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе, и о том именно обществе, которое *определяется* (mitbestimmt) этими средствами производства. Средства производства точно так же не существуют *в себе*, вне общества и без влияния на него, как не существует и капитал *в себе*.

Но вот что следовало бы показать: каким образом средства производства, которые в более ранние периоды, включая простое товарное производство, господствовали лишь в очень слабой форме по сравнению с нынешними, дошли до современного деспотического господства; твое объяснение мне кажется недостаточным, потому что ты не упоминаешь об одном полюсе: о возникновении такого класса, который сам не имел более средств производства, а значит — и средств к существованию, и, следовательно, должен был продавать самого себя в розницу.

В связи с позитивными предложениями Родбертуса следует подчеркнуть его прудонизм, — он ведь сам объявляет себя Прудоном I, предвосхитившим французского Прудона. Конституированная стоимость, которую Родбертус открыл уже в 1842 г., должна быть восстановлена. Предложения эти — жалкий шаг назад по сравнению с Брайем и с обменным банком Прудона. Рабочий должен получить лишь четверть продукта, но уж зато наверняка! Об этом мы поговорим как-нибудь после.

Покой (физический) мне великолепно помогает, я поправляюсь с каждым днем и на этот раз вылечусь. Диктовка второй части «Капитала» подвигается превосходно. Мы уже дошли до второго раздела. А там — большие пробелы. Редакция, конечно, только предварительная, но всему свой черед. Мой путь мне ясен — и этого достаточно.

Письмо Эде получил, благодарю. Но вы должны набраться терпения для переписки со мною, мне не следует снова расстраивать свое здоровье, а материала для работы и корреспонденции набирается убийственно много.

Привет.

Ваш Ф. Э.

«Наемный труд и капитал» пошлю тотчас же после сверки, возможно — завтра.

241.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 29 июня 1884 г.

Дорогой Эде!

1) Отсылаю обратно «Наемный труд и капитал». Силезское издание, конечно, сильно нуждалось в пересмотре. У меня, правда, не было времени сличить его полностью с оригиналом, я сравнил только наиболее сомнительные места, но оригинал у вас есть, и вы можете это сделать при чтении корректуры.

2) Я закажу еще один портрет Маркса тому же, кто сделал его для меня, и пришлю вам (это не рисунок, а увеличенная фотография). Но может ли хорошо получиться цветная фотография, если этот человек ни разу не видел Мавра с его своеобразным смуглым цветом лица?

3) Пакет с 40 экземплярами «Анти-Дюринга» отправлен третьего дня по адресу: «Народное книгоиздательство», 3 Kasinostrasse, Готтинген, Цюрих, Швейцария. «Книги, ценностью в 3 ф.ст., с последующей оплатой» (т. е. пересылка не оплачена). Пакет отправлен через Континентальное посылочное агентство, контрагента германской и швейцарской почты, а также французской посылочной почты. Посылки Союза из Цюриха пересылаются сюда таким же образом. Между Англией и континентом не существует посылочной почты, поэтому и сюда, по крайней мере, не принимают почтовых посылок по 5 кило. Разделение посылки на два пакета *здесь* повлекло бы за собой двойные расходы; если же не делить ее, то *там* это безусловно не настолько удорожит посылку, как отправка ее отсюда двумя посылками.

4) Шорлеммер пишет, что его брат Людвиг в Дармштадте не получил до сих пор ни одного номера «Sozialdemokrat», хотя у него имеется квитанция о подписке. Что это — общее явление или единичный случай? Выясни, пожалуйста.

5) Социалистических стихов, именно Веерта, я достать не могу. Кажется, в старом «Gesellschaftsspiegel» Моисея Гесса за 1845 г. напечатано кое-что, но ты, вероятно, их уже знаешь. Я как-то слышал о сборнике его стихов, но никогда его не видал. Во всяком случае ни *он*, ни *мы* такого сборника не издавали.

6) Архивариусу придется подождать. У меня нет времени привести в порядок нужные мне самому материалы; когда я доберусь до этого, я о нем не забуду. Но сейчас нужно прежде всего закончить второй том «Капитала». Дело с ним подвигается успешно, предварительная редакция около одной трети уже готова, и я продолжаю делать ежедневно около полулиста или немного меньше. Когда мы дойдем до последнего отдела (Обращение общественного капитала в целом), Эйзенгартен сможет переписать, с моей помощью, относящуюся к этому рукопись 1878 г., а я тем временем займусь окончательным редактированием того, что уже готово. Таким образом, мы управимся сравнительно быстро, а там перейдем к третьей книге, наиболее важной.

Только тогда можно будет подумать о том, чтобы привести в порядок и подготовить к печати избранные места из старых рукописей до 1848 г. Желания это сделать у меня достаточно, но тут требуется работа, т. е. время.

Итак, ты в конце концов тоже приходишь к убеждению, что с этими «мудрецами» все-таки еще можно отлично справиться. Я просил прислать мне несколько номеров «Neue Welt», чтобы поближе присмотреться к этим господам. До сих пор я читал только ответы редакции в «почтовом ящике»; это — немецкие мальчишеские выходы, рассчитанные на очень смирных читателей.

Вообще же не обращай внимания на булабочные уколы, это первое правило в борьбе, и помни, что

Nichts schönres gibt es auf der Welt
Als seine Feinde zu beissen
Als über all' die plumpen Gesell'n
Seine schlechten Witze zu reissen.

[Нет забавней ничего,
Чем подразнить своих врагов
И злою шуткой осмеять
Неповоротливых глупцов.]

Привет Каутскому.

Твой Ф. Э.

242.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 11 июля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Надеюсь, что Эде справится со своей лихорадкой. Передай ему мой привет, я тоже выпью за его здоровье.

Передачу гамбургского дела Ауэру я одобряю. Бебеля и Дитца я назвал только потому, что должен был ведь этому человеку сказать, *кому* я намереваюсь сообщить его имя; само собой разумеется, что это вас нисколько не связывает.

С Дитцем — дело канительное. Если он не скажет да или нет, то ждать его ответа дольше невозможно. Мне важно, чтобы работа вышла в свет и, во-вторых, чтобы весь тираж не подвергся сразу же конфискации. Это два условия, совокупность которых возможна только в Швейцарии. На печатание в Австрии можно было бы согласиться только в *крайней* *случае*: 1) это повлечет за собой новую отсрочку и новые переговоры; 2) книга будет *все-таки* запрещена — на этот счет у вас не должно быть ни малейших иллюзий; 3) в Австрии она может быть не только запрещена, но и конфискована (вспомни венскую историю, про которую ты мне рассказывал прошлой осенью). Так что решайтесь, наконец, на что-нибудь определенное!

В «Neue Zeit» все еще происходит нечто странное, иначе, наверное, не позволили бы мудрому Шиппелю говорить о «теории Родбертуса и Маркса», а также о вещах, которые «стали известны со времени Родбертуса», и все это без редакционного примечания. Немцы в самом деле уж очень опустились, если не понимают до сих пор, что все, что Маркс имеет общего с Родбертусом, — это только «уравнительное применение рикардовской теории», о которой Маркс говорит в «Ницете [философии]» на странице 49¹ и которая уже с 1827 г. среди английских социалистов является общим местом. Но это еще далеко не прибавочная стоимость, как она определена Марксом и развитие которой он провел через всю экономическую науку. Господа англичане, и точно так же Родбертус, списывая у Рикардо, ничего поэтому не понимали в экономии; Маркс первый двинулся вперед и опрокинул всю старую экономическую науку.

Между прочим. Чтобы *основательно* поймать Родбертуса, мне нужна его работа 1851 г. «Zur Erkenntnis unsrer Zustände» [«К по-

¹ т. V, стр. 318—319 настоящего издания.

знанию нашего положения»], или как она там называется. Ты ее цитировал. Не сможешь ли ты мне достать ее на несколько дней или, еще лучше, купить? Судя по некоторым цитатам, эта работа, кажется, лучшее из всего, что он написал, потому что это — первая работа. Позднейшее было все более и более слабыми перепевами.

Твой Ф. Э.

243.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 19 июля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Твое и Эде письмо получил только сегодня утром, хотя из Цюриха оно было отправлено, судя по почтовому штемпелю, 17 июля.

С твоими предложениями я согласен при условии, что дело теперь двинется вперед. Если наши рабочие так же свободно читают латинский шрифт, как и немецкий, то я предпочел бы, конечно, латинский. Возьмите приблизительно такой же, как для «Развития [социализма]», — шрифт «Женщины» Бебеля был слишком велик. Если вы думаете, что тираж в 5 000 может разойтись, то я не возражаю. Итак, за дело; присылайте поскорее корректуры. Меры относительно Шабелица тоже вполне удовлетворительны.

Итак, вся наша предупредительность по отношению к Дитцу привела только к тому, что он всех нас считает своими врагами!

В том, что «Neue Zeit» перестает выходить, для партии никакой беды нет. Чем дальше, тем яснее становится, что большинство *писательствующих* членов партии в Германии состоит из оппортунистов и пролаз, которые при законе против социалистов, — как бы он ни был неприятен для них в денежном отношении, — в *литературном* отношении чувствуют себя превосходно: они могут высказываться беспрепятственно, а мы не можем им отвечать подзатыльниками. Поэтому, уже для того только, чтобы ежемесячно заполнять такой журнал, требуется крайняя снисходительность, а это приводит к постепенному засилью филантропии, гуманизма, сентиментальности и прочих антиреволюционных пороков всех этих Фрейвальдов, Кварков, Шиппелей, Розусов и им подобных. Люди, принципиально не желающие ничему учиться и только поставляющие литературу о литературе и по поводу литературы (девять десятых современных немецких писаний сводится к писаниям по поводу других

писаний), — такие люди производят, конечно, больше печатных листов в течение года, чем те, которые хотят кое-чему научиться и писать о чужих книгах лишь в том случае, если они: 1) овладели ими и 2) если в них вообще содержится что-либо такое, над чем стоит поработать. Созданное законом против социалистов преобладание этих господ в литературе, печатающейся в *Германии*, неизбежно, пока этот закон остается в силе. Зато мы располагаем оружием совсем иного рода — литературой, которая выходит за границы.

Было бы превосходно, если бы ты приехал сюда. Можно ли, однако, так твердо рассчитывать на нью-иоркцев, я не знаю.

Эвелинг приглашен уже больше трех месяцев тому назад в качестве лондонского корреспондента; он писал регулярно, но денег до сих пор не получал. Здесь на месте нельзя ничего заработать. «Justice» и «To-Day» не платят, а если в какой-нибудь другой газете можно что-нибудь выцарапать, на нее сейчас же набрасывается целая свора.

Ясновидение в «Neue Welt» — лучше этого и выдумать нельзя. «Наука» этого сорта всегда упирается в подобную нелепицу. Чем крепче, тем лучше; тем скорее наступит конец. Я посмеялся от души, когда получил твою открытку. Еще две-три таких смелых гейзериады — и наш герой вылетит в трубу.

Книга Гайндмана, как и он сам, — претенциозная, слюнявая дрянь, в которой он то-и-дело пытается уколоть Маркса (потому что Маркс не англичанин; Гайндман — самый шовинистический Джон Булль, какой только существует); при этом он так плохо знает английскую историю, что, за исключением того, что он узнал от немцев, все остальное у него попросту *неверно*. Впрочем, Гайндман накануне падения; правда, он на свои и Морриса деньги откупил сейчас все движение (в том числе и «To-Day», которую Бакс не может вести дальше за недостатком средств и которая теперь целиком перешла к Гайндману), но его нетерпеливое стремление к диктаторской роли, его зависть ко всем возможным соперникам, его упорное выдвигание самого себя на первый план — заставили призадуматься даже самых верных его друзей, и его положение в Демократической федерации пошатнулось. Этот человек не далеко пойдет, он не умеет ждать. При этом «Justice» глупеет с каждым днем; надеюсь, что конец этой *первой* фазы движения здесь уже не за горами; оно становится ужасающе безотрадным.

Своим замечанием о *bacillum* (бацилле) ты дал Гейзеру козырь в руки, которого он. будем надеяться, по своей глупости не сумеет использовать. Обе формы, *baculus* и *baculum*, одинаково употребляют-

ся, значит — оба рода возможны и в производном слове. Но в биологии уже давно употребляется исключительно форма *bacillus*.

Так как в конце настоящего или в начале будущего месяца я, вероятно, поеду на взморье, то я хотел бы, если это возможно, *сейчас* получить «Zur Erkenntnis» [«К познанию»] Родбертуса. Я немедленно возвращу эту книгу вместе с «Der Normalarbeitstag» [«Нормальный рабочий день»] и т. д., но мне непременно нужно посмотреть ее, потому что *он сам* утверждал в 1879 г., что Маркс использовал ее, не называя имени автора. Подобное обвинение против Маркса возможно только со стороны людей, которые и не догадываются, какое вопиющее невежество требуется для того, чтобы утверждать что-либо подобное. Кто читал Рикардо, — даже у Адама Смита достаточно мест, в которых говорится то же самое, — тому нет надобности читать еще «великого» Родбертуса, чтобы знать, откуда «берется» прибавочная стоимость.

Твой Ф. Э.

244.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

[Лондон,] 28 июля 1884 г.

Уважаемый г. Шлютер!

При сем возвращаю корректуру. Буду всегда возвращать ее Вам немедленно же. Но я прошу несколько щадить мою орфографию, — у меня нет никаких оснований допускать, чтобы меня на старости лет еще цивилизовали, централизовали и даже цитировали¹. Так называемое «последовательное» правописание в большинстве случаев гораздо более непоследовательно и исторически неоправдано, чем старая орфографическая рухлядь.

С Вашими предложениями я вполне согласен. Все это вещи, в которых Вы понимаете больше моего.

Пришлите, пожалуйста, корректурные листы, а по окончании печатания — 25 экземпляров улучшенного издания и 5 экземпляров обыкновенного. Меньшим количеством я, наверно, не сумею обойтись.

Для сокращения почтовых расходов рукопись можно посылать *вместе* с корректурными листами в плотной прочной бандероли. Пересылка рукописей и корректур стоит здесь столько же, сколько

¹ Эти слова были набраны с *z* вместо *c*: *zivilisieren*, *zentralisieren*, *zitieren*.

и пересылка книг, но должна быть полностью оплачена на месте отправления, в противном случае они сюда не дойдут.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

245.

Энгельс — Дж.-Л. Джойнеу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 30 июля 1884 г.

Милостивый государь!

Сожалею, что не могу в настоящее время дать Вам свое согласие на перевод «Развития [социализма]» для «То-Дау», так как я уже связан обязательством по отношению к другому лицу.

Что касается моего обещания дать статью для «То-Дау», то оно было дано г. Баксу, но, насколько мне известно, г. Бакс не состоит больше одним из редакторов «То-Дау».

Уважающий Вас

Ф. Э.

246.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 1 августа 1884 г.

Дорогой Каутский!

Сегодня отослал обратно «*Zur Erkenntnis*» [«К познанию»] Родбертуса *заказным*; надеюсь, что дойдет во-время. По получении этого письма сюда больше *не пишите*, в понедельник я выезжаю к морю и, возможно, завтра же утром смогу прислать свой новый адрес (временный).

Эта книга Родбертуса — действительно самое лучшее из всего, что он написал. Это юношеская работа с ее хорошими и дурными сторонами, основа для позднейших переделов; она доказывает, как близко он мог бы подойти к сути дела, если бы продолжал углубляться в предмет, вместо того чтобы заниматься утопиями. Я *очень рад*, что просмотрел ее. Сейчас закрывается почта и пора обедать.

Твой Ф. Э.

Привет Эде, избавившемуся от воспаления эпидидимиса.

247.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Вортинг, 6 августа 1884 г.
48, Marine Parade.

Дорогой Эдел

После долгих скитаний я причалил, наконец, к твердой земле и собираюсь крепко засесть здесь, на южном берегу, на добрых три недели. Перед самой моей дверью широкий канал, который, впрочем, во время отлива отступает больше чем на 300 шагов. В общем это тихое, скучное местечко, и здесь среди безделья у меня найдется, вероятно, время для просмотра вашего перевода «Ницетъ».

Будь так любезен, распорядись, чтобы корректуру мне пока присылали сюда. О пересылке из Лондона «Sozialdemokrat» позаботится Эйзенгартен.

Стоит чудесная жаркая погода, а мне нужно еще сообщить свой новый адрес *т*-ому количеству людей. Поэтому из всех новостей (которых, впрочем, чертовски мало) сообщу тебе только, что г. Гайндман благополучно откупил теперь также и «То-Дей». Бакс, который вложил в нее свои небольшие сбережения (я еще в октябре предостерегал его, что этих денег нехватит), остался сейчас на мели, и тут Гайндман выдвинул своего холопа, Чемпиона, и предложил через него вложить еще денег при условии, что Чемпион войдет в редакцию вместо Бакса. Бакс, прижатый к стене, сдался, и в результате теперь у Гайндмана в руках вся так называемая социалистическая пресса. Но у всех этих мелких людишек, способности и характер которых несоразмерны их честолюбию, момент победы всегда является вместе с тем и моментом поражения. Внешняя удача сопровождается неудачей внутри собственной фракции. Свита Гайндмана все больше сводится к прямо купленным им или материально от него зависимым людям, в Демократической федерации он с каждым днем все больше теряет почву. Третьего дня состоялась делегатская конференция; не знаю, что там произошло, Эвелинг присутствовал на ней, но сейчас он в Дербишире. Эвелинг и Тусси поженились, обойдясь без бюро актов гражданского состояния и т. д., и теперь упиваются друг другом в горах Дербишира. Но имей в виду — об этом не следует поднимать шума; мы еще успеем поговорить, если какой-нибудь реакционер тиснет что-либо по этому поводу в газетах. Дело в том, что у Эвелинга есть законная жена, от которой он не может избавиться *de jure*, хотя уже давным-давно избавился от нее *de facto*. Вся эта история получила здесь довольно широкую огласку

и в общем хорошо принята даже среди литературных филистеров. Мой Лондон — почти что маленький Париж и воспитывает публику. Ну, пока довольно. Кланяйся Карлу Каутскому.

Твой Ф. Э.

248.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Отрывок.]

[Вортинг,] август 1884 г.

...Указатель к «Капиталу» очень желателен. Но почему не сделать его ко всей книге, когда она будет закончена целиком? Ведь в будущем году все будет готово, если мне не изменят силы, а этого пока не предвидится. «История теории», между нами говоря, в основном написана. В рукописи «К критике политической экономии» за 1860—1862 гг. имеется, как я, кажется, тебе уже здесь указывал, около 500 страниц in 4°, посвященных «теориям прибавочной стоимости», где, правда, очень многое придется вычеркнуть, потому что впоследствии это было переработано, но останется все же достаточно.

Лассаль в своем «Шульце-Бастия» цитировал Родбертуса в таком контексте, что, будь это не Родбертус, он нажил бы себе смертельного врага, а именно — он цитировал его в качестве авторитета (иначе говоря, изобретателя) по части одной подлости. Возможно, конечно, что «Письма» способствовали культуре Родбертуса. Основную роль сыграло стремление не-коммунистов противопоставить Марксу соперника тоже не-коммуниста и невежественная путаница в головах этих людей. Для всех тех, кто блуждает у границ нашей партии со своими теориями государственного социализма, произносит красивые речи, но все же желает избежать неприятностей с полицией, — его превосходительство Родбертус подходит как нельзя лучше.

Переход «Neue Zeit» в Гамбург, быть может, все же только предвестник ее конца. Я, однако, совершенно не знаю, в чьих руках сейчас это дело в Гамбурге.

В прошлый вторник у нас здесь, в Вортинге, произошла революция. Лавчонка, принадлежащая какому-то фанатику из Армии спасения, подверглась нападению и была разгромлена. Владелец стрелял из револьвера и ранил троих. На другой день были разбиты окна в арестном доме, вечером прибыло 40 драгун, 50 полицейских (в местечке около 10 тысяч жителей); улицы очищались от народа, причем мирные буржуа, которые растерянно оставались на улицах, неоднократно подвергались беспощадному избиению. Теперь все

спокойно. Каких только глупостей не бывает в жизни. *Обе партии тайно оплачиваются буржуазией* — как сторонники, так и противники Армии спасения.

Твой Ф. Энгельс.

249.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Вортинг, 22 августа 1884 г.

48, Marine Parade.

(Прошу не писать в адресе *Брайтон*, из-за этого здесь на почте дурацкая неразбериха).

Дорогой Каутский!

Только что получил ваши письма, несколько запоздавшие, потому что на них не указан номер дома, а здешние почтари располагают самыми примитивными умственными способностями.

«*Ниццета [философии]*». Находящуюся у меня рукопись просмотрел окончательно. Кроме нескольких мелких недоразумений, французских тонкостей, которые понимают как следует только во Франции, мне мало что пришлось изменить. При переводе слова «rapports» [отношения] я пишу большею частью вместо «Beziehungen» — «*Verhältniß*», потому что первое слово слишком неопределенно, и Маркс сам всегда передавал немецкое «*Verhältniß*» словом «rapport», и наоборот. К тому же в таком, например, выражении, как «rapport de proportionalité» [пропорциональное отношение], «rapport» означает нечто *количественное*, что может быть передано только словом «*Verhältniß*», потому что «*Beziehung*» имеет преимущественно *качественный* смысл. Мне еще осталось сделать несколько примечаний. Жду от вас продолжения рукописи. Места, относящиеся к Гегелю и к гегельянству, я смогу просмотреть только в Лондоне, потому что для этого мне нужен Гегель. Я сделаю все возможное, чтобы покончить с этим как можно скорее. Но за это же время должна быть готова и вторая книга «Капитала», где еще чертовски много работы, а ведь при *подобной* коллизии за «Капиталом» первое место! Тем не менее, я сделаю все, что будет в моих силах. Но к какому сроку вам нужно предисловие? Возражение Родбертусу я разделю на две части и помещу одну в предисловии ко второй книге «Капитала», а другую — в предисловии к «*Ниццете [философии]*». Иначе поступить нельзя, ведь обе эти вещи выйдут одновременно, а обвинение с такой определенностью формулировано самим Родбертусом. В «Капитале» я должен буду выражаться с достоинством, в предисловии же к «*Ниццете [философии]*» смогу объясниться не стесняясь,

Если ты покидаешь Цюрих, то поселиться здесь было бы действительно лучше, чем где бы то ни было, кроме разве Парижа. Материальный вопрос, конечно, тоже имеет значение, особенно теперь, когда ты в качестве солидного супруга уже не можешь брать на себя «холостяцкого» риска. Впрочем, в Париже жизнь должна быть по меньшей мере так же дорога, как и здесь, а для научных занятий Британский музей не имеет себе равных; парижская библиотека — ничто в сравнении с ним, а для нашего брата в особенности — из-за всякого рода технических затруднений, придинок, возни с каталогами и т. д., и т. д. Будем надеяться, что все уладится.

Что предпринять с моей брошюрой, вам должно быть виднее, чем мне. Делайте то, что считаете целесообразным. Но я готов биться об заклад, что она будет запрещена.

Я, как и Эде, полагаю, что насчет Бебеля ты слишком поддался первому впечатлению. Правда, судя по его последнему письму, он несколько утомлен и хочет отдохнуть; в крайнем случае ему и следовало бы дать передышку, но если бы он даже удалился сейчас от парламентских дел, было ли бы это для него отдыхом? Несомненно только то, что в Германии он незаменим и его надо беречь; он должен, если это нужно, щадить себя, чтобы в решающий момент быть готовым к бою.

Я нахожу, что и о людях в Германии, т. е. о массах, ты слишком сурово судишь. Со сменой дело всегда шло чертовски медленно, большинство смахивало на Гейзера и Фирекка. Не подлежит, во всяком случае, сомнению, что закон против социалистов приносит в этом отношении больше вреда, чем пользы. Но пока в страну проникает так много запрещенной литературы, она все же подготавливает почву, и как только можно будет снова свободно дышать, будет легко поправима и эта беда — пожалуй, даже легче, чем если бы перерыва вовсе не было.

Мне еще нужно написать Эде. Теперь час, а почта уходит в два.

Твой Ф. Э.

250.

Энгельс — К. Каутскому
в Цюрих.

[Вортинг, 30 августа 1884 г.]

Письма получил. Брошюрку Г. Адлера заказал и вероятно застану ее в Лондоне. Спасибо за указание. Этого человека надо отделить. Занимаюсь «Нищетой [философии]» и надеюсь закончить ее

еще здесь. В философской части следует кое-что перевести на настоящий гегелевский жаргон.

С «Antiquarische Briefe» [«Антикварными письмами»] Бахофена торопиться некуда. Уже в матриархальном праве Мелеагер¹ играет некоторую роль, для меня этот пункт важен только с указанной мною точки зрения.

Здесь четыре музыканта пропагандируют Бисмарка фальшивой музыкой, разъясняя англичанам на совершенно непонятном для меня рейнско-франкском наречии, что они «отдают тебе руку и сердце, будут жить для тебя одной» и т. д., и т. д. и что Страсбург — распрекрасный городок.

Привет Эде.

Твой Ф. Э.

Посылайте теперь письма только в Лондон. Во вторник мы возвращаемся.

251.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 13 сентября 1884 г.

Дорогой Эде!

Вот уж почти две недели, как я вернулся сюда. Эйзенгартен, который во время моего отсутствия должен был переписать начисто готовую часть рукописи второго тома, часть времени бездельничал из-за жаркой погоды, а затем переписывал, хотя и очень красиво, но так медленно и так мало, что я не решаюсь послать Мейснеру готовую часть, потому что не мог бы достаточно быстро послать ему продолжение. Таким образом, быстро опубликовать рукопись пока не удастся; не знаю, что теперь будет делать Мейснер. Я же этому отчасти даже рад, потому что теперь уверен, что ничего не придется делать на скорую руку.

То, что ты говоришь о переводе моей брошюры, очень хорошо и верно. Но как переводит Лафарг? Он не обращается за помощью ни к своей жене, ни к словарю; он делает все сам, декретирует: такое-то немецкое слово значит по-французски то-то, и затем присылает мне рукопись в восторге от своего мастерского произведения. Так-то я и сам могу сделать. Он, конечно, хочет сейчас же взяться за дело, но это мы еще посмотрим. Что касается английского перевода,

¹ Герой греческого мифа, в котором отражены характерные для матриархата отношения между братьями и сестрами.

то у Эвелинга пока работы достаточно. Он хотел перевести также и мое «Развитие [социализма]». Но где взять платящих издателей? А в его положении работать бесплатно он не может больше, чем уже работает. Да это не так уже и спешно. Сперва мы должны иметь «Капитал» на английском языке, а это потребует от нас еще много усердия и труда.

Меня очень позабавила расправа с Баром и Фабианом, а также с приятелем Гумбелем, из-за биржевого налога (последнего я всегда узнаю, защищает ли он гейльбронских филистеров, с которыми он мирно посиживал в кабаках, или что-нибудь другое). В лице Бара и Фабиана у вас два превосходных образца представителей немецкой «науки», а меня всегда радует, когда ей попадает как следует. Бьют Бара, а имеют в виду Гейзера. Особенно порадовала меня, однако, самая твоя манера бить, умение выделить существенные пункты и меткость ударов.

На этом мне придется сделать перерыв — я все еще не могу сидеть подолгу за письменным столом. На взморьи я принимал холодные ванны, которые мне скорее повредили, чем помогли. Итак, до завтра.

14 сентября.

Вашу рукопись «Нищеты [философии]» вместе с примечаниями я послал тебе на прошлой неделе, 4 сентября, заказным; ты ее, вероятно, уже получил. Сравнив мои исправления с оригиналом, вы убедитесь, что некоторые обороты речи поняты вами неправильно (в отдельных случаях я сделал примечания); но это неизбежно, если самому не приходилось подолгу жить в стране.

Для художника (забыл его имя и не могу найти его письма), который хочет отпечатать портрет Маркса в красках, мне удалось наконец достать копию с принадлежащего мне увеличенного портрета. Я вышлю тебе ее завтра или послезавтра.

Так как от нынешних выборов можно ожидать больших результатов, то все мы должны постараться помочь делу; поэтому посылаю тебе перевод на 25 ф. ст. для избирательного фонда.

Зорге прислал мне книгу Гренлунда «The Cooperative Commonwealth» [«Кооперативное государство»], довольно поверхностное, но доступное для филистера изложение теории по Марксу; его главная цель, повидимому, в том, чтобы выдать свою конструкцию будущего, читать которую мне было нестерпимо скучно, за подлинный «германский социализм». Маркса автор не цитирует, а только говорит: «такие благородные евреи, как Маркс и Лассаль!» Ой вей!

«То-Дау» под руководством Гайндмана ухудшается с каждым днем. Чтобы придать ей интерес, делается все, что только возможно: редакция сообщает мне, что в октябрьском номере появится критика «Капитала» (!!) и предлагает мне ответить на нее, за что я поблагодарил и отказался.

Итак, социалистический орган превратили в газету, где всякий сброд вкривь и вкось рассуждает о социализме: кто — за, кто — против.

Посылаю тебе номер «Kölnische Zeitung», из которого ты увидишь, как орудует в Африке даже гуманная цивилизаторская Международная ассоциация Стэнли и Леопольда бельгийского. Что же там натворят португальцы и французы, не говоря уже о наших прусских насильниках и палачах, когда и они возьмутся за это дело! Впрочем, Бисмарк использовал колониальную аферу в качестве великодушного избирательного маневра. На эту удочку филистер пойдет, слепо и всей массой. Бисмарку, вероятно, опять удастся получить двойное большинство на выбор: либо консерваторов с национал-либералами, либо, если последние опять вздумают ворчать, консерваторов с центром. Для нас это безразлично.

Если у меня будет время, приложу еще несколько строк для Карла Каутского.

Твой Ф. Э.

15 сентября.

Нет времени. Карлу Каутскому придется немного обождать.

252.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 20 сентября 1884 г.

Дорогой Каутский!

Возвращаю тебе рукописи заказным. Твоя статья о Родбертусе очень хороша во всем, что касается экономии, но я опять возражаю против аподиктических утверждений в тех областях, где ты сам чувствуешь себя неуверенно и поэтому открыл Шрамму свои слабые стороны, которыми тот ловко воспользовался.

Это в особенности относится к «абстракции», которую, во всяком случае, ты в общем чересчур развенчал. Различие в данном случае заключается в следующем:

Маркс охватывает путем обобщенного логического выражения то общее содержание, которое заключается в самих вещах и отношениях. Его абстракция, следовательно, только отражает в логической форме содержание, уже заключенное в вещах.

Родбертус, наоборот, устанавливает некое более или менее несовершенное логическое выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет первичного, *вечного* содержания вещей и общественных отношений, содержание которых по существу преходяще. Таков его *истинный* капитал. Это — не *современный* капитал, который является лишь несовершенным осуществлением понятия. Вместо того, чтобы из современного, единственно только и существующего в действительности капитала выводить понятие капитала, Родбертус, желая от современного капитала притти к капиталу истинному, прибегает к помощи изолированного человека и спрашивает: что же может в производственной деятельности подобного человека фигурировать в качестве капитала? Разумеется, простое средство производства. Тем самым *истинный* капитал без околичностей смешивается со средством производства, которое, смотря по обстоятельствам, может быть или не быть капиталом. Таким образом, из капитала устранены все *дурные*, т. е. все *действительные* его свойства. Теперь Родбертус может требовать, чтобы действительный капитал равнялся по этому понятию, т. е. функционировал только как простое общественное средство производства, сбросил с себя все, что делает его капиталом, и все же оставался капиталом, более того: именно благодаря этому стал истинным капиталом.

Нечто подобное ты проделываешь со *стоимостью*. Теперешняя стоимость — это стоимость товарного производства, но с уничтожением товарного производства «изменится» также и стоимость, т. е. *стоимость как таковая* останется, изменится лишь форма. На самом же деле экономическая стоимость — категория, свойственная лишь товарному производству, и *исчезнет* вместе с нею (см. «Дюринг», стр. 252—262)¹ точно так же, как она не существовала и до нее. Отношение труда к продукту ни до товарного производства, ни после него не выражается в форме *стоимости*.

К счастью, Шрамм в философских вопросах тоже не тверд и выдает свои слабые места, которые ты хорошо понял и изложил.

Далее:

1) Шрамму известны материальные интересы, не вытекающие —

¹ т. XIV, стр. 187—198 настоящего издания.

прямо или косвенно — из способа производства. По этому вопросу сравни «К критике [политической экономии]» Маркса, — предисловие, где вопрос коротко и ясно изложен в двадцати строках.

2) Родбертусовская критика современного общества дана гораздо раньше него — и не хуже, а лучше — английскими и французскими утопистами, а также и послерикардовской экономической школой, основой которой была рикардовская теория стоимости; Маркс в «Нищете [философии]», стр. 49—50, цитирует некоторых из этих авторов ¹.

3) Робинзон у Маркса — это *подлинный*, первоначальный «Робинзон» Даниэля Дефо, из которого взяты и второстепенные обстоятельства — спасенные от кораблекрушения обломки и т. д. У него повже был свой Пятница, он был потерпевшим кораблекрушение купцом и, если не ошибаюсь, занимался в свое время работорговлей. Итак, это настоящий «буржуа».

4) Говорить о марксистской *исторической школе* было бы во всяком случае весьма преждевременно. Я бы сократил эту часть твоего ответа и прежде всего указал бы на *самого Маркса*: указанное выше место из «К критике [политической экономии]», затем самый «Капитал», в особенности [главу о] первоначальном накоплении, где Шрамм может осведомиться также относительно курицы и яйца.

Вообще говоря, превосходно, что все буржуазные элементы группируются теперь вокруг Родбертуса. Лучшего мы и требовать не можем.

Вашу рукопись «Нищеты [философии]» вы, вероятно, уже получили. А Эде — мое письмо от прошлого воскресенья со взносом в избирательный фонд.

Тусси просит высылать ей в будущем «Sozialdemokrat» и т. п. по адресу: Г-же Эвелинг, 55, Great Russel Street, W. C. Лондон.

Твой Ф. Э.

Возвращаю письмо Бебеля.

Итак, в январе или феврале мы ждем тебя здесь. «To-Day» превратился в настоящий «symposium», т. е. в журнал, в котором всякий может писать за и против социализма. В ближайшем номере появится критика «Капитала»! Мне предложили ответить на эту анонимную статью, но я отказался от такой чести. Д-р Драйсдейль тоже написал там что-то; он ссылается на тебя и приводит ответ Берроуза, который справлялся о тебе. Я сделал все необходимое, но с некоторой осторожностью, потому что не знаю, нет ли у Драйсдейля твоей книги.

¹ т. V, стр. 330—331 настоящего издания.

253.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

[Отрывок.]

[Лондон, сентябрь 1884 г.]

Я принес себя в жертву и просмотрел несколько номеров «Neue Welt». Но это оказалось так убийственно скучно, что много я прочесть не мог. Что касается господина Гейзера, то его «наука» [.....]¹ безупречна. Тот, кто в таком грошовом журнале чванится наукой, тем самым уже доказывает, что он действительно ничему не учился, даже если бы он не писал постоянно «Cholera «Bacillus» вместо «bacillus», точно это слово происходит от басса, а не от baculus. К тому же это можно найти в любом латинском словаре. Фраза о том, что материализм, как и идеализм, оба односторонни и что они должны быть соединены в некое высшее единство,— стара, как мир, и не должна тебя огорчать. А то, что атеизм выражает только отрицание, — это мы сами говорили 40 лет тому назад, возражая философам, но при этом добавляли, что атеизм, как голое отрицание религии, опирающееся постоянно на религию же, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией. Вся прочая наука характеризуется статьей Блоса о греческих и германских богах, где мне бросились в глаза следующие грубые ошибки:

1. «Epistolae obscurorum virorum» [«Письма темных людей»] принадлежат якобы Рейхлину. Они возникли в среде его единомышленников, но он принимал в них гораздо меньше участия, чем Ульрих фон-Гуттен.

2. «Met» — то же, что и «Meth» [мед] — переведено в скобках «пиво», тогда как каждый ребенок знает, что до сих пор он готовится не из солода, а из меда.

3. «Греческие боги *вкушают* нектар и *пьют* амброзию»!!

4. Блос не знает даже имен германских богов. То он приводит имена древних северо-германских богов, то немецких. Наряду с северо-германским Одином (древне-саксонский Водан, древне-верхне-немецкий Вотан), немецкого имени которого он не знает, стоит древне-верхне-немецкий Циу. У Одина будто бы была супруга Фрея. Северо-германское же ее имя — Фригг, древне-верхне-немецкое — Фрика, о чем знал даже Рихард Вагнер. И это после беглого поверхностного десятиминутного просмотра! *Такой* науки не испугается и крохотный щенок. Пусть себе надуваются, как павлины, в своем грошовом сборнике.

Привет К. Каутскому.

Твой Ф. Энгельс.

¹ Неразобранное слово.

254.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

[Лондон, сентябрь 1884 г.]

Дорогой Эде!

Прилагаемый материал ты можешь, если угодно, послать Ауэру, я это нарочно так устроил.

Что касается распределения избирательных округов, то и я не раз досадовал по этому поводу, но это происходит оттого, что в чисто тактических вопросах хотят руководствоваться только общими принципами, а это всегда бывает на съездах, — там все это так просто и ясно! Как правило — выставлять в двух местах одну и ту же кандидатуру действительно бесполезно; но если рассчитывают на то, что в ненадежных округах лучшие люди пройдут скорее, чем другие, и поэтому выставляют их кандидатуры там, то приходится или допускать, чтобы их кандидатуры были выставлены дважды, или рисковать тем, что они вовсе не будут избраны. Стало быть, если абсолютно не допускать двойных кандидатур, то надо лучших людей выставлять в самых надежных округах. Странно, однако, что эта отсылка в ненадежные округа никогда не случается с Либкнехтом, а только лишь с Бебелем, и что, например, на прошлых выборах Либкнехт имел, если не ошибаюсь, два очень хороших избирательных округа. Впрочем, все это неизбежно. Не надо забывать и того, что в борьбе всегда успехи чередуются с неудачами, и поэтому не следует слишком огорчаться, если по временам дела идут несколько хуже.

Во всяком случае несомненно, что пока «Sozialdemokrat» в наших руках, — что бы ни делали господа оппортунисты, — даже если бы они и получили господство во фракции (что, однако, возможно только в том случае, если Бебель вновь не будет избран), — это бы еще вовсе не значило, что они выиграли игру. Что они могут поделать против масс? Ведь массы сами все время толкают их вперед — желают ли они этого или нет. А если бы даже нашим мудрецам удалось завладеть также и «Sozialdemokrat», то их господство не было бы так продолжительно, как первый бесхребетный период «Sozialdemokrat», который вначале имел поддержку даже со стороны лучших из «вождей», но массы заставили газету переменить фронт.

Что касается великой науки знаменитых противников атеизма, то очень хорошо, если ей будет предоставлена возможность важничать сколько угодно. В «Любовнике луны» Поль де-Кока тоже выведен такой таинственный ученый; но когда после долгих усилий и трудов раскусили наконец, в чем его наука, то оказалось, что она

состоит из нескольких фокусов с бутылочными пробками. Сколько труда уже пришлось потратить, чтобы заставить знаменитого мужа продемонстрировать перед нами хоть *несколько* образчиков своей науки! И каких великолепных! Теперь он дошел уже до ясновидения. Чего же лучше — дело идет на лад!

Привет Карлу Каутскому от меня и от Шорлеммера.

Твой Ф. Э.

Скажи Манцу, от которого я получил письмо, что для него делается точно такой же портрет, как у меня, и он его получит, как только портрет будет готов; но я не могу сам бегать по таким делам по огромному Лондону и нахожусь поэтому в зависимости от других.

255.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

[Лондон, 3 октября 1884 г.]

Уважаемый г. Шлютер!

Получил все. Благодарю.

Отмечу только следующие опечатки:

Стр. 134, строка 8 сверху: надо Gesellschaft вместо
Lesellschaft

» — » 9 » » Lebensbedingungen вместо
Gebensbedingungen

» 144, » 2 » » platte вместо glatte

Мою открытку Вы, вероятно, уже получили.

Очень спешу.

Преданный Вам

Ф. Э.

256.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

[Лондон, 4 октября 1884 г.]

Уважаемый г. Шлютер!

Корректуру получил и вернул обратно. Жду теперь только 8-го и 9-го листов корректуры. Если в них нет существенных ошибок, то список опечаток не нужен.

«Erkenntnis» [«Познание»] и т. д. Родбертуса анонсируется

издательством Фока в Лейпциге по 4 марки 20 пфеннигов. Я охотно куплю один экземпляр не дороже этой цены.

У Маркса есть одна *французская* речь о свободной торговле, но о покровительственных пошлинах, насколько мне известно, нет. Для перевода и выпуска отдельным изданием эта речь едва ли подойдет, но если Эде хочет дать ее в виде приложения к немецкому изданию «Нищеты [философии]», то это было бы не плохо. Я могу тогда прислать свой экземпляр.

Уважающий Вас

Ф. Э.

257.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 11 октября 1884 г.

Дорогой Бебель!

Я должен очень извиниться перед тобой за то, что только сегодня отвечаю на твои письма от 8 июня и 3 октября.

Но с начала июня я лишь с трудом, нарушая запрещение врача, мог сидеть за столом и писать. Вот уже полтора года, как все мои движения скованы какой-то странной, даже врачам не совсем понятной болезнью; я совершенно лишился своей прежней подвижности, в особенности же утомительно для меня писать. Лишь за последние полторы недели, благодаря разным механическим приспособлениям, я стал двигаться несколько свободнее; если их удастся как следует приладить, то скоро, надеюсь, я стану почти прежним. Хотя вся эта история доставила мне много неудобств, она большого значения не имеет и, надо полагать, понемногу пройдет.

Однако, хотя я не был в состоянии писать, но диктовать мог, и действительно по рукописям продиктовал всю вторую книгу «Капитала», — она теперь почти готова к печати; кроме того, я проверил готовые $\frac{3}{8}$ английского перевода [«Капитала»], просмотрел и еще кое-что, так что за это время я проделал порядочную работу.

Одновременно с этим письмом ты получишь экземпляр моей только что изданной работы; надеюсь, что еще сегодня успею его выслать.

Целый день я только и думаю, что о предвыборной агитации. Генеральная проверка наших сил, повторяющаяся каждые три года, является событием европейского значения, перед которым панические поездки всех императоров — ничто. Я еще отлично помню, как

наши победы на выборах в 1875 г. ошеломили Европу и уничтожили бакунинский анархизм в Италии, Франции, Швейцарии и Испании. Именно теперь снова необходим такой же эффект. Карикатурные анархисты вроде Моста, которые уже превосходили Ринальдо Ринальдини и пали ниже Шиндерганнеса, получили бы, по крайней мере в Европе, такой же удар кнутом, и это сберегло бы нам не мало труда и усилий. В Америке, где секты особенно долговечны, они бы тогда могли спокойно и медленно отмирать, — просуществовал же там в течение четверти века Карл Гейнцен, которого в Европе давным-давно отпели и похоронили. Это сильно подбодрило бы французов в провинции, которые превосходно развиваются, а парижские массы получили бы новый толчок к тому, чтобы перестать плестись в хвосте крайней левой. Здесь, в Англии, где билль о реформе усиливает позицию рабочих, толчок этот оказался бы как раз кстати в связи с предстоящими в 1885 г. выборами; для Социал-демократической федерации, состоящей, во-первых, из литераторов, во-вторых, из остатков старых сект и, в-третьих, из сентиментальной публики, представился бы случай действительно стать партией. В Америке дело лишь за таким событием, которое уяснило бы говорящим по-английски рабочим, какая могучая сила в их руках, если только они пожелают ею воспользоваться. А в Италии и Испании это нанесло бы новый удар все еще процветающей там доктринерски-анархистской фразе. Словом, ваши победы оказывают действие всюду — от Сибири до Калифорнии и от Сицилии до Швеции.

Но какова будет новая «фракция»? Из имеющих шансы новых кандидатов я многих вовсе не знаю, а большинство «образованных» знаю с очень невыгодной стороны. При действии исключительного закона буржуазным и буржуазно окрашенным социалистам легко удовлетворить избирателей и пойти навстречу своей страсти выдвигать на первый план самих себя. В порядке вещей и то, что подобных людей выставляют и выбирают в сравнительно неразвитых избирательных округах. Но они проникают и в старые округа, заслуживающие лучших представителей, и находят поддержку у людей, которым следовало бы лучше разбираться в этом. Какова будет фракция, мне не ясно; и еще менее ясно — что она будет делать. Разделение на лагеря — пролетарский и буржуазный — становится все более резким, и если буржуазный лагерь дерзнет как-нибудь побить своими голосами пролетарский, то это может вызвать раскол. Полагаю, что с этой возможностью нужно считаться. Если раскол будет вызван ими, — но для этого им еще нужно как следует выпить для храбрости, — то это не худо. Я продолжаю держаться того мнения,

что пока исключительный закон в силе, мы раскола вызывать не должны. Если же он все-таки произойдет, ну что ж, тогда — вперед, и тогда я вместе с тобой ринусь в драку.

Я очень рад, что афера с колониями не удастся. Это был самый сильный козырь Бисмарка, отлично рассчитанный на психологию филистера, сулящий призрачные надежды и невероятно тяжелые, очень медленно окупающиеся затраты. Бисмарк с его колониями напоминает мне полоумного последнего герцога Бернбургского (настоящего идиота), который заявил в начале 40-х годов: «Я тоже хочу иметь железную дорогу, хотя бы она обошлась мне в *1000 талеров*». Что такое 1 000 талеров по сравнению со стоимостью железной дороги? Таково же представление Бисмарка и его друзей-филистеров о колониальном бюджете. В данном случае, я думаю, Бисмарк достаточно глуп для того, чтобы считать, что издержки будут покрыты Людеритцом и Верманом.

Кстати о Бисмарке. Один из наших друзей встретил на собрании инженеров компаньона Бисмарка по Вогинской бумажной фабрике (Беренса), и тот многое порассказал ему о хамских выходках Бисмарка. Этот истинно-прусский юнкер, в виде исключения и с трудом соблюдающий приличия в салоне, во всех других местах дает полную волю своей грубости. Впрочем, вы это отлично знаете. Одному фабричному инспектору, который, отвечая на заданный вопрос, сказал, что он получает 1 000 талеров жалования, Бисмарк возразил: «Ну, значит, вы живете на взятки!» Но интереснее всего вот что: Бисмарк сказал этому Беренсу, что единственный оратор в рейхстаге, который заслуживает этого названия и которого всегда все слушают, это — Август Бебель.

Чем чаще ты мне будешь писать о положении в Германии, в частности о развитии промышленности, тем лучше. Я не всегда подробно отвечаю тебе, потому что только принимаю твои сообщения к сведению, — тем более, что я смотрю на них, как на единственно заслуживающие безусловного доверия. В общем германская промышленность остается той же, какой была: она производит товары, которые англичанам кажутся слишком мелкими, а французам — слишком заурядными, но производит их, наконец, в большом масштабе. Она живет тем, что: 1) ворует за границей образцы и 2) дарит покупателю прибавочную стоимость в собственном смысле слова, что только и дает ей возможность конкурировать, и выжимает переходящую всякие границы прибавочную стоимость путем давления на заработную плату, что является единственным источником ее существования. Вследствие этого борьба между рабочими и капиталистами, хотя

кое-где и замирает (там, где ненормальная заработная плата вошла в привычку), но в большинстве случаев обостряется, так как нажим постоянно усиливается. Во всяком случае, с 1848 г. в Германии происходит промышленная революция, которая еще заставит призадуматься господ буржуа. А теперь — будь здоров.

Твой старый
Ф. Э.

258.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

[Лондон,] 13 октября 1884 г.

Пишу наспех. Листы вернул Дитцу, восстановив буквы h, th и вычеркнутые иностранные слова. Дитцу я написал: вы, мол, заявили протест, я к нему присоединяюсь, и упомянутое восстановление произведено мною по соглашению с вами. Навязать себе орфографию я не позволю точно так же, как навязать себе жену, и поэтому, если корректура не будет сделана согласно моему требованию, то: 1) я требую, чтобы были вычеркнуты все мои примечания, и 2) не дам предисловия; я никак не могу допустить в своих работах две различные орфографии.

Разве вы не хотите, чтобы вас обозначили на титульном листе как переводчиков? Титульный лист должен быть, во всяком случае, составлен так, чтобы я значился лишь как автор примечаний и предисловия, если, конечно, вы не настаиваете на необходимости особо отметить просмотр текста, что я, со своей стороны, считаю совершенно излишним.

Из-за этих глупостей у меня опять пропал целый день. И это в разгар избирательной кампании!

Ваш Ф. Э.

259.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 15 октября 1884 г.

Старый дружище!

Вчера я отправил тебе свою книжонку о происхождении семьи и т. д., а сегодня — почтовый перевод на 5 фунтов. Надеюсь, ты одновременно получишь и то, и другое.

Меня обрадовало твое сообщение о том, что летом тебя навещил Бебель. Твое мнение о нем вполне совпадает с моим. Это самая ясная голова во всей германской партии, притом он абсолютно надежен и не даст сбить себя с толку. Он обладает редким качеством: его выдающийся ораторский талант, — который признают все филистеры, и притом по собственному побуждению, а Бисмарк даже сказал своему компаньону, бумажному фабриканту Беренсу, что Бебель — единственный оратор во всем рейхстаге, — этот талант нисколько не сделал его пошлым. Со времен Демосфена этого не бывало. Все другие ораторы были поверхностными.

О моем здоровье не беспокойся. У меня местное, — правда, временами неприятное, — заболевание, но оно нисколько не влияет на общее состояние здоровья, и его даже нельзя считать безусловно неизлечимым; в худшем случае оно делает меня не годным к военной службе, но возможно, что через несколько лет я все же смогу опять ездить верхом. Четыре месяца я не мог писать, но диктовал и более или менее закончил вторую книгу «Капитала», просмотрел также английский перевод первого тома ($\frac{3}{8}$ всего тома уже готовы). Кроме того, я нашел теперь средство, которое помогло мне отчасти стать на ноги, и надеюсь вскоре добиться дальнейшего улучшения. Беда в том, что с тех пор, как мы потеряли Маркса, я должен его заменять. Всю свою жизнь я делал то, к чему я был предназначен, — я играл вторую скрипку, — и думаю, что делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс. Когда же мне вдруг в вопросах теории приходится занимать место Маркса и играть первую скрипку, то дело не обходится без промахов, и никто этого не ощущает сильнее, чем я сам. Но когда настанут более бурные времена, тогда только мы по-настоящему почувствуем, что мы потеряли в лице Маркса. Никто из нас не обладает той широтой кругозора, с которой он, в момент, когда нужно было решительно действовать, всегда умел найти правильный путь и тотчас же направить удар в надлежащую точку. В спокойные времена, правда, иной раз случалось, что события подтверждали мою, а не его правоту, но в революционные моменты его суждения были почти непогрешимы.

Младшая дочь Маркса вышла замуж за очень славного ирландца, д-ра Эвелинга. Они бывают у меня каждое воскресенье. Другая дочь, которую ты знаешь, сейчас тоже у меня и шлет тебе сердечный привет. Она часто и с удовольствием вспоминает день, проведенный с тобой в Женеве.

Надеюсь, что твое здоровье поправляется, но если с тобой опять

что-нибудь приключится, ты немедленно дай мне об этом знать; в прошлый раз я долгое время ни о чем понятия не имел. Надеюсь, что в другой раз ты этого не повторишь.

Твои письма и пр. я разыщу, как только вообще смогу приняться за бумаги. С мая я физически не в состоянии был заняться этим, а теперь надо управиться с такой массой неотложной работы, что об этом и думать не приходится. Нужно разобрать свыше шести больших битком набитых ящиков; даже книги еще не настолько приведены в порядок, чтобы я мог свободно ими пользоваться.

Итак, желаю тебе быть здоровым, а бодрости у тебя и так хватает.

Сердечный привет от твоего старого

Ф. Энгельса.

Боркгейм кланяется. Он написал мне неделю тому назад; состояние его попрежнему без перемен.

260.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 15 октября ¹ 1884 г.

Дорогой Каутский!

Мою открытку ты, вероятно, получил. Я постараюсь завтра же засесть за предисловие; каждый день мне что-нибудь да мешает; сегодня, например, весь день пишу письма, а мне все еще нельзя слишком долго сидеть за письменным столом. Но стоит мне только взяться — и работа будет готова в два-три дня.

Итак, изобретатель этой замечательной орфографии — Гейзер? Новая заслуга. Признаюсь, что страх перед этим прокрустовым ложем служит отчасти причиной того, что я не очень тороплюсь присылать статьи для «Neue Zeit». Сообщи мне, была ли эта превосходная система обязательна и для других книг, выпущенных Дитцем, — для книги Бебеля «Женщина [и социализм]» она не была обязательной; мне это важно знать на тот случай, если я буду отвечать Дитцу.

Так как я обратился к Дитцу с таким категорическим протестом против гейзеризма, то не могу теперь и в «Neue Zeit», при

¹ В оригинале ошибочно: августа.

печатании предисловия, подчиниться ему. Вообще же я, конечно, ничего не имею против.

Для Эде: Лохнер пишет, что известная особа не *требовала* денег от имени наших, а он послал их добровольно; она же утверждает, что те *согласились* бы на это. Это, в сущности, одно и то же.

«Кредитную нужду» Родбертуса я тоже не читал, но там может быть сказано только то, что и без того известно, — а именно, что ипотеки не должны подлежать востребованию и обратной выплате в форме капитала, а должны только давать право на «ренту», т. е. на регулярную выплату процентов; в случае невыплаты процентов имение может быть продано с молотка, других притязаний у кредитора по ипотеке не может быть. В этом состоит родбертусовский «принцип ренты», призванный дать юнкерам возможность наживать по-буржуазному 5 тысяч талеров в год, а тратить по-дворянски — 10 тысяч и все-таки не разориться. Как это сделать, остается тайной. Я не мог удержаться от смеха, когда читал, как Шрамм пытался усмотреть в этом нечто весьма значительное.

Фотография Маркса отправлена сегодня Манцу. Он спрашивает о цвете. Тут ведь ты можешь прийти ему на помощь. Маркс был так смугл, как может быть смугл только житель Южной Европы, без особого румянца (когда ты видел Маркса, он выглядел уже болезненно-желтым, это было ненормально); черные, как смоль, усы с небольшой проседью, но без малейшего коричневого оттенка, кроме отдельных выцветших волосков; волосы же на голове и борода — белоснежные. Портрет представляет собой ретушированную и увеличенную фотографию — сходство поразительное. Он получит его швейцарской почтой.

Кроме польского перевода «Происхождения [семьи]», В. Засулич предлагает перевести эту работу на русский язык, а студент-юрист Андерфурер (из Мейрингена) в Берне — на итальянский. Не знаете ли вы чего-нибудь об этом человеке? Обучающий его итальянскому языку и социализму д-р Чериоли берется проредактировать перевод.

Тебе и Эде я послал вчера несколько экземпляров. Свыше 30 разослано уже по всему свету. В «То-Day» и «Justice» я тоже послал, об остальных экземплярах для рецензий вы, вероятно, позаботитесь. Приношу тебе и Эде сердечную благодарность за хлопоты, которые доставила вам эта работа.

Твой Ф. Э.

Как обстоит дело с твоим приездом (*herkommen*)¹? Я имею в виду не *origo* [происхождение], а *adventus* [прибытие].

¹ Игра слов — *herkommen* имеет два значения: происхождение и прибытие.

261.

Энгельс — К. Каутскому
в Цюрих.

[Лондон,] 17 октября 1884 г.

Дитц пишет, что орфография изменена: «Одно маленькое примечание Каутского при пересылке рукописи избавило бы Вас и меня от возни с ее изменением». О том, что, пока не были набраны целых три листа, мы оставались в неведении (может быть, и не по вине Дитца), — он умалчивает.

Жив ли еще старик Бахсфен и находится ли он еще в Базеле? Я хотел бы послать ему один экземпляр с посвящением.

Предисловие — в стадии подготовки, т. е. я штудирую еще раз всю «Zur Erkenntnis» [«К познанию»]. Это стоит труда, потому что только при самом тщательном разборе постигаешь, какой изумительный вздор там проповедуется; два-три если и не новых, то во всяком случае верных и для Германии очень похвальных суждения буквально тонут в этом вздоре. Тут вторая книга «Капитала» очень многого разъяснит.

Привет Эде.

Твой Ф. Э.

262.

Энгельс — К. Каутскому
в Цюрих.

Лондон, 20 октября 1884 г.

Дорогой Каутский!

Послал тебе *заказным* корректуру и рукопись страниц 49—96 «Нищеты [философии]». Я их только бегло просмотрел и не имел возможности сверить с рукописью. Прошу это сделать поскорее. Дитца я прошу посылать остальные листы вам, а мне прислать только гранки *предисловия*, к которому я приступил бы сегодня же, если бы эта корректура не отняла у меня снова лучшие рабочие часы. Но завтра сажусь за работу; полагаю, что сначала пойдет мое предисловие, а потом статья Маркса из старого «Sozialdemokrat» вместо *его* предисловия.

Я как раз хотел запросить вас относительно Нонне, так как г-жа Лафарг пожелала иметь сведения насчет этого своего подозрительного соседа. Но тут подоспела «экзакуция» в парижской прессе. Все удивляются тому, что пруссаки могли нанять и оплачивать такую неуклюжую скотину.

Только что у меня был Джойнс из «То-Дау». Они хотят издать «Развитие [социализма]» по-английски, а я давно уже предоставил право перевода Эвелингу. Но они его не желают, потому что он и Гайдман до некоторой степени соперники; мне собирались поэтому навязать Шоу, который не знает немецкого языка и собирался переводить с французского. От этого я, однако, отказался и направил его к Эвелингу, который мне вообще нравится с каждым днем все больше. Эти мелкие литературные дразги составляют большую часть внутренней истории здешнего движения. Да и вообще дела у них идут прескверно. Во вторник на прошлой неделе г-жа Лафарг была на заседании совета Социал-демократической федерации; там спорили из-за какой-то чепухи, но с таким ожесточением, что слова «damned liars» [проклятые лгуны] так и сыпались. Представляю себе, как это выглядело. Единственные люди, которым я доверяю, это Бакс и Эвелинг — оба они в высшей степени порядочные, умные и искренние люди, хотя и сильно нуждаются в помощи со стороны; об остальных, насколько я могу о них судить, я очень невысокого мнения.

Г-н Моммсен теперь тоже у меня в руках. По поводу *euptio gentis* [брака с лицом из другого рода] он нагородил в своих «*Römische Forschungen*» [«Римских исследованиях»] невероятный вздор; я изучил этот вопрос и собрал все нужные места. Если моммсеновская школа захочет ущемить меня в вопросах римской истории (что *формально*, но не по существу, вполне возможно), то я сумею постоять за себя.

Гириш прислал мне «*Frankfurter Zeitung*» с фельетоном о «*Geschichte der Familie*» [«Истории семьи»] Липперта. Эта книга — явный и бесстыдный плагиат из Моргана и Бахофена с некоторыми дополнениями из других источников, которые легко установить.

Сердечный привет Эде.

Твой Ф. Э.

Твоего фельетона в «*Frankfurter Zeitung*» я тоже еще не видел; нет ли его у тебя? Я его возвращаю.

263.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 октября 1884 г.

Дорогой Эде!

Прерываю свое предисловие, чтобы сообщить тебе:

1) что одновременно с этим я посылаю тебе заказным «Речь

о свободе торговли» Маркса. Этот с трудом найденный и незаменяемый антикварный экземпляр должен быть по использованию мне возвращен.

2) что, по-моему, в конце «Нищеты [философии]» следует отпечатать в виде приложения место из «К критике политической экономии» о *Джоне Грее, первом предшественнике Прудона и Родбертуса*, начиная со стр. 61, «Учение о рабочем времени и т. д.», до конца отдела на стр. 64¹. Будьте так добры тотчас же послать эти страницы в Штутгарт, в предисловии я ссылаюсь на это приложение. Тогда мы *целиком и полностью* разделаемся со всей этой стороной мелкобуржуазного социализма и тем самым дадим ответ и на утопию Родбертуса; все, чего там еще не хватает, я добавлю в предисловии.

Приложить ли к книге также и «Свободу торговли», я представляю решить вам. Не знаю, право, куда бы еще можно было поместить эту вещь, и не думаю, чтобы она произвела впечатление, если ее выпустить отдельной брошюрой, — но вам об этом легче судить, чем мне.

Если Дитц будет возражать против добавления о Грее, то его можно было бы напечатать также после предисловия и статьи о Прудоне из «Sozialdemokrat» (старого). Но поместить это необходимо, вы в этом сами убедитесь.

Ваш Ф. Э.

264.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 23 октября 1884 г.

Дорогой Эде!

Псылаю предисловие. Если вы прибавите и «Свободу торговли», то вставьте добавленное на последней странице, в противном случае измените это добавление.

Одновременно с этим я перевел на твое имя фунт стерлингов — взнос Шорлеммера в избирательный фонд. Вы, может быть, уже знаете, что Шорлеммер подвергся в Дармштадте репрессиям. Во время полицейского налета на Хауга в Фрейбурге был, между прочим, найден адресованный его брату экземпляр «Sozialdemokrat»; в результате — домашний обыск, при котором были обнаружены письма Шорлеммера со злыми остротами по адресу Бисмарка, за

¹ Т. XII, ч. 1, стр. 69—72 настоящего издания.

этим последовали новые поиски материалов против него у его матери и в Гехсте, где он как раз находился в то время. Чтобы избежать мать от лишних неприятностей, он уехал. В Дармштадте это вызвало большой шум.

По поручению Бебеля я послал Шумахеру кое-какие сведения о деятельности Риттингаузена в 1848 г.

Этим моим, к сожалению очень разросшимся, предисловием вопрос о г. Родбертусе еще не исчерпан. В предисловии ко второму тому «Капитала» я еще раз вернусь к его «открытиям» в области прибавочной стоимости. Забавно, до какой степени в Германии позабыли Рикардо!

Кланяйся К. Каутскому.

Твой Ф. Э.

Если Дитц пошлет корректуру предисловия с рукописью тебе, прошу ее мне переслать.

265.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 29 октября 1884 г.

Дорогой Бебель!

Твою телеграмму получили в седьмом часу и встретили ее ликованием. Я немедленно разослал ряд открыток, городских и в провинцию, сообщив содержание телеграммы; написал и в Париж, куда обыкновенно сначала попадают сбивчивые и противоречивые известия. Очень тебе благодарен, что во время избирательной кутерьмы ты обо мне не позабыл. Здешнему Союзу я также сообщил содержание телеграммы.

Результаты превзошли мои ожидания. Теперь для меня не имеет большого значения, сколько мандатов будет, в конце концов, завоевано, — обязательные пятнадцать обеспечены; а главное — выборы показали, что движение быстрыми и уверенными шагами идет вперед, охватывая один избирательный округ за другим и ослабляя в них позиции остальных партий. И молодцы же наши рабочие! С каким упорством, с какой решительностью и, главное, с каким юмором отвоевывают они позицию за позицией, вопреки всем уловкам, угрозам и насилию со стороны правительства и буржуазии! Германии чертовски необходимо, чтобы мир стал

к ней снова относиться с уважением; Бисмарк и Мольтке могли привести к тому, что ее стали бояться; но только нашим пролетариям удастся завоевать действительное уважение — то именно, которого заслуживают свободные и сами себя дисциплинирующие люди.

Это окажет огромное влияние на Европу и Америку. Во Франции я ожидаю в связи с этим нового подъема нашей партии. Там все еще не оправились от последствий Коммуны. Насколько сильно она подействовала на Европу, настолько же далеко отбросила она французский пролетариат назад. Стоять в течение трех месяцев у власти, вдобавок еще в Париже, и не перевернуть мир, а погибнуть из-за собственной неспособности (такое одностороннее толкование дают теперь Коммуне) — разве это не доказывает того, что партия нежизнеспособна? Вот обычные фразы людей, которые не понимают, что Коммуна была могилой *старого*, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма. Ему-то и помогут стать как следует на ноги победы в Германии. Такого же мнения и г-жа Лефарг, которая сейчас находится здесь и шлет тебе сердечный привет.

Не меньшее впечатление произведет эта весть и на говорящий по-английски пролетариат Америки.

Заказное письмо и открытку, посланную мною третьего дня, ты, вероятно, получил.

Больше всего беспокоюсь я теперь о том, прошел ли ты сам в своем ненадежном избирательном округе. При большом количестве новых элементов, которые, во всяком случае, войдут во фракцию, настоятельно необходимо твое присутствие именно вначале, чтобы тебя потом не поставили перед фактами, происшедшими без твоего участия. Я знаю, что твое здоровье не блестяще и что ты должен для дела партии во что бы то ни стало сохранить себя до более критических времен. Но это все же можно будет наладить.

Я собирался еще написать тебе о родбертусовском надувательстве, но сегодня вечером уже не удастся. Шрамм уже получил свое от К. Каутского. В предисловии к «Нищете [философии]» я уже настолько ясно обрисовал позицию Родбергуса по отношению к нам, что этого, полагаю, пока достаточно, а в предисловии ко второй книге «Капитала» я смогу заняться этим делом еще более основательно. Но если потребуется, я смогу еще разок огрызнуться и до этого. На-днях напишу об этом подробнее.

Твой Ф. Э.

266.

Энгельс — К. Каутскому

в Цюрих.

Лондон, 8 ноября 1884 г.

Дорогой Каутский!

Между твоим письмом и сегодняшним днем прошли выборы, т. е. пять лет. Поэтому я коснусь его только вкратце.

Прилагаемое письмо Либкнехта характерно. Непонятно, почему ты не мог бы редактировать «Neue Zeit» из Лондона так же, как и из Цюриха. Почему, находясь в Лондоне, ты будешь потерян для германской партии, — тоже непонятно. Это письмо, однако, вовсе не доказывает, что Либкнехт в следующий раз, под влиянием другой среды и другого настроения, не будет думать и писать совсем другое. То, что в Оффенбахе он одержал победу лишь наполовину — результатов перебаллотировки мы здесь еще не знаем, — быть может, заставит его призадуматься. Место о «неприступной» позиции в Штуккерт¹ — замечательно. Это мне напоминает историю с унтер-офицером французской революционной армии, который следующим образом пересказал своему босоному взводу речь народного представителя: «Представитель сказал: с железом и хлебом можно дойти до самого Китая; но он не говорил о сапогах». Неприступна, если бы не было полиции!

Я пишу Дитцу чтобы он выслал мне корректуру предисловия в несверстанном виде, надо будет сделать кое-какие изменения. В таком деле сугубая осторожность в выражениях никогда не повредит, если не хочешь, чтобы тебя поймали на несколько неточном или двусмысленном обороте.

Эхо выборов прозвучит во всей Европе и в Америке. Вот это был день триумфа! «Kölnische [Zeitung]» признает за нами $\frac{3}{4}$ миллиона голосов и ползает на брюхе перед 4 тысячами, голосовавшими в Кельне за Бебеля, чтобы выклянчить их голоса для перебаллотировки. «Kölnische [Zeitung]» для меня важнее других газет, потому что рейнский буржуа все еще самый развитой буржуа Германии, а эта газета отражает его мнение. Тем знаменательнее этот полный поворот, это внезапное уважение к новой силе.

А это ведь поистине великолепно. Впервые в истории крепко сплоченная рабочая партия выступает как настоящая политическая сила, развившаяся и выросшая в условиях жесточайших преследований, неудержимо завоевывая одну позицию за другой. Сила,

¹ Штутгарт.

свободная от всякого филистерства и шовинизма в самой филистерской и опьяненной победами стране Европы, сила, существование и рост которой так же непонятны и таинственны для правительств и старых господствующих классов, как лавина христианства была таинственна и непонятна для властей погибавшего Рима, — эта мощная сила так же уверенно и неудержимо прокладывает себе путь, как в свое время христианство, настолько уверенно, что уже теперь можно математически точно вычислить уравнение ее возрастающей скорости и тем самым определить срок ее конечной победы. Закон против социалистов, вместо того чтобы ее подавить, только помог ей в ее движении вперед. Социальную реформу Бисмарка она удостоила только пинка, и последнее средство, чтобы сразу раздавить эту силу, — попытка спровоцировать ее на преждевременный путч, — не вызвала бы ничего, кроме неудержимого смеха.

Но вот что замечательно. Успеху нашего дела особенно способствует именно промышленная отсталость Германии. В Англии и Франции переход к крупной промышленности более или менее закончен. Условия, в которых находится пролетариат, теперь уже устойчивы; земледельческие и промышленные округа, крупная индустрия и домашняя промышленность разделены и закреплены в такой мере, в какой это вообще допускает современная промышленность. Даже колебания, которые каждые десять лет вызываются периодическими кризисами, стали привычными условиями существования. Возникшие в период промышленного переворота политические или непосредственно социалистические движения, как бы незрелы они ни были, потерпели поражение и оставили после себя скорее чувство уныния, нежели бодрости; буржуазное капиталистическое развитие оказалось сильнее, чем революционное противодействие; для нового возмущения против капиталистического производства потребовался бы новый, более мощный толчок, — например, лишение Англии ее теперешнего господства на мировом рынке или какое-либо особое революционное событие во Франции.

В Германии, напротив, развитие крупной промышленности началось лишь в 1848 г. и является самым значительным наследием этого года. Промышленный переворот все еще продолжается, и притом в самых неблагоприятных условиях. Домашняя промышленность, опирающаяся на мелкую, свободную или арендованную земельную собственность, все еще борется против машины и пара; погибающий мелкий крестьянин цепляется за домашнюю промышленность, как за последний якорь спасения; но едва только он втягивается в промышленность, как машина и пар его снова подавляют.

Побочный доход от земледелия, возделанный собственными руками картофеля, становится в руках капиталистов сильнейшим средством для снижения заработной платы; капиталист может теперь подарить всю нормальную прибавочную стоимость иностранному клиенту и только этим способом выдержать конкуренцию на мировом рынке, извлекая всю свою прибыль путем урезки нормальной заработной платы. При этом — полный переворот во всех условиях жизни в промышленных центрах благодаря мощному развитию крупной промышленности. Так вся Германия, за исключением разве только юнкерского (verjunker) северо-востока, втягивается в общественную революцию, мелкий крестьянин вовлекается в промышленность, самые патриархальные углы захватываются этим движением, и поэтому вся Германия революционизируется гораздо глубже, чем Англия или Франция. Но эта общественная революция, которая приводит, в конце концов, к экспроприации мелкого крестьянина и ремесленника, протекает в такой момент, когда на долю именно немца, Маркса, выпало теоретически переработать результаты всей истории английского и французского практического и теоретического развития, вскрыть всю природу и конечную историческую судьбу капиталистического производства и тем самым дать германскому пролетариату такую программу, какой никогда не располагали его предшественники — англичане и французы. Более глубокий общественный переворот, с одной стороны, большая ясность в умах, с другой, — вот тайна неудержимого роста германского рабочего движения.

Я хотел еще написать Эде, но уже слишком поздно; к тому же пришла Пумпс с девочкой, и мне придется с ней поиграть. В пять придут Эвелинг и Тусси, а в семь Моррис хочет со мной серьезно посоветоваться. Так что Эде пока придется удовлетвориться приветом.

Твой Ф. Э.

267.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 11 ноября 1884 г.

Дорогой Эде!

Ответ на твой запрос по поводу статьи Маркса о Прудоне содержится в моем предисловии, где я прямо ссылаюсь на нее. Сообщите мне теперь, как вы думаете расположить материал; я каждый день могу получить корректуру предисловия и буду сообразоваться

с вашим планом в моих ссылках на названную статью, на извлечение из «К критике [политической экономии]» и, возможно, на «Речь [о свободе торговли]».

Ты правильно подчеркнул в «Sozialdemokrat», что мы единственные серьезные противники центра. Только наше проникновение в такие твердыни центра, как Мюнхен, Майнц, Кельн, Аахен, Дюссельдорф, Эссен и т. д., может привести к распаду этой искусственно сохраняемой смеси противоположных течений и заставить каждое из них в отдельности обнаружить свою настоящую природу. И тогда окажется, что действительно католическая фракция представляет не что иное, как католическое крыло реакции, в то время как в Бельгии и Франции она представляет всю реакцию. И ни для кого этот распад центра не был бы таким роковым, как для г. Бисмарка, которому такая разношерстная партия чертовски удобна.

О ходе перебаллотировки до меня доходит мало сведений, да и те с опозданием. Я надеюсь, что в большинстве случаев результаты будут благоприятны, потому что чем больше новых элементов попадет теперь во фракцию, тем лучше. Худших («образованных») уже избрали; дополнительно будут избраны большей частью рабочие, а они могут только улучшить состав.

Приговор закону против социалистов вынесен. Государство и буржуазия оскандалились перед нами на-смерть. Но это не мешает им, как ни в чем не бывало, держаться попрежнему, и тот, кто вообразил бы, что за этим последует отмена закона, может жестоко ошибиться. Здесь старый Джон Рессель продолжал оставаться премьер-министром в течение двадцати лет после своей политической смерти. Для отмены закона всегда требуется решимость, а она едва ли найдется. В лучшем случае введут новые статьи в Уголовный кодекс, которые будут стоить нам больших жертв, чем закон против социалистов.

Мы должны будем теперь вносить положительные законопроекты. Если их сформулируют решительно, т. е. без уступок мелкобуржуазным предрассудкам, то они будут очень хороши. Если же это будут гейзеровские четырехугольники¹, тогда дело плохо. Нормальный рабочий день (десять часов, постепенно снижающиеся, примерно, до восьми), внутреннее и международное фабричное законодательство (причем внутреннее может идти дальше международного), радикальная переработка законодательства об ответственности [предпринимателей], о страховании от несчастных случаев

¹ Игра слов: Geisersche Vierecke (гейзеровские Фирекки).

и болезней, об инвалидах труда и т. д., — все это дает достаточно материала и поводов. Поживем — увидим.

Выборы 1884 г. являются для нас тем же, чем был 1866 г. для немецкого филистера. Он сделался тогда сразу, без всяких усилий с его стороны и даже помимо его воли, «великой нацией». Теперь мы, но уже благодаря собственной упорной работе и ценой тяжелых жертв, сделали «великой партией». Положение обязывает. Мы не сможем перетянуть на свою сторону широкие народные массы, если они не будут постепенно развиваться. Франкфурт, Мюнхен, Кенигсберг не могут стать сразу такими же явно выраженными пролетарскими центрами, как Саксония, Берлин, горные промышленные округа. В данное время мелкобуржуазные элементы среди вождей найдут кое-где в массах недостававшую им прежде опору. То, что до сих пор встречалось в виде реакционных тенденций отдельных лиц, может теперь повториться — местами — как необходимый момент развития масс. Тут, для того чтобы вести массы дальше и в то же время не допустить негодных вождей стать во главе движения, придется изменить тактику. Но и здесь нужно выждать.

Завтра принимаюсь за чрезвычайно сложную окончательную редакцию третьего отдела второго тома «Капитала». Как только покончу с этим, надеюсь выкроить время для переработки «Крестьянской войны», которая теперь будет представлена как поворотный пункт всей немецкой истории, так что в начале и в конце придется сделать значительные исторические добавления. Только изложение самого хода борьбы останется почти без изменений. Я думаю, что важнее напечатать раньше «Крестьянскую войну», а не «Дюринга», в котором я мало изменю и сделаю только примечания или добавления. Как вы думаете организовать печатание?

Какой бы оборот ни приняло дело с законом против социалистов, газета и типография в Цюрихе должны быть, по-моему, сохранены. Свободы, даже такой, какая была до 1878 г., нам больше не дадут. Гейзерам и Фиреккам предоставят полную свободу и, кроме того, дадут им прекрасный предлог для отговорок, что они, мол, заходят так далеко, как только можно; мы же сможем располагать необходимой свободой печати только за границей. Возможно, впрочем, и то, что будут сделаны попытки урезать всеобщее избирательное право: трусость отнимает разум, а филистер способен на все. Сначала нам, конечно, со всех сторон будут делать комплименты, и к этим комплиментам не все останутся нечувствительными. Так, например, нашему приятелю Зингеру может захотеться доказать

публике, что он, несмотря на свой большой живот, или именно благодаря ему, вовсе не людоед.

К. Каутский получил уже, вероятно, мое вчерашнее письмо.

Твой Ф. Э.

268.

Энгельс — Г. Энгельсу

в Энгельскирхен.

Лондон, 11 ноября 1884 г.

Дорогой Герман!

Печальные известия о болезни Эмиля, которые принесло мне твое письмо от 25 сентября, были для меня не совсем неожиданны. Время от времени он сам писал мне о состоянии своего здоровья и о том, что должен будет провести зиму на юге. Твои прежние письма тоже заключали в себе некоторые сообщения, которые давали повод для тревоги. Если теперь дошло до того, что образовались туберкулы, что в нашем возрасте бывает не часто, то это, конечно, очень плохой признак; но я все же надеюсь, что он еще не скоро нас покинет и что состояние его здоровья не будет таким, чтобы жизнь была ему в тягость.

До одного радостного события он, во всяком случае, дожил: я только что узнал из газет об открытии аппертальской железной дороги, чего он неустанно добивался долгие годы. Хотя эта маленькая железнодорожная ветка совсем не то, к чему он стремился, тем не менее это лучше, чем ничего. Благодаря ей в долине и в Энгельскирхене начнется совсем другая жизнь.

Я написал бы тебе раньше, но в это время как раз была свадьба Германа, и я не знал точно, где ты находишься. А после этого я был все время занят разными делами и завален работой. К тому же за последние полтора года я и сам собственной персоной получал довольно настоятельные напоминания о том, насколько брэнно человеческое тело. Что со мной, собственно, было, я, вероятно, так никогда и не узнаю. Ладно, теперь, повидимому, болезнь проходит, и остается только подобие грыжи (причем произошло не выпадение кишки, а нечто в роде водянки). Мне удалось найти очень хорошего бандажиста, который не раз имел дело с подобными случаями, — хотя они довольно редки, — и сконструировал для этого очень удобный, нисколько не обременительный аппарат, с которым я после некоторой практики более или менее освоился, и могу,

наконец, снова двигаться и работать за письменным столом, что было для меня почти невозможно. Если дело и дальше так пойдет, я буду доволен. Кроме расслабления мускулов и связок, что вполне естественно после столь долгого, неподвижного лежания на диване, я теперь ничего не ощущаю и мало-по-малу вхожу в колею. Надеюсь, что у вас все благополучно. Рудольф, повидимому, опять молодцом. Он, должно быть, в большей мере унаследовал конституцию нашего отца, который тоже до сорока лет возился с желудком, а затем совершенно выздоровел и жил бы до сих пор, если бы его не унес тиф.

Напиши мне, пожалуйста, не откладывая, как здоровье Эмиля и всех ваших. Что подельывает Гедвига? Герман, должно быть, скоро вернется из своего свадебного путешествия?

Сердечный привет всем братьям и сестрам, Эмме, твоим ребятам и тебе самому.

Твой Фридрих.

269.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 18 ноября 1884 г.

Дорогой Бебель!

Я собирался написать тебе о родбертусовском надувательстве, но теперь в «*Neue Zeit*» должно появиться мое предисловие к «Ничете философии»; там ты найдешь все самое необходимое и изложенное лучше, чем я сделал бы это в письме. Дальнейшее последует в предисловии ко второй книге «Капитала».

Но есть еще другой вопрос, который мне представляется неотложным и о котором я хотел бы сообщить тебе свои соображения.

Все либеральные филистеры прониклись таким уважением к нам, что кричат в один голос: «Да, если социал-демократы согласятся стать на почву закона и отрекутся от революции, то мы — за немедленную отмену закона против социалистов». Таким образом, не подлежит сомнению, что в рейхстаге вам это тотчас же пообещают. Ваш ответ будет иметь значение не столько для Германии, где наши молодцы уже ответили на выборах, сколько для заграницы. *Покорный* ответ сразу уничтожил бы весь колоссальный эффект, произведенный выборами.

На мой взгляд, дело обстоит следующим образом.

Политический строй, существующий в настоящее время повсюду в Европе, является результатом революций. Правовая почва,

историческое право, законность повсюду тысячекратно нарушались или вовсе отбрасывались. Но всем партиям или классам, пришедшим к власти путем революции, по самой их природе присуще требование, чтобы новая, созданная революцией правовая почва была безусловно признана и почитаема священной. Право на революцию раньше существовало, — в противном случае стоящие у власти лишились бы правовой санкции, — но на будущие времена оно упраздняется.

В Германии существующий строй основан на революции, которая началась в 1848 г. и закончилась в 1866 году. 1866 год был подлинной революцией. Подобно тому как Пруссия добилась кое-какого значения лишь путем предательства и войны против Германской империи в союзе с заграницей (1740 г., 1756 г., 1785 г.), так и Германско-прусскую империю ей удалось создать только путем насильственного разгрома Немецкого союза и путем гражданской войны. Если Пруссия утверждает, будто союзный договор был расторгнут другими, то это ничего не значит. Другие утверждают обратное. Никогда еще революция не пренебрегала ссылкой на законность — в 1830 г. во Франции и король, и буржуазия утверждали, что на их стороне право. Словом, Пруссия спровоцировала гражданскую войну — и, тем самым, революцию. Одержав победу, она низвергла три престола «божьей милостью» и аннексировала их области вместе с бывшим вольным городом Франкфуртом. Если это не было революционно, то я не знаю, что вообще означает это слово. Мало того, она конфисковала частную собственность изгнанных государей. Что этот акт был не законным, а революционным, она признала, потребовав впоследствии его утверждения от рейхстага, который имел не больше права, чем правительство, распоряжаться этим имуществом.

Германско-прусская империя, как завершение насильственно созданного в 1866 г. Северо-германского союза, является целиком и полностью продуктом революции. Я не жалею на это. Я упрекаю тех, кто это сделал, только в том, что они были лишь жалкими революционерами, слишком рано остановились и не присоединили тотчас же к Пруссии всю Германию. Но тот, кто действует кровью и железом, проглатывает целые государства, опрокидывает троны и конфискует частную собственность, тот не смеет проклинать других за то, что они революционеры. Если партия сохранит за собой право быть не более и не менее революционной, чем было имперское правительство, то большего ей и не нужно.

Еще недавно существовал сфидицизный принцип: имперская

конституция не есть договор между государями и народом, она — лишь договор между государями и вольными городами, который в любой момент может быть заменен другим. Таким образом, правительственные органы, проповедывавшие этот принцип, требовали для правительства права *опрокинуть имперскую конституцию*. Против них не было издано никакого исключительного закона, они не подвергались преследованиям. Ну что же, прекрасно, и мы даже в самом крайнем случае не потребуем для себя большего, чем то, на что претендовали в данном случае правительства.

Герцог Кэмберлендский — законный и неоспоримый наследник брауншвейгского престола. Король Пруссии имеет не больше права сидеть в Берлине, чем [герцог] Кэмберлендский — претендовать на Брауншвейг. Всякие претензии, выдвигаемые против герцога, можно будет предъявлять лишь тогда, когда он займет принадлежащий ему по праву трон. Но революционное имперское правительство силой препятствует ему в этом. Еще один революционный акт.

Как обстоит дело с партиями?

Консерваторы в ноябре 1848 г. без всякого колебания разрушили правовую почву, созданную в марте 1848 г. Конституционный порядок они признают лишь как временный и с восторгом приветствовали бы всякий абсолютистски-феодальный государственный переворот.

Либералы всех оттенков принимали участие в революции 1848—1866 гг. и не отказались бы и теперь от права при помощи насилия сопротивляться попытке насильственного уничтожения конституции.

Центр признает церковь высшей властью над государством, следовательно — властью, которая в известных случаях может сделать для него революцию *обязанностью*.

И эти партии требуют от нас, чтобы *мы, и только мы одни*, заявили, что ни при каких обстоятельствах не прибегнем к насилию, а подчинимся любому гнету, любому насилию не только когда они формально законны, — законны по мнению наших противников, — но даже и в том случае, когда они прямо противозаконны!

Ни одна партия, не прибегая ко лжи, не отрицала своего права на вооруженное сопротивление *при известных обстоятельствах*. Ни одна из них никогда не могла отказаться от этого последнего права.

Если же поднимется спор об *обстоятельствах*, при которых

партия оставляет за собой это право, то тут наше дело выиграно. Тут уж начнут перескакивать с пятого на десятое. К тому же мы — партия, официально объявленная вне закона, а следовательно нам сверху прямо рекомендуют революцию. Вне закона нас могут объявить в любой день, как уже объявили однажды. Требовать от подобной партии такой безоговорочной декларации — чистейшая бессмыслица.

Впрочем, этим господам нечего волноваться. При нынешнем положении с армией мы не пойдем в бой, пока вооруженная сила против нас. Мы можем подождать, пока сама вооруженная сила не перестанет *быть силой против нас*. Всякая революция, которая произошла бы до этого, даже если бы она увенчалась победой, привела бы к власти не *нас*, а наиболее радикальных буржуа, т. е. мелких буржуа.

Вообще говоря, выборы показали, что путем податливости, путем уступок противникам, мы ничего не добьемся. Лишь благодаря упорному сопротивлению мы заставили уважать себя и стали силой. Только сила внушает уважение, и лишь пока мы — сила, филистер нас уважает. Того, кто идет на уступки филистеру, того он презирает, тот для него — не сила. Можно дать почувствовать железную руку сквозь бархатную перчатку, но необходимо, чтобы ее почувствовали. Германский пролетариат стал могучей партией, пусть же его представители будут достойны его.

Почта отправляется.

Твой Ф. Э.

270.

Энгельс — Дж.-Л. Магону

в Лондон.

[Лондон,] 28 ноября 1884 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь!

Я получил Вашу записку только сегодня утром, так как на адресе был неверно указан номер дома (132 вместо 122).

Если Вы будете любезны зайти ко мне завтра, в пятницу, от семи до восьми часов вечера, я с удовольствием выслушаю то, что Вы желаете сообщить мне.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

271.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

[Лондон, 9 декабря 1884 г.]

Дорогой Каутский!

Само собою разумеется, что ты можешь дать своим корреспондентам адрес: 122, Regent's Park Road, пусть пользуются этим адресом сколько тебе угодно и как часто тебе это понадобится. Надеюсь, что это письмо застанет тебя еще в Вене; в спешке я не обратил внимания на твой запрос и в течение недели страдал от перерыва.

Не понимаю, почему вы не покончили с вопросом о «Речи [о свободе торговли]», ведь вам в таких делах легче разобраться, чем мне. Я напишу Дитцу, чтобы он сам это устроил.

Твой Ф. Э.

272.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 11 декабря 1884 г.

Дорогой Бебель!

С моим последним письмом дело обстояло так:

Среди вновь избранных я знал кое-кого, кто по своему образованию и темпераменту усилил бы *правое*, буржуазное крыло фракции. При той беспредельной лести, которую после наших побед стали вдруг расточать по нашему адресу все остальные партии, я не исключал возможности того, что эти господа могут попасться на удочку и окажутся готовыми сделать заявление вроде того, какое от нас потребовала «Kölnische Zeitung» в качестве условия для отмены исключительного закона, — ведь это заявление должно было бы быть лишь на волосок правее таких выступлений, смазывающих революционный характер партии, как, например, речь Гейзера в прениях об исключительном законе, которую Грилленбергер напечатал вместе с твоей речью. Господа либералы размякли, они довольствуются малым, они удовлетворились бы даже маленькими уступками с нашей стороны, и вот этих-то маленьких уступок

я и боялся, потому что они осрамили бы нас, чудовищно осрамили бы перед заграницей. Что ты их не станешь делать, я, разумеется, знал. Но ты, — следовательно, мы, — при голосовании мог бы оказаться в меньшинстве. Если бы в речах обнаружили хотя бы малейшие признаки раскола, — это нанесло бы огромный вред. Поэтому, и только поэтому, я счел своим долгом поддержать тебя на случай такого оборота и вооружить тебя несколькими деловыми аргументами, которые, быть может, не были в твоей памяти так свежи, как в моей. А чтобы ты мог, если бы счел это нужным, показать мое письмо, я опустил в нем все намеки на тех, кого оно в конечном счете имело в виду.

Что опасения мои оказались необоснованными, что сила движения увлекла за собой и буржуазные элементы партии и фракция оказалась на уровне своих избирателей, — это радует меня больше, чем кого бы то ни было. В самом деле, я нахожу, что Зингер, в воскресенье заглянувший ко мне и обещавший снова побывать в ближайшее воскресенье, совершенно изменился. Он начинает действительно верить (буквально) в то, что еще доживет до чего-то вроде социального преобразования. Хочу надеяться, что такие настроения прочны и что наши «образованные» устоят против искушения доказывать другим партиям, что они не людоеды.

Относительно наших пролетарских масс я никогда не заблуждался. Это уверенное в себе и в своей победе и именно поэтому бодрое и полное юмора движение вперед — великолепно и несравненно. Ни один пролетариат в Европе не перенес бы так блестяще испытание исключительного закона и после шестилетних гонений не ответил бы таким доказательством роста своей мощи и укрепления своей организации; ни один не смог бы добиться такой организованности, как германский, и притом без всякой напыщенной болтовни о конспирации. После того, как я увидел избирательные манифесты, выпущенные в Дармштадте и Ганновере, исчезли мои опасения и насчет того, что в новых местах (избирательных округах) могут понадобиться уступки. Если и в этих двух городах заговорили таким подлинно революционным и пролетарским языком, — значит дело выиграно.

У нас то огромное преимущество, что промышленная революция у нас в полном разгаре, тогда как во Франции и в Англии она в главных чертах уже завершена. Там разделение на город и деревню, на промышленные и сельскохозяйственные области, достигло уже такой степени, что оно подвергается лишь медленным изменениям. Там массы в большинстве случаев вырастают в тех условиях,

в каких им придется впоследствии жить; они к этим условиям привыкли и даже колебания и кризисы считают чем-то почти само собою разумеющимся. К тому же — воспоминания о прежних неудавшихся попытках движения. У нас, наоборот, все еще течет и движется. Остатки старого, рассчитанного на удовлетворение собственных потребностей промышленного производства крестьян, вытесняются капиталистической домашней промышленностью, а в других местах капиталистическая домашняя промышленность в свою очередь уступает место машинам. И именно природа нашей промышленности, ковыляющей позади других стран, делает особенно глубоким социальный переворот. Так как массовое производство предметов широкого потребления и предметов роскоши уже захвачено англичанами и французами, то на долю нашей экспортной промышленности остаются всякого рода пустяки и мелочь, которые, однако, тоже потребляются массами и производятся сперва домашней промышленностью и лишь затем, когда производство становится массовым, — при помощи машин. Благодаря этому домашняя (капиталистическая) промышленность захватывает гораздо более обширные области и тем основательнее расчищает почву. Если исключить прусские земли к востоку от Эльбы, т. е. Восточную Пруссию, Померанию, Познань и большую часть Бранденбурга, а также Старую Баварию, то останется мало областей, где крестьянин не втягивался бы все больше и больше в домашнюю промышленность. Промышленно революционизированная таким путем территория становится у нас поэтому обширнее, чем где бы то ни было.

Далее. Вследствие того, что рабочий домашней промышленности обычно обрабатывает свой клочок земли, возникает возможность больше, чем где бы то ни было, снижать его заработную плату. То, что прежде было счастьем для мелкого люда — сочетание земледелия с промышленной деятельностью, — становится теперь сильнейшим средством капиталистической эксплуатации. Грядка картофеля, корова, клочок пашни позволяют ему продавать свою рабочую силу ниже существующей цены; они *принуждают* его к этому, потому что приковывают рабочего к земле, которая в состоянии его прокормить лишь отчасти. Так наша промышленность приобретает способность экспортировать благодаря тому, что она сплошь и рядом дарит всю прибавочную стоимость покупателю, между тем как доход капиталиста образуется путем урезки нормальной заработной платы. Это в той или иной мере наблюдается во всякой сельской домашней промышленности, но нигде не выражено так резко, как у нас.

К тому же наш промышленный переворот, приведенный в движение революцией 1848 г. с ее буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), был в громадной степени ускорен благодаря 1) устранению внутренних препятствий в 1866—1870 гг. и 2) французским миллиардам, которым в конце концов пришлось дать капиталистическое применение. Таким образом, мы достигли промышленного переворота более радикального и глубокого, развернувшегося на большем пространстве и более всеобъемлющего, чем во всех других странах, и это при совершенно свежем и нетронутом, не деморализованном поражением пролетариате и, наконец, — благодаря Марксу — при таком понимании причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, каким не обладал никто из наших предшественников. Но вато мы и *обязаны* победить.

Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то я с тобою не согласен. Само собой разумеется, что в Германии она играет гораздо более второстепенную роль, чем в странах с более давним промышленным развитием. Но это не помешает ей в момент революции, в качестве крайней *буржуазной* партии, — как она уже и выступала во Франкфурте, — оказаться на известное время последним якорем спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент за ее спиной окажется вся реакционная масса и усилит ее: все, что было реакционным, наденет тогда демократическую маску. Так, в 1848 г., от марта до сентября, вся феодально-бюрократическая масса поддерживала либералов, чтобы подавить революционные массы, а затем, когда это будет сделано, выгнать, разумеется, вон и либералов. Так, в 1848 г., от мая до декабрьского избрания Бонапарта, во Франции господствовала самая слабая из всех партий, чисто республиканская партия «National», только благодаря тому, что за ее спиной спланивалась вся объединенная реакция. Так было при каждой революции: самая стоворчивая из партий, вообще способных еще образовать правительство, приходит к власти именно потому, что побежденные видят в ней последнюю возможность спасения. Мы не можем рассчитывать на то, что уже ко времени кризиса на нашей стороне окажется большинство избирателей, т. е. нации. Вся буржуазия и остатки феодального имущего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения сплотится тогда вокруг крайней буржуазной партии, которая будет на словах весьма революционна, и я считаю вполне возможным, что эта партия будет представлена во временном правительстве и даже на некоторое время образует в нем

большинство. Как при таких обстоятельствах, оказавшись в меньшинстве, *не следует* действовать, показало социал-демократическое меньшинство в парижском февральском правительстве 1848 г. Впрочем, это пока что вопрос академический.

Правда, в Германии события могут принять другой оборот — по причинам военного характера. При нынешнем положении толчок извне едва ли может быть дан откуда бы то ни было, кроме России. Если из России толчка не будет и он последует из Германии, то революция может начаться только в армии. Против современной армии невооруженный народ в военном отношении — ничтожная величина. Если бы выступили на сцену наши резервы в возрасте 20—25 лет, которые не голосуют, но зато обучаются фронтовой службе, — в таком случае можно было бы перескочить через чистую демократию. Но и этот вопрос в настоящее время тоже еще вопрос академический, хотя я, так сказать, в качестве представителя генерального штаба партии обязан иметь его в виду. Во всяком случае, наш единственный противник в день кризиса и на следующий за ним день — *объединенная реакция, группирующаяся вокруг чистой демократии*, и этого, я полагаю, не следует упускать из виду.

Если вы будете вносить законопроекты в рейхстаг, не забудьте про следующее. Государственные домены большей частью сдаются крупным арендаторам, и очень небольшая их часть продается крестьянам, parcels которых, однако, так малы, что новые крестьяне принуждены работать поденщиками в крупных хозяйствах. Следовало бы потребовать, чтобы *крупные нераздельные домены сдавались в аренду кооперативным товариществам сельскохозяйственных рабочих для совместной обработки*. У империи нет доменов, и поэтому найдется предлог отклонить такой законопроект. Но я думаю, что надо бросить этот факел в среду сельских поденщиков. Для этого можно использовать часто возникающие прения по вопросам государственного социализма. Так, и только так, мы сможем привлечь на свою сторону сельских рабочих; это — наилучший способ указать им, что впоследствии они будут призваны коллективно хозяйствовать в крупных имениях, ныне принадлежащих их милостивым господам. Приятелю Бисмарку, который требует от вас положительных предложений, на некоторое время этого хватит.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

273.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 29 декабря 1884 г.

Дорогой Эде!

От Каутского я узнал, что ты потерял не только сестру, но также и отца. Поверь, что я от всей души сочувствую тебе. Таковы тяжелые стороны изгнания, которые и мне пришлось испытать. Без отечества, как такового, обойтись легко, но...

Теперь о здешних событиях. В субботу благополучно распалась Социал-демократическая федерация. Пузырь лопнул несколько раньше, чем я ожидал, но рано или поздно это должно было случиться.

Гайндман, политический авантюрист, стремящийся сделать парламентскую карьеру, давно уже завладел всем этим движением. Когда год тому назад Бакс начал издавать «То-Дау», нехватало литературных сил, чтобы вести этот маленький ежемесячник, а о еженедельнике и думать было нечего. Но Гайндману непременно нужен был еженедельник, и вот, на деньги двух энтузиастов, Морриса и Карпентера, была основана «Justice». Редактировал ее Гайндман с помощью нескольких молодых литераторов, которые только и ждали случая примоститься к какому-либо платежеспособному движению (Фицджеральд и Чемпион), и некоего учителя Джойнса, которого выгнали из Итона за агитацию, проводимую им вместе с Генри Джорджем, и который поэтому стал социалистом поневоле. Этим людям платили, прямо или косвенно, а остальные вынуждены были сотрудничать даром (Гайндман богат, но бережлив). Все дела Федерации поступали к Гайндману, Фицджеральду и Чемпиону, которые представляли в комитет только то, что находили удобным, по своему усмотрению вели переписку от имени Федерации, — словом, Гайндман обращался с комитетом, как Бисмарк с рейхстагом. Посыпались жалобы; доходили они и до меня. Я отвечал: предоставьте его самому себе, это мелкая душонка, его не надолго хватит, он *не умеет ждать*. И вот он свернул себе шею раньше, чем я предполагал.

Моррис, который две недели тому назад был в Шотландии, обнаружил там такие интриги Гайндмана, что заявил, что не может больше работать с этим человеком. У него давно уже были подозрения. Встреча с А. Шей в Эдинбурге ускорила развязку. Гайндман обвинял А. Шей в том, что он анархист и динамитчик, а Шей не

только доказал Моррису обратное, но также и то, что Гайндману это известно. Такие же интриги затеял Гайндман и в Глазго, где секция получала от секретаря Фицджеральда письма с печатью Федерации, написанные не только без ведома комитета, но и в прямом противоречии с его решениями. Далее, Гайндман уверял многих, что таинственное письмо комитету, присланное из Парижа, — фальшивка, сфабрикованная г-жой Лафарг и Тусси с целью подставить ему ловушку; но самое письмо он от комитета скрыл. Наконец, кроме того, что он натравливал членов комитета друг на друга, доказано, что он выдумал провинциальную секцию, которой вовсе и не существовало.

Словом, в прошлый вторник дошло до развязки. Гайндмана атаковали со всех сторон. Сам Шей был тут же, с документами в руках, у Тусси оказалось письмо сестры по поводу мнимой фальшивки. Разразился скандал, и дело было отсрочено до субботы. Перед заседанием у меня были Моррис и Эвелинг, и я успел дать им кое-какие советы. В субботу произошли бурные прения. Приведенных фактов не могли отрицать ни сам Гайндман, ни его наспех сколоченная свита. Гайндману было вынесено порицание. После этого большинство вышло из Федерации. Мотивировка была следующая: 1) на каком-то съезде Гайндман сфабриковал себе с помощью своей вымышленной секции большинство, тогда как остальные не могли доказать (во всяком случае не могли этого сделать своевременно) фиктивность этой секции; 2) но главным образом *потому, что вся Федерация — сплошное мошенничество.*

Вышли из Федерации: Эвелинг, Бакс и Моррис — из литераторов единственные искренние люди, но все трое настолько непрактичные (два поэта и философ), что других таких днем с огнем не сыскать. Вместе с ними вышли лучшие из наиболее известных рабочих. Они хотят войти в лондонские секции и надеются завоевать себе там большинство, а Гайндману предоставить хозяйничать в его несуществующих провинциальных секциях. Их органом будет небольшой ежемесячный журналчик. Люди решили, наконец, действовать скромно, соответственно своим силам, а не так, точно весь английский пролетариат должен тотчас же подняться, как только несколько литераторов обратятся в социализм и затрубит сбор (все их силы в Лондоне состояли, по признанию Морриса, менее чем из 400 человек, а в провинции их не было и сотни). Тираж «Justice» — около 3 500 экземпляров.

Гайндман сохраняет в своих руках «Justice» и «To-Day», с ним остаются его спекулирующие литераторы Фитцджеральд,

Чемпион, Берроуз, Шоу и, вероятно, Скечли, который, как старый чартист, считает, повидимому, что выслужил право на пенсию. Кроме того, старые остатки демократических и социалистических сект. Куда присоединятся прочие остатки Федерации, пока неизвестно. Но так как Гайндман не получит больше денег на свои неоплачиваемые журналы ни от Морриса, ни от Карпентера, то ему придется либо платить самому, либо продать себя, свои журналы и остаток своей фракции христианским социалистам или же... лорду Рандольфу Черчиллю и торийской демократии. Ему придется поспешить с этим, если он хочет выставить свою кандидатуру на осенних перевыборах.

Я удовлетворен тем, что с самого начала раскусил все это мошенничество, правильно оценил всех этих людей и заранее предсказал исход дела, а также и то, что в конечном счете это мошенничество принесет больше вреда, чем пользы.

Твой Ф. Э.

274.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 30 декабря 1884 г.

Дорогой Бебель!

Отвечаю на твое письмо тотчас же.

Приятель Зингер усвоил, повидимому, из моих слов лишь то, что гармонировало с его взглядами, — в торговле, где это иногда выгодно, люди быстро научаются этому приему, но в политике, как и в науке, следует все же научиться воспринимать вещи объективно.

Во-первых, я сказал Зингеру, что еще далеко не обдумал это дело (лишь накануне, вечером, при чтении «Sozialdemokrat», у меня возникли эти соображения) и то, что я ему говорю, *отнюдь нельзя считать моим окончательным мнением.*

Но затем я сказал ему: *при известных обстоятельствах может, во всяком случае, оказаться допустимым* голосование за, т. е. в том случае, если бы правительство *обязалось* оказать и рабочим государственную помощь, которую оно теперь собирается оказать буржуазии, а именно, если бы оно согласилось на аренду земельных владений рабочими товариществами и т. д. Так как я знаю, что правительство на это не пойдет, то, другими словами, я указал тем, которые *хотели бы* голосовать за, каким образом они *могли бы*, соблюдая приличия и не насилая себя, голосовать против.

Кроме того, я сказал Зингеру, — это, повидимому, было для него новостью, — что в парламентской жизни можно порою оказаться в таком положении, когда приходится голосовать *против* чего-либо, хотя в душе и желаешь, чтобы большинство оказалось не на твоей стороне.

Но вот вчера я писал Либкнехту по другому поводу и воспользовался случаем, чтобы изложить ему свою уже гораздо более обдуманную и зрелую точку зрения. Во многих отношениях она почти буквально совпадает — при случае прочти это место — с тем, что ты пишешь, хотя письмо твое я получил лишь сегодня утром. Расходимся мы с тобой, коротко говоря, в следующем:

1) Вы — прежде всего экономическая партия. Вы или многие из вас в свое время невероятно хвастались превосходством партии, но стоило вам на деле столкнуться впервые с экономической проблемой — в прениях по поводу покровительственных пошлин, — и вы разбрелись в разные стороны. Если это будет повторяться с каждым экономическим вопросом, то для чего вообще существует фракция?

2) Принципиально надо было голосовать против. Это я достаточно ясно сказал Либкнехту. Но как быть, если большинство хочет голосовать за? Тогда единственный выход: заставить их оговорить свой вотум такими условиями, которые оправдали бы его, по крайней мере, в глазах Европы, так как иначе позор неминуем. Но условия эти таковы и могут быть только таковы, что правительство не сможет пойти на них, и, следовательно, большинство фракции, оговорив свой вотум этими условиями, будет лишено возможности голосовать за.

О возможности безоговорочного голосования за то, чтобы гроши рабочих были подарены буржуазии, я, разумеется, никогда и не помышлял. Но ведь не более допустимо было бы по этому случаю поставить вопрос о расколе фракции.

Во всех подобных вопросах, когда приходится считаться с мелкобуржуазными предрассудками избирателей, наилучший путь, по моему, следующий: заявить, что принципиально мы против, но раз вы требуете от нас положительных предложений и утверждаете, что и рабочие извлекут из этого пользу, — а мы это отрицаем, поскольку речь идет менее чем о микроскопической выгоде, — тогда извольте поставить рабочих и буржуа на равную ногу. За каждый миллион, который вы прямо или косвенно дарите буржуазии из рабочей мощны, рабочие тоже должны получить миллион; то же самое при государственном авансировании. В итоге получается следующее (я привожу только примеры и не касаюсь той формы, какую

следовало бы придать этим предложениям в германских условиях, так как для этого я слишком мало знаком с подробностями действующего законодательства):

1) Голосовать за субсидии и авансы рабочим товариществам не с тем и не столько с тем, чтобы учреждать новые предприятия (это означало бы повторить лассалевское предложение со всеми его недостатками), а с тем, чтобы:

а) арендовать домены, а также и другие земельные владения и обрабатывать их на кооперативных началах;

б) приобретать за свой счет или за счет государства фабрики и т. д., владельцы которых во время кризиса или вследствие банкротства приостановили производство, или фабрики, просто предназначенные к продаже, и вести их на кооперативных началах, подготавливая таким образом постепенный переход всего производства на кооперативные рельсы.

2) Оказывать кооперативам при прочих равных условиях предпочтение перед капиталистами и их ассоциациями на всех публичных торгах, — следовательно, в принципе, передавать по возможности все общественные работы в руки кооперативов.

3) Устранять все законодательные препятствия и затруднения, стоящие еще на пути свободных товариществ, — следовательно, прежде всего вернуть рабочий класс под защиту общих законов, как бы жалки они ни были, путем отмены закона против социалистов, разрушающего все профессиональные союзы и кооперативные товарищества.

4) Полная свобода для профессиональных союзов (трад-юнионов) и признание их в качестве *юридических лиц* со всеми правами последних.

Требую этого, вы требуете лишь того, чтобы с интересами рабочих и буржуа считались в одинаковой мере; и если субсидии капиталистам якобы призваны поднять промышленность, то ведь субсидии рабочим дадут в этом отношении гораздо больше. Я абсолютно не понимаю, как социал-демократическая фракция могла бы голосовать за нечто подобное *без* такого возмещения. Если вы бросите в народ такого рода требования, то скоро и среди избирателей прекратятся настойчивые вопли о государственной помощи промышленности в виде подарков буржуазии. Все это такие вещи, которые в один день можно повернуть в другую сторону и в течение года пустить в ход, — и тогда поперек пути будут стоять только буржуазия и правительство. Это все-таки для нашего времени — крупные мероприятия, которые увлекут рабочих совсем по-иному,

нежели субсидии парходным обществам, покровительственные пошлины и т. п. Французы по существу требуют того же самого.

Но тут еще одно обстоятельство, которое выяснилось только теперь: вполне возможно, что исход голосования будет зависеть от социал-демократов. Что за невероятный позор перед всем светом, если буржуазия получит дотацию *благодаря вашим голосам!* Я, по совести говоря, не знаю, что мне тогда сказать французам и здешней публике. А какой триумф это вызовет у анархистов, которые будут ликовать: вот полюбуйте, это чистейшие обыватели!

Об остальном поговорю в следующий раз. Мне очень важно, чтобы в данном вопросе ты ни на минуту не сомневался в моей точке зрения. Надеюсь, что перемена в твоих делах прежде всего благоприятно отзывается на твоём здоровье.

Сердечно поздравляю тебя и твою семью с Новым годом.

Твой Ф. Э.

Что денег нехватит, — ясно, как день. Я сказал также Зингеру, что тот, кто в данном случае голосует *за*, должен, оставаясь последовательным, голосовать и за колонии. Что касается денег в этой связи, смотри мое письмо Либкнехту.

275.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 31 декабря 1884 г.

Дорогой Зорге!

Надеюсь, тебе теперь лучше. Я тоже поправился; хотя я и не совсем еще стал таким, как прежде, но все-таки уже близок к тому.

«Капитал», книга II (около 600 печатных страниц), пойдет в январе в печать. Примерно через десять дней будет закончено редактирование, останется еще только просмотреть окончательный текст. Поработать пришлось не мало — было два варианта всей работы и шесть вариантов отдельных частей.

После того, как я управлюсь с некоторыми другими неотложными работами, наступит очередь III книги; она — в двух редакциях, кроме того есть тетрадь с уравнениями, — тоже будет страниц 600—700.

И наконец, книга IV, «Теории прибавочной стоимости», из самой старой рукописи 1859—1861 гг. Что она собой представляет — пока еще сказать трудно. Взяться за нее можно будет лишь после того, как будет готово все остальное. Это — около 1 000 густо испи- санных четвертушек.

Мою «Крестьянскую войну» я перерабатываю совершенно за- ново. Крестьянская война будет представлена как краеугольный камень всей немецкой истории. С этим тоже предстоит не мало ра- боты. Но предварительное изучение почти закончено.

Английский перевод «Капитала» движется понемногу. Го- тово больше половины. Муж Гусси, Эвелинг, помогает, но он ра- ботает не так основательно, как Сэмюэль Мур, который выполняет основную работу.

У Шорлеммера, в связи с тем, что он был заподозрен в распро- странении «Sozialdemokrat», летом был произведен домашний обыск в Дармштадте. Вызванный этим большой скандал среди филистеров доставил нам на выборах около 500 голосов.

В субботу здесь лопнула Демократическая федерация. За- владевший ею авантюрист Гайндман был ивобличен в натравлива- нии членов организации друг на друга, в утаивании корреспонден- ции, направленной Совету Федерации, и в создании фиктивных сек- ций организации в провинции с целью протаскивать своих сторон- ников на конференции и съезды. Ему был выражен вотум недоверия; большинство же вышло из организации, главным образом на том основании, что вся она — сплошное *мошенничество*. И это верно, у них нет и 400 платящих взносов членов, а их читатели — сенти- ментальные буржуа. Выступившие из Федерации хотят теперь учре- дить новую организацию (Моррис, Бакс, Эвелинг и др.), оставив Гайндману и К^о (Фицджеральд, Чемпион, Берроуз и т. д.) «Justice» и «To-Day», а сами, убедившись, наконец, в том, что сил у них мало, начнут с маленького ежемесячника. Так как финансировавшие Федерацию капиталисты тоже ушли из организации (они лучше других замечали, как эксплуатировал их Гайндман), то Гайндману придется самому оплачивать свои некупающие себя газеты или же продать всю партию, поскольку она последует за ним (что видно будет через неделю) тому, кто больше заплатит. А так как он стре- мится в ближайшие выборы попасть в парламент, то ему придется поторопиться.

У наших немецких депутатов имеются всякого рода мелко- буржуазные предрассудки, — например, большинство хочет «в ин- тересах промышленности» голосовать за субсидию пароходным

обществам. Мне приходится вести из-за этого порядочную переписку. К счастью, там Бебель, который всегда правильно схватывает суть дела, и я поэтому надеюсь, что мы в конце концов не осрадимся. С тех пор, как я веду «официальную» переписку с Бебелем, а не с Либкнехтом, все идет не только гладко, но и приносит некоторую пользу делу, и мое мнение доходит до наших товарищей в неискаженном виде. Бебель — прекрасный парень, надеюсь, что он не надорвет своего слабого здоровья.

Ну, поздравляю с Новым годом и желаю быть здоровым.

Кланяйся Адольфу.

Твой Ф. Э.

Благодарю за «*Volkszeitung*» с мудрым мужем и его сомнениями относительно уничтожения государства. Если бы я стал давать ответы на все такие сомнения, то мне просто пришлось бы отложить в сторону все другие работы.

Кстати, «*Volkszeitung*» перестал высылать мне еженедельник. Если там будет что-нибудь интересное, то ты обяжешь меня, если пришлешь его при случае.

1885 год.

276.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 1 января 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

Ваше письмо от 10-го числа, а также и рукопись г-жи Келли-Вишневецкой получил. Я известил ее об этом и о том, что надеюсь на будущей неделе уже приступить к редактированию.

«Положение рабочего класса» еще не удалось вполне выволить от Виганда. Около 10 лет тому назад адвокат Фрейтаг был того мнения, что старый договор, предусматривающий второе издание, еще не утратил своей силы. С тех пор я неоднократно запрашивал Фрейтага, каково с точки зрения саксонского права мое положение по отношению к Виганду, но ни разу не получил ответа. А пока это не выяснится, я не знаю, какие шаги мне предпринять. Я сообщил об этом и Дитцу, но он мне ничего не ответил; он говорил о новом издании, но ничего определенного я так и не знаю.

Однако новое издание мне необходимо было бы снабдить разного рода примечаниями, а для этого опять потребуются всевозможные справки, а местами и изучение вопроса. В данный момент я не могу взять это на себя, так как дела у меня более чем достаточно. Заняться этим я мог бы только в середине этого года, так что, я полагаю, лучше всего отложить вопрос до того времени.

Эде говорил мне, что следовало бы переиздать моего «Анти-Дюринга»; по зрелом размышлении я решил печатать его *без изменений*. Это мой долг по отношению к противнику. Я напишу лишь новое предисловие и сделаю к некоторым главам добавления, которые можно будет приложить в конце книги. И новое предисловие. Для этого у меня время найдется. Так что, если Вы хотите дать работу типографии, то я предложил бы Вам начать с этого. К тому же с этой вещью особенно спешить не приходится, так что печатание ее можно организовать так, как будет удобнее.

В январе я рассчитываю закончить II книгу «Капитала» Маркса и тотчас же примусь за переработку «Крестьянской войны». Это отнимет у меня добрых шесть недель. Но работу эту необходимо закончить, чтобы можно было взяться за III книгу «Капитала». Этим я занимаюсь главным образом днем, а вечера у меня будут отчасти свободны; тогда я смогу приняться за «Положение рабочего класса», если только просмотр различных переводов, корректур и т. п. оставит мне время для этого.

Обсудите там, пожалуйста, этот вопрос и сообщите мне о своем решении. Я тогда охотно сделаю все, что могу, чтобы пойти Вам навстречу.

Шлю всей колонии сердечный привет и поздравляю вас всех с Новым годом.

Ваш Ф. Энгельс.

277.

Энгельс — К. Каутскому

в Вену.

Лондон, 13 января 1885 г.

Дорогой Каутский!

Надеюсь, что это письмо еще застанет тебя в Вене. Только на днях получил первый выпуск «Neue Zeit». Не можешь ли достать мне еще два-три экземпляра? Я обещал Рудольфу Мейеру свою критику Родбертуса, но мне неудобно послать ему экземпляр, не преподнеся в то же время по экземпляру г-же Лафарг и Тусси, а бедный консервативный социал-путаник сидит, как на углях.

Я просил бы тебя также прислать несколько экземпляров «Нисщеты философии» для них же. Она тоже объявлена уже «вышедшей в свет». Гросс, повидимому, остолоп, но приличный. Против биографии не могу ничего возразить, но если ты хочешь опровергнуть его теоретическую путаницу, то я тебе не завидую.

Передай Франкелю сердечный привет. Ты мне устно расскажешь, чем он, собственно говоря, занимается.

Новогодняя открытка от него и компании меня очень порадовала.

Обо всем остальном — когда приедешь!

Твой Ф. Э.

Редактирования □¹ ты не выдержал бы и в течение двух недель. Будет лучше, если ты приедешь сюда, не нажив себе еще одного личного врага во фракции.

¹ Фирекка.

278.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 13 января 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

Печатание «Анти-Дюринга» начинайте при первом удобном случае. Возражений этого простофили я не читал и читать не стану. Отвечать он не может, а в нелепых речах пусть изливается сколько ему угодно.

Я давно уже тщетно пытаюсь достать «*Revue der [Neuen] Rheinischen Zeitung*» — у меня есть только 3-й, 5-й и 6-й выпуски; 1-го, 2-го, 4-го нехватает. Там едва ли найдутся статьи, которые можно было бы перепечатать. В выпусках 1—4 помещена марксова история французской революции от 1848 до 1850 г. (это резюмировано в «18 брюмера») и мое описание рейнских и баденско-пфальцских майских дней 1849 г. Затем (в 5-м и 6-м выпусках) «Крестьянская война» и мелкие критические статьи, а также обзор текущих событий. Относительно права на труд кое-что, пожалуй, есть в 1-м выпуске, но очень мало; Маркс мало уделял внимания пустым фразам.

Очень хорошо, что Вы от своего имени запросите Виганда относительно нового издания «Положения [рабочего класса]», но это едва ли нам что-нибудь даст. Мне нужно знать, каковы, согласно закону, мои обязанности по отношению к нему, и я еще раз вопрошу об этом Фрейтага. Имейте в виду: я рассчитываю на то, что если дело пойдет на лад, Вы договоритесь по этому поводу с Дитцем, так как ему, собственно говоря, принадлежит первенство и он мог бы претендовать на преимущественное право издания.

Привет Эде.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

279.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 17 января 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

Относительно «Анти-Дюринга» дополнительно замечу еще следующее: 1) за старым предисловием последует предисловие ко 2-му изданию, но его я сейчас не могу еще как следует сделать; поэтому

начните, как обычно, с самой статьи, а предисловие и заглавный лист оставьте напоследок; 2) дополнения пойдут в виде приложения.

Из Бонна мне сообщают, что «Происхождение семьи и т. д.» нельзя достать в продаже; книготорговцы говорят, что издатель сообщил им из Швейцарии, будто книга *запрещена*, и друзья бомбардируют меня со всех сторон запросами, где можно достать книгу. Но, насколько мне известно, *официального* запрещения не было, а *тайное* запрещение — бессмыслица; допустить же, что слухи о запрещении распространяются из Цюриха, — еще более бессмысленно. Так что вся эта история остается для меня загадочной. Неужели правительство, не желая ставить себя в смешное положение официальным запрещением, уговорило лейпцигских комиссионеров Шабелица распускать подобные слухи, чтобы этим помешать распространению книги? Пожалуйста, наведите там справки и сообщите мне о результатах. А я постараюсь разузнать, не применяется ли подобная тактика и в других местах.

Как поживает Эде? О нем ни слуху, ни духу.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

280.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 4 февраля 1885 г.

Дорогой Либкнехт!

Итак, ты все-таки прислал ко мне этого литератора; надеюсь, что это последний в таком роде. Ты сам теперь, вероятно, видишь, как эти бессовестные мальчишки тобой злоупотребляют. Он решительно неисправим, как и его друг Кварк, — оба они Quarck¹, — и если они примкнут к вам и вы их примете, то я отойду подальше. Неужто ты так-таки никогда не поймешь, что эта полуобразованная литературная сволочь может только исказить и изгадить партию? Ты уверял, что и Фирекк никогда не попадет в рейхстаг! Мелкобуржуазный элемент в партии все более и более берет верх. Имя Маркса, по возможности, замалчивается. Если так будет продолжаться — в партии произойдет раскол, можешь быть в этом уверен. Ты все сводишь к тому, что господа обыватели задеты за живое. Но бывают моменты, когда это необходимо; без этого они чересчур нагледят.

¹ Дрянь.

Неужто главе о немецком или истинном социализме суждено через 40 лет снова стать злободневной?

В общем я чувствую себя хорошо, но у меня адски много дела и нет возможности писать длинные письма.

Твой Ф. Э.

281.

Энгельс — Ф. Келли-Випшневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 4 февраля 1885 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

Надеюсь, что Вы получили мое письмо, написанное приблизительно около Нового года.

Теперь я отправляю Вам *заказным* рукопись, которую Вы мне прислали, и сожалею лишь о том, что спешная работа помешала мне вернуть ее раньше. Я тщательно просмотрел ее и набросал карандашом некоторые исправления и предложения, чтобы показать Вам, как я считал бы нужным перевести данное место. Кое-где Вы, может быть, найдете, что те или иные из предлагаемых мною оборотов нехорошо звучат по-английски в общем контексте фразы; в таких случаях я предоставляю Вам самой исправить их.

Что касается технических терминов, то если Вы будете так добры присылать мне время от времени список их с указанием страниц, на которых они встречаются, я охотно сообщу Вам соответствующие английские термины.

Немецкое предисловие (так же, как и английское посвящение) я на Вашем месте совершенно опустил бы. *В настоящее время* они не представляют интереса. Первая часть предисловия относится к такой стадии интеллектуального развития в Германии и в других странах, которая ныне уже почти позабыта, а вторая часть в наше время излишня.

Что касается перевода других моих работ, то Вы поймете, конечно, что я не могу сейчас связывать себя какими-либо определенными обещаниями. Здесь есть люди, желающие перевести некоторые из них, и условно, т. е. на тот случай, если они найдут издателя и действительно возьмутся за работу, я дал им свое согласие.

Английское предисловие напишу, когда дело немножко подвинется вперед.

Пока остаюсь сердечно преданный Вам

Ф. Энгельс.

282.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 10 февраля 1885 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивая государыня!

При сем возвращаю Вам письмо г. Путнама. Было бы, конечно, прекрасно, если бы нам удалось выпустить книгу в этом издательстве, но боюсь, что г. Путнам будет настаивать на своих возражениях, всю серьезность которых — с точки зрения издателя — я вполне признаю. Быть может, то обстоятельство, что в настоящее время подготавливается новое немецкое издание моей книги, несколько поколеблет его. Мои друзья в Германии говорят, что эта книга особенно важна для них именно теперь, потому что в ней описывается ситуация, которая почти в точности повторяется в настоящий момент в Германии; а так как развитие фабричной промышленности, применение силы пара и машин и их социальное последствие — образование пролетариата — в настоящее время в Америке в высшей степени сходны с положением, которое было в Англии в 1844 г. (хотя ваши смельчаки уверены, что в ближайшие 15—20 лет они оставят Старый свет далеко позади), то сравнение промышленной Англии 1844 г. с промышленной Америкой 1885 г. также может представить известный интерес.

В новом предисловии к английскому переводу я, конечно, расскажу, насколько это позволят размеры предисловия, об изменениях, происшедших с тех пор в условиях жизни английского рабочего класса, об улучшившемся положении более или менее привилегированного меньшинства, о несколько не уменьшившейся нужде среди основной массы рабочих и особенно о надвигающемся ухудшении, которое неизбежно должно последовать за падением промышленной монополии Англии в результате возрастающей конкуренции на мировых рынках со стороны континентальной Европы и в особенности Америки.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

283.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 11 февраля 1885 г.

Милостивый государь!

Охотно буду посылать Вам корректурные листы II тома, как только Вы сообщите мне, каким образом их отправлять — бандеролью (как печатные произведения) или в закрытом конверте, в виде письма. Дело в том, что если какой-нибудь лист будет утерян, его невозможно будет возместить до окончания печатания всего тома. Я полагаю, что к тому времени, когда получится Ваш ответ, у меня будет для Вас два или три листа.

Очень благодарен за предложение, которое Вы сделали мне недавно, о том, чтобы предоставить в мое распоряжение имеющиеся у Вас письма г. Вильямса. В настоящее время рукописи поглощают все мое время и внимание, но, без сомнения, наступит момент, когда я воспользуюсь Вашим любезным предложением.

Имеете ли Вы какие-нибудь известия от нашего общего друга¹ после той неприятности, которая с ним недавно случилась?

Будьте любезны в дальнейшем писать мне по адресу, указанному в конце письма.

Преданный Вам

Ф. Рошер.

Г-же Рошер.

6, Richmond Villas, Messina Avenue,
West Hampstead, N. W., Лондон.

284.

Энгельс — П. Л. Лаврову
в Париж.

Лондон, 12 февраля 1885 г.

Дорогой Лавров!

Спешу ответить на Ваши вопросы. Данные о «Neue Rheinische Zeitung, (Revue)» под редакцией Карла Маркса, Гамбург и Лондон, 1850 г., совершенно правильны. Вышли выпуски I—VI. Издателем был Шуберт в Гамбурге. Вы сами несколько месяцев тому назад просили меня дать Вам сведения относительно статей Маркса,

¹ Г. Донатина.

напечатанных в этом журнале, — о февральской революции и последовавших за ней событиях. У меня есть всего только три выпуска, и я тщетно старался раздобыть полный комплект. Остальные факты, указанные Гроссом, насколько мне помнится, тоже правильны (мой экземпляр у Тусси, так что я не мог их проверить). Я, конечно, не имею никакого отношения к его тупоумной критике теории Маркса. Его рекомендовали мне венские социалисты; он задал мне несколько вопросов биографического характера, и я сообщил ему необходимые факты.

В немецком переводе «Нищеты [философии]» мне принадлежит только несколько пояснительных примечаний, но там есть, кроме того, статья Маркса о Прудоне от 1865 г. и его речь от 1847 г. о свободе торговли.

Второй том «Капитала» печатается; вчера я правил четвертый лист. Последнюю часть рукописи отправляю через две недели. Самым важным будет третий том; я примусь за него, как только управлюсь со вторым. Английское издание подвигается вяло, так как у обоих переводчиков так много другой работы, что они не могут взяться как следует за дело. К лету, надеюсь, оно будет закончено.

Мне уже говорили, что у Вас болят глаза. Не лучше ли Вам было бы прервать на время занятия, чтобы не слишком утомлять зрение? Я нахожу, что в нашем возрасте лучше бороться с симптомами болезни в самом начале. Жду от Вас в недалеком будущем более утешительных известий.

В предисловии ко второму тому «Капитала» я возвращаюсь к Родбертусу, чтобы доказать, что его заявления по поводу Маркса основаны на совершенно неслыханном невежестве в области классической политической экономии.

Ваш Ф. Энгельс
(Федор Федорыч)¹.

285.

Энгельс — Г. Шлютеру
в Цюрих.

Лондон, 22 февраля 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

Жду с нетерпением корректуру «Анти-Дюринга».

Дело с Вигандом обстоит следующим образом. Еще в 1875 или 1876 г. в Лейпциге было установлено, что не осталось ни одного

¹ Написано Энгельсом по-русски.

экземпляра «Положения [рабочего класса]». Мне прислали фактуру с пометкой: «последние экземпляры». Но не мешает, чтобы это еще раз было подтверждено также и другой стороной. Я получил, наконец, юридическое заключение, из которого следует, что дело далеко не так просто, как это кажется на первый взгляд. Теперь, когда положение дела ясно, я предприму дальнейшие шаги и, как только получу положительный ответ от Виганда, немедленно Вам сообщу.

Шабелица я знал еще до 1848 г., когда он находился здесь, в Лондоне, и был в коммунистическом союзе. Если Вы увидите его, передайте ему, пожалуйста, от меня самый сердечный привет. Ваши разъяснения по поводу мнимого «запрещения» были для меня очень ценны. Это весьма характерно для немецких книготорговцев. Здесь, конечно, ничего нельзя поделаться, пока не найдется комиссионер, обладающий достаточной смелостью. Но широкие слои буржуазной публики не покупают наших книг, и такая смелость не особенно хорошо оплачивается. Пока запрещенные книги были только радикальными или либеральными и пока еще — до 1848 г. — коммунизм был таким предметом, с которым буржуа даже кокетничали, — дело обстояло иначе.

Последняя часть рукописи II книги «Капитала» будет завтра отослана, а послезавтра я принимаюсь за III книгу. Пока это еще лежит на моей совести, я не могу серьезно думать ни о чем другом.

Передайте, пожалуйста, Эде, что я напишу ему, как только улучу свободную минуту.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

286.

Энгельс — Р. Штегеману

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 26 марта 1885 г.

Многоуважаемый г. Штегеман!

Вряд ли я сумею удовлетворить Вашу просьбу. На основании всей, не только литературной, но и политической, деятельности Маркса Вы безусловно можете составить себе довольно ясное представление о нем, как о человеке; плоды его деятельности доступны теперь всему миру, за исключением одних только немцев,

так как соответствующие материалы печатались преимущественно за границей. С другой стороны, моя характеристика неизбежно была бы краткой и поэтому не только недостаточной, но и до некоторой степени голословной, да к тому же и «беллетристической», что гораздо хуже, чем если ее совсем не давать. К тому же я не могу требовать от Вас, чтобы Вы верили моей оценке на-слово, так что, в конце концов, не знаю, что дало бы мое писание, даже при самом добросовестном отношении с Вашей стороны. Но если Вы будете исходить из той предпосылки, что Маркс всюду и во всем был прямой противоположностью немецкого филистера, то больших ошибок у Вас не будет.

Подходит ли для критики Маркса именно настоящий момент, когда в ближайшие месяцы должна выйти II книга «Капитала», а III находится в работе, — решайте сами. Во всяком случае, Вы правы в том, что критика и так называемая «наука» обнаружили до сих пор только «всеобщую неспособность что-либо понять», и больше всех это забавляло самого Маркса. Никогда не забуду, как он смеялся над жалобами г. Шефле на то, что он вот уже десять лет как изучает «Капитал» и все еще его не понял.

287.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру
в Женеву.

Лондон, 2 апреля 1885 г.

Старый дружище!

Чтобы ты не подумал, что я тебя забыл, перевел тебе по почте 5 фунтов и надеюсь, что ты их тотчас же получишь. Чувствую себя довольно сносно; правда, к военной службе пока еще не годен и едва ли смогу когда-нибудь снова сесть на коня, но для мирной работы я еще хорош. Второй том «Капитала» на две трети отпечатан и появится месяца через два. Над третьим работа идет во-всю. Этот третий том, содержащий конечные выводы, и притом в высшей степени блестящие, произведет окончательный переворот во всей экономической науке и наделает страшно много шума.

А в политике снова начинается некоторое оживление. Падение Ферри послужило началом; теперь очередь за Гладстоном, а как только окачурится осел Вильгельм, придет час Бисмарка. Для нас будет наиболее благоприятным, если в момент революции у власти повсюду окажутся самые радикальные элементы буржуазии:

Клемансо во Франции, Дилк и Чемберлен здесь и Рихтер в Германии. Тогда бы они уже заранее сами доказали свою несостоятельность, и революция была бы направлена против них, а не в их пользу. Так оно, вероятно, и будет, если в Париже не начнут действовать с чрезмерной поспешностью.

Как это было совершенно неизбежно при законе против социалистов, от нас прошло в рейхстаг порядочное количество заправских филистеров, которые уже дают себя чувствовать, так как они составляют большинство фракции. Теперь надо выждать и посмотреть, как далеко они зайдут; их еще можно некоторое время терпеть, если они тащатся на буксире, но в руководстве — никоим образом. Они знают, что массы не идут за ними, но знают также и то, что у масс в настоящий момент совершенно связаны руки. Ясно одно: если они одержат верх, то я пойду с ними только до известного предела, а там — будьте здоровы, господа! К сожалению, из-за перегруженности работой я не могу выступать так, как мне бы хотелось, но, может быть, и полезно предоставить этим господам некоторую свободу действия. История с субсидией пароходным компаниям сошла еще довольно гладко, после того как отдельные лица здорово оскандалились. Теперь они покушаются на цюрихский «Sozialdemokrat». Тут уж дело будет посерьезнее. Достаточно, что мы позволяем этим господам поворить нас в рейхстаге, но перед всей Европой — это уж чересчур. Если бы Бебель был здоров, то все это не имело бы большого значения, но он изнервничался, переутомлен и к тому же вынужден усиленно работать на свою семью.

Все это войдет в колею, когда старик Вильгельм отправится на тот свет. Кронпринц — слабый, нерешительный человек, специально созданный для того, чтобы сложить свою голову на плахе. Жена его честолюбива, у нее имеется своя клика; короче говоря, произойдут всякого рода изменения, которые взбудоражат старый порядок, собьют с толку чиновников и лишат их уверенности, и буржуазия окажется, наконец, вынужденной вытряхнуть кое-что из старого хлама и взять на себя ту политическую роль, выполнять которую является ее прямым долгом. Пусть только снова начнется оживление во внутренней политической жизни, — больше нам ничего не надо. Но паршивая буржуазия настолько опустилась, что то, что она, как класс, должна была делать добровольно, в своих же собственных интересах, она делает только будучи вынуждена, когда ее принуждают к этому деловые обстоятельства. Однако пока жив старый осел, ничто не заставляет ее шевелиться; вот почему я с нетерпением ожидаю, когда он протянет ноги, причем он

должен умереть естественной смертью, чтобы его преемник мог свободно выбрать — с какой глупости ему начинать. Этим благочестивым пожеланием я закончу письмо, так как скоро отправляется почта. Боркгейму зимой было немного хуже, но сейчас ему опять лучше, т. е. он находится в своем обычном состоянии.

Братский привет от твоего старого
Ф. Э.

288.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 4 апреля 1885 г.

Дорогой Бебель!

Так как ты теперь дома, то я хочу использовать этот момент — я тоже устроил себе маленькие каникулы — и подать о себе весть.

Итак, господа из фракционного большинства, судя по их заявлению в сегодняшнем «Sozialdemokrat», все же хотят конституироваться как «власть». Попытка сама по себе слабая, в сущности они сами выставляют на показ свою собственную несостоятельность: нас, мол, раздражает позиция газеты, она противоречит нашей, мы вынуждены нести ответственность за взгляды, противоположные нашим и, тем не менее, мы не знаем, как помочь горю, сжальтесь над нами! Но в то же время это первый шаг с их стороны к тому, чтобы мелкобуржуазные элементы утвердились в партии в качестве господствующих, официальных, а пролетарские элементы были оттеснены на положение только терпимых. Как далеко они рискнут пойти по этому пути, покажет будущее. Если они захватят «Sozialdemokrat», то я впредь не смогу так безоговорочно, как до сих пор, защищать партию за границей против всех и вся. А их ревизионная комиссия обнаруживает, видимо, некоторое желание захватить газету. Впрочем, их раздражение в первую очередь объясняется, повидимому, тем, что их, в конце концов, заставили голосовать против парходного проекта, к которому они тяготели всей душой.

Вообще же дела на свете идут отлично. 1885 г. начался превосходно. Во Франции — падение Ферри, провал руководимой биржевыми спекулянтами колониальной политики, предстоят перевыборы на основе нового избирательного закона.

К тому же в Париже царит доведенное до крайности возбуждение, спровоцированное алчностью и бездарностью господствующей буржуазии и гнусностью полиции (которой разрешается все, любая

подлость, лишь бы она держала в узде массы), — возбуждение, которое, надо надеяться, не дорастет до путча. Если все будет протекать спокойно, то в непродолжительном времени к власти должен прийти радикализм, т. е. Клемансо. Если он придет к власти не в результате путча, а мирным путем и будет, таким образом, принужден исполнить свои обещания и применить на практике свое радикальное лекарство, то парижские рабочие немедленно излечатся от своей веры в радикализм. К тому же предстоят еще и перевыборы на основе нового избирательного закона, а это снова оживит борьбу.

В Англии точно так же — перевыборы на основе нового избирательного закона и министерство, совершенно отжившее свой век. А в Германии ждут со дня на день смены монарха, которая в такой глубоко погрязшей в традициях стране, как Пруссия-Германия, всегда знаменует начало нового этапа движения. Словом, жизнь начинает бурлить повсюду, и притом на экономической основе всеобщего, неисцелимого перепроизводства, которое, постепенно обостряясь, ведет к резкому краху.

Только что пришел Каутский с длинным письмом от Эде о его конфликте с фракцией. Я сказал Каутскому, что, по-моему, Эде обязан предоставлять партийным массам возможность высказываться в газете, чему фракция не имеет права препятствовать. Если он станет на эту точку зрения, то фракция не сможет его ни в чем упрекнуть. Во-вторых, ему не следует доводить до того, чтобы фракция заставила его поставить вопрос о доверии: ведь они как раз и хотят от него отделаться, и этим он сделал бы им наибольшее одолжение. В-третьих, он не должен брать на себя ответственности за чужие статьи, не получив права называть их авторов. Ты знаешь, кого я имею в виду и кто написал большую часть статей об истории с пароходными субсидиями, которые привели в такую ярость большинство и за которые, видимо, решил отвечать Эде. Борьбу с мелкобуржуазной фракцией ему ведь приходится вести давно; теперь эта борьба только приняла другую форму, но суть дела — та же. Я согласен с тобой, что эти господа не станут доводить дело до крайности, как бы им ни хотелось использовать позицию, обеспеченную для них исключительным законом, когда избиратели лишены возможности официально и аутентично высказаться против них и по поводу них.

Все обошлось бы, по-моему, гораздо более гладко, если бы «Sozialdemokrat» перестал носить тот *официальный* характер, который ему навязали. В свое время это было очень хорошо, но теперь это ни к чему. Нужно ли это изменить и как, — тебе виднее

Из второй книги «Капитала» отпечатано 25 листов (из 38). Третья книга — в работе. Она превосходна, блестяща. Это поистине неслыханная ломка старой экономической науки. Лишь теперь наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы получаем возможность победоносно бороться с любым врагом. Как только книга появится, обывательщина в партии тоже получит снова такой удар, о котором долго будет помнить, потому что с появлением книги в дискуссии снова выступят на первый план основные экономические вопросы.

Почта отправляется. Если я не пошлю письма тотчас же, то оно не уйдет до понедельника и, быть может, уже не застанет тебя дома. Итак, сердечный привет, будь здоров, береги себя, — нам нужен не просто Бебель, а здоровый и сильный Бебель.

Твой Ф. Э.

289.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон,] 16 апреля 1885 г.

Дорогой Каутский!

У Ленхен небольшой бронхит, и доктор уложил ее в постель, так что обычная наша воскресная трапеза, увы, не может состояться.

Надеюсь, что твоя жена избавилась, наконец, от головной боли. Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

290.

Энгельс — Н. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше любезное письмо от 9/21 прошлого месяца и премного обязан Вам за очень интересные сведения, которые в нем содержатся. Действительно, чрезвычайно интересно, что закон обратной пропорциональности заработной платы и продолжительности рабочего дня подтверждается также и в России. Столь же интересно

и быстрое разложение *мира*¹ в процессе развития современной промышленности и финансов, о чем свидетельствует все возрастающее количество *бесхозяйственных хозяев*¹. Такого рода факты имеют для меня огромное значение, и я буду Вам очень признателен, если Вы будете сообщать мне время от времени известные Вам данные об экономическом положении и развитии вашей великой страны. К сожалению, в настоящее время я всецело поглощен опубликованием рукописей [Маркса], до такой степени, что я принужден прервать не только всякую побочную работу, но даже и мои научные занятия и с трудом нахожу время для переписки; так что, как видите, теперь я не могу воспользоваться Вашим любезным предложением посылать мне оригинальные русские работы по экономическим вопросам, у меня положительно не было бы времени пользоваться ими. Надеюсь, однако, что Вы не посетуете на меня, если я впоследствии, при первой возможности, позволю себе напомнить Вам о Вашем любезном обещании. А сейчас эти неопценимые рукописи служат для меня источником высшего научного наслаждения; без сомнения и Вы испытаете то же чувство при чтении корректурных листов. Я отправил Вам листы 5—9 около трех недель тому назад — 27 марта, а вчера — листы 10—14. Скоро пошлю Вам еще партию, тоже *заказным*. Весь II том займет около 39 листов и выйдет к концу мая. Я занят теперь III томом, представляющим собою заключительную и завершающую часть всей работы; он затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который положительно никто не в состоянии прочесть, кроме меня, и не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан таким образом, чтобы его при всяких обстоятельствах могли прочесть другие. После этого я сумею заняться окончательной редакцией, что будет не легкой задачей, если учесть, что оригинал находится в далеко не исправном состоянии. Но, как бы то ни было, если даже мне не суждено закончить эту работу, она будет спасена от полной гибели и, в случае необходимости, может быть издана в том виде, как она есть. Этот III том — самая поразительная вещь, которую я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не дождал до того, чтобы довести эту работу до конца, самому издать ее и увидеть то впечатление, которое этому произведению суждено произвести. Ясность изложения такова, что прямое несогласие с автором более невозможно. Самые трудные пункты разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система

¹ Написано Энгельсом по-русски.

приобретает новый и простой вид. Боюсь, что III часть составит целых два тома. Кроме того, у меня имеется старая рукопись, в которой рассматривается история теории и которая тоже потребует не мало труда. Итак, Вы видите, что дела у меня по горло.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

291.

Энгельс — В. И. Засулич

в Женеву.

Лондон, 23 апреля 1885 г.

Дорогая гражданка!

Я еще не ответил Вам на письмо от 14 февраля. Вот причины задержки, которая произошла, конечно, не из-за лени.

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»¹, — для этого мне нужно было ее прочесть, и я читаю по-русски довольно свободно, когда позаимуюсь им в течение недели, но бывает, что я по полгода не имею возможности этого сделать; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его, так сказать, заново. Так именно и произошло с «Разногласиями». Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых, в конце концов, тоже не выставишь за дверь; приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют еще переводы (итальянские, датские и т. д.) моего «Происхождения [семьи]», которые меня просят просматривать, а их проверка иной раз является далеко не лишней и вовсе не легкой работой. Все эти помехи не позволили мне подвинуться дальше 60-й страницы «Разногласий». Если бы у меня нашлось три свободных дня, я покончил бы с ними, да к тому же освежил бы свои знания русского языка.

Но и того немногого, что я прочел из этой книги, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски.

горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны.

Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народолюбцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение.

То, что я знаю или думаю, что знаю о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что русские приближаются к своему 1789 г.: революция *должна* разразиться в течение определенного времени; но она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, — другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и освободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), — люди, которые подожгли фитиль, будут сметены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и сопротивлений.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но, если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся

тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали не многие исторические деятели¹. Посмотрите на Бисмарка — революционера поневоле — и Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем.

По-моему, важно, чтобы в России был дан толчок для того, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, это для меня не так важно. Если это дворцовый заговор, он будет сметен на другой же день. Там, где положение так напряжено, в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени социального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовыми воротилами и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — стоит в такой стране начаться 1789 г., как за ним не замедлит последовать 1793.

Я прощаюсь с Вами, дорогая гражданка. Уже половина третьего ночи, а завтра перед отправкой почты я не успею ничего к этому добавить. Если Вам удобнее, пишите мне по-русски, но будьте добры не забывать, что *писанные* русские буквы мне приходится читать не каждый день.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

292

Энгельс — Р. Штегеману

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 5 мая 1885 г.

Милостивый государь!

По зрелом обсуждении я никак не могу согласиться на Вашу просьбу.

¹ Деятели — написано Энгельсом по-русски.

Одно из двух: либо работа, о которой Вы просите, будет *краткой* — и тогда в ней могут быть даны одни лишь мои утверждения, и она будет голословной и беллетристической; либо же мне придется приводить доказательства — и тогда получится книга, а это Вам не нужно, и к тому же я не могу написать ее так, мимоходом и между прочим. Для этого мой материал слишком обширен

Кроме того, я не решаюсь брать на себя в той или иной мере моральную ответственность в качестве соредатора книги, известной мне только по Вашему краткому описанию.

К тому же моя работа была бы — в намеченных пределах — совершенно бесполезной. Мои самые энергичные уверения все равно не произвели бы никакого впечатления на полуобразованного обывателя, предубежденность которого Вы хотите преодолеть. Люди, утверждающие, что Маркс «умер, не имея друзей», должны, прежде всего, быть убеждены в том, что меня вообще не существует. Как же могут мои уверения произвести магическое действие!

Старые бабы сказки, вымышленные вульгарно-демократической эмиграцией 1850—1859 гг. и затем размалеванные платным бонапартистским агентом Карлом Фогтом (в 1859 г., как видно из тюильрийских документов, ему уплачено 40 000 франков), распространены в Вашей местности, быть может, больше, чем где-либо, потому что швабская Народная партия — прямая наследница тогдашней эмигрантской демократии, а кое-кто из ее вождей — закадычные друзья упомянутого Фогта. Так как Маркс в «Господине Фогте» со всем этим уже разделался, то я не вижу надобности именно теперь возвращаться к этому еще раз. О Марксе нагромождено невероятное количество лжи, на которую он не считал нужным отвечать. Быть может, настанет время, когда я должен буду сделать это за него, но тогда уж от меня будет зависеть выбрать место, время и образ действия. И тогда, конечно, снова будет говорить, что я тоже «бездушный» человек.

Как бы то ни было, в данный момент я не располагаю временем для того, чтобы сделать что-либо в этом направлении, что соответствовало бы поставленной цели и удовлетворяло бы требованиям, которые я сам предъявляю к такого рода работе. Все мое время занято изданием рукописей Маркса, и я безусловно поступаю в его духе, когда, не обращая внимания на карканье филистеров, исполняю этот свой долг.

С совершенным почтением

1Ф Э.]

293.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 15 мая 1885 г.

Дорогой Эдел

Придется, видно, опять написать тебе несколько строк, а то ты у меня совсем впал в меланхолию. Вы с Каутским, повидимому, нагоняете друг на друга такое уныние, что из него можно было бы составить целый минорный концерт — это совсем как тромбоны у Вагнера, которые тоже всегда начинают жарить, когда приключится какая-нибудь беда. При всяком дурном известии вы всегда забываете старую поговорку: не так страшен чорт, как его мажут.

Впечатление от всего конфликта между «фракцией и редакцией» всюду и везде неизбежно таково, что фракция оскандалилась. И если фракция захочет во что бы то ни стало попасть еще раз в такое положение, то этому мешать не следует. Если бы ты напечатал первый ее рескрипт по первому же требованию, тогда бы только она и оскандалилась по-настоящему, и «буря негодования» грянула бы со всех сторон. Этого, конечно, в первую минуту нельзя было от тебя требовать, но совершенно несомненно, что не в наших интересах мешать фракции *показывать себя такою, какова она есть*. При создавшемся положении «фракция и редакция» противостоят друг другу — в глазах публики — как равноправные силы; таков результат последнего длинного заявления о достигнутом компромиссе, а что будет дальше — увидим.

В воскресенье у меня здесь был Зингер, и я сразу же оборвал все его разглагольствования. Первое заявление фракции, по его словам, направлено было не столько против помещенной в газете статьи, сколько против сделанной (якобы) попытки вызвать бурю негодования против фракции. Этого, — ответил я, — публика знать не может. Раз вы делаете публичное заявление, то оно может относиться только к общеизвестным фактам. Если же вы обрушиваетесь на газету из-за вещей, которых в ней вовсе не было, то публика справедливо спрашивает: чего же хотят эти господа, как не подавить свободное выражение мнений? С этим он должен был согласиться. Затем я сказал, что, судя по хорошо известному мне стилю, большая часть непонравившихся статей принадлежит Либкнехту. Зингер: «Совершенно верно, и мы во фракции как следует задали Либкнехту за это». Я: «Но нельзя же выносить газете публичное

порицание за печатание вещей, которые исходили из самой фракции. Вы должны были уладить это между собой. Вместо этого вы публично нападаете на редакцию за то, что относится к чисто внутренним делам фракции. Кого же редакции слушать?» На это он тоже ничего не мог возразить. Словом, благодаря своему необдуманному шагу они оскандалились, и в глазах публики победа осталась за редакцией. Это ему тоже пришлось косвенно признать. Так как я останавливался только на самых существенных пунктах, а ко всем его бесчисленным сплетням относительно отдельных лиц не проявил ни малейшего внимания, то вся наша беседа продолжалась 10 минут.

Ясно, что на этом дело не кончится. Но мы знаем теперь слабую сторону этих господ. Будь я редактором «Sozialdemokrat», я не чинил бы со стороны редакции никаких препятствий фракции творить в рейхстаге все, что ей угодно, — критику ее действий я предоставил бы партийным товарищам, на основе излюбленного «свободного обмена мнений», а Либкнехту заявил бы раз навсегда, что он сам должен отвечать перед фракцией за свои статьи, чтобы хоть в этом отношении прекратилась его двойная игра. И если затем в остальном редакция газеты будет продолжать свою прежнюю решительную линию, то это все, что нам нужно. Гораздо важнее отстаивать нашу теоретическую позицию против печатающейся в Германии ерунды, чем критиковать поведение фракции. Ведь сами депутаты делают все возможное, чтобы избирателям стало ясно, что собой представляют эти депутаты. Вообще же текущие события дают достаточно поводов для того, чтобы выдвигать нашу позицию, даже если предоставить фракцию самой себе и партийным товарищам.

Но больше всего злит их именно наша позиция, а нападать на нее публично они не решаются.

Скоро закончится сессия рейхстага. Господа депутаты уже успели убедиться, — хотя почти все они скрытые протекционисты, — к чему ведут покровительственные пошлины. Вот уже первое разочарование. Им предстоит еще и другие. Это не изменит их мещанского характера, но должно зато лишить уверенности их выступления и вызвать среди них раскол по тем мещанским вопросам, за или против которых им придется высказываться. Людям этого сорта нужно дать только волю, и тогда уж они себя взаимно обезвредят.

Словом, наша политика должна, по-моему, быть выжидательной. Закон против социалистов им на-руку, и если, пока он в силе, им представится случай показать свое настоящее лицо, то нам, в сущности, больше ничего и не надо. В то же время мы должны

всеми силами отстаивать, особенно в печати, все наши позиции, что вовсе не всегда требует прямого сопротивления. Действовать обходом — это тоже способ обороны, сопровождаемой наступательными контр-ударами. В данный момент у нас много неблагоприятных обстоятельств. Бебель болен и, кажется, впал в уныние. Я тоже не могу помочь в той мере, как хочется, пока не покончу с рукописью Маркса. Вся тяжесть борьбы ложится, таким образом, на тебя и на Каутского. Но помни старое правило: за настоящим этапом движения и борьбы нельзя забывать о будущем движения. А будущее принадлежит нам. Третий том «Капитала» прикончит всех этих субъектов одним ударом.

Твой Ф. Э.

294.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон 15 мая 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер:

Что касается стихотворений, «Марсельезой» крестьянской войны был гимн: «Eine feste Burg ist unser Gott» [«Господь — наша крепость»]. И хотя текст и мелодия этой песни проникнуты уверенностью в победе, тем не менее в настоящее время ее нельзя и не следует воспринимать в этом смысле. Другие песни этой эпохи собраны в сборниках народных песен «Des Knaben Wunderhorn» [«Волшебный рожок юноши»] и т. д. Там, возможно, найдется и еще кое-что. Но уже в то время ландскнехт занял значительное место в нашей народной поэзии.

Из иностранных песен я знаю только прекрасную древне-датскую песнь о барине Тидмане, которую я перевел в 1865 г. в берлинском «Sozialdemokrat»¹.

Много было чартистских песен, но сейчас их уже не достать. Одна из них начиналась так:

Britannia's sons, though slaves you be,
God your creator made you free;
To all he life and freedom gave
But never, never made a slave.

[Сыны Британии, хотя вы и рабы,
Бог, ваш создатель, сделал вас свободными;
Всем он дал жизнь и свободу.
Но никогда, никогда не создавал раба.]

¹ № 18 от 5 февраля 1865 г.

Дальше я не помню.

Все это давно забыто; впрочем, эта поэзия не многого стоила.

В 1848 г. больше всего были распространены две песни на один

и тот же мотив:

1) Шлеввиг-Голштиния.

2) Песнь о Геккере:

Hecker, hoch Dein Name schalle
An dem ganzen deutschen Rhein.
Deine Grossmut, ja Dein Auge
Flössen schon Vertrauen ein.
Hecker der als deutscher Mann
Vor der Freiheit sterben kann.

[Геккер, громко раздаётся твоё имя
По всему немецкому Рейну.
Твоё великодушие и даже один твой взгляд
Уже внушают доверие.
Геккер, как настоящий немец.
Умеет умереть за свободу.]

Я думаю, — этого достаточно. Затем вариант:

Hecker, Struve, Blenker, Zitz und Blum
Bringt die deutsche Ferschte um.

[Геккер, Струве, Бленкер, Цитц и Блюм,
Уничтожьте немецких князей.]

Вообще говоря, поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как, для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов.

Что касается мелких работ Маркса, то это вопрос, который должен решать не я один, а сам я обязан следить за тем, чтобы ничто не помешало предполагающемуся изданию полного собрания сочинений. Документы Интернационала, «Учредительный манифест», «Гражданскую войну», Гаагский отчет и т. д., а равно и «Манифест» я сюда не причисляю, хотя желал бы оставить за собой право написать к ним несколько строк в качестве введения. Что касается статей в «Neue Rheinische Zeitung», то Вам сперва нужно будет установить, что именно принадлежит Марксу. Так, например, из статей о июньском восстании только одна превосходная статья принадлежит ему. Все описание борьбы и т. д. написано мною. Точно так же и статья против Бакунина и панславизма. Вообще, относящиеся к тому

времени статьи Маркса почти неотделимы от моих собственных, потому что мы планомерно распределяли между собой работу.

Как я уже сказал, я, конечно, не стану чинить Вам излишних препятствий, но, прежде чем дать определенный ответ, я все-таки хотел бы, чтобы Вы представили несколько более точный план. Во всяком случае, вряд ли следует издавать вместе, т. е. в одном выпуске, статьи из «Neue Rheinische Zeitung» и работы, относящиеся к Интернационалу, — ведь их разделяет промежуток в 15 — 20 лет. Кельнский процесс сам по себе составил бы целую книгу, к которой я написал бы Вам введение. Но имейте в виду, что я тогда должен точно знать, когда оно *действительно понадобится*, — а теперь у Вас достаточно работы с печатанием злополучного Дюринга. Оба листа, 4-й и 5-й, Вы, вероятно, получили.

Между прочим, главу «Теория» из раздела «Социализм» я хочу печатать по исправленному тексту, как он дан в «Развитии социализма». Когда дойдет до этого, я пошлю Вам все необходимое. Пишу это только для Вашего предварительного осведомления. А затем — сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

295.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Лондон, начало июня 1885 г.]

Дорогой Эде!

Спасибо. Август пишет: фракция, компетенции которой Август не признал, после дебатов в пятницу *единогласно* решила *личный* спор прекратить, а спор по существу перенести на время *после* заседания рейхстага, с чем Август согласился. Таким образом, сообщение о поражении ложно, мы победили по всей линии.

Твой Ф. Э.

296.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 3 июня 1885 г.

Милостивый государь!

Получил Ваше письмо от 24/6 мая и надеюсь, что и Вы получили листы 21 — 26, посланные Вам 13 мая. Сегодня отправил Вам окончание — листы 27 — 33. Через несколько дней, я надеюсь,

смогу послать Вам предисловие и пр. Из этого предисловия Вы увидите, что рукопись III тома была написана еще в 1864 — 1866 гг., т. е. еще до того времени, как автор благодаря Вашей любезности так основательно познакомился с аграрным строем вашей страны: в настоящее время я работаю над главой о земельной ренте и до сих пор не встретил никакого упоминания о русских условиях. Как только вся рукопись будет переписана удобочитаемым почерком, я должен буду обработать ее, сличив с другими материалами, оставленными автором; для главы о ренте имеются весьма обширные извлечения из различных статистических работ, которыми он был обязан Вам, — но я не могу еще сказать, содержатся ли в них какие-либо критические замечания, которые могут быть использованы в этом томе. Что бы там ни встретилось, все будет использовано со всей добросовестностью. Во всяком случае, работа по переписке займет меня по крайней мере до осени, а так как рукопись содержит почти 600 страниц in folio, то ее, быть может, опять-таки придется разделить на два тома.

Анализ ренты теоретически настолько полон, что Вы безусловно найдете в нем много интересного применительно к особым условиям вашей страны. Однако в этой рукописи не рассматривается вопрос о докапиталистических формах земельной собственности; о них упоминается лишь кое-где в целях сравнения.

Глубоко преданный Вам

П. В. Рошер.

297.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 3 июня 1885 г.

Дорогой Зорге!

Я был очень огорчен, когда узнал, что ты не в состоянии писать; надеюсь, что теперь это уже прошло. Работы Гренлунда и Эли, а также газеты получил, благодарю. Эли — благонамеренный филистер и по крайней мере более трудолюбив, чем его немецкие товарищи по глупости и несчастью, в этом надо отдать ему справедливость. Зато Гренлунд производит на меня впечатление вярдного спекулянта: то, что он заигрывает с нашими работами, независимо от того, понимает он их или нет, явно делается с целью сбыть его собственные утопические бредни в

качестве подлинного живого немецкого социализма. Это все же симптоматично.

Посылаю тебе «To-Day» и «Commonweal»: первую — начиная с марта, а вторую — с самого начала. Администрация этой газеты не слишком аккуратна; если «Sozialist» не будет регулярно получать газету («Commonweal»), то мне бы *очень хотелось* иметь об этом справку, чтобы я мог представить им *доказательство* непорядков, которые там безусловно существуют, хотя секретарь постоянно это отрицает.

Фабиана лучше совершенно игнорировать, ему необходимо, чтобы о нем говорили, а этого не следует поощрять. Он обвиняет меня главным образом в том, что я в «Анти-Дюринге» злонамеренно оклеветал $\sqrt{-1}$, на что он уже жаловался в письме к Марксу.

Относительно парламентской пубрики у тебя было то же верное предчувствие, что и у меня, — в вопросе о субсидии пароходным компаниям они обнаружили, в какой огромной мере им присущи мещанские вождения. Дело чуть не дошло до раскола, что сейчас, пока действует закон против социалистов, нежелательно. Но как только у нас в Германии станет хоть немного вольготнее, раскол, по всей вероятности, произойдет и будет только полезен. Мелкобуржуазно-социалистическая фракция неизбежна в такой стране, как Германия, где мещанство «существует испокон веков» еще в большей мере, чем историческое право. Такая фракция была бы даже полезной, если бы она образовалась отдельно от пролетарской партии. Но в настоящее время этот раскол, вызванный *нами*, принес бы только вред. Но если уж они сами фактически отрекутся от программы, то тем лучше, и тогда можно будет повести с ними открытую борьбу.

Вы в Америке тоже страдаете от такого рода великих ученых, какими обладают мелкобуржуазные социалисты Германии в лице Гейзера, Фроме, Блоса и т. д. Исторические экскурсы Штибелингов, Дуэ и т. п. в «Sozialist» по поводу переселения народов очень меня позабавили, так как эти господа изучали все это гораздо лучше и основательнее, чем я. Особенно важничает Дуэ. Так, в № 13 «Sozialist» он говорит: «Во время германских завоеваний в Италии и т. п. король получал $\frac{1}{3}$ земли, $\frac{2}{3}$ получали солдаты и офицеры; из этой земли $\frac{2}{8}$ еще отходило к прежним рабам и т. д. *Так сказано у Иорнанда и Кассиодора*. Я буквально обомлел, прочтя все это. *«То же самое говорится и о вестготах. И во Франции все происходило точно так же»*. Все это сначала до конца выдуманно, и ни у Иорнанда, ни у Кассиодора, ни в каких-либо других источниках того времени об этом

не говорится ни слова. Это колоссальное невежество и вместе с тем наглость — преподносить мне такую чушь и утверждать, что я в данном случае, «как доказано, — неправ». Источники, которые мне все более или менее известны, говорят как раз обратное. На сей раз я пропустил, потому что это было в Америке, где едва ли чего-нибудь можно добиться в таком споре, но в будущем г. Дуэ следует быть осторожнее, ведь и у меня может, в конце концов, лопнуть терпение.

Второй том «Капитала» скоро уже выйдет, я жду корректуры второй половины предисловия, где Родбертусу опять достанется по заслугам. Третья книга быстро подвигается вперед, но не скоро будет окончена. Это не беда. Пусть сперва переварят второй том. Этот том вызовет большое разочарование, потому что он чисто научный и содержит мало агитационного материала. Зато третий подействует снова, как удар грома, так как только там все капиталистическое производство рассматривается в его взаимной связи и вся официальная буржуазная экономия разбивается в пух и прах. Но это потребует еще не малого труда. С начала года я успел продиктовать начисто уже больше половины и надеюсь приблизительно через четыре месяца закончить эту первую стадию работы. Затем начнется, собственно, настоящая редакционная работа, и она будет не легкой, так как важнейшие главы в довольно большом беспорядке — в отношении формы. Впрочем, все это наладится, но потребует много времени. Ты понимаешь, что мне приходится отложить все остальное, пока я не управлюсь с этой работой; из-за нее я запустил даже свою корреспонденцию, а о писании статей не может быть и речи. Сделай одолжение, не сообщай ничего из того, что я говорил о третьем томе, в «Sozialist». Из-за этого всегда бывают неприятности в Цюрихе и других местах. Все, что нужно знать читателям, я скажу в предисловии ко второму тому.

Тусси живет недурно. Оба они прекрасно ладят друг с другом, но, к сожалению, не всегда здоровы. Лафаргу приходится сейчас опять отсиживать за старый денежный штраф и пеню. 24 мая парижская полиция хотела спровоцировать бунт, но это не удалось, и министры перепугались. Таким образом, афера с Виктором Гюго окончилась ничем, и это хорошо. Так как нет национальной гвардии, то нет возможности достать оружие, и каждый путч обречен на поражение. Тактику приходится менять сообразно обстоятельствам.

Кланяйся Дидгену и Адольфу.

Твой Ф. Э.

298.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 15 июня 1885 г.

Дорогой старый друг!

Твое письмо меня очень обрадовало; это, в самом деле, чертовски скверно, что мы так далеко друг от друга. Но придет же время, когда наш брат сможет свободно разъезжать, не стесненный неотложной работой и придирами континентальной полиции. Тогда я соберу свои пожитки и навещу тебя.

А пока на свете все идет помаленьку вперед, и, вероятно, скоро дело пойдет немножко быстрее. Старик Вильгельм уже давно бы окачурился, но сверху ему сообщили, что военные парады ангелов еще оставляют желать лучшего, а главное — они все еще не научились выбрасывать ноги при церемониальном марше согласно регламенту, и Вильгельма поэтому еще не могут принять с подобающей ему честью. Тогда он послал туда Фридриха-Карла для присмотра. Можно надеяться, что тот скоро сможет представить рапорт о том, что фельдмаршалу Михаилу-архангелу удалось довести небесные войска до вожделенного прусского совершенства, и тогда старик Вильгельм не замедлит, вероятно, лично принять небесный парад.

Ты совершенно прав — во Франции радикализм изнашивается с необычайной быстротой. Осталось, собственно, пустить в оборот еще только одного — Клемансо. Когда очередь дойдет до него, он растеряет целый ворох иллюзий — и прежде всего ту, что в настоящее время можно управлять буржуазной республикой во Франции, не воруя и не давая воровать другим. Возможно, что он пойдет тогда дальше. Но необходимости в этом нет. Нужно только, чтобы этот последний якорь спасения буржуазии показал, на что он способен, а при своей теперешней позиции он ни на что не способен.

Здесь в Англии дело идет очень недурно, хотя и не в обычной у нас форме. Начиная с 1848 г., английский парламент безусловно был наиболее революционным парламентом в мире, а после ближайших выборов настанет новая эра — даже если это скажется и не так быстро. В парламент войдут рабочие, количество их будет все время возрастать, и один будет хуже другого. Но здесь это необходимо. Все те прохвосты, которые во времена Интернационала выступали здесь как буржуазно-радикальные обыватели, должны показать в парламенте свое настоящее лицо. Тогда массы и здесь станут социалистическими. Промышленное перепроизводство довершит остальное.

Склока в германской партии меня не удивила. В такой мещанской стране, как Германия, у партии не может не быть также и мещанского «образованного» правого крыла, которое она отбросит в решительный момент. Мещанский социализм в Германии ведет свое начало с 1844 г. и был подвергнут критике уже в «Коммунистическом манифесте». Он так же бессмертен, как и сам немецкий мещанин. До тех пор, пока существует закон против социалистов, я против того, чтобы *мы* вызвали раскол, потому что оружие у нас неравное. Но если бы эти господа сами вызвали раскол, подавляя пролетарский характер партии и пытаясь заменить его худосочной дурацкой эстетической сентиментальной филантропией, то нам придется пойти на это.

Я все еще продолжаю диктовать третий том «Капитала». Это — замечательное произведение, затмевающее в научном отношении даже первый том. Как только он у меня будет в удобочитаемом также и для других людей виде, я сумею выбрать время на то, чтобы привести в порядок документы. Тогда я разыщу и твои бумаги. Но до тех пор, примерно до осени, я не могу браться ни за что другое. Второй том уже напечатан. Недели через две, примерно, я сумею послать тебе экземпляр.

Дочери Маркса, в общем, здоровы, муж г-жи Лафарг снова на четыре месяца в тюрьме (где он отбывает заключение вместо денежного штрафа), а г-жа Эвелинг усердно занимается здесь пропагандой, но успех в массах может сказаться лишь позже.

Я снова перевел тебе по почте 5 фунтов, о чем ты, вероятно, получил уже извещение. Надеюсь, что деньги придутся кстати. Ну, держись, чтобы иметь возможность быть очевидцем кое-какой забавы, которая, во всяком случае, не за горами. Я чувствую себя не плохо, но врачи говорят, что я вряд ли снова сумею сесть на коня, — итак, к военной службе я не годен, чорт возьми!

Всегда твой старый

Ф. Энгельс.

299.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 16 июня 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

1) Оба процесса 1849 г. в суде присяжных — процесс «Neue Rheinische Zeitung» и процесс Демократического комитета — были опубликованы вместе, по газетному отчету, и озаглавлены «Два

политических процесса». Если Вы захотите переиздать один из них или оба, это будет очень полезно, и я напишу Вам к этому предисловие.

2) «Процесс коммунистов» тоже стоило бы перепечатать. С одной стороны, он еще раз доказал бы старым лассальянцам, что и до великого Фердинанда в Германии кое-что уже делалось, а с другой стороны, тогдашнее поведение пруссаков было уже предвосхищением того, что происходит сейчас при законе против социалистов. Для этого я тоже готов предоставить Вам предисловие, коль скоро дело действительно дойдет до печатания. К сожалению, время не позволяет мне писать заранее про запас. Кроме того, у меня нет экземпляра лейпцигского издания с дополнительными замечаниями Маркса. Из того, что ни Маркс, ни я так и не получили ни одного экземпляра этого издания, можно составить представление о том, как там в то время велись дела.

Есть ли у вас в архиве: Штибер и Вермут «Die Kommunisten-Verschwörungen des XIX. Jahrhunderts» [«Коммунистические заговоры XIX столетия»] (Берлин, Гаген, 1853 г., в 2 частях), так называемая «Черная книга»? Там приведены два обращения Центрального комитета к Союзу, которые можно было бы напечатать в начале.

3) Если я правильно Вас понял, Вы хотели собрать вместе статьи из «Neue Rheinische Zeitung» об июньских боях в Париже 1848 г. Это было бы очень хорошо. Для установления внутренней связи я мог бы сделать в соответствующих местах кое-какие замечания и подобрать необходимые места из статей Маркса в «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung». Эти статьи имеют значение как *единственное* современное описание первой битвы парижского пролетариата, защищавшее июньских борцов, а о самом этом событии нужно массам напоминать как можно чаще. Но здесь будет работы не меньше, чем на неделю, и я смогу взяться за нее только осенью.

4) За этим могли бы последовать и другие статьи из «Neue Rheinische Zeitung», но сейчас у меня совершенно нет времени их подобрать; если же Вы предложите мне сами что-либо определенное, то над этим можно будет еще подумать. То же самое приходится сказать и о других мелких работах Маркса и моих, относящихся к тому времени. Как только рукопись III тома «Капитала» в необработанном виде будет переписана удобочитаемым почерком, т. е. осенью, мне придется приводить в порядок бумаги. Тогда лишь я опять смогу составить себе представление обо всем, что там вообще имеется, и выбрать наиболее подходящее. Но до этого я и сам еще блуждаю в потемках. Пока III книга «Капитала» не продиктована до конца,

день у меня занят с 10 до 5, а по вечерам, не говоря уже о посещениях, мне приходится не только отвечать на все накапливающиеся письма, но еще и просматривать продиктованное и редактировать французские, итальянские, датские и английские переводы наших произведений (в том числе и английский перевод «Капитала»), и я, право, не знаю, где мне найти время еще и для других работ. Поэтому Вы должны иметь в виду, что я могу браться только за самое неотложное.

Кроме упомянутого издания «Процесса коммунистов», прошу прислать мне:

3 экземпляра брошюры Маркса «Наемный труд и капитал».

6 экземпляров «Коммунистического манифеста», цюрихского издания, которые прошу записать на мой счет. Я хотел бы также получить выписку из моего счета, чтобы знать, в каком он состоянии. Здесь еще имеется некоторое количество фотографий Маркса в обоих форматах.

Прилагаемое письмо прошу передать Эде.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Энгельс.

300.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Дорогой Эде!

Лондон, 16 июня 1885 г.

На прошлой неделе я отослал тебе обратно *заказным* обе брошюры Родбертуса из архива, — ты их, надеюсь, получил. Вчера К. Каутский получил полный комплект «Frankfurter Zeitung» со всякими «заявлениями». Очень забавно! Готов биться об заклад, что вся эта шумиха снова заглохнет и что большинство фракции успокоится, вынеся решение о том, что обеими сторонами были допущены ошибки. Все это пока еще только вспышки зарницы, но и это симптоматично.

Сегодня Фридрих-Карл делает смотр небесному воинству и распекает его за плохой церемониальный марш.

Твой Ф. Э.

301.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 22 июня 1885 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Бебель!

На твое письмо от 19-го, полученное сегодня утром, отвечаю немедленно, чтобы ответ застал тебя еще до того, как ты уедешь надолго.

В общем, я в курсе последних событий, поскольку, по крайней мере, речь идет о публичных выступлениях; прочел, между прочим, и несколько наглых выступлений Гейзера и Фроме, а также твои краткие и убедительные ответы на них.

Всем этим хламом мы обязаны главным образом Либкнехту с его слабостью к образованным умникам и к людям, занимающим известное положение среди буржуазии, что необычайно импонирует филистеру. Против литератора и купца, заигрывающих с социализмом, он устоять не может. Но в Германии именно они самые опасные люди, и против них мы с Марксом вели с 1845 г. непрерывную борьбу. Раз уж их допустили в партию, где они повсюду пролезают вперед, то их надо постоянно оттеснять, потому что их мелкобуржуазная позиция то-и-дело расходится со взглядами пролетарских масс или же они пытаются эти взгляды извратить. Тем не менее, я убежден, что в действительно решающий момент Либкнехт будет на нашей стороне и будет еще вдобавок утверждать, что он это всегда говорил, а мы ему мешали раньше пуститься в драку. Впрочем, хорошо, что его немножко проучили.

Раскол явно неминуем, но я продолжаю стоять на том, что, пока в силе закон против социалистов, мы не должны провоцировать раскол. Если нам его навяжут, то ничего не поделаешь; мы должны готовиться к этому, и, по-моему, необходимо во что бы то ни стало удерживать за собой три позиции: 1) цюрихскую типографию и издательство, 2) редакцию «Sozialdemokrat» и 3) редакцию «Neue Zeit». Это единственные позиции, которые мы до сих пор удержали в своих руках, и для общения с партией их достаточно даже при исключительном законе. Все остальные позиции в прессе заняты господами обывателями, но они далеко не перевешивают наших трех. Ты мог бы помешать многому из того, что против нас затевается, и должен, по-моему, приложить все усилия, чтобы так или иначе обеспечить за нами эти три пункта. Как за это взяться,— тебе виднее. Эде и Каутский, как редакторы, чувствуют себя, по вполне понятным причинам, крайне неуверенно и нуждаются в поощрении. Что против обоих сильно интригуют,— совершенно очевидно. Оба они — очень порядочные и полезные люди. Эде в теоретических вопросах все очень легко схватывает, к тому же остроумен и находчив; ему нехватает лишь уверенности в себе, что в наше время — поистине редкое явление и, при всеобщей мании величия, которой подвержен любой недоучившийся осел, в известном смысле достоинство; Каутский обучился в университетах бездне всякой чепухи, но изо всех сил старается снова ее забыть; оба терпимы к откровенной критике.

правильно поняли самое главное и заслуживают доверия. По сравнению с ужасающим литературным молодняком, цепляющимся за партию, эти двое — настоящие жемчужины.

Я вполне согласен с тем, что ты вообще говоришь о наших парламентских представителях и о невозможности создать — в мирные времена, подобные нынешним — подлинно пролетарское представительство. По необходимости более или менее буржуазные депутаты — такое же неизбежное зло, как и профессиональные агитаторы, которых партии приходится брать из среды рабочих, опороченных буржуазией, следовательно безработных. Так постоянно бывало еще у чартистов в 1839 — 1848 гг., и я уже тогда имел возможность наблюдать это. Если будет введено депутатское вознаграждение, то эти представители станут рядом с буржуазными и мелкобуржуазными по преимуществу, т. е. «образованными» депутатами. Но все это удастся преодолеть. К нашему пролетариату у меня настолько же безусловное доверие, насколько безгранично мое недоверие к совершенно выродившемуся немецкому мещанству. А когда наступят более оживленные времена, тогда и борьба заострится таким образом, что ее можно будет вести во-всю, тогда, при огромном размахе борьбы, исчезнет и досада на ту мелочность и филистерство, с которыми тебе приходится возиться изо дня в день и которые мне тоже знакомы по старому опыту; тогда-то у нас будут и настоящие люди в парламенте. Правда, мне здесь легко рассуждать, тебе же приходится расхлебывать всю эту отвратительную кашу, а это поистине не шутка. Во всяком случае, я рад, что физически ты снова чувствуешь себя хорошо. Береги для лучших времен свои нервы, они нам еще пригодятся.

Третья книга «Капитала» в главной своей части продиктована с рукописи переписчику с разборчивым почерком. Через пять-шесть недель эта первая стадия работы будет в общем закончена. Затем предстоит очень трудная окончательная редакция, которая потребует большой работы. Но книга блестяща, она произведет впечатление громового удара. Что касается второй книги, то я со дня на день жду первых экземпляров. Один из них ты немедленно получишь.

Твой старый

Ф. Э.

23 июня.

Сегодня уже поздно отправлять письмо заказным, — поэтому оно уйдет завтра.

24 июня.

Получил берлинские газеты, благодарю.

302.

Энгельс — Г. Шлютеру
в Цюрих.

Лондон, 1 июля 1885 г.

Дорогой г. Шлютер!

Прилагаю предисловие к «Процессу». Остальное на очереди. За предисловие и примечания к «Процессу коммунистов» я, по всей вероятности, возьмусь только в начале сентября. Весь июль я буду занят, а в августе должен буду немного отдохнуть на взморье.

После этого можно будет приступить и к «Июньскому восстанию».

Перепечатке «Силезского миллиарда» я буду *очень рад*. К этому нужно было бы приложить биографию Вольфа, написанную мною и помещенную в «Neue Welt» (кажется, около 1873 г.). Введение я тоже напишу.

Я все еще жду II тома «Капитала». Вряд ли смогу что-либо сделать для Вас у Мейснера, — я ведь не имею никакого права вмешиваться в это дело, а он — человек боязливый.

Портретов Маркса в обоих форматах имеется здесь еще несколько сот штук.

В общем, в Германии все идет хорошо, наши рабочие сумеют уж там все привести в порядок.

Преданный Вам
Ф. Э.

Пришлите мне, пожалуйста, пробные листы «Дюринга», чтобы я мог составить список опечаток. В будущем прошу посылать мне всегда *два* корректурных оттиска, как это практикуется повсюду и что действительно необходимо.

Если Вы хотите озаглавить статьи — «Из «Neue Rheinische Zeitung»», выпуск I, II и т. д., то я, конечно, не возражаю.

303.

Энгельс Г. Гильом-Шак
в Бейтен.

[Черновик.]

[Лондон, около 5 июля 1885 г.]

Милостивая государыня!

В ответ на Ваш вопрос могу только сказать, что я не в праве делать какие бы то ни было, предназначенные в конечном счете для

опубликования, сообщения о моем и Маркса сотрудничестве в политических работах, к которым мы привлекались *конфиденциально*. Не могу я также ни от имени Маркса, ни от своего собственного имени брать на себя какую-либо ответственность за всю французскую программу, при составлении которой мы по самому существу дела могли, в лучшем случае, только давать советы. *Доверительно* могу Вам сообщить, что *мотивировочная часть* программы Рабочей партии, рунского направления, принадлежит Марксу.

Если французы меньше настаивают на ограничении женского труда, чем немцы, то объясняется это тем, что фабричный труд женщин играет во Франции, особенно в Париже, сравнительно второстепенную роль. Равной заработной платы для мужчин и женщин за равную работу, до тех пор пока заработная плата вообще не будет отменена, требуют, насколько мне известно, все социалисты. То, что трудящаяся женщина вследствие ее особых физиологических функций нуждается в особой защите от капиталистической эксплуатации, кажется мне очевидным. Английские поборницы формального права женщин на такую же неограниченную их эксплуатацию со стороны капиталистов, какой подвергаются мужчины, большею частью сами, прямо или косвенно, заинтересованы в капиталистической эксплуатации трудящихся обоего пола. Меня же, признаюсь, здоровье будущего поколения интересует больше, чем формальное абсолютное равноправие обоих полов в последние годы существования капиталистического способа производства. Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда ¹ будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а работа по домашнему хозяйству, которая выполняется теперь индивидуально, превратится в отрасль общественного производства.

304.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

{Лондон, 24 июля 1885 г.}

Дорогой Эде!

Бebelь писал мне, что около 26-го с. м. он будет в Цюрихе; прилагаемое письмо для него. Если он не приедет, ты уже сам решишь, что с этим делать.

¹ Далее зачеркнуто: «равнявшийся на основе господства мужчин капиталистический».

Привет от Шорлеммера.

Пере выборы, предстоящие осенью во Франции и Англии, — начало конца; последнего желаю и старому Вильгельму. Так как у русских дело как будто тормозится, нам придется, вероятно, начинать самим. А если эти три великие западные страны придут в движение, то этого будет вполне достаточно.

Твой Ф. Э.

305.

Энгельс — А. Бебелю

в Цюрих.

Лондон, 24 июля 1885 г.

Дорогой Бебель!

Попытаюсь — авось это письмо, на что я могу рассчитывать на основании твоих слов, застанет тебя 26-го в Цюрихе.

Партийная драка, насколько я отсюда могу судить, принимает весьма желательный оборот. Фроме по мере сил сажает своих приятелей в лужу, что нам может только доставить удовольствие, но, на счастье, спаситель Либкнехт тут как тут; он известил здешний Союз о том, что едет во Франкфурт и все приведет в порядок, если же ему это не удастся, то Фроме вылетит вон. Во всей этой истории Либкнехт играет комическую роль наседки, которая высидела утят: он хотел вывести «образованных» социалистов, но — глядь! — из яиц вылушились сплошь филистеры и обыватели, и вот милейшая наседка хочет нас уверить, что по буржуазной речке плавают цыплята, а не утята. Что поделаешь, приходится считаться с его иллюзиями; но в Оффенбахе он все-таки, если верить газетному сообщению, хватил через край. Единственным результатом всего этого будет сознание партией того, что внутри ее существуют два течения, из которых одно дает направление массам, а другое — большинству так называемых вождей, и что эти два течения все больше и больше расходятся. Тем самым будет подготовлен предстоящий раскол, и это очень хорошо. Но господа из правого крыла призадумаются, прежде чем издать новый указ.

У Каутского ты правильно подметил его основной недостаток. Его юношескую склонность к поспешным выводам еще более укрепил гнусный метод преподавания истории в университетах, особенно — австрийских. Там систематически приучают студентов писать исторические работы на материале, о котором они заведомо знают, что он недостаточен, но который они *должны рассматривать как*

достаточный, — следовательно, писать вещи, которые сами они не могут не считать неверными, но должны их считать верными. Все это Каутский, конечно, проделывал особенно шустро. А затем жизнь литератора — писать ради гонорара, и писать много. Таким образом, у него не было ни малейшего представления о том, что значит действительно научная работа. Он уже несколько раз основательно обжегся — на истории с населением, затем на статьях о первобытном браке. Я его тогда самым дружеским тоном пробрал как следует; в этом отношении я его не щажу и беспощадно критикую с *этой* точки зрения все, что он пишет. К счастью, я могу его утешить тем, что и сам в годы юношеского самомнения поступал точно так же и лишь у Маркса научился тому, как нужно работать. Моя критика уже приносит ему значительную пользу.

Статьи в берлинской «*Volkszeitung*», очевидно, написаны Мерингом, — по крайней мере, я больше никого не знаю в Берлине, кто бы так хорошо писал. Он очень талантлив, и у него хорошая голова, но это расчетливый субъект и предатель по натуре; надеюсь, что об этом не позабудут, когда он снова вернется к нам, а вернется он несомненно, как только времена переменятся.

Здесь были Вальтер с женой и принесли мне газеты по поводу партийной драки. В воскресенье они опять придут.

«Капитал», том II, я сейчас же по получении послал тебе в Дрезден. Рукопись III тома я в общем уже продиктовал до конца и осенью, после того как немного отдохну и разделаюсь со всякого рода другими спешными работами, приступлю к окончательной редакции. Но теперь я спокоен: рукопись переписана разборчивым почерком, на худой конец ее можно будет напечатать и так, если за это время моя песенка будет спета. Пока рукопись не была переписана, я не имел ни минуты покоя. Впрочем, редакция трех существеннейших частей, т. е. двух третей всей книги, — все еще каторжный труд. Но тут дело пойдет на лад, и я заранее радуюсь тому шуму, который вызовет эта книга своим появлением.

Осенью нас ожидают две мирные революции: выборы во Франции и в Англии.

Во Франции выборы по спискам, — изобретенные чистыми республиканцами и введенные гамбеттистами для того, чтобы принудительным избранием адвокатов и журналистов, особенно парижан, обеспечить себе навеки господство, — выкинут, вероятно, вон множество гамбеттистов и почти наверно (если не сейчас, то в скором времени) приведут к власти Клемансо и радикалов. Это последняя *возможная* буржуазная партия из ныне существующих.

Специфический козырь Клемансо — департаментское и коммунальное самоуправление, т. е. децентрализация административного аппарата и устранение бюрократии. Одно лишь начало подобной реформы было бы для Франции большей революцией, чем все революции, происходившие после 1800 г. Но господство радикалов во Франции прежде всего означает эмансипацию пролетариата от *старой* революционной традиции, непосредственную борьбу между пролетариатом и буржуазией, а следовательно установление, наконец, полной ясности в расположении борющихся сил.

Здесь, в Англии, новое избирательное право опрокинет все прежнее соотношение партий. Союз вигов и ториев и, тем самым, создание большой консервативной партии, опирающейся на *всю*, а не на разделенную, как до сих пор, на два лагеря крупную земельную собственность, и охватывающей все консервативные элементы буржуазии: банки, финансовую знать, торговлю и часть промышленности; с другой стороны, радикальная буржуазия, т. е. большинство крупных промышленников, мелкая буржуазия и, пока еще плетущийся в хвосте, снова пробуждающийся к политической жизни пролетариат, — вот исходный пункт для революции, подобного которому в Англии не было с 1689 г.

И, вдобавок, старик Вильгельм дышит на ладан. Это великолепная завязка. Посмотришь!

Твой Ф. Э.

306.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 8 августа 1885 г.

Милостивый государь!

Я подумал над Вашим предложением — написать специальное предисловие к русскому изданию, но не знаю, сумею ли я это сделать как следует.

Если Вы считаете, что Родбертуса лучше вообще не касаться, то я предложил бы Вам опустить всю вторую часть предисловия. Эта часть далеко не достаточна для выяснения того, какое место занимает автор в истории экономической науки, что может быть оправдано лишь теми особыми условиями, при которых она была написана, — я имею в виду нападки со стороны родбертусовской клики. Эта клика, необычайно влиятельная в Германии, подняла изрядный шум, и о ней, без сомнения, вскоре услышат и в России. Что

может быть легче и удобнее, чем покончить со всем этим вопросом, объявив, что наш автор просто списал у Родбертуса? Это наверно станут повторять повсюду, где нашего автора читают и обсуждают. Но во всех этих делах Вы лучший судья, и поэтому я передаю все это всецело на Ваше усмотрение, тем более что у меня нет ни малейшего представления о том, что ваша цензура может пропустить и что задержать.

Здесь распространились некоторые благоприятные слухи о судьбе нашего общего друга. Не можете ли Вы сообщить мне о нем что-нибудь новое?

Преданный Вам

П. В. Рошер.

307.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Джерси,] воскресенье
[23 августа 1885 г.]

Дорогой Каутский!

После всевозможных странствий мы прибыли сюда третьего дня утром и после некоторых хлопот устроились. За десять лет местечко почти не изменилось, и при хорошей погоде оно все так же прекрасно. Морское путешествие было превосходным, только под утро Ним, Пумпс и Лили проявили некоторую расточительность, т. е. в сущности только две последние, а Ним прилегла, и ей стало лучше. В Гернси мы выгрузили с десятка телят и десятка два овец; бедняжки очень страдали от морской болезни. Нашли пильзенское пиво и усердно потребляем, кроме того — превосходное красное вино по 10 пенсов бутылка. Пусть партия теперь делает все, что ей заблагорассудится, но если ты можешь сообщить что-либо интересное, буду очень рад. Адрес: 2, Royal Crescent, Джерси.

Сердечный привет от всех тебе, твоей жене и матери.

Твой Ф. Э.

308.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Джерси, 25 августа 1885 г.
31, Roseville st.

Милостивый государь!

Я получил Ваши письма от 6/18 и 9/21 августа, но ответу на них после моего возвращения в Лондон. Пока прилагаю письмо

редактору «Северного Вестника». Полагаю, что ответ Вы уже получили. Если нет, прошу Вас написать по прежнему адресу в Лондон, и по возвращении туда, недели через две, я pošлю Вам другой экземпляр.

Ваш П. В. Рошер.

309.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Джерси, 26 августа 1885 г.
31, Roseville st.

Уважаемый г. Шлютер!

Листы 16-й и 17-й прибыли в Лондон после моего отъезда. Каутские и Эвелинги тоже уехали, так что не было никого, кто мог бы разобраться в получаемых мною многочисленных печатных материалах и переслать их мне. Только в понедельник г-жа Эвелинг зашла ко мне на квартиру и отправила мне тогда листы. Вчера, в среду, я отослал их Вам обратно в исправленном виде. Там вставлено много слов, которых нет в оригинале и которые совершенно искажают смысл. А главное, в 17-м листе страницы совершенно перепутаны: 257, 262, 263, 258, 259, 264 и т. д., что в этой важнейшей главе книги совершенно недопустимо. Вот почему я из предосторожности пишу Вам об этом.

Я пробуду здесь еще ровно две недели. После субботы 3 сентября лучше опять направлять всю корреспонденцию в Лондон. Мы здесь буквально задыхаемся от хорошей погоды, так как из-за отсутствия дождя на этом прекрасном островке большой недостаток в воде. О партии до меня здесь ровно ничего не доходит. Впрочем, после всех этих бурь в парламентском стакане воды, в этом нет большой беды.

Сердечный привет Эде.

Ваш Ф. Э.

310.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Джерси,] 6 сентября 1885 г.

Дорогой Каутский!

В четверг выезжаем и надеемся поэтому увидеть вас в воскресенье, как обычно, у нас. «Volkszeitung» с □¹ получил, благодарю.

¹ Фирекном.

Этот человек хочет быть пай-мальчиком в глазах своего папаши ¹. Но у папаши есть дела поважнее. Ему мало того, что в 1870 г. он создал французскую республику, теперь он из кожи лезет вон, чтобы создать испанскую. Будем надеяться, что это ему удастся. Что за ослы эти великие люди!

Сердечный привет твоей жене и тебе от всех.

Твой Ф. Э.

311.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Джерси, 9 сентября 1885 г.

Вчера получил конец корректуры «Дюринга». Завтра уезжаю обратно и поэтому ничего уже не могу с ней здесь сделать, тем более, что лист 18-й лежит еще в неисправленном виде в Лондоне. Пересылка сюда адресованных в Лондон материалов была в этом году налажена очень плохо, оттого и задержка. Я первым делом возьмусь за окончание этих корректур и за предисловие. Остальное на очереди и не замедлит последовать за этим. Биографию Вольфа из «Neue Welt» прошу немедленно прислать в Лондон. Я ее тоже тотчас же приготавливаю.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Э.

312.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Джерси,] четверг
[10 сентября 1885 г.]

Дорогой Каутский!

Из-за сильной бури, во время которой я не могу рискнуть отправиться морем с детьми, мы все еще здесь и едва ли сможем выехать завтра. Я предполагал снова увидеть вас у себя в воскресенье, но из этого ничего не выйдет.

Сердечный привет жене.

Твой Ф. Э.

¹ Фирекк — внебрачный сын Вильгельма I.

313.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 23 сентября 1885 г.

Уважаемый г. Шлютер!

I. Вы, вероятно, получили уже всю корректуру «Дюринга». Последние листы были отправлены отсюда 13-го и 14-го числа. Если там чего-нибудь нехватает, то будьте любезны сообщить. Набрано было так, что без моей корректуры печатать абсолютно невозможно.

Из пробных листов последним сюда прибыл 14-й. Ожидаю остальных, чтобы составить список опечаток. Прилагаю предварительный список, где исправлено много нелепостей, по большей части оставленных в тексте мною самим. Но я еще раз просмотрю все целиком.

Прилагаю, наконец, и предисловие, которое заставило меня не мало попотеть. Во-первых, меня часто отрывали от работы, к тому же я сильно отстал в естественных науках, и мне нужно было многое прочесть.

II. Если можно, пришлите мне, пожалуйста (вместе с предисловием), корректуру брошюры «Маркс перед судом присяжных» в двух экземплярах, а в крайнем случае хотя бы пробные листы, чтобы можно было составить список опечаток. В первом издании есть грубые ошибки, и к тому же господа наборщики частенько рассуждают больше, чем этого хотелось бы писателю.

III. Предисловие и пр. к «Процессу коммунистов» будет выслано еще на этой неделе, если ничто не помешает.

IV. Тотчас же после этого я приведу в порядок биографию Лупуса¹ для «Силевского миллиарда», а также и все остальное, относящееся сюда. Это тоже будет сделано через несколько дней.

Прежде всего прошу послать мне пробные листы и корректуру моих предисловий и пр. Впоследствии пришлете мне все эти вещи в 12 экземплярах каждую.

Насчет фотографии Маркса я также позабочусь.

Затем, как только сброшу с плеч редактирование французского и английского переводов, я примусь за переработку «Крестьянской войны».

Теперь, когда я вернулся, корректуры будут отправляться быстро и аккуратно.

¹ В. Вольфа.

По поводу оформления II тома «Капитала» я мог бы во многом упрекнуть г. Мейснера. Шрифты предисловия и текста всюду перепутаны, и мне удалось, насколько это было возможно, привести их в порядок лишь в корректуре. Это непростительно. Кроме того, в 500 экземплярах совершенно вышал указатель. Прилагаю один для архивного экземпляра.

неисправим, обращение его к папаше умилительно. Старик задаст ему трепку.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

314.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 8 октября 1885 г.

Дорогой Эде!

Посылаю тебе введение к «Разоблачениям о Кельнском процессе». Если ты хочешь сперва поместить его в виде фельетона в «Sozialdemokrat», то я ничего не имею против. Тебе придется только сговориться со Шлютером, который, вероятно, с большим нетерпением ждет этой вещи. Скажи ему, что завтра он получит примечания и исправления к тексту Маркса, а также указание по поводу приложений, которые надо будет перепечатать из Штибера.

К. Каутский пришлет тебе несколько номеров «Kölnische Zeitung», где помещен первый толковый отчет о болгарских событиях. Корреспондент находится в Белграде и хорошо осведомлен; а так как Бисмарк пока несколько не заинтересован в том, чтобы приказать замалчивать это дело, то отчет этот можно считать правдивым. Итак, русские попались в собственную ловушку; они забывают, что Александр Баттенберг, как прусский гвардейский лейтенант, имеет все основания полагаться на своего «приятеля» Вильгельма.

Ты напрасно так беспокоишься по поводу «преемника» в «Sozialdemokrat». Это-то и хорошо, что тебя там нельзя заменить; если эти господа попытаются посадить на твое место кого-нибудь из своих прихвостней, то они провалятся: 1) никто из людей этого сорта не пойдет в добровольное изгнание, а 2) партия очень скоро положила бы этому конец и не стала бы издавать такую газету. Уйдешь ты, — конец «Sozialdemokrat», и очень хорошо, что эти два обстоятельства

совпадают. Август тоже считает, что цюрихские учреждения должны во что бы то ни стало остаться в наших руках, и так оно наверное и будет, потому что для других они были бы только обузой. По-моему, тебе следует позаботиться только о том, чтобы типография и издательство остались за нами, тогда с «Sozialdemokrat» уладится само собой, — в худшем случае, после того как прекратится издание теперешней газеты, начнет выходить новая. Но ты приписываешь этим господам слишком большую наступательную силу.

Оправдательный приговор в Хемнице великолепен. Это было уже чересчур даже для саксонских судей.

Французские выборы знаменуют собой крупный успех. Как я и предсказывал, голосование по спискам нанесло оппортунистам тяжелый удар. Но то, что этот удар будет настолько сокрушительен, что крупная, средняя и часть мелкой буржуазии бросится в объятия монархистов, и притом массами, — нельзя было предвидеть, по крайней мере находясь вне Франции. Оппортунисты играли в «директорию» и оказались настолько продажными, что далеко оставили за собой в этом отношении даже вторую империю, — и все же они не могли гарантировать буржуа то спокойствие, которое сулит ему монархия. Возврат к монархической мерзости, которая называется здесь *орлеанизмом*, был тем естественнее, что весь левый центр (Рибо, «Journal des Débats» и т. д.) состоит из орлеанистов, лишь напаявшихся на себя республиканскую личину, так что публика предпочитает настоящих орлеанистов, а там, где нет других возможностей, довольствуется бонапартистами и легитимистами. Дополнительные выборы покажут, вероятно, обратный результат, обнаружат, что буржуа испуган своими собственными избирательными успехами, и дадут большинство радикалам. Если нет, то вскоре разыграется драка.

Пока во всяком случае достигнуто следующее: промежуточные партии вытеснены, остались монархисты против радикалов, немногие депутаты промежуточных партий вынуждены выбирать между присоединением к тем или к другим. Тем самым ситуация сделалась *революционной*. В самой монархии во Франции серьезно не верит ни один человек, хотя бы уже из-за огромного количества претендентов. Но орлеанистская попытка возможна, и тогда заварится каша. Во всяком случае вопрос стоит так: либо «республика в опасности», либо установление «радикальной» республики. По всей вероятности победит последняя. Но тогда радикалы должны будут выполнить не только свои собственные обещания и заменить централизованную администрацию Наполеона самоуправлением департаментов и общин, как это было в 1792—1798 гг., но им

придется также опираться и на социалистов. Более благоприятной ситуации мы не можем и желать. Франция остается верной своеобразному логико-диалектическому ходу своего развития; там противоречия никогда не замазываются надолго, а всегда разрешаются борьбой. Мы можем быть этим только довольны.

То, что у социалистов так мало голосов (чем Лафарг страшно огорчен), вполне естественно. Французский рабочий не бросает свой избирательный бюллетень на ветер. И так как во Франции еще существуют *живые* партии, а не только мертвые и умирающие, как в Германии, то было бы политически совершенно нецелесообразно голосовать за не имеющего никаких шансов социалиста, если из-за этого какой-нибудь радикал получит меньшинство, а оппортунист — большинство голосов. Выставление кандидатур для подсчета своих сил встречает во Франции большие трудности; то же будет местами и в Германии, как только снова оживится тамошняя политическая лавочка. Как только развитие событий во Франции позволит социалистам стать официальной оппозицией, т. е. когда Клемансо окончательно придет к власти, мы моментально получим миллионы голосов. Но нельзя предписывать французам, чтобы они развивались на *немецкий* лад. А этим грешат многие даже из лучших людей в Германии.

Окончательное суждение можно будет высказать, конечно, только после дополнительных выборов.

Твой Ф. Э.

315.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 9 октября 1885 г.

Дорогой г. Шлютер!

Введение к «Кельнскому процессу» я послал вчера Эде на случай, если он захочет предварительно напечатать его в «Sozialdemokrat», о чем он должен будет с Вами договориться. Сейчас посылаю только оглавление, которое служит планом всей работы, список опечаток и примечания к лейпцигскому изданию 1875 г. Я поместил только оба обращения лондонского Центрального комитета от марта и июня, кельнское же обращение от декабря 1850 г. в теоретическом отношении не дает ничего нового и входит в такие детали относительно раскола, которые в настоящее время имели бы значение только для *подробной* истории тогдашнего движения.

Дело сильно затянулось, но я в этом не виноват: «La bravoure, c'est dans le ventre [храбрость зависит от желудка]», — сказал как-то маршал Даву своему квартирохозяину, тестю Маркса, когда тот похвалил его прекрасный аппетит. L'esprit, c'est dans le ventre [ум зависит от желудка], — говорю я, после того как испытал, до какой степени глупости и неспособности может довести человека катар желудка. Я 5 часов корпел над одной страницей, а потом в ярости кидал написанное в огонь, — ну, теперь это дело прошлое, и, надеюсь, не скоро повторится.

Завтра возьмусь за введение к «Силевскому миллиарду».

Зато с «Июньской резней» дело у меня пока совсем не подвигается. Я убедился, что статей из «Neue Rheinische Zeitung» нельзя перепечатывать, не сопровождая их *действительной* историей событий. Но этим нужно специально заняться, чего я не могу сделать, пока не приведу в порядок груды марксовских брошюр, так как только тогда я увижу, *какие* именно вещи мне еще нужно будет достать для этой цели. И только тогда я мог бы взяться за изучение вопроса. Так что и это дело приходится пока отложить в долгий ящик.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

316.

Энгельс — П. Лаврову

в Париж.

[Лондон,] 20 октября 1885 г.

Дорогой Лавров!

Мне очень жаль, что я не могу указать Вам источников по истории чартизма. Все мои бумаги, книги, газеты и пр., в которых содержался материал по этой эпохе, пропали в суматохе 1848 — 1849 гг. Основной источник, «Northern Star», найти невозможно даже на севере Англии (ее бывший главный редактор Гарни тщетно старается достать себе комплект). То, что писали буржуа по этому вопросу, большей частью неверно; кроме того, я совершенно не занимался всей этой литературой. Это очень скверно, потому что если Гарни не напишет мемуаров, история первой крупной рабочей партии будет утрачена навсегда.

Крайне сожалею.

Ваш Ф. Э.

317.

Энгельс — неизвестному адресату.

Лондон, 22 октября 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваше почтенное письмо от 15-го с. м. с сильно поврежденной печатью. Прилагаю ее к вящшей славе г. Стефана.

Я также, еще с 1848 г., неоднократно высказывал убеждение, что русский царизм является последним оплотом и огромной резервной армией европейской реакции. Но за последние 20 лет в России кое-что изменилось. Так называемое освобождение крестьян создало определенно революционную ситуацию, поставив крестьян в такие условия, при которых они не могут ни жить, ни умереть. Быстрое развитие крупной промышленности и свойственных ей средств сообщения, банки и т. п. только обострили это положение. Россия находится накануне своего 1789 г. Нигилисты, с одной стороны, финансовая нужда — с другой, являются симптоматическими для этого положения. До последнего займа дело обстояло таким образом, что русское правительство не могло раздобыть денег даже в Берлине, если заем не будет гарантирован собранием народных представителей. Даже Мендельсон ставил такое условие. Но тут, когда царизм находился в крайне критическом положении, в дело вмешался Бисмарк и сделал возможным заем, правда, только в 15 миллионов ф. ст. — капля в море, но этого достаточно для того, чтобы отсрочить гибель на несколько лет. Этим Бисмарк закабалил Россию, которая и сейчас без него не может достать денег, а с другой стороны, он этим отдалил русскую революцию, которая ему также некстати. Это в первый раз, что Бисмарк сумел сделать нечто такое, что не пошло бы косвенно и против его воли нам на пользу, и если он будет так продолжать, то станет для нас совершенно непригодным.

Получит ли Россия еще денег — это зависит в сущности от Бисмарка, и если он только разрешит, немецкий денежный филистер с восторгом бросится в расставленную для него ловушку. То, что он при этом потеряет свои деньги, меня нисколько не беспокоит, — наоборот, это будет ему поделом; а так называемый немецкий национальный капитал тоже потеряет при этом не много, так как та его часть, которая нас интересует, состоит из фабрик, заводов и других орудий производства, которые невозможно дать в займы России. Так называемый денежный капитал, который будет выкачан, это преимущественно фиктивный капитал, кредитные бумаги, а это не имеет большого значения. Гораздо важнее было бы затруднить России кредит

или вовсе отказать в нем, но тут немецкий толстосум (der deutsche Geldmichel) больше доверяет Бисмарку, чем нам. У меня теперь абсолютно нет времени, чтобы попытаться выяснить, как велико реальное обеспечение русского государственного кредита. Эта работа во всяком случае стоит труда и была бы очень своевременной, но для этого необходимо изучение русских условий по русским источникам. Специально для финансов достаточно было бы установления размеров русского государственного долга и изучения курсовых бюллетеней за последние годы, но чтобы выработать правильный взгляд на внутренние экономические отношения страны, потребуется тщательное изучение. Самым лучшим источником является обработанное русским военным министерством исследование под заглавием «Военно-статистический сборник», IV. Россия. Петербург, 1871 г.». Затем: *Скребицкий*, Крестьянское дело в царствование императора Александра II ¹. Бонн, 1862—1868 гг., 4 тома, всего около 5 000 страниц. Затем сборники статистических сведений по отдельным губерниям, в особенности Московской и Тверской, и *Янсон*, Сравнительная статистика России и западно-европейских государств ¹. Петербург, 1880 г., несколько томов.

Русские бюджеты не стоят той бумаги, на которой они написаны. Сплошная ложь и вымысел, еще в большей степени, чем прусские бюджеты до 1848 г.

Что касается оценки современных армий, реорганизованных по прусскому образцу, то дать ее совершенно невозможно. Одно только несомненно, что Австрия и еще в гораздо большей степени Россия нуждаются в многочисленном образованном классе, который только и может дать достаточное количество подготовленных офицеров, необходимых для столь многочисленных армий, и что русское военное руководство в турецкой кампании 1878 г., по описанию их собственного генерала Куропаткина, было ниже прусского 1806 г.

При сем возвращаю письмо Либкнехта.

С глубокими уважением и преданностью

Ф. Энгельс.

318.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 28 октября 1885 г.

Дорогой Бебель!

Провал Либкнехта в Саксонии огорчает меня из-за него лично, но, вообще говоря, это ему не повредит. Он придает своей

¹ Заглавия приведены Энгельсом по-русски.

популярности слишком большое значение и приносит ей больше жертв, чем следует; поэтому бесполезно, чтобы он, в конце концов, понял, что все уступки правым ни к чему не ведут, особенно при цензовых выборах, при которых они не дают ему даже голосов мелких буржуа.

Очень порадовали меня твои сообщения о независимом настроении масс. Господа из правого крыла, разумеется, поверят в него лишь тогда, когда двое или трое из них испытают его на собственной шкуре; среда, в которой они вращаются, состоит из ничтожных клик, и то, что они там слышат, у них считается гласом народа. Когда-нибудь у них спадет повязка с глаз.

Хроническая депрессия во всех решающих отраслях промышленности продолжает царить и здесь, и во Франции, и в Америке, в особенности по железу и хлопку. Это — неслыханное положение, хотя оно и совершенно неизбежно вытекает из капиталистической системы; перепроизводство до того колоссально, что оно даже не может привести к кризису! Свободный, ищущий помещения капитал настолько возрос, что фактически учетный процент колеблется здесь между 1 и $1\frac{1}{2}$ в год, и на краткие сроки, при ежедневной выплате или ежедневном востребовании назад (money at call), деньги можно поместить за какие-нибудь $\frac{1}{2}$ % годовых. Но именно то, что денежный капиталист предпочитает так помещать свои деньги, а не вкладывать их в новые промышленные предприятия, показывает, насколько гнилым он считает все хозяйство. Эта боязнь новых капиталовложений и старой спекуляции, боязнь, обнаружившаяся уже во время кризиса 1867 г., и является основной причиной того, что дело не доходит до острого кризиса. Но так или иначе он должен будет наступить, и тогда, надо надеяться, он положит здесь конец старым профессиональным союзам. Они преспокойно сохраняют отличавший их с самого начала цеховой характер, который с каждым днем становится все более невыносимым. Вы, вероятно, думаете, что в союзы механиков, строителей, каменщиков и т. д. может без околичностей вступить каждый рабочий данной профессии? Об этом не может быть и речи. Тот, кто пожелает вступить в союз, должен в течение ряда лет (чаще всего — семи) пробывать учеником одного из членов этого союза. Эта мера должна была ограничивать число рабочих, но она оказалась совершенно бесполезной и привела только к тому, что мастер получал деньги, ничего за них фактически не делая. Это было еще терпимо до 1848 г. Но с тех пор грандиозный подъем промышленности создал целый класс рабочих, численно не уступающий и даже превышающий «обученных» рабочих, входящих в трэд-юнионы; они работают не

хуже, а часто и лучше последних, но никогда не могут стать членами союза. Эти люди *прямо-таки воспитаны* на цеховых правилах традиционных. Но ты думаешь, что союзам когда-либо приходило в голову отменить эту нелепицу? Ничуть не бывало. Я не припомню, чтобы мне довелось читать о подобном предложении, которое было бы внесено на каком-нибудь конгрессе трэд-юнионов. Это дурачье хочет реформировать общество по своему образцу, а не себя в соответствии с развитием общества. Они цепляются за свой традиционный предрассудок, который им самим приносит только вред, вместо того чтобы отбросить весь этот хлам, удвоить тем самым свою численность и свою мощь и снова фактически стать тем, чем они являются все в меньшей и меньшей мере, а именно — союзами всех рабочих данной отрасли против капиталистов. Это, я думаю, разъяснит тебе многое в поведении здешних привилегированных рабочих.

Здесь, прежде всего, необходимо, чтобы в парламент вошло как можно больше официальных рабочих вождей. Тогда дело быстро пойдет на лад: они не замедлят разоблачить себя сами. Выборы в ноябре дадут в этом отношении много, десять-двенадцать из них наверняка получат мандаты, если только их либеральные друзья в последнюю минуту не подложат им свинью. Первые выборы по новой системе всегда являются своего рода лотереей и раскрывают лишь маленькую частицу той революции, вступлением к которой они являются. Но всеобщее избирательное право, — а новое английское избирательное право, при отсутствии крестьянства и при передовой промышленной роли Англии, дает рабочим такую же силу, как германское всеобщее, — в настоящее время служит наилучшим рычагом пролетарского движения, и таким рычагом оно станет и здесь. Вот почему так важно прикончить как можно скорее Социал-демократическую федерацию, вожди которой сплошь политические карьеристы, авантюристы и шелкоперы. Глава их, Гайндман, всячески помогает этому. Он не может дожидаться, пока «на башне двенадцать пробьет», как поется в народной песне, и в погоне за успехом компрометирует себя с каждым днем все больше и больше. Это — жалкая карикатура на Лассалья.

О французах, по-моему, ты судишь не вполне справедливо. Масса в Париже «социалистична» в смысле более или менее нейтрального среднего социализма, который постепенно дистиллировался из Прудона, Луи Блана, Пьера Леру и т. д. Единственный их опыт, связанный с коммунизмом, это «Утопия» Каба; опыт этот закончился образцовой американской колонией, т. е. бегством из Франции, грязней и полу-банкротством в Америке. Все, что выходит за пределы этого, они

получают из Германии, и немудрено, что Франция, — страна, где с 1789 по 1850 г. политические идеи не только каждый раз впервые получали острую формулировку, но и переводились на язык практики, — немножко упрямится, не желая подписать свою отставку от руководящей роли в области революционной теории, в особенности после славной Коммуны, и к тому же в пользу Германии, которую парижские рабочие фактически победили в 1870 г., так как немецкая армия не осмелилась занять Париж; это — факт, кстати сказать, неслыханный во всей военной истории. А вдобавок подумай: откуда было французским рабочим притти к более правильным взглядам? Ведь даже французское издание «Капитала» для них — книга за семью печатями, и не только для них, но и для образованных слоев. Единственное, что они знают, это мое «Развитие социализма», и оно действительно произвело ошеломляющее впечатление. Ни один из вождей не знает немецкого языка. Я не считаю Вайяна, так как у него, как у бланкиста, совсем иная тактика, чем у нас. Г-жа Лафарг взялась, наконец, за перевод «Манифеста» на хороший французский язык. Знакомство с теорией оставляет желать лучшего даже у вождей, и если бы ты знал Париж, ты бы понял, как там легко жить и агитировать, но как трудно работать всерьез. Итак, откуда у французских рабочих могли бы взяться правильные взгляды?

И еще одно — относительно выборов. У нас легко голосовать за социал-демократа, потому что мы единственная настоящая оппозиционная партия и потому что рейхстаг не имеет ведь никакого значения — так что избирателю, в конце концов, безразлично, голосовать ли за того или за другого и вообще за кого бы то ни было из породы «мы ведь все равно собаки». Впрочем, центр еще представляет собой партию с самостоятельной политикой. Но во Франции — совсем другое дело. Там палата — решающая сила в стране, и там не бросают на ветер свой избирательный бюллетень. Надо также помнить и то, что там гамбеттисты против монархистов, радикалы против гамбеттистов, это каждый раз — новый шаг вперед. Это подтверждается и на практике. В Германии с 1870 г. процветает юнкерская реакция, и все идет назад. У французов же теперь лучшие в мире школы, обязательное обучение, и, в то время как Бисмарк не может справиться с попами, во Франции они совершенно вытеснены из школ. Наша германская армия, если не считать прироста социал-демократических элементов, — еще более подлое орудие реакции, чем когда бы то ни было. Во Франции всеобщая воинская повинность чрезвычайно приблизила армию к народу, и именно *армия в первую очередь*

делает невозможной монархию (ср. 1878 г.). А если теперь к власти придут радикалы и будут принуждены провести в жизнь свою программу, то это будет означать: децентрализацию управления, самоуправление департаментов и общин, как в Америке и во Франции в 1792—1798 гг., отделение церкви от государства, — каждый платит своему попу из своего кармана. Ни в Германии, ни во Франции мы пока еще не в состоянии руководить историческим развитием. Но из-за этого историческое развитие не стоит на месте. В Германской империи оно в данный момент идет, однако, назад, во Франции же неизменно движется вперед. Но наш черед придет — таков медленный, но неуклонный ход истории, — как только буржуазные и мелкобуржуазные партии на деле наглядно докажут свою неспособность к руководству страной и зайдут в тупик. (Если бы во Франции произошла революция, то в Германии наш черед наступил бы несколько раньше срока, но лишь в том случае, *если нас подхватит европейский ураган.*) Поэтому-то в известном смысле верный инстинкт парижских рабочих заставляет их поддерживать самую радикальную из возможных партий. Как только радикалы окажутся у власти, тот же самый инстинкт толкнет рабочих в объятия коммунистов, так как радикалы связаны *старой*, путано-социалистической (а не коммунистической) программой и должны с ней провалиться. И вот тогда-то инстинкт и разум совпадут, самой радикальной из возможных партий будет в то время пролетарская партия, как таковая, и дело быстро двинется вперед. Но англичане и французы давно позабыли о своей дореволюционной девственности, тогда как мы, немцы, все еще тащим за собой это порой весьма обременительное украшение, поскольку мы еще ни разу не проделали *самостоятельной* революции. То и другое имеет свои преимущества и недостатки, но было бы очень несправедливо к различной позиции рабочих трех стран подходить с одним и тем же односторонним масштабом.

Книгу Адлера¹, очень плоскую и основанную главным образом на Штибере, Каутский мне передал; я помогу ему подвергнуть ее критике.

Не приедешь ли ты еще как-нибудь сюда? Если дела приведут тебя на Рейн, то это было бы очень просто.

Твой Ф. Э.

¹ Г. Адлер. «Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland».

319.

Энгельс — Г. Шлютеру
в Цюрих.

Лондон, 11 ноября 1885 г.

Дорогой г. Шлютер!

Пробные листы «Дюринга» получил по 20-й лист включительно, нет еще окончания и предисловий; как только они придут, Вы получите список опечаток.

Работаю над введением к «Силезскому миллиарду». Оно было бы уже давно готово, если бы не всевозможные помехи. Это лежит тяжелым бременем у меня на совести, и без крайней нужды я не задержу его ни на один лишний час.

Корректуру «Союза коммунистов» Вы уже, вероятно, получили. Передайте, пожалуйста, Эде, что я еще раньше получил через Каутского книгу того воробья, который именуется орлом¹, и нарочно о ней не упомянул, так как она также пользуется Штибером как надежным первоисточником. История с Буттермильхом-Борном изложена таким образом именно потому, что, как доказала мне эта книга, Борн исподтишка сообщил Адлеру о том, кто такой Буттермильх, но (см. предисловие) запретил упоминать свое имя. За это его нужно было бы как следует взгреть.

Дитц написал Каутскому, что *теперь* он хотел бы издать мое «Происхождение [семьи]», и спрашивает, не имею ли я чего-либо против этого. Я ответил, что не возражаю, но пусть он договорится с Вами и с Шабелицем. Делайте так, как считаете более целесообразным. В случае моего согласия Дитц обещает организовать продажу, чем я, конечно, был бы очень доволен, но это, в конце концов, зависит также и от Цюриха, раз книга уже целый год продается без всякого запрета. С другой стороны, именно из-за его нерешительности печатание затянулось на несколько месяцев, а теперь, после того как рисковали другие, ему легко говорить. Кроме того, подробностей тогдашних переговоров с ним я не знаю, поэтому могу только направить его к Вам. Итак, решите, пожалуйста, это дело всецело по своему усмотрению.

В «Дюринге» я нашел еще целую кучу опечаток, которые я сам пропустил. Я так привык читать *две* корректуры, — одну для проверки общего смысла, а другую для исправления отдельных опечаток, — что без этого я пропускаю в тексте явную бессмыслицу. Этим объясняется большинство опечаток в первых 11 листах, которые я к тому же исправлял при особо неблагоприятных обстоятельствах.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

¹ Г. Адлера (Adler — орел).

320.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 13 ноября 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши два письма от 6/18 и 9/21 августа, когда был в Джерси, и тотчас же послал Вам, как Вы просили, письмо для «Северного Вестника»¹. С тех пор обилие работы мешало мне ответить Вам более подробно на эти письма, а также и на письмо от 25 августа/5 сентября.

Я не сомневался, что II том доставит Вам такое же удовольствие, как и мне. В нем развиты теории столь высокого порядка, что рядовой читатель не даст себе труда вникнуть в их глубину и проследить их до конца. Это в действительности и происходит в Германии, где вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно. Наши катедер-социалисты в теоретическом отношении никогда не поднимались над уровнем склонных к филантропии вульгарных экономистов, а в настоящее время они опустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. Для них II том навсегда останется книгой за семью печатями. Разве не прекрасный пример того, что Гегель называет иронией всемирной истории, тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения самой могущественной европейской державы германская историческая наука оказалась низведенной до такого же жалкого уровня, к которому она пришла в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность. И вот, германская «наука» в недоумении таращит глаза на эту новую книгу, не будучи в состоянии понять ее; и только благодетельный страх перед последствиями мешает представителям этой «науки» критиковать ее публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание. III том, однако, заставит их заговорить.

Что касается этого III тома, то я закончил первоначальную работу по переписке оригинала начисто в разборчивом виде. Три четверти почти совершенно пригодны для печати так, как они есть; но остальная четверть или, возможно, треть тома потребует много труда: первый раздел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующие разделы, о кредите, а частью

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски.

также и о земельной ренте, и кроме того, отдельные места почти во всех остальных разделах. За последние два месяца мне пришлось уделять внимание многим другим работам, запущенным вследствие того, что я был занят исключительно II и III томами. Это займет еще некоторое время, а затем, быть может, еще месяц уйдет на просмотр английского перевода I тома, который почти закончен, и после этого я возьмусь за III том и доведу его до конца. Он, возможно, будет издан в двух частях, так как в нем около 1 000 страниц.

Очень Вам благодарен за сделанные Вами выписки из писем автора за 1879 — 1881 гг. Читая их, я не мог удержаться от грустной улыбки. Увы, мы все так привыкли к подобного рода оправданиям по поводу незаконченной работы! Всякий раз, когда состояние его здоровья лишало его возможности продолжать работу, это лежало тяжелым бременем на его сознании, и он рад был найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание тому, что работа не могла быть тогда закончена. Все эти аргументы он в то время приводил и мне, и они, казалось, успокаивали его.

После того как я закончу III том и выберу из других рукописей то, что годится для опубликования, я, по всей вероятности, попытаюсь собрать ту часть переписки автора, которая имеет научное значение, и в этом отношении его письма к Вам занимают одно из первых мест. Когда дойдет до этого, я воспользуюсь Вашим любезным предложением предоставить в мое распоряжение копии этих писем.

Мне часто представляется возможность отправлять Вам брошюры и т. п. — новые издания работ автора, мои собственные произведения и т. д., но я не знаю, насколько безопасно посылать их непосредственно Вам. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили, как поступить.

Надеюсь, что здоровье нашего общего друга улучшается, несмотря на неблагоприятные предсказания его врачей. Я буду рад получить о нем какие-либо известия.

Кризис, о котором автор говорит в своих письмах, был действительно исключительным. Этот кризис все еще продолжается, вся Европа и Америка страдают от него и по сей день. Одной из причин этого является отсутствие финансового краха. Но важнейшая причина, это, без сомнения, — совершенно изменившееся положение мирового рынка. С 1870 г. Германия и в особенности Америка стали конкурентами Англии в современной промышленности, тогда как в большинстве других европейских стран собственная промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии.

Последствием этого явилось распространение процесса перепроизводства на гораздо большую территорию, чем тогда, когда этот процесс ограничивался преимущественно Англией, причем перепроизводство приобрело — и сохраняет до сих пор — не острый, а хронический характер. Отдаляя наступление грозы, которая прежде очищала атмосферу каждые десять лет, эта все продолжающаяся хроническая депрессия неизбежно приведет к краху такой силы и таких размеров, какого мы никогда раньше не знали. Тем более, что аграрный кризис, о котором говорит автор, также продолжался до сего времени, распространился почти на все европейские страны и будет продолжаться до тех пор, пока не истощится девственный чернозем¹ западных американских прерий.

Глубоко уважающий Вас

П. В. Рошер.

321.

Энгельс — А. Бебелью

в Берлин

Лондон, 17 ноября 1885 г.

Дорогой Бебель!

Еще несколько слов, прежде чем ты отправишься в рейхстаг.

Шумахеру в ответ на обстоятельное письмо, в котором он оправдывал свою позицию в вопросе о паровой субсидии, я написал не менее обстоятельно и в своем ответе развивал свою старую точку зрения: если не желаешь, — шадя мнимые предрассудки некоторых избирателей, — *безоговорочно* голосовать против государственной помощи господам буржуа из кармана рабочих и крестьян, то это, на мой взгляд, позволительно лишь в том случае, если точно такая же сумма государственной помощи прямо предоставляется городским или сельским рабочим, — в первую голову товариществам сельскохозяйственных рабочих для обработки государственных земель.

Чтобы избежать недоразумений, я попросил его, в случае если он захочет использовать мое письмо в разговорах с другими товарищами, *сообщать им это письмо непременно целиком.*

Либкнехт вдруг очень храбро выступил на авансцену. «Размышления» в тюрьме, чтение наполовину забытого «Капитала», наконец перспектива оказаться между двух стульев, которая благодаря

¹ Чернозем — написано Энгельсом по-русски.

правым становится для него все яснее, — все это, повидимому, на него отлично подействовало. Я буду очень рад, если это надолго. В решительный момент. Либкнехт, несомненно, займет правильную позицию, но до этого он нам доставит не мало мучительных хлопот своим замазыванием, которое он принимает за дипломатию и в котором он действительно даст нам всем много очков вперед.

Угроза европейской войны становится серьезной. Все эти жалкие осколки былых наций — сербы, болгары, греки и прочие головорезы, о которых в интересах России трубят либеральные филистеры, — все они рады сжить друг друга со света и вот-вот перегрызут друг другу кровожадные глотки. Это было бы чудесно, и филистеры, которые болтают о национальностях, получили бы отличный урок, если бы только от каждого из этих карликовых племен не зависели война и мир в Европе. Первый выстрел раздался при Драгомане, но никто не может сказать, где и когда раздастся последний.

Наше движение так хорошо подвигается вперед, все повсюду так удачно складывается в его пользу, и, наконец, мы так нуждаемся в нескольких годах спокойного развития и укрепления, что никоим образом не можем желать крупной политической катастрофы. Она на многие годы отеснила бы наше движение на задний план, и после этого нам пришлось бы, вероятно, с большим опозданием начинать все с начала, как после 1850 г.

С другой стороны, война могла бы вызвать революцию в Париже, которая затем дала бы косвенным образом сильный толчок движению в остальной Европе; но тогда руководство оказалось бы в руках французов, которые в подобной обстановке были бы, несомненно, настроены крайне шовинистически и которые к этой роли, при своем уровне теоретического развития, наименее пригодны. Как раз для французов, которые с 1871 г. со свойственной им бессознательной логической последовательностью отлично развиваются политически, были бы чрезвычайно ценны несколько лет ничем не нарушаемого господства радикалов. Ибо эти радикалы исповедуют вульгарный, сшитый из лоскутов Л. Блана, Прудона и т. д. эклектический социализм, и для нас имело бы огромное значение, если бы им представился случай на практике развенчать свои собственные фразы.

Напротив, большая война, если она разразится, выведет на поле битвы шесть миллионов солдат и поглотит невероятно много денег. Это будет неслыханное кровопролитие, опустошение территорий и, в конечном счете, небывалое истощение. Вот почему все эти господа так боятся ее. Но можно сказать заранее: если эта война разразится, она будет последней, она повлечет за собой окончательный крах

классового государства — политический, военный, экономический (включая финансовый) и моральный. Может дойти до того, что военная машина взбунтуется и откажется продолжать взаимную резню из-за каких-то там балканских народов. Клич классового государства: после нас хоть потоп; но после потопа придем мы, и только мы.

Итак, всякое событие попрежнему обращается, в конце концов, в средство для того, чтобы привести нашу партию к власти и положить конец всему старому мошенничеству. Но, признаюсь, я хотел бы, чтобы дело обошлось без этой бойни: она не является необходимой. Если же это неизбежно, то я надеюсь, что мой старый недуг не помешает мне в нужный момент снова сесть на коня.

Твой старый

Ф. Э.

322.

Энгельс — М. Каутской

в Париж.

Лондон, 26 ноября 1885 г.

Дорогая г-жа Каутская!

(Разрешите мне, пожалуйста, Вас так попросту и называть: к чему таким людям, как мы с вами, излишние церемонии?)

Прежде всего сердечно Вам благодарен за дружескую память обо мне. Я очень жалею, что наша здешняя встреча продолжалась так недолго. Уверю Вас, что мне было бесконечно приятно познакомиться с немецкой писательницей, которая не перестала быть обыкновенной женщиной: ведь в этой области я имел несчастье знать лишь аффектированных «образованных» берлинок, которых только потому не хотелось отправить обратно на кухню, что они, в конце концов, наделали бы суповой ложкой еще больше бед, чем пером. Итак, я надеюсь, что в недалеком будущем Вы снова пересечете Ламанш и мы с Вами опять побродим по Лондону и его окрестностям, рассказывая друг другу всякие забавные истории, чтобы наша беседа не стала чересчур серьезной.

Я охотно верю, что Лондон Вам не понравился. Когда-то я относился к нему так же. С трудом привыкаешь к его хмурому небу и хмурым по большей части людям, к замкнутости и классовой разобщенности в общественном быту, к жизни в закрытых помещениях, как того требуют климатические условия. Приходится сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную

энергию, понизить барометр жизнерадостности, примерно, с 760 до 750 миллиметров, чтобы постепенно свыкнуться с этим укладом. Зато, когда понемногу привыкнешь к окружающему, начинаешь находить в нем и положительные стороны, убеждаешься, что люди здесь в общем прямее и надежнее, чем где бы то ни было, что ни один город не приспособлен для научных занятий лучше, чем Лондон, и что отсутствие полицейских придирок тоже искупает многое. Я знаю и люблю Париж, но если бы мне пришлось выбирать, то для постоянной жизни я предпочел бы Лондон. Чтобы всецело наслаждаться парижской жизнью, нужно самому стать парижанином со всеми его предрассудками, с его интересом, в первую очередь, к делам чисто парижским, с его привычкой верить, что Париж — пуп земли, начало и конец вселенной. Лондон некрасив, но зато он величественнее Парижа, это подлинный центр мировой торговли, и вдобавок он гораздо разнообразнее. Лондон допускает, к тому же, совершенную независимость от всего окружающего, столь необходимую для научной и даже художественной беспристрастности. Парижем и Веной восхищаются, Берлин ненавидят, к Лондону относятся с нейтральным равнодушием и объективностью. Это тоже чего-нибудь да стоит.

Кстати, о Берлине. Я рад, что этой злосчастной дыре удалось, наконец, стать мировым городом. Но еще Рахиль Варнгаген сказала 70 лет тому назад: в Берлине все *захолустно*, и Берлин, повидимому, хочет показать миру, каким захолустным может быть мировой город. Если бы Вы передушили всех «образованных» берлинцев и чудом создали бы там хотя бы только сносную обстановку, если бы Вы перекроили весь Берлин вдоль и поперек, — тогда, быть может, из него и вышло бы что-нибудь порядочное. Но пока там говорят на *таком* диалекте, вряд ли это возможно.

«Старые и новые»¹ — за присылку их сердечно благодарен — я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане»². Картины венского общества тоже большей частью очень хороши. Вена ведь единственный немецкий город, где есть общество. В Берлине имеются только «известные круги», а еще больше неизвестных, и поэтому там есть почва только для романа из жизни литераторов, чиновников и актеров. Не развивается ли мотивировка действия в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно? Вам легче судить, чем мне. Многое.

¹ Роман М. Каутской «Die Alten und die Neuen».

² Роман М. Каутской «Stefan vom Grillenhof».

что производит на нашего брата такое впечатление, может быть совершенно естественным в Вене при ее своеобразно интернациональном характере, насыщенном южными и восточно-европейскими элементами. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, «этот», как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть. Однако, чтобы быть беспристрастным, я должен найти и что-нибудь отрицательное, и тут мне приходит на память Арнольд. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он, в конце концов, погибает, упав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь сославшись на то, что он был слишком хорош для этого мира. Но автору никогда не следует слишком восторгаться своим героем, а мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще сохраняет черты определенной индивидуальности, хотя тоже несколько идеализирована, но в Арнольде личность еще больше растворяется в принципе.

Корни этого недостатка чувствуются, впрочем, в самом романе. Очевидно, Вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов. К тому же в наших условиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не принадлежащих прямо к нам, кругов, а поэтому социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности основ существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского

«общества» и удивительная свежесть изображения и того и другого найдет здесь для себя неисчерпаемый материал, а в «Стефане» Вы доказали, что умеете относиться к своим героям с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением.

Но на этом кончаю, чтобы не слишком Вам наскучить. У нас все по-старому. Карл ¹ с женой изучают физиологию на вечерних курсах Эвелинга и вообще прилежно работают, я тоже весь ушел в работу; Ленхен, Пумпс и ее муж идут сегодня вечером в театр смотреть сенсационную пьесу, а тем временем старая Европа снова собирается притти в движение, — да и пора. Хочу только надеяться, что она позволит мне закончить третий том «Капитала», а там — добрый час!

С сердечным дружеским приветом и искренним уважением

Ваш Ф. Энгельс.

323.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 1 декабря 1885 г.

Дорогой Либкнехт!

О русских финансах см. «Статистику» Кольба, изд. 1875 г., стр. 499 и следующие. Последний из указанных там займов относится к ноябрю 1873 г. и составляет 15 миллионов ф. ст. С тех пор в 1875 г. был с грехом пополам состряпан еще один заем, тоже в 15 миллионов ф. ст., но вместе с тем банкиры заявили русским, что они дают деньги в последний раз, если займы не будут впредь гарантированы представительным собранием. После предварительного завершения в 1869 г. операций с денежными суммами, которые были заняты для железнодорожного строительства, русские получили следующие суммы:

1870 г.	—	12	миллионов	ф.	ст.
1871 г.	—	12	»	»	»
1872 г.	—	15	»	»	»
1873 г.	—	15	»	»	»
1875 г.	—	15	»	»	»

Итого за шесть лет — 1870—1875 гг. — 69 миллионов ф. ст., т. е. 1380 миллионов марок. Затем пришлось прибегнуть к новым уловкам.

¹ Каутский.

Последовал 1) *внутренний* заем. Хотя это был фактически принудительный заем, все же его результат почти = 0, так как, ввиду недостатка капиталов в стране, правительство должно было само ссудить себя собственными деньгами (бумажными), чтобы создалось впечатление, будто заем покрыт подпиской с превышением. 2) Был выпущен закавказский железнодорожный заем в 8 904 200 ф. ст. Он был покрыт (в 1880 или 1881 г.?) за границей под залог железной дороги Поти — Баку, но пошел главным образом на строительство самой дороги; финансовая нужда, таким образом, не уменьшилась. Все это время пришлось обивать пороги у банкиров, но безуспешно. Наконец сам министр финансов поехал на Запад — в Париж, Берлин, Амстердам; в Лондоне он не был, считая это совершенно безнадежным. Отовсюду он уехал несолоно хлебавши; даже главный берлинский банкир Мендельсон будто бы прямо потребовал парламентских гарантий, — во всяком случае отказал и он. Таким образом, вопрос был только в том, будет ли созвано учредительное собрание в России годом раньше или позже, — другого выхода не было. Но тут Гирс отправился в Фридрихсруэ, изъявил покорность, и Бисмарк раздобыл ему в Германии 15 миллионов ф. ст., которые оттянут развязку на некоторое время.

(Отсюда следует, между прочим, что Россия не может начать никакой войны без разрешения Бисмарка, так как только с его помощью она может раздобыть денег, а 15 миллионов давно уже ухнули. Так что если Россия все же вздумает воевать или серьезно грозить войной, то Бисмарк будет нести за это прямую ответственность.)

Я не читаю «Economist» и не знаю, где можно достать комплект этого журнала, потому что здесь почти все читальни захирели из-за многочисленных клубов. Я скажу Каутскому, чтобы он просмотрел «Economist», «Statist», «Bullionist» и «Money Market Review» (если он сможет их найти) и сделал для тебя выписки.

Хотя твое письмо было отправлено 26 ноября в 11 — 12 часов дня, оно прибыло сюда только 28-го утром; при этом с клеем была проделана какая-то манипуляция, как видно по конверту, который прилагаю. Твое письмо должно было быть здесь 27-го вечером. Впрочем, библия для того и лежит на алтаре, чтобы ее *раскрывали*.

Твою речь по поводу первого чтения бюджета мне прислал Бибель из Дрездена. Она была превосходна; меня удивляет только, что тебя так редко прерывали. Но неизбежного призыва к порядку ты все-таки добился.

Твой Ф. Э.

Это письмо запечатано графской короной и монограммой из переплетенных букв J и S.

Здесь выборы протекают прекрасно. Ирландцы впервые голосовали в Англии всей массой за *одну* партию, и именно за ториев. Этим они показали *либералам*, до какой степени они и в Англии являются решающей силой. 80 — 85 сторонников гомруля — один из них был избран даже в Ливерпуле! — играют здесь такую же роль, как центр в рейхстаге, и могут свалить любое правительство. Теперь Парнелл должен показать, что он собой представляет.

Кроме того, побеждает и *новое* «манчестерство», т. е. теория боевых пошлин, которые здесь, правда, еще бессмысленнее, чем в Германии, но которые после восьмилетнего застоя в делах овладели умами молодого поколения фабрикантов. Затем — оппортунистическая слабость Гладстона и неуклюжая тактика Чемберлена, который вначале был груб, а потом пошел на мелкие уступки; эта тактика породила лозунг: церковь в опасности! Наконец — жалкая внешняя политика Гладстона. Либералы прикидываются, будто верят тому, что новые сельские избиратели будут голосовать за них. Конечно, голосов этих избирателей нельзя учесть заранее; но для получения абсолютного большинства либералы должны были бы из 300 еще остающихся округов завоевать 180, а этого они не добьются. Парнелл почти наверняка будет диктатором Великобритании и Ирландии.

324.

Энгельс — П. Лавинь

в Париж

[Черновик.]

[Лондон,] 1 декабря 1885 г.

Гражданин!

Когда я получил Ваше письмо от 8 августа, вместе с Вашей рукописью, я как раз собирался в Джерси, откуда вернулся только 14 сентября. Затем я был так завален спешной работой, что не имел возможности заняться просмотром французского перевода «18 брюмера». Теперь, когда у меня нашлось, наконец, для этого свободное время, я очутился между двумя соперничающими рукописями.

Прежде всего, я никак не могу быть судьей в споре, причины и сущность которого мне недостаточно хорошо известны. Я знаю только, что Фортен переписывался с Марксом за несколько лет до смерти последнего; что он просил меня просмотреть его перевод, что

я обещал ему это и уже просмотрел часть его рукописи. По отношению к нему я связан, таким образом, известным обязательством. При таких условиях я не считаю себя в праве использовать каким бы то ни было образом Вашу работу; я не позволил себе прочесть из нее ни одной страницы, потому что если бы она оказалась лучше работы Фортена, я поневоле ввел бы в его рукопись некоторые Ваши фразы; а это было бы несправедливо по отношению к Вам, да, пожалуй, и по отношению к Фортену, поскольку Вы с ним теперь не в ладах. Поэтому, к большому моему сожалению, долг беспристрастия запрещает мне ознакомиться с Вашей работой.

Ожидаю Ваших распоряжений относительно рукописи.

Перевод II тома «Капитала» чрезвычайно трудная вещь; кроме того, в будущем году у меня не будет решительно никакой возможности заняться его просмотром, и затем тут придется учесть еще целый ряд соображений. В настоящий момент я никому ничего не могу обещать; это вопрос будущего.

Примите мой искренний привет.

325.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон,] 2 декабря 1885 г.

Дорогой Каутский!

По поводу Адлера:

1) Не забудь упомянуть, рассказывая про историю с пистолетами, что унтер-офицеры были при *саблях*. Они жаловались на оскорбление унтер-офицерского звания.

2) Гесс. Невозможно, конечно, установить, — ведь с мая 1848 г. я его больше не видел, он куда-то исчез, — не провел ли он несколько дней в Бадене или Пфальце. Но он, во всяком случае, нигде не «участвовал», он не был там ни агитатором, ни журналистом, ни чиновником, ни солдатом, и поэтому непонятно, как могло какое-либо правительство (Адлер должен был бы указать, какое именно) приговорить его к смертной казни.

3) По поводу Либкнехта. Когда будешь писать ему, дай мне возможность приложить несколько разъяснительных строк, я вчера забыл ему кое о чем написать.

Твой Ф. Э.

326.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 5 декабря 1885 г.

Дорогой Либкнехт!

Прилагаю выдержки из «Economist» и «Bullionist».

Суммы, указанные в моем письме от 1 декабря, — это суммы русских займов, обращающихся на здешней бирже. Заем 1884 г. (бисмарковский) *здесь не продается вовсе, он исключен* из списка бумаг, продающихся на бирже. Так же обстоит дело с наспех заключенными в разных местах после 1878 г. более мелкими займами, которые размещены главным образом внутри страны и котируются на берлинской бирже. Из них указаны в списке курсов:

5%-й восточный заем I, II и III,

4%-й заем 1880 г.,

6%-я рента 1883 г.

и еще кое-какой хлам, о котором у меня неясное представление. О них тебе придется навести справку в Берлине у какого-нибудь биржевика.

Они фигурируют отчасти в приложенных выдержках, но только с указанием чистой суммы, которую якобы получило правительство.

Русский бумажный рубль, который по номиналу должен равняться 39 пенсам, идет теперь по 23 пенса, т. е. на 16 пенсов, или на 41%, ниже своей полной золотой стоимости.

Если русское правительство еще ухитрится размещать свои бумажонки внутри страны, то это объясняется только невероятным застоєм в делах, при котором русским фабрикантам выгоднее вкладывать свои денежные излишки в бумаги, дающие 6 — 7%, чем в разорительное теперь расширение фабрик или торговые спекуляции. Процентные купоны служат средством платежа, особенно при выдаче заработной платы. Таким образом, в России обращаются сейчас купоны, подлежащие оплате лишь в 1891 — 1892 гг., и рабочие вынуждены принимать их в качестве полной заработной платы, но с трудом сбывают с рук за полцены (нечто подобное было недавно в Германии). Эти сведения я получил *непосредственно из России.*

Твой Ф. Э.

327.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 5 декабря 1885 г.

Старый дружище!

Давно уже я не получал от тебя никаких известий и потому хочу сам послать о себе весточку, сообщая, что отправил тебе 5 фунтов, о которых ты, надеюсь, получишь извещение одновременно с этим письмом и которые, быть может, облегчат тебе переход от старого года к новому. Надеюсь, что ты еще здоров и бодр и скоро подтвердишь это письмецом.

В последнее время я здорово поработал, о чем ты можешь судить по цюрихскому книгоиздательству; в особенности же я воспользовался случаем, чтобы освежить кое-какие работы из времен молодости, от 1848/49 г. Это становится крайне необходимым, так как молодежь, которая все перезабыла или вообще никогда об этом не знала, начинает теперь проявлять желание узнать, что тогда происходило, и тут-то именно и нужно, при наличии большого количества недостоверных источников и сообщений, дать ей как можно больше верных сведений. Было бы чрезвычайно важно, чтобы ты закончил свои мемуары. Несколько лет тому назад в «Neue Welt» появилось несколько твоих чудесных вещиц, отрывков, а ты такой мастер рассказывать, и, кроме того, твои воспоминания идут на целых 10 — 15 лет дальше, чем мои, и охватывают период от 1830 до 1840 г., который тоже имеет большое значение для последующего развития. Возможно, что благодаря этому удастся даже заработать денег, что никогда не помешает.

Теперь мне предстоит еще переработать «Крестьянскую войну», которая очнь в этом нуждается, а затем я возьмусь за третий том «Капитала», который вчерне уже продиктовал с рукописного оригинала и теперь он переписан разборчивым почерком. Это тоже был каторжный труд. Зато вещь замечательная. К сожалению, мне все время мешает множество переводов на французский, английский, итальянский и датский языки, которые приходится просматривать и которые в большинстве случаев сильно в этом нуждаются. К счастью, я не настолько знаю русский и польский, чтобы редактировать на этих языках, а не то этому вообще не было бы конца. Но это может служить тебе доказательством того, какое широкое международное распространение получил теперь наш коммунизм, и поэтому всегда

доставляет удовольствие возможность вложить и свою лепту в дело его дальнейшего распространения.

Надеюсь, что несчастная балканская история окончится благополучно. Мы везде так прекрасно подвигаемся теперь вперед, что балканская война была бы для нас сейчас нехоти — слишком поздно или слишком рано. Но в конечном счете и она оказалась бы нам на-руку, потому что раз навсегда положила бы конец милитаризму — путем истребления $1\frac{1}{2}$ миллионов людей и растраты 1 000 миллиардов франков. После этого стала бы невозможной какая бы то ни было война.

Выборы во Франции подали радикализму надежду на близкое господство и тем самым сильно помогли и нам. Здешние выборы сделали в данный момент ирландцев господами Англии и Шотландии. Ни одна из двух партий не может управлять без них. Предстоят еще выборы примерно 100 депутатов, но они мало что изменят. Этим, наконец, будет исчерпан ирландский вопрос, — если и не сейчас, то все же в ближайшем будущем, — а тогда и здесь будет проторена дорога. Вместе с тем избраны 8 или 10 рабочих; часть из них — наймиты буржуазии, а часть — настоящие трэд-юнионисты, которые, вероятно, здорово оскандалятся и этим чрезвычайно ускорят образование самостоятельной рабочей партии благодаря тому, что рассеют наследственный самообман рабочих. История шагает здесь медленно, но все же движется вперед.

Сердечный привет от твоего старого

Ф. Энгельса.

328.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 7 декабря 1885 г.

Дорогой Эде!

И у нас тут буря в социалистическом стакане воды. Каутский тебе, вероятно, кое-что уже писал; посылаю тебе еще два номера «Echo» (либеральная). Остальные материалы и документ (письмо Блэнда, основанное на протоколе Исполнительного комитета Социал-демократической федерации, которое Эвелинг тебе посылает) содержат самое главное.

На этот раз Гайндман сам себя доконал. Он брал у ториев деньги для поддержки социалистических кандидатур, чтобы отнять голоса

у либералов. В 340 ф. ст. он признался, но так как официальные расходы на три кандидатуры составили до 600 ф. ст., то всего он должен был получить около 1 000 ф. или еще больше.

Брать деньги у другой партии при известных обстоятельствах и в виде исключения допустимо, если 1) деньги даются без всяких условий и 2) если из этого не проистекает больше вреда, чем пользы. В данном случае было как раз наоборот. 1) Деньги были даны с условием, что социалистические кандидаты будут выставлены в таких округах, где результаты этого могли быть лишь смехотворны, как оно и случилось: Вильямс получил 27 голосов из 4 722, Фильдинг — 32 из 6 374, и только за Бернса в Ноттингаме было подано 598 голосов из 11 055; 2) Гайндман знал, что брать деньги у ториев означает не что иное, как нанести социалистам непоправимый моральный ущерб в мнении того *единственного* класса, из которого они могут вербоваться, в мнении широких радикальных рабочих масс. Это то же, что было в Берлине, когда предполагался союз со Штеккером против прогрессистов.

Однако Гайндман не удовлетворился этим геройским подвигом. Он уже вообразил себя вторым Парнеллом, определяющим перевес той или другой из обеих партий, и позабыл только, что он не имеет 80 голосов в парламенте и 200 тысяч ирландских голосов в Англии и Шотландии на выборах, как Парнелл. Согласно его желанию исполнительный комитет Федерации уполномочил его отправиться с Чемпионом в Бирмингам к Чемберлену, лидеру радикалов. Имея в кармане деньги ториев, он предложил Чемберлену свою поддержку в том случае, если тот уступит ему одно место в Бирмингаме, обеспечит голоса либералов и внесет билль о восьмичасовом рабочем дне. Чемберлен оказался не так глуп, как тори, и выставил его за дверь.

Тем временем эта история, обделанная втихомолку исполнительным комитетом Федерации, стала известна в секциях и вызвала большой шум. Подробности — в письме Блэнда, которое написано для опубликования, но не нужно говорить, что оно основано на протоколе. Будет созвано общее собрание, и сомнительно, чтобы после него Федерация продолжала существовать, по крайней мере как жизнеспособная организация.

Прилагаю заявление Хентера Уотса в «Pall-Mall-Gazette». Оно составлено при участии Гайндмана, которому, однако, пришлось оставить выражение «ill advised» [«неблагоразумный»] по своему собственному адресу. Зато заявление Вильямса в «Echo» — прямое отречение и высказывает, при данных условиях не без основания,

абсолютную враждебность ко всем социалистическим буржуа. Вот чего добился г. Гайндман своей наглостью. Этот человек — настоящая карикатура на Лассалья: полнейшее равнодушие к качеству применяемых средств, даже если они не ведут к цели, лишь бы перепало что-нибудь Гайндману; при этом постоянная потребность в немедленном успехе и готовность пожертвовать ядром ради скорлупы; наконец, себя он считает центром мироздания и абсолютно неспособен видеть вещи иными, чем они должны были бы быть в угоду ему; к тому же — он законченный политический авантюрист. Все дурные стороны Лассалья в усиленной степени и ни единой из хороших.

А что делается в вашем парламентском стакане воды?

Твой Ф. Э.

329.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 7 декабря 1885 г.

Дорогой г. Шлютер!

Большое спасибо за два экземпляра «Дюринга». Если я в общем получу 20 экземпляров, то на первых порах этого будет достаточно. Пришлите мне, пожалуйста, также 4 экземпляра «Крестьянской войны» 3-го издания; у меня не осталось ни одного экземпляра для подготовки нового издания.

С Эккариусом я не поддерживаю никаких отношений и не хочу, да и не могу их завязывать. Попробую, нельзя ли будет узнать его адрес через Лесснера. В крайнем случае советую Вам просто перепечатать его без изменений, так как Эккариус совершенно опустился и вряд ли по-настоящему сделает эту работу. Кроме того, совесть у него настолько нечиста, что все добавления он, по всей вероятности, использует для того, чтобы протащить контрабандой смягчающие вину обстоятельства в оправдание многочисленных подлостей, которые он совершил после 1873 г. Благодаря этому книга, написанная при значительном содействии Маркса и даже прямо с его слов (в конце книги многие страницы дословно принадлежат Марксу), существенно ухудшилась бы и, возможно, стала бы совершенно непригодной для нашей пропаганды. Я бы даже советовал настаивать на печатании без всяких изменений.

Счет за фотографии Вы получили. Наборщик терзает меня даже

в списке опечаток к «Дюрингу». Вместо hilflose Verwirrung [беспомощная путаница] там напечатано Verirgung [заблуждение].

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

330.

Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 19 декабря 1885 г.

Уважаемый товарищ!

Я послал через Континентальное посылочное агентство адресованный на Ваше имя пакет с тремя нужными Вам парламентскими отчетами. Как Вы увидите из приложенной справки, первого отчета по вопросу о проституции уже не было в продаже.

Вы совершенно правы, воздерживаясь у себя на родине от всякого насильственного взрыва. Это привело бы лишь к бесполезным жертвам и отбросило бы движение на десятки лет назад. В будущем году исполнится сто лет со времени первого разбойничьего похода пруссаков на Голландию, и Бисмарку ничто не доставило бы большей радости, чем возможность отпраздновать столетний юбилей этого «подвига» его повторением. Аннексионистские вождедения, которые пока еще являются безвредным и бессильным желанием, могли бы тогда легко принять более осязаемую форму.

Посылаю Вам по почте только что вышедшее второе издание моего «Анти-Дюринга».

Всегда готов к Вашим услугам в интересах нашего общего дела.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Энгельс.

331.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 21 декабря 1885 г.

Дорогой г. Шлютер!

Получил 20 экземпляров «Дюринга» (всего) и 4 экземпляра «Крестьянской войны». Благодарю.

Передайте, пожалуйста, г-же Вишневецкой, что я, как мы условились, готов просмотреть рукопись ее перевода и написать предисловие, как только она окончательно договорится с издателем. При

моей перегруженности я в состоянии брать на себя только совершенно неотложные работы.

О новом немецком издании я могу подумать только тогда, когда мне удастся сбросить с плеч значительную часть моей теперешней работы. В январе нужно просмотреть английский перевод «Капитала», вести переговоры с издателем и пр., далее — «Крестьянская война» и ряд других второстепенных работ. Затем предстоит совершенно неотложная работа — III том «Капитала». Когда управлюсь со всем этим, включая и «Капитал», я смогу подумать и о старой книге.

Я не помню указываемой Бухером брошюры. Пиль умер в 1850 г. Pamфлеты Маркса появились в 1855 г. А для доказательства того, что Пальмерстон был русским агентом, незачем признавать, будто бы он дал некоему писателю 100 гиней и бочку шерри. Возможно, что Теккер, в виде намека на предыдущее сочинение, предложил дать одному из памфлетов Маркса такое же заглавие. Это бы все объяснило. Кроме того, в марксовских памфлетах нет никаких гравюр.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

Мартиньетти хочет перевести на итальянский язык «Наемный труд и капитал» и приложить биографию Маркса. Биографии у него нет, так как те отрывочные сведения, которые есть в «Sozialist», недостаточны. Не можете ли Вы послать ему «Volkskalender» Бракке, в котором помещена написанная мною биография Маркса? Кажется, это в книге за 1878 г., впрочем Вы это быстро найдете. Его адрес: Паоло Мартиньетти, Беневенто, Италия.

ЗЗЭ.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 28 декабря 1885 г.

Дорогой Либкнехт!

В среду 16 декабря в Гастингсе умер Боркгейм, похороны состоялись в понедельник. В воскресенье перед тем он схватил воспаление легких, которое быстро свело его в могилу. Он уже 12 лет болел чахоткой и последние 10 лет почти целыми днями лежал в постели; вся левая половина тела была парализована. Он переносил свои страдания с редким мужеством и неистощимой веселостью,

не переставал следить за политическим и социальным движением и до самого конца выписывал «Sozialdemokrat». До прошлого года он получал пенсию сначала от двух, а затем от одной из фирм, в которых он раньше служил торговым агентом. В последний год нам удалось собрать по подписке среди его здешних друзей достаточную сумму, так что он ни в чем не нуждался. Не посвятишь ли ты ему небольшой некролог в «Sozialdemokrat»? Я сам неохотно выступаю в подобных случаях, а ты можешь это сделать совершенно свободно, и к тому же ты больше знаешь о его деятельности в Бадене.

По поводу русских финансов сообщу еще следующее о последнем критическом повороте в этой области:

Недели две тому назад русское правительство заключило через Блейхредера и русский банк новый заем, но всего в 20 миллионов рублей, и в Берлине он, говорят, уже покрыт с большим превышением. Смотри по тому, металлический ли это рубль или бумажный, — это ты можешь разузнать, — заем составляет около 60 или только около 40 миллионов марок. Заем был сделан якобы с целью покрыть авансы, предоставленные русским банком правительству. Это старый, пустой предлог. До чего он пустой, обнаружилось несколько дней спустя. С неделю тому назад в английских газетах появилось сообщение о том, что русское правительство приказало русскому банку (вероятно, кредитному банку) продать часть закладных русского дворянства на 100 миллионов рублей. По дополнительным сведениям германских газет, банк должен за это авансировать правительству 75 миллионов из вырученной суммы. Правительство, следовательно, выплатит банку в лучшем случае 20 миллионов рублей золотом и получит от него за это новую ссуду в 75 миллионов. Так как реализация 100 миллионов закладных представляет собой, особенно в России, крайне длительную операцию, то это, другими словами, означает, что предполагается выпустить и ссудить правительству еще 75 миллионов бумажных денег. Рубль котировался здесь перед праздниками в 23 1/8 пенса (вместо 39 пенсов), а теперь упадет еще ниже, — и в России точно так же. Средства, к которым приходится прибегать, оказавшись в тисках финансовой нужды, чтобы кое-как поддержать рухнувшую валюту (20 миллионов золотом, если банк их раздобудет), приводят только к тому, что бумажная валюта окончательно вылетает в трубу. 1789 год надвигается и без помощи нигилистов, и правительство само вынуждено ускорить его наступление.

Отсюда, далее, следует, что Бисмарк держит своих русских в черном теле и согласен давать им германские деньги только по

чайной ложке, чтобы они не слишком зазнались и не подложили ему свинью на Балканах.

Я могу наметить для тебя только важнейшие пункты, но тебе не трудно будет разузнать в Берлине дальнейшие подробности.

У нас здесь на святках Эвелинги, Каутские, Пумпс с мужем, Шорлеммер, Ленхен и я добросовестно кутили до 4 часов утра и здорово посмеялись.

С Новым годом!

Твой Ф. Э.

Шорлеммер шлет сердечный привет.

333.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 28 декабря 1885 г.

Старый дружище!

Сообщаю тебе, что наш старый Боркгейм скончался 16-го с. м. в Гастингсе, проболев три дня воспалением легких. 12 лет он был болен чахоткой, а в продолжение десяти лет у него была парализована вся левая половина тела. Врач говорит, что болезней его хватило бы на то, чтобы убить трех человек. Он переносил все с неиссякаемой веселостью и до последнего дня, насколько это было в его силах, следил за движением. Я просил Либкнехта посвятить ему небольшой некролог в «Sozialdemokrat».

В начале месяца я послал тебе перевод, который ты, надеюсь, своевременно получил.

А затем, — так как почта скоро отправляется, а я в эти беспокойные для меня дни редко могу выбрать время для письма, — сердечно поздравляю тебя с Новым годом и желаю доброго здоровья. Нашему движению ничего особенного не приходится желать; оно повсюду развивается по-разному, в зависимости от места и народа, но везде великолепно идет вперед, а балканское свинство тоже, кажется, обойдется без мировой войны.

Всем сердцем твой старый

Ф. Энгельс.

334.

Энгельс — П. Мартиньетти

в Беневенто.

[Черновик.]

[Лондон, 1885 г.]

Уважаемый гражданин!

Я послал Вам заказным перевод¹ вместе с моими замечаниями. Очень жалею, что, не имея достаточной практики в итальянском языке, я не мог их лучше составить; надеюсь все же, что они понятны. Удивляюсь тому, что Вы, никогда не живя в Германии и не изучая язык в этой стране, все же столь хорошо сумели передать мои мысли. Я нашел лишь несколько сокращенных и идиоматических выражений и поговорок, где имеются ошибки; притом эти выражения не может как следует понять тот, кто не знает обычной речи, вплоть до диалектов страны, — это вещи, которых нет ни в грамматиках, ни в словарях. В подобных случаях, если Вы хорошо поняли текст, то, полагаю, можете действовать несколько более свободно и смело.

Боюсь, что примечание, касающееся «марки», недостаточно ясно. Полагаю, что только это примечание следует напечатать. Остальное лишь для Вашего сведения. Если это примечание вызовет у Вас какие-либо сомнения, то, пожалуйста, сообщите мне об этом, и я попытаюсь его переделать.

Извините, пожалуйста, что просмотр продолжался так долго. Но днем я занят тем, что диктую *рукописи* Маркса, а вечером я не всегда свободен: одновременно мне прислали на просмотр один перевод на датский язык, не говоря уже об английском переводе «Капитала».

Еще раз благодарю Вас за значительную работу, проделанную Вами из-за меня.

Остаюсь преданный Вам

[Ф. Э.]

¹ «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

1886 год

335.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

В Нью-Йорк.

Лондон, 7 января 1886 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Вашу рукопись я получил, но до сих пор не имел еще возможности ознакомиться с нею, поэтому не могу сказать, сколько времени мне понадобится на ее просмотр. Во всяком случае можете быть уверены, что задерживать я ее не буду.

Что касается тех американских умников, которые думают, что их страна будет избавлена от последствий полного развития капиталистического производства, то они, очевидно, пребывают в блаженном неведении того, что в некоторых штатах — Массачусетсе, Нью-Джерси, Пенсильвании, Огайо и др. — существуют такие учреждения, как бюро труда, из отчетов которых они могли бы узнать нечто совершенно противоположное.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

336.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 7 января 1886 г.

Дорогой Либкнехт!

Твое подозрение по поводу слова «bloss» [лишь] только лишь раз доказывает мне, что «нервность», на которую ты жалуешься, есть лишь твоя собственная нервность. Но, как ты говоришь, never mind [это неважно].

Боркгейм родился в 1825 г. в Глогау, учился в Грейфсвальде и Берлине, отбывал с 1848 г. в Глогау трехлетний срок военной службы в качестве вольноопределяющегося-артиллериста, подвергался

допросу по делу о демократических собраниях, но вывернулся, затем жил довольно долго в Берлине, бежал, кажется, после штурма арсенала и поселился, если не ошибаюсь, в Швейцарии, откуда вернулся вместе со Струве. Всех подробностей не помню.

По поводу биографии напишу особо.

В воскресенье я сообщу Тусси твое мнение.

Если вы поедете в Америку вдвоем с Бебелем, то вместе наврное достанете денег; если же один из вас не поедет или будет заменен кем-нибудь другим, это составит разницу в 25 — 30% требуемой суммы. К тому же ты особенно необходим потому, что, по меньшей мере, одному из вас придется время от времени выступать с речами на английском языке.

Что касается Балтийского канала, то я решительно стою за глубину, по крайней мере, в 8 метров. Торговые пароходы все увеличиваются в размерах и водоизмещении (пароходы в 5 500 тонн теперь уже не редкость), и портовые сооружения все чаще рассчитываются на 9 — 10 метров глубины, так что менее глубокий канал устарел бы в несколько лет, как это произошло с нынешним Эйдерским каналом еще 30 лет тому назад (он и с самого начала не вполне отвечал тогдашним требованиям).

Вашу поездку мог бы ускорить роспуск рейхстага в связи с непосредственной угрозой смерти старика В[ильгельма]. Тем раньше мы имели бы удовольствие видеть тебя здесь.

Шорлеммер еще здесь и сердечно кланяется.

Вообще же все обстоит благополучно, кроме положения в Социал-демократической федерации, которую Гайндман на этот раз, повидимому, окончательно погубил. Он может в будущее воскресенье одержать на своем подтасованном общем собрании показную победу, но в провинции ему пришел конец, да и здесь число его сторонников тает с каждым днем.

Сердечный привет.

Твой старый

Ф. Э.

337.

Энгельс — А. Бебелю

в Берлин.

Лондон, 20 [—23] января 1886 г.

Дорогой Бебель!

Итак, бомба, наконец, разорвалась: Шрамм сделал мне честь и прислал экземпляра своего «великого» произведения; должен,

однако, сказать, что оно оказалось весьма убогим, и извещение о нем, помещенное заранее в «Sozialdemokrat», оказало ему слишком много чести. Эде уж задаст Шрамму перцу. На некоторые места, которые мне бросились в глаза, я обратил внимание Эде через Каутского, а самое существенное он найдет сам.

Для Каутского вся эта полемика с Шраммом была очень полезна. Шрамм достаточно ловок, — так как по существу ему сказать нечего, — чтобы выудить все формальные ошибки, которые Каутский делает отчасти из юношеского рвения, а отчасти вследствие навыков, приобретенных им в университете и в литературной работе; это было для Каутского очень полезным уроком. В этом отношении Эде, как человек, в университетах не обучавшийся, не литератор по профессии, но все же ведущий постоянную борьбу в «Sozialdemokrat», к тому же человек деловой и — что имеет не малое значение — еврей, уже теперь имеет большое преимущество перед Каутским. Искусству воевать можно научиться только на войне.

Твои сообщения о настроении во фракции очень отрадны. Пока в партии дело обстоит хорошо, — а в таком случае мещанские элементы никоим образом не могут одержать верх, — промахи господ депутатов могут привести лишь к тому, что эти господа сами получают суровый урок. Как ты сам говоришь, — и в этом я с тобой совершенно согласен, — в мирные времена нам никогда не удастся провести в рейхстаг действительно подходящих людей, и тут-то помощь, которую нам оказывает партия своим давлением на господ депутатов, прямо-таки неоценима. Это давление показывает им, что они должны избегать всякого серьезного конфликта; чрезвычайно важно в решающий момент твердо знать, что дело обстоит именно так: это дает уверенность в том, что можно действовать решительно, не опасаясь последствий.

Либкнехт в последнее время буквально бомбардирует меня письмами, запрашивая разъяснений о всякой всячине. Я воспользовался случаем, чтобы самым дружеским образом, кратко, но определенно, сообщить ему свое мнение по поводу его противоречивых выступлений; когда он, по своему обыкновению, попробовал все свалить на дошедшие якобы до меня сплетни, я ему заявил, что единственного человека, который мог бы ему повредить в моих глазах, зовут В. Либкнехт: этот человек всегда забывает, что он писал в письмах и что печатал в газетах; мы должны были в общем мириться с его слабостями, тем более, что, по нашему убеждению, он в действительно критический момент все же окажется на должном месте.

После этого он, вопреки своему обыкновению всегда оставлять за собой последнее слово, смолчал и успокоился.

Так как он упомянул об истории с шлезвиг-голлштинским каналом, то я воспользовался случаем указать ему, что было бы глупо, якобы во имя оппозиции против использования канала флотом, голосовать за мелководный (меньше 8 — 9 метров глубины) канал. Большие торговые пароходы становятся все больше и больше, 5 — 6 тысяч тонн теперь уже не редкость, и порты все чаще и чаще приспособляются к соответствующей осадке судов. Те гавани, где это оказывается невозможным, становятся устаревшими и приходят в упадок; это произойдет и в Балтийском море. Если балтийские порты должны участвовать в морской торговле, то они должны быть соответствующей глубины; несомненно, что это и будет сделано в портах Балтики, как и в портах других морей. Строить канал так, чтобы через 10 — 20 лет он стал таким же бесполезным и устаревшим, как старый Эйдерский канал, значило бы выбрасывать деньги за окно.

Что касается моего предложения о производственных товариществах на государственных землях, то единственной его целью было показать большинству, которое ведь тогда стояло за парходную субсидию, каким образом оно могло бы с честью голосовать против нее и выйти из тупика, в котором оно застряло. Но на мой взгляд, предложение это в принципиальном отношении было вполне добросовестным. Когда мы вносим предложения, они всегда должны быть *осуществимы* — это не подлежит сомнению; но осуществимы *по сути дела*, независимо от того, по плечу они или не по плечу существующему правительству. Я иду еще дальше. Когда мы предлагаем мероприятия социалистические, ведущие к краху капиталистического производства (вроде того мероприятия, о котором идет речь), то они по *существу* выполнимы, но для *теперешнего* правительства *невозможны*. Ибо это правительство может лишь испортить и изгадить всякое подобное мероприятие и провести его в жизнь только для того, чтобы его погубить. Но как раз этого моего предложения не проведет никакое юнкерское или буржуазное правительство. Показать сельскому пролетариату восточных провинций путь, — более того, повести его по пути, который поможет ему уничтожить эксплуатацию со стороны юнкеров и арендаторов, втянуть в движение как раз ту часть населения, порабощение и насильственное оупление которой обеспечивает Пруссии те полчища, на которых вся она зиждется, словом, взорвать Пруссию изнутри, сломить ее у самого корня, — это для них невысказимо. Это мероприятие такого

рода, на котором мы должны настаивать во что бы то ни стало, пока существует крупное землевладение, и которое мы сами должны будем провести, как только придем к власти; речь идет о передаче — вначале на арендных началах — крупных поместий самостоятельным кооперативным товариществам, ведущим хозяйство под руководством государства и при том условии, что государство остается собственником земли. Это мероприятие имеет то большое преимущество, что, будучи по сути дела практически осуществимым, оно не может быть пущено в ход ни одной партией, кроме нашей, а следовательно ни одна партия не может его изгадить. Одним этим мероприятием можно прикончить Пруссию, и чем раньше мы его популяризируем, тем лучше для нас.

Все это не имеет ничего общего ни с Шульце-Деличем, ни с Лассалем. Они оба предлагали создавать маленькие товарищества: один — с помощью государства, другой — без нее, но по мысли их обоих эти товарищества не должны были вступать во владение *уже имеющимися* средствами производства, а им лишь предоставлялась возможность *наряду* с сохраняющимся капиталистическим производством вводить новое, кооперативное. Мое предложение требует внедрения (Einrücken) кооперативов в существующее производство. Им надо будет дать *землю, которая в противном случае эксплуатировалась бы капиталистическим способом*, подобно тому как Парижская коммуна требовала, чтобы рабочие на кооперативных началах взяли в свои руки фабрики, приостановленные хозяевами. Вот в чем огромное различие. Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом. То, что у империи нет доменов, — не важно: всегда можно найти форму для того, чтобы внести предложение, как было сделано в прениях по польскому вопросу, когда высылки тоже не имели прямого отношения к имперскому правительству.

Именно потому, что правительство ни за что не может согласиться на что-либо подобное, именно поэтому было безопасно требовать предложенную мной дотацию в противовес субсидии пароходным компаниям. Если бы правительство могло на это согласиться, тогда, конечно, ты оказался бы прав.

Полный разброд среди немецких свободомыслящих в экономической области совершенно соответствует тому, что происходит у английских радикалов. Старые манчестерцы в стиле Джона Брайта вымирают, а новое поколение, точь-в-точь как берлинцы, готово заняться социальными реформами в виде заплат. Разница лишь в том, что в Англии буржуа стремится «помочь» не столько промышленному рабочему, сколько сельскому, который только что на выборах оказал ему большие услуги, и еще в том, что по английскому обычаю за дело должно взяться не столько государство, сколько община. Для сельского пролетариата — огородик и грядка картофеля, для городского — улучшение санитарных условий и т. п. реформы, — вот их программа. Это прекрасный симптом того, что буржуа принуждены пожертвовать своей собственной классической экономической теорией отчасти из политических соображений, отчасти же потому, что практические выводы из этой теории заставили их усомниться в ее правильности. О том же говорит и рост катедер-социализма, который в той или иной форме, и здесь, и во Франции, все больше и больше вытесняет из университетов классическую экономию. Фактические противоречия, порождаемые [капиталистическим] способом производства, стали настолько яркие, что их не может замазать ни одна теория, разве лишь катедер-социалистическая мешанина, которая является уже не теорией, а галлиматеей.

Шесть недель тому назад здесь говорили о том, что появляются симптомы хозяйственного улучшения. Но теперь эти разговоры снова утихли, нужда острее, чем когда-либо, улучшения нет и в перспективе, а к тому же нынешняя зима необычайно сурова. Восьмой год перепроизводство давит на рынки, и вместо улучшения дело идет все хуже и хуже. Уже нет никакого сомнения в том, что положение существенно изменилось по сравнению с прежним: с тех пор, как у Англии на мировом рынке появились серьезные конкуренты, период кризисов в прежнем смысле этого слова надо считать завершенным. Если кризисы из острых становятся хроническими и при этом несколько не теряют в интенсивности, то чем это может окончиться? Когда образовавшиеся залежи товаров будут исчерпаны, должен ведь наступить новый, хотя бы и непродолжительный период процветания; но я хотел бы полюбоваться тем, как все это произойдет. Однако несомненны две вещи: во-первых, мы вступили в период, гораздо более опасный для старого общества, чем период десятилетних циклов, и, во-вторых, процветание, когда оно наступит, в гораздо меньшей степени коснется Англии, чем

прежде, когда она одна снимала сливки с мирового рынка. В тот день, когда это уяснят себе в Англии, здешнее социалистическое движение примет серьезный характер, — только тогда, но не ранее.

О составе английских либералов — в другой раз. Эта тема может завести далеко, так как здесь понадобилось бы дать картину переходного состояния.

Сегодня утром получил из Дрездена прения по польской интерpellации (первый день). Скоро, вероятно, я получу и второй день. Эти посылки для меня особенно важны теперь, когда мне приходится видеть только еженедельный выпуск «Kölnische Zeitung», который ограничивается краткими выдержками из прений. Где можно купить стенографические отчеты? Я с удовольствием покупал бы отчеты о всех прениях, в которых серьезно участвуют наши.

Ты непременно должен принять участие в поездке в Америку. Во-первых, успех этой поездки отчасти зависит от твоего присутствия. Во-вторых, партия только в том случае будет вполне правильно представлена, если и ты будешь там. Если ты не поедешь, то с Либкнехтом будет послан первый встречный, и кто знает, что тогда может произойти. В-третьих, тебе не следует упускать случая собственными глазами посмотреть на самую передовую страну в мире. Жизнь в германской обстановке оказывает на всякого, даже самого лучшего человека, угнетающее действие, суживает его кругозор, — я знаю это по личному опыту; надо, по крайней мере, время от времени вырываться наружу. А вдобавок и нам удастся повидать тебя снова здесь. Если бы я мог развязаться со своими работами, я давно бы махнул на тот берег Атлантики; я всегда надеялся сделать это вместе с Марксом. Ты и Либкнехт представляете партию для заграницы, и тут вы оба незаменимы. Если ты не поедешь, то будет потеряно от 5 до 10 тысяч марок, а может быть и больше.

Но поездка может к тому же оказаться очень приятной. Дело в том, что Тусси и Эвелинг переписываются с американскими свободомыслящими относительно деловой поездки в Америку и хотели бы связать ее с вашей. Ответ придет, вероятно, через три-четыре недели. Тогда составила бы очень славная компания — вы поехали бы вчетвером.

А теперь будь здоров. Между прочим, Эде в своей первой статье против Шрамма превзошел мои ожидания. Великолепно. Поистине, он изучил стратегию и тактику войны.

Твой Ф. Э.

338.

Энгельс — Э.-Р. Пизу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон,] 27 января 1886 г.

Милостивый государы!

В ответ на Вашу вчерашнюю любезную записку я должен, к сожалению, сообщить Вам, что все мое время целиком занято сейчас неотложной работой, так что в течение ближайшего года я, вероятно, не смогу взять на себя никаких новых обязательств.

Ввиду вышесказанного, мне не приходится уже останавливаться на других обстоятельствах, которые могли бы мне помешать написать статью, о которой Вы просите. Должен, однако, сказать, что партия, к которой я принадлежу, не располагает какими-либо раз навсегда готовыми рецептами. Наши взгляды на отличительные черты будущего не-капиталистического общества — по сравнению с обществом современным — являются точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами лишены всякого теоретического и практического значения. Экономическую сторону этих отличительных черт я пытался изложить и разъяснить в своей книге «Переворот, произведенный в науке г. Дюрингом», 2-е изд., стр. 253—271; перепечатано в моей брошюре «Развитие социализма» и т. д., 3-е изд., стр. 28—48¹. Даже этот довольно односторонний очерк, в котором ни политические, ни внеэкономические социальные вопросы вовсе не затрагиваются, я не мог бы изложить более кратко. Поэтому дать Вам резюме в 600 слов является для меня совершенно непосильной задачей.

Уважающий Вас

[Ф. Э.]

339

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 января 1886 г.

Дорогой Зорге!

Наконец-то у меня нашлось немного свободного времени; спешу написать тебе, прежде чем оно будет занято чем-нибудь другим.

Надеюсь, что твоему Адольфу повезет в новом деле. Ведь он

¹ т. XV, стр. 528 и сл.

знает его и достаточно энергичен, к тому же это дело не носит особенно спекулятивного характера, — что в Америке так же опасно, как и здесь, — так что я не вижу, почему бы ему не иметь успеха. Итак, желаю счастья!

Замечания Маркса относительно английского перевода были бы мне *очень* желательны. Наконец-то у меня на руках *вся* рукопись английского перевода, и на будущей неделе я за нее возьмусь. Как только я выясню, сколько приблизительно продлится редакция, — иначе говоря, смогу определить срок сдачи в печать, — я окончательно договорюсь с издателем. Ты видал, как г. Гайндман, он же Бродхауз, пытался подставить мне ножку (в «То-Дау»). Это заставляет меня действовать быстрее, чтобы не ухудшилось мое положение по отношению к издателю, вообще же это значения не имеет.

Одна американка перевела на английский язык мою книгу о положении рабочего класса и прислала мне рукопись для редактирования. На отдельные места у меня уходит много времени. Печатание в Америке обеспечено, но мне непонятно, что эта особа находит еще в настоящее время в этой старой работе.

Далее мне предстоит еще одного лишь редактирования:

1) «18 брюмера», французский перевод — около 1/3 уже готово; 2) «Наемный труд и капитал» Маркса — итальянский перевод; 3) «Происхождение семьи» — по-датски; 4) «Манифест» и «Развитие социализма» и т. д. — по-датски, обе эти работы уже напечатаны, но полны ошибок; 5)¹ «Происхождение семьи» — по-французски; 6)¹ «Развитие социализма» — по-английски. А в перспективе еще и еще. Как видишь, я превращаюсь в настоящего школьного учителя, исправляющего ученические тетрадки. К счастью, мои познания в языках дальше не идут, иначе на меня взвалили бы еще русский, польский, шведский и прочий хлам. Но это работа, которую в конце концов необходимо сделать. Во всяком случае все эти милые вещицы, по крайней мере от 2) до 6), должны будут уступить место III тому «Капитала», который уже продиктован с рукописи, но некоторые из его важнейших глав потребуют *большой* редакционной работы, так как многое представляет собой только необработанный материал. Это единственная работа, которая доставляет мне удовольствие.

«New-Yorker Volkszeitung» я еще не получил. «То-Дау» за сентябрь, если возможно будет, пошлю еще этой почтой. Ты себе

¹ В оригинале ошибочно пронумеровано: 4) и 5).

представить не можешь, как трудно доставать здесь эти вещи. Издатели неаккуратны до безобразия.

Если ты еще не читал, пусть Дицген даст тебе статью г. Блэнда о предвыборных проделках Гайндмана с ториями и одновременно с либералами. Там буквально все соответствует истине. Если Социал-демократическая федерация после этого не распадется, она морально будет мертва. Нужно быть сумасшедшим, чтобы действовать так, как действует Гайндман. Его совершенно нелепые нападки на Эвелинга ты, вероятно, прочитал в «Justice» и «Commonweal» вместе с приведенными там документами. К сожалению, остальные вожди Федерации не многим лучше его. Это шелкоперы и политические спекулянты. Все здешнее движение до сих пор вообще одна лишь видимость, но если в Социалистической лиге удастся воспитать крепкое ядро из людей, которые получают теоретическую закалку, то от этого очень много выиграло бы настоящее массовое движение, возникновение которого теперь уже не за горами.

Кланяйся от меня Дицгену. Он в тяжелом положении, но дело уладится. Несмотря ни на что, американское движение все же делает большие успехи. То, что англо-американцы возьмутся за дело *по-своему*, т. е. пренебрегая разумом и наукой, — этого можно было ожидать, но они все же приближаются и в конце концов придут окончательно. Капиталистическая централизация подвигается у вас семимильными шагами, — совсем не так, как здесь.

Надеюсь, что ты совсем уже поправился; я чувствую себя большей частью довольно хорошо, а не то я бы вовсе не сумел справиться с работой.

Уговариваю Бебея, чтобы он с Либкнехтом поехал к вам. Возможно, что поедут также и Тусси с Эвелингом. Впрочем, когда это еще будет!

Сердечный привет Адольфу.

Твой Ф. Энгельс.

340.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 3 февраля 1886 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Сегодня я отправил вам заказным первую часть Вашей рукописи до страницы 70-й включительно. К сожалению, никак не мог отослать ее раньше. Но у меня была работа, которую я должен

был закончить, прежде чем приступить к Вашей рукописи. Зато теперь дело пойдет гладко; при этом я замечаю, что мы постепенно начинаем привыкать друг к другу. Вы — к моему своеобразному старомодному немецкому языку, я — к Вашей американской речи. Действительно, она меня многому научила. Никогда прежде различие между британской и американской речью не представлялось мне с такой ясностью, как в этом эксперименте, производимом на моей собственной шкуре. Какая блестящая будущность предстоит языку, который обогащается и развивается в двух странах, по обеим сторонам океана, и который может рассчитывать на дальнейшее обогащение из Австралии и Индии!

Не знаю, застанет ли эта часть рукописи г-жу Фостер до ее отъезда, но надеюсь, что у Вас не будет особенных неприятностей из-за моего опоздания, которого я никак не мог избежать. Я бесконечно благодарен всем друзьям, которые желают переводить работы Маркса и мои на различные языки цивилизованных стран и которые оказывают мне доверие просьбой просматривать их переводы. И я охотно буду это делать, но для меня, как и для других, сутки содержат только 24 часа, и поэтому я никак не могу всех удовлетворить и в точности укладываться в поставленные мне рамки.

Если меня не будут отрывать слишком часто по вечерам, то я надеюсь, что смогу прислать Вам через две недели конец рукописи, а может быть и введение. Введение можно будет напечатать в виде предисловия или в виде приложения. Я, однако, совершенно не в состоянии сказать Вам что-нибудь относительно его размера. Постараюсь написать его как можно короче, тем более что было бы бесполезно с моей стороны пытаться опровергать аргументы американской печати, с которыми я не знаком даже поверхностно. Конечно, если американские рабочие не читают отчетов бюро труда своих собственных штатов, а полагаются на сводки политиков, то им никто не может помочь. Но я уверен, что нынешняя хроническая депрессия, которой пока что не предвидится конца, скажет свое слово в Америке так же, как и в Англии. Америка покончит с промышленной монополией Англии, — поскольку от нее еще что-нибудь осталось, — но сама Америка не сумеет присвоить себе эту монополию. А если *одна* какая-нибудь страна не приобретет монополии на мировых рынках, по крайней мере в решающих отраслях промышленности, то относительно благополучные условия, существовавшие здесь, в Англии, с 1848 по 1870 г., нигде уже не смогут повториться, и даже в Америке условия существования рабочего класса должны будут постепенно ухудшаться все больше и больше.

Раз есть три страны (скажем—Англия, Америка и Германия), состоящие в сравнительно равных условиях за овладение *мировым рынком*, то получится уже не случайное, а хроническое перепроизводство, так как каждая из этих трех стран в отдельности в состоянии выбросить на рынок все потребное количество товаров. Вот почему я слежу за развитием нынешнего кризиса с большим интересом, чем когда-либо, и вот почему я думаю, что он составит эпоху в истории умственного и политического развития американского и английского рабочего класса, — а присоединение к нам того и другого настолько же безусловно необходимо, насколько и желательно.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

341.

Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 4 февраля 1886 г.

Уважаемый товарищ!

Вашу книжку «*Hoe ons land geregeerd wordt*» [«Как правят нашей страной»] я читаю с большим удовольствием; во-первых, потому, что я по ней снова изучаю голландский разговорный язык, а во-вторых, потому, что основательно знакомлюсь по ней с внутренним управлением Голландии. Голландия, наряду с Англией и Швейцарией, единственная западно-европейская страна, в которой в XVI — XVIII столетиях *не было* абсолютной монархии и которая имеет благодаря этому некоторые преимущества, в частности — остатки местного и провинциального самоуправления без настоящей бюрократии во французском или прусском духе. Это большое преимущество для национального развития, а также и для будущего; произведя сравнительно немного изменений трудящийся народ мог бы установить здесь свободное самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства. Ничего этого нет ни в Германии, ни во Франции — там это придется еще создавать заново. Не могу не сделать Вам комплимент за Ваше удачное популярное изложение.

То, что Вы переводите мою брошюру, вызывает у меня чувство живейшей благодарности. В ней не так легко будет достичь везде такой популярности, какой отличается Ваша книжка, но когда так владеешь обоими языками, как Вы, то и с этим можно справиться.

«Gewanne» [коны] — это участки земли приблизительно одинакового качества, на которые первоначально разделяется общинная пахотная и луговая земля; всего их бывает, примерно, от десяти до двадцати. Затем каждый полноправный член марки получает в каждом кону равный надел. Таким образом, если имеется 10 конов и 100 членов марки, то получится всего 1 000 парцелл, а каждый член марки получит 10 парцелл — по одной в каждом кону. Впоследствии члены марки часто обмениваются парцеллами, так что у каждого из них отдельных парцелл становится меньше, а его земельный надел стягивается ближе. То же самое происходило еще недавно в деревнях Ирландии, «gundal», а также в горной Шотландии (см. «Fortnightly Review», ноябрь 1885 г., статья о сельских общинах в Шотландии).

Работы Г. Л. Маурера следующие:

- 1) Einleitung in die Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf-, und Städteverfassung in Deutschland.
[Введение в историю марки, двора, села и городов в Германии].
- 2) Geschichte der Markenverfassung in Deutschland.
[История марки в Германии].
- 3) Geschichte der Hofverfassung in Deutschland.
[История двора в Германии]. 4 тома
- 4) Geschichte der Städteverfassung in Deutschland.
[История городов в Германии]. 2 тома
- 5) Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland.
[История села в Германии]. 2 тома

№№ 1 и 2 наиболее важны, но существенны и остальные, в особенности для истории Германии. Повторения, плохой слог, хаотическое расположение материала затрудняют изучение этих в других отношениях прекрасных трудов. On n'est pas Allemand pour rien! [недаром он немец!].

Лучшими трудами о Великой французской революции безусловно являются работы Жоржа Авенеля, который умер, кажется, в 1875 г.: «Lundis révolutionnaires» [«Революционные понедельники»], собрание фельетонов, печатавшихся в «République Française», затем «Анахарзис Клоотс», представляющий собой обзор всего хода революции до термидора 1794 г., связанный с биографией Клоотса. Книга написана в мелодраматическом тоне, и, чтобы получить ясное представление, нужно то-и-дело обращаться за точными датами к Минье или Тьеру. Но Авенель прилежно изучал архивы и дает поэтому

чрезвычайно много нового и надежного материала. Для периода от сентября 1892 г. до июля 1894 г. это безусловно наилучший источник. Затем имеется очень хорошая книга Бужара: «Жан-Поль Марат, друг народа»; есть еще и другая, как будто хорошая, книга о Марате — я забыл только фамилию автора, она начинается на Ш ¹. В последние годы империи вышли и другие хорошие книги; несколько хуже произведения робеспьеристов (Гамель — «Сен-Жюст» и др.), представляющие большей частью пустые фразы и выдержки из речей.

Из буржуазных историков я попрежнему предпочитаю Минье.

Каутские, Эвелинги и Ленхен шлют сердечный привет. Как обстоит дело с Вашим приездом сюда на лето?

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

342.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

[Лондон,] 7 февраля 1886 г.

Дорогой Лавров!

Сообщите мне, пожалуйста, в каком смысле Вы понимаете слово *worthies* [знаменитости]? Мне не хотелось бы придавать ему в Ваших устах филистерский смысл, являющийся здесь почти официальным и обнимающий всю дистанцию от Фарадея до какого-нибудь Пибоди или лэди Бердет-Каутс; тогда я постараюсь найти для Вас то, что Вы хотите.

Рукопись английского перевода первого тома наконец у меня, я ее немедленно же просмотрю. После этого приступлю к окончательной редакции третьего тома. Это будет не легкой задачей, но я доведу ее до конца.

Ваш Ф. Э.

343.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург

Лондон, 8 февраля 1886 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши любезные письма от 18/30 ноября, 19/31 декабря, 26/7 января и 8/20 января, а также четыре экземпляра перевода ²,

¹ Шевремон.

² II тома «Капитала».

из которых один передан в Британский музей, другой — Полковнику ¹ и третий — хорошо известной Вам даме ², которая тоже перевела несколько работ автора на ваш язык. Вы очень обяжете меня, если пошлете еще один экземпляр нашему издателю в Германии, г. Отто Мейснеру в Гамбурге.

Я с большим удовольствием прочел Ваше прекрасное предисловие, и в доказательство того, что прочел его внимательно, могу указать Вам, что на стр. X, в строке 17, наборщик, повидимому, пропустил слово. Не следует ли читать это место так: что и переменная часть *капитальной* стоимости ³ и т. д. Пропуск этот не имеет большого значения для того, кто хорошо знаком с терминологией автора, но может сбить с толку тех, кто ее не усвоил.

Очень благодарен за Ваши заметки об экономическом положении вашей страны. Все такого рода вещи всегда представляют для меня величайший интерес. Последние 30 лет показали во всем мире, за какой короткий срок могут привиться и твердо укрепиться огромные производительные силы современной промышленности даже в странах, которые до сих пор были чисто аграрными. При этом сопровождающие этот процесс явления повторяются повсеместно. То, что Вы пишете мне о платежах досрочными купонами, происходило по всей Германии десять или пятнадцать лет тому назад и случается иногда и теперь; в особенности перед введением новой монетной системы жалобы на обращение таких досрочных купонов, которые выдавали первоначально взамен заработной платы, были всеобщими. Быстрое развитие германской промышленности уже оставило за собой этот этап, и если подобные вещи еще и случаются, то лишь в виде исключения; но пятнадцать лет тому назад это было правилом, особенно в Саксонии и Тюрингии. Но то, что ваши экономисты считают это доказательством недостаточности средств обращения, — и это при наличии бумажных денег, обесцененных инфляцией, по крайней мере, на 36%, — может быть поставлено лишь на одну доску со взглядами американских гринбекеров, которые также требовали увеличения выпуска бумажных денег, потому что бумажные деньги более не обесценивались и поэтому, явным образом, были выпущены в недостаточном количестве!

Очень рад был, узнав, что нашему другу ⁴ рекомендуют перемену климата, — я думаю, что его направят, примерно, туда же,

¹ П. Лаврову.

² В. Засулич.

³ Эта фраза написана Энгельсом по-русски.

⁴ Г. Лопатину.

куда его врачи посылали раньше и где условия были, повидимому, довольно благоприятны для его здоровья. Во всяком случае, это служит для меня доказательством того, что всякая опасность внешнего кризиса в его болезни теперь миновала.

Наконец-то я имею всю рукопись английского перевода I тома [«Капитала»] и на будущей неделе займусь ее просмотром; как только я получу представление о том, сколько всего времени мне понадобится на просмотр, я тотчас же заключу договор с издателем. Переводчиков двое: один из них — адвокат и старый наш друг ¹ (Вы и он — единственные люди, которые действительно хорошо знают эту книгу); однако его профессиональные занятия не позволяли ему закончить во-время всю работу, поэтому д-р Эвелинг, муж младшей дочери автора, предложил свои услуги; но как экономические теории, так и терминология автора еще несколько новы для него, и я предвижу, что сделанная им часть перевода доставит мне больше работы. Лишь только английский перевод будет достаточно подготовлен к печати, я вновь примусь за III том и доведу его до конца, не позволяя какой бы то ни было другой работе помешать мне в этом.

Здесь промышленный кризис углубляется, вместо того чтобы идти на убыль, и люди все больше начинают убеждаться в том, что промышленная монополия Англии приходит к концу. С появлением Америки, Франции, Германии в качестве конкурентов на мировом рынке, с введением таможенных пошлин, исключаящих иностранные товары с рынков других развивающихся промышленных стран, дело становится вопросом простого расчета. Если в то время, как монополия принадлежала одной великой промышленной державе, кризис происходил каждые 10 лет, то что же будет при четырех подобных державах? Приблизительно — кризис каждые 10:4 года, т. е. по существу кризис без конца. Нам с Вами это, пожалуй, устраивает.

С совершенным почтением Ваш *П. В. Рошер.*

344.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 9 февраля 1886 г.

Дорогой Зорге!

Мое письмо от 30 января, затем «То-Дау» и новое издание «Процесса коммунистов» ты, вероятно, получил. «New-Yorker Volks-

¹ С. Мур.

zeitung» — прибыл еженедельник от 23 января, но больше ничего. Сентябрьский выпуск «To-Day» ты тоже, вероятно, уже получил.

Вчера господа из Социал-демократической федерации снова натворили на улице ужаснейших глупостей, — вам об этом, по всей вероятности, уже телеграфировали. Надо надеяться, что теперь их песенка спета.

Как дела Адольфа?

Твой Ф. Э.

345.

Энгельс — А. Бебелю

в Берлин.

Лондон, 15 февраля 1886 г.

Дорогой Бебель!

Твое письмо подоспело как раз кстати — я и без того собирался сделать тебе одно весьма отрадное сообщение. Но об этом ниже.

Итак, о скандале, происшедшем 8 февраля.

Социал-демократическая федерация, организация, вопреки всем рекламным отчетам, крайне слабая, в которой есть хорошие элементы, но во главе которой стоят литературные и политические авантюристы, — очутилась, благодаря их гениальным выходкам во время ноябрьских выборов, на краю гибели. Нундман (произносится Гайндман), вождь общества, получил тогда деньги от ториев (консерваторов) и мог поэтому выставить в двух лондонских округах социал-демократических кандидатов. Так как в этих избирательных округах у них не было даже членов организации, то провал можно было заранее предвидеть (один получил 27 голосов из 4 000, другой 32 голоса из 5 000!). Но как только Гайндман получил торийские деньги, он возомнил о себе нивесть что и тотчас же отправился в Бирмингем к Чемберлену, теперешнему министру, предложить ему свою «поддержку» (которая во всей Англии не дала бы и 1 000 голосов), в случае, если Чемберлен с помощью либералов обеспечит в Бирмингеме ему, Гайндману, место в парламенте и согласится внести билль о 8-часовом рабочем дне. Чемберлен — не осел и указал ему на дверь. По этому поводу, несмотря на все попытки замазать дело, в Федерации поднялся скандал и возникла угроза распада. Теперь, следовательно, должно было произойти нечто такое, что могло бы снова двинуть дело вперед.

Между тем, безработица все возрастала. Крах английской монополии на мировом рынке привел к тому, что кризис с 1878 г. продолжается без перерыва и скорее усиливается, чем ослабевает.

Нужда, особенно в восточных кварталах Лондона, — ужасающая. Необыкновенно суровая зима, установившаяся с начала января, и наряду с нею безграничное равнодушие имущих классов вызвали сильное брожение в массах безработных. Как всегда, политические дельцы попытались использовать это брожение в своих целях. Консерваторы, только что вытесненные из правительства, стали объяснять происхождение безработицы иностранной конкуренцией (и правильно), а также иностранными покровительственными пошлинами (в большинстве случаев — неправильно) и выступили с проповедью «fair trade» [справедливой торговли], т. е. боевого таможенного тарифа. Существует и рабочая организация, которая верит главным образом в боевой тариф. Она созвала 8 февраля митинг в Трафальгарском сквере. В это время не дремала и Социал-демократическая федерация; она уже до этого организовала небольшую демонстрацию, а теперь решила использовать этот митинг. Таким образом, состоялось два митинга: один — сторонников боевых пошлин — у нельсоновской колонны, а другой — организованный Социал-демократической федерацией — в северной части сквера, где ораторы выступали с улицы, расположенной приблизительно 25 футами выше, против Национальной галереи. Каутский там был, но ушел прежде, чем разыгрался скандал; он сообщил мне, что большинство настоящих рабочих было у сторонников боевых пошлин, тогда как Гайндман и К^о выступали перед смешанной публикой, которая хотела позабавиться и частью была уже навеселе. Если это заметил Каутский, который не живет здесь и года, то господа из Федерации тем более должны были это видеть. Тем не менее, когда все уже, казалось, провалилось, они пустили в ход любимую идею Гайндмана — процессию «безработных» — по улице Пэлл-Мэлл, вдоль которой расположены большие политические клубы аристократии и крупной буржуазии, центры политических интриг в Англии. Безработные, которых им удалось привлечь и которые пошли за ними, чтобы устроить новый митинг в Гайд-парке, были большей частью из числа таких, которые вообще не хотят работать: лодыри, бездельники, полицейские шпики, жулики. Увидев в окнах клубов насмешливые лица аристократов, они стали бить окна клубов и магазинов и грабить винные лавки, тут же на улице организуя соответствующие потребительные общества, так что Гайндман и К^о принуждены были тотчас же прекратить свои кровожадные речи в Гайдпарке и призвать к спокойствию. Но начало было положено. Во время процессии, во время этого второго маленького митинга и после него толпы люмпен-пролетариев, которых Гайндман принял за

безработных, стали рыскать по прилегающим богатым улицам, грабить ювелирные и другие магазины, разбивать украденными хлебами и бараньими окороками окна и разбежались, не встретив никакого сопротивления. Только часть их на Оксфордской улице была рассеяна четырьмя — именно четырьмя — полисменами.

Полиция нигде больше не показывалась, и это настолько бросалось в глаза, что не только *мы* были вынуждены предположить определенный умысел. Полицейское начальство, состоящее, повидимому, из консерваторов, не прочь было допустить при либеральном правительстве небольшой скандал. Но правительство тотчас назначило комиссию для расследования, и кое-кто из этих господ может поплатиться должностью.

Теперь о Франции. Там на прошлой неделе произошло событие, открывающее новую эпоху: *образование рабочей партии в палате*. Состоит она всего лишь из трех человек, кроме них — два радикала, но начало положено, и размежевание проведено полностью.

Basly (произносится Бали), горняк, а потом трактирщик (потому что был выгнан с работы) из Анзена, расследовал на месте дело об убийстве Ватрена, подлеца-управляющего рудником в Дезавилле. Возвратившись, он сперва 7-го сделал отчет на большом митинге в Париже, причем радикальным депутатам здорово досталось. В четверг в палате он в превосходной речи внес интерпелляцию министерству. *Вся крайняя левая не оказала ему никакой поддержки*. Его поддержали только два других рабочих — Буайе (из Марселя, бывший анархист) и Камелина (бывший прудонист, эмигрант Коммуны); из крайних радикалов аплодировали только Кловис Хюг и Планто, остальные же во время этого первого смелого и самостоятельного выступления французского пролетариата в палате сидели, как громом пораженные.

(Между нами говоря, Бали находится всецело под влиянием наших людей — Лафарга, Геда и т. д., в теоретических советах которых он очень нуждается и охотно им следует.)

Посылаю тебе «*Cri du Peuple*» с подробным отчетом об этом историческом заседании и рекомендую тебе его изучить. Это стоит труда. Подтверждение моего мнения о важности этого разрыва я получил от Лонге, который как раз приехал сюда и в качестве друга и соредатора Клемансо довольно недоброжелательно отозвался о таком непарламентском поведении рабочих.

Таким образом, теперь у нас и в Париже есть свои люди в парламенте, и я рад не только за французов, которым это в огромной мере поможет двинуться вперед, но и за нашу фракцию, которая

сможет отчасти поучиться у французов смелости выступлений; теперь у нас и за границей появились примеры, на которые мы сможем указывать нашим трусам и недотепам.

Замечательнее всего то, что этих рабочих выставили радикалы в надежде, что их удастся вести на поводу, и вот теперь радикалам приходится любоваться результатами. Относительно Камелина, как старого прудониста, и у меня были большие сомнения, но в его пользу говорило то, что он, будучи эмигрантом, стал тотчас же в Бирмингеме искать себе работу (он — один из лучших чеканщиков) и знать не хотел никакой эмигрантской политики.

Почта отправляется.

Твой Ф. Э.

346.

Энгельс — П. Лафаргу

в Париж¹.

[Отрывок.]

Лондон, 16 февраля 1886 г.

Дорогой Лафарг!

Поздравляю Вас. Заседание французской палаты от 11-го числа — историческое событие. Лед — парламентское всемогущество радикалов — сломлен, и вовсе не важно, три или тридцать человек осмелились его сломать. Ведь именно это суеверие парижских рабочих, это их убеждение, что пойти дальше радикалов значит поставить под угрозу республику или, по меньшей мере, расколов «революционную партию», сыграть на-руку оппортунистам, — и составляло силу радикалов.

Это — окончательное поражение утопического социализма во Франции, потому что радикалы были все «социалистами» в старом смысле этого слова; то, что еще сохранилось от тезисов Луи Блана и Прудона, служило им социалистической драпировкой; они представляют французский утопический социализм, лишенный утопии и сведенный, таким образом, просто к голой фразе. Этому старому французскому социализму был 11 февраля нанесен сокрушительный удар современным международным социализмом. «Нищета философии»!

Что касается вашей пропаганды в Париже и вообще во Франции, то это — событие первостепенной важности. Результаты скажутся очень скоро; радикалы, — отделятся ли они открыто от рабочих

¹ Опубликовано в «Le Socialiste» № 115 от 24 ноября 1900 г.

или же повременят еще, делая им те или иные несущественные уступки, — потеряют свое влияние на массы, и вместе с этим влиянием исчезнут последние остатки господства традиционного социализма. Умы станут восприимчивы к идеям иного порядка.[.....]

Z... окончательно убедил меня в том, что Клемансо и вся его шайка, ввязавшись в министерские интриги, заразились парламентской болезнью и они уже неспособны ясно видеть, что происходит за стенами Бурбонского и Люксембургского дворцов. Там для них теперь центр всего движения, а внепарламентская Франция представляется им чем-то второстепенным. Это показало мне, чего стоят эти господа.[.....]

Я убедился, наконец, что [действовать по принципу]: «если я не могу склонить всевышних, то приведу в движение Ахерон» — не по ним. Они уселись на ту же наклонную плоскость, по которой скатились Ранк, Гамбетта и К^о. Они дрожат перед пролетарским Ахероном.

Я сказал Z...: пока радикалов возможно запугать, как это было во время выборов, возгласом: «республика в опасности!», — до тех пор они останутся только прислужниками оппортунистов и будут таскать для них каштаны из огня. Но дайте каждому рабочему винтовку и 50 патронов — и республика никогда больше не будет в опасности!

347.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Лондон, 24 февраля 1886 г.]

Дорогой Эде!

Твои статьи по поводу К.-А. Шрамма превосходны и очень нас позабавили. Ему досталось как следует.

Новый поворот дел во Франции имеет большое значение. См. «Cri du Peuple». 7-го — митинг в Шато д'О, на котором Бали порывает с радикалами, 11-го — интерпелляция Бали в палате по поводу Декавилля, поддержанная Камелина и Буайе и встреченная аплодисментами К. Хюга и Планта — разрыв с радикалами и образование парламентской рабочей партии. Великолепный выход на сцену. Велика досада радикалов на эти в высшей степени непарламентские события. Трех рабочих решено немедленно наказать вотумом недоверия со стороны буржуазных избирателей. На 21-е

в Шато д'О был созван митинг, но тотчас же отменен, как только эти трое заявили о своем желании присутствовать на нем. Зато в Шато д'О было назначено дискуссионное собрание — якобы по поводу общественных работ для безработных, а в действительности для того, чтобы вынести этим троим вотум порицания. Но вместо этого — крупная победа рабочих: Бали — на председательском месте, буржуа удирают, Гед произносит блестящую речь. Прочти «*Cri du Peuple*» от 23-го. Французская парламентская рабочая партия — крупное историческое событие и большое счастье для Германии. В Берлине это кое-кого здорово подтолкнет. При этом все было совершенно интернационально, шовинистические поползновения провалились.

Твой Ф. Э.

348.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 25 февраля 1886 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Сегодня я отослал Вам *заказным* конец рукописи с моим введением или послесловием — смотря по тому, куда Вы его поместите. Мне кажется, заглавие лучше всего будет просто перевести: «*The condition of the working class in England in 1844*» [«Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.»] и т. д.

Очень рад, что удалось успешно преодолеть все препятствия, мешавшие изданию. Жаль только, что г-жа Фостер обратилась в исполнительный комитет Социалистической рабочей партии в Нью-Йорке, как это видно из отчета о заседании комитета, помещенного в «*Der Sozialist*», Нью-Йорк, 13 февраля. Ни Маркс, ни я никогда не предпринимали ни малейшего шага, который можно было бы истолковать как просьбу к какому-либо рабочему издательству о личном одолжении. Это было необходимо не только ради сохранения нашей независимости, но и из-за постоянных клеветнических измышлений буржуазии по поводу «демагогов, которые выманивают у рабочих в поте лица заработанные гроши, чтобы тратить их на свои личные цели». Мне придется поэтому сообщить Исполнительному комитету, что с этой просьбой к нему обратились совершенно без моего ведома и согласия. Несомненно, г-жа Фостер действовала так, как она считала лучшим, и этот ее шаг сам по себе был, конечно, вполне допустим; однако, если бы я мог это

предвидеть, я постарался бы сделать все возможное, чтобы предотвратить его.

Просмотр Вашего перевода задержал на три недели редактирование английского перевода «Капитала», к тому же в самое ответственное время. Сегодня вечером я за него примусь, и это, должно быть, отнимет у меня несколько месяцев. Затем надо будет взяться за немецкий третий том, так что, как видите, в течение некоторого времени я не в состоянии буду брать на себя редактирование других переводов, — разве только изредка, между делом, да и то небольших. Сейчас у меня на очереди итальянский перевод «Наемного труда и капитала» Маркса. Этому переводу придется, впрочем, полежать у меня, по крайней мере, несколько недель. Но если Вы захотите перевести эту брошюру на английский (недавно она была переиздана в Цюрихе) и не будете меня слишком торопить, то я с удовольствием просмотрю Ваш перевод. Вам не найти лучшей популярной брошюры. Эвелинг собирается перевести мое «Развитие социализма», и так как тема эта местами довольно трудная, я не могу согласиться поручить перевод кому-нибудь, кто живет не здесь, рядом, и кому нельзя было бы давать устные разъяснения. Что касается моего «Анти-Дюринга», то, по-моему, англо-американской публике вряд ли придется по вкусу этот спор и та враждебность к религии, которой проникнута вся книга. Тем не менее, если Вы придерживаетесь на этот счет иного мнения, мы можем обсудить это впоследствии. А в настоящее время прежде всего необходимо закончить с оставшимися после Маркса рукописями.

Полугегельянский язык очень многих мест моей старой книги не только не поддается переводу, но даже и на немецком языке в значительной мере утратил свой смысл. Поэтому я, насколько возможно, модернизировал его.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

349.

Энгельс — В. Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 25 февраля 1886 г.

Дорогой Либкнехт!

Для распространения твоей речи о России здесь нельзя ничего сделать, потому что, как ты знаешь, *большие* газеты для нас закрыты, а ежемесячник «Commonweal» слишком мал для такой вещи. Об

этом вы уже сами там должны позаботиться, связавшись, скажем, с корреспондентом «Standard», как Лонге в Париже, например, связался с матушкой Крауфорд, корреспонденткой «Daily News». Английские газеты знают, что рейхстаг не имеет никакого веса, и поэтому почти никогда не упоминают о нем, разве только в коротеньких телеграммах. Если бы ты не подчеркивал так сильно мысль Фербера о потерях германских капиталистов, а коснулся бы теперешнего осложнения на Востоке и свалил бы его на Бисмарка, который при помощи денег полностью прибрал к рукам русских, — тогда вряд ли удалось бы замолчать твои слова. А то, что ты говоришь относительно обесценения русских бумаг, здесь и без того всем известно. Что касается любезных немецких литераторов, которые орудуют на нейтральной пограничной полосе между нами, с одной стороны, и катедер-социалистами и государственными социалистами — с другой, и стараются заполучить все выгоды, какие можно извлечь из нашей партии, в то же время заботливо оберегая себя от вредных последствий, которые может принести общение с нами, — то я недавно снова имел случай убедиться в том, что это за жалкие трусы. Некий назойливый Макс Кварк — *nomen est omen* [имя — примета] — пишет мне, что Девиль в Париже предоставил ему *исключительное право* на перевод своего краткого изложения «Капитала», и просит, чтобы я рекомендовал его Мейснеру и написал для него *предисловие*. Это оказалось ложью, как теперь сообщают из Парижа и как сам Кварк *в тот же день* писал Каутскому. И вот теперь этот бесстыдный прохвост требует, чтобы я извинился перед ним за то, что *он* обманул меня! Пусть эта каналья только сунется ко мне снова!

У вас появляются конкуренты во Франции. Трое рабочих, Бали, Буайе, Камелина, к которым примкнул Кловис Хюг, объединились, в противоположность радикалам, как социалистическая рабочая фракция палаты, и когда радикалы попытались в прошлое воскресенье на одном собрании избирателей добиться вотума недоверия рабочим депутатам, те разбили их на-голову, да так, что радикалы на ими же созванном собрании не посмели и рта раскрыть. Эти трое французских рабочих произведут более сильный эффект в Европе, чем ваших двадцать пять, потому что они сидят в палате, а не в дискуссионном клубе, вроде рейхстага, и потому что они отбросили мелкобуржуазно-смиранный хвост, который волочится за вами, как свинцовая гиря. Клемансо поставлен теперь перед необходимостью окончательного решения, но почти не приходится сомневаться в том, что он решительно перейдет на сторону

буржуазии, и тогда он, хоть и станет министром, но будет человеком конченным.

Твой Ф. Э.

350.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Хобокен.

[Лондон,] 3 марта 1886 г.

Будьте любезны послать почтовой бандеролью Вильямсу и Норгейту, 14, Henriette St., Covent Garden, Лондон, экземпляр «Развития социализма» с сопроводительным счетом (включая пересылку). Они обратились ко мне (это мои *поставщики* и кроме того издатели, крупная фирма), и я им ответил, что все мои работы всегда можно получить в издательстве.

Г-жа Вишневецкая основательно подвела Вас со своей рукописью. Так как она настойчиво уверяла, что от этого все зависит, мне пришлось сейчас же взяться за ее рукопись, а теперь под угрозой конкуренции необходимо немедленно подготовить английский перевод «Капитала» (см. «То-Дау»). Для того чтобы все не пошло на смарку, необходимо быстро приняться за это и забросить все остальное, в том числе и «Крестьянскую войну». Конкурирующий перевод, вообще говоря, жуткий, но тем хуже, если он не будет тотчас же устранен.

Сердечный привет.

Ваш Фридрих Энгельс.

351.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 12 марта 1886 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Я так зарылся в работу над английским переводом «Капитала», что могу лишь наспех написать Вам несколько строк. Вам незачем было излагать все обстоятельства дела, чтобы убедить меня в Вашей полной невиновности в том, что сделали в Америке с Вашим переводом. Но сделанного не поправишь, хотя мы оба убеждены в том, что это была ошибка.

Благодарю Вас за то, что Вы указали мне на одно место в приложении, которое действительно далеко не ясно. Различие между польским евреем и гамбуржцем и, далее, между гамбуржцем и манчестерским купцом у меня совершенно не показано. Я постарался поэтому исправить это место таким образом, чтобы удовлетворить и Вас и самого себя, и надеюсь, что мне это удалось.

В заключение не могу не выразить Вам самую искреннюю благодарность за тот огромный труд, который Вы взяли на себя, поставившись воскресить на английском языке одну из моих книг, наполовину забытую в немецком подлиннике.

Поверьте, дорогая г-жа Вишневецкая, что я всегда готов к Вашим услугам, насколько мне позволят время и силы.

Искренно преданный Вам

Ф. Энгельс.

Посвящение английским рабочим надо будет опустить — оно в настоящее время не имеет смысла.

352.

Энгельс — А. Бебелью

в Берлин.

Лондон, 18 марта 1886 г.

Дорогой Бебель!

Я с головой ушел в проверку английского перевода первого тома «Капитала», который теперь, наконец, выйдет, но так как дело с либкнехтовским фондом спешное, то мне придется все же урвать часок, чтобы поскорее тебе ответить. Итак, прилагаю свой взнос — чек в 10 ф. ст. на лондонский «Унион-банк».

Благодарю за прения по исключительному закону и водочной монополии, а также за «Bürger Zeitung».

Поразительно, как настроение господ из фракционного большинства отразилось в прениях по исключительному закону. Им и хочется, и колется, и все же они вынуждены, как это для них ни тяжело, высказываться относительно корректно; в общем впечатление от прений очень недурное, в особенности от выступления Зингера, которого история с Ирингом заставила заговорить резко. Вообще эти люди, в том числе, например, и Фроме, выступают совсем не плохо, когда им приходится защищать себя или своих избирателей от полиции; тогда филистерство не вылезает наружу. Ибо один из их крупнейших недостатков — эта самая филистерская закваска, стремление уговорить противника, вместо того чтобы бороться против него, так как, мол, «наше дело такое благородное и справедливое», что любой филистер к нему обязательно примкнет, стоит ему лишь понять, в чем оно состоит. Эта апелляция к мещанскому прекрасному, не замечающая и не желающая видеть

скрытые за ним интересы, является одной из самых характерных черт специфически немецкого филистерства; в Англии или во Франции черта эта немислима ни в литературе, ни в парламенте.

Ничего более скучного, чем водочные прения, мне уж давно не приходилось читать; даже неудачные остроты Бамбергера были особенно неудачны, хуже обычного. Поэтому не так уж важно, что и Шумахер говорил скучно. Уши сторонника «государствления» у него явно вылезают наружу. Лучше других был, пожалуй, Рихтер со своими статистическими данными.

О речи Либкнехта я не решаюсь высказаться на основании отчета «Bürger Zeitung». Здесь все зависит от оттенков, от того, как сказано то или другое, а эти оттенки в кратком отчете пропадают.

Сообщения Каутского, о котором ты говоришь, я не знаю. Что же касается Гайндмана, то его выступление в Трафальгарском сквере и в Гайд-парке 8 февраля принесло бесконечно больше вреда, чем пользы. Революционное кликушество, которое во Франции, как отжившая свой век дребедень, привлекает мало внимания и не приносит вреда, — в Англии, при полной неподготовленности масс, является чистейшим безумием и действует на пролетариат отпугивающим образом; оно поощряет только люмпен-пролетарские элементы и попросту не может быть воспринято здесь иначе, как призыв к грабежу, и грабеж действительно последовал; это дискредитировало здесь на долгое время [социализм] в глазах рабочих. Что же касается того, что таким путем будто бы привлечено к социализму общественное внимание, то вы там, у себя, не знаете, до какой степени вековая свобода печати и собраний и связанная с нею реклама притупили восприимчивость публики к подобного рода приемам. Правда, первый испуг буржуа был очень забавен и привел к тому, что было собрано по подписке около 40 000 ф. ст. в пользу безработных, — в общей сложности около 70 000 ф. ст., — но все эти деньги уже расхвачаны, и никто больше не дает, а нужда все та же. Достигли одного — буржуазная публика отождествляет социализм с грабежом, и если большой беды в этом нет, то это во всяком случае для нас и не выигрыш. Если ты полагаешь, что Гайндман обнаружил большое мужество, то так может показаться только на первый взгляд. На самом деле, как мне сообщил Моррис и другие, Гайндман — трус и в решительные моменты вел себя, как трус. Это не мешает ему в тех случаях, когда он, зарвавшись, попадает в опасное положение, собственным криком заглушать свою трусость и во всю глотку нести кроваважнейшую чепуху. Но из-за этого он особенно опасен для своих сподвижников — ни они, ни он сам никогда не знают

заранее, что он учинит. К счастью, вся история здесь уже наполовину забыта.

Я вполне разделяю твое мнение, что периодам процветания, которые продолжались бы более полугода, пришел конец. Единственная возможность оживления дел, — по крайней мере непосредственно по железу и косвенно по другим отраслям, — связана с возможным открытием Китая для железнодорожного строительства; тем самым будет уничтожена последняя замкнутая в себе самой цивилизация, основанная на соединении земледелия и ремесла. Но и полугода достаточно, чтобы была исчерпана эта возможность и чтобы ватем, быть может, снова наступил *острейший* кризис. Помимо падения английской монополии на мировом рынке, нарушению десятилетних промышленных циклов способствовали новые средства сообщения: электрический телеграф, железные дороги, Суэцкий канал и вытеснение парусных судов пароходами. Если и Китай будет открыт, то не только исчезнет последний предохранительный клапан, но, к тому же, из Китая хлынет такая огромная волна переселенцев, что уже это одно вызовет революцию в условиях производства всей Америки, Австралии, Индии и, быть может, затронет даже Европу, — если здесь дело затянется еще до тех пор.

Сумасшествие Бисмарка начинает поистине принимать острые формы. Но через все это красной нитью проходит одно: больше денег! Самые безумные из его затей всегда и безошибочно приводят к требованию кредитов, и господа национал-либералы проявляют поистине яростное стремление предоставить ему еще больше денег.

Во Франции — новая победа. Запрос Камелина по поводу Декавилля вызвал трехдневные прения, семь мотивированных переходов к порядку дня были в субботу отвергнуты, пока, наконец, господа радикалы и правительство не согласовали друг с другом следующую резолюцию, которая является неслыханной во французской парламентской истории и которая была принята в понедельник: «Рассчитывая на то, что правительство предложит все мероприятия, необходимые для улучшения горного законодательства, и будет по отношению к Декавиллю руководствоваться правами государства и интересами труда, палата переходит к порядку дня».

Права труда — это появляется впервые. К тому же вся резолюция направлена против компании, которая существует в силу *государственной концессии* и которая теперь видит, что условия этой концессии обращаются против нее. Все это, разумеется, только на бумаге, но для начала этого достаточно. Вся политическая ситуация во Франции радикально изменилась вследствие выступления

трех рабочих. Радикалы, которые тоже именуют себя социалистами и на самом деле являются представителями национально-французского социализма, последних остатков Прудона и Луи Блана, но в качестве кандидатов в министры должны обеспечить себе поддержку и со стороны республиканской буржуазии, — принуждены теперь раскрыть свои карты. Их холодное, с самого же начала почти враждебное отношение к рабочим депутатам привело к тому, что в рабочих массах лед тронулся — рабочие видят теперь рядом с «образованными» радикалами *настоящих* рабочих-социалистов и бурно выражают свой восторг. Одно из двух: радикалы, включая Клемансо, должны либо отказаться от своих видов на министерские портфели и плестись в хвосте у Бали и Камелина, либо ждать провала на новых выборах. Вопрос о капитале и труде внезапно поставлен в порядок дня, хотя и в очень еще элементарной форме (высота заработной платы, право стачек, в дальнейшем — кооперативная эксплуатация рудников), но вопрос поставлен, и снять его не удастся. А так как рабочие Франции отлично подготовлены своей историей и превосходной работой наших товарищей за последние два года, то достаточно было такого события, как декавилльская стачка, и глупости радикалов, включивших в свой избирательный список трех рабочих, чтобы произошел взрыв. Теперь дела во Франции пойдут быстро; как сильно перепугались радикалы, ты мог заключить из постановлений муниципалитетов Парижа, Лиона и т. д. об ассигновании денег декавилльским стачечникам. Это тоже неслыханно.

Если у тебя так плохо с голосом, то не едь в Америку. Требования, обычно предъявляемые там к голосовым связкам, превосходят все ваши представления. Но зато мы заранее радуемся тому, что увидим тебя осенью здесь.

Почта закрывается. Я уж не успею отправить это письмо заказным. Подтверди, пожалуйста, открыткой получение чека.

Твой Ф. Э.

353.

Энгельс — В. И. Засулич

в Париж.

Лондон, 31 марта 1886 г.

Дорогая гражданка!

Очень благодарен за присланный Вами перевод «Нищеты философии», который я получил своевременно. Вскрывая пакет, я разор-

вал написанный на нем адрес отправителя. С большим трудом мне удалось, наконец, сложить клочки бумаги так, чтобы разобрать адрес, которым я сейчас пользуюсь. Но не будучи уверен в том, что прочел его правильно, я прошу снова прислать мне Ваш адрес, так как хотел бы послать Вам экземпляр русского перевода II тома «Капитала», полученный мною из Санкт-Петербурга.

Простите за беспокойство, которое я Вам причиняю своей неловкостью, и примите выражение моей искренней преданности.

Ф. Энгельс.

354.

Энгельс — А. Бебелю

в Берлин.

Лондон, 12 апреля 1886 г.

Дорогой Бебель!

Благодарю за прения о законе против социалистов, они нас очень порадовали. Ведь это снова нечто достойное движения, и такое впечатление производят речи от начала до конца. Либкнехт тоже стал прежним Либкнехтом — конкуренция французов, повидимому, действует хорошо. Зрелище того, как вся эта банда — вернее, свора — накидывается на тебя с лаем и воем, а затем отскакивает под ударами твоего хлыста, поистине великолепно. Какое счастье, что кроме вас несколько слов произнес только Фольмар, а Зингер принужден был резко ответить на все их подлые нападки против него лично, тогда как вся масса смиренных держала язык за зубами. Страх этих господ перед убийством государей прямо-таки смешон. Они или их отцы пели когда-то:

Hatt' wohl je ein Mensch so'n Pech
Wie der Bürgermeister Tschech,
Dass er diesen dicken Mann
Auf zwei Schritt nicht treffen kann.

[И случилось же на грех,
Что наш бургомистр Чех
В этакого толстяка
Не попал за два шага.]

Но тогда германская буржуазия сохраняла еще во всяком случае жизненную силу, и разница сказывается еще и в том, что в 1844 г. возникла песня, сочиненная баронессой Дросте, тогда как теперь

культуркампф ведется скучнейшим оружием и направляется самими немощными руками.

Здесьние социалисты оправданы. Посылаю тебе сегодняшний номер ультра-консервативного «Standard» (в него вложен «Cri du Peuple») с отчетом о заключительном заседании суда. Из этого отчета ты увидишь, как держит себя английский судья (но ни в коем случае не в Ирландии!). Речь его в переводе с юридического языка гласит: «Поступки обвиняемых подходят под действие закона о мятежных речах, но закон этот устарел и не применим на практике, так как в противном случае пришлось бы вынести обвинительный приговор всем радикальным ораторам и министрам; поэтому вы должны задать себе только один вопрос: входил ли грабеж 8 февраля в намерения обвиняемых или нет?» А между тем, Кэйв — один из 16 судей Англии.

Приговор — отличная реклама для Гайндмана, но она запоздала. Ему удалось безнадежно погубить свою организацию; в Лондоне она сходит на-нет, а в провинциях местные ее отделения держатся выжидательно и нейтрально по отношению к расколу, происшедшему в Лондоне. В общем итоге у обеих организаций, т. е. Федерации и Лиги, вместе взятых, нет и 2 000 платящих взносы членов, у издаваемых ими газет нет и 5 000 читателей, из которых большинство — сочувствующие буржуа, попы, литераторы и т. п. При нынешних обстоятельствах просто счастье, что этим незрелым элементам не удастся проникнуть в массы. Им самим еще необходимо перебродить, тогда может выйти толк.

А вообще говоря, теперь повторяется то, что было во времена Интернационала. За одно сегодняшнее утро я получил целую кипу немецких, французских, испанских, бельгийских газет, и это отнимает у меня время, которое следовало бы посвятить английскому переводу «Капитала». Лишь бы только старая рухлядь продержалась до тех пор, пока я не разделаюсь с третьим томом «Капитала», а там — поскольку дело касается меня — можно начинать.

С Декавиллем дела подвигаются превосходно. Из посылаемого тебе отчета («Cri du Peuple») о митинге в прошлое воскресенье ты увидишь, как парижане, за которыми укрепилась дурная слава фразеров, умеют искусно проповедывать спокойствие и законность во время стачки, нисколько не изменяя этим революционной тактике. Это показывает, однако, насколько французы ушли вперед благодаря той революционной почве, которая у них под ногами; там нет и в помине множества тонкостей и сомнений, которые в Германии все еще вносят столько сумятицы в умы. Необходимость дей-

ствовать, смотря по обстоятельствам, то в рамках закона, то вопреки закону, подразумевается там сама собою, и никто в этом не видит никакого противоречия. Характерно для Парижа, что до вчерашнего дня «*Сri du Peuple*» собрала для Декавилля 35 000 франков, а «*Intransigent*» Рошфора не собрал и 11 000.

Бисмарку, который, видимо, совсем расщирепел, но явным образом говорил по адресу кронпринца, ответят на его смехотворные обвинения против Маркса Лаура и Тусси. Из остальных речей речь Генеля — в юридическом отношении наилучшая; он показал всю абсурдность требования, чтобы граждане не только внешне, но и *внутренне* подчинялись закону; выставление такого требования, чтобы одно лишь *намерение* и публичное заявление о нем было признано преступлением, за которое провинившийся может быть поставлен вне закона, показывает, до какой степени расшатаны в Германии все правовые представления буржуазии, — правда, эти правовые представления были там признаны лишь оппозиционной буржуазией; в действительности [в Германии] всегда оставалось в силе бесправие, характерное для полицейского государства, — бесправие, которое в других странах проявляется все же лишь в замаскированном виде и воспринимается как акт насилия (Ирландию я постоянно исключаю).

Кончаю, потому что скоро прекратят прием заказной корреспонденции (5 часов).

Твой Ф. Э.

355.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон, 23 апреля 1886 г.]

Дорогой Каутский!

Что с Вами случилось — Вы не показываетесь ни у Тусси, ни у меня?

Ваш Ф. Э.

356.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 апреля 1886 г.

Дорогой Зорге!

Я получил твои письма от 15 и 28 февраля и от 8 марта и открытку от 21 марта.

Рукопись большей частью содержит то же самое, что отмечено Марксом в его экземпляре для третьего издания. Остальных указаний, главным образом о вставках из французского издания, я не всегда придерживаюсь: 1) потому, что работа над третьим изданием проделана значительно позже и вследствие этого является для меня решающей; 2) потому, что Маркс предпочитал для перевода, делавшегося в Америке, вне его наблюдения, чтобы некоторые трудные места были лучше правильно переведены с упрощенного французского текста, чем неправильно с немецкого, а это соображение теперь отпадает. Все-таки это дало мне несколько очень полезных указаний, которые в свое время пригодятся и для 4-го немецкого издания. Как только я с этим управлюсь, возвращу тебе рукопись заказным.

«Volkszeitung» и «Sozialist» получают теперь регулярно. За последние две недели я послал тебе «To-Day» и «Commonweal» за март и апрель. Кроме того, вчера отправил «To-Day» за май. Задержка произошла исключительно благодаря неаккуратности издателей. Если тебе нужно еще что-нибудь, то сообщи мне.

Бродхаузовский (гайндмановский) перевод «Капитала» — настоящая комедия. Первая глава переведена с немецкого и до смешного полна ошибок. Теперь он переводит с французского с такими же ошибками. Судя по теперешним его темпам, работа не будет готова и к 1900 г.

Спасибо за «Календарь». Я и не подозревал, что Дуэ оказался таким отчаянно непризнанным великим человеком. Желая ему унести с собой в могилу сознание своего величия со всей его непризнанностью, прежде чем оно успеет растаять, как воск. Но для Америки он был подходящим человеком, и если бы он оставался обыкновенным демократом, то я пожелал бы ему всего лучшего, а сейчас он пошел по ложному пути.

Относительно пуриста, который ратует против нашего стиля и нашей расстановки знаков препинания: он не знает ни немецкого, ни английского языка, иначе он не находил бы англицизмов там, где их нет. Тот немецкий язык, о котором он мечтает и который нам вколачивали в школе, с его отвратительно построенными периодами и со сказуемым, отодвинутым бесконечными придаточными на 10 верст от подлежащего, в самый хвост, — этот немецкий язык таков, что мне понадобилось тридцать лет, чтобы отучиться от него. Этот бюрократический немецкий язык школьных учителей, для которого Лессинг вообще не существует, исчезает теперь даже в Германии. Что сказал бы этот филистер, если бы услышал, как говорят в рейхс-

таге; там отменили эту ужасную конструкцию фразы, потому что постоянно путались в ней и говорили, как еврей: «Als der Bismark ist gekommen vor die Zwangswahl, hat er lieber geküsst den Papst auf den Hintern als die Revolution auf den Mund» [когда Бисмарк пришел к принудительным выборам, он предпочел целовать папу в задницу, чем революцию в губы] и т. д. Это нововведение принадлежит Ласкерчику — единственное хорошее из всего, что он сделал. Если господин пурист появится со своим школьным немецким языком в Германии, ему скажут, что он говорит по-американски. «Вы знаете, до чего мелочен немецкий ученый филистер», — таков он, повидимому, особенно в Америке. Немецкое построение фразы вместе с правилами расстановки знаков препинания, в том виде, как их преподавали в школах 40 — 50 лет тому назад, стоят лишь того, чтобы бросить их в мусорный ящик. Так с ними и поступают в Германии.

Я, кажется, писал тебе уже, что одна американская дамочка, вышедшая замуж за русского, забрала себе в голову перевести мою старую книжку. Я этот перевод просмотрел, что стоило мне не мало труда. Но она писала, что печатание обеспечено и что печатать нужно сейчас же, так что мне пришлось за него взяться. Теперь выясняется, что она поручила переговоры об этом некой г-же Фостер, секретарю одного общества защиты прав женщины, а та имела глупость передать книгу Социалистической рабочей партии. Я высказал переводчице свое мнение на этот счет, но дело было уже сделано. Вообще же я доволен, что эти господа там не переводят ничего моего, — воображаю, что бы получилось. Хватит с меня их немецкого языка, а что было бы с английским?!

Господа из «Volkszeitung» должны быть довольны. Они за получили в свои руки все движение среди немцев, и их лавочка должна процветать. То, что там оттесняют на задний план такого человека, как Дицген, само собой понятно. Игра в бойкот и мелкие стачки [для них,] конечно, гораздо важнее, чем теоретическое просвещение. Но, несмотря на все это, дело в Америке сильно подвигается вперед. Впервые среди английской части существует настоящее массовое движение. То, что оно еще идет ощупью, неловко, что оно неясно и невежественно, — это неизбежно. Все это наладится; движение будет и должно развиваться, учась на своих собственных ошибках. Теоретическое невежество свойственно всем молодым народам, но вместе с тем им присуща и практическая быстрота развития. Как в Англии, так и в Америке не помогут никакие проповеди до тех пор, пока не наступит фактическая необходимость, а в Америке она есть и проникает в сознание. Вступление

массы коренного рабочего населения Америки в движение я считаю одним из самых значительных событий 1886 г. Что касается тамошних немцев, то хотя процветающая ныне разновидность их постепенно присоединяется к американцам, она все же будет всегда несколько впереди их; и в конечном счете среди тамошних немцев все же остается ядро, сохраняющее теоретическое понимание природы и развития движения в целом и поддерживающее процесс брожения, и в конце концов оно снова возьмет верх.

Второе большое событие 1886 г. — это образование рабочей партии во французской палате двумя рабочими депутатами — Бали и Камелина, которых радикалы для приличия занесли в свои списки и провели в палату. Против ожидания они не превратились в прислужников господ радикалов, а выступали как рабочие. Декавилльская стачка довела разногласия между ними и радикалами до взрыва, — пять других депутатов присоединились к ним. После этого радикалы вынуждены были противопоставить рабочим свою политику, а так как правительство существует только благодаря радикалам, то это вышло чрезвычайно коряво, потому что рабочие вполне справедливо возложили на них ответственность за все действия правительства. Словом, радикалы, Клемансо и другие, вели себя самым жалким образом, а результатом было то, чего до сих пор нельзя было добиться никакими проповедями: *отход французских рабочих от радикалов*. А вторым результатом явилось объединение всех социалистических фракций для совместного действия. Только жалкие POSSIBILISTY держались отдельно, и поэтому они с каждым днем все больше распадаются. Созданию этой новой ситуации сильно содействовало правительство своими глупостями. Дело в том, что оно собирается совершить заем в 900 миллионов франков и нуждается для этого в финансовых тузах, но те являются также акционерами в Декавилле и отказываются давать деньги, если правительство не подавит стачку. Отсюда — арест Дюка и Роша. В ответ на это рабочие выставили кандидатуру Роша в Париже на будущее воскресенье (выборы в палату) и кандидатуру Дюка (Керси) в муниципалитет, куда он безусловно пройдет. Словом, во Франции снова на полном ходу великолепное движение, а лучше всего то, что наши — Гед, Лафарг, Девиль являются его теоретическими руководителями.

Эти события не замедлили оказать свое действие и на Германию. По сравнению с революционным языком и действиями французов хныканье Гейзеров, Фирекков, Ауэров и К^о показалось особенно жалким, и в последних дебатах по поводу закона против социалистов

выступали только Бебель и Либкнехт — и оба очень хорошо. После таких дебатов мы снова можем показаться в порядочном обществе, чего ни в коем случае нельзя сказать обо всех остальных. Вообще хорошо, — в особенности с тех пор, как немцы избрали так много филистерских элементов (что, впрочем, было неизбежно), — что у них немного оспаривают руководство. В Германии в спокойные времена все пропитано филистерством, тут жало французского соперничества совершенно необходимо. А за этим дело не станет. Французский социализм из секты внезапно превратился в партию, и лишь теперь и только благодаря этому стало возможно массовое вовлечение рабочих, потому что сектантством они там сыты по горло. В этом и заключался секрет того, почему они тяготеют к крайней из буржуазных партий, к радикалам. Будущее воскресенье покажет уже значительный успех на выборах, хотя трудно ожидать, чтобы Рош мог пройти.

Думаю, что через 2 — 3 недели начнется печатание английского перевода I тома «Капитала». Я далеко еще не закончил просмотра, но 300 страниц уже вполне готовы, а остальные 200 страниц почти подготовлены к печати.

Еще одно. Некий мистер И.-Т. Мак-Эннис интервьюировал меня на-днях под видом просьбы от имени штата Миссури дать совет по поводу рабочего законодательства. Я живо почувствовал, что за этим кроются репортерские штучки, и он признался, что работает для руководящей демократической газеты в Сен-Луи; он дал, однако, честное слово представлять мне предварительно на просмотр каждую строку. Этого парня подослал ко мне один русский, Степняк. С тех пор прошло уже почти две недели, и я боюсь, что он не сдержал своего слова. Название газеты в Сен-Луи я забыл, так что если появится что-нибудь об этом интервью, то прошу тебя поместить прилагаемое заявление в «Sozialist», «Volkszeitung» и где ты еще найдешь нужным. Если парень все же сдержит слово и придет еще, то я, конечно, немедленно сообщу тебе об этом, и ты можешь тогда порвать заявление.

Здесь, к счастью, движение *нисколько* не развивается. Гайндман и К^о — политические карьеристы, которые все портят, а в Социалистической лиге анархисты имеют огромный успех. Моррис и Бакс, один — социалист чувства, другой — гонящийся за философскими парадоксами, находятся в настоящее время всецело у них в руках и должны преодолеть это на собственном опыте. Из следующего номера «Commonweal» ты увидишь, что Эвелинг, благодаря главным образом энергии Тусси, не несет больше

ответственности за это мошенничество, что очень хорошо. И эти безнадежные путаники хотят руководить английским рабочим классом! К счастью, последний об этом знать ничего не хочет.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

[Приложение.]

В редакцию и т. д.

Если в Сен-Луисской газете . . . появится отчет об интервью корреспондента этой газеты со мною, то я хотел бы заявить по этому поводу следующее:

Некий г. Мак-Эннис действительно посетил меня в качестве представителя этой газеты и расспрашивал о разных вещах, обещав, однако, *под честным словом* не отсылать в печать ни одной строчки, не показав предварительно мне. Однако он у меня больше не появлялся. Поэтому я настоящим заявляю, что слагаю с себя всякую ответственность за опубликованный им материал, — тем более, что я имел случай убедиться, что г. Мак-Эннис, не обладая достаточными познаниями, при всем своем желании едва ли был в состоянии правильно понять сказанное мною.

Фридрих Энгельс.

Лондон, 29 апреля 1886 г.

357.

Энгельс — П. Лафаргу

в Париж ¹.

[Отрывок.]

[Лондон, 7 мая 1886 г.]

Поздравляю вас с воскресной победой, которая действительно подтверждает разрыв парижских рабочих с радикализмом. И глупы же эти радикалы! Но это — роковая глупость, овладевающая всякой буржуазной партией, как только она приближается к тому, чтобы стать правительственной партией, и вследствие этого теряет свой оппозиционный характер. Людям не терпится получить министерские портфели, хотя они и знают, что момент еще не пришел. Играют в тайное правительство и в то же время берут на себя ответ-

¹ Опубликовано в «Socialiste» № 115 от 24 ноября 1900 г.

ственность за глупости и ошибки настоящего правительства. С другой стороны, они наталкиваются на рабочую партию, усиливающуюся с каждым днем в результате этих самых правительственных ошибок, которые можно дезавуировать лишь наполовину. Рабочая партия не довольствуется больше красивыми словами и обещаниями, она требует действий, которых они не могут ей дать; они хотят ее удержать, но вынуждены действовать против нее; когда министерские посты еще не получены, а массы все больше ускользают, остается только твердить о заговорах монархистов, изображать их как реальную опасность, вопить: «объединимся для спасения республики!», словом, — превратиться в оппортунистов. Всякая партия, стремящаяся притти к власти прежде, чем обстоятельства позволяют ей осуществить свою собственную программу, обречена на гибель, но нетерпение буржуазных партий так велико, что все они раньше времени разбиваются об этот подводный камень. Для нас это только сокращает период развития.

С другой стороны, наше движение в Париже вступило теперь в такую стадию, когда даже та или иная ошибка не могла бы слишком сильно повредить ему. Без сомнения, быстрота дальнейшего развития в значительной мере зависит от руководства вождей различных групп, но раз массы уже втянуты в движение, они подобны здоровому организму, который способен собственными силами справиться с инфекцией и даже с некоторой дозой яда.

358.

Энгельс — В. Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 12 мая 1886 г.

Дорогой Либкнехт!

Французские газеты (их я тебе послал по крайней мере три пачки) должны были дать тебе попросту возможность получить из первых рук некоторые сведения о блестящем ходе дел во Франции. Так как «*Cri du Peuple*» ты получаешь, мне остается лишь посылать тебе «*Intransigeant*» и т. д. Лафарг присылает их мне время от времени, если что-нибудь случается, и я предполагаю в дальнейшем использовать их также.

Что касается Клемансо, то скоро может, несомненно, наступить момент, когда тебе лучше будет вовсе махнуть рукой на «*Justice*».

Близкие виды на министерский портфель, с одной стороны, и неожиданно быстрое (неожиданно для него) развитие рабочей партии, с другой, толкают Клемансо в консервативный, отъявленно буржуазный лагерь. Даже с его собственной точки зрения его поведение нелепо. Но таков уж удел всех буржуа, даже самых передовых. Лонге тоже скоро придется выбирать, иначе он погубит себя вконец. Кандидатура Голье, выставленная только прессой, без привлечения радикально-социалистических комитетов, стоила радикалам 50 000 избирателей, которые перешли к нам и теперь яростнее всех настроены против своих бывших вождей. Если не будет огромных ошибок, — маленькие промахи движение перенесет без вреда, настолько оно окрепло, — то на следующих выборах в Париже у нас будет от 1/4 до 1/3 всех мест. И теперь, когда есть возможность делать настоящее дело, наши ведут себя образцово.

Писать для «Justice» даром — нелепо. Газета может отлично платить; ведь ее главным редакторам-депутатам платит нация.

Бebelь писал мне, что после нескольких дней напряжения голос отказывается ему служить; на это я ему, конечно, ответил, что для агитационной поездки в Америку за деньгами громоподобный голос действительно является первым условием. Не преувеличивает ли он, я, конечно, не знаю, но тут был бы во всяком случае большой риск; чего требуют в этом отношении янки за свои денежки, ты сам как следует поймешь только на месте. Если Бebelь не поедет, ты должен будешь позаботиться о том, чтобы тебе не дали в спутники кого-нибудь из смиренной породы мелких буржуа.

Чикагское дело положит, вероятно, конец анархистской комедии в Америке. Этим господам там позволяют сколько угодно кричать, но что касается бесцельных скандалов, то американцы шутить не любят, с тех пор как они стали промышленной нацией.

О здешнем так называемом «движении» не могу сообщить ничего хорошего. Гайндман с каждым днем все больше выдыхается; он потерял всякое доверие у своих собственных сторонников, а Лига все больше и больше переходит в руки анархистов. С тех пор как «Commonweal» стал выходить еженедельно (для чего у него нехватает ни денег, ни сил), Эвелинг должен был уступить редакторство (неоплачиваемое) Баксу, а этот последний и Моррис находятся под сильным влиянием анархистов. Эти господа должны пройти через это испытание на собственной шкуре — они как-нибудь вывернутся, но воистину счастье, что эти детские болезни пройдут раньше, чем в движение вступят массы. А вступать в него они пока упорно отказываются. Происходит то же, что и во Франции. Многочисленный ра-

бочий класс в целом не приведешь в движение проповедями; но если условия наврели, достаточно легкого толчка, чтобы лавина сдвинулась. И этот толчок произойдет и здесь, и притом скоро. Весьма вероятно, что финансовый крах больших трэд-юнионов, который наступит в результате хронического перепроизводства, и послужит началом нового этапа, когда англичанам станет ясно, что нельзя полагаться на «самопомощь» и радикализм.

Итак, осенью увидимся здесь!

Твой Ф. Э.

Г-жа Пфендер отплывает через неделю в Америку к своему зятю в Новый Ульм, Миннесота.

359.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 12 мая 1886 г.

Дорогой г. Шлютер!

Чтобы быстро Вам ответить, буду краток.

1) Человек с деньгами здесь еще не был.

2) Статья Лексиса у нас есть. Благодарю за указание.

3) «Происхождение [семьи]». История со «2-м изданием» внушает кое-какие опасения, но если принять во внимание, что это два совершенно различных рынка, так что «1-е издание» вряд ли помешает «2-му», то оно, пожалуй, не может особенно повредить. Во всяком случае, я предпочел бы, чтобы Дитц предварительно посоветовался с нами. Он уже раньше в других случаях действовал также своевольно. Здесь в этом не было никакой необходимости — он мог бы, например, легко сообщить мне об этом через Каутского. Но он любит ставить перед совершившимся фактом. Я попрошу передать ему об этом.

4) Отчеты Интернационала. Я в то время жил в Манчестере и подробностей не помню. Во всяком случае, Генеральный совет опубликовал отчетные доклады ко всем конгрессам, но бумаги и брошюры Маркса еще до сих пор не разобраны и находятся в том же состоянии, в каком я их сюда перетащил; для того чтобы привести их в порядок, придется поработать недель шесть. Но я просил Каутского навести справки у Лесснера. Меня очень удивит, если окажется, что у него не все собрано.

5) Речь Стефенса. Вещь эта, конечно, принадлежит Веерту. Что касается введения, то я охотно просмотрел бы Вашу рукопись. Но первоисточники и здесь очень трудно найти, а буржуа столько об этом наггали. В прошлом году Гарни объездил весь Йоркшир, Ланкашир и Лондон, чтобы достать экземпляр редактировавшейся им «Northern Star», которая печаталась в 100 тысячах экземпляров. Но тщетно. Исчезновение — это проклятие, тяготеющее над всей пролетарской литературой, которую исключает из своего состава официальная литература. Так, например, нигде нельзя достать произведений Оуэна, и Британский музей дал бы хорошие деньги, чтобы иметь их полностью. Поэтому дать действительную картину событий будет трудно. Brentano и К^о *ничего* не знают. Хартия была составлена в 1835 г., а не в 1838, и, если не ошибаюсь, в этом принимал участие и О'Коннель. То, что Brentano рассказывает о петиции, все это чужь. После 10 апреля буржуа *обеих* партий были ва одно. На этот счет всегда распространяют всяческие враки, потому что нет возможности их опровергнуть ни в парламенте, ни в прессе. Если даже комиссия нижней палаты и расследовала петицию, что мало вероятно, то она совершенно не была в состоянии отличить подлинные [подписи] от подложных. Но весной 1848 г. никто не стал бы заниматься такими пустяками. Были дела поважнее. Кроме того, нас в то время не было в Англии.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

360.

Энгельс — издательству Ф.-Г. Нестлера и Мелле

в Гамбург.

[Черновик.]

[Лондон,] 13 мая 1886 г.

Милостивые государи!

Как ни лестно для меня предложение, содержащееся в Вашем любезном письме от 10-го с. м., я вынужден, к сожалению, отклонить его из-за отсутствия свободного времени.

Работа по изданию рукописей Маркса и по использованию прочих оставшихся после него бумаг целиком займет меня на несколько лет и является для меня долгом, перед которым все остальное должно отойти на задний план.

К тому же на мне лежит еще обязанность просмотра переводов наших работ на иностранные языки, большей частью весьма необходимого. Я имею в виду не только английский перевод «Капитала», над которым я сейчас работаю и который в будущем месяце сдается в печать; я постоянно получаю для просмотра все новые рукописи подобного рода — переводы более мелких вещей на французский, итальянский, датский, голландский и пр. языки, — и это отнимает у меня последние остатки свободного времени.

Когда же я справлюсь со всем этим, если я вообще доживу до этого времени, то мне надо будет прежде всего подумать о том, чтобы закончить, наконец, мои собственные самостоятельные работы, которые я за последние три года совершенно забросил.

Из людей одного со мною направления мой друг К. Каутский был бы вполне подходящим лицом для занятия такого поста, — тем более, что он сейчас проживает здесь, так что я мог бы оказывать ему посильную помощь; к тому же соответствующую английскую литературу, большей частью совершенно неизвестную, нельзя достать нигде, кроме Британского музея. Я взял поэтому вчера на себя смелость сообщить ему Ваше предложение. Но он уже, помимо редактирования «Neue Zeit», настолько связан разными обязательствами, и на такой долгий срок, что не мог дать мне согласия на то, чтобы я предложил Вам его кандидатуру.

Как видите, при всем моем сочувствии Вашему плану я не могу, к сожалению, принять участия в его выполнении. Выражая Вам благодарность за Ваше почетное для меня предложение, остаюсь с глубоким уважением.

[Ф. Э.]

361.

Энгельс — Э. Бернштейну
в Цюрих.

Лондон, 22 мая 1886 г.

Дорогой Эде!

Посылаю тебе парламентские прения, происходившие в четверг («Daily News») по поводу ирландского билля об оружии. Этот билль, требующий ограничения права приобретения оружия в Ирландии, был до сих пор направлен против националистов, но теперь его хотят повернуть и против протестантских хвастунов из Ульстера, которые грозят бунтом. Достоинна внимания речь лорда Рандольфа Черчилля,

брата герцога Мальборо, тория с демократическими замашками, который был в последнем торийском кабинете министром по делам Индии и в качестве такового является пожизненным членом Государственного совета (Privy Council). В ответ на немощные и трусливые протесты и заверения наших мелкобуржуазных социалистов, что они при любых обстоятельствах будут мирно добиваться своих целей, давно уже пора указать на то, как английские министры — Олторп, Пиль, Морли и даже Гладстон — проповедуют право на революцию как конституционную теорию, — правда, *лишь до тех пор, пока они сами в оппозиции*, как доказывает прилагаемая болтовня Гладстона, но он тут все-таки не осмеливается отрицать это право как таковое. Это особенно важно еще и потому, что исходит из Англии, классической страны законности. Вряд ли может быть лучшая отповедь нашим Фиреккам.

С радостью вижу по вернувшемуся на страницы «Sozialdemokrat» воодушевлению, что ты снова за работой.

Я с головой ушел в английский перевод «Капитала». Сегодня утром с Эвелингом уладил все у издателя. На-днях будет подписан договор, а затем приступят к печатанию — минимум пять листов в неделю. К сожалению, я еще не совсем закончил просмотр, но страницы 1—450 оригинала готовы к печати; страницы 450—640 *почти* готовы. Но прошу пока ничего об этом не сообщать в газете, потому что договор еще не подписан.

Наши французы ведут себя великолепно. Зато здесь все остается попрежнему дилетантской игрой. Анархистские глупости в Америке могут оказаться полезными; было бы нежелательно, чтобы американские рабочие на их нынешней, еще совершенно буржуазной ступени мышления — высокая заработная плата и короткий рабочий день — добились *слишком быстрых* успехов. Это могло бы чрезмерно укрепить односторонний трэд-юнионистский дух.

Здесьний «Amalgamated Engineers» [Объединенный союз машиностроителей], сильнейший из трэд-юнионов, должен был в прошлом году выдать из запасного фонда свыше 43 000 ф. ст. своим безработным членам, понизив таким образом свой запасный фонд приблизительно с 160 000 до 122 000 ф. ст.; когда фонд будет исчерпан, но не раньше, с ними можно будет что-нибудь сделать.

Твой Ф. Э.

Пишу на адрес Шлюгера, потому что не уверен в новом номере твоего дома.

362.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 3 июня 1886 г.

Дорогой г. Шлютер!

Г-жа Вишневецкая послала мне корректурные листы, которые я должен вернуть обратно, и дала при этом парижский адрес, который я не могу разобрать, но не указала, следует ли отправить листы именно туда. Для верности я беру на себя смелость послать Вам ответ и корректуру с просьбой отправить их по назначению. Парижский адрес Вам, быть может, известен, в противном случае Вы можете узнать его в пансионе Тифенау. Я прочел его так: Drexel, Harjer (?) и K^o 1, Париж. Извините, пожалуйста, за беспокойство.

Как только я хоть на минуту освобожусь от английского перевода «Капитала», очередь будет за Вашим «Чартизмом». Уже начинается печатание «Капитала», а подготовлена только половина рукописи, так что я должен сначала закончить ее во что бы то ни стало и сейчас *не в праве* заниматься ничем другим.

Привет Эде.

Ваш Ф. Энгельс.

363.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Цюрих.

[Лондон,] 3 июня 1886 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Я просмотрел корректуры и исправил карандашом еще несколько опечаток.

Что внешность книги будет далеко не изящна, я предвидел заранее, после того как узнал, в чьих руках это дело; поэтому я несколько не удивлен. Боюсь, что теперь уже этому не поможешь, так что ворчать бесполезно.

Какие бы ошибки ни допускали и как бы ограничены ни были вожжи движения, а отчасти и сами только начинающие пробуждаться массы, ясно одно — американский рабочий класс пришел в движение, это несомненно. После нескольких неверных шагов он довольно быстро вступит на правильный путь. Это выступление на сцену

¹ Вопросительный знак поставлен Энгельсом. Шлютер карандашом исправил Harjer на Harjes.

американцев я считаю одним из важнейших событий нынешнего года. То, чем было бы падение русского царизма для больших военных монархий Европы — крушением их главной опоры, тем будет для буржуазии всего мира взрыв классовой войны в Америке. Ведь Америка была, в конце концов, идеалом всех буржуа: богатая, обширная, развивающаяся страна с чисто буржуазными учреждениями без феодальной закваски или монархических традиций и не имеющая постоянного наследственного пролетариата. Здесь каждый мог сделаться если не капиталистом, то во всяком случае независимым человеком, который занимается производством или торговлей на свои собственные средства, за собственный риск и страх. И так как здесь *пока еще* не было классов с противоречивыми интересами, то наши (и ваши) буржуа вообразили, что Америка стоит *выше* антагонизма и борьбы классов. Эта иллюзия теперь рассеялась, последний буржуазный рай на земле быстро превращается в чистилище, и от превращения в ад, подобный Европе, его сможет удержать лишь бурный темп развития едва оперившегося американского пролетариата. То, как американские рабочие появились на сцене, — совершенно необычайно: полгода тому назад никто ничего не подозревал, а теперь они сразу выступили такой организованной массой, что нагнали ужас на весь класс капиталистов. Я жалею только о том, что Маркс не дожил до этого!

Не знаю, куда послать это письмо — в Цюрих или по парижскому адресу, который Вы указываете в конце Вашего письма. Но так как в случае ошибки Цюрих более надежен, то я посылаю письмо и корректуры г. Шлютеру, который, несомненно, перешлет их куда следует.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

364.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

(Истберн,) 2 июля 1886 г.

Большое спасибо за твои хлопоты! Прошу не присылать мне, кроме «Nature», *никаких* английских газет, не исключая и манчестерской, которая прибудет в субботу, и вообще после субботы не присылать, кроме «Sozialdemokrat», *никаких* газет, а после понедельника — и никаких писем, потому что в среду днем мы уже будем дома. Погода все время великолепная; завтра утром жду с

интересом первых результатов выборов в больших городах. Привет всем вам от наших.

Твой Ф. Э.

365.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

(Истберн, 4 июля 1886 г.)

Дорогой Каутский!

Мне было бы, конечно, приятнее не принимать здесь больше никаких посетителей, потому что завтра, вероятно, и без того придет Шорлеммер, но чему быть, того не миновать. В среду я буду опять в Лондоне и надеюсь, что у г-жи Гертруды Шак найдется достаточно дел, которые задержат ее до того времени в Лондоне. Здесь со вчерашнего дня тоже удушливый зной, но все же с моря дует легкий ветерок, а в пятницу было даже прохладно, так что вечером я не мог сидеть на дворе без пальто. Сердечный привет твоей жене. Пумпс, Перси и Мур ловят с лодки рыбу на ужин, если, конечно, боженька их не покарает за осквернение субботы и не пошлет им морских змей. Пильзенское пиво и здесь превосходно.

Твой Ф. Э.

366.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон, около 8 июля 1886 г.]

Благополучно вернулся, был сегодня у Гертруды Шак, но не застал ее дома, — таким образом, лишен пока удовольствия познакомиться с нею. Шорлеммер здесь, — не приедете ли вы к нам завтра вечером?

Твой Ф. Э.

367.

Энгельс — И.-Ф. Беккеру

в Женеву.

Лондон, 9 июля 1886 г.

Дорогой старый друг!

Я отложил на несколько дней ответ на твое письмо, так как должен был сперва выяснить, нельзя ли будет как-нибудь

осуществить твой парижский проект. К сожалению, этого сделать нельзя и вот почему:

1) Я связан с Англией, так как должен позаботиться о корректуре и издании английского перевода «Капитала», который находится в печати и который я не мог бы поручить никому другому, если бы даже и не был связан договором.

2) Вот уже 3 месяца, как я снова на положении инвалида, не могу сделать больше 200—300 шагов и завишу от всяких медиков. Серьезного ничего нет, это только меня стесняет, но если я не буду вести себя спокойно, то может каждую минуту произойти осложнение, так что о длительных путешествиях не может быть и речи. Если же мои надежды оправдаются и к осени я стану немного подвижнее, то на этот раз уж нужно будет, по мере возможности, положить конец этой старой истории, которая вот уже три года то-и-дело превращает меня в калеку. А для этого мне нельзя предпринимать ничего такого, что могло бы меня снова свалить. Необходимо во что бы то ни стало опять добиться того, чтобы я мог, опираясь на палку, ходить 2—3 часа подряд, иначе я конченный человек и не выдержу длительной работы. Я рассчитывал, что за последние две недели добьюсь значительного улучшения, но это затягивается больше, чем я предполагал.

Надеюсь, однако, что дело удастся уладить иначе. А именно, если ты уж будешь в Париже, то мог бы переправиться и к нам, сюда. Я охотно возьму на себя расходы, а пребывание здесь не будет стоить тебе ни копейки. В августе меня посылают для лечения к морю, в сентябре я жду гостей из провинции, из Германии, и, вероятно, Лафаргов из Парижа, а так как у меня только одна свободная комната, то будет очень трудно всех их разместить. Но в октябре они разъедутся, и я в любой момент смогу предоставить комнату в твое распоряжение и буду бесконечно рад видеть тебя здесь. Тут нам удобнее будет, чем в Париже, поговорить и порассказать друг другу обо всем, там никогда ведь не остаешься один.

Итак, решайся. До октября я, кроме того, настолько управляюсь со *срочными* работами, что смогу отложить все остальное, и, надеюсь, настолько поправлюсь, что снова сумею кутнуть. Впрочем, если ты предпочитаешь приехать в сентябре, то напиши мне, это можно будет так или иначе устроить. Нам так много надо еще обсудить, и ты можешь порассказать мне с глаза на глаз много такого из истории развития движения, чего, как ты говоришь, никто больше не знает, что было бы просто преступлением, если бы мы с тобою не приложили всех стараний, чтобы встретиться еще раз и проделать все это.

Бумаги Маркса я все еще не сумел привести в порядок. Это работа по крайней мере на месяц. Может быть, удастся осенью; сделать это необходимо, в притом до того, как наступят короткие дни.

Я перевел тебе еще 5 фунтов, которые ты, надеюсь, получишь непосредственно после этого письма или одновременно с ним.

Итак, решайся. Я страшно рад снова повидаться и поговорить с тобою лично. Если бы я еще так крепко держался, как ты, я съездил бы в Женеву. Но в таком состоянии! Итак, надеюсь, что ты делаешь это ради меня и приедешь сюда.

Твой старый

Ф. Энгельс.

368.

Энгельс — К. Каутскому

в Вентнор.

Лондон, 26 июля 1886 г.

Дорогой Барон!

Я послал тебе сегодня номер «*Volkszeitung*», а завтра пошлю тот, который прибыл сегодня. Посылаю далее «*Deutsche Worte*» с началом статьи о Густаве Коне; статья пока что превосходна. Тебе следовало бы залучить этого парня для «*Neue Zeit*».

Вчера мы были почти одни — Гусси тоже заболела, и Эвелинг должен был поэтому рано уехать. Это не так уж страшно, но все-таки неприятно, вдобавок дождь льет, как из ведра; надеюсь, что у вас там лучше, в юго-восточном углу Англии, где климат ближе всего к континентальному.

Итак, Дилк благополучно отправился в политическое изгнание, мир праху его! Вот к чему приводит протестантское лицемерие! Вся эта история была бы немыслима в католических странах, — ни в Вене, ни в Риме, ни в Париже, ни даже в Петербурге это не могло бы произойти; такая прикрашенная сверху грязь возможна только в двух центрах: в Лондоне и Берлине. Действительно, Берлин становится мировым городом только потому, что Лондон все больше опускается до уровня Берлина. То, что галантный капитан Форстер повел свою даму в бордель, — это вполне по-берлински.

Вообще же у нас нового мало: Шорлеммер уехал в Германию; я чувствую себя с каждым днем лучше; Ним только что дочитала до конца «*Мучеников фантазии*»¹ (наконец-то окончание!)

¹ И. Платтера.

и вяжет чулки. Сердечный привет тебе и твоей жене от нас обоих.

Твой Ф. Э.

Если нужно что-нибудь сделать для тебя в твоей квартире, то я уже настолько здоров, что отлично могу туда прогуляться; надеюсь, что улучшение будет прочным; итак, если я могу тебе быть чем-либо полезен, располагай мною.

369.

Энгельс — К. Каутскому

в Вентнор.

Лондон, 31 июля 1886 г.

Дорогой Каутский!

Почтовый перевод я оставляю у себя, потому что было бы бесполезно пытаться получить по нему деньги у этого олуха на South Road. Я сохраню этот перевод у себя, а в случае, если ты не вернешься до моего отъезда, оставлю его в конверте, адресованном на твое имя, у г-жи Паркер, т. е. Сары.

Зато прилагаю почтовый перевод на 4 ф. ст., выписанный мною, Фридрихом Энгельсом, на твое — Карла Каутского — имя. Если тебе понадобится еще 2—3 фунта, я их тебе охотно предоставлю.

Погода улучшается, — надеюсь, и у вас. Кончаю, чтобы это письмо могло дойти еще сегодня.

Сердечный привет твоей жене и тебе от Ним и твоего

Ф. Э.

370.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 3 августа 1886 г.

Интервью получил, благодарю. Оно меня очень позабавило. Конечно, этот осел¹ приписывает мне все те глупости, которые он сам говорил. «Commonweal» с 1 мая по 17 июля отсылаю завтра двумя пакетами. Я получаю ее теперь через Лесснера с перебоями, но полностью. «To-Day» отправлю, как только у меня будет не полученный еще июльский номер.

¹ И.-Т. Мак-Эннис.

Перевод рукописи будет готов послезавтра, и конец будет передан издателю. Отпечатано 320 страниц, что почти соответствует 3-му немецкому изданию. Думаю, что к концу сентября все будет закончено, а в октябре книга выйдет из печати. В субботу я тоже еду к морю; надеюсь, что оно принесет пользу нам обоим, а также и твоей жене.

Твой Ф. Э.

371.

Энгельс — К. Каутскому

Вентнор.

Лондон, 6 августа 1886 г.

Дорогой Каутский!

Мы уезжаем завтра в Истбери, адрес прежний: 4, Cavendish Place.

Только что купил для Либкнехта место на пароходе «Servia» линии Канард и послал ему квитанцию.

Твой денежный перевод ты найдешь здесь в конверте с адресом. Найдешь также разные номера американского «Sozialist» и американской «Volkszeitung», кроме того — «Missouri Republican» с вопиющим интервью; эти номера «Volkszeitung» и «Missouri Republican» прошу сохранить для меня.

Нельзя ли попросить тебя опять пересылать мне (после твоего возвращения) время от времени, т. е. не чаще чем через день, а как правило — два раза в неделю, письма и т. д., как ты это делал в прошлый раз?

Со вчерашнего дня перевод рукописи готов окончательно, 23 листа набраны, и уже есть корректуры.

Либкнехт уезжает 4 сентября, Эвелинги — 31 августа, из Ливерпуля. Мы останемся наверное до 28 августа, и если будет возможность, то на неделю дольше; это зависит от приезда Либкнехта и других возможных посетителей.

Обвинительный приговор во Фрейберге — Дитц, Гейнпель, Мюллер присуждены к шести месяцам, остальные к девяти — тебе, вероятно, известен из газет. Вполне по-германски!

Спасибо за венские известия. На белом свете все спокойно, мир обливается потом от жары. Только русские под сурдинку усиленно интригуют. Гирс, повидимому, решил выколотить в этом году у Бисмарка порядочный куш, но не думаю, чтобы это ему удалось.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

372.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истбери, 11 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Барон!

Я охотно сделаю с твоей рукописью все, что будет в моих силах. Но обещать к какому-либо определенному сроку я не могу абсолютно ничего: 1) все зависит от наплыва листов, каждый из которых я должен внимательно прочесть по крайней мере по три раза: в гранках, затем во второй и в третьей корректуре; 2) у меня накопилось столько неотложной корреспонденции, к которой я три месяца совершенно не прикасался, что мне придется прежде всего покончить с нею; 3) уже три месяца у меня лежат для просмотра две рукописи, но их, если это необходимо, я отложу.

Поэтому пришли мне свою рукопись, а там видно будет. К тому же ему немедленно нужен только *первый* выпуск — его и пришли.

До моего просмотра Дитц не должен знать *ни единого слова*. Его манера забывать всякое приличие, как только запахнет коммерческой выгодой, мне слишком хорошо известна. Поэтому, в крайнем случае, тебе придется прибегнуть к другой какой-нибудь отговорке.

Погода со вчерашнего дня — переменная.

Из газет и т. д. прошу пересылать мне только французский, испанский и немецко-американский «Sozialist», «Sozialdemokrat», «Volkszeitung», «Volksfreund» и «Nature»; все остальное можно оставить.

Все проспекты и отчеты промышленных компаний тоже могут подождать.

Теперь примусь опять за корректурные листы. Надеюсь, что морской воздух пошел на пользу вам обоим и в особенности твоей жене. Мы здесь каждый вечер от 9 до 11 отчаянно режемся в карты, причем мне пока удивительно везет по части проигрыша. Ним и Рощеры сердечно кланяются.

Привет твоей жене!

Твой Ф. Э.

373.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Истбери, 13 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Мой ответ на Ваше любезное письмо от 9 июня запоздал по той простой причине, что перегруженность работой заставила меня

отложить *всю* мою корреспонденцию (кроме совершенно неотложной) до того момента, когда перевод «Капитала» будет окончательно подготовлен к печати. Теперь он готов, и я могу, наконец, заняться грудой лежащих передо мной писем, которые ждут ответа; при этом Вы будете первой. Если бы Вы сообщили мне в вышеупомянутом письме, что располагаете временем для партийной работы, я тотчас же прислал бы Вам краткий ответ; мне очень жаль, если Вы по моей вине лишились возможности сделать что-нибудь полезное.

Предлагая Вам для перевода «Наемный труд и капитал», я совершенно забыл, что английский перевод этой работы уже вышел в Лондоне. Так как в Нью-Йорке он имеется в продаже, то нет смысла переводить его еще раз.

Теперь о «Происхождении [семьи]». Эту вещь труднее перевести, чем «Положение [рабочего класса]», и каждая страница потребовала бы сравнительно большой затраты внимания и времени с Вашей стороны. Но будь у меня свободное время для просмотра перевода, это не явилось бы серьезным препятствием, — если бы только Вы могли уделить работе необходимое время и внимание и оставили бы поля пошире для моих поправок. Но тут надо, однако, принять во внимание еще одно обстоятельство. Если этой вещи вообще суждено выйти на английском языке, то ее следовало бы издать таким образом, чтобы публика могла приобретать ее в обыкновенных книжных магазинах. Насколько я могу судить, с «Положением [рабочего класса]» этого *не* будет. Если только условия книжной торговли в Америке не слишком отличаются от европейских, книготорговцы не станут продавать вещи, изданные не связанными с ними организациями рабочей партии. По этой причине теперь нигде, *даже в Британском музее*, нельзя достать чартистских и оуэнистских изданий, и всю нашу немецкую партийную литературу невозможно — да и задолго до закона против социалистов нельзя было — приобрести в обыкновенной книжной торговле, так что она осталась неизвестной читающей публике вне партийных кругов. Иногда такое положение вещей бывает неизбежным, но по мере возможности его следует избегать. И Вы не станете меня упрекать в том, что после того, как больше сорока лет я достаточно потерпелся в этом отношении в Германии, я хочу избежать этого для английских переводов моих работ. В Англии положение таково, что можно будет найти сейчас или в ближайшем будущем издателей для социалистических работ, и я не сомневаюсь, что в будущем году сумею устроить здесь издание английского перевода, за который переводчику будет уплачен гонорар; а так как я уже давно обещал

д-ру Эвелингу перевод «Развития [социализма] и «Происхождения [семьи]», если он сам сумеет найти платного издателя, то, как Вы видите, выход в свет американского издания не через обычный книгоиздательский аппарат привел бы только к тому, что и для лондонского издания понизились бы шансы выйти в обыкновенном книгоиздательстве и сделаться, таким образом, широко и повсюду доступным для публики.

Кроме того, я не думаю, чтобы эта книга являлась именно тем, что в данный момент нужно американским рабочим. «Капитал» будет в их распоряжении еще до конца этого года и составит для них достаточно сытное блюдо. В качестве доступной популярной литературы, как орудие действительной пропаганды, моя книжка едва ли пригодится. На нынешнем этапе, когда движение находится еще в неразвитом состоянии, некоторые французские популярные работы, пожалуй, больше быгодились. Девиль и Лафарг выпустили года два тому назад две серии лекций «Курс социальной экономии», причем Девиль излагает экономическую, а Лафарг более общую, историческую сторону теории Маркса. Бернштейн наверно сумеет показать Вам экземпляр этой работы и достать другой из Парижа, так что Вы сможете судить сами. Я не имею, конечно, в виду более крупной работы Девилья, его изложения «Капитала», вторая половина которого совершенно неудовлетворительна.

14 августа.

Возвратимся к «Происхождению [семьи]». Я не хочу сказать, что безоговорочно обещал перевод этой вещи Эвелингу, но я считаю себя обязанным перед ним в том случае, если перевод выйдет в Лондоне. Окончательное решение будет, таким образом, в значительной степени зависеть от того, на каких условиях Вы сможете ее издать в Америке. Против повторения того, что г-жа Фостер проделала с «Положением [рабочего класса]», я решительно возражаю. Вы сами понимаете, что поскольку у меня есть виды на английское издание, и не только этой книги, но, возможно, целого ряда других работ, в каком-либо известном в деловом мире издательстве, причем с тем преимуществом, что перевод будет сделан здесь на месте (что сэкономит мне много времени), — я должен хорошенько подумать, прежде чем согласиться на издание в Америке одной этой книжечки и этим испортить все дело. К тому же при теперешней антисоциалистической панике в Америке я сомневаюсь, чтобы Вы нашли постоянных издателей, которые согласились бы связать свои имена с социалистическими изданиями.

Очень хорошим делом было бы издание серии брошюр, излагающих популярным языком содержание «Капитала»: 1) теория прибавочной стоимости; 2) история различных форм прибавочной стоимости (кооперация, мануфактура, современная промышленность); 3) накопление и история первоначального накопления; 4) процесс выколачивания прибавочной стоимости в колониях (*последняя глава*). Эти темы были бы особенно поучительны в Америке: они дали бы экономическую историю этой страны, превратившейся из страны независимых крестьян в центр современной промышленности; брошюры можно было бы пополнить специально американскими фактами.

А пока Вы можете быть уверены, что пройдет еще не мало времени, прежде чем американская рабочая масса начнет читать социалистическую литературу. Что же до тех, кто читает и будет читать, то для них найдется достаточно материала, и меньше всего они будут ощущать недостаток в «Происхождении [семьи]». Англо-саксонский ум, особенно при том исключительно практическом направлении, какое приняло его развитие в Америке, не ставит теорию ни в грош, пока суровая необходимость не заставит признать ее, и я рассчитываю больше всего на то, что уроки, которые наши друзья извлекают из последствий своих собственных ошибок, подготовят их к изучению теории.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

Я пробуду здесь до 27-го с. м., а затем вернусь в Лондон.

374.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Истбери, 14 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Эде!

Две недели тому назад я послал тебе номер «Standard» с чрезвычайно важной болгарской корреспонденцией о русских интригах на Балканах. С тех пор положение все более обострялось. Александру III после стольких провалов нужен какой-нибудь успех, и в результате всей этой сети интриг может случиться, что эти господа будут

не в силах управиться со своей собственной затеей и война вспыхнет. В связи с этим я хотел сообщить тебе известие, которое петербургский корреспондент «Daily News» решительно отстаивает, несмотря на все опровержения, а именно, что с 18 августа до конца этого месяца под Вильной, т. е. недалеко от прусской границы, будут происходить маневры в составе шести русских армейских корпусов против шести других; следовательно туда будет стянуто двенадцать армейских корпусов (вся германская армия состоит из восемнадцати) — по самому скромному подсчету 240 000 человек. Ясно, что ради простого фанфаронства не выбрасываются на ветер необходимые для этого огромные деньги. К тому же Александр III воспретил присутствовать на маневрах *всем* иностранным офицерам, даже пруссаку *Вердери*. В то время как эти 240 000 человек будут сосредоточены у границы, г. Гирс отправится в Германию для переговоров с Бисмарком. Маневр очень рискованный, особенно по отношению к старику Вильгельму, которого это заденет за живое. Таким образом, дело может принять скверный оборот и окончиться войной. Возможно, правда, что дело будет обделано втихомолку, потому что Гирс безусловно не охотник до таких безрассудных выходов. Так или иначе, я счел нужным обратить твое внимание на эту любопытную историю.

Скажи Шлютеру, что я возьмусь за его работу, как только вернусь в Лондон. Может быть, я еще до этого увижу старика Гарни и смогу тогда получить от него много ценных для Шлютера сведений.

Сердечный привет. 28-го возвращаюсь в Лондон.

Твой Ф. Э.

375.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Истберн, 18 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Бебель!

С тех пор, как я писал тебе в последний раз, много воды утекло, но, во-первых, никаких особых событий, о которых стоило бы обменяться мнениями, не было, а во-вторых, мне столько пришлось биться над рукописью перевода «Капитала», что за последние десять недель я принужден был буквально и принципиально отказаться от всякой переписки, кроме совершенно неотложной. Теперь, наконец, я закончил эту работу; но на очереди корректуры, которые требуют

кропотливого труда и которые достигают меня и здесь, у моря. Все же я могу, наконец, наверстать упущенное, тем более что за это время произошло кое-что такое, о чем стоит написать.

Прежде всего о фрейбергском приговоре. Немецкий судья, и в первую очередь саксонский, повидимому, все еще не удовлетворен своей собственной гнусностью. С ним обстоит дело так же, как во время Интернационала с Эккариусом, о котором Пфендер как-то сказал: «Вы еще вовсе не знаете Эккариуса; он хочет быть еще гораздо хуже, чем уже стал». Саксонцы не представляют исключения. Коррупция охватила всю официальную Германию, но в маленьком городке развивается особый вид коррупции. Там чиновничество, целиком или наполовину наследственное, так малочисленно, и к тому же оно так ревниво относится к своим кастовым привилегиям, что и в суде, и в полиции, и в администрации, и в армии встречаются одни лишь братья и племянники, которые друг за дружку цепляются и друг дружку поддерживают; таким образом, аннулируются все правовые нормы, общепринятые в больших государствах, и самые невероятные вещи становятся вероятными. Что в таких случаях возможно, я наблюдал и вне Германии: в Люксембурге, совсем недавно — на острове Джерси, а в эпоху бонапартистского надувательства — в Швейцарии. Я убежден, что Бисмарк завел бы эти порядки в любом другом германском государстве, как только двор, возглавляющий разбойничью шайку, перестал бы оказывать ему сопротивление. В самом крупном из государств, составляющих империю, в самой Пруссии, офицерское и чиновничье дворянство образует такую же семейку, которая способна на любую подлость во имя своих действительных или мнимых кастовых интересов.

В настоящий момент у правящей клики забот полон рот. Со смертью старика Вильгельма для нее наступает период неуверенности и шатаний; поэтому заранее должно быть создано положение, которое было бы, на ее взгляд, достаточно прочно. Отсюда — внезапная вакханалия преследований, вдобавок обостренная той яростью, которую вызывает в этой клике полная безуспешность всей направленной против нас работы, и надежда на мелкие волнения, которые дали бы возможность еще более ухудшить законодательство. Вот почему вам приходится отсиживать девять месяцев за решеткой.

Надеюсь, что летним путешествием тебе удастся настолько укрепить свое здоровье, что девять месяцев [тюрьмы] на нем не отразятся. Для партии твое вынужденное отсутствие будет большим уроном; правда, смиренные должны будут убедиться в том, что вся их кротость не спасает их от кутузки, но вряд ли это изменит их

природу, а все то, что затрудняет нашим массам организацию, и, следовательно, организованное изъяснение их воли, облегчает смиренным их маневр, суть которого состоит в том, что они выдают себя за главных представителей партии. А когда они будут знать, что ты под замком, они тем более возомнят о себе нивесть что. Много будет тогда зависеть от Либкнехта, — но сам-то он от кого будет зависеть? Через две недели он приедет сюда и, во всяком случае, наговорит мне с три короба партийных сплетен, т. е. столько, сколько он сочтет нужным мне рассказать. В одном ты можешь на меня положиться: мое мнение о германском движении в целом, о том, какой придерживаться тактики, и об отдельных лицах, включая и самого Либкнехта, останется неизменным. В общем, однако, я очень рад тому, что снова с ним увижусь, хотя знаю по опыту, что все мои попытки его убедить будут напрасным трудом, — разве только в отношении Америки он будет считаться с моим мнением, да и Тусси Эвелинг время от времени будет его там одергивать, чтобы не дать ему свихнуться с пути. Что касается финансового успеха поездки, то в нем я несколько сомневаюсь. С тех пор, как американское движение стало действительно движением, оно неизбежно, и чем дальше, тем больше, перестает быть источником денежных средств для Германии. Таким источником оно могло быть только до тех пор, пока носило чисто академический характер. Теперь же, когда англо-американские рабочие проснулись от летаргического сна, задача состоит в том, чтобы и устно, и печатным словом поддержать их первые, еще нетвердые шаги, образовать среди них подлинное социалистическое ядро, а на это нужны деньги. Тем не менее, на этот раз еще кое-что перепадет.

Вступление американцев в ряды рабочего движения и новый подъем французского движения благодаря трем рабочим депутатам и Декавиллю — вот два всемирно-исторических события этого года. В Америке происходят всякие глупости: тут анархисты, там «Рыцари труда», — но все это пустяки, дело двинулось и будет быстро развиваться. Мы испытаем еще не мало разочарований: политиканы из старых партий уже готовятся взять под свою тайную опеку нарождающуюся рабочую партию, и будут допущены грубейшие ошибки, но, несмотря ни на что, там дело пойдет быстрее, чем где бы то ни было.

Во Франции 108 000 голосов, поданных за Роша, доказали, что чары радикализма рассеиваются и парижские рабочие начинают — и притом массами — отходить от радикалов. Чтобы закрепить этот успех, эту вновь завоеванную позицию, наши добились

того, что временная организация, созданная для выборов Роша, превращена в постоянную, и таким образом они стали теоретическими наставниками тех рабочих, которые отходят от радикалов. Все эти люди именуют себя социалистами, но лишь теперь они на горьком опыте убеждаются в том, что их унаследованные от Прудона и Л. Блана бесцветные жалкие теориейки — не что иное, как буржуазная и мелкобуржуазная дрянь, и поэтому они становятся достаточно доступными для теории Маркса. Это — следствие того, что радикалы *наполовину* у власти; когда же власть перейдет целиком в их руки, от них отвернутся все рабочие, и я утверждаю: победа радикализма, т. е. выцветшего старого французского социализма, в *палате* приведет к победе марксизма прежде всего в парижском *муниципалитете*. О, если бы Маркс мог увидеть, как во Франции и Америке события подтверждают его положение, что демократическая республика теперь — не что иное, как поле битвы, на котором разыгрывается бой между буржуазией и пролетариатом!

Здесь, вопреки всему на свете, попрежнему — полный застой. Нельзя даже сказать, что существует, как во времена Оуэна, социалистическая *секта*. Сколько голов, столько и сект. У Социал-демократической федерации есть, по крайней мере, программа и известная дисциплина, но нет никакой поддержки в массах. Ее заправили — политические авантюристы наихудшей карьеристской породы, а их газета «Justice» — сплошное безудержное вранье о всемирно-историческом могуществе и значении Федерации. Об этом порою забывает даже милейший Эде и своими несвоевременными цитатами из этой газеты приносит *подлинному* движению в Англии больше вреда, чем пользы; там, у себя, он вряд ли может понять, в какой мере «Justice» это здесь умеет использовать. Лига переживает кризис. Моррис — чувствительный мечтатель, олицетворенная добрая воля, которая до такой степени умилена сама собой, что превращается в злую волю, в нежелание чему бы то ни было научиться — споткнулся на фразах о революции и стал жертвой анархистов. Бакс очень даровит и кое-что понимает, но, как водится у философов, состряпал себе свой собственный социализм, который принимает за подлинную теорию Маркса, и этим причиняет не мало бед. Впрочем, это у него детская болезнь, которая пройдет; жаль только, что этот процесс происходит на глазах у публики. Эвелинг принужден столько работать ради хлеба насущного, что и он не в состоянии много учиться; он — единственный, с кем я встречаюсь регулярно. Но появление в свет «Капитала» на английском языке в огромной мере прояснит мозги.

На этом я должен закончить, чтобы еще сегодня успеть

отослать письмо. Теперь 6 часов 45 минут, сейчас подадут чай, а в 8 часов отправляется последняя почта. Итак, будь здоров, не плати мне за мое долгое молчание той же монетой и, главное, будь уверен в том, что всякая сплетня, которая могла бы так или иначе относиться к тебе, отскочит от меня, как от стены.

Твой старый

Ф. Э.

До 28-го этого месяца я наверняка останусь здесь; после этого лучше всего пиши мне в Лондон.

376.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истберн, 20 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Барон!

Возвращаю тебе письмо Дитца. Если ты получишь гарантию, что Блос не будет иметь права решительно ничего вставить без твоего предварительного одобрения, то чисто механическую работу можно будет оставить за ним. В худшем случае ты махнешь на несколько дней в Штутгарт и там уладишь дело. Это все же лучше, чем если бы ты попытался поехать туда на шесть месяцев, — это через три недели кончилось бы твоей высылкой и уж по-настоящему развязало бы руки г-ну Блосу. Тебе только нужно будет на это время несколько строже следить самому, чтобы Блос, под предлогом твоего отсутствия, не развел какой-нибудь слякоти.

Само собой разумеется, что в проспекте ты можешь упомянуть меня в числе сотрудников; предисловие к английскому переводу «Положения рабочего класса» я тоже охотно предоставляю в твое распоряжение, как только сам его получу. Предисловие не будет длинным. Обещать тебе в положительной форме еще что-нибудь я теперь не в состоянии, тем более что предприимчивый Шлютер хочет переиздать «Жилищный вопрос», для чего потребуется пересмотр текста и предисловие; для его же издания «Ура-патриотов» Боркгейма я должен написать краткую биографию Боркгейма. Как видишь, мне не приходится искать работы, ее для меня находят другие.

Твой план зажить собственным домом очень разумен, но все же ты, в конце концов, убедишься, что вечерние поезда отходят в Гарроу

слишком рано, и я посоветовал бы тебе поискать еще где-нибудь. Впрочем, повсюду приблизительно одно и то же.

Вакханалия преследований внезапно возобновилась в явной связи с предстоящей смертью старика Вильгельма. Для господствующей теперь шайки эта смерть означает начало периода неопределенности, и эти господа хотят поэтому, насколько возможно, обеспечить себе заранее твердую позицию, отчасти поставив всех перед совершившимися фактами в области внутренней политики, а отчасти, если это удастся, спровоцировав волнения и нагнав еще больше страха на филистеров. Эта шайка дорого дала бы за то, чтобы и в Берлине произошла такая же катавасия, как в Амстердаме. Прибавь сюда еще личную ярость Путкаммера, который, как и подобает истинному пруссаку, в каждой собственной неудавшейся глупости видит оскорбление, нанесенное его почтенной особе другими.

Перси, Пумпс и Лили поехали во вторник в Вентнор близ Драла к старикам Рошерам и сегодня должны были вернуться, но до сих пор — ни слуху, ни духу. Вчера стояла отвратительная погода: душно, пасмурно, туманно; сегодня — великолепно. Ним здорова и сердечно кланяется, и я присоединяюсь к ней. Надеюсь, что твоя жена хорошо себя чувствует.

Ваш Ф. Э.

Спасибо за Зонненшейна, пакет был по ошибке адресован на Regent's Park Road (в нем то, чего у меня здесь нет); я уже заявил на почте, чтобы мне его переслали.

377.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Истберн, 20 августа 1886 г.
4, Cavendish Place.

Дорогой г. Шлютер!

Наконец, дошла очередь и до Вас. Я должен был отказаться от переписки, пока не закончил английской рукописи.

Итак, прежде всего отвечаю на Ваше письмо от 10 марта.

1) Деньги, посланные на мой текущий счет, наконец, получил и дал двойную расписку.

2) Лексиса прочитал. Он вовсе не дурак, но большой мошенник, и знает это.

3) «Происхождение». — Образ действий Дитца явился для меня новым доказательством того, насколько самовольно он поступает в деловых вопросах: в дальнейшем я буду иметь это в виду. В общем, дело сошло благополучно, и книга, таким образом, снова поступила в продажу.

4) Обращения Генерального совета. Имеются ли они у меня полностью, я смогу узнать лишь тогда, когда мои друзья дадут мне время привести в порядок письма и прочие бумаги Маркса. До тех пор я помочь Вам не могу.

5) Рукопись о чартистах будет закончена, как только я вернусь в Лондон, *после 28-го с. м.* Относительно сомнительных пунктов у меня будет возможность посоветоваться с нашим старым Гарни, который теперь должен быть в Лондоне. Статья в «*Rheinische Jahrbücher*» принадлежит Веерту. Вы можете его назвать.

Открытка от 8/VI. — При случае можете прислать мне письма из литературного наследия Гесса, но в них едва ли содержится что-нибудь кроме сплетен. Добряк Мозес с 1848 г. стоял в стороне от всякого настоящего движения и только некоторое время немножко «лассальянствовал» под руководством Швейцера.

Письмо от 16/VIII. — «Жилищный вопрос» я охотно просмотрю. В общем, вещь эту можно печатать так, как она есть (насколько я могу судить об этом по памяти). Понадобится предисловие в несколько строк.

Новое издание «Ура-патриотов» было бы, конечно, очень желательно. Автор этой вещи — Боркгейм, я напишу к ней его краткую биографию. Но так как эта вещь, так же как и «Жилищный вопрос», у меня только в одном экземпляре, а к обоим потребуются, вероятно, примечания, то Вы очень обяжете меня, если пришлете мне (в Лондон) еще по одному экземпляру того и другого.

Прилагаю несколько строк для Эде, которые прошу ему передать.

Ваш Ф. Энгельс.

378.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Истбери,] 20 августа 1886 г.

Дорогой Эде!

Несколько строк, посланных мною через г-жу Шак, ты, надеюсь, получил. Русские сбавили тон и продолжают тайком мутить воду,

направляя свои интриги прежде всего против Англии в Азии, в Туркестане и Китае. Таким образом, опасность войны на этот год устранена. 240 000 человек, о которых писал корреспондент «Daily News», едва ли двинутся теперь в поход... Пишу это для твоего осведомления. Картина меняется настолько быстро, что наш брат большей частью запаздывает со своими новостями. Бедный Барон в отчаянии, что ты ему ничего не пишешь.

Твой Ф. Э.

379.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истберн, 23 августа 1886 г.

Так как ты мне писал, что приплешь в субботу письма и пр., то я хотел тебе только сообщить, что ни в субботу, ни вчера, ни сегодня — в понедельник — до 7 часов вечера я ничего не получал, а рассчитывал по меньшей мере на «Sozialdemokrat».

Либкнехт пишет, что, по всей вероятности, приедет на этой неделе. Я приеду на один день за ним; предварительно напишу.

Привет твоей жене от Ним и твоего

Ф. Э.

380.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истберн, 24 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Каутский!

Сегодня утром твоя лавина писем меня совершенно раздавила, сокрушила, разможила и ошарашила. Я постараюсь кое-как изловчиться, чтобы ответить на них. Большое спасибо!

Либкнехт пишет мне, что он, быть может, завтра же выедет прямо в Лондон через Флиссинген. Я со дня на день жду более определенных известий и как только узнаю о дне его приезда, поеду на один день в Лондон и привезу Либкнехта сюда. Деревянной подставки я ему не стал бы покупать — на корабле он может писать и не подкладывая ничего под бумагу. Или он собирается все время сплошь отдать морской болезни? Но ни одному ослу до сих пор не удалось устоять против этой болезни¹.

¹ Игра слов: «Esel» — осел и деревянная подставка.

12-го или 13-го собирается прикатить ко мне в Лондон старый женевец Беккер.

К середине сентября обещают быть в Лондоне матушка Шак с Вишневецкими.

Если к тому же приедут еще Шорлеммер и Лафарги — от Шорлеммера получил 16 августа открытку из Белладжио на озере Комо, — то-то будет весело!

Мы пробудем здесь до 4 сентября (т. е. до субботы на будущей неделе).

Ним и Пумпс сердечно кланяются твоей жене и тебе, равно как и твой

Ф. Э.

381.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истбери, 25 августа 1886 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Барон!

Твое письмо прибыло в Оффенбах как раз во-время, потому что Либкнехт выезжает из Борсдорфа только 26-го вечером; значит, 27-го он будет в Оффенбахе и только 29-го днем, в 1 час 40 минут, выедет из Кельна, если поедет через Флиссинген, как он писал раньше.

В воскресенье вечером я буду в Лондоне, между 9 и 10 часами, и надеюсь увидеть вас еще в тот же вечер. Либкнехту я предложил тотчас по прибытии приехать ко мне на извозчике — чего же ему еще надо?

Ты очень меня обяжешь, если в пятницу вечером помотришь, нет ли у меня писем, особенно письма от лондонского «Унион-банка», и перешлешь их мне, чтобы я мог еще в субботу уладить кое-какие дела.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

382.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истбери, 26 августа 1886 г.

Дорогой Каутский!

Либкнехт прибывает в понедельник с того вокзала, который ты укажешь (через Флиссинген); если он не получит твоего письма,

то приедет на станцию *Гольборн*. Ни в каких советах он, следовательно, не нуждается. Если он на вокзале никого не найдет, то приедет ко мне на извозчике.

Я приеду в Лондон в субботу после обеда, самое позднее — вечером, постараюсь в 4—5 часов быть на *Regent's Park Road*. В воскресенье у меня, вероятно, будет Гарни. Подробности при встрече. Если в пятницу ты найдешь у меня письмо от «Унион-банка» и сможешь отослать его до 5 часов 30 минут, это было бы очень хорошо; в противном случае оставь его до моего приезда, как и все остальное, — это не к спеху.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

383.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 6 сентября 1886 г.

Перевод «Капитала» выйдет у В. Свана, Зонненшейна, Лоурей и К^о, *Paternoster Square*, Лондон. 23 листа уже отпечатаны и вся рукопись в типографии. Я, к сожалению, нигде не мог найти нужную статью, а то я мог бы дать тебе, вероятно, еще более подробный ответ. Либкнехта ты, по всей вероятности, увидишь еще до получения этого письма, он уехал третьего дня на «*Servia*». Как только справлюсь с самой неотложной работой — еще на этой неделе, — напишу подробнее.

Твой Ф. Э.

384.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, 13 сентября 1886 г.

Дорогой Бебель!

Вот что меня поражает во всей болгарской и восточной истории: русские только теперь обнаружили, — Маркс уже в 1870 г. сообщил об этом Интернационалу, — что благодаря аннексии Эльзаса и т. д. они стали арбитром Европы. Объяснить это можно только тем, что со времени войны повсюду (в России в 1874 г.) ввели прусскую систему воинской повинности, а при этой системе требуется 10—12 лет, чтобы создать соответствующую сильную армию. Теперь такая

армия есть и у России, и у Франции, следовательно теперь может завариться каша. Вот почему русская армия, главное ядро панславизма, оказывает теперь на правительство такое сильное давление, что царь вынужден превозмочь свою антипатию к французской республике и должен либо заключить с ней союз, либо добиться от Бисмарка согласия на русскую восточную политику, — только эти два пути у него и остались. Перед Бисмарком и Вильгельмом стояла следующая альтернатива: либо отпор России, и тогда перспектива франко-русского союза и мировой войны, либо неизбежность русской революции в результате союза панславистов и нигилистов; либо, наконец, уступить России, т. е. предать Австрию. Что Бисмарк и Вильгельм не могли действовать иначе, чем они действовали, мне кажется с их точки зрения совершенно ясным, и огромный шаг вперед заключается в том, что теперь с ослепительной яркостью обнаружена несовместимость интересов Гогенцоллернов с интересами Германии. Германской империи грозит смертельная опасность из-за ее прусской основы.

До поры до времени, — пожалуй, до конца зимы, — всю эту историю удастся как-нибудь замазать, но у панславистов аппетит приходит с едой, а такая благоприятная возможность, как теперь, им больше никогда не представится. Коль скоро русским удастся занять Болгарию, они двинутся и на Константинополь, если только не помешает какое-нибудь непреодолимое препятствие, — например, союз Германии, Австрии и Англии. Отсюда — мольбы Бисмарка об активной антирусской политике Англии, почти ежедневно по его указке звучащие в «*Standard*», — предотвратить мировую войну должна, мол, Англия.

Во всяком случае, австро-русские противоречия на Балканском полуострове заостряются до такой степени, что война становится более вероятной, чем сохранение мира. И тут локализация войны становится невозможной. К чему это, однако, приведет, и кто выйдет победителем, предсказать нельзя. Германская армия — безусловно лучшая из всех и обладает лучшим командованием, но она лишь одна из многих армий. Силу австрийцев учесть заранее невозможно, даже в военном отношении (я имею в виду и численность, и в особенности командование), — они всегда умудрялись терпеть поражения, располагая лучшими солдатами. Русские, как всегда, обольщаются своими огромными — на бумаге — силами; они чрезвычайно слабы при наступлении и слабы при обороне собственной страны. Их наиболее уязвимое место, кроме высшего командования, — недостаток хороших офицеров, необходимых для командования несметными

массами; страна не производит такого количества образованных людей. Турки — отличные солдаты, но высшее командование у них всегда жалкое, если не продажное. Наконец, у французов, ввиду того, что они слишком развиты политически, чтобы терпеть у себя такой институт, как вольноопределяющиеся-одногодичники, и ввиду того, что французский буржуа (лично) совершенно невоинственен, — тоже недостаток в офицерах. Наконец, ни у кого, кроме немцев, новая система не подвергалась испытанию. Таким образом, все эти величины — как по количеству, так и по качеству — очень трудно учесть. Об итальянцах можно с уверенностью сказать, что при равной численности сторон они будут разбиты любой другой армией. Но какие группировки этих величин, друг с другом или друг против друга, даст мировая война, — заранее сказать тоже невозможно. Удельный вес Англии — как ее флота, так и ее колоссальных вспомогательных ресурсов — будет расти по мере продолжения войны, и если вначале она будет держать своих солдат в резерве, то в конце концов английский корпус в 60 000 человек может решить исход всей войны.

При всех этих расчетах предполагается, что внутри отдельных стран все остается по-старому. На деле же во Франции война может привести к власти революционные элементы, а в Германии поражение или смерть старика может вызвать стремительную перемену системы, результатом чего, в свою очередь, может оказаться перегруппировка среди воюющих. Словом, налицо хаос лишь с *одним* несомненным результатом: массовая бойня в неслыханном доньше масштабе, истощение всех сил Европы в неслыханной доньше степени и, в конце концов, крушение всей старой системы.

Непосредственный успех могла бы нам дать только революция во Франции, которая поставила бы французов в положение освободителей европейского пролетариата. Не знаю, был ли бы этот исход для европейских рабочих наилучшим; *идеальный* французский шовинизм достиг бы тогда невероятных размеров. Резкий поворот в Германии под влиянием поражения мог бы быть полезен только в том случае, если бы он привел к миру с Францией. Наиболее благоприятный исход — русская революция, но на нее можно рассчитывать только после очень тяжелых поражений русской армии.

Несомненно во всяком случае, что война на первых порах отбросила бы во всей Европе наше движение назад, а во многих странах и вовсе разрушила бы его и разнуздала бы шовинизм и национализм; среди многих возможных последствий, которые сулит нам война и предсказать которые трудно, одно можно предвидеть *наверняка*:

после войны нам пришлось бы начать сначала, зато на неизмеримо более благоприятной почве, чем даже теперь.

Будет ли война или нет, во всяком случае достигнуто одно: сонного немецкого филистера растормошили, и он, наконец, будет снова принужден активно вмешаться в политику. Так как между социалистической республикой, которая будет нашей первой ступенью, и современным прусским бонапартизмом на полуфеодальной основе есть еще много промежуточных ступеней, которые придется пройти, то нам может быть только на-руку, если германский буржуа будет, наконец, вновь принужден выполнить свои политические обязательства и стать в оппозицию к нынешней системе, чтобы хоть как-нибудь двинуться вперед. Вот почему я с таким нетерпением жду новой сессии рейхстага. Так как я не получаю теперь ни одной немецкой газеты, ты бы меня очень обязал, если бы время от времени присылал мне немецкие газеты с отчетами о важных заседаниях, в особенности по вопросам внешней политики.

Либкнехт много рассказывал про возмущение, вызванное в Германии тем, что Бисмарк пошел на поклон к русским. Либкнехт пробыл у меня несколько дней в Истберне, на взморье, был очень оптимистически настроен—у него, по обыкновению, «все идет, как по маслу»; так как господа из правого крыла уже неспособны больше на крупные пакости и должны ограничиваться мелкими, то Либкнехт мог снова изъясняться весьма революционно и, по возможности, разыгрывать из себя самого решительного из решительных. Я дал ему достаточно ясно понять, что знаю об этой истории больше, чем он, быть может, хотел бы, но так как он был на вполне правильном пути, то не было ни малейшего повода держать себя с ним иначе, как с полнейшей сердечностью. Что он тебе писал о наших с ним разговорах, я не знаю и поэтому не могу себя считать за это ответственным.

14 сентября.

Пришлось опять прервать, но я постараюсь закончить письмо к вечерней почте, чтобы ты получил его не позднее, чем в четверг утром. Венгерский ландтаг тоже собирается на-днях, будет не мало разговоров о болгарской истории. Наиболее выгодным для нас было бы мирное или насильственное оттеснение России, — тогда революция была бы там обеспечена. Панслависты приняли бы в ней участие, но на следующий же день их оставили бы в дураках. Относительно этого вопроса Маркс всегда высказывался самым решительным образом, а я не знаю никого, кто бы так хорошо, как он, знал

Россию, ее внутренние и внешние отношения; Марке утверждал, что стоит только рухнуть старой системе в России — безразлично благодаря кому, и достаточно, чтобы было собрано представительное учреждение — все равно какое, — как будет положен конец русской завоевательной политике, и внутренние вопросы подчинят себе все остальное. А воздействие, которое окажет на Европу падение этой последней цитадели реакции, будет огромным; в первую очередь почувствуем мы это в Германии.

Пароход Либкнехта вчера в 3 часа утра прибыл в Нью-Йорк, Эвелинги приехали туда на несколько дней раньше. Если там такая же жара, как здесь, — теперь 4 часа пополудни, а у меня в комнате 25° по Цельсию, — то им придется не мало попотеть, произнося свои речи.

Во Франции работа идет отлично. Испробованную в Деказвилле агитационную схему повторяют теперь в Вьерзоне в связи с тамошней стачкой. Вайян, который оттуда родом, играет там первую скрипку. В Париже радикалы работают на нас, как в Германии Бисмарк. Они глубоко увязли со своими биржевыми мошенническими обществами, и Клемансо, которому лично это не нужно, все же слишком тесно связался с этой публикой, чтобы иметь возможность держаться в стороне от них. Так все больше углубляется пропасть между ним и рабочими, которые до сих пор примыкали к радикалам, и то, что он теряет, выигрываем мы; наши действуют в высшей степени искусно, и я поражен той дисциплиной, которую проявляют французы. Именно этого-то им и не хватало, и этому они теперь обучаются, но остаются притом на почве подлинно революционной традиции, которая там сама собою подразумевается и которая свободна от всяческих мещанских сомнений, обуевающих наших Гейзеров и Фирекков. Даже при голосовании по спискам мы достигнем во Франции в следующий раз значительных успехов. И именно потому, что все идет так блестяще и там, и в Германии, и несколько лет спокойного *внутреннего* развития с помощью неизбежных при этом событий помогли бы нам в огромной мере продвинуться вперед, — именно поэтому я не могу желать мировой войны; но какое до этого дело истории? Она идет своей дорогой, и мы должны брать ее такой, как она есть

Вот чему вы можете поучиться у французов. В течение последних 50 лет там у всех революционеров существует правило: обвиняемый на допросах отказывает следователю *в каких бы то ни было показаниях*. Следователь имеет право спрашивать — обвиняемый имеет право не отвечать, т. е. не возводить обвинений на самого себя и на

своих товарищей. Это правило считается общепринятым, всякое отступление от него воспринимается как полуизмена, и это дает огромную выгоду во всех процессах. Зато потом, во время публичного разбирательства дела, руки развязаны. Но на предварительном следствии протоколы составляются так, что показания обвиняемых фальсифицируются, а затем всяческими приемами подсовываются обвиняемым для подписи. Подумайте-ка об этом.

Твой Ф. Э.

385.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 16 сентября 1886 г.

Дорогой Зорге!

С трудом вырвал часок, чтобы написать тебе. Корректурa (тройная) перевода «Капитала» неделями держала меня в таком напряжении, что я не мог взяться ни за что другое. А теперь она прибывает толстенными пачками. Нужно сдавать 6 листов в неделю (это значит, что надо просмотреть 18 листов в неделю), и в месяц все должно быть закончено. Попробуем, что из этого выйдет. Но у меня начинается шумная пора, так как завтра приезжает ко мне в гости старик Беккер из Женевы, а на той неделе Шорлеммер и, по всей вероятности, Лафарги. Кроме того собираются сюда еще и другие гости из Швейцарии. Если я сегодня не напишу письма, то знаю, что позже мне это уже не удастся.

Большое спасибо за твои хлопоты по поводу интервьюера. Это был последний. Теперь, после того как он не сдержал слова, у меня есть предлог гнать их всех в шею, если только мы сами не заинтересованы в том, чтобы нагородить чего-нибудь этакому лгуну. Ты прав, в общем мне не на что жаловаться; этот человек старается, по крайней мере, быть порядочным в личном отношении, а в его глупости повинен не он, а американская буржуазия.

В Нью-Йорке партией заправляет, кажется, настоящая банда, а «Sozialist» является образцом того, чем *не* должна быть газета. Но и статьи Дицгена об анархистах я не могу одобрить. У него очень своеобразная манера действовать. Если кто-нибудь придерживается несколько узкого взгляда на какой-либо вопрос, то Дицген изо всех сил старается, — а иной раз и перебарщивает в этом, — доказать, что вопрос этот имеет еще и другую сторону. Но теперь, вследствие того, что нью-йоркцы ведут себя самым жалким обра-

вом, он ни с того ни с сего переходит на сторону противников и хочет представить всех нас анархистами. Пусть в данный момент это и простительно, но в решительную минуту ему все же не следовало бы забывать всю свою диалектику. Впрочем, все это, вероятно, у него давно уже прошло, и он снова вошел в надлежащую колею; за него я не боюсь.

В такой самобытной стране, как Америка, чисто буржуазное развитие которой совершалось без всякого феодального прошлого, но которая при этом без разбора перетащила из Англии целый ворох унаследованной от феодальных времен идеологии, как английское обычное право, религию, сектантство; в стране, где необходимость практической работы и концентрации капитала привела ко всеобщему пренебрежению всякой теорией, от которого лишь теперь начинают освобождаться наиболее образованные слои ученых, — в такой стране людям придется уяснить себе собственные *общественные* интересы, делая один промах за другим. Этого не избегнут и рабочие. Путаница с трэд-юнионами, социалистами, «Рыцарями труда» и т. д. будет еще некоторое время продолжаться, и образумятся они лишь учась на собственных ошибках. Но главное то, что они сдвинулись с места, что дело вообще двинулось вперед, что плотина прорвана и теперь дело пойдет быстро — быстрее, чем где бы то ни было, хотя и своим особым путем, который с теоретической точки зрения может показаться прямо-таки бессмысленным.

Твое письмо пришло слишком поздно для того, чтобы я мог переговорить еще с Эвелингом относительно Брукса. Я видел Эвелинга всего лишь несколько часов 30 августа и оставил твое письмо в Истберне. Во всяком случае, ты уже повидал его с тех пор в Нью-Йорке, так же как и Либкнехта.

Твой Адольф как будто снова разошелся со своим компаньоном, агентом в Рочестере; надеюсь, он при этом не прогорел, как это может случиться со всяким в таком деле.

На-днях пошлю тебе недостающие номера «То-Дау», поскольку я сам их получил, и «Commonweal». Выписывать их непосредственно невозможно. Французские газеты я тебе пошлю, если сам что-нибудь получу из Парижа; из Истберна я тебе отправил несколько номеров. «Socialiste» ты оттуда все-таки мог бы получать; адрес редакции и конторы — 17, rue du Croissant, Париж; газета еженедельная. Подписная плата за границу — 4 франка за полугодие, с пересылкой. Сам я получаю ее очень неаккуратно, приходится часто напоминать, а мне нужно ее сохранять для справок.

Посылаю тебе также несколько лишних корректурных листов

перевода «Капитала», чтобы ты убедился в том, что дело подвигается, и увидел, как выглядит работа.

Надеюсь, что здоровье твое улучшается; я *на вид* еще довольно бодр, но из-за одного органического дефекта у меня уже три года — иной раз довольно сильно, и всегда *немного* — стеснены движения, так что к военной службе я, к сожалению, уже не годен.

Как только будет готов перевод, мне нужно будет прежде всего отделаться от навязанных мне второстепенных работ — редактирования чужих произведений, в особенности переводов — и не позволять заваливать на себя *какие бы то ни было новые* работы, чтобы я снова имел возможность взяться за третий том. Он уже переписан под мою циктовку, но потребует еще добрых полугода напряженной работы. Этот проклятый английский перевод стоил мне почти целого года труда. Но это было абсолютно необходимо, и я об этом не жалею.

17 сентября.

Листы вчера отослал, номера «Commonweal» по 18 сентября пошлю сегодня, а «To-Day» мне еще сначала придется подобрать.

Здесь движение остается, с одной стороны, в руках авантюристов (Демократическая федерация), а с другой — в руках фантазеров (Marrottenjäger) и социалистов чувства (Социалистическая лига); массы еще в стороне, хотя *начало* движения намечается и здесь. Но пройдет еще некоторое время, пока массы придут в движение, и это хорошо, потому что нужно время, пока успеют развиться настоящие вожди. В Германии, видно, придет, наконец, в движение *буржуазия*, трусливая неподвижность которой становится вредной для нас. С одной стороны, предстоящая в недалеком будущем смена монарха все расшатает; с другой стороны, коленопреклонение Бисмарка перед царем расшевелит даже самых сонных тюфяков. Во Франции дела идут великолепно. Люди научаются дисциплине: в провинции — на стачках, в Париже — на оппозиции против радикалов.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

386.

Энгельс — издательству Ф.-Г. Нестлера и Мелле
в Гамбург.

[Черновик.]

[Лондон, сентябрь] 1886 г.

Милостивые государи!

Предъявленные мне в Вашем письме от 9-го с. м. обвинения я должен отвергнуть самым решительным образом.

Даже если Каутский, а через него и Дитц напали бы на мысль составить подобный сборник отрывков лишь в результате сделанного Вами мне предложения, у Вас все же не было бы основания жаловаться, так как в Вашей открытке от 15 мая Вы сообщаете мне:

«Мы должны прямо признать, что не осуществим своей идеи без Вашего участия».

Так как Вы отказались, то они безусловно имели право взяться за это дело. И мне совершенно непонятно, каким образом я мог тут заслужить упрек.

К тому же, вышеприведенное допущение вовсе не верно. Потребность в такого рода сборнике уже давно обсуждается в социалистических кругах, а выполнение этой работы неоднократно подготовлялось в той или иной мере. В частности о Дитце я знаю, что уже с самого основания своего предприятия он носится с этой мыслью. Когда я говорил с Каутским по поводу Вашего предложения, одной из причин его отказа было то, что он уже состоит с Дитцем в переписке по поводу совершенно аналогичного предложения и что в этом вопросе он *уже настолько связан с Дитцем*, что принужден отклонить какое бы то ни было предложение такого рода. В своем ответе я дал Вам это понять, *насколько было возможно*; сказать больше я не имел права. Фактически к тому времени, когда Вы мне писали, дело подвинулось настолько, что Каутский уже в течение нескольких недель был занят разработкой первых выпусков (о Марксе) и, следовательно, не нуждался в какой бы то ни было инициативе с Вашей стороны.

То, что объявление Дитца, с которым Каутский охотно повременил бы, появилось именно теперь, ни в коем случае не является результатом Вашего сообщения мне, о котором Дитц, насколько мне известно, даже и не знает. Это результат единственно лишь того, что Дитц, вследствие фрейбургского приговора, вынужден продвигать целый ряд предпринятых им работ настолько, чтобы их можно было продолжать и без его наблюдения во время его шестимесячного заключения.

В торговых делах я привык выслушивать такого рода поспешные, основанные на недостаточной информации упреки. Это один из тех немецких мещанских обычаев, которые почти лишают немцев возможности играть в деловом мире действительно крупную роль. Должен, однако, признаться, что меня несколько удивляют подобного рода поступки со стороны фирмы, обладающей такой репутацией.

С почтением /Ф. Э./

387.

Энгельс — Н. Либкнехт

в Лейпциг.

Лондон, 25 сентября 1886 г.
122, Regent's Park Road.

Дорогая г-жа Либкнехт!

По поручению Либкнехта посылаю Вам кредитный билет рейхсбанка на 100 марок — за № 1236179 d, Берлин, 3 сентября 1883 г., оставленный им у меня перед отъездом. Он позволил мне надеяться, что Вы, быть может, приедете сюда в декабре и встретитесь с ним у меня. Мы все были бы очень рады, если бы это осуществилось и если бы Вы остановились у меня и чувствовали себя в моем доме, как в своем собственном.

Судя по тому, что мы до сих пор слышали, поездка наших друзей весьма успешна.

Сердечный привет Вам и Вашим детям.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

388.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Лондон, 8 октября 1886 г.

Дорогой Бебель!

Пишу тебе сегодня в связи с моими беседами со стариком Иоганном-Филиппом Беккером, который пробыл у меня тут десять дней и теперь, вероятно, вернулся через Париж (где он неожиданно застал свою дочь в гробу!) в Женеву. Меня очень порадовала встреча с этим богатырем, хотя и состарившимся физически, но все еще веселым и готовым к борьбе. Это герой нашей рейнско-франкской саги, как она воплощена в «Песне о Нибелунгах», — ни дать, ни взять воскресший скрипач Фелькер.

Я давно уже предлагал ему написать свои воспоминания, и, по его словам, ты и другие тоже поощряли его к этому, да и сам он не прочь, — он даже не раз принимался за работу, но попытки опубликовать их отрывками не встретили подлинного сочувствия (так было в «Neue Welt», куда он несколько лет тому назад послал ряд чудесных вещей, но их признали недостаточно «новеллистическими», как ему сообщил через Моттелера Либкнехт). Еще большей помехой

этому делу была необходимость зарабатывать на жизнь корреспонденциями в Вену, за которые ему платят по 25 франков в неделю. Для этого ему приходится прочитывать множество газет и журналов, а так как после его парижского изобретательства и взрыва у него ослабело зрение, то уж одно это выше его сил. Так вот, я обещал ему для начала списаться по этому поводу с тобой и с Эде.

Мне кажется, что партия обязана, раз ей это позволяют средства, — а это так, судя по тому, что говорил мне Либкнехт и что мне сообщают из Цюриха, — перевести этого старого ветерана, по крайней мере частично, на партийную пенсию и не допускать, чтобы он ослеп из-за 25 франков в неделю. Беккер получает от Ван-Коля ежемесячно по 25 франков, от одного базельского друга — столько же, и я тоже обязался высылать ему каждые три месяца по 5 фунтов стерлингов (125 франков); в общей сложности это составляет 1 100 франков в год. Возможно, что я ошибаюсь относительно сумм, посылаемых двумя другими, — быть может, это лишь 20 франков; в таком случае общая сумма составит 980 франков. Партии, таким образом, пришлось бы добавлять не очень много, и эту сумму легко было бы собрать по частной подписке, так что партийная касса играла бы лишь посредническую роль. Сколько следовало бы добавить, Эде лучше всего выяснил бы в разговоре с самим стариком.

Если бы это удалось устроить, у него был бы досуг для того, чтобы написать или продиктовать свои воспоминания, в высшей степени важные для истории революционного движения в Германии, следовательно для предъистории нашей партии, а частично — с 1860 г. — для истории партии, и, таким образом, дать «Народному издательству» очень ценную и ходкую книгу. Я считаю, что эту работу необходимо проделать, иначе Беккер унесет с собой в могилу множество ценнейшего исторического материала. Или же, в лучшем случае, эти материалы будут припрятаны или использованы нашими врагами и полуврагами, вульгарными демократами и т. п. Притом старик играл ведь очень значительную политическую и военную роль. В кампании 1849 г. он был единственным командиром, действительно вышедшим из народа, и своей доморощенной стратегией и тактикой, усвоенной в швейцарской армии, сделал больше, чем всякие там баденские и прусские офицеры, и при этом он все время придерживался правильной политической линии. Он вообще прирожденный народный полководец, обладающий изумительным присутствием духа и редкостным искусством руководить молодыми бойцами.

Собственно говоря, я собирался сперва написать Эде об издательской стороне дела, потому что, получив от него ответ, я о многом мог

бы говорить определеннее, но проклятый фрейбургский приговор может каждую минуту спутать все карты, и поэтому я обращаюсь к тебе немедленно. Если ты этим делом заинтересуешься, то сообщи, к кому мне во время твоего пребывания на казенных харчах следует обратиться, чтобы двинуть дело дальше; к Либкнехту старик питает некоторое недоверие, да и я не считаю его подходящим для этого, хотя и переговорю с ним, когда он вернется; но уже в силу одного того, что он в отъезде, кто-нибудь другой должен был бы сразу заняться этим.

На этом кончаю, чтобы письмо ушло еще сегодня. Я не прошу судьям, что приговор лишил меня твоего посещения, а тебя — поездки в Париж. Зато будущим летом тебе, быть может, удастся приехать сюда перед выборами и съездить со мной на взморье, чтобы укрепить свое здоровье перед кампанией. Можно ли будет тем или иным способом поддерживать с тобой связь во время твоего заключения?

Либкнехта и Эвелингов англо-американская печать приняла довольно прилично, даже сверх ожидания.

Сердечный привет

Твой Ф. Э.

389.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 9 октября 1886 г.

Дорогой Эде!

Прочитав с некоторым удивлением три страницы твоих глубокомысленных рассуждений — с удивлением, потому что не мог понять, к чему все это клонится, — я не мог удержаться от смеха, когда понял, наконец, где зарыта собака и что все это должно было служить объяснением твоей женитьбы, которая абсолютно ни в каком объяснении не нуждается. Если бы все пролетарии были так щепетильны, то пролетариат вымер бы или размножался бы с помощью внебрачных детей, а к этому способу, как к массовому явлению, мы придем, вероятно, лишь тогда, когда уже не будет никакого пролетариата. Итак, сердечно поздравляю тебя с тем, что ты преодолел, наконец, свои тяжелые сомнения и дал волю влечению сердца. Ты убедишься, что и тяжелые минуты легче переживать вдвоем, чем одному; я испытал это в течение достаточно долгого срока, и временами при очень тяжелых обстоятельствах, и никогда не

раскаивался. Передай же твоей невесте мой самый сердечный привет и прыгай скорей обеими ногами в Таламос ¹.

Однако уже четыре часа, а письмо должно уйти до половины пятого. Перехожу поэтому к делам.

Здесь был старик Беккер, и мы много говорили о том, что ему необходимо записать свои воспоминания и переживания. Я сам, а, по его словам, также и другие не раз уговаривали его сделать это, но как он может это осуществить? Ради заработка в 25 франков в неделю он пишет для венской «Korrespondenz» Шнеебергера, для чего ему приходится корпеть над собиранием материалов. Это так истощает его силы и слабое зрение, что больше он уже ничего не в состоянии делать. Значит, прежде всего нужно было бы поставить его в такие условия, чтобы у него было на что жить и он мог бы всецело отдаться этой работе. Если не ошибаюсь, Ван-Коль дает ему 25 франков в месяц, и такую же сумму еще один из его друзей. Это составляет 600 франков в год. Я обязался посылать ему каждые три месяца по 5 ф. ст., т. е. по 125 франков. Всего, стало быть, выходит 1 400 франков. Остальное должна, по-моему, давать партия, если только у нее есть средства, а судя по тому, что мне говорил Либкнехт, они у нее есть. В сущности она была бы даже обязана взять на себя полностью содержание этого старого ветерана за счет пенсионного фонда. Но, я думаю, не трудно будет собрать недостающие две-три сотни франков среди партийных товарищей, имеющих хороший заработок, так что партии оставалось бы только следить за их регулярной выплатой.

Его мемуары сами по себе были бы весьма ценным приобретением для «Народного издательства», новым источником для предъистории (революционное движение от 1827 до 1860 г.) и истории (с 50-х годов до настоящего времени) нашей партии; это был бы документ, мимо которого не мог бы пройти ни один настоящий историк. И притом, все это было бы (судя по отрывкам, появившимся несколько лет тому назад в «Neue Welt») великолепно и живо изложено, настоящая книга для народа. Чем скорее он за нее возьмется, тем лучше, потому что если у человека уже 77 лет за плечами, то болтливость иногда берет у него верх над способностью отличать важное от неважного, — таков уж естественный ход вещей.

Вчера я написал об этом Августу. Я хотел сперва написать тебе, чтобы узнать, как вы смотрите на это с точки зрения издательства; но так как ему скоро придется засесть за решетку, то этого нельзя

¹ Супружеская спальня в древне-греческом доме.

было откладывать. Я лично считаю это дело очень важным. Описание революционного движения того времени, сделанное одним из его участников, и притом *единственным участником движения 30-х годов*, который разделяет наши взгляды, абсолютно необходимо — оно представит всю эпоху от 1827 до 1840 г. в новом освещении, и если Беккер не сделает этого, то она погибнет для потомства. Или же за это возьмутся люди, враждебные нам, из Народной партии или другие вульгарные демократы, а это окажет нам плохую услугу. Тут представляется случай, который уже больше не повторится, и упустить его я считаю преступлением.

Я написал Августу, что о подробностях относительно аванса и условий издания было бы удобнее всего (если дело дойдет до этого) договориться лично с Беккером через тебя. При этом отмечу еще один пункт, которого я пока не счел нужным коснуться в письме к Августу, а именно, что аванс должен рассматриваться просто как пенсия, а не как платеж в счет гонорара. Последнего могли бы потребовать некоторые из «вождей», но это было бы недостойно по отношению к старому бойцу. Поэтому я и предлагаю собрать возможно большую часть аванса посредством частной подписки, — тогда этот вопрос отпадет сам собой.

Если это дело уладится и ты вступишь с Беккером в переговоры об издании, то тебе не следует считаться с его мнениями об организации распространения книги и т. д., о проспектах и пр. Он все еще живет представлениями 40-х годов об организации распространения нелегальной литературы и понятия не имеет о том, что мы поставили теперь это дело на широкую ногу.

Итак, обдумай все это и сообщи мне свое мнение.

Болгары, действительно, ведут себя пока сверх ожидания хорошо, и если они продержатся еще восемь-десять дней, то либо выйдут победителями, либо русские смогут действовать против них лишь под угрозой европейской войны. Этим они обязаны тому, что так долго находились под властью *турок*, которые преспокойно консервировали старые остатки их родовых учреждений и мешали только нарождавшейся буржуазии поборами со стороны пашей. Наоборот, сербы, освободившиеся от турок 80 лет тому назад, с помощью по австрийскому образцу обученной бюрократии и соответствующего законодательства разрушили свои старые родовые учреждения, и поэтому им неизбежно попадало от болгар. Дай болгарам 60 лет буржуазного развития (что их все равно ни к чему не приведет) и бюрократического правления — и они окажутся в таком же паршивом положении, как сейчас сербы. Для болгар и для нас было бы не-

сравненно лучше, если бы они остались турецкими до европейской революции; родовые учреждения явились бы великолепным отправным пунктом для дальнейшего развития к коммунизму, совсем как русский «мир», который теперь тоже приканчивают у нас на глазах.

При настоящем положении вещей я смотрю на дело так:

1) Мы должны поддерживать южных славян, поскольку они будут *против России*; тогда они пойдут *вместе* с европейским революционным движением.

2) Если же они пойдут против *турок*, т. е. потребуют во что бы то ни стало аннексии немногочисленных сербов и болгар, еще остающихся под турецкой властью, то, стало быть, они сознательно или несознательно являются пособниками России, — в таком случае нам с ними не по пути. Подобная аннексия может быть достигнута только под угрозой европейской войны, а это слишком дорогая цена, и им придется уж подождать, как ждут эльзасцы и лотарингцы, триентинцы и пр. Кроме того, каждое новое нападение на турок повело бы — при настоящих условиях — лишь к тому, что победившие маленькие народцы, — а победить они могли бы только с помощью русских, — либо прямо угодили бы под русское иго, либо неизбежно вцепились бы друг другу в волосы (ср. лингвистическую карту Балканского полуострова).

3) Зато, как только в России вспыхнет революция, эти господа смогут делать все, что им угодно. Но тогда-то они и увидят, что им не справиться с турками.

Отправляется почта.

Твой Ф. Э.

390.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 22 октября 1886 г.

Дорогой Эде!

Сообщаю вам, что наш друг Бельфорт Бакс, вероятно, посетит вас в конце этого месяца. Он превосходнейший малый, весьма ученый, особенно по части немецкой философии, говорит по-немецки, но во всех политических вопросах отличается детской неопытностью, которая может привести в отчаяние и которая заметно дает себя чувствовать и в «Commonweal». Но он и Эвелинг — среди здешних «образованных» — единственные люди, которые не только серьезно относятся к делу, но и кое-чему учатся.

Каутский сообщил тебе, вероятно, юридические подробности о здешнем порядке заключения браков. Надеюсь, что все устроится.

По поводу Беккера Август пишет, что он поручил тебе уладить все со стариком, и ты, надеюсь, уже написал ему (старику), так как его это очень волнует. Август пишет, что от партии Беккер уже и сейчас получает по 200 франков ежегодного пособия; я знал, что при перечислении его денежных получек об одной, как раз об этой, позабыл. Упоминаю об этом для того, чтобы не подумали, будто Беккер утаил это от меня, чего на самом деле не было.

Если верны те слухи, которые цанковисты распространяют в Софии, то Александр III может спокойно убрать своего осрамившегося Каульбарса, потому что и так он получит все, что ему нужно. Это будет исправленное издание ункиар-искелеского договора (1839 г., см. Луи Блан, «Histoire des dix ans» [«История десяти лет»], где это напечатано в последнем томе). Тогда Черное море будет принадлежать ему, и по первому его желанию Константинополь будет в его руках. Это было бы следствием того, что Австрия в Боснии, а Англия в Египте присвоили себе части Турции и тем самым показали себя в Константинополе такими же расхитителями Турции, как и русские. Вот для чего миролюбивый Гладстон должен был бомбардировать Александрию и воевать в Судане. Однако все это не вполне достоверно, и возможно, что формально вопрос еще не разрешен; но во всяком случае надо следить за новыми сообщениями по этому поводу. Ведь даже *если* это верно, Австрия особенно будет стараться замазать дело, чтобы не быть вынужденной к выступлению до того, как русские *действительно* начнут готовиться к занятию Дарданелл, т. е. до того времени, когда будет уже поздно.

А пока Александр, повидимому, действительно взбесился (он будто бы принял какого-то адъютанта за нигилиста и застрелил его), а старый Вильгельм, должно быть, недолго протянет. Русская революция — пусть она даже начнется с дворцового переворота — нужнее, чем когда-либо, и тотчас же внесла бы ясность во всю эту неразбериху.

Твой Ф. Э.

391.

Энгельс — Э. Энгельсу

в Энгельскirchen.

Лондон, 22 октября 1886 г.

Дорогой Эмиль!

Я был очень рад снова получить весточку от тебя и узнать через тебя о твоей матери и о всех вас.

Что касается твоей просьбы, то мне все-таки кажется, что с моей стороны было бы очень большой непоследовательностью, если

бы я пожертвовал 150 марок в пользу барменского Дома евангелического союза только потому, что учреждение это, между прочим, преследует и общепользные цели. Мне кажется, твой тесть также счел бы непоследовательным, если бы ему пришлось сделать подарок заведомо социал-демократической рабочей кассе на том основании, что она преследует общепользные цели. Но, тем не менее, при желании всегда можно что-нибудь сделать, и так как мне всякий раз кажется довольно комичным, когда я нахожу в своем текущем счете, что числюсь акционером Дома евангелического союза, то я дарю тебе обе акции, и ты можешь делать с ними все, что хочешь. Прилагаю записку для Германа, который, надеюсь, уладит это дело.

Я рад, что у вас все благополучно, в особенности, что заботы о детях и внуках снова возвращают к жизни твою мать. Отсутствие отца вы все долго еще будете чувствовать как в семье, так и в деле. Он был цельный человек, и таких людей в семье заменить никогда нельзя, а в деле — лишь с большим трудом. Но для вас, молодых людей, очень полезно уже с ранних лет занять ответственное положение; в мое время в Германии это, к сожалению, случалось довольно редко, а между тем это совершенно необходимо для развития ума и особенно характера. Пусть себе старики развлекаются в Бармене, а летом ездят в Энгельскирхен — скорее, как на курорт, чем ради дел. Если вы сами можете вести дело, тем лучше: это даст вам уверенность в себе.

Однако пора кончать — через несколько минут придет Шорлеммер из Манчестера, а завтра я жду еще гостей из Парижа. Тогда в доме будет полно народа, и работе, как и переписке, — конец. Я хотел еще до этого уладить дело с акциями и использовал с этой целью последние оставшиеся у меня свободные минуты.

Итак, передай от меня твоей матери особенно сердечный привет и кланяйся также твоей жене и малышам Герману и Морицу.

Сердечный привет тебе от твоего дяди

Фридриха.

Желаю вам весело провести праздники и счастливо встретить Новый год.

392.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Лондон, суббота 23 октября 1886 г.

Дорогой Бебель!

Только что — в 9¹/₂ часов вечера — я получил «Sozialdemokrat» с вашим заявлением и тотчас же пишу тебе, хотя письмо может уйти

только в понедельник в 5 часов 30 минут, когда я сдам его (заказным) на почту. Но в понедельник может опять прибыть груда корректур, с которыми надо будет быстро разделаться.

Ваше заявление составлено так, что не вызывает абсолютно никаких возражений, если только признать, что этот шаг был необходим. Об этом я не берусь судить безусловно, но и помимо соображений Фрейтага необходимость его кажется мне бесспорной. Для дела вообще, да и для самой газеты я считаю истинным счастьем, что благодаря приговору вы смогли в приличной форме сделать этот шаг. На мой взгляд было большой ошибкой присвоение газете официального характера, что обнаружилось и в рейхстаге; но раз уж дело было сделано, трудно было его исправить так, чтобы это не выглядело, как дезавуирование газеты и отступление. Приговор предоставил вам удобный случай исправить ошибку, не возбуждая кривотолков, и вы правильно использовали этот случай. Об отступлении, как Либкнехт изобразил этот шаг, не может быть и речи — теперь газета может гораздо свободнее выражать мнение партийных масс и гораздо меньше считаться с господами из правого крыла.

«Neue Zeit» еще не получил. Я тоже думаю, что Бисмарк гораздо теснее связался с русскими, чем это ему нужно из-за Франции; главную причину этого, кроме той, на которую ты указывал, — ту я считаю второстепенной, — я вижу в том, что русские сказали Бисмарку следующее (а он знает, что это верно): «Нам необходимы крупные успехи в константинопольском направлении, иначе у нас будет революция». Александр III и даже русская дипломатия не могут без жертв справиться с дүхами панславизма и шовинизма, которых они сами вызвали; в крайнем случае генералы дали бы Александру III по шапке — и тогда неизбежно национальное собрание, хотят ли они этого или нет. А русской революции Бисмарк боится больше всего. Если падет царизм, то придет конец и прусскому режиму Бисмарка. Поэтому все должно быть пущено в ход для предотвращения краха, вопреки Австрии, вопреки возмущению германских буржуа, вопреки несомненной уверенности Бисмарка, что он и этим путем, в конце концов, расшатывает свою систему, которая ведь зиждется на германской гегемонии в Европе, и что в тот день, когда умрет старик Вильгельм, Россия, как и Франция, покажут ему зубы уже совсем по-иному.

Хуже всего то, что из-за подлости стоящих у власти никто не может сказать, какова будет группировка сил во время войны, — кто пойдет с кем и кто *против* кого. Что из всего этого

в конце концов выйдет революция, это ясно, но каких это потребует жертв, какой степени всеобщего истощения, какого множества перемен!

Пока что у нас есть время до весны, а до того еще много воды утечет. В России и без того может произойти взрыв, старик Вильгельм может протянуть ноги, и в Германии изменится политический курс, турки (которые теперь, после того как Австрия отняла у них Боснию, а Англия — Египет, видят, разумеется, в этих старых своих союзниках чистейших предателей) могут снова покинуть фаворит русской политики и т. д.

О германской буржуазии я-то уж во всяком случае не лучшего мнения, чем ты. Но не заставят ли ее исторические условия против ее желания снова активно выступить наподобие того, как это случилось и с французской? У французской буржуазии это тоже получается довольно жалко, а наша еще перещегооляла бы ее в этом отношении, но так или иначе ей пришлось бы вновь заняться своей собственной историей. Изречение Бейера я в свое время тоже прочел с удовольствием, но на деле оно сохраняет силу лишь при жизни Бисмарка. Что они *намерены* совершенно отказаться от своих «либеральных» фраз, в этом я ни на минуту не сомневаюсь. Вопрос только в том, смогут ли они это сделать, когда вдруг не окажется Бисмарка, правящего вместо них, и они очутятся лицом к лицу с захолустными ту-пицами-юнкерами и отъявленными бюрократами того же морального калибра, что и они сами. Будет ли война или мир, но в течение последних месяцев пришел конец германской гегемонии, и Германия снова — покорный слуга России. А ведь только это шовинистическое удовлетворение положением европейского арбитра мешало всей этой рухляди развалиться. Страх перед пролетариатом безусловно делает свое. А когда этих господ подпустят к власти, то вначале они, бесспорно, будут вести себя так, как ты это изображаешь, но очень скоро вынуждены будут заговорить иначе. Я иду еще дальше: даже в том случае, если, после того как смерть старика прорвет плотину, у руля останутся те же люди, что и теперь, — они принуждены будут удалиться из-за новых (и не только придворных) коллизий, либо же действовать в духе буржуазии. Разумеется, это произошло бы не сразу, но долго ждать не пришлось бы. Застой, царящий ныне в политической жизни Германии, — настоящая вторая империя! — может быть только преходящим и исключительным явлением; крупная индустрия не подчиняется законам, которые диктует ей трусость промышленников, экономическое развитие порождает все новые и новые коллизии, заостряет их до предела и не может допустить,

чтобы над ним слишком долго господствовали полуфеодалные юнкеры с феодальными вожделениями.

Впрочем, возможно, что весной все они будут готовиться к войне, станут друг против друга вооруженные до зубов, и каждый будет бояться начать, пока кто-нибудь не выступит с предложением разрядить атмосферу ценой взаимных компромиссов и поглощения мелких государств, и все бросятся делить добычу. Весьма вероятно, что Бисмарк теперь изобретает такое спасительное средство.

25 октября.

То, что ты говоришь о речах Либкнехта, относится главным образом к его словам, сказанным корреспонденту нью-йоркской «*Volkszeitung*» (маленькому Куно), но их нельзя считать так уж точно изложенными — интервьюеры решительно все перевирают. Вообще говоря, то, что он сказал о культуркампфе, показалось и мне грубо ошибочным, но, как тебе известно, Либкнехт ведь легко поддается настроению, уступает соблазну сыграть на своей публике (и не всегда удачно) и знает на своей палитре только две краски — черную и белую. Но, в конце концов, это не принесет большого вреда — все это в Америке уже давным-давно предано забвению.

Итак, до свидания, будь здоров и подай как-нибудь из тюрьмы весточку о себе. Не думаю, что тебе придется отсидеть весь срок, за девять месяцев все может измениться.

Твой Ф. Э.

393.

Энгелье — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 9 ноября 1886 г.

Милостивый государь!

Все это время я был занят английским переводом I тома, который надеюсь теперь закончить в течение нескольких недель, так как я прочел уже *первые* корректурные листы всего тома, и теперь мне предстоит прочесть лишь вторые и третьи корректуры последних десяти листов. Это была очень тяжелая работа, так как в конце концов на меня ляжет ответственность за текст. Я не имел возможности заняться чем бы то ни было в течение этого времени, из-за этого накопилась куча всяких мелких дел, с которыми я теперь покончу, а затем вернусь к III тому. Я писал Вам, насколько мне

помнится, что продиктовал его с рукописного оригинала, с тем чтобы получился разборчивый текст. Бóльшая часть не потребует значительных изменений, однако глава о превращении нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, глава о банковском капитале и — до известной степени — глава о земельной ренте потребуют еще не мало работы. Я надеюсь выпустить в будущем году весь текст, но не сдам в печать ничего, пока вся работа не будет закончена.

До марта 1886 г. II том разошелся в 1 300 экземплярах.

Как только английский перевод выйдет из печати, я пошлю Вам экземпляр.

Рецензии на II том в немецкой печати невероятно глупы. Одна из них, написанная д-ром Гроссом из Вены, довольно приличная, но сам Гросс — идиот. Другая, принадлежащая профессору Лексису из Бреславля, по-своему, очень не глупа: автор прекрасно понимает книгу и знает, что против нее ничего нельзя возразить, но он карьерист и поэтому прикидывается вульгарным экономистом. Эта рецензия появилась в гильдебрандовских «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» [«Ежегодниках по национальной экономике и статистике»], XI том, 1885 г., 5-я книга (5 декабря 1885 г.)

Я был бы, конечно, очень рад возможности выпустить третий том, потому что, как Вы говорите, только тогда вся система автора будет окончательно понята и многие глупые возражения, которые теперь выдвигаются против нее, совершенно отпадут.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

394.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 26 ноября 1886 г.

Дорогой Шлютер!

Большое спасибо за Ваше сообщение относительно И.-Ф. Беккера. Что касается его переселения в Цюрих, то этот вопрос я охотно предоставляю Вашему непосредственному усмотрению. Вы говорите, что необходимость этого переезда совершенно ясна. Для Вас в Цюрихе это, может быть, и верно, но для меня здесь, в Лондоне, где я не могу судить о подробностях, это все же не так. Я ведь никоим образом не могу советовать старику, чтобы он, ничтоже сумняшеся, переменил Женеву, где он прожил более сорока лет и с которой он, так сказать, сросся, на Цюрих. Поэтому я до сих пор не упоминал об этом ни одним словом.

С английским переводом я почти покончил, и как только я расплачусь со своими наиболее неотложными долгами по части переписки, я смогу, наконец, взяться за остальные вещи, покоящиеся в моем столе. Порядок их давности следующий:

1) Итальянский перевод «Наемного труда и капитала» — 10 месяцев.

2) Французский перевод «18 брюмера» — 8 месяцев.

3) Ваша рукопись о чартистах.

4) и 5) Мой «Жилищный вопрос» и т. д. и «Ура-патристы». Теперь присоедините к этому еще 6) и 7).

6) «Теория насилия». Охотно предоставляю ее в Ваше распоряжение, но что Вы подразумеваете под словами: «соответственно изменив»? Чисто положительный характер носят в этой работе лишь несколько страниц, самая полемика против Дюринга носит положительный характер и не может быть выкинута ни по существу, ни по причинам технического свойства. Но если Вы хотите сказать, что можно вычеркнуть или изменить отдельные места, которые не относятся непосредственно к вопросу о насилии, а стоят в связи с остальным содержанием книги, то в таком случае я с Вами согласен. Это составит около 25 страниц, а этого маловато. По-моему, сюда можно было бы присоединить — тоже в переработанном виде — две главы, касающиеся морали и права: «Вечные истины» и «Равенство», которые также вращаются вокруг вопроса о материалистически-экономическом понимании истории. Все вместе можно было бы озаглавить: «О праве и насилии во всемирной истории» или что-нибудь в этом роде.

7) «О социальных отношениях в России». Если Вы снова перепечатаете эту брошюрку так, как она есть, то я ничего не имею против; но если бы к ней пришлось написать предисловие, это вынудило бы меня снова заняться изучением положения в России, для чего у меня абсолютно нет времени. Предисловие, *не* опирающееся на новые исследования, не даст ничего нового, поэтому лучше обойтись без него. Статей из «Volksstaat» на эту тему также лучше не помещать. Статья I была направлена против Лаврова, который с тех пор не давал нам никакого повода снова ворошить старый хлам, и также, как и начало статьи II (против Ткэчева), статья эта, кроме нескольких более или менее сносных острот, не содержит в себе абсолютно ничего, что представляло бы теперь интерес или могло бы способствовать пропаганде.

Если Эде не поглощен всецело вечно женственным, то скажите ему, пожалуйста, что, по-моему, к Социал-демократической федера-

ции следует теперь относиться несколько иначе. Глупость правительства, бездеятельность радикальных рабочих клубов по отношению к колоссально растущей «безработице» и, наконец, мудрость Социалистической лиги, которая тратит все свое время и внимание только на непрерывное обсуждение своего собственного устава, — открыли перед Социал-демократической федерацией столь блестящее поле деятельности, что даже Гайндману и К^о не удалось до сих пор его испортить. Социал-демократическая федерация начинает становиться некоторой силой потому, что массы не находят абсолютно никакой другой организации, вокруг которой они могли бы сгруппироваться. Так что нужно будет беспристрастно отмечать факты, и в особенности главное — то, что здесь началось действительное социалистическое рабочее движение. Но необходимо проводить четкое различие между массами и их теперешними вождями и в особенности остерегаться в какой-нибудь мере отождествлять себя с ними; ведь можно сказать почти с абсолютной достоверностью, что эти политические авантюристы, подгоняемые нетерпением и честолюбием, скоро снова наделают грубейших ошибок. Когда движение окрепнет, оно либо будет держать этих господ в известных границах, либо выкинет их вон. Пока еще масса находится только в состоянии глухого неосознанного недовольства, но это подготавливает почву для посева.

В Америке, кроме *Нью-Йорка*, действительное движение идет вперед через голову немцев. Настоящая организация американцев, это — «Рыцари труда», она настолько же путанная, как и сами тамошние массы. Но движение разовьется именно из этого хаоса, а не из немецких секций, которые в течение 20 лет не сумели применить теорию к условиям Америки. Как раз теперь немцы могли бы оказать большое просветительное влияние, если бы только они... научились говорить по-английски.

Шлю всем сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

395.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 29 ноября 1886 г.

Дорогой Зорге!

Сегодня утром я отнес издателю последнюю корректуру предисловия и свалил, наконец, эту гору с плеч. Через две недели надеюсь

послать тебе экземпляр перевода. Послезавтра приезжает г-жа Либкнехт, чтобы дожидаться здесь мужа, который только третьего дня выехал из Нью-Йорка.

Шумиха с Генри Джорджем обнаружила, конечно, множество мошеннических проделок, и я рад, что не присутствовал при этом. Однако, несмотря ни на что, это был знаменательный день. Немцы не сумели сделать из своей теории рычаг, который привел бы в движение американские массы. Они в большинстве случаев сами не понимают этой теории и относятся к ней доктринерски и догматически, считая, что ее надо выучить наизусть — и этого уже достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию. К тому же они из принципа не изучают английский язык. Поэтому американские массы вынуждены были искать своего собственного пути и нашли его, кажется, прежде всего в «Рыцарях труда», путанные принципы которых и смехотворная организация соответствуют, повидимому, их собственной путанице. Но судя по тому, что до меня доходит, «Рыцари труда» представляют собою, главным образом в Новой Англии и на Западе, действительную силу и вследствие жестокой враждебности капиталистов с каждым днем становятся ею все больше. Я думаю, что необходимо работать среди них, воспитать в среде этой еще совершенно податливой массы ядро из людей, которые понимали бы движение и его цели и в силу этого сами взяли бы в свои руки руководство хотя бы частью теперешнего «ордена» при неизбежном его расколе. Самым дурным у «Рыцарей труда» была их политическая нейтральность, которая попросту сводилась к плутовству всяких Паудерли и т. д. Но эта нейтральность была сильно подорвана поведением масс во время ноябрьских выборов, особенно в Нью-Йорке. Первым серьезным шагом, — что важно для каждой вновь вступающей в движение страны, — всегда является конституирование рабочих в виде самостоятельной политической партии, — все равно как, лишь бы она была особой рабочей партией. И этот шаг сделан гораздо быстрее, чем мы могли этого ожидать, а это главное. То, что первая программа этой партии еще путанная и крайне неудовлетворительная, что она начертала на своем знамени имя Джорджа, — все это неизбежное зло, но зло преходящее. Массам надо предоставить время и возможность развиться, а эта возможность будет у них лишь тогда, когда у них будет собственное движение — безразлично в какой форме, лишь бы это было *их собственное* движение, в котором они будут идти вперед, учась на собственных ошибках. Движение в Америке находится сейчас на той ступени, на какой оно было у нас до 1848 г.; действительно интеллигентным людям

первоначально придется там играть ту роль, которую играл Союз коммунистов до 1848 г. в рабочих союзах. Но сейчас в Америке все это пойдет несравненно быстрее. Чтобы после каких-нибудь восьми месяцев существования движения можно было достигнуть таких результатов на выборах, — просто неслыханно. А если чего и нехватает, так буржуа помогут это восполнить. Нигде во всем мире не ведут они себя так нагло и деспотически, как у вас, а ваши судьи с успехом заткнут за пояс бисмарковских крючкотворцев. Там, где буржуа ведут борьбу такими средствами, дело быстро приходит к развязке, и если мы в Европе не поторопимся, то Америка нас скоро перегонит. Но именно сейчас вдвойне необходимо, чтобы там у вас было несколько наших людей, твердо владеющих теорией и нашей испытанной тактикой, говорящих и пишущих по-английски, так как американцы, по вполне понятным историческим причинам, страшно отстали во всех теоретических вопросах. Хотя они и не переняли от Европы средневековых институтов, но зато вполне усвоили множество средневековых традиций, религию, английское обычное (феодалное) право, суеверие, спиритизм, — словом, всю эту чепуху, которая не слишком вредила делу, а сейчас очень пригодится, чтобы дурачить массы. Если же там будут люди с ясным теоретическим мышлением, которые смогут заранее предсказать им последствия их собственных ошибок, разъяснят им, что каждое движение, которое не преследует в качестве своей конечной цели уничтожения системы наемного труда, должно пойти по ложному пути и потерпеть поражение, — тогда можно будет избежать многих глупостей и весь процесс значительно сократится. Но все это должно делаться на английский манер; немецкие особенности надо откинуть, а господа из «Sozialist» вряд ли способны на это, публика же из «Volkszeitung» отличается ловкостью только в *коммерческих делах*.

Впечатление, произведенное в Европе американскими ноябрьскими выборами, было колоссально. То, что в Англии, и в особенности в Америке, до сих пор не было рабочего движения, было главным козырем радикальных республиканцев везде и повсюду, а особенно во Франции. Теперь этим господам окончательно зажали рот; 2 ноября рухнула вся основа политики г. Клемансо: посмотрите на Америку, — было вечным его присловием, — где царит настоящая республика, там нет нужды и нет рабочего движения! В таком же положении оказались прогрессисты и «демократы» в Германии и здесь, где их собственное движение переживает сейчас свою начальную стадию. Именно то, что движение так ярко проявилось как рабочее

движение и так внезапно и мощно разразилось, — совершенно их оглушило.

Здесь, у нас, полное отсутствие конкурентов, с одной стороны, глупость правительства, с другой, позволили господам из Социал-демократической федерации занять положение, о котором они три месяца тому назад и мечтать не смели. Шум, вызванный планом процессии, которая должна была следовать за шествием лондонского лорд-мера 9 ноября (она никогда серьезно не предполагалась), а затем такой же шум по поводу митинга на Трафальгарском сквере 21 ноября, когда речь шла о вызове артиллерии, но в конце концов правительство все же поджало хвост, — все это заставило господ из Социал-демократической федерации устроить, наконец, 21-го самый обыкновенный митинг, без пустого фанфаронства и мнимо-революционных демонстраций, неизменно сопровождаемых уличной толпой, и филистеры вдруг прониклись уважением к людям, которые подняли столько шуму и в то же время так прилично себя вели. А так как кроме Социал-демократической федерации никто не заботится о безработных, количество которых, в период хронического застоя в делах, с каждой зимой возрастает и которые терпят чрезвычайно острую нужду, то Социал-демократическая федерация оказалась в выигрыше. Здесь теперь начинается рабочее движение, в этом нет сомнений, и если на первых порах Социал-демократическая федерация наживет на этом капитал, то это будет результатом трусости радикалов и глупости Социалистической лиги, которая возится с анархистами и никак не может от них отделаться, так что у нее не остается времени, чтобы поинтересоваться живым движением, которое происходит у нее под самым носом. Как долго, однако, Гайндман и К^о сохранят свой относительно рациональный образ действий — большой вопрос. Я ожидаю, что они скоро все же опять наделают колоссальных глупостей — им нестерпимо. И тогда они увидят, что в серьезном движении это не пройдет.

В Германии час от часу не легче. В Лейпциге утвержден приговор к 4 годам *каторжной тюрьмы* по обвинению в «мятеже». Там изо всех сил стараются спровоцировать столкновение.

Сейчас у меня в столе лежит еще семь небольших работ: итальянские и французские переводы, предисловия, новые издания и т. д., — а затем перехожу прямо к третьему тому.

Твой старый

Ф. Э.

396.

Энгельс — Г. Шлютеру
в Цюрих.

[Лондон,] 7 декабря 1886 г.

Пришлите мне, пожалуйста, экземпляр «Бакунистов за работой» — у меня есть только один, переплетенный вместе с другими вещами. Эта работа очень плохо напечатана, и мне придется ее внимательно просмотреть. В воскресенье днем сюда явился Солдат ¹, его жена находится здесь уже несколько дней. Он очень доволен своими успехами. Вчера приехал и Пауль ² (берлинец). Так как при них я вряд ли смогу взяться за более крупные работы, то попытаюсь подготовить Вам кое-что для печати. Но предисловие я предпочитаю написать сам.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

397.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой
в Нью-Йорк.

Лондон, 28 декабря 1886 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Ваше письмо от 13 ноября так и не дошло до меня. Я очень жалею об этом, потому что мне было гораздо удобнее написать предисловие *тогда* и, кроме того, у меня было бы больше времени.

Но прежде всего разрешите мне поздравить Вас по поводу счастливого семейного события, в котором Вы были главным действующим лицом, и пожелать доброго здоровья Вам и новорожденному.

Конечно, в настоящее время послесловие несколько устарело; так как я до некоторой степени это предвидел, то и предлагал написать его тогда, когда книга будет уже в печати. Сейчас предисловие крайне необходимо, и я Вам его напишу; но сперва мне придется подождать возвращения Эвелингов, чтобы получить полный отчет о положении вещей в Америке. Я думаю, однако, что мое предисловие будет не совсем таким, как Вы хотите.

Во-первых, мне кажется, что Вы считаете Нью-Йорк до некоторой степени американским Парижем и переоцениваете значение для всей страны в целом местных нью-йоркских движений с их местными особенностями. Несомненно, это имеет очень большое значение,

¹ В. Либкнехт.² П. Зингер.

однако северо-запад с его многочисленным фермерским населением и с его независимым движением вряд ли слепо примет теорию Джорджа.

Во-вторых, в предисловии к *данной* книге едва ли уместна основательная критика этой теории — там для нее даже места нехватит.

В-третьих, я должен был бы основательно изучить различные работы и речи Г. Джорджа (большинства из которых я не получал), для того чтобы исключить возможность каких бы то ни было ответов, основанных на всяких уловках и увертках.

Мое предисловие будет, конечно, целиком посвящено огромной борьбе, которую американские рабочие вели в течение последних 10 месяцев, и, разумеется, коснется также Г. Джорджа и его плана земельной реформы. Оно, однако, не может претендовать на обстоятельное освещение вопроса; к тому же я не думаю, что время для этого уже настало. Гораздо важнее, чтобы движение распространялось, гармонически развивалось, пустило корни и охватило, насколько возможно, весь американский пролетариат, чем то, чтобы оно уже с самого начала шло и развивалось на безупречной теоретической основе. Для ясности теоретического понимания нет лучшего пути, чем учеба на собственных ошибках, на собственном горьком опыте, а для целого большого класса нет другого пути, особенно для такой исключительно практической и так презирающей теорию нации, как американцы. Самое главное — это добиться того, чтобы рабочее движение было движением *класса*; а раз это будет достигнуто, рабочий класс скоро найдет верное направление, и все те, кто окажется помехой на его пути — будь то Г. Джордж или Паудерли — будут выкинуты за борт со своими маленькими сектами. Поэтому я думаю, что чрезвычайно важным фактором движения являются «Рыцари труда» и к ним не следует относиться с пренебрежением со стороны, а их нужно революционизировать изнутри. Я считаю, что многие из живущих в Америке немцев совершили большую ошибку, когда они, будучи поставлены лицом к лицу с этим не ими созданным мощным и победоносным движением, превратили свою импортированную и не всегда правильно понятую теорию в своего рода всеспасающую догму и держались в стороне от всякого движения, не приемлющего этой догмы. Наша теория — не догма, а разъяснение процесса развития, который включает в себе ряд последовательных фаз. Рассчитывать на то, что американцы вступят в движение, вполне осознав теорию, выработанную в более старых промышленных странах, — значит рассчитывать на невозможное. Немцы должны были бы действовать согласно своей собственной теории, — если они понимают ее, как понимали ее мы в 1845—1848 гг., — они должны были участвовать во всяком дейст-

вительно общем движении рабочего класса, беря его фактическую точку отправления такую, какова она есть, постепенно поднимаемая его теоретический уровень и указывая, что каждая допущенная ошибка, каждая неудача была неизбежным следствием неправильных теоретических взглядов первоначальной программы. Говоря словами «Коммунистического манифеста», они должны были бы в настоящем движении представлять его будущее. Но прежде всего дайте движению укрепиться и не усиливайте неизбежной на первых порах путаницы, насильно пичкая людей такими вещами, которых они в данный момент не могут по-настоящему понять, но которым они скоро научатся. Один или два миллиона рабочих голосов, поданных в ноябре за действительную (bona fide) рабочую партию, в данную минуту бесконечно важнее чем сотня тысяч голосов поданных за безукоризненную в теоретическом отношении программу. Первая же попытка, которую вскоре придется сделать, если только движение будет развиваться, объединить движение масс в национальном масштабе, — поставит их всех лицом к лицу: сторонников Джорджа, «Рыцарей труда», традиционистов и всех остальных. И если к тому времени наши немецкие друзья достаточно изучат язык страны, чтобы быть в состоянии принимать участие в дискуссии, то тогда именно и наступит для них время критиковать взгляды других и, доказав непоследовательность различных позиций, постепенно привести рабочих к пониманию действительного положения, в котором они находятся, — положения, которым они обязаны отношениям между капиталом и наемным трудом. Но все, что могло бы отсрочить или пресечь эту национальную консолидацию рабочей партии, — все равно на основании какой бы то ни было программы, — я считал бы большой ошибкой. Вот почему я не думаю, что наступило уже время полностью и исчерпывающе высказаться и о Г. Джордже, и о «Рыцарях труда».

Я не телеграфировал Вам «да», потому что мне было неясно, как Вы истолкуете это «да».

Что касается заглавия, то я не могу опустить «1844 г.», так как это дало бы читателю совершенно ложное представление о том, чего он может ожидать. И так как, поскольку я пишу предисловие и дополнения, я беру на себя известную ответственность, то не могу согласиться с тем, чтобы этой даты не было. Если считаете нужным, можете добавить: «с предисловием и послесловием автора». Возвращаю Вам этой же почтой исправленную корректуру.

Глубоко уважающий Вас

Ф. Энгельс.

1887 год.

398.

Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу

в Гаагу.

Лондон, 11 января 1887 г.

Дорогой друг Нивенгейс!

Я узнал из газет, что Кассационная палата утвердила приговор против Вас, и Вам, стало быть, скоро придется перебраться в тюрьму. Пока Вы еще на свободе, я хочу с Вами попрощаться и заверить Вас, что с искренним сочувствием провожаю Вас в камеру и верю в то, что Вы из заключения вернетесь к своей деятельности и к нам невредимым физически и не надломленным духовно. Пожалуйста, дайте мне знать, можно ли будет во время Вашего заключения поддерживать с Вами связь посредством писем или же пересылки печатных материалов и разрешаются ли Вам книги и литературные занятия.

С рождества здесь Лафарги из Парижа, а неделю тому назад возвратились из Америки также и Эвелинги, привезшие оттуда много отрядных известий. Движение там на полном ходу и растет неудержимо. Быстрота, с которой из неизбежной вначале путаницы возникла политическая рабочая партия, — поразительна. Правда, программа, или, вернее, различные программы в Нью-Йорке, Чикаго и т. д., как и следовало ожидать, еще очень туманны. Но действуют американцы как следует, а это главное. Если подумать, как много времени прошло во Франции, Бельгии, Испании и т. д., пока рабочие пришли к выводу, что к победе их может повести только политическая организация рабочего класса — партия, обособленная от всех других партий и противостоящая им, — то действия американцев, которые уже через шесть месяцев по возникновении движения выступают в качестве организованной партии, получают в Нью-Йорке 68 000 голосов, а на Западе одерживают значительные победы на выборах, достойны удивления. Но уж если пролетариат какой-

нибудь страны организовался как борющаяся партия, — сами превратности борьбы научат его пониманию условий своего освобождения, и именно для такого чрезвычайно практического и чуждого теории народа, как американцы, нет иного пути к уразумению [своих задач], как только извлекать уроки из своих неудач, учиться уморазуму на собственных ошибках. И они достаточно быстро это проделают и справятся с этой задачей.

В других странах движение тоже превосходно развивается, и я надеюсь, что когда Вы выйдете из тюрьмы, то найдете, что мы порядком ушли вперед. Этому может помешать только европейская война, которая сразу отбросила бы нас очень далеко назад, но в конечном счете даже она, как и всякое другое событие, должна обернуться нам на пользу.

Только что вышел английский перевод «Капитала», и как раз в подходящий для Америки момент.

Так будьте же здоровы! Все мы провожаем Вас в тюрьму с наилучшими пожеланиями. Через год, надеюсь, мы снова увидимся в Лондоне.

Горячий привет от Лафаргов, Эвелингов и от Вашего

Ф. Энгельса.

399.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

[Лондон,] 11 января 1887 г.

Вместе с этим письмом посылаю тебе заказным английский перевод «Капитала». На прошлой неделе отослал тебе пакет — 2 номера «Commonweal», 1 номер «To-Day» и т. д. Дальнейшее следует. Только что получил «New-York Herald» со свинской статьей об Эвелингах. Нам это очень важно, так как иначе Эвелинги не узнали бы, что врут там о них буржуазные газеты. Эвелинги вернулись неделю тому назад, они здоровы и бодры. Лафарги тоже тут и шлют сердечный привет. «Капитал» идет здесь нарасхват, о доставке в Америку я позаботился. Это поможет янки уяснить нашу позицию.

С Новым годом!

Твой Ф. Э.

400.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 27 января 1887 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Вместе с этим письмом посылаю Вам, наконец, предисловие. Тотчас же по возвращении Эвелингов я заболел легким конъюнктивитом, чего, впрочем, оказалось достаточно, чтобы помешать всякой регулярной работе, — особенно потому, что то небольшое время, которое я мог ежедневно уделять писанию, неизбежно уходило на срочную корреспонденцию. И хотя мой глаз еще несколько воспален, мне все же удалось закончить предисловие, и я надеюсь, что мое запоздание Вам не слишком помешало.

Так как мне не удалось снять копию, то я вынужден просить Вас вернуть мне рукопись по окончании работы. Я просил бы последить, чтобы она не затерялась во время печатания.

Надеюсь, путешествие д-ра Вишневецкого было удачным и он благополучно вернулся. Очень жалею, что не имел возможности провести с ним наедине несколько часов, но он попал ко мне как раз в тот вечер, когда мы на мгновение фактически воскресили старый Интернационал.

Об американском движении именно в настоящий момент легче всего, я думаю, судить из-за океана. В самой Америке личная склока и местные споры должны сильно затмить все его значение. Единственное, что может серьезно задержать развитие движения, это — упрочение на почве этих разногласий определенных сект. До некоторой степени это неизбежно, но чем их будет меньше, тем лучше. И немцы должны этого остерегаться больше всех. Наша теория — это теория развития, а не догма, которую надо затвердить и механически повторять. Чем меньше будут вбивать ее американцам в голову извне и чем больше они проверят ее при помощи немцев на собственном опыте, тем глубже она проникнет в их плоть и кровь. Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г., мы примкнули к Демократической партии, потому что это было единственным возможным средством привлечь к себе внимание рабочего класса; мы были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом. Основывая Интернационал, Маркс составил его устав так, чтобы к нему могли примкнуть все пролетарские социалисты того периода — прудонисты, пьер-леуисты и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионов;

и лишь благодаря этой широте своего охвата Интернационал сделался тем, чем он был, — средством постепенного растворения и поглощения всех этих мелких сект, за исключением анархистов, внезапное появление которых в разных странах явилось лишь результатом жестокой буржуазной реакции после Коммуны и которым мы поэтому могли спокойно предоставить умереть собственной смертью, как оно и было. Если бы мы в период от 1864 до 1873 г. настаивали на том, что будем работать только вместе с теми, кто открыто примет нашу платформу, к чему бы это нас привело? Мне кажется, вся наша практическая деятельность показала, что можно работать в контакте с общим движением рабочего класса на каждой стадии его развития, не принося в жертву и не скрывая своей собственной четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию, и я боюсь, что если немцы в Америке пойдут по другому пути, то они совершат крупную ошибку.

Надеюсь, что теперь Вы уже совершенно поправились и что Ваш супруг и дети тоже чувствуют себя хорошо. Привет д-ру Вишневецкому.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

401.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 9 февраля 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Отвечаю тотчас же на Ваше письмо с почтовым штемпелем от 28 января. Предисловие отослано было 27 января, и на Вашу телеграмму, полученную мною в воскресенье, 6 февраля, я немедленно ответил по телеграфу: «Послано заказным 27 января».

Что касается искаженной выдержки из моего письма, от опубликования которого не мог удержаться неугомонный Итон, то Розенбергу и К^о нечего сваливать вину за это на Эвелинга. О сотнях тысяч и миллионах нет и помину ни в моем письме к Вам, ни в каком-либо другом письме. Вы наверно знаете, кто ответственен за этот непростительный поступок и за то, что подобная бессмыслица приписана мне. Поскольку дело касается меня, я несколько не возражаю против того, чтобы Вы опубликовали всю эту выдержку целиком и даже все письмо.

Ваши опасения насчет того, что Эвелинг оказывает слишком сильное влияние на мое мнение об американском движении, лишены основания. С тех пор как возникло независимое от Германии национальное движение американского рабочего класса, моя позиция была ясно продиктована самими фактами. Это великое национальное движение, независимо от того, какова его первоначальная форма, является действительным исходным пунктом развития американского рабочего класса. Если немцы примкнут к нему с целью помочь или чтобы ускорить его развитие в должном направлении, то они смогут принести большую пользу и сыграть в нем решающую роль; если же они останутся в стороне, то выродятся в догматическую секту и будут сметены с пути, как люди, не понимающие своих собственных принципов. Г-жа Эвелинг, которая видела, как действовал ее отец, отлично поняла это с самого начала, и если Эвелинг тоже пришел к такому же убеждению, то тем лучше. Во всех моих письмах в Америку — к Зорге, к Вам, к Эвелингам — я с самого начала не устал повторять это снова и снова. Я, однако, доволен, что повидался с Эвелингами прежде, чем написал свое предисловие, потому что они сообщили мне некоторые новые факты о скрытых внутренних делах немецкой партии в Нью-Йорке.

Вы, повидимому, вполне убеждены в том, что Эвелинг вел себя в Америке просто как мошенник. Более того: Вы хотите, чтобы я, на основании содержащихся в Вашем письме утверждений и намеков, относился к нему соответствующим образом и сделал все от меня зависящее, чтобы удалить его из партийной печати. Однако все эти утверждения Вы ничем *не можете* доказать, потому что не имели возможности ничего услышать в его защиту. И все же Вы в лучшем положении, чем мы здесь: Вы выслушали, по крайней мере, *одну* сторону, тогда как мы не знаем даже точно, в чем, собственно, заключается обвинение!

В раннем подпольном периоде рабочего движения, когда рабочие находятся еще под влиянием традиционных предрассудков, — горе тому, кто, будучи человеком буржуазного происхождения или получив высшее образование, принимает участие в движении и настолько неосторожен, что имеет денежные дела с рабочим элементом. Тут уж обязательно начнется спор из-за кассовой отчетности, и это тотчас же раздувается в обвинение в попытке эксплуатации. Особенно, если взгляды этого «буржуа» в теоретических или тактических вопросах не совпадают с убеждениями большинства или даже меньшинства. Я наблюдал это постоянно в течение сорока с лишним лет. Хуже всех были в этом отношении немцы; в самой Гер-

мании этот недостаток давно уже побежден ростом движения, но среди немцев, живущих вне Германии, он еще не изжит. Вот почему Маркс и я всегда старались не иметь никаких денежных дел с партией, в какой бы то ни было стране. Когда Эвелинги поехали в Америку, у меня были очень серьезные опасения на этот счет. И только когда было решено, что они поедут вместе с Либкнехтом, я несколько успокоился, потому что Либкнехт — тертый калач и уж сумел бы справиться с подобными нареканиями и потому что всякие такие обвинения по его адресу только сделали бы его обвинителей посмешищем в Германии и вообще в Европе. Однако впоследствии поездка была организована иначе — и вот результат.

Из сказанного Вы можете заключить, что я смотрю на это дело гораздо спокойнее, чем нью-йоркская публика. Кроме того, я знаю Эвелинга вот уже четыре года; мне известно, что он дважды жертвовал своим социальным и материальным положением ради своих убеждений и что, если бы он этого не сделал, он мог стать профессором в каком-нибудь английском университете и видным физиологом — вместо того, чтобы быть без усталы работающим журналистом с весьма необеспеченным заработком. Я имел возможность во время совместной работы наблюдать его способности и его характер, и мне не раз приходилось видеть его при достаточно затруднительных обстоятельствах, — поэтому мне нужно нечто гораздо большее, чем голословные утверждения и инсинуации, чтобы поверить тому, что о нем сейчас говорят некоторые лица в Нью-Йорке.

Далее. Если бы он пытался обмануть партию, то как мог бы он это сделать во время своей поездки без ведома жены? Но в таком случае обвинение задевает и ее. А тогда оно становится совершенно нелепым, по крайней мере в моих глазах. Я знаю ее с детства, а в последние семнадцать лет она постоянно была со мной. Более того, Маркс завещал мне заботиться о его детях так, как он заботился бы о них сам, и защищать их, насколько это в моих силах, от всякой клеветы. И я буду это делать, хотя бы мне пришлось выступить против пятидесяти исполнительных комитетов. Дочь Маркса, обманывающая рабочий класс, — нет, это уж слишком!

Дальше Вы говорите: «Никто здесь не думает, что д-р Эвелинг положил деньги себе в карман или *истратил их так, как значится в счетах*. Полагают, что он просто хотел покрыть расходы своей жены». Это — явное обвинение в подлоге, и Вы это высказываете как смягчающее вину, благоприятное предположение. Но если это — обвинение в смягченном виде, то каково же оно полностью? И на каком основании оно предъявлено? «Смехотворные счета, присланные

д-ром Эвелингом». Хотел бы я взглянуть на какие-нибудь из этих «смехотворных» счетов. В течение пятнадцати недель они присылались каждое воскресенье в Исполнительный комитет, который не проявлял никаких признаков неодобрения. Не пошевелился он и тогда, когда Эвелинги 19 декабря вернулись в Нью-Йорк. И только 23-го, когда они уже собрались уезжать и не могли больше защитить себя против обвинений, реальных или вымышленных, — только тогда Исполнительный комитет открыл, что эти счета, против которых, когда они поступали *в отдельности*, он ни разу не возражал, смехотворны, *если сложить их вместе!* Но это значит, что он возражает не против счетов, а против правил сложения. Почему же Исполнительный комитет не сократил поездки Эвелингов, а постарался продлить ее и именно к концу ее поднял вопрос о вторичном посещении ими Чикаго, которое, к счастью, не состоялось? Мне сдается, что во всем этом смехотворны не счета, а Исполнительный комитет.

Итак, на собрании 23 декабря Эвелинги впервые узнают, что их счета смехотворны, и Исполнительный комитет представляет им денежный отчет, составленный им самим. Выслушав возражения против своего счета, Эвелинг тотчас же соглашается со счетом Исполнительного комитета, по которому (как я сам видел в документе, написанном рукою Розенберга) ему, Эвелингу, причитается 176 долларов. Затем, запуганный Вальтером, он отказывается от этих денег и возвращает 76 долларов тут же, а остаток присылает из Лондона. И Вы после этого говорите: «То, что д-р Эвелинг вернул 100 долларов, нисколько не помогло делу». Так чего же, наконец, *хотят* эти люди? Неужели Эвелинга следует считать мошенником потому лишь, что Исполнительный комитет присвоил себе 176 долларов, которые принадлежат *Эвелингу по расчетам самого же Исполнительного комитета?*

В дальнейшем тайна, которой Исполнительный комитет облакает это дело, сгущается все больше и больше. Когда статья появилась в «New-York Herald» и была передана сюда по телеграфу, Эвелинги послали прилагаемое при сем циркулярное письмо секциям и одновременно *Исполнительному комитету*. Это письмо, — если не считать Эвелинга лжецом и мошенником, что я буду отрицать, пока мне не представят вполне убедительных доказательств, — представляет на мой взгляд исчерпывающие возражения против Исполнительного комитета, по крайней мере впредь до получения ответа с его стороны. Как же, однако, поступает Исполнительный комитет? Он выступает с тнусными нападками на страницах «Volkszeitung», распространяя слухи и толки за спиной Эвелинга, созывает собрания в секциях,

павлагает на них *свою* версию и заставляяет их принимать резолюции по делу, о котором нельзя судить, не подвергнув беспристрастной ревизии всю отчетность и не предоставив полной возможности самозащиты заочно обвиняемому. И, повидимому, им удалось в своем нью-йоркском кругу опорочить Эвелинга не только как человека, сумасбродно тратившего их деньги (правда это или ложь, но в этом они могли быть, по крайней мере, искренне убеждены), но как мошенника и подделывателя счетов. В этом деле, созданном их собственной изобретательной фантазией, они доходят до предела и угрожают циркулярным письмом, в котором они объявят Эвелинга фальсификатором и мошенником перед лицом рабочих всего мира! И все это, заметьте, за спиной и без ведома человека, которого они обвиняют и который не может не только защитить себя, но хотя бы выяснить факты, на которых основано обвинение! Если так судят людей в нашей партии, то я предпочитаю лейпцигский верховный суд и чикагский суд присяжных.

К счастью, в более старых европейских партиях мы уже пережили эту стадию. Мы видели, как исполнительные комитеты возникали и исчезали дюжинами, мы знаем, что они так же погрешимы, как и папа римский, мы знавали даже и такие исполнительные комитеты, которые жили припеваючи на трудовые гроши рабочих и имели среди своих членов мошенников и подделывателей счетов. В своем циркулярном письме Исполнительный комитет должен будет не только ясно сформулировать свое обвинение, которое, быть может, станет таким образом, наконец, известно и нам, но он должен будет и доказать его. Здешняя публика не принимает слепо на веру даже того, что говорят их собственные исполнительные комитеты, а уж тем более не примет на веру слов г. Вальтера и г. Розенберга, как бы «официальные» они ни были.

На мой взгляд, Исполнительный комитет поставил себя в очень неловкое положение. Если бы он остался недоволен только тем, что счета чрезмерны, он мог бы рассчитывать на поддержку извне, потому что это в значительной мере дело личного взгляда. Но так как он никогда ничего не возражал против присылавшихся счетов, стало быть, он сам чувствовал, что у него нет твердой почвы под ногами, и поспешил, как часто поступают слабые люди, раздуть обвинение, чтобы выгородить самого себя. Так он пришел к новому обвинению Эвелинга в мошенничестве и подделке счетов, чего он никак не может доказать и поэтому вынужден довольствоваться инсинуациями. Но гнусность, клеветнически измышленная для прикрытия собственной слабости, остается все-таки только

гнустью. И раздув дело, бывшее вначале пустячным спором о счетах, в уголовное преступление, Исполнительный комитет естественно чувствует себя обязанным объяснить перед отдельными рабочими партиями. При этом он, конечно, действует скрытным, окольным путем, не давая обвиняемому даже возможности ознакомиться с обвинением. Одна ошибка влечет за собой другую, а в результате — полная неразбериха, и Исполнительный комитет запутывается в собственных сетях. И все это не по врожденной злобе, а просто из слабости.

Вы поймете теперь, что я принужден самым решительным образом отклонить Ваш совет — «предостеречь Каутского, чтобы он не публиковал писем, подписанных Эвелингом», потому что Исполнительный комитет собирается выпустить «официальное циркулярное письмо» против Эвелинга и «его имя, как одного из руководящих работников, может лишь скомпрометировать любой орган». Мне кажется, что ни Каутский, ни я сам не давали никому повода предполагать, что мы способны поступать таким образом с друзьями, с которыми работали вместе много лет, на основании одних лишь голословных утверждений и наветов. И если бы я предложил что-либо подобное Каутскому, то заставил бы его только подумать, что я внезапно впал в старческое слабоумие или же стал человеком, не заслуживающим доверия. Впрочем, я убежден, что Вы сами пожалели, что написали это, как только отправили письмо.

Я прекрасно понимаю, что Вы написали Ваше письмо, имея в виду лишь интересы партии, и именно они побудили Вас представить мне дело Эвелинга как безнадежное, как решенное окончательно. Но пока его судил только Исполнительный комитет, который сам представляет собою и стороны и обвинителей, и судей и присяжных — все вместе; ведь резолюции нью-йоркских секций, каковы бы они ни были, в счет не идут. Что скажут другие секции — еще неизвестно, но и они, если будут беспристрастны, могут только объявить себя некомпетентными в этом деле, пока не ознакомятся полностью с фактами и не заслушают обвиняемого. Что до меня, то я считаю крайне вредным для партии вводить в ней, да еще в утрированном виде, систему правосудия, практикуемую Бисмарком и американскими буржуа, которые хоть, по крайней мере, соблюдают формальности и дают подсудимому высказаться на суде; как можем мы действовать подобным образом в тот самый момент, когда мы протестуем против этого гнусного судопроизводства?

Исполнительный комитет, без сомнения, захочет, под предлогом предотвращения публичного скандала, избежать огласки. Но это не пройдет. Либо он должен будет отказаться от своего по-

зорного обвинения, представив дело в его настоящем свете, как спор о счетах, и разобрать его честно и справедливо, либо он должен выступить со своим обвинением публично и защищать его до конца. Вокруг этого поднято слишком много шума, и в таком положении дело оставаться не может, да и Эвелинг не такой человек, чтобы оставить все это без последствий. А так как я не могу допустить, чтобы Эвелингов за их спиной обвиняли в бесчестных поступках, то я счел своим долгом показать Ваше письмо г-же Эвелинг (он сам в настоящее время очень болен) и прочесть ей мой ответ. Если обстоятельства потребуют в дальнейшем опубликования этого моего письма, Вы можете опубликовать его *полностью*, причем я оставляю за собой такое же право, — разумеется, не оглашая Вашего имени, если только кто-нибудь другой не сделает этого уже раньше.

Остаюсь, дорогая г-жа Вишневецкая, искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

402.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 12 февраля 1887 г.

Дорогой Зорге!

Твое письмо от 30 января получил вчера, а третьего дня снова послал тебе разные материалы. Остальное отправлю через несколько дней. Английское издание «Капитала» расходуется очень хорошо, и этот осел издатель, который абсолютно не подозревал, что у него в руках, совершенно поражен.

Надеюсь, что здоровье твое улучшается. Воздержание и для меня становится долгом; каждый день я замечаю какой-нибудь небольшой физический изъян, требующий внимания и нарушающий привычный беззаботный образ жизни. Но с этим уж ничего не поделаешь.

Лафарг обещал мне, будучи здесь на рождестве, регулярно посылать тебе «Socialiste». Лишь *после* его возвращения я получил несколько отдельных оттисков статьи «Situation [politique de l'Europe]» [«Политическое положение Европы»] ¹ и т. д. Статья эта открыла французам глаза на то, что война означает для них гибель республики — и только при *совершенно* исключительных благоприятных обстоятельствах благодаря ей могла бы разразиться европейская

¹ Статья Энгельса в «Socialiste» № 63 от 6 ноября 1886 г.

революция, — чего, однако, вовсе не хотят буржуазия, мещанство и крестьянство. Раньше об этом никто не думал, а теперь все это говорят. Я читаю сейчас эту статью по-румынски в выходящей в Яссах путанной «*Revista socială*» и изучаю при этом язык.

Господа из Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии ведут себя по отношению к Эвелингам самым гнусным образом. После того как, благодаря их нескромности, если не по их наущению, появилась статья в «*Herald*», опубликована была гнуснейшая статья в «*Volkszeitung*», за которую я пока могу возложить ответственность лишь на г. Дуэ. Эвелинги ответили на возмутительную статью в «*Herald*» прилагаемым циркулярным письмом, разосланным отсюда приблизительно 18 января всем секциям, а также Исполнительному комитету. И вот Комитет 28 января пишет мне через одно лицо, которое я пока назвать не могу и о котором тебе, следовательно, придется догадаться, сконфуженное письмо, в котором утверждает как факт, как совершенно непреложный факт, что Эвелинг пытался обмануть Комитет, что он будто бы — так предполагают они по христианскому человеколюбию — посылал фальшивые счета, чтобы покрыть этим расходы, произведенные его женой в гостинице (партия оплачивала Гусси *только* железнодорожные расходы), а возвращение 176 долларов, дескать, ничего не меняет, потому что дело вовсе не в этом, и т. д. Сплошные инсинуации, ни единого факта, нет даже *определенного обвинения*. Далее там сказано: в нью-йоркских секциях уже принято по этому поводу решение, которое будет передано на утверждение в остальные секции, а затем решено выпустить циркуляр ко всем европейским партиям, чтобы заклеить Эвелингов, мне же предлагают предостеречь Каутского, чтобы он не печатал больше ничего написанного таким субъектом, как Эвелинг, которого следует выкинуть из всей партийной печати!

Можешь себе представить, как я ответил на все эти гнусности. Если найду кого-нибудь, кто переписшет письмо, я пошлю его тебе, — сам я из-за воспаления глаза не могу переписывать его в третий раз. У этих господ нет ни малейшего повода. Ведь когда 23 декабря Эвелинг узнал из письма Розенберга, что Исполнительный комитет собирается оспаривать некоторые его счета, он тотчас же ответил Розенбергу, отправив письмо нарочным: «Я не могу спорить с партией по поводу денежных дел и готов принять без возражений все, что Национальный исполнительный комитет социалистической рабочей партии сочтет правильным». И это еще до того, как он узнал, что они скажут и предложат ему! А теперь появляются эти господа, прикарманивают 176 долларов, которые по собственным

их расчетам принадлежат Эвелингам, и именно поэтому объявляют обманщиками не себя, а Эвелинга!

Ну, мы уж это расхлебали. К сожалению, мы не знаем в Нью-Йорке никого кроме тебя, на кого можно было бы положиться после того, как и «*Volkszeitung*» вела себя так гнусно. Я был бы тебе благодарен, если бы ты мог нам сообщить, какую позицию занимают Шевич и другие, — дали они себя убедить враками Исполнительного комитета или нет? Мы знали бы, по крайней мере, к кому можно обратиться в Нью-Йорке, не затрудняя тебя.

Но меня все-таки удивляет, что те же самые люди в Нью-Йорке, которые возмущаются судом присяжных в Чикаго, здесь превосходят своей гнусностью этих присяжных и осуждают людей даже не выслушав их, не сказав им хотя бы, в чем их обвиняют.

Твой Ф. Э.

403.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
в Петербург.

Лондон, 19 февраля 1887 г.

Милостивый государь!

Я рад, что получил Ваше письмо от 22/3 текущего месяца. Из него я узнал, что издатель, вместо того чтобы послать Вам экземпляр английского «*Капитала*», отправил Вам только проспект. Такого рода ошибки происходили уже не раз, и это причинило нам не мало досады и беспокойства. Впрочем, я сразу же, 12 февраля, послал Вам экземпляр по почте, *заказным*, и надеюсь, что Вы исправно его получили. Рад Вам сообщить, что книга расходуется исключительно хорошо. Высокая цена *первого* издания была неизбежным злом, но так как книга напечатана на стереотипе, то через некоторое время выйдет удешевленное издание, которое будет стоить, примерно, треть стоимости первого издания; в настоящий момент высокая цена не является здесь серьезным препятствием для сбыта, хотя до некоторой степени мешает распространению книги в Америке.

Я думаю, Вы хорошо сделаете, показав читающей публике Вашей страны, как применить теорию автора к *их собственным* условиям. Но, быть может, Вам лучше подождать, как Вы сами пишете, пока вся работа не выйдет полностью. Глава о земельной ренте, хотя и написана им до того, как он изучал экономические условия России, и в ней нет упоминания о них, будет Вам, тем не менее, крайне необходима. Я займусь III томом после того, как справлюсь

с накопившейся у меня другой работой. За исключением трех разделов, большая часть почти готова для печати.

Большое спасибо за «Сказки»¹ Щедрина, к чтению которых я приступлю при первой возможности; легкий конъюнктивит левого глаза не позволяет прочесть их теперь же, так как русский шрифт заставляет меня сильно напрягать зрение.

На английское издание не появилось до сих пор ни одной рецензии. Профессиональные рецензенты, повидимому, не знают, как быть с этой книгой, и боятся обжечься.

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

404.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 3 марта 1887 г.

Дорогой Зорге!

Одновременно с этим письмом посылаю пакет, в котором 1 номер «Commonweal», 1 номер «To-Day», 3 номера «Gleichheit» и по 4 экземпляра второго циркулярного письма Эвелинга на немецком и английском языках.

Ваш Исполнительный комитет прибегает к самым необычным маневрам, чтобы добиться одобрения своего ребяческого выступления против Эвелинга. О том, что они предпринимали в секциях, ты узнаешь из циркулярного письма Эвелинга (циркуляр Исполнительного комитета ты там, вероятно, достанешь). Но после этого Комитет, не дожидаясь пока секции вынесут решение, передал все дело ревизионной комиссии (Aufsichtsbehörde), с тем чтобы она помогла ему выбраться из лужи. Конечно, Эвелинг теперь тоже обратится в ревизионную комиссию и пошлет туда все документы; посмотрим, что из всего этого выйдет.

Исполнительный комитет благоразумно ограничивается тем, что повторяет очень старую и все же вечно новую среди немцев, живущих за границей, историю о разбазаривании трудовых грошей рабочих; дальнейшие обвинения в попытке утаить и т. д. распространяются, таким образом, лишь исподтишка. Тебе, наверно, представится случай использовать циркулярные письма.

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски.

Выборами в Германии мы можем быть очень довольны. Приrost голосов великолепный, особенно в условиях сильнейшего нажима не только со стороны правительства, но и фабрикантов, поставивших рабочих везде, где это лишь было возможно, перед выбором между увольнением и принудительным голосованием за сторонников Бисмарка. Боюсь, что это снова сказалось на вчерашней перебаллотировке — здесь результаты ее еще не известны. Папа за-прещает католикам голосовать за нас, господа прогрессисты добровольно предпочитают социалисту сторонника Бисмарка, а фабриканты применяют прямое насилие; если мы тут отвоюем еще несколько мест, то они будут взяты с бою. Но дело здесь вовсе не в количестве мест, а в статистическом доказательстве неудержимого роста партии.

Ты находишь, что они оскандалились, выбрав Гейзера, Фроме, Фирекка и т. д. Они не могли поступить иначе. Им приходится брать кандидатов там, где они есть, и таких, какие есть. Это общая судьба всех рабочих партий в парламентах, где не существует депутатского вознаграждения. Но это не имеет значения. Они вовсе не создают себе иллюзий насчет своих представителей. Лучшим доказательством этого было полное поражение «фракции» в ее борьбе с «Sozialdemokrat». И господам депутатам это тоже известно. Господа из правого крыла знают, что их терпят только благодаря закону против социалистов и что они тотчас же вылетят вон, в тот день, когда партия снова получит свободу действия. Да и после этого с представительством дело еще будет обстоять достаточно скверно, но мне, право, приятнее, если партия лучше своих парламентских героев, чем наоборот.

Относительно Либкнехта ты тоже можешь быть спокоен. В Германии его оценивают совершенно правильно. Я редко встречал человека, о котором мнения самых различных людей были бы настолько единодушны, как о Либкнехте. В то время как он воображает, что держит их всех в руках, они относятся к нему очень критически. Его неисправимый оптимизм, в особенности в тех случаях, когда у него самого рыльце в пушку, его твердое убеждение в том, что он — душа движения, что он все делает, все направляет к лучшему и лишь другие, «ослы», портят все дело, его стремление все привести в порядок, замазать все противоречия, утопив их в громких фразеах, его страсть добиваться внешних, временных успехов даже ценой ущерба более длительным интересам, — все это прекрасно известно. Но люди знают также, что все эти ошибки не более чем обратная сторона очень ценных качеств и что, не обладая этими слабостями, он не мог бы

сделать и того, что он действительно делает. Пока около него Бель, он хотя и является причиной лишних хлопот и склоки, но больших промахов не сделает. А когда дело дойдет до разрыва с мещанами, он будет их защищать до последнего мгновения, но в решительный момент займет правильную позицию.

Надеюсь, с наступлением весны твое здоровье улучшается.

Твой Ф. Энгельс.

405.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 10 марта 1887 г.

Дорогой Зорге!

Открытку от 22-го и письмо от 21 февраля получил. Я поступил правильно. Посылать копию длинного письма не имело смысла, так как формулировка обвинений в циркуляре Исполнительного комитета совершенно иная и притом более мягкая, а все остальное пока только частные сплетни. Как отнеслись в Европе к этому делу, показывает ответ Зингера на посланное ему циркулярное письмо Эвелинга: «Повторяется старая история; жаль только, что и Эвелингам приходится пройти через это». Этот циркуляр, который я послал тебе в 4 экземплярах по-английски и по-немецки, а также мое письмо, написанное с неделю тому назад, ты, вероятно, получил.

Вишневецкая не в состоянии перевести «Манифест». Сделать это может только один человек, а именно — Сэмюель Мур, и он как раз работает над этим. Рукопись первого раздела уже у меня. Не надо, однако, забывать, что как «Манифест», так и почти все более мелкие работы Маркса и мои в настоящее время далеко еще не будут понятны для Америки. Тамошние рабочие только лишь вступают в движение, это еще совершенно сырой материал, и особенно сильно они отстают в теории благодаря своей англо-саксонской, и притом еще американской, натуре и подготовке, — тут приходится опираться непосредственно на практику, а для этого нужна совершенно новая литература. Я уже раньше предлагал Вишневецкой переработать в популярной форме важнейшие места «Капитала», издав их отдельными маленькими брошюрами. Как только люди там более или менее встанут на правильный путь, «Манифест» не замедлит оказать свое действие. Сейчас же он может оказать влияние лишь на немногих.

Твои замечания по поводу английского перевода «Капитала»

сообщил издателю, который дал следующий очень практический ответ: достаточно благоприятной статьи в «North American Review», чтобы издание перепечатали в Америке, а он сначала хочет успеть снять сливки. Впрочем, и в Америке книга расходуется очень хорошо. Кроме Борделло тотчас же сделал заказ и другой крупный книготорговец, да и здесь книга распространяется так быстро, что все первое издание вплоть до последних 50 экземпляров уже распродано, а второе — еще по той же цене — находится в печати. И это — несмотря на очень скромную рекламу и прежде чем о книге заговорила хотя бы одна крупная газета! Первая серьезная статья о ней, очень благоприятная, появилась в «Athenæum» от 5 марта. Теперь последуют и другие и помогут нам распродать второе издание, после чего сможет, вероятно, последовать третье, удешевленное, издание.

Какова бы ни была Социалистическая рабочая партия, как бы она ни приписывала себе успехи работы своих предшественников, все-таки она, в общем, единственная стоящая на нашей платформе рабочая организация из существующих в Америке; она разветвлена более чем на 70 секций, раскинутых по всему северу и западу, и в качестве таковой, и только таковой, я ее признаю. То, что она партия лишь по названию, — я высказал совершенно определенно, и я убежден, что господа из Исполнительного комитета были очень разочарованы моим предисловием и предпочли бы, чтобы его не было. Они ведь сами принадлежат к тому течению, о котором я говорю, что, одержав верх, оно разрушит партию. И оно, кажется, этого добивается. Розенберг в здешней «Justice» нападает на «Рыцарей труда» по поводу стачки грузчиков. Возможно, что в отдельных пунктах он и не совсем неправ, но он обнаруживает отсутствие понимания развития движения, что может быстро погубить партию, если эти господа будут продолжать управлять ею. Именно глупости карьеристов-вождей «Рыцарей труда» и их непрестанные конфликты в крупных восточных городах с Central Labour Unions [Центральными рабочими союзами] должны вызвать внутренний кризис организации «Рыцарей труда» и обострить его до крайности, — вот чего эта скотина не понимает.

Здесь агитация Социал-демократической федерации в пользу безработных тоже провалилась, не дав никаких результатов. Церковный парад в Сен-Поле был дурацким подражанием чартистам и так же остался безрезультатным, — словом, здесь пока нет ничего. Быть может, осенью дела пойдут лучше. Было бы желательно, чтобы до этого времени прохвосты, стоящие во главе Социал-демократической федерации, выдохлись и провалились.

Твой Ф. Э.

406.

Энгельс — Ю. Бебель

в Лейпциг.

Лондон. 12 марта 1887 г.

Дорогая г-жа Бебель!

Беру на себя смелость написать Вам в надежде узнать при Вашем посредстве, как поживает мой друг Бебель в Цвикауском богоугодном заведении. С тех пор как Зингер приезжал сюда в декабре, я больше ничего не слыхал о Бебеле. Я, конечно, и без того знаю, что заключение несколько не ослабит его духовную энергию, но был бы очень рад узнать, что оно не отразилось неблагоприятно и на его физическом состоянии. Ему, вероятно, было очень тяжело во время избирательной борьбы сидеть под замком сложа руки, но тем более должен был его обрадовать результат, который с такой точностью совпадает с тем, что он предсказал еще несколько месяцев тому назад: большой прирост голосов, но потеря мандатов. Эту потерю не только легко перенести, — только отсутствие Либкнехта является действительной потерей, — но во многих отношениях она даже выгодна. Теперь это признают даже те, от кого этого трудно было ожидать, — люди, которые сами питали нежность к парламентаризму. заявляют теперь повсюду и во всеуслышание: как хорошо, что партия, и в особенности фракция, избежала опасности увязнуть в парламентаризме! Совсе не плохо, что виноград порой бывает зелен. Зато 225 000 новых голосов, которые мы завоевали, несмотря на жесточайший нажим, — это шаг вперед, который имел значение для всей Европы и Америки и к тому же изрядно стравил господам правителям их временное торжество. Именно это отсутствие опрометчивости, это размеренное, но несомненно неудержимое движение вперед включает в себе нечто в огромной степени импонирующее и должно вызывать у правящих такое же гнетущее чувство, какое испытывали жертвы государственной инквизиции в Венеции, заключенные в комнату, стены которой ежедневно сближались на один дюйм, так что узники могли приблизительно вычислить, в какой именно день они будут раздавлены между стенами.

В течение всей осени и зимы русская и прусская дипломатия старались вызвать локализованную войну и избежать европейской. Русские охотно раздавили бы в одиночку Австрию, а пруссаки — Францию, с тем чтобы другие страны оставались зрителями. К сожалению, эти благожелательные устремления взаимно перекрещивались таким образом, что тот, кто выступил бы первым

вызвал бы всеобщую мировую войну. О том, что время локализованных войн прошло, знал, конечно, каждый ребенок, кроме правящих Европой умников, но великие государственные мужи сделали это открытие только теперь, а мировой пожар внушает им все-таки некоторый страх, так как последствий его невозможно рассчитать заранее, и даже прусской или русской армии он оказался бы не по силам. В этом, на мой взгляд, заключается единственная остающаяся у нас гарантия мира.

Будьте добры передать Бебеля, когда Вы его увидите, что первое издание английского перевода «Капитала» распродано уже через два месяца после выхода, а второе находится в печати, а между тем ни одна из больших газет не посвятила книге не единой статьи!

Прошу как можно скорее сообщить мне о состоянии здоровья Бебеля.

С глубоким уважением преданный Вам

Ф. Энгельс.

407.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 16 марта 1887 г.

Дорогой Зорге!

Большое спасибо за твои письма с приложениями от 28 февраля и 2 марта и за все твои хлопоты. Посылаю тебе обратно циркуляр Исполнительного комитета, так как он у нас есть. На статью в «Volkszeitung» (ответ Эвелинга милейший Ионас задержал, таким образом, на целый месяц, прежде чем решил его опубликовать) мы сегодня тотчас же послали Ионасу прилагаемый ответ; если он его не будет печатать и ты в этом случае сможешь оказать на него некоторое давление, это было бы очень хорошо. Но его статья указывает, повидимому, уже на некоторое отступление.

Основной спорный вопрос относительно сомнительных пунктов в счете Эвелинга будет, повидимому, разрешен нашим циркулярным письмом от 26 февраля. Удивительно все-таки, что люди, которые возмущаются по поводу отдельных частных, которых вне общей связи нельзя даже понять, — что эти люди не подумают о том, что следовало бы сначала выслушать по поводу этой общей связи и другую сторону, прежде чем позволить себе высказать суждение. Все эти статьи были бы также и в счете Либкнехта, если бы он вообще представил счет. Но тот заявил, что партия должна оплачивать все его

расходы и поэтому он ничего не записывает. И этим удовлетворились. От том, что Эвелинг в Бостоне, например, оплачивал почти все расходы не только Либкнехта, но и его дочери, — об этом Исполнительный комитет молчит, хотя это видно из счетов, а мы были достаточно щепетильны, чтобы не упоминать об этом в циркулярном письме. Так, Либкнехт заказывал для всех вино и пр., во время их совместных поездок, в комнату Эвелинга, и, следовательно, все это ставилось в счет Эвелингу. Обо всем этом Исполнительный комитет знает, но умалчивает. Но гнуснее всего то, что они разослали там свой циркуляр 7 января, а нам прислали его только 3 февраля, выиграв таким образом целый месяц для беспрепятственной клеветы, прежде чем мы даже узнали, в чем же, собственно, обвиняется Эвелинг.

Тому, что резолюция принята большинством секций, я до получения дальнейших сведений не верю. Отношение к этому делу «Рыцарей труда», если верить сообщениям Эвелинга и Тусси, резко противоречит мнению секций всего Запада. Но если дело действительно обстоит таким образом, тогда — грош цена всей этой «партии».

Просто счастье, что ты присылаешь мне «Sozialist». До сих пор я мог отдавать Каутскому или Эвелингам второй экземпляр, который посылал мне Исполнительный комитет, так что он тоже шел на пользу. На нынешней неделе эта милая компания мне газеты больше не прислала. Из этого я заключаю, что в ближайших номерах снова появятся всякие подлости по адресу Эвелинга.

Мюллеру в Сен-Поль написали, предложив ему напечатать также и второе циркулярное письмо от 26 февраля. Исполнительный комитет втихомолку использует прессу, как ему заблагорассудится, и в то же время явно хочет изобразить Эвелинга зачинщиком всей истории, если он сам первый предаст ее гласности.

Нам здесь казалось совершенно естественным, что Эвелинг не отвечает «New-York Herald». Статья была до того абсурдна, да к тому же сба они говорили, что в Америке не принято серьезно отвечать на такие глупости. Насколько я знаю «Herald», она вряд ли поместила бы такой ответ. Когда же статья была перепечатана здесь, Эвелинг тотчас же ответил. Но если бы даже Эвелинг ответил на статью в «Herald», что бы он выиграл этим по отношению к Исполнительному комитету? Мне кажется, что со стороны Шевича это пустая отговорка. Вообще меня удивляет необычайная бесхребетность большинства нью-йоркцев, которая проявилась в данном случае. Исполнительный комитет распространяет целый ворох лжи, и все этому верят — начиная с Ионаса и кончая Шевичем и Вишневецкими!

Видно, Исполнительный комитет является в Нью-Йорке большим авторитетом.

К сожалению, у меня нет времени послать тебе сегодня разные газеты, — отошлю завтра, сейчас отправляется почта.

Твой Ф. Э.

408.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

[Отрывок.]

[Лондон, 19 марта 1887 г.]

Поистине счастье, что наши в рейхстаге не составляют больше «фракции», во всяком случае в течение нескольких лет нам это будет полезно. Очень хорошо и то, что теперь вдруг очень многие совершенно неожиданно потеряли доверие к «парламентаризму». Но самое главное — это неудержимо увеличивающийся со все ускоряющейся быстротой прирост голосов. Наша борьба — это осадная война, и до тех пор, пока линии окопов продвигаются все дальше, дело идет хорошо. Теперь мы подходим уже ко второй линии, где сможем установить демонтирные батареи и заставим замолчать неприятельские орудия; а там, если только осажденного не выручит на время мировая война, мы сумеем определить момент, когда нам всего удобнее будет установить на гласисе осадные батареи, пробить брешь и броситься в атаку. А до тех пор медленное, спокойное продолжение осадных работ является вернейшей гарантией против преждевременных атак и ненужных жертв. Самое замечательное при этом то, что осажденные объявляют нас, осаждающих, на осадном положении!

Сердечный привет всем вам.

Ваш Ф. Энгельс.

409.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 6 апреля 1887 г.

Дорогой Зорге!

Открытку, газетную вырезку из статьи Дицгена от 24 марта и письмо от 25-го получил. Едва ли Гепнер может судить на основании нескольких отрывочных фактов, должен ли был Эвелинг быть

«откровеннее». Я сам не берусь это решить; знаю лишь, что Эвелинг в денежных делах точно такой же неудачник, как и сам Гешнер. Оба они обладают завидной способностью без всякой вины попадаться во всевозможные денежные истории.

Тот, кто сказал тебе, что Каутский стал колебаться, либо сам лгал, либо ему нагнали. Я полагаюсь на Каутского, как на самого себя; он иной раз, как и большинство молодых людей, может немного перемудрить, но если бы у него были какие-нибудь сомнения, он прежде всего поделился бы со мной. Впрочем, я сегодня вечером спрошу его, на чем может быть основано это заявление, если оно вообще имеет хоть какое-нибудь основание.

Вильгельм ¹, который сначала отмалчивался, теперь вдруг мечет громы и молнии. Вот что он мне пишет (это между нами, прошу тебя дословно не передавать этого другим, а только рассказать содержание тех мест, которые найдешь нужным) (28 марта):

«Нью-Йоркцы, вероятно, одумаются. Я написал им еще несколько недель тому назад в самой резкой форме, что я ни при каких обстоятельствах не позволю использовать себя против Эвелинга и Тусси. Я категорически *потребовал удовлетворения за нанесенное оскорбление* и, повторяю, я думаю, что они пойдут на это. Очень жаль, что Эвелинг не написал мне сразу по своем возвращении» (это пустая отговорка, потому что уже около 20 января я сообщил ему основные факты, поскольку они нам самим были тогда известны), — «я узнал обо всем этом только через тебя, а тут как раз началась выборная горячка, которая, конечно, захватила меня целиком. Таким образом, потеряно много времени. Но все это будет улажено. Если нью-Йоркцы заартачатся, то я *публично выступлю против них*. Передай это Эвелингу и Тусси».

Вообще обстоятельства сильно изменились не в пользу господ из Исполнительного комитета. Эвелинг получил от целого ряда частных лиц из Нью-Йорка письма с выражением сочувствия, американская секция в Рочестере выражает ему свое доверие, немецкая секция в *Кливленде* (или в *Буффало*, не помню) всецело становится на его сторону. Но еще месяц тому назад Исполнительный комитет, не дожидаясь голосования секций, послал весь документальный материал ре-визионной комиссии для вынесения решения по этому делу, стало быть опять апеллирует к новой инстанции. Мы, конечно, тотчас же написали и туда, послали документы и настояли на том, чтобы приняты были во внимание определенные письма и т. п.

¹ Либкнехт.

Копию ответа Эвелинга на вторую, в действительности еще более гнусную статью в «Volkszeitung» ты, наверно, получил.

Наши парижане опять сели в лужу. «Cri du Peuple» они потеряли, а «Socialiste» погибает теперь из-за недостатка средств. Своим сектантским фразерским социализмом парижские рабочие так испортили себе желудок за 50 лет, что в настоящее время не переваривают никакой здоровой пищи. Парижу, центру просвещения, городу идеи, идеи надоели.

Зато в России, повидимому, предстоит кризис. Последние покушения, кажется, переполнили чашу. Там полная неразбериха; к тому же при существующих в России условиях всеобщая воинская повинность разрушила русскую армию, неизбежность чего была мне ясна еще десять лет тому назад.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

410.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 9 апреля 1887 г.

Дорогой Зорге!

Я писал тебе 6-го и получил твое письмо от 29 марта. Большое спасибо за твои хлопоты в связи с Ионасом. Я думаю, что они дадут результаты.

Итак, Исполнительный комитет собирается отвечать. Это будет новым укрывательством фактов. Но решение отвечать само по себе доказывает, как глупо и подло было пытаться выманить у секций постановление только лишь на основании его первоначальных утверждений. Сперва должны, мол, решить секции. Затем, еще до того как истек предоставленный им срок, Исполнительный комитет упрощает ревизионную комиссию вынести решение. А теперь сам он признает, что, прежде чем решать, необходимо дальнейшее выяснение дела.

Во всяком случае эти господа сами себя погубили. И если Вишневецкие, которые во всей этой истории вели себя скорее, как Вашляпские, доведены были до того, что назвали их лгунами и т. п., значит уж действительно было нестерпимо. Уже одно то, что Вишневецкая решила показать тебе мое письмо, доказывает, в каком неловком положении очутились оба эти человека. Я, конечно, был настолько «гуманным», что еще год тому назад определил Исполнительный комитет как настоящих немецких остолопов.

Меня в этой истории радует лишь то, что я надеюсь теперь отделаться от назойливости г-жи Вишневецкой по поводу переводов. Во-первых, она переводит по-ремесленному, взваливая, собственно говоря, всю работу на меня; во-вторых, она самым жалким образом прозевала издание перевода и сыграла на-руку этим остолопам. Мы теперь уже не в таком положении, чтобы нам нужно было обивать пороги со своими рукописями. И теперь, после того как я уже дополнительно написал ей предисловие, дело явно не движается с места именно потому, что это предисловие пришлось не по вкусу Исполнительному комитету.

Из Спрингфильда, Миссури, Эвелинги тоже получили изъявления сочувствия и решения секций; на этих днях, вероятно, еще придут с Запада.

Швейцарское правительство готовится, повидимому, судя по английским *консервативным* сообщениям, принять меры против цюрихского «Sozialdemokrat». Я ожидал этого с тех пор, как началась военная шумиха. Когда угрожает опасность швейцарскому нейтралитету, швейцарец подлеет до последней степени. Впрочем, все это еще может кончиться ничем.

Зато в России похоже на то, что два последних покушения переполнили чашу. Вера в правительство там давно уже испарилась, а теперь исчезла и вера в царя. Армия переполнена недовольными офицерами, устраивающими заговоры. Панслависты хотят посадить на престол сводного брата нынешнего царя, старшего сына Александра II и Долгорукой. А полиция бессильна против нигилистов. По сообщению «Frankfurter Zeitung», 482 офицера посланы из Москвы через Одессу в исправительную колонию на Сахалине, на Тихом океане. Не думаю, чтобы это протянулось еще год, разве что война предоставит выход, но и она, пожалуй, придет слишком поздно. А уж если заварится каша в России, тогда — ура!

Кампания Эвелинга здесь в ист-эндских радикальных клубах идет превосходно. Относительные успехи американских выборов, теперь опять в Чикаго и Цинциннати, сильно ему помогают в этом; Джон Булл не хочет дать американцам заткнуть себя за пояс, — это *единственная* форма иностранного влияния, которая может здесь подействовать. Послезавтра в Гайд-парке на большом митинге против чрезвычайного положения в Ирландии Эвелинг будет говорить с двух, а Тусси с одной из пятнадцати трибун. Митинг обещает быть одним из тех больших митингов, при помощи которых лондонские рабочие достигают поворота в англий-

ской политике. Впрочем, и немецкие выборы произвели здесь известное впечатление.

Едешь ли ты в Рочестер или еще куда-нибудь?

Твой Ф. Энгельс.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 23 апреля 1887 г.

Дорогой Зорге!

Писал тебе 9-го с. м. Открытку и посылки получил, благодарю. Опубликование в «*Volkszeitung*» сделанного там перевода моего предисловия — двойное безобразие. Во-первых, потому, что я не желаю иметь ничего общего с этой газетой, пока она так подло ведет себя по отношению к Эвелингу. А во-вторых, потому, что я не могу допустить чужого перевода на немецкий язык моих английских работ, да еще такого перевода, который кишит ошибками и искажает самые существенные вещи. Мое предисловие находилось у этой особы с начала февраля (отослано 24 января), и в единственном полученном мною с тех пор письме от 19 марта (почтовый штампель 8 апреля) говорится лишь о намерении напечатать немецкое издание, на что она требует моего согласия, — она знала, что у меня здесь не было копии. Я ее тотчас же попросил прислать мне обратно оригинал, чтобы я мог его перевести. Там есть такие места, где надо тщательно взвесить каждое слово. А между тем она за моей спиной интригует с Ионасом и К^о.

Я тут же написал протест. Пусть она покажет тебе мое письмо.

Этим она переполнила чашу. Совершенно невозможно работать с человеком, который то-и-дело выкидывает такие штуки.

Но ей еще достанется от меня. Ее последнее длинное письмо по поводу эвелинговской истории можно охарактеризовать одним словом: мерзость. Это попытка слабого, поддающегося малейшему влиянию человека найти оправдание своему дурному поступку, который сам он вынужден признать дурным. На это я отвечу ей на будущей неделе как следует. Такого рода люди напрасно воображают, что они могут провести меня, как младенца.

Корреспонденция Гайндмана в «*Standard*» — жалкая и трусливая. Он хочет открыто стать на сторону Джорджа, хотя тот с каждым днем все глубже увязает в своей дурацкой земельной теории и должен поэтому подавлять все социалистическое. Ему и здесь не везет. Сенсационные эффекты исчерпаны, новые бывают не каждый

день, а без них Гайндман не может как следует играть свою роль. Зато Эвелинги начали очень успешную агитацию в радикальных клубах Ист-Энда, причем специально выдвигают американский пример самостоятельной рабочей партии. А американский пример — единственное, что производит здесь впечатление, да еще немецкие выборы. Дело подвигается хорошо, и если в Америке будет так продолжаться дальше, либералы могут через год потерять весь лондонский Ист-Энд.

В Социалистической лиге тоже постепенно назревает кризис. В трицины день состоится делегатская конференция, и тогда, надо надеяться, решится исход борьбы с проникшими в Лигу, поддерживаемыми Моррисом анархистскими элементами.

В Германии — преследования за преследованиями. Бисмарк хочет, повидимому, все подготовить, чтобы в тот момент, когда в России вспыхнет революция, — а сейчас это уже лишь вопрос месяцев, — сразу же заварилась каша и в Германии.

Твой Ф. Э.

412.

Энгельс — Н. Ф. Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 24 апреля 1887 г.

Милостивый государь!

Пишу Вам наспех лишь несколько строк, чтобы сообщить об исправном получении двух заказных пакетов с письмами и Вашего письма от 7 апреля по старому стилю, в котором Вы извещаете меня об их отправлении. Незачем было торопиться с посылкой писем, но я все же очень Вам благодарен за то, что Вы доверили мне эти ценные реликвии, которые я прочту с величайшим интересом и использую, когда представится необходимым, и которые я всегда готов вернуть в Ваше распоряжение.

Преданный Вам

П. В. Рошер.

413.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 мая 1887 г.

Дорогой Зорге!

Надеюсь, что ты себя чувствуешь лучше и что твои опасения совершенно лишиться возможности писать не оправдываются. У меня

с писанием тоже обстоит неважно: с Нового года у меня хроническое воспаление глаз, приходится очень ограничивать себя в чтении и в особенности в письме. На будущей неделе посоветуюсь с одним из лучших здешних окулистов.

То, что ты пишешь в своем письме от 20 апреля о нью-йоркских болванах, конечно, совершенно верно, но не забывай о том, что я могу ведь отвечать тебе только на те утверждения, которые ты сам высказываешь, а не на те, о которых ты ничего не говоришь.

«Манифест» переведен, и только мои проклятые глаза мешают мне просмотреть работу. У меня на очереди французская, итальянская и датская рукописи и еще кое-что для просмотра! Вообще говоря, вы ведь и сорок лет тому назад были немцами, с немецким теоретическим умом, и потому в то время «Манифест» оказал свое действие, тогда как на другие народы он не произвел никакого впечатления, хотя и был переведен на французский, английский, фламандский, датский и другие языки. А для нетеоретических деловых американцев, я думаю, тем более пригодна другая, более грубая пища, так как *мы* пережили изложенную в «Манифесте» историю, а они нет.

Дело с моей книгой испорчено исключительно Вишневецкой, которая предоставила г-же Фостер полную свободу действий, а та передала книгу Исполнительному комитету. Я тут же написал протест, но дело было уже сделано. До сих пор Вишневецкая портила все, за что ни бралась; я никогда больше ей ничего не доверю; пусть делает, что ей угодно, я буду рад, если ей что-нибудь удастся, но с меня хватит, и пусть она впредь оставит меня в покое. Неделю тому назад я ответил на ее последнее письмо.

Либкнехту я по его требованию отправил посланный тобой экземпляр циркуляра, но с условием вернуть его. Он обещает прислать нам то, что нужно будет для опубликования.

Эвелинг ведет блестящую агитацию в лондонском Ист-Энде. Американский пример производит там впечатление, и радикальные клубы, которым либералы обязаны 12 местами из 69 в Лондоне, обратились к нему с просьбой сделать доклады об американском движении, и он с Тусси усиленно работают. Дело идет непосредственно об организации английской рабочей партии с самостоятельной классовой программой. Если это удастся, то и Социал-демократическая федерация, и Социалистическая лига будут оттеснены на задний план, что было бы лучшим разрешением назревающего скандала. Гайндман видит, что ему приходит конец, тем более что он испортил отношения почти со всеми своими людьми. Он поместил

в «Justice» жалобу Исполнительного комитета на Эвелинга. Это очень хорошо — благодаря этому прекратятся сплетни за спиной Эвелинга, и он получит возможность повсюду об этом открыто заговорить. В троицын день, надеюсь, выяснится и положение Социалистической лиги; анархистам придется убраться или же весь этот хлам развалится.

Эвелинги послали тебе «Time» со своими статьями об Америке, ты ведь их получил? (выпуск за март—апрель—май). Даже торийский «Standard» хвалит их! Эвелинги в настоящий момент делают здесь больше, чем все остальные, и приносят гораздо больше пользы, а тут еще изволь отвечать кумушке Вишневецкой на ее ребяческие сомнения относительно тяжелого обвинения, «которое будет тяготеть над домом Эвелингом, пока он не опровергнет циркуляр Исполнительного комитета». Мадам в обществе своих немецких сплетниц совершенно, повидимому, перестала понимать, что не Эвелинг должен опровергать, а Исполнительный комитет должен доказать.

С сегодняшним парходом отправляю тебе «Commonweal», «Gleichheit» и «To-Day». В «Gleichheit» тебя, вероятно, позабавит болтовня Де-Папа о бельгийских социалистах. Движение там развивается очень хорошо, с тех пор как фламандцы отобрали все дело у валлонов, а гентцы у брюссельцев, но этот субъект все еще продолжает плести свое. Всего комичнее здесь то, что, в то время как брюссельцы охотно учредили бы новый Интернационал, в котором они составляли бы генеральный совет, Паудерли предложил им вступить в организацию «Рыцарей труда». Итак, конкуренция между папой Паудерли и папой Де-Папом!

Сердечный привет и пожелание скорейшего выздоровления. Вчера я был с Эвелингами в Америке, т. е. в цирке Buffalo-Bill — очень мило.

Твой Ф. Энгельс.

414.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

Лондон. 5 мая 1887 г.

Дорогой Эде!

Ты самый несправимый Гамлет на свете. Ты знаешь, что Каутский и я стоим совершенно в стороне от местных немецких дрязг и что мы вынуждены так поступать, если не хотим тратить все наше время на эти жалкие сплетни. Ты знаешь, что в здешнем Союзе у нас нет ни одного доверенного лица, потому что все здесь закисло в самой мелочной склоке. Так что если мы сделаем хоть малейший

шаг в этом направлении, то это привлечет внимание, публика захочет узнать, как и что, и на завтра об этом будут трубить во всех анархистских клубах. А если бы ты приехал сюда сам, ты мог бы после одного выступления и черепалки в клубе сразу поставить себя так, чтобы в два-три дня узнать все, что нужно, и все это без всякого шума. Итак, не приезжая, ты не только лишаешь нас удовольствия, но и оставляешь наполовину неосуществленной цель своей поездки. Мы могли бы пустить в ход только старика Беккера, но он так заржавел, что из него выйдет плохой дипломат.

О деле Бабефа у Авенеля, в «Lundis» и в «Анахарзисе Клоотсе» нет ни слова. Впрочем, кое-что на страницах 42 и 94. Я пошлю тебе «Lundis» заказной почтой. Прошу только вернуть мне поскорее, т. е. недели через две, потому что книга мне необходима для справок. Основная работа по этому вопросу, «Conspiration de Baboeuf» [«Заговор Бабефа»] Буонарроти, у меня тоже была в английском переводе, изданном чартистами, но эту книгу у меня стянули, как и множество других; я еще раз усердно искал ее, но тщетно.

Относительно русских надо теперь отметить один момент, упоминания о котором я нигде не нахожу. Вся европейская реакция возмущается нигилистическими царевубийствами, и в частности — применением динамита, причем особенно возмущаются русскими революционерами и требуют выдачи их России — и не без успеха, даже в Америке. А что делает русское правительство? Оно организует в Софии свержение Александра Баттенберга, и если его при этом не застрелили, то он обязан этим только своей собственной пассивности. Оно устраивает в Бухаресте покушения на болгарских префектов. Наконец, около месяца тому назад оно организовало в Софии нападение с *динамитной бомбой* на дом майора Панова, коменданта или кто он там. Таким образом, все, в чем русское правительство обвиняет нигилистов и на основании чего оно требует их выдачи как уголовных преступников, оно *делает само*, через своих заведомых агентов в Болгарии. Мы должны требовать, чтобы к этим специфически русским методам действия как революционеров, так и правительства прилагалась одинаковая мерка. Это уже начинают понимать почти все, но важно, чтобы это было высказано, и при этом достаточно громко.

История с Шнебелем была явным образом подстроена заранее, чтобы выпустить на сцену Буланже. Единственным человеком, предвидевшим это еще за две недели, была матушка Крауфорд, парижская корреспондентка «Daily News» и «Weekly Dispatch». Телеграмма Бисмарка подтверждает это.

Будут ли вас притеснять в Швейцарии или нет, зависит исключительно от военной шумихи. Если она заглохнет, федеральный совет станет смелее, если же усилится, то горе его штанам!

Между нами: если Шак опять приедет в Швейцарию, то не следовало бы ей чересчур доверять. Она отличается излишней жаждой деятельности, не всегда направленной в надлежащее русло. С одной стороны, она якшается с либералами, своими старыми знакомыми, с другой — особенно охотно выискивает анархистов среди здешних рабочих. Я лично ничего не имею против того, чтобы она вращалась в тех кругах, где ей нравится, и сама по себе она очень мила, бойка и занимательна. Однако мы должны принять во внимание хотя бы один тот факт, что как раз теперь, когда в Лиге предстоит развязка с анархистами (в троицын день, на делегатской конференции), она предпочитает их общество, так что некоторые называют ее анархистской графиней. Но это — строго между нами. Вообще же я считаю ее вполне безвредной личностью.

Эвелинг и Тусси ведут блестящую агитацию в Ист-Энде в радикальных клубах, которые взбудоражены американским примером и уже серьезно подумывают о том, чтобы основать самостоятельную рабочую партию. Эти люди *сами* пришли к Эвелингу, а это наилучший признак. Если нам удастся пустить здесь корни, то Социал-демократическая федерация и Социалистическая лига обе будут оттеснены на задний план и этим будет положено начало завоеванию Лондона. Дело идет здесь сразу о дюжине парламентских мест. Эти клубы были до сих пор твердыней здешних либералов. Гайндман тоже понял угрожающую ему опасность и поэтому повторяет теперь в «Justice» клеветнические выпады нью-йоркского Исполнительного комитета против Эвелинга. Именно это мы и используем для того, чтобы развернуть нашу агитацию. Но ты видишь, до чего этот жалкий нью-йоркский Исполнительный комитет затрудняет нам здесь работу своей идиотской клеветой.

Привет от Муммы, она как раз здесь.

Твой Ф. Э.

415.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой
в Нью-Йорк.

Лондон, 7 мая 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Благодарю Вас за записку от 25 апреля, *но предисловия я не получил*; если оно прибудет со следующим пароходом в понедель-

ник, я тотчас же извещу Вас об этом. Так как у меня до сих пор нет ни одного экземпляра книги, то не будете ли Вы так добры позаботиться о том, чтобы мне прислали хоть *что-нибудь*, над чем я мог бы работать, — корректурные листы или что-нибудь другое, так как перевод из «*Volkszeitung*» не может пойти ни под каким видом. Я буду работать над переводом настолько быстро, насколько это позволит мой воспаленный глаз. Жаль только, что Вы не прислали мне рукопись или корректуру сразу же, как только Вам пришла в голову мысль об отдельном немецком издании.

Зорге пишет мне: «Вишневецкие очень сожалеют, что увертки и происки Исполнительного комитета заставили их написать тебе известное письмо, и они всеми силами старались добиться в нью-йоркской секции справедливости по отношению к Эвелингу». Если это было написано, как я предполагаю, с Вашего согласия, то я вполне удовлетворен, и у меня нет желания возвращаться к данному вопросу и полемизировать по этому поводу.

Я был очень обрадован, когда узнал, что книга окончательно изъята из рук этого презренного Исполнительного комитета и Социалистической рабочей партии вообще. Сорокалетний опыт показал мне, до чего бесполезны и абсолютно безрезультатны все эти выпускаемые мелкими кликами издания, которые благодаря самому способу их опубликования исключены из общего книжного рынка и поэтому остаются неизвестными читающей публике. Такая же история была и с партийными изданиями в Германии до 1878 г.; это было изжито только после закона против социалистов, который вынудил наших организовать свое собственное издательство в противовес как правительству, так и официальной лейпцигской книжной торговле. Я не вижу, почему в Америке, где движение начинается с такой огромной, внушительной силой, нужно снова без всякой необходимости повторять те же самые ошибки, которые повлекут за собой те же вредные последствия. Вся социалистическая, а в Англии чартистская литература исчезла благодаря этому в такой мере, что даже Британский музей ни за какую цену не может раздобыть теперь этих книг.

Остаюсь, дорогая г-жа Вишневецкая, искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

416.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 7 мая 1887 г.

Дорогой Зорге!

Я написал тебе 4-го и получил твое письмо от 26 апреля. Большое спасибо за сообщения, которые ты писал, наверно, при сильном физическом недомогании. Место относительно Вишневецкой и ее сожаления по поводу письма с клеветническими обвинениями я могу понять только в том смысле, что написано оно с ее согласия, чтобы избавить ее от необходимости каяться в грехах. Я написал ей сегодня и заявил по этому поводу: если это было написано, как я предполагаю, с Вашего согласия, то я вполне удовлетворен и у меня нет никаких оснований возвращаться к данному вопросу и полемизировать по этому поводу. Ты видишь, я иду ей навстречу, насколько возможно. Но до чего она бестолкова, да к тому же и неудачница редкая! Она пишет, что хочет издать мое предисловие на немецком языке. Против этого я, конечно, не возражаю, но она, зная, что у меня не осталось копии, все же не посылает мне одновременно рукописи, чтобы я мог ее перевести. Кроме того, я не получил ни самой книги, ни хотя бы корректуры предисловия; вместо этого предисловие передается в распоряжение «*Volkszeitung*», в которой помещается крайне слабый перевод, содержащий, к тому же, такие ошибки, из которых я почти наверняка заключаю, что она и мою английскую рукопись переписала неправильно. Ладно, теперь она пишет, что отослала мне, наконец, рукопись (о переводе в «*Volkszeitung*» — ни слова), но рукописи я так и не получил!

То, что Ионасу пришлось уступить, чрезвычайно меня радует. При его конкуренции с Исполнительным комитетом ему во всяком случае не следовало оказывать в этом деле услуги Комитету; все время он, — именно *потому*, что понял, что свалил дурака, — вел себя подло до последней степени.

А друг Либкнехт теперь тоже вдруг не желает «порывать с Исполнительным комитетом». Исполнительный комитет пытается использовать посланные им 8 000 долларов в качестве подкупа; разве могут немцы выступать против таких людей? Но я поставил перед милейшим Либкнехтом, который теперь вдруг не захотел портить отношений ни с тем, ни с другим, вопрос ребром, и ему придется уж выходить из положения. Если бы он не водил нас за нос, то наш ответ на циркуляр II был бы уже готов. Но ответ этот не

так уж к спеху, и нужно, чтобы он нанес им решительный удар. Мы победили благодаря твоей поддержке и деятельности, без чего не могли бы добиться таких результатов. Хорошо все-таки, что мы, старики, можем еще полагаться друг на друга.

Твой Ф. Энгельс.

417.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон,] пятница [27 мая 1887 г.]

Завтра закончу перевод предисловия к английскому изданию «Положения [рабочего класса]». Если хочешь его получить и успеешь до вторника вечером переписать, то я охотно тебе его дам. Большую часть можешь, если нужно, получить завтра, т. е. в субботу, утром. Я предупрежу Ним — на случай, если ты приедешь слишком рано.

Твой Ф. Э.

418.

Энгельс — Э. Бернштейну

в Цюрих.

[Лондон,] 28 мая 1887 г.

Ради всего святого прошу тебя *не* печатать в «Sozialdemokrat» никудышный *ионасовский* перевод моего предисловия. Только что я перевел его сам, получив, наконец, с большим трудом рукопись английского оригинала из Америки. Впрочем, я уже предложил свой перевод Барону. Барон только что был здесь. Он уступит тебе мой перевод предисловия и позаботится, чтобы его как можно скорее переписали, потому что моя рукопись должна быть немедленно отправлена в Америку, чтобы вытеснить ионасиаду. Здесь был Зингер и рассказывал о последнем подвиге К.-А. Шрамма по отношению к тебе, — этого только не доставало! Завтра — делегатская конференция Социалистической лиги, на которой решится ее судьба. Английского издания «Положения [рабочего класса]» я не получил еще ни одного экземпляра, а Карлу Каутскому они прислали восемнадцать, так что завтра я получу, наконец, хоть один. Хороши порядки! Мой глаз медленно поправляется.

Твой Ф. Э.

419.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 28 мая 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Я нашел на этой неделе в «Justice» и в «Sozialdemokrat» заметку об английском издании «Положения [рабочего класса]», но сам не получил до сих пор ни одного экземпляра книги и даже не видел ее. Повидимому, здесь что-то неладно, и Вам надо бы обратить на это внимание. Сейчас как раз пришел Карл Каутский и сообщил мне, что он получил ящик с 18 экземплярами книги, из которых он любезно предоставляет несколько экземпляров в мое распоряжение, так что я, наконец, смогу взглянуть на нее.

Мне сообщили, что лондонский агент г-на Л[овелля] — это фирма, специально представляющая бисмаркианство на лондонском книжном рынке. Тут, разумеется, ничего не поделаешь, но это — неприятное для нас обстоятельство. К этому пароходу я не успел с переводом предисловия, но со следующей почтой пришлю его непременно.

Преданный Вам

Ф. Э.

420.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 31 мая 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Только что послал Вам *заказным* перевод предисловия. Оно будет опубликовано также и в «Sozialdemokrat».

Сегодня получил по почте 12 экземпляров книги. Я был этому очень рад и приношу Вам за них живейшую благодарность. Книга выглядит лучше, чем можно было ожидать, но у меня еще не было времени просмотреть содержание. Спешу.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

421.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 4 июня 1887 г.

Дорогой Зорге!

Ни одно движение не влечет за собой такого количества бесплодной работы, как движение, находящееся еще на уровне сектантства. Ты знаешь это не хуже меня. Тогда все сосредоточивается еще на сплетнях. То же самое и с этим письмом по поводу английских историй.

Итак, в прошлое воскресенье состоялась конференция Социалистической лиги. Победу одержали допущенные туда анархистские элементы, поддерживаемые Моррисом, смертельно ненавидящим всякий парламентаризм и вообще большим путаником, который в качестве поэта стоит выше всякой науки. Резолюция — сама по себе довольно невинная, так как *в настоящий момент* о парламентской деятельности здесь вообще не может быть и речи — принята семнадцатью голосами против одиннадцати (смотри «Commonweal» от 4 июня). Из них *один* голос подан от образованной специально для этого случая поддельной секции (трое мужчин со своими женами и г-жа Шак!) и *три* — лондонскими делегатами с мандатами из провинции, в которых заключался, однако, наказ голосовать *против* такого рода резолюций, требующих воздержания от участия в парламенте. Стало быть, три *краденых* голоса и один недействительный.

На самом деле решающим здесь было то, что Моррис заявил о своем намерении уйти, в случае если в принципе будет признана хоть какая-либо парламентская деятельность. А так как Моррис еженедельно покрывает дефицит «Commonweal» в 4 ф. ст., то для многих это оказалось достаточно веским.

Наши собираются теперь организовать провинцию, за что они уже принялись как следует, и месяца через 3 — 4 хотят созвать чрезвычайную конференцию, которая должна будет все это опрокинуть. Но им это едва ли удастся: в фабрикации секций для предоставления права голоса анархисты далеко превосходят наших и из 7 человек устраивают 8 секций, имеющих право голоса. Но в этой комедии есть все же и некоторые хорошие стороны, а избежать этого при настроении *рабочих* в Лиге невозможно. Бакс, конечно, с нами, из рабочих — Дональд, Биннинг, Магон и др. — лучшие. Никто из наших не принял избрания в Исполнительный комитет. Впрочем, возможно, что анархисты просто-напросто выкинут наших, и это было бы лучше всего.

Главное то, что, когда в ближайшее время развернется

действительное рабочее движение, наши люди не будут прикованы к организации, которая претендует на руководство всем движением, — наподобие Исполнительного комитета в Нью-Йорке и Социал-демократической федерации здесь. Рабочие в провинции организуют повсюду независимые от Лондона местные союзы (социалистические). Они глубоко презирают все, что исходит из Лондона.

А теперь — новая сплетня. Едва мы кое-как сладили с нью-йоркским Исполнительным комитетом, кумушка Шак пишет мне, что не может меня посетить, так как не желает встречаться с Эвелингом, против которого имеются веские факты, гораздо более серьезные, чем американское обвинение, и т. д. На мое предложение высказаться конкретнее и представить доказательства, она отвечает таинственными инсинуациями, достойными самой низкопробной сплетницы, не подтверждает их никакими фактами и доказательствами и предлагает мне самому навести в Лондоне справки о прошлом Эвелинга, причем обещает мне свое содействие! Я ей, конечно, ответил, что я вовсе не обязан и не имею ни малейшей охоты искать доказательств ее утверждениям. Это ее обязанность, а так как она от этого отказывается, то мне остается поблагодарить ее за решение больше не посещать меня.

Я надоедаю тебе этим только потому, что Шак обязательно напишет своей закадычной подруге Вишневецкой подробное и пространное письмо по этому поводу и, возможно, тебя захотят просветить на этот счет. Вся эта сплетня исходит из благочестивых кругов, которые злы на то, что Эвелинг, как сын очень известного попа (конгрегационалиста), который, между прочим, до самой своей недавней смерти был с ним в самых лучших отношениях, пустился в мало респектабельную брэдлеанскую атеистическую агитацию, а Брэдло теперь с удовольствием распространяет эту сплетню оттого, что Эвелинг перешел к социализму. Речь идет о двух вещах: во-первых, о том, что его первая жена разошлась с ним и бранит его (она сбегала от него с каким-то попом), во-вторых, о том, что он в долгу, как в шелку. Эти долги он наделал потому, что 1) был настолько глуп, что из простой любезности переписал на себя крупные векселя, выданные Брэдло на имя своего издателя, не зная, что Брэдло отказался их оплатить, принудив его таким образом к банкротству; 2) он устроил вместе с Брэдло физиологическую лабораторию и школу на Newmanstreet, а хитрый Брэдло — он бывший служащий стряпчего — устроил так, что юридически ответственным лицом являлся один только Эвелинг. Когда дела пошли скверно и Эвелинг порвал с Брэдло, то Брэдло ничего не стоило навязать Эвелингу

весь пассив, в то время как сам он беззастенчиво присвоил себе весь актив. Теперь Эвелингу приходится просто надрываться, чтобы выплачивать эти долги. Его в денежных делах можно провести, как трехлетнего ребенка, и стоит лишь апеллировать к его чести, как он делает больше, чем от него требуют. И как всегда, тех людей, которые в денежных делах до смешного щепетильны, ославляют мошенниками. Все это Шак могла бы узнать от меня, если бы просто меня спросила. Но ей нужно было не то. Дело тут совсем другого рода. Шак, вообще говоря, очень обходительный и живой человек, одержима страстью во что бы то ни стало играть видную роль. После того как полицейские придирки в связи с ее выступлениями против полиции нравов заставили ее вступить в нашу партию, она занялась в Германии агитацией среди женщин, которая в других условиях имела бы смысл, но при законе против социалистов привела лишь к тому, что, как рассказывал мне Зингер, она навязала партии три процесса по поводу тайных союзов, причем женщины, перессорившись между собой, распространяли сплетни о деятельности своих мужей в партийных организациях и чуть ли не доносили на них. К счастью, полиция запретила ей заниматься также и этим делом. Теперь она, приехав сюда, общается постоянно с благочестивыми буржуазными дамами из Anti-Contagious-Diseases Acts Agitation (Общества для борьбы против попытки введения дозволенных государством и находящихся под его надзором домов терпимости и против свободной торговли живым товаром — дело, само по себе вовсе не плохое); от этих женщин она заимствует все сплетни об Эвелинге и пр.; с другой стороны, она связалась с *анархистскими* элементами Лиги, которые с восторгом выслушивают эти сплетни и к тому же сообщают ей новые, и она все больше и больше увлекается анархизмом. Теперь, когда в Лиге наступил кризис, она поняла, что ее очень регулярным посещениям моего дома должен наступить конец и стала искать удобного или неудобного предлога, чтобы порвать *самой*, прежде чем порвут с ней. Для этого ей пригодился Эвелинг — и отсюда вся сплетня, которая лишь заставила меня снова писать о всякой дряни, что не очень-то полезно для моих глаз.

Ну, на сегодня хватит, будь здоров. Этой же почтой отправляю посылку с одним номером «To-Day», двумя номерами «Commonweal», одним номером «Gleichheit», пятью экземплярами эвелинговского циркуляра по-английски и пятью по-немецки. Вишневецкой я уже послал заказным предисловие на немецком языке (с парходом, ушедшим в среду).

Твой Ф. Энгельс.

422.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон,] 15 июня 1887 г.

Дорогой Каутский!

Какого числа ты писал Либкнехту относительно Шак? Только что получил от г-жи Либкнехт письмо, которое производит такое впечатление, будто она, по крайней мере, ничего не знает обо всей этой истории. Мне хотелось бы выяснить это таинственное обстоятельство.

Твой Ф. Э.

423.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 18 июня 1887 г.

Дорогой Зорге!

Это письмо я пошлю уже в Рочестер, впрочем, пожалуй, лучше в Хобокен, чтобы точнее последовать твоей инструкции. Открытку я получил. Ты прав. Вся задержка произошла из-за Вильгельма¹, которого мне пришлось сперва прижать к стенке. Циркулярные письма (6 английских и 6 немецких) ты, вероятно, тем временем уже получил в посылке от 4 июня.

Вот чем кончилась история с Шак: после того как я сердечно поблагодарил ее за намерение меня больше не посещать, в пятницу, 10 июня, отправились к ней Тусси и Эвелинг. Она приняла только Тусси, которая потребовала объяснения, какие может она привести против Эвелинга обвинения и на чем они основаны. В ответе снова было отказано. Тусси заявила ей — при этом присутствовала г-жа Каутская, — что это подлость. Шак: Я никому не позволю так со мной разговаривать. Тусси: В таком случае вы выслушаете от меня еще раз и в присутствии Луизы Каутской, что это подлость — возводить обвинение на человека и не иметь достаточно мужества, чтобы отвечать за свои слова. В ответ на это Шак вылетела из своей собственной спальни, где все это происходило, и Тусси ее больше не видала. Через несколько дней она уехала в Германию. Это

¹ Либкнехта.

самая пошлая сплетница, какую я когда-либо видел, достойная представительница прусского юнкерского дворянства.

Посылаю тебе пока «Commonweal» ради полемики между Баксом и Брэдло. Вряд ли Бакс сумеет победить хитреца Брэдло во мнении широкой публики. Он очень талантлив, много занимается, но еще прочно увяз в немецкой философии, которую, вероятно, со временем преодолет, но пока далеко еще не переварил.

Чтобы быть вполне точным, я хочу исправить свое утверждение в прошлом письме о том, что первая жена Эвелинга ушла от него с каким-то попом; дело в том, что Эвелинг расстался с ней по обоюдному согласию, так что я этого попа, который тоже играет здесь некоторую роль, оставляю в покое.

«Socialiste» снова выходит. Девиль получил наследство от своего старика и предоставил в распоряжение газеты 12 000 франков. Я пишу Лафаргу, чтобы тебе посылали газету, но будет ли это сделано или нет — я узнаю, вероятно, лишь от тебя; их порядки мне знакомы.

Вчера вечером в нижней палате в две минуты протащили, параграф за параграфом, закон об исключительном положении в Ирландии. Достойное подражание закону против социалистов. Это чистейший полицейский произвол. То, что в Англии является неотъемлемым правом, то в Ирландии запрещено и считается преступлением. Это надгробный камень для теперешних ториев, которых я не считал настолько глупыми, и унионистов-либералов, которых я все-таки не считал настолько подлыми. При этом закон имеет действие не на определенный срок, а является постоянным. Английский парламент низведен до уровня германского рейхстага. Впрочем, долго это не продержится.

Теперь уже скоро пора будет опубликовать письмо Маркса к тебе о Г. Джордже. Быть может, *после* предстоящих ноябрьских выборов в Нью-Йорке, если Джордж там снова расшумится. Надо было бы предоставить ему возможность либо развиваться дальше, либо окончательно скомпрометировать себя, а он, кажется, предпочитает последнее.

Отправляю тебе еще одну посылку. Последнего номера «Commonweal» я еще не получил, вышлю в следующий раз.

Надеюсь, что покойная жизнь в Рочестере скоро поставит тебя на ноги. Лентяйничанье, к которому все еще принуждает меня мой глаз, сильно идет мне на пользу благодаря великолепной погоде. Будем надеяться, что так оно будет и впредь.

Твой Ф. Энгельс.

424.

Энгельс — Дж.-Л. Магону

в Лондон.

[Лондон, 22 июня 1887 г.]

Дорогой Магон!

Возвращаю при сем Вашу программу с несколькими замечаниями. Я считаю, что она очень хороша как инстинктивная декларация принципов рабочего класса; она нуждается только в некотором стилистическом уточнении и кое-каких добавлениях.

Сожалею, что не мог отправить ее раньше, но у меня болят глаза, и я не могу много читать и писать. Кроме того меня часто отвлекали. Завтра напишу подробнее.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

425.

Энгельс — Дж.-Л. Магону

в Лондон.

Лондон, 23 июня 1887 г.

Дорогой Магон!

Вчера я возвратил Вам программу с кое-какими замечаниями, которые, быть может, пригодятся Вам в будущем.

То, что Вы говорите относительно лидеров трэд-юнионов, совершенно верно. Нам приходилось бороться с ними с самого возникновения *Интернационала*. Из их рядов вышли Макдональды, Бериты, Кремеры и Гоуэллы, и их успех в области парламентской деятельности побуждает менее значительных лидеров подражать их примеру. Если Вам удастся добиться того, чтобы северные трэд-юнионисты смотрели на свои союзы, как на ценное средство организации масс, при помощи которого можно добиться кое-каких *незначительных* результатов, и перестали считать своей конечной целью «справедливую заработную плату за нормальный рабочий день», то песенка лидеров будет спета.

Ваш план организации я считаю несколько преждевременным. Сперва следовало бы по-настоящему поднять провинцию, а до этого пока еще далеко. Если же в провинции не удастся создать могучей силы, которая повлияла бы на Лондон, — лондонских склочников

нельзя будет заставить замолчать, пока не начнется действительное движение среди лондонских масс. В английском социалистическом движении, как его из вежливости называют, проявляется, по-моему, слишком большое нетерпение; новые организационные попытки — более чем бесполезны, до тех пор пока в действительности не будет того, что следует организовывать. А когда массы придут в движение, они быстро организуются сами.

Что касается Лиги, то, если она будет придерживаться резолюций последней конференции, я не понимаю, как может остаться ее членом человек, намеревающийся использовать существующую политическую машину как средство пропаганды и действия.

А пока необходимо, конечно, продолжать пропаганду, и я охотно готов помочь чем могу. Но средства для этой цели нужно собирать и распределять через какой-либо *английский* комитет, а поскольку они поступают из Лондона, — через *лондонский* комитет. Я переговорю об этом с Эвелингами и передам им свой взнос.

Таких книг, откуда Вы могли бы почерпнуть сведения о луддитском движении, я не знаю; выбрать достоверный материал из того, что изложено в исторических трудах и памфлетах того времени — задача не легкая.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

426.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Хобокен.

Лондон, 30 июня 1887 г.

Дорогой Зорге!

Письма и пр. по 16 июня включительно получил.

Я написал Вишневецким, чтобы они составили примечание следующим образом: «Отвергнуть глупую клевету, жертвой которой стал Эвелинг в результате своей агитационной поездки в Америку». Если они и этого не захотят, пусть обратятся к тебе, а ты, в крайнем случае, можешь уполномочить их *вычеркнуть примечание целиком*. Я ведь никак не могу цитировать Эвелинга, ни слова не сказав об *этой* ерунде.

По поводу «Time» Эвелинг написал прилагаемую открытку. Книжки отправлены, вероятно, в Рочестер.

История с объявлением о «Капитале» у Скрибнера похожа на

преднамеренную кражу. Спасибо за сообщение, я переправлю его Зонненшейну. Насколько мне известно, Скрибнер *не является* агентом Зонненшейна в Нью-Йорке.

То, что эта публика из Исполнительного комитета рассчитывала купить молчание Либкнехта деньгами на выборную кампанию, можно было заранее предвидеть, и не без основания. К счастью, благодаря своему первому хвастливому письму, Либкнехт целиком оказался в моих руках, и когда он хотел пойти на попятный, я очень решительно воспользовался этим письмом.

Гайндман здесь тоже все время разводил сплетни об Эвелинге, и ему сильно помогало то, что Эвелинг стеснялся об этом говорить. Если нам удастся хоть раз поймать его, мы ему это припомним; впрочем он сам все больше и больше запутывается. Он до того одержим завистью, что вообще не переносит конкурентов и ведет со всеми явную или скрытую войну. А Эвелинг, наконец, вошел во вкус борьбы, и Тусси позаботится о том, чтобы он у него не пропал.

Не забывай истории с Шак. Эта особа хочет опять приехать и во что бы то ни стало играть здесь роль. Так что лучше точно знать, что она собой представляет. История, происшедшая между ней и Вишневецкой, вызвала у Каутских и Эвелингов большое ликование. Это оказало, повидимому, некоторое влияние и на ее переход к анархистам — как доказательство, что у нас все ее карты биты. Либкнехт пишет, что она сообщила в Дрезден потрясающую новость о том, что у Эвелинга была жена, с которой он не развелся, и что он живет с Тусси, не будучи на ней женат! Здесь это такая глубокая тайна, что Эвелинги *письменно* извещают об этом каждого ищущего их знакомства англичанина, который внушает в этом отношении какое-нибудь сомнение, чтобы он не мог сказать, что не знал этого и что его ввели в заблуждение... Однажды она расчувствовалась перед старушкой Ленхен и сказала ей что-то вроде того, что Эвелинги, повидимому, очень любят друг друга, хорошо, если бы это всегда так продолжалось и т. п. «Ну, что же, — выпалила Ленхен, — если так продолжаться не будет, то они просто разойдутся — и больше ничего». После этого сплетница умолкла — такого практического подхода к делу она от Ленхен не ожидала.

Я писал Лафаргу о том, чтобы он посылал тебе «Socialiste» в Рочестер, но ответа не получил.

Надеюсь, что лето восстановит твое здоровье. Мне оно безусловно идет на пользу. Вот уже целый месяц стоит сильная жара, у меня все окна раскрыты настежь, и я живу, так сказать, на свежем воз-

духе. Это действует на меня почти как поездка на морской курорт; надеюсь, что и глаза мои снова придут в порядок.

Папаша Мак-Глин надоел мне нестерпимо; а Джордж показал себя настоящим организатором секты. Я, собственно, ничего другого и не ожидал, но в таком молодом движении этого трудно было избежать.

Такие люди должны до конца показать, на что они способны; массы учатся именно на результатах своих собственных ошибок.

Желаю выздоровления и хорошей погоды в Маунт Дезерт.

Твой Ф. Энгельс.

427.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

[Лондон,] 20 июля 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

С искренней благодарностью возвращаю Вам сегодняшней почтой оба комплекта журналов, которые Вы мне прислали. Они очень позабавили меня. Критическая мысль повсюду находится примерно на одном и том же уровне, от Стокгольма и Лондона до Нью-Йорка и Сан-Франциско, а с тех пор, как начался быстрый подъем захудалой буржуазии в России, боюсь, что и там журналы скоро опустятся до общего уровня.

Искренне преданный Вам

Ф. Энгельс.

428.

Энгельс — К. Каутскому

в Вентнор.

Лондон, 22 июля 1887 г.

Дорогой Каутский!

Завтра уезжаем. Наш адрес: 4, Cavendish Place, Истберн. Одновременно посылаю пачку газет. Привет от всех. Надеюсь, что у вас не так жарко. Здесь отчаянная жарница (*supra* «Hemdsärmel Wetter»).

Твой Ф. Э.

429.

Энгельс — Дж.-Л. Магону

в Лондон.

Истберн, 26 июля 1887 г.
4, Cavendish Place.

Дорогой г. Магон!

Вашу открытку с адресом мне переслали сюда, поэтому и произошла задержка.

Ваше письмо может иметь только тот смысл, что Вы, насколько это в Ваших силах, намереваетесь совершенно удалить Эвелинга из движения. Если Вы отказываетесь работать дальше вместе с Эвелингом по мотивам *общественного* характера, Вы обязаны высказать их, чтобы дать возможность Эвелингу оправдаться или чтобы освободить движение от опасного и вероломного участника. Если это не так, то Вы, мне кажется, в интересах движения обязаны отбросить свои личные чувства.

Из всех различных существующих в Англии социалистических групп я могу полностью сочувствовать пока только одной, именно той, которая сейчас составляет «оппозицию» в Лиге. Но если эта группа распадется из-за чисто личных капризов и ссор или взаимных подозрений и инсинуаций, которые тщательно скрываются от дневного света, она разложится на множество мелких клик, спаянных чисто личными мотивами и совершенно неспособных взять на себя какое бы то ни было руководство в действительно национальном движении. Я не вижу никаких оснований сочувствовать какой бы то ни было из этих клик больше, чем другой, или больше, чем Социал-демократической федерации или еще какой-либо организации.

Я не в праве спрашивать Вас, почему Вы отказываетесь работать вместе с Эвелингом. Но так как Вы работали с ним в течение многих лет, то *он* имеет право спросить об этом, и потому я считаю себя обязанным сообщить ему о Вашем письме.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

430.

Энгельс — К. Каутскому

в Вентнор.

Истберн, 1 августа 1887 г.

Дорогой Каутский!

Возвращаю Мандля¹, подпись на обороте. Очень рад, что Вентнор вам нравится. Здесь очень хорошо, если не считать сегодняшнего дня: сегодня праздник (Bank Holiday), и затем Баке перенес сюда на неделю свой главный штаб и каждое утро час-полтора исповедует меня с добросовестностью американского интервьюера. Шорлеммер пробыл здесь до субботы, а затем уехал в Германию. Ф. Бейст уезжает в четверг.

Насколько мне помнится, ни Мандль, ни Лафарг, говоря о железном законе заработной платы, не подчеркнули как следует не столько железный, сколько эластичный характер закона. А затем, хотя Лассаль и *формулирует* иногда этот закон довольно правильно, но на практике большей частью применяет его таким образом, что нормальной заработной платой он объявляет *минимум* заработной платы.

Писать здесь очень трудно, когда рядом сидят четверо, пьют пиво и болтают. А посему желаю вам здравствовать.

Сердечный привет от всех.

Твой Ф. Э.

431.

Энгельс — К. Каутскому

в Вентнор.

[Истберн,] 5 августа 1887 г.

Ко мне явился некий д-р Иосиф-Мария Бернрейтер, австрийский судья и член палаты депутатов, в настоящем — автор книги об английских обществах взаимопомощи, в будущем — тоже автор, и тоже книги, и тоже об английских трэд-юнионах. Не можешь ли ты сообщить мне что-нибудь об этом бродяге или лежебоке²?

Привет всем.

Твой Ф. Э.

Посылаю опять «Bürger-Zeitung». Когда собираешься вернуться домой?

¹ Статью Г. Мандля «Die indische Getreidekonkurrenz» («Конкуренция индийского хлеба») в «Neue Zeit» № 8 за 1887 г.

² Игра слов: Bärnreither (фамилия), Bärenreuter (медвежатник), Bärenhäuter (лежебока).

432.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Маунт-Дезерт.

Истбери, 8 августа 1887 г.

Дорогой Зорге!

Открытки, письма и посылки, отправленные до 27 июля, с благодарностью получил, за исключением нескольких газет, которые находятся еще в Лондоне и которых я жду со дня на день. Вот уже две недели, как мы здесь и проживем тут до 25-го с. м. Страшно жарко, с 1 июня не было почти ни капли дождя, совсем американское лето. Для лечения твоей ноги есть только одно средство: покой и терпение, и тогда, надо надеяться, все снова наладится. Но в нашем возрасте такие вещи всегда чертовски затягиваются.

Пускай себе г. Грунциг составляет мою биографию как хочет. Ты поступил совершенно правильно, предоставив его собственным ресурсам; кто его знает, какую чепуху он наделал бы из твоих заметок, а потом стал бы ссылаться на тебя. В австрийском «Arbeitskalender» [«Рабочем календаре»] появится моя биография, написанная Каутским, которую я просмотрел, исправил и дополнил; следовательно, в том, что касается фактов, она может пригодиться как-нибудь в будущем. Я тебе ее пошлю. Но вообще за ее содержание я, конечно, не отвечаю.

Корректуру третьего издания I тома «Капитала» я должен был делать почти всю во время болезни, большей частью лежа в постели, и там проскочили кое-какие ошибки. Расстановка знаков препинания изменена намеренно, приближена к французской и английской, что в Германии делается теперь очень часто. Вообще говоря, школьный немецкий язык времен нашей молодости преподают и употребляют в литературе только в Америке.

Эвелинг сказал мне, что сам послал тебе номер «Time». Но если он наклеил хоть на полпенни меньше марок, то английская почта задерживает бандероли, отправляемые за границу. Я по своем возвращении еще раз спрошу его об этом. Эвелинг и Тусси отдыхают в Стратфорде-на-Эвоне, на родине Шекспира.

История с Вишневецкими становится все более уморительной. Такому бесцеремонному обращению в Германии давно был бы положен конец. Эти люди вероятно, воображают, что они могут себе позволять все, что угодно, и партия пойдет за ними в огонь и воду в награду за то, что они требуют от американцев, чтобы те повинова-

лись немецкой компании, в которой, повидимому, все больше берет верх подлинное тупоумие. Если господа немцы ставят там это условием своего сотрудничества, то движение скоро перешагнет через них. Дело у вас, наконец, пошло, и я плохо знаю своих американцев, если они не повергнут всех нас в изумление как великолепием своего движения, так и грандиозностью совершаемых ими ошибок, ценою которых они, в конце концов, достигнут ясности. На практике — впереди всех, а по части теории — еще в пеленках, — так обстоит дело, и иначе быть не может. Но при этом перед нами страна, не имеющая традиций (не считая религиозных), начавшая с демократической республики, и народ — полный энергии, как никакой другой. Движение ни в коем случае не пойдет по классической прямой линии, а крутыми зигзагами, и местами будет казаться, что оно отступает назад, но там это будет иметь гораздо меньше значения, чем у нас. Г. Джордж был неизбежным злом, но это пройдет точно так же, как Паудерли и даже Мак-Глин, кратковременная популярность которого в такой благочестивой стране вполне понятна. Осенью там многое — не хочу сказать выяснится, но еще больше запутается и приблизит кризис. Ежегодные осенние выборы — настоящее счастье; они всякий раз побуждают массы к единению.

В Маунт-Дезерт должно быть очень хорошо, но и здесь у нас недурно: большие аллеи старых вязов и дубов у самого моря; меловая скала Бичи-хед нависла над городом, который имеет вполне континентальный вид, с улицами, обсаженными деревьями. Если бы я только снова мог ходить по 4 — 5 (английских) миль!

Приблизительно до 18 — 20 августа я буду писать *отсюда* в Маунт-Дезерт, а затем в Рочестер, если не получу других инструкций.

В «To-Day» за август, который я тебе посылаю, есть кое-что об эвелинговских циркулярах, и не без основания. Парень сам навлек на себя беду своей полнейшей неосведомленностью во всем, что касается света, людей и дел, и своей склонностью к поэтической мечтательности. Но я его встряхнул, а Тусси позаботится об остальном. Парень очень талантлив и может принести пользу; при этом он безукоризненно честен, но впечатлителен, как девчонка, и его вечно подмывает выкинуть какую-нибудь глупость. Я, впрочем, помню еще время, когда и я был таким же ослом.

В Париже наши прекрасно выступают против шовинистов и руссофилов, и без них «Justice» не посмела бы нападать на культ Каткова. Это важно именно теперь, так как Бисмарк ставит на карту

все, чтобы втравить французов в войну до того еще, как старик Вильгельм протянет ноги.

В общем я поправляюсь; надеюсь, и ты также.

Твой Ф. Энгельс.

433.

Энгельс — А. Бебелю

в Лейпциг.

Истберн, 13 августа 1887 г.

4, Cavendish Place.

Дорогой Бебель!

Завтра или послезавтра ты выйдешь из тюрьмы, и я надеюсь осуществить один план, с которым кошу с тех пор, как ты поселился на казенной квартире саксонских королей. План этот состоит в том, чтобы пригласить тебя совершить за мой счет небольшое путешествие в Лондон и отдохнуть там от тягостей мученичества. Но ты должен доставить мне удовольствие и принять мое предложение полностью, включая и то, что поездка состоится за мой счет, так как я не мог бы примириться с тем, чтобы ты был вынужден из-за этого принести какую бы то ни было, хотя бы самую незначительную жертву. Такой отдых кажется мне совершенно необходимым для твоего здоровья — тебе надо, наконец, подышать вольным воздухом. Здешний воздух — вольный настолько, насколько он вообще может быть вольным в капиталистическом обществе. Попросту перейти из тесной цвикауской тюрьмы в большую германскую тюрьму было бы уж чересчур тяжело. А твое здоровье — сейчас важнейшее из всех известных мне партийных дел, и поэтому прошу тебя разрешить мне сделать свой партийный взнос в той форме, какая представляется мне наиболее подходящей.

Я пробуду здесь еще две недели, т. е. 27-го буду снова в Лондоне. Я думаю, что тебе понадобится, примерно, столько же времени, чтобы привести в порядок разные дела, а я сам не могу вернуться в Лондон раньше, так как у меня в доме идет полный ремонт и все перевернуто вверх дном. Но если ты можешь приехать раньше и провести еще несколько дней здесь у нас на взморье, то тем лучше, приезжай как можно скорей. Выезжай ночным пароходом из Флиссингена, прибывающим в Лондон на станцию Виктория; с этого же вокзала отходят поезда на Истберн и прибывают сюда через 2 — 2½ часа. Каутский, который в понедельник возвращается из Вентнора в Лондон (адрес: 35, Lady Somerset Road, Highgate, N. W. Лондон), с удовольствием покажет тебе Лондон. Либкнехт тоже

побывал у нас в прошлом году и пришел в восторг от здешних мест.

Итак, с нетерпением жду твоего ответа; если ты согласен, но не выезжаешь *немедленно*, я вышлю тебе перевод в качестве аванса, чтобы тем самым связать тебя покрепче.

Обо всем остальном мы лучше побеседуем при встрече; произошло много такого, о чем никто мне не сможет рассказать лучше тебя. В общем, я доволен тем направлением, какое приняли события со времени твоего заключения. Дело всюду подвигается вперед.

Пора кончать. Почта отправляется здесь в 1 ч. 15 м. пополудни, и если я ее прозеваю, то письмо уйдет из Лондона только в понедельник утром. Для верности адресую письмо твоей жене; прошу передать мой сердечный привет ей и твоей дочери.

Твой старый

Ф. Э.

На случай, если тебе придется разыскивать в Лондоне Каутского, даю тебе его более подробный адрес: 35, Lady Somerset Road, Highgate, возле вокзала Kentish Town, Kentish Town Road. В почтовом адресе этого не нужно.

434.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Истберн, 17 августа 1887 г.

4. Cavendish Place.

Дорогой Каутский!

С благодарностью прочел прилагаемое при сем; извини, что возвращаю с запозданием. Я с интересом прочту «Мора» в корректурных листах, хотя и не вижу, чем я могу быть тебе при этом полезен.

Мы возвращаемся через неделю, в субботу 27 августа. К тому времени моя квартира будет, вероятно, уже в порядке.

Если тебе случится проходить мимо Regent's Park Road, ты очень обяжешь меня, если занесешь туда примерно 3 — 4 больших (длинных) почтовых конверта с надписанным на них *здешним* моим адресом; я оставил там несколько штук, но они, повидимому, все использованы. Я имею в виду такие конверты, в которых мне могли бы пересылать сразу по 3 — 4 письма.

Мы здесь не унываем; ждем сегодня вечером С. Мура. Ночью была у нас, наконец, гроза, а теперь снова хорошая погода.

Привет от всех наших. Эвелинги в Стратфорде-на-Эвоне упоминаются Шекспиром в натуре.

Твой Ф. Э.

435.

Энгельс — А. Бебелью

в Лейпциг.

Истберн, 30 августа 1887 г.

Дорогой Бебель!

Меня бесконечно радует, что ты с такой готовностью принял мое предложение; жду тебя в Лондоне в первых числах октября и жалею только, что ты не можешь приехать тотчас же и провести здесь недельку на свежем морском воздухе. У меня в квартире все еще вверх дном, так что мне пришлось еще на неделю отсрочить отъезд, но в пятницу 2 сентября мы возвращаемся домой.

Все остальное я откладываю до устной беседы; только несколько слов в связи с твоей поездкой в Гамбург. Я переписывался с Ведде по поводу одного задуманного там плана, но не мог, к сожалению, согласиться с тем, что он хотел, потому что, насколько, по крайней мере, я мог заключить из сообщений Ведде, план этот был выработан в полном неведении действующего здесь права и, в особенности, существующей процедуры по гражданским делам. Я просил бы тебя поэтому, когда ты будешь в Гамбурге, заставить Ведде еще раз растолковать тебе подробно весь план, чтобы мы могли его здесь вместе основательно обсудить, и, если дело это выполнимое, я охотно сделаю все, что могу, как в интересах дела, так и ради Ведде. В худшем случае, если нельзя будет ничего поделать, я надеюсь убедить тебя в том, что это действительно невозможно, и это тоже было бы для меня важно.

Итак, недели через 3 — 4 жду известий о твоём приезде, а пока — кланяйся от меня жене и дочери и прими сердечный привет от твоего

Ф. Э.

436.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

[Лондон,] суббота [3 сентября 1887 г.]

Вернулись вчера вечером. Завтра еще, к сожалению, не сможем угостить вас обедом, но будем рады видеть вас у себя часов в пять.

Твой Ф. Э.

437.

Энгельс — П. Л. Лаврову

в Париж.

Лондон, 3 сентября 1887 г.

От Даниельсона в СПб я получил известие о смерти Г. Лопатина ¹. Получили ли Вы подтверждение этому? Хочу думать, что это ошибка. Если, к несчастью, известие правильно, сообщите мне, пожалуйста, я тотчас же пошлю некрологию ² в цюрихский «Sozial-Demokrat».

Ваш Ф. Э.

438.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 15 сентября 1887 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Получил Ваше письмо от 28 августа.

Очень рад, что брошюра так хорошо расходуется. Полученные мною экземпляры я передам Эвелингу, который только что вернулся в город, для распределения частью между социалистическими журналами, а частью на собраниях в Ист-Энде, во время его лекций по американскому движению. Я постараюсь также найти через него какого-нибудь агента для распространения брошюры и сообщу Вам результаты.

То, что я писал Вам о Трюбнере, оказалось еще более верным, чем я ожидал. Вчера д-р Бернрейтер, член австрийской палаты депутатов, рассказал мне, что он попросил Трюбнера (с которым он находится в постоянных деловых отношениях) достать ему экземпляр нашей книги. Трюбнер ответил, что *ее у него нет*, и посоветовал д-ру Бернрейтеру *заказать книгу через одно американское агентство, адрес которого он ему дал* и через которое Бернрейтер действительно заказал ее. Таким образом, Трюбнер не только бойкотирует книгу, но и фактически срывает ее распространение.

¹ Вся фраза написана Энгельсом по-русски.

² Это слово написано по-русски.

Что касается экземпляров, посланных Каутскому, то он едва ли мог действовать иначе, чем действовал. Ни Ловелль, ни Вы ни разу не написали ему ни слова по этому поводу. Я и сам не знал, была ли книга послана в здешнюю прессу и в какие именно газеты. Мы были в полном неведении, и если книга не попала в руки английской прессы и не была отмечена ею, то виною этому исключительно ошибка тех, кто находится по ту сторону океана. Если бы мне сообщили о том, что предпринято в этом отношении, или сказали, что это предоставляется мне, я сделал бы что следует. Книга, безусловно, найдет здесь сбыт, но не в руках Трюбнера; и если бы я был уполномочен найти здесь какого-нибудь агента, я, без сомнения, сумел бы это сделать (Вам, конечно, пришлось бы тогда прислать сюда некоторое количество экземпляров про запас).

Отречение Джорджа от социалистов является, по-моему, незаслуженной удачей, в значительной мере искупающей ту неизбежную оплошность, когда Джордж был поставлен во главе движения, которого он даже не понимал. Джордж как знаменосец всего рабочего движения был опасен; Джордж как вождь джорджистов вскоре отойдет в прошлое, станет лидером секты, подобной тысячам других американских сект.

Вашей брошюры о филантропии я еще не видел.

Ваш перевод речи Маркса о свободе торговли я с удовольствием просмотрю и сравню с французским оригиналом, единственный, может быть, сохранившийся экземпляр которого есть у меня. Насчет предисловия подумаем позже. 7-е замечание из «Нищеты философии» сюда отлично подошло бы. Что касается главы о ренте, то это кажется мне более сомнительным, потому что там очень много отведено места идеям Прудона, и я сомневаюсь, стоит ли уделять внимание кропательству г. Теккера.

Ответ Исполнительного комитета на мое подстрочное примечание настолько жалок по своему содержанию и лишен всякого смысла, что возражать на него — совершенно излишний труд. Мой ответ не успеет к конгрессу; то, что я в этом деле открыто высказался против Исполнительного комитета, остается фактом. Новый спор между людьми, разделенными Атлантическим океаном, ни к чему не приведет. О том, что «Sozialist» и «Volkszeitung» бойкотируют меня, я очень сожалею, так как это отразится на распространении книги и брошюры, в других же отношениях мне это абсолютно безразлично; мне очень часто приходилось побеждать подобные нападки просто тем, что я спокойно выжидал, не обращая на них внимания.

О Вашем исключении я своевременно прочел в «*Volkszeitung*»; этого следовало ожидать. Надеюсь, что Ваша брошюра поспеет еще к конгрессу; было бы очень хорошо, если бы она вышла месяц тому назад, чтобы секции получили ее до того, как они пошлют делегатов. Интересно, как поступит конгресс, хотя многого я от него не жду.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

К счастью, американское движение приобрело теперь такой размах, что ни Джордж, ни Паудерли, ни немецкие интриганы не могут уже ни погубить, ни задержать его. Только выльется оно в неожиданные формы. Действительное движение никогда не похоже на то, каким его ожидают увидеть люди, послужившие орудием его приготовления.

439.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Рочестер.

Лондон, 16 сентября 1887 г.

Дорогой Зорге!

Письмо от 1 сентября получил. Надеюсь, что твоя нога постепенно поправляется. Главное — покой и терпенье.

Меня невероятно беспокоят этим летом гости со всех концов света, и это будет продолжаться до середины октября, так как через две недели я еще ожидаю Бебеля. Письмо Маркса о Джордже я смогу разыскать лишь тогда, когда снова возьмусь за приведение в порядок бумаг, т. е. когда у меня будут новые заказанные мною книжные шкафы и я сумею свободнее расположиться. Тогда ты тотчас же получишь перевод. Это не к спеху — Джордж должен увязнуть еще глубже. Его отречение от социалистов — для нас величайшее счастье. Провозглашение его в ноябре прошлого года знаменосцем было неизбежной ошибкой, результаты которой должны были сказаться. Массы можно привести в движение только тем путем, который соответствует данной стране и данным определенным условиям, и путь этот большей частью бывает окольным. Все остальное неважно, если только последует настоящая встряска. Но неизбежные при этом промахи никогда не проходят безнаказанно. И в настоящем случае можно было опасаться, что провозглашение знаменосцем организатора секты на долгие годы обременит движение глупостями

сектантства. Тем, что Джордж выкидывает основоположников движения, организует свою особую правоверно-джорджевскую секту, провозглашает свою ограниченность краеугольным камнем ¹ джорджистского движения, он спасает движение и губит себя самого.

Движение само по себе переживает, конечно, еще не мало неприятных фаз, неприятных в особенности для тех, кто живет в стране и должен их претерпеть. Но я непоколебимо уверен в том, что теперь там, за морем, дело пойдет впереди, быть может, быстрее, чем у нас, несмотря на то, что американцы будут пока еще учиться только на практике и не часто обращаться к теории.

Ответ нью-йоркского Исполнительного комитета на мое примечание просто жалок. На их конгресс я тоже не возлагаю особых надежд. Публика из восточной части страны — секции — повидимому, не многого стоит, но все же перемещение центра тяжести социал-демократической партии на запад мало вероятно.

Здесь конгресс тред-юнионов снова представил новые доказательства того, что революция внутри старых тред-юнионов приближается. *Вопреки* вождям, главным образом вопреки Бродгерсту и другим рабочим — членам парламента, они вынесли решение основать *особую рабочую партию*. Один катедер-социалист, депутат австрийского государственного совета², был поражен переменой, происшедшей по сравнению с 1883 г., когда он в последний раз был здесь.

Из Франции ни слуху ни духу с тех пор, как Лафарг уехал на несколько недель в Джерси.

О Германии напишу тебе после того, как поговорю здесь с Бебелем.

Вообще в политическом мире все готовятся к смерти старика Вильгельма. Тогда русские начнут на Востоке хорохориться, а Бисмарк будет их к этому поощрять, для того чтобы сохранить свое положение. Но не думаю, чтобы дело дошло до войны. Неопределенность результатов настолько велика, обоюдное намерение правительств предать друг друга настолько явно, уверенность, что война должна быть более яростной, кровавой, дорогостоящей и изнуряющей, чем какая бы то ни было из прежних войн (10 — 12 миллионов солдат столкнутся на поле сражения), настолько безусловна, что все угрожают, но ни у кого нехватает духа начать. Но при таком заигрывании война может разразиться и *помимо* желания правительств, в этом и заключается опасность.

¹ Игра слов: «seine Borniertheit als borne...»

² Бернрейтер.

Работа Каутского о теории Маркса распродана уже в 5 000 экземпляров.

Ну, будь здоров, — почта отправляется, и пора обедать.

Твой Ф. Э.

440.

Энгельс — Г. Коху

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 22 сентября 1887 г.]

Уважаемый г. Кох!

За последние месяцы я потерял столько времени, отвечая на анонимные сплетни, что внял себе за правило отвечать впредь только на такие слухи, за которые тот, кто их распускает, берет на себя ответственность. Поэтому, прежде чем ответить на Ваш вопрос, я вынужден просить Вас сообщить мне:

- 1) кому именно сделаны мною соответствующие заявления¹ и
- 2) кто Вам об этом передал.

Преданный Вам

Ф. Э.

441.

Энгельс — И. Вейсу

в Лондон.

[Черновик.]

[Лондон, около 10 октября 1887 г.]

Милостивый государь!

По зрелом обсуждении я, к сожалению, пришел к выводу, что не в состоянии одолжить Вам желательную сумму, которая дала бы Вам возможность закончить образование. Как Вы можете себе представить и без моих особых заверений, ко мне в течение многих лет все чаще обращаются за помощью с разных сторон — не только из Германии и Англии — и большей частью в таких случаях, когда я из личных или партийных соображений никак не могу отказать. В результате у меня накопилось такое количество постоянных периодических обязательств, что выполнение их — и в особенности именно теперь — ставит меня в затруднительное положение. И если бы я захотел еще ассигновать на 2 — 3 года сумму, просимую Вами, я безусловно оказался бы не в состоянии

¹ Относительно «Londoner Arbeiter Zeitung».

выполнить уже принятые на себя обязательства. При таких условиях я вынужден рассматривать Ваше предложение с чисто деловой точки зрения, и тут у меня не остается, к сожалению, иного выхода, как только повторить Вам, что, к величайшему моему прискорбию, удовлетворение Вашего желания мне не под силу.

В надежде, что Вам удастся достать нужную сумму иным путем, остаюсь с уважением

преданный Вам

[Ф. Э.]

442.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Рочестер.

[Лондон,] 29 октября 1887 г.

Посылаю тебе сегодняшней почтой австрийский Календарь (Österreichischer Arbeiterkalender) с биографией, а также «Commonweal». Бебель и Бернштейн здесь, между прочим также и в связи с подготовкой международного конгресса, который состоится в будущем году. Бебель очень доволен съездом в Сент-Галлене, так же как и положением вещей в Германии.

Стихийная агитация безработных доказывает, как мало здесь у *обеих* фракций контакта с массами. «Commonweal», как видишь, совершенно беспомощна.

443.

Энгельс — П. Лафаргу

в Париж¹.

[Отрывок]

[Лондон, 22 ноября 1887 г.]

Вы, вероятно, прочли в Л. речь В. в избирательном округе К. Он жалуется, и вполне справедливо, на то, что партия *обуржуазивается*.

Это несчастье всех крайних партий, если приближается тот час, когда они становятся «всозможными». Но наша партия не может переступить в этом отношении известного предела, не изменив себе, и мне думается, что во Франции, как и в Германии, мы уже дошли до этой черты. К счастью, пока еще не поздно остановиться.

¹ Опубликовано в «Socialiste», № 115, от 24 ноября 1900 г.

444.

Энгельс — К. Шмидту

в Берлин.

Лондон, 26 ноября 1887 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Многоуважаемый г. доктор!

Очень рад был вновь получить известие о Вас и узнать, что Вы благополучно вернулись из лондонских туманов и пьянящего воздуха Парижа в атмосферу «чистого разума». О странных приключениях, связанных с прибытием Вашего ящика с книгами, я узнал из газет, и мне казалось, что я снова перенесся в те забытые времена, когда я сам был в Берлине, сотрудничая время от времени в «*Nachrichtungsche Zeitung*», и когда воспрещено было все, кроме «ограниченного верноподданнического благомыслия». Но, вероятно, и не то еще будет.

По поводу письма Гейне не могу сообщить Вам ничего определенного. До 1848 г. Лассаль совершенно не представлял собой политической фигуры; он стал известен только по процессу Гатцфельд. А в этом процессе обе стороны не гнушались никакими средствами, лишь бы они сулили успех, привлекали на свою сторону всех, кто мог пригодиться, и пользовались для этого любым моментом и любым способом. С другой стороны, ввиду того, что союзный сейм наложил запрет даже на его будущие сочинения, Гейне вынужден был применять все средства рекламы, чтобы обеспечить сбыт своих произведений, которые, впрочем, нашли бы себе распространение и сами по себе. В этих условиях Лассаль мог быть ему очень полезен; с другой стороны, Лассаль импонировал Гейне своей энергией, решительностью и практичностью — свойствами, которых у большинства тогдашних молодых немцев, как и сейчас, надо было искать днем с огнем.

Очень возможно поэтому, что Лассаль пытался использовать Гейне в интересах графини, и письмо, о котором идет речь, наверное относится к какому-нибудь эпизоду, связанному с процессом, вероятнее всего к эпизоду со шкатулкой. Была ли Мейендорф в начале 1846 г. в Париже, я точно не знаю; мне, однако, кажется, насколько я помню ход процесса, что была. Сведения об этом можно будет получить либо из отчетов о процессе со шкатулкой 1846 г., либо из отчетов о лассалевском процессе 1848 г. («*Kölnische Zeitung*» — лучший источник). Если она была в Париже, то речь шла, наверное, о покушении на шкатулку. Я с Гейне никогда не говорил о Лассале. Ни Маркс, ни я в то время еще не были с ним знакомы.

Из тамошних был здесь у меня Вейс, он отправился в Берн заканчивать свое образование.

Две недели тому назад у нас тоже произошла стычка, причем г-жа Эвелинг вступила в рукопашную с полицией, но без большого вреда для себя. Право, наше торийское правительство отличается глупостью, граничащей с глупостью Путткамера. Если бы старик Дизраэли встал из могилы, он задал бы перцу этим мальчишкам.

За обещанную мне статью заранее Вам благодарен.

Недавно был у меня Геркнер — очень толковый господин, когда беседуешь с ним, и гораздо более радикальный, чем его книга. Ему, повидимому, очень хотелось внушить мне, что в действительности и Brentano втайне вовсе не так уж смирен, каким он прикидывается в своих книгах. Да, если бы господа профессора из немецких университетов обладали мужеством высказывать свои взгляды, то мы снова поднялись бы, по крайней мере, до уровня 1837 и 1840 гг. Но нашлись ли бы у них тогда слушатели — вот вопрос!

В общем все здесь идет по-старинке, новостей никаких.

Подайте снова весточку о себе, и, если сумею быть Вам здесь чем-нибудь полезен, я всегда к Вашим услугам.

С дружеским приветом Ваш

Ф. Энгельс.

445.

Энгельс — Н. Либкнехт

в Лейпциг.

Лондон, 29 ноября 1887 г.

Дорогая г-жа Либкнехт!

Сердечно благодарю за поздравления, присланные Вами и Либкнехтом ко дню моего рождения, который мы вчера отпраздновали. Вчера совпали самые разнообразные события: вечером в одном общественном помещении было пробное представление театральной пьесы, переведенной с французского и переработанной Эвелингом; оба — Тусси и Эвелинг — выступали в этой пьесе и имели большой успех, и самая пьеса тоже принята теперь к исполнению одной популярной актрисой, так что успех пьесы в дальнейшем почти обеспечен. Потом вся компания пришла ко мне, Ленхен испекла берлинских пирожков и кренделей, г-жа Каутская — венский штрудель, а после полуночи наступил день рождения Эвелинга, который мы заодно отпраздновали.

Перси, без сомнения, посетил бы Вас в Лейпциге, но он лишь на короткое время ездил по делам в Дрезден и Берлин и должен был как можно скорее вернуться, так как его петельная машина должна была фигурировать здесь на выставке, которая была открыта только до прошлой субботы. В Лейпциг он прибыл ночью, застрял там на несколько часов, так как опоздал на поезд, и утром должен был выехать в Дрезден. В противном случае он не преминул бы за-свидетельствовать Вам свое почтение.

Что касается г-жи Шак, то, насколько мне известно, она по трем различным поводам объявила всех немецких депутатов нашей партии продажными и притом дважды *назвала в том числе* Либкнехта и Бебеля. После этого я считал для себя невозможным возобновить с ней какие бы то ни было отношения, даже если бы она предприняла для этого какие-либо шаги, чего она, однако, отнюдь не сделала. Бебелю пришлось видеть ее здесь в ее новой роли, что, повидимому, не доставило ему никакого удовольствия. Такой же случай представился и Либкнехту в Сент-Галлене, куда она явилась с непостижимой для меня наглостью. Что она ему там наговорила, я, конечно, не знаю, но это не может изменить того факта, что она здесь высказывалась о нем в форме, свидетельствующей, на мой взгляд, о полном разрыве. Эта особа во что бы то ни стало хочет играть видную роль, и если бы после происшедшего Либкнехт так или иначе, прямо или косвенно, ей способствовал в этом или установил бы свою линию поведения на основании той мягкой оценки, какую Вы изложили, то он подверг бы себя той опасности, что его завистники, которых у всех нас достаточно, заподозрили бы здесь иные мотивы. Вам и Либкнехту, конечно, виднее, какую позицию занять по отношению к ней, а я лично рад, что от нее избавился.

В своем столкновении с властями Тусси не особенно пострадала, зато пострадали ее пальто и шляпа, которые погибли безвозвратно. Впрочем, не на нее напали, а она сама была нападающей стороной. Теперь шум почти затих, в Трафальгарском сквере может еще произойти какой-нибудь мелкий инцидент, но это пустяки. Правительство, однако, помнит еще об этом; знай старый Дизраэли, до чего безмозглы его преемники, он встал бы из гроба и выдрал бы их всех за уши.

Я снова чувствую себя довольно сносно. Ленхен тоже здорова. Она и Рошеры, а также Каутские и Эвелинги шлют сердечный привет Вам и Вашему мужу.

С искренним приветом Ваш

Ф. Энгельс.

446.

Энгельс — Ф.-А. Зорге

в Рочестер.

(Лондон, ноябрь 1887 г.)

Старый дружище!

Известное тебе письмо получил и уничтожил. Я так и думал, что одиночество в Рочестере тебе не по вкусу. В подобной дыре лишаешься даже возможности досадовать на то, что бездарные авантюристы и спекулирующие дельцы опоганивают движение. Впрочем, быть может ты к этому привыкнешь. Торговое дело в конце концов не скучнее, чем преподавание музыки ленивым и упрямым ученикам. К конторской работе привыкаешь; мне пришлось заниматься ею чуть ли не тридцать лет, но я, конечно, рад, что избавился от нее. Итак, пиши мне *откровенно*, как дела.

Твой старый

Ф. Э.

447.

Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой

в Нью-Йорк.

Лондон, 3 декабря 1887 г.

Дорогая г-жа Вишневецкая!

Как я сообщил Вам в своей последней открытке, Вильям Ривс, издатель «То-Дау» и большей части лондонской популярной социалистической литературы, решил взять на себя продажу книги. Он пишет в письме от 1 декабря:

«В связи с нашим сегодняшним (в среду) разговором о распространении книги «Положение [рабочего класса]» и т. д. Энгельса сообщаем, что мы охотно возьмемся за это дело, и просим Вас или американского издателя прислать нам некоторое количество экземпляров по цене 3 шилл. за экземпляр *в переплете* — дальнейшие экземпляры просим прислать *без переплета*. Дополнительных расходов потребует только необходимость печатания и вклейки титульных листов, что обойдется приблизительно в 10 шилл.»

И далее, 2 декабря: «В ответ на Ваш запрос о сроках расчета сообщаем, что расчет должен производиться каждые полгода, причем деньги выплачиваются месяц спустя. Мы полагаем, что впредь до дальнейших распоряжений мы будем иметь дело с *Вами*».

Это последнее условие я оговорил потому, что иначе Ривс уклонялся бы от расчетов, ссылаясь на то, что он не знает, кому платить — г. Ловеллю или мне, и стал бы задерживать и оттягивать платежи. При последующих сделках можно будет установить другой порядок. Об этих сделках он пишет 1 декабря:

«Цены на другие сочинения аналогичного характера можно будет назначить из того же расчета — в некоторой степени это зависит от розничной цены книги; так, например, на 6-шиллингтовую книгу нужно сделать несколько ббльшую скидку, чем на 5-шиллингтовую».

Этот господин хочет оставить себе таким образом лазейку для торга, и в будущем нужно будет во-время извещать меня, чтобы я мог окончательно сговориться с ним о ценах, прежде чем Вы проставите на титульном листе его имя как лондонского агента по распространению книги. Все они на один покрой.

Вышеприведенные условия относятся, конечно, к книгам, которые посылаются ему с оплаченной пересылкой и без всяких расходов с его стороны. Он говорит, что пересылка стоит пустяки; это, может быть, и верно в отношении *товарных* грузов и *тюков*, но я знаю, что частным лицам пересылка пакетов встает в копейку; Каутскому пришлось уплатить свыше 10 шилл. за присланные ему экземпляры, а меня ливерпульский агент (Уитли) заставил дополнительно уплатить 2 шиллинга 6 пенсов за посылку, в которой было 1 000 брошюр, хотя она *вовсе не была послана мне наложенным платежом*.

Мы пошлем экземпляры книги в социалистическую прессу (кроме «Justice», которая уже получила экземпляр из Америки и написала о книге ровно две строчки), в «Athenaeum», «Academy» и «Pall-Mall Gasette», а также в «Weekly Dispatch» и «Reynolds». «Commonweal» (я послал один экземпляр Моррису) начала печатать серию выдержек из книги; первую из них я Вам сегодня послал. В общем перспективы очень хороши. Только не следует посылать книгу в газеты и журналы до окончания рождества, иначе это будет впустую.

Что касается брошюры, то, как я писал Вам, Ривс захватил ее и будет, конечно, продавать в первую очередь свой собственный товар. Я передам полученную тысячу экземпляров Эвелингу, пусть он делает с ними, что может — продаст на митингах или отдаст Ривсу, которому они могут понадобиться; но боюсь, что ббльшая их часть будет в конце концов роздана даром на митингах.

Вашим переводом «Свободы торговли» я займусь при первой возможности. Я напишу также предисловие, только уверен, что-

оно ни в коем случае не окажется тем, что Вам желательно. Я не могу отвечать заранее на возможные аргументы американских протекционистов. Литература этого рода мне неизвестна, и у меня нет времени углубляться в нее. Мои рассуждения в девяти случаях из десяти были бы мимо цели; да и что бы мы ни сказали, они всегда найдут выход и сумеют сказать что-нибудь такое, чего мы не можем предвидеть. Для того чтобы вступать с ними в непосредственную полемику, надо быть в Америке. И я всегда считал, что хорошая книга пробьет себе дорогу и окажет свое действие, что бы там ни кричали газетные борзописцы.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

448.

Энгельс — П. Лафаргу

в Париж¹.

(Отрывок.)

[Лондон, 5 декабря 1887 г.]

Вчера утром я, так же как и Вы, торжествовал победу (по поводу провала Жюля Ферри на президентских выборах). Ясно, что если бы не парижане, то правые не решились бы голосовать за не имеющего шансов кандидата и объединились бы с оппортунистами-биржевиками вокруг Ферри[. . .]

Драма разворачивается по всем правилам искусства. В 1878 г. победа народа и армии над одними монархистами; в 1887 г. — победа над *объединенными* монархистами и оппортунистами. Следующая победа должна быть одержана над *объединенными* монархистами, оппортунистами и радикалами.

449.

Энгельс — Г. Шлютеру

в Цюрих.

Лондон, 7 декабря 1887 г.

Дорогой г. Шлютер!

Лучше всего, если сборник, озаглавленный: «Мелкие статьи Ф. Энгельса за 1871 — 1875 гг.», Вы составите следующим образом:

¹ Опубликовано в «Socialiste», № 115, от 24 ноября 1900 г.

- 1) Статья о Фогте, 1871 г., № 38, 14 мая.
- 2) Эмигрантская литература.
- 3) Письмо Ткачева.
- 4) Социальные отношения в России.
- 5) Бакунисты за работой.

Статью из «*Neue Rheinische Zeitung*» надо будет исключить; во-первых, она требует в настоящее время дополнительного разъяснения (в интересах русских товарищей), а во-вторых, я намерен впоследствии издать сборник статей Маркса и моих из «*Neue Rheinische Zeitung*». Об этом мы как-нибудь с Вами поговорим.

Прилагаю «Бакунисты за работой»; абзацы в III разделе пронумерованы в том порядке, в каком они должны следовать. Пришлите мне, пожалуйста, *этот лист* для просмотра, чтобы я был уверен, что все в порядке. Остальную корректуру можно править на месте.

Если бы Вы раздобыли мне еще один или два комплекта «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*», я охотно заплатил бы за них. У меня есть только выпуски 3, 5 и 6; желательно, стало быть, получить также и 1, 2 и 4.

«Ура-патриоты» Вы скоро получите, я пишу введение. «Теорию насилия» я тоже постараюсь привести в порядок.

Что касается других вещей, то 1) относительно статей из «*Neue Rheinische Zeitung*» — см. выше; 2) в «*Revue der Neuen Rheinischen Zeitung*» нет ничего такого, что не требовало бы введения и не отняло бы времени; 3) «Прусский военный вопрос» я продал Мейснеру, с которым не могу затевать ссоры, да и кроме того многое сказанное там могло бы быть в настоящее время без пояснений часто совершенно превратно понято.

После Нового года мне нужно приняться за третий том «Капитала» и для этого щадить свои глаза. Поэтому, кроме той работы, на которую я уже дал согласие, я абсолютно ничего не могу для Вас сделать. Очень сожалею, но ничего не поделаешь. Когда эта рукопись будет в печати, у меня во время просмотра корректур найдется для Вас время, если только мои глаза будут снова в порядке. Но имейте в виду, что я еще до сих пор могу писать ежедневно лишь в течение нескольких часов и притом только при дневном свете, которого здесь часто и вовсе не бывает, к тому же у меня обширная корреспонденция.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

450.

Энгельс — К. Каутскому

в Лондон.

Лондон, 20 декабря 1887 г.

Дорогой Каутский!

Сегодня мне нужно съездить в Брайтон, постараюсь вернуться завтра вечером. Но так как может случиться, что я задержусь, то было бы, пожалуй, вернее, если бы вы нас порадовали своим посещением не завтра, а в четверг вечером.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич.

(8 марта 1881 г.)

Первый набросок.

1) Разбирая происхождение капиталистического производства, я сказал, что в основе его «лежит полное отделение производителя от средств производства» (стр. 315, столбец 1 французского издания «Капитала»¹) и что «основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев*. Она осуществлена пока радикально только в Англии... Но *все остальные страны Западной Европы* идут по тому же пути» (там же, столбец 2²).

Таким образом, я *точно* ограничил «историческую неизбежность» этого процесса *странами Западной Европы*. А почему? Благоволите взглянуть в XXXII главу, в которой сказано:

«Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа — вот источник, вот происхождение капитала... *Частная собственность*, добытая личным трудом... вытесняется *капиталистической частной собственностью*, которая покоится на эксплуатации чужого труда, на наемном труде» (стр. 340, столбец 2³).

Таким образом, в конечном счете, мы имеем здесь *превращение одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. Но так как земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян, то каким образом может к ним быть применено это теоретическое обобщение?

2) С точки зрения исторической единственный серьезный аргумент, который приводится в доказательство *неизбежного разложения* общины русских крестьян, состоит в следующем:

¹ ср. русский перевод ИМЭЛ (1934 г.), стр. 813.

² там же, стр. 814—815.

³ там же, стр. 864.

Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинное землевладение более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества оно повсюду исчезло. Почему же избегнет оно этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия не живет изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Восточной Индии, добычей чужеземного завоевателя.

Если бы русские поклонники капиталистического строя стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была, подобно Западу, пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? И пусть они мне заодно объяснят, как им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?

Если бы в момент освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы затем громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (опять-таки за счет крестьян) «новым столпам общества», превращенным в капиталистов, — если бы все эти затраты были употреблены на *дальнейшее развитие* сельской общины, то никто не стал бы теперь задумываться над «исторической неизбежностью» уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя.

Другое обстоятельство, благоприятное для сохранения русской общины (путем ее развития), состоит в том, что она не только является современницей капиталистического производства, но и пережила тот период, когда этот общественный строй оставался еще в полной неприкосновенности; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с наукой, и с народными массами, и с самими производительными силами,

которые он порождает¹. Словом, перед нею капитализм — в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма, возвращением современных обществ к «архаическому» типу общей собственности или, как говорит один американский писатель, которого никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях и который пользуется в своих исследованиях поддержкой вашигтонского правительства², — «новый строй», к которому идет современное общество, «будет возрождением (a revival) в более совершенной форме (in a superior form) общества архаического типа». Итак, не следует особенно бояться слова «архаический».

Но тогда нужно было бы, по крайней мере, знать эти последовательные изменения. Мы же ничего о них не знаем.

Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их всех на одну доску; подобно геологическим образованиям, и в образованиях исторических есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать. До сих пор мы имели только скудные наброски. Во всяком случае, исследование предмета подвинулось достаточно далеко, чтобы можно было утверждать: 1) что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ; 2) что причины их распада вытекают из экономических данных, которые мешали им перейти известную ступень развития, из исторической среды, отнюдь не аналогичной исторической среде современной русской общины.

Читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами. Например, сэр Генри Мэн, который был ревностным сотрудником английского правительства в деле насильственного разрушения индийских общин, лицемерно рассказывает нам, что все благородные усилия правительства поддержать эти общины разбились о стихийную силу экономических законов!

Так или иначе, эта община погибла в обстановке непрерывных войн, внешних и внутренних. Она умерла, вероятно, насильственной смертью, когда германские племена захватили Италию, Испанию, Галлию и т. д. Община архаического типа тогда уже не существо-

¹ Зачеркнуто: «Одним словом, он превратился в арену кричащих антагонизмов, конфликтов и периодических бедствий, показывая даже наиболее ослепленным, что он является преходящей системой производства, осужденной на исчезновение вследствие возвращения общества к...»

² Л. Морган.

вала. Однако ее *природная жизнеспособность* доказывается двумя фактами. Есть отдельные экземпляры, которые пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например на моей родине — в Трирском округе. Но наиболее важно то, что она так ясно запечатлела свои характерные особенности на сменившей ее общине, — общине, в которой пахотная земля стала частной собственностью, между тем как леса, пастбища, пустоши и пр. еще остаются общинной собственностью, — что Маурер, изучив эту общину вторичной формации, мог восстановить строение ее архаического прототипа. Благодаря перепаханным у последнего характерным чертам новая община, введенная германцами во всех покоренных странах, стала в течение всех средних веков единственным очагом народной свободы и жизни.

Если после эпохи Тацита мы ничего не знаем ни о жизни *общины*, ни о том, каким образом и когда именно она исчезла, то нам известен, по крайней мере благодаря рассказу Юлия Цезаря, отправной пункт этого процесса. В его время земля уже ежегодно переделывалась между *родами и племенами* германских родовых союзов, но еще не между индивидуальными членами общины. Таким образом, *сельская община* произошла в Германии из общины более архаического типа. Она была здесь продуктом спонтанного развития, а вовсе не была принесена из Азии в готовом виде. Там — в Восточной Индии — она также встречается, и всегда в качестве *последнего этна* или последнего периода архаической формации.

Чтобы судить о возможных судьбах сельской общины с точки зрения чисто теоретической, т. е. предполагая постоянно нормальные условия жизни, мне нужно теперь отметить некоторые характерные черты, отличающие «земледельческую общину» от более древних типов.

Прежде всего, все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов. Разрывая эту сильную, но узкую связь, земледельческая община оказывается более способной приспособляться, расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими.

Затем, внутри нее, дом и его придаток — двор уже являются частной собственностью земледельца, между тем как уже задолго до введения земледелия общий дом был одной из материальных основ прежних форм общины.

Наконец, хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделывается между членами земледельческой общины, так что каждый земледelec обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обра-

ботки, между тем как в более древних общинах производство ведется сообща и распределяются только продукты. Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства.

Легко понять, что свойственный «земледельческой общине» дуализм может служить для нее источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обусловливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может со временем стать источником разложения. Оставляя в стороне все влияния враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самой земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко, — все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собою превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными *придатками* частной собственности. Именно поэтому «земледельческая община» повсюду представляет собой *новейший тип* архаической общественной формации, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной. Но значит ли это, что при любых обстоятельствах развитие «земледельческой общины» должно следовать этим путем? Отнюдь нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится... А priori возможен и тот, и другой исход, но для каждого из них, очевидно, необходима совершенно различная историческая среда.

3) Россия — единственная европейская страна, в которой «земледельческая община» сохранилась в национальном масштабе до

наших дней. Она не является, подобно Восточной Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на не подвергающихся разделу лугах. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к *артельным* отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее за его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода¹. С другой стороны, *одновременное существование* западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья.

Если бы представители «новых столпов общества» стали отрицать *теоретическую* возможность указанной эволюции современной сельской общины, их можно было бы спросить, должна ли была Россия подобно Западу, пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т. п. Их можно было бы также спросить, как им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков.

Есть одна характерная черта у русской «земледельческой общины», которая служит источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот *локализованный микрокосм*, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм. Объединение северных русских республик доказывает, что эта изоляция, которая первоначально вызвана была, повидимому, обширным протяжением территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия. Ныне этот недостаток весьма легко устра-

¹ Зачеркнуто: «Необходимо, конечно, начать с того, чтобы привести общину в нормальное состояние на *нынешней основе*, потому что крестьянин повсюду является противником всяких крутых перемен».

ним. Нужно было бы просто создать вместо волости¹, учреждения правительственного, избранное самими общинами крестьянское собрание, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы.

Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения «земледельческой общины» путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современной западного капиталистического производства, что позволяет ей присвоить себе его плоды без того, чтобы подчиниться его *modus operandi* [образу действия], но что она пережила уже период, когда капиталистический строй оставался еще в полной неприкосновенности; теперь, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, он находится в борьбе и с трудящимися массами, и с наукой, и с самими производительными силами, которые она² порождает, — словом, переживает кризис, который окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства.

Разумеется, эволюция общины совершалась бы постепенно, и первым шагом в этом направлении было бы создание для нее нормальных условий на ее *нынешней основе*³.

Но ей противостоит земельная собственность, держащая в своих руках почти половину — притом лучшую — земель, не считая земель государственных. Именно поэтому сохранение «сельской

¹ «Волость» написано Марксом по-русски.

² Он? См. стр. 678—679.

³ Зачеркнуто: «А историческое положение русской «сельской общины» беспримерно! Одна она в Европе сохранилась не в виде рассеянных обломков, наподобие тех редких явлений и мелких курьезов, в виде пережитков древности, которые еще недавно встречались на Западе, но как почти господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи. Если в общей собственности на землю она имеет основу коллективного присвоения, то ее историческая среда — одновременно с нею существующее капиталистическое производство — предоставляет ей уже готовые материальные условия совместного труда в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться положительными приобретениями, сделанными капиталистическим строем, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья. Парцеллярное земледелие она может постепенно заместить крупным земледелием с применением машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской земли. Она может, следовательно, стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой идет современное общество, и важить новой жизнью, не прибегая к самоубийству. Нужно было бы, наоборот, прежде всего поставить ее в нормальное положение».

общины» путем ее дальнейшей эволюции совпадает с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из [тупики] в котором находится ее земледелие только путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад оказались бы тщетными: эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны.

Оставляя в стороне все бедствия, угнетающие в настоящее время русскую «сельскую общину», и принимая во внимание лишь форму ее строения и ее историческую среду, нужно признать, что с первого же взгляда очевидно, что одна из ее основных характерных черт — общая собственность на землю — образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, привычка русского крестьянина к артельным отношениям облегчила бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на не подвергающихся разделу лугах, при осушительных работах и других предприятиях, представляющих общий интерес. Но для того, чтобы коллективный труд мог заместить в самом земледелии труд парцеллярный, форму частного присвоения, — нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления.

Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой «сельской общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т. е. как только с нее будет снято лежащее на ней бремя и как только станут нормальными размеры ее годной к обработке земли. Прошло то время, когда русскому земледелию требовались лишь земля и ее парцеллярный земледелец, вооруженный более или менее первобытными орудиями. Это время прошло с тем большей быстротой, что угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным. Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе. И притом, разве крестьянин, которому нехватает самых необходимых вещей для обработки его трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятерится?

Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр. — все необходимые для коллективного труда средства — где их найти? Вот в чем именно великое превосходство русской «сельской общины» над архаическими общинами того же типа. Одна она сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Она находится благодаря этому в исторической среде, в которой существующее одновре-

менно с ней капиталистическое производство предоставляет ей все условия коллективного труда. Она имеет возможность присвоить себе все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русской земли благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом. Что же касается первоначальных организационных расходов, интеллектуальных и материальных, — то русское общество обязано предоставить их «сельской общине», за счет которой оно жило так долго и в которой оно должно искать свой «источник возрождения».

Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в которых оно наиболее развилось, — кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа — к коллективному производству и коллективному присвоению.

4) Чтобы быть в состоянии развиваться, необходимо прежде всего жить, а ведь ни для кого не секрет, что в данное время жизнь «сельской общины» находится в опасности.

Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям. В последние годы Римской империи провинциальные декурионы — не крестьяне, а земельные собственники — бросали свои дома, покидали свои земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства.

С самого так называемого освобождения крестьян русская община поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными вымогательствами, она стала беспомощной, легкой добычей эксплуатации торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и ускорило развитие в ней элементов разложения. Но это еще не

все¹. За счет крестьян государство выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производственных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь «сельской общины».

[.....] Словом, государство оказало свое содействие ускоренному развитию технических и экономических средств, наиболее способных облегчить и ускорить эксплуатацию земледельца, т. е. наиболее мощной производительной силы России, и обогатить «новые столпы общества».

5) Это стечение разрушительных влияний, если только оно не будет разбито мощным противодействием, должно естественно привести к гибели сельской общины.

Но спрашивается: почему все эти интересы (включая крупные промышленные предприятия, находящиеся под правительственной опекой) нашли свою выгоду в нынешнем положении сельской общины? Почему стали бы они сообща стремиться убить курицу, несущую золотые яйца? Именно потому, что они чувствуют, что «это современное положение» не может продолжаться, что, следовательно, нынешний способ его эксплуатации уже не годится. Бедственное положение земледельца уже истощило землю, которая становится бесплодной. Хорошие урожаи чередуются с голодными годами. Средние цифры за последние десять лет показывают не только застой, но даже падение сельскохозяйственного производства. Наконец, впервые России приходится ввозить хлеб, вместо того чтобы вывозить его. Следовательно, нельзя терять времени. Нужно, стало быть, с этим покончить. Нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян, а большинство крестьян превратить просто в пролетариев. С этой-то целью представители «новых столпов общества» и выставляют самые раны, нанесенные общине, как естественные симптомы ее дряхлости.

Так как стольким различным интересам и, в особенности, интересам «новых столпов общества», выросших под благожелательной к ним властью Александра II, выгодно было *нынешнее положение*

¹ Зачеркнуто: «За счет крестьян государство выпестовало те наросты капиталистической системы, которые легче всего было привить — биржу, спекуляцию, банки, акционерные общества, железные дороги, дефицит которых оно покрывает и авансом выплачивает прибыль предпринимателям, и т. д. и т. д.»

«сельской общины», — почему станут они заведомо добиваться ее смерти? Почему их представители выставляют нанесенные ей раны как неопровержимое доказательство ее естественной дряхлости? Почему хотят они убить свою курицу, несущую золотые яйца? Просто потому, что благодаря экономическим фактам, анализ которых завел бы меня слишком далеко, перестало быть тайной, что *нынешнее положение общины не может больше продолжаться*, что просто в силу хода вещей нынешний способ эксплуатации народных масс уже не годится. Следовательно, нужно что-то новое, и это новое, преподносимое в самых равнообразных формах, сводится постоянно к следующему: уничтожить общую собственность, дать более или менее состоятельному меньшинству крестьян сложиться в сельский средний класс, а огромное большинство превратить просто в пролетариев.

С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели; с другой — ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе.

И в то время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, литературные лакеи «новых столпов общества» иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Это, стало быть, уже не теоретическая проблема. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и «новые столпы общества» делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя.

Второй набросок.

1. Я показал в «Капитале», что превращение *феодалного производства в производство капиталистическое* имело отправным пунктом *экспроприацию производителя*, и в особенности, что *основой всего*

этого процесса является экспроприация земледельцев» (стр. 315 французского издания ¹). И я там продолжаю: «Она (экспроприация земледельцев) осуществлена пока радикально только в Англии... Все остальные страны Западной Европы идут по тому же пути» (там же ²).

Стало быть, я точно ограничил эту «историческую неизбежность» «странами Западной Европы». Чтобы не оставить никакого сомнения относительно моей мысли, я говорю на странице 341 ³:

«Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где... внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или не работниками, изменяется форма частной собственности».

Таким образом, процесс, который я анализировал, заменил форму частной и раздробленной собственности работников капиталистической собственностью ничтожного меньшинства (цит. соч., стр. 342 ⁴), заменил один вид собственности другим. Как можно это применять к России, где земля не является и никогда не была «частной собственностью» земледельца? Стало быть, единственное заключение, которое они имели бы право вывести из хода вещей на Западе, сводится к следующему: чтобы установить у себя капиталистическое производство, Россия должна начать с уничтожения общинного землевладения и с экспроприации крестьян, т. е. широких народных масс. Таково, впрочем, желание русских либералов ⁵; но является ли их желание более основательным, чем желание Екатерины II насадить на русской почве западный цеховой строй средних веков?

Итак, экспроприация земледельцев на Западе привела к «превращению частной и раздробленной собственности работников» в частную и концентрированную собственность капиталистов. Но это все же — замещение одной формы частной собственности другою формою частной собственности. В России речь же шла бы, наоборот, о замене капиталистическою собственностью собственности коммунистической.

Конечно, если капиталистическое производство должно восторжествовать в России, то огромное большинство крестьян, т. е. русского народа, должно быть превращено в наемных рабочих и, следо-

¹ ср. русский перевод, стр. 813.

² там же, стр. 814—815.

³ там же, стр. 863.

⁴ там же, стр. 864.

⁵ Зачеркнуто: «которые хотят завести у себя капиталистическое производство и, будучи последовательными, превратят огромную массу крестьян в простых наемных рабочих».

вательно, экспроприровано путем предварительного уничтожения его коммунистической собственности. Но, во всяком случае, западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает.

II. Русские «марксисты», о которых Вы говорите, мне совершенно неизвестны. Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов.

III. С точки зрения исторической единственный серьезный аргумент в доказательство *неизбежного разложения* общинного землевладения в России состоит в следующем: общинное землевладение существовало повсюду в Западной Европе, в ходе общественного прогресса оно повсюду исчезло, — каким же образом могло бы оно избегнуть той же участи в России?

Прежде всего в Западной Европе смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам. С одной стороны, оно чудесным образом развило общественные производительные силы, но, с другой стороны, оно оказалось несовместимым с теми самыми силами, которые оно порождает. Его история есть отныне лишь история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий. В конце концов оно показало всем, за исключением тех, кто слеп в силу своей заинтересованности, свой чисто преходящий характер. Народы, у которых оно наиболее развилось, как в Европе так и в Америке, стремятся лишь к тому, чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность — *высшею формою* архаического типа собственности, т. е. собственностью коммунистическою.

Если бы Россия была изолирована от мира, она должна была бы тогда сама, своими силами, добиться тех экономических завоеваний, которых Западная Европа добилась, лишь пройдя через длинный ряд эволюций со времен существования своих первобытных общин до ее настоящего положения. И тогда не было бы, по крайней мере в моих глазах, никакого сомнения в том, что с развитием русского общества общины были бы неизбежно осуждены на гибель. Но положение русской общины совершенно отлично от положения первобытных общин Запада. Россия — единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в современной

исторической среде, она является современницей более высокой культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и усовершенствовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того чтобы ее разрушить (отмечу мимоходом, что форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций).

Если поклонники капиталистической системы в России станут отрицать возможность такой комбинации, пусть они покажут, что, для того чтобы ввести у себя машины, она вынуждена была пройти через инкубационный период машинного производства. Пусть они объяснят мне, каким образом могли они ввести у себя, можно сказать, в несколько дней механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков¹.

IV. Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация обнаруживает ряд различных типов, отмечающих собою последовательные эпохи. Русская сельская община принадлежит к самому новому типу в этой цепи. Земледелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором он живет, и огородом, который является к нему придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, не известный более древним типам. С другой стороны, последние покоятся все на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой узкой связи. Тем самым она оказывается способной к более широкому развитию. Изолированность русских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не повсюду встречается как имманентная характерная черта первобытного типа, но повсюду, где он встречается он воздвигает над общинами централизованный деспотизм. Мне представляется, что в России эта изолированность, первона-

¹ Зачеркнуто: «Хотя капиталистический строй на Западе клонится к упадку и приближается время, когда он станет лишь «архаической» формацией, эти русские поклонники»...

чально обусловленная огромным протяжением территории, является фактом, который легко будет устранить, как только правительственные пути будут сброшены.

Подхожу теперь к существу вопроса. Незачем скрывать, что архаический тип, к которому принадлежит русская община, таит в себе внутренний дуализм, который, при наличии известных исторических условий, может повлечь за собою ее гибель. Собственность на землю общая, но каждый крестьянин, подобно мелкому западному крестьянину, обрабатывает свое поле своими собственными силами. Общая собственность, парцеллярная обработка земли — эта комбинация, полезная в эпохи более отдаленные, становится опасною в наше время. С одной стороны, движимое имущество, элемент, играющий все более и более важную роль в самом земледелии, все сильнее дифференцирует имущественное положение членов общины и вызывает в ней, особенно под фискальным давлением государства, борьбу интересов; с другой стороны, теряется экономическое преимущество общинного землевладения как базы кооперативного и комбинированного труда. Но не нужно забывать, что в использовании не подвергающихся разделу лугов русские крестьяне уже применяют коллективный порядок, что их привычка к артельным отношениям значительно облегчила бы им переход от парцеллярной обработки к обработке коллективной, что физическая конфигурация русской почвы благоприятствует сложной обработке с применением машин в широком масштабе и что, наконец, русское общество, так долго жившее за счет сельской общины, обязано авансировать ей первоначальные средства, необходимые для этого изменения. Разумеется, речь идет только о постепенном изменении, которое нужно было бы начать с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее *нынешней* основе.

V. Оставляя в стороне все более или менее теоретические вопросы, нет надобности говорить Вам, что в настоящее время самому существованию русской общины угрожает опасность со стороны действующих заодно против нее мощных интересов. Известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства, противостоит общине; он заинтересован в том, чтобы ее раздавить. В интересах помещиков также создать из более или менее состоятельных крестьян средний сельскохозяйственный класс и превратить бедных земледельцев, т. е. массу их, в простых наемных рабочих, т. е. — обеспечить себя дешевым трудом. Да и как может с ними бороться община, раздавленная вымогательствами

государства, ограбленная торговцами, эксплуатируемая помещиками, подрываемая изнутри ростовщиками!

Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами, возвращенными за счет крестьян тем же государством.

Третий набросок.

Дорогая гражданка!

Чтобы основательно разобрать поставленные в Вашем письме от 16 февраля вопросы, мне пришлось бы углубиться в детали и прервать срочные работы. Но краткого изложения, которое я имею честь Вам послать, будет, надеюсь, достаточно, чтобы рассеять всякое недоразумение по поводу моей мнимой теории.

I. Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: «В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... Основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев*. Она осуществлена пока радикально только в Англии... Но все остальные страны Западной Европы идут по тому же пути» («Капитал», французское изд., стр. 315 ¹).

Таким образом, «историческая неизбежность» этого пути *точно* ограничена странами Западной Европы. Основания этого ограничения указаны в следующем месте XXXII главы: «*Частная собственность, добытая личным трудом... вытесняется капиталистической частной собственностью*, которая покоится на эксплуатации чужого труда, на наемном труде» (там же, стр. 340 ²).

В этом западном пути развития речь идет, стало быть, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*. Признают ли или отвергают неизбежность этого превращения, доказательства за или против этого не имеют ничего общего с моим анализом происхождения капиталистического строя. Самое большее, из него можно было бы сделать лишь тот вывод, что при современном положении огромного большинства русских крестьян их превращение в мелких собственников было бы лишь прологом к их быстрой экспроприации.

¹ ср. русский перевод стр. 813 — 815.

² там же, стр. 864.

II. Наиболее серьезный аргумент, приводившийся против русской общины, сводится к следующему:

Проследите процесс возникновения западных обществ — и вы повсюду найдете общую собственность на землю; с прогрессом общества она повсюду уступила место частной собственности; следовательно, она не может избегнуть той же участи в одной лишь России.

Этот довод заслуживает внимания лишь постольку, поскольку он основывается на европейском опыте. Что касается, например, Восточной Индии, то все, за исключением разве сэра Г. Мэна и других людей того же пошиба, знают, что там уничтожение общей собственности на землю было лишь актом английского вандализма, толкавшим туземный народ не вперед, а назад.

Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собою ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *земледельческой общиной*, и являет собою *русская община*. Ее эквивалентом на Западе является *германская община*, возникновение которой восходит к недавним временам. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покорили Италию, Галлию, Испанию и т. д. В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами и племенами*, но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно и обработка велась группами, сообща. На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем спонтанного развития в *земледельческую общину* в том виде, в каком она описана Тацитом. С того времени мы ее теряем из виду. Она погибла незаметно в обстановке непрерывных войн и переселений; возможно, она умерла насильственной смертью. Но ее природная жизнеспособность доказана двумя неоспоримыми фактами. Некоторые разрозненные экземпляры этого образца пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например на моей родине, в Трирском округе. Но самое важное то, что печать этой «земледельческой общины» так ясно выражена в новой общине, из нее вышедшей, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить и первую. Новая община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью*, была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям,

позаимствованным у ее прототипа, она в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни.

«Сельская община» встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собою *самый новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *архаической общественной формации*. Именно для того, чтобы отметить этот факт, я и остановился на некоторых деталях, касающихся германской общины.

Теперь нам нужно рассмотреть наиболее характерные черты, отличающие «земледельческую общину» от более древних общин.

1) Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического дерева. «Земледельческая община» была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами.

2) В земледельческой общине дом и его придаток — двор были частным владением земледельца. *Общий дом и коллективное жилище* были, наоборот, экономической основой более древних общин, уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются земледельческие общины, в которых дома, хотя и перестали служить коллективным жилищем, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии переходном от общины более архаической к земледельческой общине в собственном смысле.

3) Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведенные ему поля и урожай присваивает единолично. В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления.

Понятно, что *дуализм*, свойственный строю земледельческой общины, может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин.

Но не менее очевидно, что с течением времени тот же дуализм может стать зародышем разложения. Не говоря уже о всяких разрушительных влияниях, приводящих извне, община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная земельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготавливается наступление на общую землю. Это случалось. Но самое существенное, это — парцеллярный труд как источник частного присвоения. Он дает почву для сосредоточения движимого имущества, например скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он привносит чужеродные элементы, вызывающие в недрах общины столкновение интересов и страстей, способные подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши и пр., которые, будучи однажды превращены в *общинные придатки* частной собственности, постепенно достанутся последней.

Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве.

Но значит ли это, что исторический путь земледельческой общины должен неизбежно привести к этому исходу? Вовсе нет. Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

Отвлечемся на минуту от бедствий, которые дают русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Она занимает совершенно особое положение, не имеющее прецедентов в истории. Она одна лишь в Европе является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда — существование одновременно с нею капиталистического производства — дает ей в готовом виде материальные условия кооперативного труда, организованного в широком

масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее Кавдинские ущелья. Она может при помощи машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской почвы, постепенно заместить парцеллярную обработку комбинированной обработкой. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой идет современное общество, и начать новую жизнь, не прибегая к самоубийству¹.

Сами англичане сделали подобные же попытки в Восточной Индии: они достигли лишь того, что расстроили туземное земледелие, участвовали и усугубили бедствия голодных годов.

Ну, а проклятие, которое тяготеет над общиной — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других общин, этот *локализованный микрокосм*, который лишил ее до настоящей поры всякой исторической инициативы? Он исчезнет посреди всеобщего потрясения русского общества.

Привычка русского крестьянина к артельному хозяйству особенно облегчит ему переход от труда парцеллярного к труду кооперативному, который он, впрочем, уже применяет до некоторой степени при косьбе на общинных лугах и в таких коллективных предприятиях, как осушка болот и т. д. Мелкое землевладение совершенно архаического типа — предмет мучений современных агрономов — также способствует этому. Если в какой-нибудь местности вы увидите пахотную землю со следами борозд, придающих ей вид шахматной доски, состоящей из маленьких полей, можете не сомневаться — это владение исчезнувшей земледельческой общины. Ее члены, не пройдя курса наук по теории земельной ренты, поняли, что одинаковая сумма труда, затраченная на полях, различных по своему естественному плодородию и местоположению, дает и различные результаты. С целью уравнивать шансы своего труда они разделили землю на определенное количество участков, границы которых определялись природными и экономическими отличиями почвы, и снова раскроили

¹ Зачеркнуто: «Но ей противостоит земельная собственность, держащая в своих когтях почти половину земель — притом лучшую. Именно поэтому сохранение сельской общины путем ее дальнейшей эволюции совпадает с общим движением русского общества, возрождение которого может быть куплено только этой ценой. Россия тщетно стала бы пытаться выбраться из своего тупика введением капиталистической аренды английского типа, столь противной всем общественным условиям страны».

все эти более обширные участки на parcelлы соответственно числу земледельцев. Затем каждый получил по наделу в каждом участке. Такая организация, практикующаяся и доныне в русской общине, безусловно противоречит агрономическим требованиям. Помимо прочих неудобств она вызывает бесполезную затрату сил и времени. Тем не менее она благоприятствует переходу к коллективной обработке, которой, казалось бы, на первый взгляд, так противоречит. Parcelлы [.....]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹.

А

- Авенель* (Avenel), *Жорж* (1828—1876) — французский демократ, историк и публицист, автор книги об Анахарзисе Клоотце (1865) и «Lundis revolutionnaires» (1875), редактор газеты «La République Française» — 532, 639.
- Адам* (Adam), *Жюльетта* (род. в 1836 г.) (псевдоним — Ла Массин и Ж. Ламбер) — французская писательница, основала в 1879 г. журнал «La Nouvelle Revue», автор многочисленных книг и статей по истории литературы, социально-политическим вопросам, а также новелл и романов; буржуазная патриотка, германофобка и сторонница франко-русского союза — 209, 210.
- Адлер* (Adler), *Виктор* (1852—1918) — один из вождей австрийской социал-демократии, центрист; с 1886 г. редактор социал-демократической газеты «Gleichheit», впоследствии один из реформистских лидеров II Интернационала, социал-шовинист — 332.
- Адлер* (Adler), *Георг* (1863—1908) — буржуазный немецкий экономист, «критик» социализма — 402, 497, 498, 509.
- Азамут* = *Азамат-Батук* (Azamat-Batuk) — псевдоним французского журналиста Г. Л. Тиблена (H. L. Thieblen) — 104.
- Аксаков, Иван Сергеевич* (1823—1886) — русский реакционный публицист, славянофил — 188.
- Александр II* (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 45, 122, 125, 230, 634, 686.
- Александр III* (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 124, 197, 198, 319, 329, 339, 361, 382, 573, 574, 598, 600.
- Андерфурер* (Anderfuhrer) — бернский студент-юрист из Мейрингена — 417.

- Араби* (Arabi), *Ахмед-паша* (1839—1911) — один из вождей египетской национальной партии, главнокомандующий египетской армией против английской интервенции в 1882 г. — 234.
- Аргайль* (Argyll), *Джордж-Дуглас Кембелл*, герцог (1823—1900) — министр по делам Индии в кабинете Гладстона (1868—1874); в 1880—1881 гг. лорд-хранитель печати — 131.
- Аристофан* (Aristophanes) (ок. 450—385 до хр. э.) — греческий сатирик — 505.
- * *Арнольдт* (Arnoldt) *Герман* — кенигсбергский социал-демократ — 14.
- Ауэр* (Auer), *Игнац* (1846—1907) — немецкий социал-демократ, с 1870 г. зйзенахолец, в 1874—1877 гг. и после 1890 г. секретарь правления партии; неоднократно был членом рейхстага, один из реформистских лидеров — 70, 72, 76, 394, 409, 554.

Б

- Бабёф* (Babeuf), *Франсуа-Ноэль* (*Графх*) (1760—1797) — ранний представитель коммунизма во Франции, организатор «заговора равных», имевшего целью свержение директории; казнен в 1797 г. — 639.
- Бакс* (Bax), *Эрнест Бельфорт* (1854—1926) — один из основателей Английской Демократической федерации (1881) и Социалистической лиги (1884), редактор «Justice» и «To-Day»; во время войны занимал шовинистическую позицию — 172, 179, 339, 363, 388, 396, 398, 399, 419, 438, 439, 444, 555, 558, 577, 597, 645, 649, 655.
- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — 26, 100, 304, 359, 412, 468.
- Бали* (Basly), *Эмиль* (род. в 1854 г.) — французский рабочий, председатель союза горняков, организатор стачек

¹ Звездочками обозначены адресаты писем

- в Анзене и Деказвилле (1885); с 1885 г. член палаты, впоследствии реформист—538, 540, 541, 543, 548, 554.
- Бамбергер** (Bamberger), *Людвиг* — немецкий журналист, эмигрант в Лондоне, редактор газеты «Deutsche Londoner Zeitung» (1850), издававшейся Карлом Брауншвейгским; впоследствии купец в Цюрихе — 203, 546.
- Банкрофт** (Bankroft), *Гюберт* (1832—1918) — американский этнолог и историк — 281.
- Бар** (Bahr), *Эрик-Герман* (1863—1934) — австрийский публицист, один из редакторов еженедельника «Die Zeit» в Вене; вначале социалист, перешел затем к анархизму, а с 1912 г. сторонник католицизма; литературный критик и драматург — 404.
- Барри** (Barry), *Мальтман* (1842—1909) — английский радикальный журналист; в 1871—1872 гг. член Генерального совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса; впоследствии консерватор — 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 128.
- Бастиа** (Bastiat), *Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, сторонник свободной торговли — 17, 400.
- Баттенберг** (Battenberg), *Александр* — (1857—1893), прусский принц, болгарский князь (1879—1886)—488, 639.
- Бахофен** (Bachofen), *Иоганн-Якоб* (1815—1887) — швейцарский юрист и этнолог, профессор римского права в Базеле, автор «Das Mutterrecht» («Материнское право», 1861 г.) — 292, 403, 418, 419.
- ***Бebel** (Bebel), *Август* (1840—1913) — 41, 46, 47, 63, 64, 65, 67, 72, 76, 79, 85, 131, 132, 138, 150, 164, 165, 176, 182, 218, 223, 224, 226, 229, 231, 241, 243, 244, 251, 253, 256, 257, 264, 271, 277, 282, 292, 307, 308, 310, 317, 325, 328, 330, 334, 341, 342, 345, 354, 363, 381, 382, 387, 394, 395, 402, 407, 409, 411, 413, 415, 416, 421, 430, 433, 440, 445, 456, 457, 459, 467, 469, 476, 480, 481, 489, 493, 501, 507, 521, 529, 536, 545, 549, 555, 558, 574, 583, 592, 595, 596, 598, 599, 626, 628, 658, 660, 663, 664, 666, 669.
- Бebel** (Bebel), *Фрида* — дочь Августа и Юлии Бebel, впоследствии жена д-ра Симона из Сент-Галлена — 659, 660.
- ***Бebel** (Bebel), *Юлия* (1843—1910) — жена Августа Бebеля — 275, 296, 628, 629, 659, 660.
- Бедикер** (Bödiker), *Адольф* — член рейхстага от партии центра — 319.
- Бейер** (Beyer), *Густав-Фридрих*, фон (1812—1889) — прусский генерал — 601.
- Бейст** (Beust), *Адольф* — сын Ф. Бейста — 96, 133, 215, 241, 279.
- Бейст** (Beust), *Фридрих* (1817—1899) — бывший прусский офицер, член Союза коммунистов, редактор «Neue Kölnische Zeitung» (1848—1849); после революции 1848 г. эмигрант в Швейцарии; дальний родственник Энгельса — 122, 655.
- Беккер** (Becker), *Бернгард* (1826—1882) — немецкий публицист и историк; лассальянец, стоял во главе Всеобщего германского рабочего союза в 1864—1865 гг. впоследствии примкнул к эйзенахцам; автор клеветнической «Истории и теории революционной Парижской коммуны» — 367.
- ***Беккер** (Becker), *Иоганн-Филипп* (1809—1886) — немецкий революционер, по профессии шеточник; активный участник революции 1848 г. и южно-германского восстания 1849 г.; в эмиграции в Женеве — один из организаторов секции I Интернационала, редактор журнала «Vorboten»; сподвижник и близкий друг Маркса и Энгельса — 3, 18, 26, 39, 44, 45, 62, 66, 78, 83, 92, 95, 102, 103, 122, 125, 162, 169, 189, 232, 268, 296, 316, 325, 336, 354, 367, 384, 414, 455, 473, 511, 518, 565, 582, 588, 592, 593, 594, 595, 596, 598, 603, 639.
- Беккер** (Becker) — жена предыдущего — 169, 354.
- Бердет-Каутс** (Burdett-Coutts), *Анджелла - Джорджина*, баронесса (1814—1906) — английская дама-благотворительница — 533.
- Беренс** (Behrens) — инженер, компаньон Бисмарка по Вогинской бумажной фабрике — 413, 415.
- Берит** (Berit) — продажный деятель английского тред-юнионизма — 650.
- Берли** (Burleigh) — 96.
- Бернбургский** (Bernburg), герцог — 413.
- Бернрейтер** (Bährnreiter), *Иосиф-Мария* (1845—1925) — австрийский помещик, чиновник министерства юстиции, член палаты депутатов, впоследствии лидер немецкой либеральной партии, министр (1898, 1916); автор книг об английских тред-юнионах и о социальном обеспечении — 655, 661, 664.
- Бернс** (Burns), *Джон* (род. в 1858 г.) —

- рабочий-донер, лидер английских трэд-юнионов, один из основателей Социал-демократической федерации; с 1892 г. член парламента, впоследствии либерал; в 1905 и 1914 гг. министр — 513.
- Бернс** (Burns), *Лиззи* (ум. в 1878 г.) — вторая жена Энгельса, ирландская работница, сестра Мэри Бернс — 11, 13, 14.
- Бернс**, *Мэри-Эллен* (Пумпс) — племянница жены Энгельса, жена Перси Рошера — 11, 90, 133, 136, 137, 149, 175, 224, 235, 236, 239, 282, 286, 333, 425, 484, 506, 518, 565, 570, 579.
- Бернштейн** (Bernstein), *Арон* (1812—1884) (псевдоним Ребенштейн) — немецкий демократический публицист, редактор берлинской «Volkzeitung», некоторое время городской раввин — 63.
- Бернштейн** (Bernstein), *Регина* — жена Э. Бернштейна — 595.
- * **Бернштейн** (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — 36, 41, 42, 46, 48, 50, 51, 53, 56, 58, 63, 64, 65, 76, 84, 109, 119, 130, 132, 145, 150, 151, 156, 163, 174, 175, 176, 180, 192, 201, 214, 215, 216, 219, 227, 230, 232, 239, 241, 245, 246, 249, 253, 257, 264, 270, 275, 277, 279, 282, 285, 294, 301, 306, 307, 309, 310, 311, 317, 322, 325, 333, 334, 337, 338, 342, 345, 350, 357, 360, 361, 367, 369, 370, 371, 373, 374, 376, 379, 387, 388, 392, 394, 395, 397, 399, 400, 402, 403, 404, 406, 407, 408, 411, 417, 418, 419, 420, 425, 429, 438, 446, 448, 449, 454, 458, 465, 469, 476, 477, 478, 480, 488, 490, 498, 512, 522, 526, 540, 561, 562, 572, 573, 577, 580, 593, 594, 597, 614, 638, 643.
- Бернштейн** (Bernstein), *Яков* (ум. в 1884 г.) — железнодорожный машинист, отец Э. Бернштейна — 438.
- Бернштейн** — сестра Э. Бернштейна (ум. в 1884 г.) — 438.
- Берроуз** (Burgows), *Герберт* (1845—1923) — английский теософ, деятель Социал-демократической федерации — 407, 440, 444.
- Бизли** (Beesly), *Эдуард-Спенсер* (1831—1915) — профессор древней истории в Лондонском университете, редактор; председательствовал на учредительном собрании I Интернационала — 133.
- Биннинг** (Binning) — английский рабочий, член Социалистической лиги — 645.
- Бискамп** (Biskamp), *Эллард* — немецкий демократический публицист; в 1848 — 1849 гг. соредактор журнала «Hornisse», эмигрант в Лондоне, основал там газету «Das Volk» (1858—1859), позднее лондонский корреспондент «Vossische Zeitung» — 8.
- Бисмарк** (Bismarck), *Отто*, фон (1815—1898) — канцлер Германской империи (1871—1890) — 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 19, 22, 27, 28, 39, 52, 54, 57, 65, 82, 85, 86, 97, 105, 119, 121, 123, 124, 125, 127, 128, 146, 158, 160, 181, 185, 186, 196, 198, 201, 202, 220, 226, 240, 241, 251, 252, 253, 258, 264, 272, 273, 277, 289, 293, 312, 319, 320, 329, 336, 345, 352, 360, 362, 370, 372, 375, 378, 382, 384, 403, 405, 413, 415, 420, 422, 424, 426, 437, 438, 455, 463, 488, 492, 493, 496, 499, 507, 510, 515, 517, 543, 547, 551, 553, 569, 574, 575, 584, 586, 587, 590, 600, 601, 602, 607, 620, 625, 636, 639, 657, 664.
- Блан** (Blanc), *Гаспар* — бакунист, член I Интернационала, участник лионского путча 1870 г., впоследствии социал-бонапартист — 25, 105, 502.
- Блан** (Blanc), *Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист — 495, 539, 548, 577, 598.
- Блейхрöder** (Bleichröder), *Герсон* (1822—1893) — глава германского банкирского дома, через который производились железнодорожные займы в Пруссии, личный банкир Бисмарка — 74, 360, 362, 517.
- Бленкер** (Blenker), *Людвиг* (1812—1863) — участник баденского восстания, позднее участник гражданской войны в США — 468.
- Бломмештейн** (Blommestein) — голландский коммерсант, финансировавший парижскую газету «Citoyen» — 232, 249, 256.
- Блос** (Bloss), *Вильгельм* (1849—1927) — германский социал-демократ, журналист и историк, реформист, член рейхстага; в годы империалистической войны социал-шовинист, глава вюртембергского правительства в 1918 г. — 192, 219, 224, 277, 311, 313, 319, 384, 408, 471, 578.
- Бланд** (Bland), *Губерт* (род. в 1856 г.) — один из основателей «Фабричного общества», впоследствии редактор «Sunday Chronicle» — 512, 513, 529.
- Блум** (Blum), *Роберт* (1807—1848) — саксонский демократ, в 1848 г. член франкфуртского национального собрания; участвовал в баррикадных боях в Вене; расстрелян по приговору военного суда — 225, 468.

- Бонапарт** (Bonaparte), *Луи* — см. Наполеон III.
- Бонту** (Bontoux), *Феликс* (род. в 1846 г.) — мэр г. Систерона, член палаты депутатов, радикал — 271.
- Борд** (Borde), *Фредерик* — французский журналист, последователь мелкобуржуазного социализма Колена, активный противник марксизма; впоследствии основатель «Лиги национализации земли» — 321.
- Борделло** (Bordello) — американский книготорговец — 627.
- Боркейм** (Borkheim) — *Сигизмунд-Людвиг* (1825—1885) — немецкий публицист, демократ, участник баденского восстания 1849 г., эмигрант в Швейцарии, затем в Лондоне; друг Маркса и Энгельса — 19, 85, 92, 100, 101, 386, 416, 457, 516, 518, 520, 521, 578, 580.
- Борн** (Born) = **Буттермильх** (Buttermilch), *Стефан* (1824—1898) — по профессии наборщик, член Союза коммунистов; впоследствии оппортунистический публицист и профессор литературы в Швейцарии — 498.
- Брайт** (Bright), *Джон* (1811—1889) — английский хлопчатобумажный фабрикант, либерал, лидер фритредеров; совместно с Р. Кобденом основал «Лигу борьбы против хлебных законов» (1839); в 1868—1870 гг. министр торговли в кабинете Гладстона — 23, 105, 525.
- * **Бракке** (Braske), *Вильгельм* (1842—1880) — немецкий социал-демократ, издатель в Брауншвейге; с 1865 г. член Всеобщего германского рабочего союза, позднее один из лидеров эйзенахцев, в 1877 г. член рейхстага; автор ряда агитационных брошюр — 5, 47, 61, 72, 229, 230, 310, 516.
- Брассей** (Brassey), *Томас*, лорд (1836—1918) — крупный железнодорожный и кораблестроительный предприниматель, либерал, член парламента (1866—1886); в 1880 г. командующий гражданским флотом в кабинете Гладстона — 128.
- Браун** (Brown), *Виллард* — американский журналист, социалист — 124, 138.
- Браун** (Brown), *Джон* (1800—1859) — северо-американский фермер, революционер, участник восстания 1859 г., казнен — 123.
- Браун** (Brown), доктор — 237.
- Брауншвейг** (Braunschweig), *Карл-Фридрих-Август-Вильгельм*, фон (1804—1873) — герцог, после дворцового переворота, лишившего его престола (1830), жил в Англии, Франции и Швейцарии, где поддерживал связь с демократическими элементами, финансировал «Deutsche Londoner Zeitung» — 203.
- Брауншвейг** (Braunschweig), *Фердинанд*, фон (1721—1792) — герцог, участник семилетней войны — 168.
- Брейер** (Breuer), *Эрнст* — германский социал-демократ, рабочий, выслан из Гамбурга во время исключительных законов; в 1882 г. выступил с оппортунистической критикой газеты «Sozialdemokrat» — 249.
- Брентано** (Brentano), *Луио* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист — 115, 560, 668.
- Бримон** (Brimon) — французская бонапартистка, приятельница Бредло в Париже — 105.
- Бриссак** (Brissac), *Анри* (1823—1906) — член Французской рабочей партии, участник Парижской коммуны, в 1882 г. член редакции «Egalité» — 268.
- Бродхерст** (Broadhurst), *Генри* (1840—1911) — английский тред-юнионистский деятель, с 1880 г. член парламента, один из лидеров лейбористов — 332, 664.
- * **Броше** (Broché), *Гюстав* — французский учитель в Лондоне, анархист — 76, 306.
- Брукс** (Brooks), *Дж.-У.* — американский униатский священник, социалист; знакомый Ф.-А. Зорге — 589.
- Брусс** (Brousse), *Поль* (1854—1912) — французский мелкобуржуазный социалист, участник Парижской коммуны, эмигрировал в Швейцарию, где примыкал к анархистам; редактор бакунистской газеты «Avant Garde»; вместе с Маленом возглавлял реформистское течение поппилистов во Французской рабочей партии — 26, 154, 157, 158, 159, 160, 165, 176, 184, 226, 232, 242, 243, 246, 247, 248, 252, 253, 270.
- Бредло** (Bredlaugh), *Чарльз* (1833—1891) — английский адвокат, буржуазный радикал, атеист, председатель «Лиги аграрной реформы», впоследствии член парламента — 22, 23, 24, 25, 104, 105, 106, 146, 364, 646, 649.
- Брай** (Bray), *Джон-Фрэнсис* (1809—1895) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна — 391.

Буайе (Boyer), *Антид* (1850—1918) — французский анархист, по профессии гончар; впоследствии буржуазный радикал, член парламента — 538, 540, 543.

Бужар (Bougeard), *Альфред* (1815—1882) — французский публицист и историк, радикал; автор биографии Марата (1865) — 533.

Буи (Bouis), *Казимир* — бланкист, редактор газеты «*Cri du Peuple*», участник Парижской коммуны, был приговорен к ссылке в Новую Каледонию, по возвращении член редакции «*Egalité*» — 268.

Буланже (Boulangier), *Жорж-Эрнест* (1837—1891) — французский генерал, участвовал в войнах Луи-Наполеона и в подавлении Парижской коммуны; в 1886—1888 гг. военный министр, германофоб; вдохновитель реакционно-шовинистического движения, получившего название буланжизма; после неудавшегося заговора (1889), имевшего целью государственный переворот, бежал из Франции и покончил с собой — 639.

Буонарротти (Buonarroti), *Филиппо-Микелле* (1761—1837) — итальянско-французский революционер, приверженец Бабефа, автор книги о «Заговоре равных» (1828) — 639.

Бурбо — см. Секондинье.

Бухер (Bucher), *Лотар* (1817—1892) — немецкий демократ, эмигрант в Лондоне; лондонский корреспондент берлинской «*National Zeitung*»; друг Лассалья; после 1860 г. сотрудник Бисмарка — 8, 516.

Бюркли (Bürkli), *Карл* (1823—1901) — швейцарский социалист, фюрерист, примыкал к I Интернационалу — 183, 190, 198.

Бюфнуар (Buffenoir), *Ипполит* (род. в 1847 г.) — французский поэт и романист — 4.

В

Вагнер (Wagner), *Адольф* (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист, один из основателей реакционной Христианско-социальной партии (1878) — 376.

Вагнер (Wagner), *Рихард* (1813—1883) — немецкий композитор — 369, 408, 465.

Вайсгарт оф Питтароу (Wisehart of Pittarow), *Джоанна* (ум. в 1811 г.) — жена Христиана-Генри-

Филиппа фон-Вестфален, бабушка Жени Маркс — 168.

Вайян (Vaillant), *Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, член Парижской коммуны, в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне; один из вождей французской социалистической партии; во время империалистической войны — социал-патриот — 379, 496, 587.

Валлес (Valles), *Жюль* (1832—1885) — французский писатель, мелкобуржуазный социалист, член I Интернационала и Парижской коммуны, редактор газеты «*Cri du Peuple*»; автор ряда социальных романов — 146.

Вальдгорн (Waldhorn) — 127.

Вальстер (Walther), *Отто* — германский социал-демократ, член временного комитета Эйзенхасхой партии; с 1875 г. деятель американского рабочего движения, редактор нью-йоркских газет «*Sozialdemokrat*» и «*Arbeiterstimme*» — 618, 619.

Вальтер (Walther) — 237, 238.

Вальтер (Walther) — 482.

Ван Коль (Van Kol), *Генрих* (1851—1925) — один из реформистских вождей голландской социал-демократии, социал-шовинист; в молодости член голландской секции I Интернационала — 593, 595.

**Ван-Паттен* (Van Patten), *Филипп* — примкнувший к социалистическому движению американский буржуа; с 1876 г. секретарь Центрального рабочего союза в Нью-Йорке; в 1883 г. отошел от рабочего движения и стал государственным чиновником — 301, 302, 303, 307.

Варнгаген фон-Энзе (Varnhagen von Ense), *Рахиль* (1771—1833) — немецкая писательница — 504.

Ватрен (Wattrin) — инженер, управляющий рудником в Декавилле, убит рабочими во время стачки в 1886 г. — 538.

Вебер (Weber), *Луи* (младший) — немецкий ремесленник-часовщик, эмигрант в Лондоне; один из ближайших сотрудников Моста и газеты «*Freiheit*» — 39, 63.

Вебер (Weber) — немецкий эмигрант в Лондоне, член лондонского Рабочего союза — 39.

Ведде (Wedde), *Иоганн* (псевдоним — Сильванус) (1843—1890) — немецкий социал-демократ, редактор гамбургской «*Bürger-Zeitung*» — 660.

Веерт (Weerth), *Георг* (1822—1856) — немецкий поэт, член Союза комму-

- нистов, член редакции «Neue Rheinische Zeitung»; друг Маркса и Энгельса — 110, 318, 393, 560, 580.
- Вейдемейер* (Weydemeyer), *Иосиф* (1818—1866) — член Союза коммунистов, был прусским артиллерийским офицером, участник революции 1848 г.; в 1851 г. эмигрировал из Германии в Америку, издавал журнал «Revolution», активный деятель американского рабочего движения; участник гражданской войны в Америке — 13.
- Вейлер* (Weiler), *Адам* — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне, деятель английского тред-юнионистского движения — 332.
- Вейс* (Weiss), *Иоганн* — немецкий студент в Берне — 665, 668.
- Вейтлинг* (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — немецкий коммунист-утопист, по профессии портной; основатель групп «Союза справедливых» в Швейцарии — 62, 157.
- Вердер* (Werder), *Бернард-Франц-Вильгельм, фон* (1823—1907) — прусский генерал, военный уполномоченный в Петербурге, участник русско-турецкой войны; в 1892—1895 гг. германский посол в России — 574.
- Верман* (Woergmann), *Адольф* (1847—1911) — германский капиталист, национал-либерал; член рейхстага в 1884—1890 гг. — 413.
- Вермут* (Wermuth) — прусский полицейский чиновник, полицей-президент в Ганновере, один из организаторов Кельнского процесса коммунистов; вместе со Штибером написал книгу «Коммунистические разговоры XIX столетия» — 475.
- Вестфален* (Westphalen), *Каролина, фон*, урожденная Гейбель (Heubel), (ум. в 1856 г.) — мать Женни Маркс — 168.
- Вестфален* (Westphalen), *Фердинанд, фон* (1799—1876) — сводный брат Женни фон Вестфален; в 1850—1858 гг. прусский министр иностранных дел в кабинете Мантейфеля, реакционер — 168.
- Вестфален* (Westphalen), *Христиан-Генрих-Филипп, фон* (1724—1792) — личный секретарь герцога Фердинанда Брауншвейгского, участник Семилетней войны; дед Женни Маркс — 168.
- Вестфален* (Westphalen), *Эдгар, фон* (1819—1890) — брат Женни Маркс, школьный товарищ Маркса; эмигрировал в Америку, впоследствии вернулся в Германию — 169.
- Виганд* (Wigand), *Отто* (1795—1870) — лейпцигский издатель радикальной литературы — 314, 357, 370, 446, 448, 453, 454.
- Виде* (Wiede), *Франц* (род. в 1857 г.) — буржуазный журналист, швед по происхождению; издавал социал-реформистские журналы «Neue Gesellschaft» (Цюрих, 1877 г.) и «Ordre sociale» (Париж, 1890 г.) — 37, 64.
- Виктория* (Victoria) (1840—1901) — принцесса, дочь английской королевы Виктории; с 1858 г. жена кронпринца Фридриха-Вильгельма (Фридриха III) — 456.
- Виллис* (Willis), *Эдвин* — конспиративный адрес Маркса в Лондоне.
- Виллих* (Willich), *Август* (1810—1878) — бывший прусский офицер; во время баденского восстания 1849 г. командовал корпусом волонтеров; член ЦК Союза коммунистов в Лондоне, после раскола в Союзе коммунистов возглавлял вместе с Шаппером фракцию, борющуюся против Маркса; участник гражданской войны в Америке — 225.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (с 1861 г.), германский император (1871—1888) — 27, 45, 64, 124, 277, 319, 343, 370, 377, 455, 456, 473, 481, 483, 486, 488, 521, 574, 575, 579, 584, 585, 598, 600, 601, 658, 664.
- Вильямс* (Williams), *А.* — псевдоним Маркса.
- Вильямс* (Williams), *Джон* (1854—1917) — член английской Социал-демократической федерации, социалистический кандидат на выборах 1885 г. — 513.
- Вильямс и Норгейт* (Williams and Norgate) — лондонское издательство и книготорговая фирма — 544.
- Виндхорст* (Windthorst), *Людвиг* (1812—1891) — германский реакционный политик, министр юстиции в Ганновере (1863—1865), затем член германского рейхстага, лидер католической партии центра — 183.
- Вирхов* (Virchow), *Рудольф* (1821—1902) — патолог, профессор Берлинского университета, депутат рейхстага (1880—1893), прогрессист — 9, 12, 153.
- Вишневецкий* (Wischnewetzky), д-р — американский социалист, муж Ф. Келли-Вишневецкой — 553, 582, 614, 615, 630, 633, 651.
- Вольф* (Wolff), *Вильгельм* («Лупус») (1809—1864) — немецкий коммунист, член Ц.К. Союза коммунистов, ак-

тивный участник революции 1848 г., член редакции «*Neue Rheinische Zeitung*»; близкий друг Маркса и Энгельса — 479, 486, 487.

Г

Газенклевер (Hasenklever), *Вильгельм* (1837—1889) — германский социал-реформист, лассальянец, после 1871 г. председатель Всеобщего германского рабочего союза, в 1875 г. вошел в комитет объединенной партии в качестве второго председателя, в 1876—1878 гг. был вместе с Либкнехтом редактором «*Vorwärts*», член рейхстага в 1874—1887 гг. — 311.

**Гайндман* (Hundman), *Генри-Мейерс* (1842—1921) — английский социал-демократ, лидер Социал-демократической федерации (1883); при организации II Интернационала выступил в блоке с POSSИБИЛИСТАМИ; впоследствии социал-империалист, сторонник интервенции против СССР — 101, 112, 127, 172, 217, 250, 274, 329, 339, 346, 363, 367, 388, 396, 399, 405, 419, 438, 439, 444, 495, 512, 513, 514, 521, 528, 529, 536, 537, 546, 550, 552, 555, 558, 605, 608, 635, 636, 637, 640, 652.

Гайндман (Hundman), *Матильда*, урожденная Уэйр (Ware) (ум. в 1913 г.) — первая жена Г.-М. Гайндмана — 101, 102, 127.

Гамбетта (Gambetta), *Леон-Мишель* (1838—1882) — французский либерал, член временного правительства 1870 г. и организатор военного сопротивления Пруссии, после подавления Коммуны стоял во главе республиканского блока, в 1881—1882 гг. премьер-министр — 4, 99, 243, 254, 260, 540.

Гамель (Hamel), *Эрнест* (1826—1898) — французский демократический публицист; автор ряда работ по истории Французской революции — 533.

Гансман (Hansemann), *Давид* (1790—1864) — рейнский капиталист, в 1848 г. прусский министр финансов, умеренный либерал — 74.

Гарни (Harpney), *Джордж-Джулиан* (1817—1897) — вожь левого крыла чартистов, редактор «*Northern Star*», «*Red Republican*» и «*Friend of the People*», организатор интернационального общества «Братских демократов»; в 1860 г. эмигрировал в Америку — 228, 491, 560, 574, 580, 583.

Гарсиа (García), *Дионисио* — испан-

ский рабочий-ювелир, член I Интернационала — 243, 250, 258.

Гартман, *Лев Николаевич* (1850—1913) — русский революционер, народоволец, эмигрант во Франции, затем в Англии и Америке — 127, 128, 134, 135, 136, 151, 200, 223, 274, 306.

Гассельман (Hasselmann), *Вильгельм* (род. в 1844 г.) — один из вождей лассальянцев в Рейнской области, редактор «*Der Neue Sozialdemokrat*», в 70-х годах член рейхстага; перешел на анархистские позиции и в 1880 г. на Виденском съезде был исключен из партии вместе с Мостом — 85, 97, 276, 211.

Гатцфельд (Hatzfeld), *София*, графиня (1805—1881) — близкий друг и соратница Лассалья — 667.

Гашерт (Hасhert), *Лина* — жена К. Гирша — 227.

Гегель (Hegel), *Георг-Вильгельм-Фридрих* (1770—1831) — 254, 320, 371, 401, 463, 499, 505, 542.

Гед (Guesde), *Жюль* (Матье Базиль) (1845—1922) — вожь марксистского крыла французского рабочего движения, основатель Французской рабочей партии, с 90-х годов стал на путь уступок реформизму, в дальнейшем один из лидеров централизма во II Интернационале; во время империалистической войны социал-патриот, в 1914—1915 гг. министр в кабинете Вивиани — 98, 99, 147, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 165, 176, 184, 226, 229, 232, 243, 248, 252, 254, 255, 258, 260, 263, 265, 267, 268, 269, 270, 285, 333, 339, 364, 379, 538, 541, 554.

Гедель (Hödel), *Макс* (1857—1878) — лейпцигский рабочий, в 1878 г. покушался на жизнь Вильгельма I, казнен — 230.

Гейб (Geib), *Август* (1842—1879) — германский социал-демократ, с 1872 г. казначей партии, в 70-х гг. член рейхстага; после введения закона против социалистов занял ликвидаторскую позицию — 5, 45.

Гейбель (Heubel) — мелкий чиновник в Зальцведеле, отец Каролины фон-Вестфален, матери Женни Маркс — 168, 491.

Гейзер (Geiser), *Бруно* (1846—1898) — германский социал-демократический журналист, зять В. Либкнехта, редактор журнала «*Neue Welt*», член рейхстага в 1882—1887 гг., один из главарей оппортунистического крыла партии — 215,

- 219, 224, 277, 311, 319, 330, 343, 370, 378, 384, 396, 402, 404, 408, 416, 427, 433, 471, 477, 554, 587, 625.
- Гейне** (Heine), **Генрих** (1797—1856) — 275, 318, 324, 667.
- Гейнцель** (Heintzel) — немецкий социал-демократ, участник нелегального партийного съезда в Копенгагене — 569.
- Гейнцен** (Heinzen), **Карл** (1809—1880) — немецкий публицист, мелкобуржуазный радикал; в 1842—1843 гг. сотрудник «Rheinische Zeitung», в дальнейшем ярый противник Маркса и Энгельса; в 1850 г. эмигрировал в Америку, где продолжал борьбу против марксизма — 80, 324, 363, 412.
- Геккель** (Haeskel), **Эрнест** (1834—1919) — немецкий естествоиспытатель-материалист, дарвинист — 12.
- Геккер** (Hesker), **Фридрих** (1811—1881) — южно-германский демократический деятель, один из организаторов баденского восстания 1849 г.; в 1861 г. участвовал в гражданской войне в Америке на стороне северян — 468.
- Генель** (Hänel), **Альберт** (1833—1918) — один из лидеров партии прогрессистов в германском рейхстаге, член рейхстага в 1872—1893 и 1898—1903 гг. — 551.
- Генрих IV** (Henri IV) (1553—1610) — французский король (1594—1610) — 75.
- Генрих VII** (1457—1509) — английский король (1485—1509) — 293.
- Генрих VIII** (1491—1547) — английский король (1509—1547) — 293.
- Геннер** (Herner), **Адольф** (1846—1923) — германский социал-демократ, с 1869 г. помощник Либкнехта в редакции «Volksstaat», делегат на Гаагском конгрессе I Интернационала, противник сближения с ласальянцами; после объявления исключительного закона эмигрировал в Америку, где занимался литературно-издательской деятельностью, в 1908 г. вернулся в Германию; во время войны социал-патриот — 182, 219, 228, 262, 294, 306, 324, 631, 632.
- Геркнер** (Herkner), **Генрих** (1863—1932) — германский экономист, профессор в Карлсруэ, Цюрихе и Берлине, катедер-социалист, автор «Рабочего вопроса» (1894) — 668.
- Герцен**, **Александр Иванович** (1812—1870) — 187.
- Гесс** (Hess), **Мозес** (1812—1875) — немецкий мелкобуржуазный социалист, в 40-х годах представитель так называемого «истинного социализма», в 1861 г. примкнул к Ласкалю, участник Брюссельского и Базельского конгрессов I Интернационала; в конце жизни занимался космологическими исследованиями — 5, 393, 509, 580.
- Гесс** (Hess), **Сибилла** — жена Мозеса Гесса — 173.
- Гете** (Goethe), **Иоганн-Вольфганг** (1749—1832) — 210, 352.
- Гехберг** (Höschberg), **Карл** (1853—1885) (псевдоним—Рихтер) — немецкий филантропический социалист-реформист, сын богатого коммерсанта, с 1876 г. примкнул к социал-демократической партии и пытался увлечь ее на реформистский путь, издавал и финансировал ряд социал-демократических газет и журналов — 37, 41, 42, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 56, 58, 63, 64, 65, 67, 70, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 84, 97, 181, 224, 227.
- Гиго** (Guizot), **Франсуа-Пьер** (1787—1874) — французский историк и реакционный государственный деятель, в период 1840—1848 гг. премьер-министр и министр иностранных дел — 139.
- Гильдебранд** (Hildebrandt), **Бруно** (1812—1878) — немецкий экономист и статистик, глава «этического» направления так называемой исторической школы, основатель тюбингенских «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» — 603.
- Гильом** (Guillaume), **Джюмс** (1844—1917) — швейцарский анархист, бакунист, организатор и руководитель Юристской федерации в ее борьбе против Генерального совета I Интернационала; во время империалистической войны социал-патриот — 5, 19, 26.
- * **Гильом-Шак** (Gillaume-Schack), **Гертруда** — немецкая социалистка — 479, 565, 580, 582, 640, 645, 646, 647, 648, 652, 669.
- Гирс**, **Николай Карлович** (1820—1895) — русский дипломат, в 1882—1895 гг. министр иностранных дел — 507, 569, 574.
- Гирш** (Hirsch), **Карл** (1841—1900) — немецкий социал-демократ, редактор газеты «Volksstaat» (1870—1871), издавал в 1879 г. в Бельгии еженедельник «Die Laterne», в котором подверг критике оппортунистическую

- позицию части руководства Германской социал-демократической партии — 5, 20, 22, 23, 41, 42, 43, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 73, 75, 126, 133, 137, 142, 146, 209, 210, 222, 227, 228, 234, 235, 259, 419.
- Гири** (Hirsch), *Макс*, д-р (1832—1905) — немецкий экономист, один из лидеров прогрессивистской партии; основатель реакционных профсоюзов, известных под именем гири-дункеровских; с 1869 г. член рейхстага — 143, 144.
- Гири** (Hirsch), *Мориц*, барон (1831—1896) — крупный австрийский капиталист, владелец концессии на железнодорожное строительство в Турции — 215, 216.
- Гиттенс** и К^о (Gittens and C-ie) — транспортная контора в Лондоне — 360.
- Гладстон** (Gladstone), *Вильям-Юарт* (1809—1898) — английский государственный деятель, вождь либеральной партии, неоднократно на протяжении 50 лет занимал министерские посты и возглавлял правительство; сторонник англо-русского союза — 36, 105, 121, 124, 125, 127, 129, 131, 134, 180, 217, 239, 360, 455, 463, 508, 562, 598.
- Гоценцоллерны** (Hohenzollern) — династия, правившая в Германской империи в 1871—1918 гг. — 226, 279, 287, 334, 584.
- Годар** (Godard) — французский анархист — 254, 255, 267.
- Голье** (Gaulier), *Альфред* (род. в 1829 г.) — французский журналист, радикал — 558.
- Горчаков**, *Александр Михайлович*, князь (1798—1883) — русский дипломат, в 1856—1882 гг. министр иностранных дел — 128.
- Гоуэлл** (Howell), *Джордж* (1833—1910) — английский либеральный деятель в рабочем движении, был членом Генсовета I Интернационала, затем ренегат и автор клеветнической работы по истории английских тред-юнионов — 166, 180, 302, 650.
- Гриви** (Grévy), *Франсуа-Поль-Жюль* (1807—1891) — французский государственный деятель, умеренный республиканец, президент республики в 1879 и 1885 гг. — 147.
- Грей** (Grey), *Джон* (1798—1850) — английский утопический социалист, оуэнист — 420.
- Грейлих** (Greulich), *Герман* (1842—1925) — немецкий рабочий пере-
- цлетчик, один из основателей швейцарской секции I Интернационала и социал-демократической партии Швейцарии, редактор цюрихской газеты «Tagwacht», один из лидеров правого крыла II Интернационала — 19.
- Гренланд** (Grönlund), *Лауренс* (1847—1899) — американский социал-реформист, один из основателей американского «Фабианского общества» — 404, 470.
- Гриллабергер** (Grillenberger), *Карл* (1848—1897) — германский рабочий, один из организаторов социал-демократического движения в Баварии, редактор нюрнбергской газеты «Sozialdemokrat», с 1881 г. член рейхстага, реформист — 276, 294, 433.
- Грин** (Green), *Лиза* — 137.
- Гросс** (Gross), *Густав* (род. в 1856 г.) — профессор политической экономии в Венском университете, автор биографии Маркса (1885) для «Allgemeine Deutsche Biographie», член австрийского государственного совета, в 1911—1917 гг. руководитель Немецкого национального союза и в 1917—1918 гг. президент австрийской палаты — 447, 453, 603.
- Грунциг** (Grunzig), *Юлиус* (род. в 1855 г.) — германский социал-демократ, в 80-х годах эмигрировал в Америку, сотрудник «New-Yorker Volkszeitung» — 656.
- Гулд** (Gould), *Джей* (1836—1892) — американский банкир, железнодорожный магнат — 113.
- Гумбель** (Gumbel) — немецкий социалист, эмигрант — 275, 276, 404.
- Гумперт** (Gumpert), *Эдуард* (умер в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере; друг Маркса и Энгельса — 93.
- Гуттен** (Hutten), *Ульрих*, фон (1488—1523) — немецкий гуманист — 408.
- Гутцков** (Gutzkow), *Карл* (1811—1878) — немецкий писатель, один из вождей литературного течения «Молодая Германия» — 76.
- Гюго** (Hugo), *Виктор* (1802—1885) — 472.

Д

- Даву** (Davoust), *Луи-Николя* (1770—1823) — маршал Наполеона — 491.
- Дакоста** (Da Costa), *Евгений* — профессор математики в Париже, отец Гастона и Шарля Дакоста, участников Коммуны — 88, 89.
- Дакоста** (Da Costa), *Шарль-Николя*

- (род. в 1846 г.) — французский социалист, бланкист, участник Коммуны, эмигрант в Лондоне; после амнистии вернулся во Францию, отошел от политической жизни; в 1911 г. выпустил работу о бланкистах — 88, 89.
- **Даниельс* (Daniels), *Амалия* (1820—1895) — жена Роланда Даниельса, кельнского врача, друга Маркса, одного из обвиняемых в кельнском процессе коммунистов, умершего в 1856 г. — 178.
- **Даниельсон, Николай Францевич* (псевдоним — Николай — он) (1844—1918) — русский экономист, один из идеологов народничества, перевел т. I «Капитала» на русский язык вместе с Лопатиным и тт. II и III самостоятельно — 14, 17, 29, 61, 93, 110, 170, 348, 356, 452, 459, 469, 483, 484, 499, 533, 602, 623, 636, 661.
- Данте* (Dante), *Алигьери*, (1265—1321) — 505.
- Дарвин* (Darwin), *Чарльз-Роберт* (1809—1882) — 9, 217, 264, 281, 358.
- Девиль* (Deville), *Габриель* (род. в 1854 г.) — французский социалист, один из основателей Французской рабочей партии, автор популярного изложения «Капитала», после 1900 г. вышел из партии — 226, 265, 266, 267, 325, 340, 341, 349, 350, 353, 361, 363, 364, 543, 553, 572, 649.
- Девитт* (Davitt), *Майкл* (1846—1906) — деятель ирландского национально-революционного движения, участник движения фениев, сторонник идей Г. Джорджа о национализации земли — 233.
- Дейнгардт* (Deinhardt), *К.* — инженер в Мюнхене — 282, 283, 284.
- Демосфен* (384—322 до хр. э.) — афинский оратор и политик, возглавлял республиканскую партию — 445.
- Демут* (Demuth), *Елена* (Ленхен, Ним) (1823—1890) — домашняя работница в доме Маркса, близкий друг семьи — 137, 173, 209, 295, 333, 340, 365, 366, 368, 371, 459, 484, 506, 518, 533, 567, 568, 570, 579, 581, 582, 643, 652, 668, 669.
- Денгардт* (Denhardt), *Фридрих* — немецкий журналист, сотрудник «Neue Zeit» — 332.
- Де-Пап* (De Paere), *Цезарь* (1842—1890) — один из руководителей бельгийских секций I Интернационала и Бельгийской социалистической партии, в период раскола I Интернационала сторонник сотрудничества с анархистами — 158, 638.
- Дерэз* (Dergez), *Марсель* (1843—1918) — французский инженер, известный своими открытиями в области электротехники — 289.
- Дерер* (Degeure), *Луи-Симон* (1823—1900) — французский рабочий, бланкист, один из основателей секции I Интернационала в Париже, член Парижской коммуны, после падения Коммуны эмигрировал в Англию, затем в Америку, член Генерального совета в Нью-Йорке — 378.
- Детруайя* (Detroyat), *Пьер-Леон* (род. в 1829 г.) — морской офицер, участник франко-прусской войны, бонапартистский публицист — 104.
- Дефо* (Defoe), *Даниель* (1661—1731) — английский публицист-романист, автор «Робинзона Крузо» — 407.
- Дехенд* (Dechend), *Герман-Фридрих-Александр* (1814—1870) — управляющий Германским государственным банком — 202.
- **Джойнс* (Joynes) *Джс.-Л.* — английский учитель и журналист, сторонник Г. Джорджа, сподвижник Гайндмана в Социал-демократической Федерации, сотрудник редакции «То-Дау» — 338, 398, 419, 438.
- Джорджс* (George), *Генри* (1839—1897) — американский экономист, пропагандист буржуазной национализации земли — 135, 138, 139, 140, 171, 307, 322, 339, 344, 363, 438, 606, 610, 611, 635, 649, 653, 657, 662, 663, 664.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенджамин*, лорд Биконсфилд (1804—1881) — английский государственный деятель, лидер консерваторов, министр финансов (в период 1852—1868 гг.), премьер-министр в 1868 и 1874—1880 гг. — 36, 105, 128, 134, 668, 669.
- Дилк* (Dilke), *Энтон-Уэнтворт* (1850—1883) — редактор «Weekly Dispatch», брат Чарльза Дилка, радикал — 128, 199.
- Дилк* (Dilke), *Чарльз-Уэнтворт* (1843—1911) — видный английский политический деятель, член парламента, левый либерал, товарищ министра иностранных дел в кабинете Гладстона в 1882—1885 гг. — 128, 200, 456, 567.
- Дитц* (Dietz), *Иоганн-Генрих-Вильгельм* (1834—1922) — немецкий социал-реформист, член рейхстага с 1881 г.; владелец социал-демократического книгоиздательства в Штутгарте — 280, 309, 314, 321, 332, 341, 357, 394, 395, 414, 416, 418, 420.

- 421, 423, 433, 446, 448, 498, 559, 569, 570, 578, 580, 591.
- Дицген* (Dietzgen), *Иосиф* (1828—1888) — немецкий рабочий-кожевник, философ-материалист, в 1884 г. эмигрировал в США — 472, 529, 553, 588, 631.
- Добролюбов*, *Николай Александрович* (1836—1861) — русский критик, просветитель и публицист, фейербахианец — 389.
- Долгорукая*, *Екатерина Михайловна* (княгиня Юрьевская) — с 1880 г. состояла в моргангическом браке с императором Александром II; автор мемуаров об Александре II (1882) (под псевдонимом Виктор Лаферте) — 634.
- **Домела-Нивенгейс* (Domela-Nieuwenhuis) (1846—1919), *Фердинанд* — основатель Голландской социал-демократической партии, редактор газеты «Recht voor Allen», в 1888—1891 гг. член парламента, впоследствии один из вождей анархизма — 87, 114, 175, 300, 515, 531, 612.
- Дональд* (Donald) — английский рабочий, член социалистической лиги — 645.
- Донкин* (Donkin), д-р — английский врач, лечивший семью Маркса в Лондоне — 126, 127, 149, 167, 170, 200, 205, 297.
- Дормуа* (Dormou), *Жан* (1851—1898) — французский социалист, гедист, впоследствии мэр г. Монлюсона — 364.
- Драйдейл* (Drysdale), *Чарльз-Роберт* — английский врач, неомальтузианец — 407.
- **Дронке* (Dronke), *Эрнст* (1822—1891) — немецкий радикальный публицист, вначале принадлежал к так называемым «истинным социалистам», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» в 1848—1849 гг.; впоследствии эмигрировал в Англию и занялся торговлей — 16.
- Дронке* (Dronke) — жена предыдущего — 17.
- Дросте-Гюльсгоф* (Droste-Hülshoff), *Аннета*, фон (1797—1848) — немецкая писательница — 549.
- Дурлан* (Douflan), д-р — врач, лечивший Маркса и его жену во время его пребывания в Париже — 150, 212.
- Дуэ* (Douai), *Адольф* (1819—1888) — немецкий социалист, участник революции 1848 г., в 1852 г. эмигрировал в Америку; учитель и журналист; член I Интернационала, со-
- редактор «New Yorker Volkszeitung» — 13, 93, 306, 471, 472, 552, 622.
- Дюк-Керси* (Duc-Quercy) (род. в 1856 г.) — французский социалист, один из основателей Французской рабочей партии, участник декабрьской стачки, генеральный секретарь «Humanité» до 1914 г. — 554.
- Дюринг* (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ (вульгарный материалист) и экономист, мелкобуржуазный социалист; в 1863—1877 гг. приват-доцент Берлинского университета — 4, 5, 7, 279, 446, 448, 604.

E

- Екатерина II* (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 194, 688.
- Елизавета* (1533—1603) — английская королева (1558—1603) — 384.

Ж

- Жандр* (Gendre) *Б.* — см. Никитина В. Н.
- Жиго* (Gigot), *Альбер* (1835—1913) — французский чиновник, префект полиции в 1877—1879 г. — 23.
- Жирарден* (Girardin), *Эмиль*, де (1806—1881) — французский публицист, редактор ряда крупных газет в 1848—1851 гг., буржуазный республиканец, позднее бонапартист — 104, 105.
- Жофрен* (Joffrin), *Жюль* (1846—1890) — французский механик, эмигрант-коммунар в Англии, по возвращении во Францию стал одним из лидеров POSSИБИЛИСТОВ во Французской рабочей партии — 176, 184, 260, 379.
- Жуковский*, *Юлий Галактионович* (1822—1907) — русский буржуазный экономист-электик, управляющий государственным банком; «критик» Маркса — 15, 117, 362.
- Журд* (Jourde), *Франсуа* (1843—1893) — французский журналист, прудонист, член I Интернационала, член Парижской коммуны, был сослан и после амнистии 1880 г. вернулся во Францию — 271.

З

- Закс* (Sax), *Эмиль* (1845—1927) — австрийский буржуазный экономист, сторонник «австрийской школы»; автор книги «Жилищные условия рабочего класса и их реформа»

- (1869), в ответ на которую Энгельс написал вторую часть своего «Жилищного вопроса» — 239.
- Залинг* (Saling), А. — составитель ряда немецких справочников, в частности «Биржевого Ежегодника» — 258.
- Замтер* (Samter), *Адольф* (1824—1883) — немецкий банкир и экономист — 140.
- **Засулич*, *Вера Ивановна* (1851—1919) — русская социал-демократка, в молодости деятельница «Народной воли», в 1878 г. совершила покушение на петербургского градоначальника Трепова, в 1883 г. одна из основательниц группы «Освобождение труда»; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам — 334, 335, 352, 360, 417, 461, 534, 548, 677.
- Зетбер* (Soetbeer), *Адольф-Георг* (1814—1892) — германский буржуазный экономист и статистик, сторонник перехода Германии к золотой валюте — 202.
- Зибер*, *Николай Иванович* (1844—1888) — русский экономист, профессор в Киеве, с 1875 г. жил в Швейцарии, один из первых «легальных марксистов» и популяризаторов экономической теории Маркса в России — 15, 114.
- Зингер* (Singer), *Пауль* (1844—1911) — германский социал-демократ, выходец из буржуазии, один из вождей германской социал-демократии; с 1884 г. член рейхстага и председатель социал-демократической фракции — 49, 64, 220, 277, 377, 427, 434, 440, 443, 465, 545, 549, 609, 626, 628, 643, 647.
- Зоннеман* (Sonnemann), *Леопольд* (1831—1909) — германский буржуазный демократ, редактор «Frankfurter Zeitung» — 64.
- Зонненшайн* (Sonnenschein) — см. Сван.
- Зорге* (Sorge), *Адольф* — сын Ф.-А. Зорге, коммерсант в Нью-Йорке, затем в Рочестере — 138, 171, 214, 224, 262, 263, 323, 362, 365, 472, 527, 529, 536, 568, 589.
- **Зорге* (Sorge), *Фридрих-Альберт* (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г., эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей «Всеобщего немецкого рабочего союза», примкнувшего к I Интернационалу, после перенесения Генсовета в Нью-Йорк генеральный секретарь I Интернационала; друг Маркса и Энгельса — 13, 45, 62, 72, 93, 96, 100, 135, 137, 171, 214, 222, 235, 261, 294, 296, 303, 305, 306, 308, 310, 322, 351, 404, 443, 445, 470, 527, 535, 551, 583, 588, 605, 613, 616, 621, 624, 626, 629, 631, 633, 635, 636, 641, 642, 645, 648, 651, 656, 663, 666, 670.
- Зорге* (Sorge), *Екатерина* — жена предыдущего — 363, 569.

И

- Игнатъев*, *Николай Павлович*, граф (1832—1908) — русский дипломат, посол в Константинополе в 1864—1877 гг., министр внутренних дел в 1881—1882 гг. и министр государственных имуществ в 1886 г. — 188.
- Ионас* (Jonas), *Александр* (ум. в 1912 г.) — американский социалист, редактор газет «New Yorker Volkszeitung» и «Arbeiterstimme» — 629, 630, 633, 635, 642, 643.
- Иорданис* (Jordanis) (прибл. 500—552) — древне-германский историк — 471.
- Ирвинг* (Irving), *Генри* (1838—1905) — английский актер-трагик — 127, 168.
- Иринг* (Ihring) — провокатор, вступивший под именем Малова в Берлинский рабочий союз; был разоблачен в феврале 1886 г. — 545.
- Итон* (Eaton) — американский социалист — 615.

К

- Каблуков*, *Николай Алексеевич* (1849—1919) — экономист и статистик народнического направления, профессор Московского университета — 114.
- **Каблукова* (Горбунова), *Минна Карловна* (род. в 1840 г.) — земский статистик и публицистка народнического направления — 88, 89, 90.
- Кабэ* (Cabet), *Этьен* (1788—1856) — французский коммунист-утопист, автор «Путешествия в Икарию» (1840) — 365, 495.
- Кавур* (Cavour), *Камилло-Бензо*, граф (1810—1861) — глава Итальянской либеральной партии, деятель национального объединения Италии, премьер-министр в 1852—1859 и 1860—1861 гг. — 185.
- Кайзер* (Kaysar), *Макс* (1853—1888) — германский социал-демократ, с 1878 г. член рейхстага, принадлежал к правому крылу социал-

- демократической фракции — 49, 51, 52, 53, 65, 66, 68, 69, 73, 74, 164, 276.
- Калер-Рейнталь** (Kaler-Reinthal), *Эмиль* — австрийский социал-демократический публицист, автор книги о Вейтлинге — 325.
- Калонн** (Calonne), *Шарль* (1734—1802) — генеральный контролер финансов при Людовике XVI — 119.
- Кальвин** (Calvin), *Жан* (1509—1564) — вождь реформации в Швейцарии и во Франции — 26.
- Камелина** (Camélinat), *Луи-Зефирен* (1840—1932) — французский коммунист, рабочий-чеканщик, участник Коммуны; до 1880 г. эмигрант в Лондоне, с 1885 г. член французского парламента, с 1920 г. член коммунистической партии Франции — 538, 539, 540, 543, 547, 548, 554.
- Кант** (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — 363.
- Каншер** (Kascher) — корреспондент газеты «République française» — 24.
- Кареев**, *Николай Иванович* (1850—1931) — историк-идеалист, бывший профессор Московского университета, кадет; в 1879 г. защищал диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», о которой идет речь в письме Маркса — 28.
- Карл** (Karl) *Гоенцоллерн*, принц (1801—1883) — сын Фридриха-Вильгельма III — 279.
- Карпенгер** (Carpenter), *Эдвард* (1844—1929) — английский коммерсант, в 80-х годах примкнул к социалистическому движению, автор ряда книг по социальным вопросам, а также стихотворений — 438, 440.
- Кассиодор** (Cassiodorus), *Флавий-Магнус-Аврелий* (490—585) — готский историк, государственный деятель эпохи Теодориха — 471.
- Кастеляр** (Castelhar) — французский фармацевт; сосед Маркса по гостинице в Алжире — 205, 209.
- Катков**, *Михаил Никифорович* (1818—1887) — русский реакционный публицист, редактор «Русских Ведомостей» (с 1851 г.) и «Русского Вестника» (с 1856 г.) — 188, 657.
- ***Каулиц** Г. (Kaulitz) — немецкий социалист, эмигрант в Лондоне — 96.
- Каульбарс**, *Николай Васильевич* (1842—1906) — генерал, в 1881—1886 гг. военный уполномоченный в Австрии, в 1886 г. был послан в Болгарию с дипломатическим поручением — 598.
- Каутская** (Kautsky), *Луиза* — первая жена К. Каутского, впоследствии жена д-ра Фрейбергера, секретарь Энгельса — 273, 459, 484, 485, 486, 506, 518, 533, 565, 569, 570, 579, 581, 582, 583, 648, 652, 655, 668, 674.
- ***Каутская** (Kautsky), *Минна* (1836—1912) — немецкая писательница, мать К. Каутского — 126, 153, 155, 484, 503.
- ***Каутский** (Kautsky) *Карл* (род. в 1854 г.) — 107, 109, 122, 123, 126, 130, 133, 136, 138, 143, 144, 145, 148, 150, 151, 152, 155, 162, 166, 174, 177, 184, 199, 216, 235, 237, 241, 251, 263, 273, 279, 280, 289, 290, 309, 330, 333, 335, 337, 338, 340, 342, 343, 345, 347, 349, 356, 360, 368, 369, 372, 374, 375, 379, 380, 382, 386, 390, 393, 394, 395, 398, 400, 401, 405, 408, 410, 414, 416, 418, 421, 422, 423, 428, 433, 438, 447, 458, 459, 465, 467, 476, 477, 478, 481, 482, 483, 485, 486, 488, 497, 498, 506, 507, 509, 512, 518, 522, 533, 537, 543, 546, 551, 559, 561, 564, 565, 567, 568, 569, 570, 578, 581, 582, 591, 597, 620, 622, 630, 632, 638, 643, 644, 648, 652, 653, 655, 656, 658, 659, 660, 662, 665, 671, 674.
- Кауфман**, *Илларион Игнатьевич* (1848—1916) — русский экономист и статистик, профессор Петербургского университета — 34.
- ***Кауфман** (Kaufmann), *С.* — член Немецкого рабочего просветительного союза в Лондоне — 34, 63, 118.
- ***Каффиеро** (Cafiero), *Карло* (1846—1892) — итальянский революционер, один из вождей итальянской секции Интернационала, после Лондонской конференции 1871 г. бакунист; в 1880 г. отошел от анархистов и стал сторонником легальной парламентской тактики — 40.
- Кварк** (Quarck), *Макс* (1859—1930) — германский социал-демократ, реформист; в начале 80-х годов выступал в печати под именем Фрейвальд Тюрингер — 334, 376, 395, 449, 543.
- Кегель** (Kegel), *Макс* (1850—1902) — германский социал-демократ, поэт, редактировал ряд социал-демократических газет — 147, 150.
- ***Келли-Виншевецкая** (Kelly-Wischnevetzky), *Флоренс* (1860—1932) — американская социалистка, переводчица книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» на английский язык; впоследствии буржуазная реформистка — 446, 450, 451, 515, 520, 528, 529, 541, 544, 545.

- 553, 563, 570, 582, 609, 614, 615, 621, 626, 630, 633, 634, 635, 637, 638, 640, 641, 642, 644, 646, 647, 651, 652, 653, 656, 661, 670.
- Кембриджский* (Cambridge), *Джордж-Фредерик - Вильям - Чарльз*, герцог (1819—1904) — английский принц, главнокомандующий английских войск (1856—1895) — 24.
- Кенэ* (Quesnay), *Франсуа* (1684—1774) — французский экономист, основатель школы физиократов — 28, 29.
- Кердийк* (Kerdijk), *А.* — автор биографии Маркса на голландском языке, вышедшей в серии «*Mappen van Beteekenis*» (1879) — 115.
- Киперт* (Kierpert), *Генрих* (1818—1899) — немецкий географ и картограф, профессор Берлинского университета — 196.
- Клемансо* (Clémenceau), *Жорж* (1841—1929) — французский политический деятель, по образованию врач. с 1875 г. член парламента, редактор «*Justice*», лидер радикал-социалистов, в 1906—1909 и 1917—1920 гг. премьер-министр; один из вдохновителей мировой войны 1914 г. и злейший враг Советского союза—99, 111, 243, 260, 353, 383, 456, 458, 473, 482, 483, 490, 538, 540, 543, 548, 554, 557, 558, 587, 607.
- **Кловз* (Klows), *Норрис* — ирландский корреспондент газеты «*New York Star*» — 141.
- Клоотс* (Cloots), *Жан-Батист* (Анахарвис) (1755—1794) — немецкий барон, деятель Великой французской революции, член Конвента, гебертист; казнен по постановлению революционного трибунала — 532.
- Кобден* (Cobden), *Ричард* (1804—1865) — английский либерал, идеолог фритредерства, организатор «*Лиги борьбы против хлебных законов*» (1839); с 1847 г. член парламента — 23.
- **Ковалевский*, *Максим Максимович* (1851—1916) — русский либеральный социолог, этнограф и историк, в 1877—87 гг. профессор Московского университета; будучи уволен уехал за границу, где оставался до 1905 г.; в 1907 г. член Государственного Совета, с 1914 г. академик — 15, 28, 62, 230.
- Кок*, *Поль де-* (Paul de Kock) (1797—1871) — французский романист и драматург — 409.
- Колен* (Colins), *Жан-Гильом-Иппо-лит* (1783—1859) — бельгийский экономист, социал-реформист — 139, 140.
- Кольб* (Kolb), *Георг-Фридрих* (1808—1884) — германский статистик—506.
- Кон* (Cohn), *Густав* (1840—1918) — австрийский буржуазный экономист — 567.
- Комт* (Comte), *Огюст* (1798—1857) — французский философ, основатель позитивизма — 128.
- Коста* (Costa), *Андреа* (1851—1910) — итальянский социалист, в начале своей деятельности анархист-бакунист; в 1882 г. первый социалистический депутат парламента, в 90-х годах один из реформистских лидеров Итальянской социалистической партии — 293.
- Ковэн* (Cowen), *Джозеф* (1831—1899) — английский буржуазный радикал, в 50-х годах примыкал к чартистам, в 1873—1886 гг. член парламента, один из организаторов «*Демократической федерации*», владелиц «*Newcastle Chronicle*»; впоследствии сторонник империалистической внешней политики и враг социализма — 121.
- Кох* (Koch), *Гуго* — секретарь редакционной комиссии «*Löndoner Arbeiter Zeitung*» — 665.
- Кравчинский* (Степняк), *Сергей Михайлович* (1852—1895) — русский революционер, писатель, эмигрировал из России; сотрудник бакуинской газеты «*Община*» и журнала «*Земля и Воля*»; в последние годы жизни склонялся к либерализму — 555.
- Кранц* (Krantz) — 300.
- **Краус* (Kraus), *Бернгард*, д-р (1828—1887) — редактор «*Allgemeine Wiener medizinische Zeitung*»; знакомый Маркса — 82.
- Крауфорд* (Crawford), *Эмили*, урожденная Джонсон (род. в 1841 г.) — английская буржуазная журналистка, парижская корреспондентка газет «*Daily News*» и «*Weekly Dispatch*» — 543, 639.
- **Крзювицкий* (Krzywicki), *Людвиг* (род. в 1859 г.) — польский социолог, антрополог и экономист, профессор Варшавского университета—347, 349.
- Криэ* (Crié) — французский анархист, член редакции газеты «*La Bataille*» — 249.
- Криммер* (Kremer), *Вильям-Рандол* (1828—1904) — один из вождей анг-

- лийских трэд-юнионов, в 1864—1866 гг. секретарь Генерального совета I Интернационала, член парламента, либерал, пацифист — 650.
- **Кугельман* (Kugelmann), *Людег* (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г., находился в постоянной дружеской переписке с Марксом, выполняя поручения I Интернационала в Германии, содействовал изданию и распространению «Капитала» — 373.
- **Куно* (Cuno), *Фридрих-Теодор* (1847—1934) — инженер, германский социалист, в начале 70-х годов был выслан из Германии и жил в Италии, где принимал участие в организации миланской секции I Интернационала, на Гаагском конгрессе был председателем комиссии, вынесшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала, в 1872 г. эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей «Рыцарей труда» и сотрудником «New Yorker Volkszeitung» — 299, 306, 602.
- Купер Темпл* (Cowper Temple), *Вильям-Френсис* (1811—1888) — английский либерал, наместник Ирландии (1880—1882) — 217.
- Куропаткин, Алексей Николаевич* (1848—1926) — русский генерал, в 1898—1904 гг. военный министр — 493.
- Кэйв* (Cave), *Льюис-Вильям* (1832—1897) — английский юрист, с 1881 г. член верховного суда — 550.
- Кэмберлендский* (Cumberland), *Эрнст-Август*, герцог (1845—1923) — сын ганноверского короля, свергнутого Бисмарком в 1866 г. — 431.
- Кэрд* (Caird), *Джесем* (1816—1892) — английский государственный деятель, экономист и статистик, либерал — 94.
- Л
- Лабушер* (Labouchère), *Анри дю-Пре* (1831—1912), — английский либерал, член парламента в 1866—1867 гг., в 1880—1906 гг. один из владельцев газеты «Daily News» — 106.
- Лавель* (Laveleye), *Эмиль-Луи-Виктор*, де- (1822—1892) — бельгийский буржуазный экономист и публицист, фритредер, «критик» социализма — 167.
- **Лавинь* (Lavigne), *Поль* — деятель французского профессионального движения — 508.
- **Лавров, Петр Лаврович* (1823—1900) — русский социолог-эвлетик и публицист, народник; в 60-х годах был членом «Земли и воли», эмигрант, член I Интернационала и участник Парижской коммуны, редактор журналов «Вперед» в 1873—1877 гг. и «Вестника Народной Воли» в 1883—1885 гг. — 11, 145, 178, 191, 199, 205, 213, 214, 215, 222, 230, 299, 300, 335, 348, 352, 355, 359, 452, 491, 533, 534, 604, 661.
- Ламартин* (Lamartine), *Альфонс*, де- (1790—1869) — французский поэт, историк и умеренно-либеральный политический деятель, в 1848 г. министр иностранных дел — 315.
- Ланкестер* (Lankester), *Эдвин-Рэ*, (1847—1929) — английский зоолог, профессор Лондонского, затем Оксфордского университетов, директор естественно-исторического отделения Британского музея; знакомый Маркса — 114, 126, 127.
- Ласкер* (Lasker), *Эдуард* (1829—1884) — один из лидеров немецкой либеральной буржуазии в 60-х годах — 553.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — 55, 127, 158, 168, 185, 210, 229, 230, 240, 242, 248, 254, 277, 320, 400, 404, 442, 475, 495, 514, 524, 655, 667.
- Лаубе* (Laube), *Генрих* (1806—1884) — немецкий писатель и театральный деятель, один из руководителей литературной группы «Молодая Германия», позднее директор Венского императорского театра — 76.
- Лафарг* (Lafargue), *Лаура* — см. Маркс Лаура.
- **Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — 98, 111, 114, 138, 142, 147, 156, 158, 159, 160, 161, 166, 181, 184, 206, 207, 209, 215, 217, 222, 226, 242, 248, 252, 254, 256, 260, 262, 263, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 285, 314, 325, 333, 334, 337, 347, 364, 365, 377, 403, 472, 474, 490, 538, 539, 554, 556, 557, 566, 572, 582, 588, 612, 613, 621, 649, 652, 655, 664, 666, 672.
- Лафарг* (Lafargue), сын Поля и Лауры Лафарг (род. в 1869 г. — умер в детском возрасте) — 43.
- Лавитт* (Lafitte), *Жак* (1767—1844) — директор Французского банка в период реставрации, вождь либеральной оппозиции, орлеанист, глава министерства в 1830—1831 гг. — 119.

- Леббок* (Lubbock), *Джон* (1834—1913) — английский естествоиспытатель-дарвинист и этнолог, автор книги «The origine of civilisation and the primitive condition of man» (1870) («Происхождение цивилизации и первобытные условия жизни человека») — 358.
- Леблан* — см. Блан.
- Лев XIII* (Джиоакино Винценто, граф Печчи) (Pesci) (1810—1903) — папа римский (1878—1903) — 625.
- Лейбниц* (Leibniz), *Готфрид-Вильгельм* (1646—1716) — 973.
- Лексис* (Lexis), *Вильгельм* (1837—1914) — немецкий профессор, экономист; сторонник биметаллизма — 559, 580, 603.
- Леман* (Lehmann) — см. Вильгельм I.
- Леонард* (Leonhardt), *Герхард-Адольф-Вильгельм* (1815—1880) — прусский министр юстиции (1867—1879) — 183.
- Леопольд I* (Leopold), *Георг-Христиан-Фридрих* (1790—1865) — бельгийский король (1831—1865) — 405.
- Леру* (Leroux), *Пьер* (1797—1871) — французский социалист-утопист — 495.
- Лессинг* (Lessing), *Готгольд-Эфраим* (1729—1781) — немецкий поэт, критик и драматург, виднейший представитель немецкого просвещения — 532.
- **Леснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — член Союза коммунистов, немецкий рабочий, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне, член Генерального совета I Интернационала и Британского федерального совета, делегат нескольких конгрессов, позднее деятель английских трэд-юнионов; друг Маркса и Энгельса — 14, 80, 104, 298, 377, 514, 559, 568.
- **Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — 4, 37, 39, 41, 47, 48, 49, 50, 51, 64, 65, 67, 70, 72, 75, 79, 80, 81, 87, 92, 95, 97, 102, 124, 125, 130, 138, 151, 173, 182, 220, 224, 233, 243, 246, 251, 253, 263, 282, 287, 294, 295, 307, 308, 310, 311, 312, 313, 316, 317, 320, 321, 324, 329, 330, 332, 342, 345, 354, 357, 363, 370, 381, 409, 423, 441, 443, 445, 449, 465, 466, 477, 481, 493, 501, 502, 506, 509, 510, 516, 518, 520, 522, 526, 529, 542, 546, 549, 555, 557, 569, 576, 581, 582, 583, 586, 587, 589, 592, 593, 594, 595, 600, 602, 606, 609, 625, 628, 629, 630, 632, 637, 642, 648, 652, 658, 668, 669.
- **Либкнехт* (Liebknecht), *Наталья*, урожденная *Ре* (Reh) (1837—1909) — вторая жена Вильгельма Либкнехта — 150, 592, 606, 617, 648, 668.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Гертруда* (род. 1864) — дочь Вильгельма Либкнехта от первого брака — 630.
- Лиза* — домашняя работница Лонге — 149.
- Лилиенталь* (Lilienthal) — американский социалист, по профессии врач, член «Союза свободомыслящих» — 223, 262.
- Лингенау* (Lingenau), *Фердинанд* (умер в 1877 г.) — немецко-американский социалист, завещавший свое состояние Германской социал-демократической партии (Бисмарк воспрепятствовал выполнению завещания) — 45, 138.
- Липперт* (Lippert), *Юлиус* (1839—1909) — австрийский историк культуры — 419.
- Лиссагарэ* (Lissagaray), *Проспер-Оливье* (1839—1901) — радикальный французский журналист, бланкист, член Парижской коммуны, в 1871—1880 гг. жил в эмиграции в Лондоне, по возвращении в Париж редактор газеты «Bataille»; автор «Истории коммуны» — 161, 206, 231, 232, 248, 249, 250, 256.
- Лист* (List) — 5.
- Ловелл* (Lovell) — американская книгороторная фирма — 644, 662, 671.
- Лонге* (Longuet), *Анри* (Гарри), (1878—1893) — сын Жени Маркс и Шарля Лонге — 11, 111, 126, 134, 149, 169, 173, 210, 216, 299, 309.
- Лонге* (Longuet), *Жан* (род. в 1876 г.) — сын Ж. Маркс и Ш. Лонге, впоследствии адвокат, французский социалист, центрист, член палаты депутатов в 1914—1919 гг. и с 1924 г., основатель газеты «Populaire» — 111, 126, 129, 133, 134, 136, 137, 169, 170, 173, 210, 211, 212.
- Лонге, Жени* — см. Маркс, Жени.
- Лонге* (Longuet), *Марсель*, прозвище «Па» (род. в 1881 г.) — сын Ж. Маркс и Ш. Лонге; впоследствии журналист — 133, 137, 173, 210.
- **Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833—1903) — французский прудонист, делегат нескольких конгрессов I Интернационала, член Парижской коммуны и редактор «Journal Officiel de la Commune», эмигрант в Лондоне в 1871—1880 гг., член Генерального совета I Интернационала; в 1873 г. женился на дочери

- Маркса, Женни; впоследствии член парижского муниципалитета, сотрудник газеты Клемансо «La Justice» — 25, 42, 89, 99, 104, 110, 111, 126, 129, 134, 137, 149, 168, 200, 206, 207, 209, 210, 213, 230, 262, 271, 299, 538, 543, 558.
- Лонге* (Longuet); *Эдгар-Вольф* (род. в 1879 г.), прозвище «Мг Теа» — сын Женни Маркс и Шарля Лонге; впоследствии врач — 11, 126, 134, 137, 150, 173, 210
- Лопатин, Герман Александрович* (1845—1918) — русский революционер, член партии «Народной воли», член I Интернационала, в 1870 г. входил в Генеральный совет; вместе с Даниельсоном перевел т. I «Капитала» на русский язык; в 1884 г. был арестован и сослан на каторгу, откуда был освобожден лишь в 1905 г. — 11, 114, 300, 335, 352, 356, 484, 500, 534, 535, 661.
- **Лориа* (Logia), *Ахилл* (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист, «критик» Маркса, профессор Туринского университета — 101, 289, 314.
- Лоу* (Law), *Гарриет* (1832—1897) — английская радикальная общественная деятельница, с 1867 г. член генсовета I Интернационала, антирелигиозница, издательница «Secular Chronicle» (1876—1879) — 106.
- Лоурей* — см. Сван Зонненшейн.
- Лохнер* (Lochner), *Георг* — немецкий ремесленник, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне, член генсовета I Интернационала — 417.
- Луи-Филипп* (Louis-Philippe) (1773—1850) — король Франции (1830—1848) — 33.
- Лупус* (Lupus). — см. В. Вольф.
- Лэндор* (Landor), *Вальтер-Севэдж* (1775—1864) — английский поэт и публицист, республиканец — 128.
- Любек* (Lübeck), *Карл* — немецкий журналист, был редактором «Berliner Demokratische Zeitung», сотрудник «Zukunft», эмигрант в Цюрихе, впоследствии социал-демократ — 63.
- Людериц* (Lüderitz), *Франц-Адольф-Эдуард* (1834—1886) — крупный немецкий коммерсант, один из пионеров германской колониальной экспансии — 413.
- Людовик XIV* (Louis XIV) (1638—1715) — король Франции (1643—1715) — 34.
- Людовик XV* (Louis XV) (1710—1774) — король Франции (1715—1774) — 34.
- Людовик XVI* (Louis XVI) (1754—1793) — король Франции (1774—1792) — 197.
- Люлье* (Lullier), *Шарль-Эрнест* (1838—1891) — французский социалист, офицер французского флота; командовал военными силами Коммуны, был смещен по подозрению в измене; после падения Коммуны сослан, по возвращении примкнул к буланжистам, редактор газеты «Républicque» — 161.
- Лютер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — 372.

М

- Маар* (Mohr) — прозвище Маркса.
- **Магон* (Mahon), *Джон-Линкольн* — английский рабочий-социалист, член «Демократической федерации» и «Социалистической лиги» — 432, 645, 650, 654.
- Мадзини* (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — итальянский революционер, глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия», борющийся за национальную независимость и объединение Италии, после революции 1848 г. эмигрант в Лондоне, глава «Европейского демократического комитета», ставившего своей целью объединение всех республиканских движений Европы — 128.
- Майоль* (Mayall) — фотограф в Лондоне — 308, 310.
- Майтленд* (Maitland), *Долли*, в замужестве Рэдфорд (Radford) (род. в 1858 г.) — английская актриса, позднее писательница; подруга Элеоноры Маркс — 127.
- Майтленд* (Maitland) — знакомый Маркса в Лондоне; отец Долли Майтленд — 127.
- Майтленд* (Maitland) — дочь предыдущего, сестра Долли Майтленд — 127.
- Мак-Гайр* (Mac Guire), *Питер-Дж.* (род. в 1852 г.) — деятель североамериканского рабочего движения, вице-президент Американской федерации труда, один из организаторов лассальянской социал-демократической партии в США в 1875 г. — 155.
- Мак-Глин* (Mac Glynn), *Эдвард* (1837—1900) — нью-йоркский священник, сторонник Генри Джорджа, в 1887 г. был отлучен от церкви, осно-

- ватель Общества для борьбы с бедностью; в 1893 г. после поданного им папе заявления отлучение было снято — 653, 657.
- Макдональд** (Mac Donald), **Александр** (1821—1880) — английский трад-унионист, либеральный рабочий политик, председатель английского союза горняков, член парламента — 81, 650.
- Мак-Милан** (Mac Millan) — англо-американское издательство — 368.
- Маколей** (Macaulay), **Томас-Бабингтон** (1800—1859) — английский либеральный историк, член парламента — 128.
- Максе** (Maxse) — английский публицист, радинал, сотрудник «Justice» — 128, 129.
- Мак-Эннис** (Mac Ennis), **Дж. Т.** — американский репортер, сотрудник газеты «Republican» — 555, 556, 568, 588.
- Малон** (Malon), **Бенуа** (1841—1893) — французский мелкобуржуазный социалист, один из лидеров possibilistов; в 1865 г. член I Интернационала, деятель Коммуны; издавал в Париже «Revue Socialiste» в 1880 и 1885 гг. — 77, 98, 99, 147, 157, 158, 159, 160, 161, 165, 166, 176, 184, 185, 226, 232, 242, 246, 247, 248, 252, 253, 254, 255, 256, 258, 260, 263, 265, 266, 270, 277, 333, 334, 339, 358, 359.
- Мальборо** (Marlborough), **Джордж-Чарльз-Черчилль**, герцог (1844—1892) — 562.
- Мальс** (Mals) — французский анархист, один из редакторов газеты «La Bataille» — 249.
- Мальтус** (Malthus), **Томас-Роберт** (1766—1834) — английский пастор, экономист, апологет капитализма; автор «теории перенаселения» — 109.
- Мандль** (Mandl), **Генрих** — немецкий журналист — 655.
- Маннинг** (Manning), **Генри-Эдуард** (1808—1892) — один из лидеров ультрамонтанского движения в Англии; с 1875 г. кардинал — 273.
- Манц** (Manz) — немецкий рабочий, член генсовета I Интернационала — 410, 417.
- Маньядер**, **Арман** — французский банковский служащий — 208.
- Марат** (Marat), **Жан-Поль** (1743—1793) — 533.
- Марк** (Mark), фон-дер — см. Розенберг.
- Маркс** (Marx), **Генрих** (1782—1838) — отец Карла Маркса, адвокат в Трире — 168.
- Маркс** (Marx), **Женни** (урожденная фон-Вестфален) (1814—1881) — жена Карла Маркса — 8, 11, 13, 19, 29, 43, 66, 72, 79, 83, 87, 92, 93, 96, 100, 101, 110, 111, 126, 127, 133, 135, 136, 137, 140, 142, 149, 155, 156, 162, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 180, 189, 295, 296, 298, 309, 318, 324, 386.
- ***Маркс** (Marx), **Женни** (1844—1883) — старшая дочь К. Маркса, жена Шарля Лонге — 11, 110, 126, 133, 136, 142, 149, 155, 166, 170, 173, 200, 204, 207, 208, 210, 216, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 232, 278, 290, 295, 297, 324.
- Маркс** (Marx), **Карл** (1818—1883) — 1, 3, 19, 22, 38, 40, 42, 46, 47, 66, 71, 75, 79, 80, 81, 83, 87, 88, 89, 90, 92, 100, 125, 132, 135, 151, 153, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 168, 174, 175, 177, 180, 181, 183, 189, 191, 192, 198, 199, 200, 214, 215, 217, 218, 219, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 232, 233, 234, 235, 238, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 261, 262, 264, 266, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 278, 280, 286, 290, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 314, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 334, 336, 337, 338, 341, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 355, 357, 358, 360, 361, 362, 363, 365, 366, 369, 370, 371, 372, 375, 376, 384, 386, 389, 392, 394, 396, 397, 400, 401, 404, 406, 407, 411, 415, 417, 418, 420, 425, 436, 447, 448, 449, 452, 453, 454, 455, 460, 461, 462, 464, 467, 468, 469, 470, 471, 475, 476, 477, 479, 480, 482, 483, 484, 487, 488, 491, 500, 508, 514, 516, 519, 524, 526, 528, 530, 534, 541, 542, 551, 552, 559, 560, 564, 572, 577, 580, 583, 586, 587, 591, 603, 614, 616, 617, 623, 626, 649, 662, 663, 665, 667, 673.
- ***Маркс** (Marx), **Лаура** (1845—1911) — вторая дочь Маркса, жена П. Лафарга — 42, 111, 137, 156, 173, 181, 208, 215, 235, 246, 262, 269, 301, 322, 325, 336, 354, 360, 366, 415, 418, 419, 422, 429, 447, 474, 496, 551, 566, 582.
- ***Маркс** (Marx), **Элеонора** (Тусси) (1855—1898) — младшая дочь Маркса, жена Э. Эвелинга — 43, 82, 83, 127, 133, 136, 149, 150, 155, 169, 173, 174, 178, 179, 180, 205, 206, 210, 215, 221, 224, 230, 244, 253, 297, 298, 300, 301, 307, 328, 333, 336, 339, 340, 341, 342, 345, 346, 348, 351, 360, 364, 368, 369, 399, 407, 415, 425, 439, 444, 442, 453,

- 472, 474, 485, 518, 521, 526, 529, 535, 551, 555, 567, 569, 576, 587, 592, 594, 609, 612, 613, 614, 616, 617, 621, 622, 623, 630, 632, 634, 636, 637, 638, 640, 648, 651, 652, 656, 659, 660, 668, 669.
- **Мартиноетти* (Martignetti), *Паскаль* — переводчик на итальянский язык работ Энгельса «Развитие социализма» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — 516, 519.
- Марэ* (Maret), *Анри* (1838—1917) — французский радикальный журналист, редактор газет «Mot d'ordre», «La Verité» и др., депутат парламента в 80-х и 90-х годах — 22, 165, 267.
- Массар* (Massard) — французский социалист, член Французской рабочей партии, член редакции «Citoyen», в 80-х годах вышел из партии и издавал шовинистическую «La Patrie» — 255, 267.
- Маурер* (Maurer), *Георг-Людовиг фон* (1790—1872) — немецкий юрист и автор работ по истории социально-экономического строя древних германцев — 245, 270, 273, 532, 680, 693.
- Махмуд-Дамат* (Mahmud Damat), паша (1840—1884) — зять турецкого султана Абдула Гамида II, был несколько раз военным министром Турции — 215.
- Махмуд-Недим* (Mahmud Nedim), паша (1810—1884) — турецкий государственный деятель, морской министр в 1867 г. и министр внутренних дел в 1879—1883 гг. — 215, 216.
- Меддок* (Maddock) — нотариус в Ливерпуле — 17.
- Мейендорф* (Meuendorf), г-жа — 667.
- Мейер* (Meyer), *Рудольф* (1839—1899) — немецкий «феодалный социалист», экономист и публицист, последователь Родбергуса; автор книги «Der Emancipationskampf des vierten Standes im Deutschland» (1874); в 1872 г. эмигрировал в Вену, где издавал «Vaterland» — 35, 42, 74, 167, 168, 273, 278, 280, 288, 289, 293, 329, 355, 376, 447.
- Мейснер* (Meissner), *Отто* — издатель в Гамбурге — 169, 170, 309, 314, 316 341, 349, 350, 351, 355, 369, 403, 479, 488, 534, 543, 673.
- Мелле*, — см. *Нестлер* и *Мелле*.
- Мендельсон-Бартольди* (Mendelssohn Bartholdy), *Эрнст* (1846—1909) — берлинский банкир, глава банкирского дома, финансировавшего русское правительство в начале XIX в. — 492, 507.
- Меринг* (Mehring), *Франц* (1846—1919) — германский социал-демократ, литературовед и историк партии; был демократическим журналистом, во время исключительных законов примкнул к социал-демократии, в 1891 г. вошел в редакцию «Neue Zeit», впоследствии один из вождей левого крыла германской социал-демократии, член союза «Спартак» — 227, 233, 234, 245, 264, 482.
- Мерсье-де-ла-Ривьер* (Mercier de la Rivière), *Поль-Пьер* (1720—1794) — французский экономист, физиократ — 29.
- Меса* (Mesa), *Хозе* (1840—1904) — испанский социалист, по профессии печатник; в 70-х годах примыкал к Альянсу, но был исключен за выступления в защиту политической борьбы, позднее один из организаторов испанской рабочей партии (1879), автор первой биографии Маркса на испанском языке и переводчик «Нищеты философии» и «Коммунистического манифеста» — 147, 161.
- Михель* (Miquel), *Иоганн* (1828—1901) — прусский национал-либерал, банкир; в молодости был членом Союза коммунистов, вскоре отошел от революционного движения, принимал участие в создании «Национального союза», член рейхстага в 1867—1877 и 1887—1890 гг., с 1890 г. прусский министр финансов, а в 1897—1901 г. вице-президент совета министров — 58, 266, 288.
- Мильт* (Mill), *Джеймс* (1773—1836) — английский историк, философ и экономист, последователь Ринардо, отец Дж-Ст. Милля — 139.
- Мильт* (Mill), *Джон-Стюарт* (1806—1873) — английский философ-позитивист, либеральный политический деятель и экономист, эпигон классической школы — 18, 139, 243.
- Минье* (Mignet), *Франсуа-Огюст-Мари* (1796—1884) — французский историк — 532, 533.
- Мирабо* (Mirabeau), *Оноре-Габриэль* (1749—1791) — французский политик, вождь крупной буржуазии в эпоху Великой французской революции — 232, 279.
- Михайловский*, *Николай Константинович* (1842—1904) — русский публицист и литературный критик-идеолог либерального народниче-

- ства, субъективный социолог, «критик» марксизма — 15.
- Мозен** (Mozin) (1771—1840) — французский аббат, филолог, автор французско-немецкого словаря — 346.
- Мольтке** (Moltke), **Гельмут-Карл-Бернард**, граф (1800—1891) — германский фельдмаршал, возглавлял прусскую армию во время австро-прусской (1866) и франко-прусской (1870—1871) войн — 422.
- Моммсен** (Mommsen), **Теодор** (1817—1903) — немецкий историк, автор «Римской истории», либерал — 419.
- Мони** (Money), **Дж.-В.-Б.** — английский юрист — 357.
- Морган** (Morgan), **Льюис-Генри** (1818—1881) — американский ученый, этнограф и историк, автор «Ancient society» («Первобытное общество», 1877) — 358, 365, 368, 369, 372, 419, 679.
- Морли** (Morley), **Джон** (1838—1923) — английский либерал, историк и публицист, редактор «Fortnightly Review», министр по делам Ирландии в 1886 и 1892 гг., министр по делам Индии в 1906—1910 гг. — 258, 562.
- Морли** (Morley), **Сэмюель** (1809—1886) — английский либерал, в 1865 и 1868—1885 гг. член парламента — 106.
- Моррис** (Morris), **Вильям** (1834—1896) — английский социалист-утопист, поэт и художник; в 1883 г. примкнул к «Социал-демократической федерации», субсидировал журнал «To-Day», в 1885 г. один из организаторов «Социалистической лиги», редактор журнала «Commonweal» — 369, 388, 396, 425, 438, 439, 440, 444, 546, 555, 558, 577, 636, 645, 671.
- Мост** (Most), **Иоганн** (1846—1906) — в 60-х годах один из лидеров ультра-«левого» крыла в рабочем движении в Вене, эмигрировал в Лондон, где с 1879 г. издавал газету «Freiheit», все более склоняясь к анархизму, на Виденском съезде (1880) был исключен из Социал-демократической партии; в 1882 г. выслан из Англии и переехал в США, где продолжал издавать «Freiheit» — 27, 28, 38, 40, 42, 44, 63, 65, 66, 72, 75, 76, 80, 83, 85, 96, 97, 109, 118, 120, 122, 124, 125, 128, 131, 141, 154, 181, 219, 229, 231, 241, 303, 305, 307, 324, 351, 363, 415.
- Моттелер** (Motteler), **Юлиус** (1838—1908) — германский социал-демократ, один из основателей эйзенахской партии, в 1879 г. был выслан из Германии, в Цюрихе организовал нелегальную доставку «Sozial-Demokrat» в Германию; член рейхстага в 1874—1878 и 1906—1908 гг. — 342, 592.
- Мур** (Moore), **Сэмюель** (1838—около 1912) — переводчик «Капитала» и «Коммунистического манифеста» на английский язык; манчестерский фабрикант, затем адвокат; друг Маркса и Энгельса; с 1890 г. судья в Азаба на Нигере (Африка), несколько лет спустя вернулся в Лондон — 81, 175, 235, 236, 303, 315, 318, 369, 444, 535, 565, 626, 659.
- Мурхардт** (Murhardt), **Франц** — 100, 101.
- Мэн** (Maine), **Генри** (1822—1888) — английский историк, исследователь древнего права, профессор в Кембридже — 679, 693.
- Мюллер** (Müller) — германский социал-демократ, участник нелегального съезда германской социал-демократии в Копенгагене (1883) — 569.
- Мюллер** (Müller) из Сен-Поля — 630.

Н

- Наполеон I** (1769—1821) — французский император (1804—1814) — 489.
- Наполеон III**, **Луи Бонапарт** (1808—1873) — французский император — 23, 33, 105, 139, 185, 199, 293, 326, 436.
- Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль** (1822—1891), принц — двоюродный брат Наполеона III, считался вождем «левых» бонапартистов; известен под кличками «Плон-плон» и «Красный принц» — 25, 104.
- Нейштадт-ан-дер-Гардт** (Neustadt an der Hardt) — участник революционного движения в Германии в 1848—1849 гг.; эмигрировал в Лондон, один из лидеров «Arbeiterverein» — 39.
- Неккер** (Necker), **Жак** (1732—1804) — женеvский банкир, переселившийся во Францию; руководил французским финансовым ведомством в 1777—1781 и 1788—90 гг. — 119.
- ***Нестлер**, **Ф.-Г.**, и **Мелле** (Nestler und Melle) — гамбургское книгоиздательство — 560, 590.
- Никитина**, **Варвара Николаевна** (псевдоним—Б. Жандр) (1842—1884) — русская писательница и публицистка в Париже, сотрудница газет

«La Justice», «Le Citoyen» и др. — 167.

Нобилинг (Nobiling), *Карл-Эдуард* (1848—1878) — немецкий агроном. произвел покушение на жизнь Вильгельма I — 70, 230.

**Нонне* (Nonne), *Генрих* — прусский полицейский агент в Париже в начале 80-х годов — 353, 358, 418.

Норгейт — см. Вильямс и Норгейт.

**Ноулс* (Knowles), *Джеймс-Томас* (1831—1908) — английский архитектор, издатель газеты «The Nineteenth Century» — 302, 305.

О

О'Коннель (O'Connel), *Даниель* (1755—1847) — ирландский политический деятель, основатель Ирландской национальной лиги, член парламента, представитель умеренных слоев ирландской буржуазии, противник революционных методов борьбы; вначале поддерживал чартизм, затем занял резко враждебную позицию, обвиняя чартистов в государственной измене — 231, 560.

Олторп (Allthorp), виконт — см. Спенсер, Джон-Чарльз.

Оппенгеймер (Oppenheimer), *Мозес* — немецкий социалист, в 1877 г. сотрудник еженедельника «Pfälzische Badische Volksblatt», эмигрант в Швейцарии, уличенный затем в тайном союзнничестве в буржуазной прессе и растрате партийных денег — 287.

Оуэн (Owen), *Роберт* (1771—1858) — 560, 577.

П

Пальмерстон (Palmerston), *Генри Джон-Темпл*, виконт (1784—1865) — английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1852), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 217, 516.

Панов (Panoff) — болгарский майор, на которого панковисты совершили покушение в Софии 24 апреля 1887 г. — 639.

**Паприц* (Papritz), *Евгения* — эмигрантка из России в Лондоне — 389.

Паркер (Parker), *Сара* — домашняя работница Энгельса — 149, 568.

Парнелл (Parnell), *Чарльз-Стюарт* (1846—1891) — ирландский буржу-

азный националист, член парламента, сторонник гомруля, вместе с Де-виттом организовал «Ирландскую земельную лигу» — 129, 131, 508, 513.

Паскье (Pasquier) — соавтор франко-немецкого словаря (вместе с Мозеном) — 346.

Паудерли (Powderley), *Теренс-Винсент* (1849—1924) — американский социалист, лидер «Рыцарей труда» в 1879—1893 гг. — 606, 610, 638, 657, 663.

Паули (Pauli), *Филипп-Виктор* (род. в 1836 г.) — химик, друг Шорлеммера, в 1871—1880 гг. руководил химическим заводом в Рейнау — 9.

Паули (Pauli) — жена предыдущего — 11.

Перейр (Pereire), братья *Эмиль* (1800—1875) и *Исаак* (1806—1880) — французские банкиры, основатели банка «Crédit mobilier» — 119.

Перовская, *Софья Львовна* (1853—1881) — русская революционерка, член «Народной воли», участница покушения на Александра II; казнена — 136, 137.

Перси — см. *Рошер П.*

Петерсон (Peterson) — издатель американской газеты «Labor Standard» — 62.

Петти (Petty), *Вильям* (1623—1687) — английский экономист и статистик, родоначальник теории трудовой стоимости — 28.

Пиа (Puat), *Феликс* (1810—1889) — французский литератор, член учредительного и законодательного собраний 1848 г., затем эмигрант в Лондоне, член I Интернационала, вместе с Везинье вел клеветническую кампанию против Генерального совета, член Коммуны, в 1888 г. депутат французской палаты — 97.

Пибоди (Peabody), *Джордж* (1795—1869) — северо-американский банкир, филантроп — 533.

**Пиз* (Pease), *Эдвард-Р.* (род. в 1857 г.) — английский социалист; один из основателей «Фабрианского общества» и его секретарь на протяжении многих лет — 527.

Пикар (Picard) — французский социалистический журналист, член редакции «Citoyen» — 254, 259, 260, 268.

Пиль (Peel), *Роберт* (1788—1850) — английский государственный деятель, тори, затем либерал-консерватор, премьер-министр в 1830 и

- 1841—1846 гг.; в 1846 г. провел билль об отмене хлебных пошлин—516, 562.
- Линдар** (522—446 до хр. э.) — греческий лирик — 34.
- Планто** (Planteau), *Франсуа-Эдуард* (род. в 1836 г.) — французский радикал. в 1899 г. буланжист — 538, 540.
- Платтер** (Platter), *Юлиус-Иоганн-Иозеф* (1844—1923), швейцарский экономист, профессор в Цюрихе — 567.
- Плеханов**, *Георгий Валентинович* (1857—1918) — 334, 461, 462.
- Плон-плон** — см. Наполеон-Жозеф.
- Поллаки** (Pollaku), *Игнатий-Павел* — содержатель частного полицейского бюро в Лондоне, корреспондент «Foreign Police Gazette» — 268.
- Поляков**, *Самуил Соломонович* (1836—1888) — русский финансист, занимался железнодорожным строительством, основатель ряда кредитных учреждений — 215.
- Прудон** (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809—1865) — французский мелкобуржуазный экономист, один из основоположников мирного анархизма — 79, 99, 135, 139, 187, 350, 357, 360, 365, 366, 391, 420, 425, 453, 495, 502, 539, 577, 662.
- Пумис** — см. Бернс, Мэри-Эллен.
- Путнам** (Putnam), *Джордж-Пальмер* (1814—1872) — нью-йоркский издатель и книготорговец — 451.
- Путткамер** (Puttkamer), *Роберт-Виктор* (1828—1900) — прусский реакционер, министр внутренних дел в 1881—1888 гг.; один из организаторов преследований социал-демократии в эпоху исключительных законов — 132, 276, 294, 375, 668.
- Пфендер** (Pfänder) *Карл* (ок. 1818—1876) — немецкий рабочий-малляр, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне, участник I Интернационала — 575.
- Пфендер** (Pfender), г-жа — 559.
- Р**
- Райт** (Wright), *Карол-Дэвидсон* (1840—1909), — американский статистик и социолог, руководитель массачусетского статистического бюро — 62.
- Раков** (Rakow), *Генрих* — немецкий социалист, коммерсант в Лондоне — 83, 367.
- Ранк** (Ranc), *Артур* (1831—1908) — французский радикальный журна-
- лист, член Коммуны; депутат французской палаты в 1881—1883 гг., гамбеттист — 540.
- Рациборский** (Raziborsky), *Адам* (1809—1871) — польский врач-гинеколог, эмигрант в Париже — 281.
- Расх** (Rasch), *Густав* (1825—1878) — немецкий публицист, демократ — 195.
- Ребенштейн** — см. Бернштейн, Арон.
- Редфорд** (Radford) — знакомый семьи Маркса в Лондоне, впоследствии муж Долли Майтленд — 127.
- Рейнгардт** (Reinhardt), *Рихард* (ум. в 1898 г.) — немецкий эмигрант в Париже, корреспондент «Neue Rheinische Zeitung», секретарь Г. Гейне; друг Маркса и Энгельса — 169.
- Рейзенбах** (Reichenbach), *Оскар*, граф (1815—1893) — бреславльский демократ, член франкфуртского национального собрания, эмигрант в Лондоне, казначей «революционного айма» Киннеля — 35.
- Рейхлин** (Reuchlin), *Иоганн* (1455—1522) — немецкий гуманист, один из авторов «Писем темных людей» — 408.
- Ресген** (Roesgen), *Шарль* — приказчик фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере — 167.
- Рессель** (Russel), *Джон*, лорд (1792—1878) — английский либеральный государственный деятель, неоднократно с 1839 по 1866 г. член и глава правительства — 426.
- Рети** (Réties) — французский социалист-посибиллист — 379.
- Рибо** (Ribot), *Александр* (1872—1923) — французский политический деятель, умеренный республиканец, депутат палаты с 1878 г., несколько раз был министром и премьером, последний раз министр иностранных дел и премьер в 1917 г. — 489.
- Риверс** (Rivers), *Джордж* — книготорговец в Лондоне — 12.
- Ривс** (Reeves), *Вильям* — английский издатель социалистической литературы и газеты «To-Day» — 670, 671.
- Рикардо** (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — английский экономист классической школы — 28, 87, 135, 139, 210, 371, 394, 397, 407, 421.
- Рити** (Rity), *Фр.* — секретарь английской секции лондонского «Социал-демократического клуба» — 21.
- Риттингхаузен** (Rittinghausen), *Мориц* (1814—1890) — германский демократ, в 1848 г. сотрудник «Neue Rheinische Zeitung», в дальнейшем

- примкнул к эйзенахцам; член рейхстага (1877—1878 и 1881—1884); в 1884 г. исключен из социал-демократической партии — 311, 421.
- Рихтер** (Richter), *Евгений* (1838—1906) — лидер германских прогрессистов, член рейхстага с 1871 г., противник протекционистской политики Бисмарка и ярый враг социал-демократии — 375, 456, 546.
- Рихтер** — см. Гехберг.
- Роби** — см. Эрменс и Роби.
- Родбертус-Ягетцов** (Rodbertus-Jagetzow), *Карл-Иоганн* (1805—1875) — прусский помещик, экономист, теоретик так наз. «государственного социализма» — 273, 278, 337, 356, 357, 361, 370, 375, 376, 377, 387, 391, 394, 397, 398, 400, 401, 405, 406, 407, 410, 417, 420, 421, 422, 447, 453, 472, 476, 483, 484.
- Розенберг** (Rosenberg), *В.-Л.* — американский социалист, секретарь национального комитета Социалистической рабочей партии, редактор «New Yorker Volkszeitung» до 1889 г. — 337, 346, 350, 370, 615, 618, 619, 622, 627.
- Розус** (Rosus) — псевдоним автора статьи «Die Blutopfer» («Кровавые жертвы») в «Neue Zeit» за 1883 г. — 395.
- Роско** (Roscoe), *Генри-Энфильд* (1833—1915) — английский химик, в 1857—1885 гг. профессор Оксфордского университета, в 1885 г. член парламента, либерал — 286.
- Ротшильд** (Rotschild) *Лионель-Натан* (1806—1879) — глава лондонского банкирского дома в 70-х годах — 246.
- Рош** (Roch), *Эрнест* (род. в 1850 г.) — французский социалист, бланкист, в 1889 г. примкнул к буланжистам; член парламента в 1886 и 1914 гг. — 555, 576, 577.
- Рошер** (Roshier), *Лилли* — дочь Мэри-Эллен Бернс и Перси Рошера — 224, 235, 239, 282, 425, 484, 579.
- Рошер** (Roshier), *Перси* — английский коммерсант, муж племянницы Энгельса, Мэри-Эллен Бернс — 175, 282, 506, 518, 565, 579, 669.
- Рошер** (Roshier) (1883—1884) — сын предыдущего — 374, 570.
- Рошер** (Roshier), *П. В.* — вседоним Энгельса.
- Рошфор** (Rochefort), *Виктор-Анри* (1830—1913) — французский радикальный публицист, во время империи один из лидеров левореспубликанского движения, издатель газет «La Lanterne», «Marseillaise» и «Mot d'ordre» (1868—1869), после падения Парижской коммуны приговорен к каторге, после амнистии вернулся в Англию, где издавал радикальную газету «Intransigeant», в 1885 г. член парламента, в 1889 г. примкнул к заговору Буланже — 99, 104, 127, 256.
- Рэ** (Rae), *Джон* (род. в 1854 г.) — английский либеральный экономист и публицист, сотрудник «Contemporary Review», автор монографий о современном социализме и об А. Смите — 172, 179.

С

- Саймон** (Simon), *Джон*, (1816—1904) — английский врач — 153.
- Сара** — см. Паркер, Сара.
- Сван**, *Зонненшейн*, *Лоурей* и *К^о* (Swan, Sonnenschein, Lowrey) — издательство, выпустившее английский перевод т. I «Капитала» — 579, 583, 621, 652.
- Сеген** (Seguin), *Артур-Шелдон* (1809—1852) — английский певец — 136.
- Секондигье** (Sécondigné), *Азимл* (псевдоним—Бурбо) — французский журналист, редактор газеты «Revanche» — 157.
- Сервантес** (Servantes), *Мигюэль де* (1547—1616) — испанский писатель, автор «Дон-Кихота» — 379, 505.
- Серрайз** (Serrailier), *Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий, коммунар, член Генерального совета I Интернационала (1871) — 25, 105.
- Скобелев**, *Михаил Дмитриевич* (1843—1882) — русский генерал — 197.
- Скотт** (Scott), *Вальтер* (1771—1831) — английский романист — 195.
- Скребицкий**, *Александр Ильич* (род. 1827) — русский публицист — 493.
- Скрибнер** (Scribner) — американская торговая фирма — 651, 652.
- Скэчли** (Sketchley), *Джон* — английский социалист, деятель чартистского движения и английских трудюнионов, сотрудник «Justice», автор ряда книг по профдвижению — 440.
- Смирнов**, *Валериан Николаевич* («доктор Ноэль») (1848—1900) — русский революционер, народник, по профессии врач; принимал участие в нечаянской организации, в 1871 г. эмигрировал в Цюрих, где был одним из организаторов Славянской секции I Интернационала, ближайший помощник Лаврова по изданию журнала «Вперед» — 11.

Смит (Smith), *Адам* (1723—1790) — английский экономист, основатель классической школы — 28, 29, 87, 397.

Солари (Solari) — работник редакции «Précurseur», редактируемой И.-Ф. Беккером — 268.

Сосновский (Sosnowski) — польский эмигрант в Париже — 349.

Софокл (495—406 до нр. э.) — греческий драматург — 210.

Спенс (Spence), *Томас* (1750—1814) — английский «уравнительный» социалист, учение которого оказало большое влияние на Оуэна и левых чартистов; в 1812 г. организовал «Союз спенсианских филантропов», объединивший наиболее активные элементы радикальной демократии — 274.

Спенсер (Spencer), *Джон-Чарльз*, виконт *Олторт* (1782—1845) — английский министр финансов (1830 и 1831—1834), виг — 562.

Спиноза (Spinoza), *Бенедикт* (1632—1677) — 29.

Степняк — см. Кравчинский С. М.

Стефан (Stephann) — врач в Алжире, лечивший Маркса во время его пребывания там — 204, 205, 209, 211, 212, 213, 216.

Стефан (Stephann), *Генрих*, фон (1834—1897) — генерал-почтмейстер Германской империи — 492.

Стефенс (Stephens), *Джозеф* — пастор, деятель чартистского движения — 560.

Струве (Struve), *Густав* (1805—1870) — немецкий адвокат и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей баденского восстания 1849 г., позднее участник гражданской войны в США — 468, 521.

Стэнли (Stanley), *Эдвард-Генри* (1826—1893) — английский государственный деятель, министр колоний в кабинете Гладстона (1882—1885) — 405.

Стэнсфельд (Stansfeld), *Джемс* (1820—1898) — английский государственный деятель, либерал; в течение 36 лет член парламента, неоднократно член правительства — 128.

Стюард (Steward), *Айра* — американский рабочий, руководитель Лиги 8-часового рабочего дня в Бостоне (1869), сотрудник статистического бюро в Массачусетсе — 62.

Судейкин, *Григорий Порфирьевич* — инспектор русской тайной полиции, провокатор, убит народовольцами в 1883 г. — 339.

**Свинтон* (Swinton), *Джон* (1830—1901) — американский социалистический журналист, редактор газет «New York Times», «Tribune», «New York Sun», издавал еженедельник «John Swinton's Paper» — 97, 123, 134, 138.

Т

**Таландьё* (Talandier), *Пьер-Теодор-Альфред* (1822—1890) — французский буржуазный республиканец; в 1851 г. эмигрировал в Англию, депутат палаты при Третьей республике — 20, 21.

Тацит, *Публий Корнелий* (ок. 55—120) — римский историк — 680, 693.

Тейс (Theiss), *Альберт* (1839—1881) — французский рабочий-чеканщик, прудонист, член I Интернационала, член Парижской коммуны, эмигрант в Лондоне, член Генсовета и казначей Интернационала в 1872 г. — 99.

Теккер (Tucker), *Джозуа* (1712—1799) — английский экономист, предшественник Смита — 662.

Теккер (Tucker), *Э.* — лондонский издатель уривартистских памфлетов, им издан памфлет Маркса против Пальмерстона — 516.

Теллер (Tupper), *Мартин* (1810—1889) — английский писатель, автор многочисленных романов в стихах, отличавшихся плоским морализированием — 137.

Терзаги (Terzaghi), *Карло* — итальянский адвокат, секретарь рабочего общества «L'emancipazione del Proletariato» и редактор газеты «Proletario» в Турине; разоблачен Марксом и Энгельсом как агент итальянской полиции — 388.

Ткачев, *Петр Никитич* (1844—1885) — русский революционер-бланкист, литератор; эмигрировал из России, издавал в Женеве журнал «Набат» — 98, 604, 673.

Трейчке (Treitschke), *Генрих*, фон (1834—1896) — немецкий консервативный историк и публицист, член рейхстага в 1871—1888 гг., национал-либерал, ярый враг социализма и поклонник Бисмарка, редактор «Preussische Jahrbücher» в 1866—1869 гг. — 318.

Трюбнер (Trübner) — книготорговец в Лондоне — 661, 662.

Тьер (Thiers) *Луи-Адольф* (1798—1877) — глава версальского правительства 1871 г., палач Коммуны,

- президент Французской республики в 1871—1873 гг.; автор ряда работ по истории Франции — 104, 366, 532.
- Тэйлор* (Tylor), *Эдуард-Бернет* (1832—1917) — английский этнолог и исследователь первобытной культуры, в 1895—1906 гг. профессор Оксфордского университета — 358.
- Тэйлор* (Taylor), *Елена* — приемная дочь Дж.-Ст. Милля; в 1881 г. вместе с Гайндманом принимала участие в создании «Социал-демократической федерации» — 243.
- Тюрго* (Turgot), *Анн-Робер-Жак* (1727—1781) — французский экономист, физиократ. министр финансов при Людовике XVI — 119, 210.
- Тюрингер Фрейвальд* — см. Кварк Макс.

У

- Уитли* (Whitly) — нотариус в Ливерпуле, выполнявший различные деловые поручения Энгельса — 17, 671.
- Уоррен* (Warren), *Джошуа* (1799—1874) — американский анархист; в 1823—1826 гг. член оуэновской общины «New Harmony», в 50-х годах пытался проводить свои принципы в организованных им в США общинах — 124.
- Уотс* (Watts), *Хентер* — английский социал-демократ, один из основателей Социал-демократической федерации — 513.
- Утин, Николай Исаакович* (1845—1883) — русский революционер, землевладелец, с 1863 г. эмигрант, организатор Русской секции I Интернационала в Женеве, сторонник Маркса в борьбе против Бакунина; в середине 70-х годов отошел от революционной деятельности — 26.

Ф

- Фабян* (Fabian), *Генрих-Вильгельм* — немецкий социал-демократ в Америке; выступал против Маркса в журнале «Freidenker» и нью-йоркской «Volkszeitung» — 369, 404, 471.
- Фарадей* (Faraday), *Майкл* (1791—1867) — английский физик — 533.
- Фарбер* (Färber) — германский социал-демократ в Бреславле — 543.
- Ферме* (Fermé), *Альбер* — судья в Алжире, друг Шарля Лонге — 204, 206, 207, 210, 212, 221.
- Ферри* (Ferry), *Жюль* (1832—1893) — один из палачей Коммуны, французский премьер-министр в 1880—1881 и 1883—1885 гг., организатор ряда военно-колоннальных экспедиций — 360, 455, 457, 672.
- Филлипс* (Philipps), *Вендель* (1811—1884) — северо-американский буржуазный радикал, abolitionист — 123, 124.
- Фильдинг* (Fielding) — английский социалист, член Социал-демократической федерации, социалистический кандидат на выборах в 1885 г. — 513.
- Фирекк* (Viereck), *Людвиг* (1851—1921) — германский социал-демократ, в 1880—1884 гг. редактор газеты «Süddeutsche Post», член рейхстага (1884—1886), один из лидеров правого крыла с.-д. фракции; в конце 80-х годов эмигрировал в США и отошел от социалистического движения; во время империалистической войны вел германофильскую пропаганду в США — 47, 48, 49, 51, 53, 64, 120, 121, 123, 124, 135, 138, 152, 154, 224, 252, 275, 276, 277, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 289, 290, 312, 343, 402, 427, 447, 449, 485, 486, 554, 562, 587, 625.
- Фирекк* (Viereck) — жена Л. Фирекка — 138, 154, 282, 286.
- **Фитцджеральд* (Fitzgerald), *К.* — редактор лондонской газеты «Justice» — 347, 438, 439, 444.
- Флажолле*, (Flageollet) братья — транспортная контора в Париже — 359.
- Флейшман* (Fleischmann), *Адольф* — тюрингенский купец, коммерции советник; автор нескольких брошюр по экономическим вопросам — 323.
- Фогт* (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, вульгарный материалист; член Франкфуртского национального собрания, один из лидеров мелкобуржуазной демократии; с 1852 г. профессор в Женеве; разоблачен в памфлете Маркса «Господин Фогт» (1860) как платный агент бонапартизма — 224, 464, 673.
- Фок* (Fock), *Густав* — лейпцигский книготорговец — 411.
- Фольмар* (Vollmar), *Георг-Генрих*, фон (1850—1922) — германский социал-демократ, бывший офицер; в 1879—1880 гг. редактор цюрихского «Sozialdemokrat», в 1881—1886 и в 1890—1903 гг. член рейхстага, с начала 90-х годов один из вождей реформистов — 65, 67, 72,

- 241, 242, 245, 247, 251, 252, 256, 257, 259, 261, 265, 286, 270, 271, 549.
- Форстер** (Forster), *Вильям-Эдуард* (1818—1886) — английский либерал, член парламента с 1861 г., товарищ министра колоний (1856—1866), министр по делам Ирландии в 1880 г., ярый противник гомрули — 217.
- Форстер** (Forster) — капитан английской армии — 567.
- Фортен** (Fortin), *Эдуард* — французский социалист, переводчик «18 Брюмера» на французский язык — 106, 508, 509.
- Фостер** (Foster), — американская социалистка, член Социалистической рабочей партии, секретарь Общества защиты прав женщин — 530, 541, 553, 572, 637.
- Франкель** (Frankel), *Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, рабочий-ювелир, левый прудонист, активный член I Интернационала в Германии, затем во Франции, член Коммуны, эмигрировал в Лондон, был членом Генерального совета, жил затем в Венгрии и Германии, участвуя в рабочем движении, в 1889 г. вернулся во Францию; один из основателей Венгерской социал-демократической партии — 447.
- Фрейлиграт** (Freiligrath), *Фердинанд* (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член Союза коммунистов, член редакции «Neue Rheinische Zeitung», один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; в Лондоне примкнул к буржуазно-демократическим элементам немецкой эмиграции; в 1868 г. вернулся в Германию — 318, 327.
- Фрейтаг** (Freitag), *Отто* — лейпцигский адвокат, защитник Бебеля. Либкнехта и Гепнера на процессе 1872 г. — 357, 370, 446, 448, 600.
- Фридрих III** (Friedrich III) (1831—1888) — германский император (1888) — 197, 318, 383, 456, 551.
- Фридрих-Вильгельм** — см. Фридрих III.
- Фридрих-Вильгельм II** (Friedrich-Wilhelm II) (1744—1797) — прусский король (1786—1797) — 279.
- Фридрих Вильгельм III** (Friedrich-Wilhelm III) (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 382.
- Фридрих-Вильгельм IV** (Friedrich-Wilhelm IV) (1795—1861) — прусский король (1840—1858) — 146, 276, 319.
- Фридрих-Карл Гогенцоллерн** (Friedrich Karl Hohenzollern) (1828—1885) — принц — 473, 476.
- Фриче** (Fritzsche), *Фридрих-Вильгельм* (1825—1905) — лейпцигский рабочий, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза, в 1869 г. примкнул к эйзеннахам; член рейхстага (1871—1878), оппортунист — 67, 120, 123, 276, 286, 287, 312, 340, 343.
- Фроме** (Frohme), *Карл* (род. в 1850 г.) — германский социал-демократ, лассальянец, с 1884 г. член рейхстага, оппортунист — 370, 471, 477, 481, 545, 625.
- Фурье** (Fourier), *Шарль* (1772—1837) — 372, 378.

X

- Хауг** (Haug), *Эрнст* — участник революции 1848 г. в Вене, сражался в войсках Гарибальди; эмигрант в Лондоне, в 1851 г. редактор журнала «Kosmos», приверженец Кинкеля — 420.
- Хильдич** (Hilditch), *Ричард* — английский экономист, сторонник национализации земли — 139.
- Хэйлз** (Hales), *Джон* — английский трэд-юнионист, с 1868 г. член Генсовета I Интернационала, в 1871 г. секретарь Генсовета, после Гаагского конгресса (1872) выступил против Генсовета — 25, 104.
- Хюг** (Hugues), *Кловис* (1851—1907) — французский литератор, радикал. с 1881 г. член палаты, буланжист — 271, 538, 540, 543.

Ц

- Цезарь Кай Юлий** (102—44 до хр. э.) — 680, 693.
- Цешковский** (Cieszkowski), *Август*, граф (1814—1894) — польский политический деятель и экономист, гегельянец — 183.
- Цитц** (Zitz), *Франц* (1803—1877) — адвокат из Майнца, член крайней левой Франкфуртского национального собрания, участник баденско-пфальцского восстания; эмигрировал в США — 468.

Ч

- Чемберлен** (Chamberlain), *Джозеф* (1836—1914) — в начале 80-х годов лидер английских радикал-либералов, министр торговли (1880—1885); впоследствии глава либерал-юнионистов, министр колоний (1895—1901);

- один из наиболее деятельных проводников английской империалистической политики — 456, 508, 513, 536.
- Чемпион** (Champion), **Генри** — английский социалист, сподвижник Гайндмана, член Социал-демократической федерации, один из организаторов Независимой рабочей партии; впоследствии примкнул к консерваторам; в 1894 г. переселился в Австралию — 399, 438, 440, 444, 513.
- Чериоли** (Cerioli), доктор — 417.
- Чернышевский, Николай Гаврилович** (1828—1889) — 389.
- Черчилль** (Churchill), **Рандольф-Генри-Спенсер** (1849—1895) — английский государственный деятель, консерватор, министр по делам Индии в министерстве Соулсберри, затем министр финансов (1886) — 128, 440, 561.
- Чех** (Tschsch), **Людвиг** — в 1837—1841 гг. бургомистр Старкова (Пруссия); совершил 26 июля 1844 г. неудачное покушение на жизнь прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и был казнен — 549.
- Чичерин, Борис Николаевич** (1828—1904) — русский государствовед, правогегельянец, сторонник просвещенного абсолютизма и ярый враг социализма — 15, 17.
- Ш**
- Шабелиц** (Schabelitz), **Яков** (1827—1899) — швейцарский издатель радикальной литературы, в 1850—1854 гг. им издавалась «Nationalzeitung» — 395, 449, 454, 498.
- Шарль** — см. Ресген, Шарль.
- Шафарик** (Safarik), **Павел-Иосиф** (1795—1865) — чешский ученый, исследователь славянской этнографии, автор ряда работ по языковедению — 195.
- Швейцер** (Schweitzer), **Иоганн-Баттист, фон** (1833—1875) — франкфуртский адвокат и писатель, после смерти Лассалья вождь лассальянцев; в 1865—1871 гг. председатель Всеобщего германского рабочего союза; в 1865 г. основал газету «Sozial-Demokrat», которую субсидировал Бисмарк — 55, 580.
- Швейцер** (Schweitzer) — владелец типографии в Лондоне — 10.
- Швигцгубель** (Schwitzguébel), **Адемар** (1844—1895) — швейцарский рабочий, бакунист, член Альянса, один из руководителей Юрской федерации, делегат нескольких конгрессов I Интернационала — 5, 148.
- Шевич** (Schewitsch), **Сергей** — американский социалист, русский по происхождению; соредатор газеты «New Yorker Volkszeitung», с 1887 г. редактор газеты «The Leader» — 262, 306, 324, 350, 351, 623, 630.
- Шевремон** (Chevremont), **Франсуа** — автор книги «Jean-Paul Marat» (1880) — 533.
- Шей** (Scheu), **Андреас** (1844—1927) — австрийский социал-демократ, журналист, один из вождей ультра-«левого» полуанархистского крыла; в 1876 г. эмигрировал в Англию — 97, 438, 439.
- Шекспир** (Shakespeare), **Вильям** (1564—1616) — 656, 660.
- Шелер** (Schöler), **Луна** — учительница в Кельне, подруга жены Маркса — 136, 137.
- Шербюлье** (Cherbuliez), **Антуан-Элизе** (1797—1869) — швейцарский экономист, сторонник Сисмонди — 139.
- Шэфле** (Schäffle), **Альберт-Эбергард** (1831—1903) — немецкий буржуазный социолог, профессор в Тюбингене и Вене, катедер-социалист, ярый противник марксизма — 65, 107, 119, 120, 158, 455.
- Шиллер** (Schiller), **Фридрих** (1759—1805) — 505.
- Шиндерганнес** (Schinderhannes) — прозвище Иоганна Бюклера (1777—1803), атамана шайки разбойников в Рейнской области — 195, 225, 412.
- Шиппель** (Schippel), **Макс** (1859—1928) — германский публицист, сторонник Родбертуса, с 1886 г. член Социал-демократической партии, примыкал к «лево-»оппортунистической группе «молодых», в дальнейшем теоретик реформизма; член рейхстага с 1890 г., редактор «Sozialistische Monatshefte» в 1897—1928 гг. во время войны социал-шовинист, враг Советского Союза — 394, 395.
- ***Шиптон** (Shipton), **Джордж** — английский трэд-юнионист, редактор газеты «Labour Standard», либеральный рабочий политик — 142, 143, 153, 155, 258, 261, 337.
- ***Шлютер** (Schlüter), **Герман** — германский социал-демократ; после высылки из Дрездена (1883) руководил в Цюрихе книжным издательством «Sozialdemokrat», в 1889 г. эмигри-

- ровал в США; автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения, в том числе «Истории чартистского движения» — 397, 410, 446, 448, 453, 476, 474, 479, 485, 486, 487, 488, 490, 498, 514, 515, 544, 559, 562, 563, 564, 574, 578, 603, 609, 631, 672.
- **Шмидт* (Schmidt), *Конрад* — немецкий социал-демократ, ревизионист-неокантианец — 667.
- Шмидт* (Schmidt), *Э.* — агент германской полиции в Цюрихе — 268.
- **Шмидт* (Schmidt), *Эдуард-Оскар* (1823—1886) — немецкий зоолог. дарвинист — 9, 12, 280.
- Шнебель* (Schnäbel) — французский пограничный комиссар на станции Баньи, арестованный в апреле 1887 г. при переходе границы по обвинению в шпионаже — 639.
- Шнебергер* (Schneeberger), *Ф.-И.* — редактор венской газеты «Korrespondenz» — 595.
- Шнейдт* (Schneidt), *Карл* — немецкий социал-демократический публицист; эмигрант в Лондоне, редактор газеты Моста «Freiheit»; разоблачен как агент немецкой полиции — 213, 231.
- Шорлеммер* (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — выдающийся английский химик, по происхождению немец, коммунист; близкий друг Энгельса — 44, 81, 166, 177, 215, 235, 236, 270, 271, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 297, 318, 325, 330, 339, 340, 342, 351, 369, 372, 392, 410, 420, 444, 481, 518, 521, 565, 567, 582, 588, 599, 655.
- Шорлеммер* (Schorlemmer), *Людвиг* — брат Карла Шорлеммера — 392, 420.
- Шорлеммер* (Schorlemmer) — мать Карла Шорлеммера — 421.
- **Шотт* (Schott), *Зигмунд* (род. в 1818 г.) — немецкий журналист, демократ — 7, 8.
- Шоу* (Shaw), *Бернард* (род. в 1856 г.) — 419, 440.
- **Шпarr* (Sparr), *Бертольд* — немецкий эмигрант в Лондоне, анархист — 213.
- Шрамм* (Schramm), *Карл-Август* — немецкий экономист; с начала 70-х годов участник социал-демократического движения, в 80-х годах выступал против марксизма, позднее отошел от социал-демократии — 46, 49, 51, 56, 58, 63, 64, 65, 76, 84, 87, 183, 224, 405, 406, 407, 417, 422; 521, 522, 526, 540, 643.
- **Штегеман* (Stegemann), *Р.* — 454, 463.
- Штеккер* (Stöcker), *Адольф* (1835—1909) — немецкий теолог и политик, христианский социалист; член рейхстага (1880), примыкал к консервативной партии — 119, 120, 278, 513.
- Штибер* (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — начальник прусской политической полиции, организатор Кельнского процесса коммунистов — 115, 250, 382, 475, 488, 497, 498.
- Штиблинг* (Stiebeling), *Джордж* — доктор, американский журналист; один из лидеров Германского социал-демократического рабочего союза в Америке (1870), ставшего секцией I Интернационала — 263, 363, 471.
- Штрусберг* (Strousberg), *Бетель-Генри* (1823—1884) — крупный немецкий финансист, спекулянт периода грюндерства, железнодорожный магнат, консерватор — 58.
- Шуберт* (Schuberth), *Юлиус* — издатель в Гамбурге, издавал «Neue Rheinische Zeitung, Revue» (1850) — 452.
- Шульце-Делич* (Schulze-Delitzsch), *Франц-Герман* (1808—1883) — германский мелкобуржуазный демократ, экономист; с начала 60-х годов пропагандировал производственно-ремесленную кооперацию, пытаясь отвлечь рабочих от пролетарского революционного движения — 524.
- Шуман* (Schuhmann) — 21, 22, 23.
- Шумахер* (Schumacher), *Георг* (род. в 1844 г.) — германский социал-демократ, в 1876—1878 гг. жил в Лондоне; в 1884—1898 гг. член рейхстага, оппортунист — 289, 421, 501, 546.

Щ

Щедрин Н. (Салтыков), *Михаил Евграфович* (1826—1889) — 624.

Э

Эвелинг (Aveling), *Тусси* — см. Маркс Элеонора.

Эвелинг (Aveling), *Эдуард* (1851—1898) — английский социал-демократ, по профессии врач; член лондонской Социал-демократической федерации и один из основателей Социалистической лиги (1884); муж Элеоноры Маркс — 301, 339, 364, 367, 388, 396, 399, 404, 415, 419, 425, 439, 444, 472, 485, 506, 512, 518, 526, 529, 533, 535, 542, 555, 558, 562, 567

- 569, 572, 577, 587, 589, 592, 594, 597, 609, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 626, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 640, 641, 646, 647, 648, 649, 651, 652, 654, 656, 657, 661, 668, 669, 671.
- Эвелинг** (Aveling) — отец предыдущего. ирландский священник — 646.
- Эвелинг** (Aveling) — первая жена Эдуарда Эвелинга — 399, 646, 649.
- Эйзенгартен** (Eisengarten) — секретарь Энгельса в 1884—1885 гг. — 387, 393, 399, 403.
- Ейлер** (Euler), **Леонард** (1707—1783) — швейцарский математик, астроном и физик — 108.
- Екардт** (Eckardt), **Юлий** (1836—1908) — немецкий публицист — 187.
- Ессариус** (Essarius), **Иоганн-Георг** (1818—1889) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов; эмигрировал в Лондон, генеральный секретарь I Интернационала, в 1872 г. вышел из Генсовета, позднее участник тред-юнионистского движения — 23, 144, 514, 575.
- Эли** (Ely), **Ричард-Теодор** (род. в 1854 г.) — профессор политической экономии в Висконсине (США); один из основателей «Христианского социального союза»; автор ряда книг о социализме и рабочем движении — 470.
- Эмилия** — домашняя работница Лонге — 210.
- Энгельс** (Engels), **Гедвига** — жена Рудольфа Энгельса — 429.
- ***Энгельс** (Engels), **Герман** (1822—1905) — брат Ф. Энгельса, барменский фабрикант — 428, 599.
- Энгельс** (Engels), **Герман-Фридрих-Теодор** (род. в 1858 г.) — сын Германа Энгельса, племянник Ф. Энгельса, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 428, 429, 599.
- Энгельс** (Engels), **Елизавета** — дочь Эмилия Энгельса, племянница Ф. Энгельса — 177, 178.
- Энгельс** (Engels), **Мориц** — сын Германа Энгельса, племянник Ф. Энгельса — 599.
- ***Энгельс** (Engels), **Рудольф** (1831—1903) — брат Ф. Энгельса, барменский фабрикант — 13, 429.
- Энгельс** (Engels), **Фридрих** (1820—1895) — 13, 62, 63, 64, 65, 66, 97, 98, 126, 134, 135, 136, 138, 167, 173, 205, 207, 209, 210, 213, 306, 670.
- Энгельс** (Engels), **Фридрих** (1796—1860) — отец Ф. Энгельса, коммерсант, совладелец фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере и Энгельскирхене — 429.
- Энгельс** (Engels), **Шарлотта** — жена Эмилия Энгельса, брата Ф. Энгельса — 177, 178, 599.
- ***Энгельс** (Engels), **Эмиль** (1828—1884) — брат Ф. Энгельса, немецкий фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене — 177, 235, 429, 599.
- ***Энгельс** (Engels), **Эмиль** — племянник Ф. Энгельса, сын предыдущего, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» — 598.
- Энгельс** (Engels) — жена предыдущего — 599.
- Энгельс** (Engels), **Эмма** — жена Германа Энгельса — 429.
- Эпикур** (342—271 до хр. э.) — древнегреческий философ-материалист — 298.
- Эрбсле** (Erbslöh), **Август** — свекор Елизаветы Энгельс — 177.
- Эрбсле** (Erbslöh) — сын предыдущего, муж Елизаветы Энгельс — 177, 178.
- Эрлангер** (Erlanger), **Мишель** (1828—1892) — французский банкир, сионист — 246.
- Эрмен** (Ermen) — совладелец бумагопрядильной фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене и Манчестере — 236.
- Эрменс и Роби** (Ermens and Roby) — владельцы прядильной фабрики в Манчестере — 236.
- Эрхардт** (Ehrhardt), **Франц-Иосиф** (1853—1908) — немецкий социал-демократ; эмигрант в Лондоне, сторонник Моста, секретарь лондонского «Немецкого коммунистического просветительного союза»; в 1898 г. член рейхстага — 10, 21, 35.
- Эсхил** (525—456 до хр. э.) — древнегреческий драматург — 505.

Ю

- Юм** (Hume), **Давид** (1711—1776) — английский философ-агностик, историк и экономист, критик меркантилизма — 28.
- Юнг** (Jung), **Герман** (1830—1901) — швейцарский рабочий, член Генсовета I Интернационала, председательствовал на нескольких конгрессах Интернационала — 25.

Юрьевский, Георгий Александрович, князь — сын Александра II и Долгорукой — 634.

Юта (Juta), Ян-Карель (1824—1886) — муж сестры К. Маркса, Луизы, книготорговец в Капштадте — 115.

Юх (Juch), Герман — немецкий журналист в Лондоне, редактор еженедельника «Негманн» — 10.

Я

Ягеманн (Jagemann), Христиан-Иосиф (1735—1804) — составитель немецко-итальянского словаря — 346.

Янсон, Юлий Эдуардович (1835—1892) — русский либеральный экономист и статистик, профессор Петербургского университета — 114, 493.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма Маркса и Энгельса 1878—1887 гг.

Предисловие	Стр. VII
-------------------	-------------

1878 г.

1. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 11 января	3
2. Энгельс — К. Гиршу, 3 апреля	5
3. Энгельс — В. Бракке, 30 апреля	5
4. Маркс — Э. Шотту, 13 июля	7
5. Маркс — Э. Шотту, 15 июля	8
6. Энгельс — О. Шмидту, около 18 июля	9
7. Энгельс — Ф. Паули, 30 июля	9
8. Энгельс — П. Л. Лаврову, 10 августа	11
9. Маркс — Дж. Риверсу, 24 августа	12
10. Маркс — Ф.-А. Зорге, 4 сентября	13
11. Энгельс — Р. Энгельсу, 12 сентября	13
12. Энгельс — Ф. Лесснеру, 12 сентября	14
13. Энгельс — Г. Арнольдту, 21 октября	14
14. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 15 ноября	14
15. Энгельс — Ф. Дронке, 19 ноября	16
16. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 28 ноября	17
17. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 12 декабря	18
18. Маркс — А. Талацье, 1878 г.	20

1879 г.

19. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 30 января	26
20. Энгельс — В. Либкнехту, 1 марта	27
21. Маркс — М. М. Ковалевскому, апрель	28
22. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 10 апреля	29
23. Маркс — Р. Мейеру, 28 мая	35
24. Энгельс — Ф. Эргардту, 16 июня	35
25. Энгельс — Э. Бернштейну, 17 июня	36
26. Энгельс — Э. Бернштейну, 26 июня	36
27. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 1 июля	39
28. Маркс — К. Кафиеро, 29 июля	40
29. Энгельс — А. Бебелю, 4 августа	41
30. Маркс — Р. Мейеру, 7 августа	42
31. Энгельс — К. Гехбергу, 26 августа	43
32. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 8 сентября	44
33. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 15 сентября	45
34. Маркс и Энгельс — Бебелю, Либкнехту и Бракке, 17—18 сентября ..	47
35. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 сентября	61
36. Маркс — Ф.-А. Зорге, 19 сентября	62
37. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 24 сентября	66
38. Энгельс — А. Бебелю, 14 ноября	67

39. Маркс — Ф.-А. Зорге, 19 ноября	72
40. Энгельс — А. Бебелю, 24 ноября	72
41. Маркс — Г. Броше, 11 декабря	76
42. Энгельс — А. Бебелю, 16 декабря	76
43. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 19 декабря	78

1880 г.

44. Энгельс — В. Либкнехту, 10 января	81
45. Маркс — д-ру Краусу, 26 марта	81
46. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 1 апреля	82
47. Энгельс — А. Бебелю, начало мая	83
48. Маркс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 27 апреля	85
49. Энгельс — М. К. Каблуковой, 22 июля	87
50. Энгельс — М. К. Каблуковой, 2 августа	88
51. Энгельс — М. К. Каблуковой, 5 августа	89
52. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 17 августа	90
53. Маркс — Ф.-А. Зорге, 30 августа	92
54. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 12 сентября	93
55. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 12 октября	93
56. Энгельс — Г. Каулицу, 28 октября	95
57. Маркс — Ф.-А. Зорге, 5 ноября	96
58. Маркс — Ф.-А. Зорге, 5 ноября	100
59. Маркс — А. Лория, 13 ноября	101
60. Маркс — Г. Гайндману, 8 декабря	101
61. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 24 декабря	102

1881 г.

62. Маркс — Ш. Лонге, 4 января	104
63. Энгельс — К. Каутскому, 1 февраля	107
64. Энгельс — Э. Бернштейну, 2 февраля	109
65. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля	110
66. Маркс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 22 февраля	114
67. Маркс — В. И. Засулич, 8 марта	117
68. Энгельс — С. Кауфману, 11 марта	118
69. Энгельс — Э. Бернштейну, 12 марта	119
70. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 28 марта	122
71. Энгельс — Редакции «Daily News», конец марта	122
72. Энгельс — А. Бебелю, 30 марта	123
73. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 4 апреля	125
74. Маркс — Ж. Лонге, 11 апреля	126
75. Энгельс — Э. Бернштейну, 14 апреля	130
76. Энгельс — А. Бебелю, 28 апреля	131
77. Маркс — Ж. Лонге, 29 апреля	133
78. Маркс — Д. Суинтону, 2 июня	134
79. Маркс — Ф.-А. Зорге, 2 июня	135
80. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 2 июня	135
81. Маркс — Ж. Лонге, 6 июня	136
82. Маркс — Ф.-А. Зорге, 20 июня	137
83. Энгельс — Н.-А. Кловзу, 22 июля	141
84. Энгельс — Редакции «Freiheit», 22 июля	141
85. Маркс — Ж. Лонге, 22 июля	142
86. Энгельс — Д. Шиптону, 10 августа	142
87. Энгельс — Д. Шиптону, 15 августа	143
88. Маркс — П. Л. Лаврову, 16 августа	145
89. Энгельс — Э. Бернштейну, 17 августа	145
90. Маркс — Ж. Лонге, 18 августа	149
91. Энгельс — А. Бебелю, 25 августа	150
92. Энгельс — К. Каутскому, 27 августа	152
93. Маркс — К. Каутскому, 1 октября	155

94.	Маркс — М. Каутской, 3 октября	155
95.	Энгельс — Э. Бернштейну, 25 октября	156
96.	Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 4 ноября	162
97.	Энгельс — Э. Бернштейну, 30 ноября	163
98.	Маркс — Ж. Лонге, 7 декабря	166
99.	Маркс — И.-Ф. Беккеру, 10 декабря	169
100.	Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 13 декабря	170
101.	Маркс — Ф.-А. Зорге, 15 декабря	171
102.	Маркс — Ж. Лонге, 17 декабря	173
103.	Энгельс — К. Каутскому, 18 декабря	174
104.	Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 29 декабря	175

1882 г.

105.	Энгельс — Э. Бернштейну, 6 января	176
106.	Энгельс — Э. Энгельсу, 12 января	177
107.	Маркс — А. Даниельс, 12 января	178
108.	Маркс — П. Л. Лаврову, 23 января	178
109.	Энгельс — Э. Бернштейну, 25 января	180
110.	Энгельс — К. Каутскому, 7 февраля	184
111.	Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 10 февраля	189
112.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 18 февраля	191
113.	Энгельс — Э. Бернштейну, 22 февраля	192
114.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 23 февраля	199
115.	Маркс — Ж. Лонге, 23 февраля	200
116.	Энгельс — Э. Бернштейну, 10 марта	201
117.	Маркс — Ж. Лонге, 16 марта	204
118.	Маркс — П. Лафаргу, 20 марта	206
119.	Маркс — Ж. Лонге, 27 марта	208
120.	Маркс — Ж. Лонге, 6 апреля	210
121.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 10 апреля	213
122.	Энгельс — Б. Шарру, 12 апреля	213
123.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 13 апреля	214
124.	Энгельс — Э. Бернштейну, 17 апреля	214
125.	Энгельс — Э. Бернштейну, 21 апреля	215
126.	Маркс — Ж. Лонге, 28 апреля	216
127.	Энгельс — Э. Бернштейну, 3 мая	216
128.	Маркс — Ж. Лонге, 8 мая	218
129.	Энгельс — А. Бебелю, 16 мая	218
130.	Маркс — Э. Маркс, 21 мая	221
131.	Маркс — Ж. Лонге, 26 мая	221
132.	Маркс — Ж. Лонге, 4 июня	222
133.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 20 июня	222
134.	Энгельс — А. Бебелю, 21 июня	224
135.	Энгельс — Э. Бернштейну, 15 июля	227
136.	Энгельс — А. Гепнеру, 25 июля	228
137.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 31 июля	230
138.	Энгельс — Э. Бернштейну, начало августа	230
139.	Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 9 августа	232
140.	Энгельс — Э. Бернштейну, 9 августа	232
141.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 10 августа	235
142.	Энгельс — Э. Энгельсу, 20 августа	235
143.	Энгельс — К. Каутскому, 12 сентября	237
144.	Энгельс — Э. Бернштейну, 13 сентября	239
145.	Энгельс — Э. Бернштейну, 22 сентября	241
146.	Энгельс — А. Бебелю, 23 сентября	244
147.	Энгельс — Э. Бернштейну, 20 октября	246
148.	Энгельс — Э. Бернштейну, 27 октября	249
149.	Энгельс — А. Бебелю, 28 октября	251
150.	Энгельс — Э. Бернштейну, 2—3 ноября	253
151.	Энгельс — Э. Бернштейну, 4 ноября	257

152.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 9 ноября	261
153.	Энгельс	— К. Каутскому, 15 ноября	263
154.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 28 ноября	264
155.	Энгельс	— И.-Ф. Бекнеру, 16 декабря	268
156.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 16 декабря	270
157.	Энгельс	— А. Бебелю, 22 декабря	271
158.	Энгельс	— Л. Гартману, декабрь	274
159.	Энгельс	— Г.-М. Гайндману, 1882 г.	274

1883 г.

160.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 18 января	275
161.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 8 февраля	277
162.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 10 февраля	279
163.	Энгельс	— К. Каутскому, 10 февраля	280
164.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 27 февраля	282
165.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 27 февраля	285
166.	Энгельс	— К. Каутскому, 2 марта	290
167.	Энгельс	— А. Бебелю, 7 марта	292
168.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 14 марта	294
169.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 14 марта	294
170.	Энгельс	— В. Либкнехту, 14 марта	295
171.	Энгельс	— И.-Ф. Бекнеру, 15 марта	296
172.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 15 марта	296
173.	Энгельс	— Ф. Лесснеру, 15 марта	298
174.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 24 марта	299
175.	Энгельс	— Т. Куно, 29 марта	299
176.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 2 апреля	300
177.	Энгельс	— Ф. Домела-Нивенгейсу, 11 апреля	300
178.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 14 апреля	301
179.	Энгельс	— Д. Ноулсу, 17 апреля	302
180.	Энгельс	— редакции «New-Yorker Volkszeitung», 18 апреля	303
181.	Энгельс	— Ф. Ван-Паттену, 18 апреля	303
182.	Энгельс	— Д. Ноулсу, 20 апреля	305
183.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 23 апреля	306
184.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 24 апреля	306
185.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 28 апреля	307
186.	Энгельс	— А. Бебелю, 30 апреля	308
187.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 1 мая	310
188.	Энгельс	— А. Бебелю, 10 мая	310
189.	Энгельс	— В. Либкнехту, 10 мая	313
190.	Энгельс	— А. Лориа, май	314
191.	Энгельс	— И.-Ф. Бекнеру, 22 мая	316
192.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 12 июня	317
193.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 22 июня	322
194.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 29 июня	322
195.	Энгельс	— В. Либкнехту, 21 августа	324
196.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 27 августа	325
197.	Энгельс	— А. Бебелю, 30 августа	328
198.	Энгельс	— К. Каутскому, 18 сентября	330
199.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 8 ноября	333
200.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 13 ноября	334
201.	Энгельс	— В. И. Засулич, 13 ноября	335
202.	Энгельс	— И.-Ф. Бекнеру, 30 ноября	336
203.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 22 декабря	337

1884 г.

204.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 1 января	338
205.	Энгельс	— К. Каутскому, 9 января	340
206.	Энгельс	— А. Бебелю, 18 января	342

207.	Энгельс	— А. Бебелю, 23 января	345
208.	Энгельс	— Э. Бернштейну 28 января	345
209.	Энгельс	— Л. Крживицкому, 28 января	347
200.	Энгельс	— Л. Фитцджеральду, около 28 января	347
211.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 28 января	348
212.	Энгельс	— К. Каутскому, 4 февраля	349
213.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 5 февраля	350
214.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 5 февраля	352
215.	Энгельс	— Г. Нонне, около 12 февраля	353
216.	Энгельс	— И.-Ф. Беккеру, 14 февраля	354
217.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 14 февраля	355
218.	Энгельс	— К. Каутскому, 16 февраля	356
219.	Энгельс	— Г. Нонне, около 26 февраля	358
220.	Энгельс	— П. Л. Лаврову, 3 марта	359
221.	Энгельс	— К. Каутскому, 3 марта	360
222.	Энгельс	— В. И. Засулич, 6 марта	360
223.	Энгельс	— Ф.-А. Зорге, 7 марта	362
224.	Энгельс	— П. Лафаргу, 11 марта	365
225.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 24 марта	367
226.	Энгельс	— К. Каутскому, 24 марта	368
227.	Энгельс	— К. Каутскому, 11 апреля	369
228.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 11 апреля	370
229.	Энгельс	— К. Каутскому, 26 апреля	372
230.	Энгельс	— Л. Кугельману, 4 мая	373
231.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 17 мая	373
232.	Энгельс	— К. Каутскому и Э. Бернштейну, 22 мая	374
233.	Энгельс	— К. Каутскому, 23 мая	375
234.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 23 мая	376
235.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 5 июня	379
236.	Энгельс	— А. Бебелю, 6 июня	382
237.	Энгельс	— И.-Ф. Беккеру, 20 июня	385
238.	Энгельс	— К. Каутскому, 21 июня	386
239.	Энгельс	— Е. Паприц, 26 июня	389
240.	Энгельс	— К. Каутскому, 26 июня	390
241.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 29 июня	392
242.	Энгельс	— К. Каутскому, 11 июля	394
243.	Энгельс	— К. Каутскому, 19 июля	395
244.	Энгельс	— Г. Шлютеру, 28 июля	397
245.	Энгельс	— Дж.-Л. Джойнсу, 30 июля	398
246.	Энгельс	— К. Каутскому, 1 августа	398
247.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 6 августа	399
248.	Энгельс	— Э. Бернштейну, август	400
249.	Энгельс	— К. Каутскому, 22 августа	401
252.	Энгельс	— К. Каутскому, 30 августа	405
251.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 13 сентября	403
254.	Энгельс	— К. Каутскому, 20 сентября	409
250.	Энгельс	— Э. Бернштейну, сентябрь	402
253.	Энгельс	— Э. Бернштейну, сентябрь	408
255.	Энгельс	— Г. Шлютеру, 3 октября	410
256.	Энгельс	— Г. Шлютеру, 4 октября	410
257.	Энгельс	— А. Бебелю, 11 октября	411
258.	Энгельс	— К. Каутскому, 13 октября	414
359.	Энгельс	— И.-Ф. Беккеру, 15 октября	414
260.	Энгельс	— К. Каутскому, 15 октября	416
261.	Энгельс	— К. Каутскому, 17 октября	418
262.	Энгельс	— К. Каутскому, 20 октября	418
263.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 22 октября	419
264.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 23 октября	420
265.	Энгельс	— А. Бебелю, 29 октября	421
266.	Энгельс	— К. Каутскому, 8 ноября	423
267.	Энгельс	— Э. Бернштейну, 11 ноября	425

268.	Энгельс — Г. Энгельсу, 11 ноября	428
269.	Энгельс — А. Бебелю, 18 ноября	429
270.	Энгельс — Дж.-Л. Магону, 28 ноября	432
271.	Энгельс — К. Каутскому, 9 декабря	433
272.	Энгельс — А. Бебелю, 11 декабря	433
273.	Энгельс — А. Бернштейну, 29 декабря	438
274.	Энгельс — А. Бебелю, 30 декабря	440
275.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 31 декабря	443

1885 г.

276.	Энгельс — Г. Шлютеру, 1 января	446
277.	Энгельс — К. Каутскому, 13 января	447
278.	Энгельс — Г. Шлютеру, 13 января	448
279.	Энгельс — Г. Шлютеру, 17 января	448
280.	Энгельс — В. Либкнехту, 4 февраля	449
281.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 4 февраля	450
282.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 10 февраля	451
283.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 11 февраля	452
284.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 12 февраля	452
285.	Энгельс — Г. Шлютеру, 22 февраля	453
286.	Энгельс — Р. Штегеману, 26 марта	454
287.	Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 2 апреля	455
288.	Энгельс — А. Бебелю, 4 апреля	457
289.	Энгельс — К. Каутскому, 16 апреля	459
290.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 23 апреля	459
291.	Энгельс — В. И. Засулич, 23 апреля	460
292.	Энгельс — Р. Штегеману, 5 мая	463
293.	Энгельс — Э. Бернштейну, 15 мая	465
294.	Энгельс — Г. Шлютеру, 15 мая	467
295.	Энгельс — Э. Бернштейну, начало июня	469
296.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 3 июня	469
297.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 3 июня	470
298.	Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 15 июня	473
299.	Энгельс — Г. Шлютеру, 16 июня	474
300.	Энгельс — Э. Бернштейну, 16 июня	476
301.	Энгельс — А. Бебелю, 22 июня	476
302.	Энгельс — Г. Шлютеру, 1 июля	479
303.	Энгельс — Г. Гильом-Шак, около 5 июля	479
304.	Энгельс — Э. Бернштейну, 24 июля	480
305.	Энгельс — А. Бебелю, 24 июля	481
306.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 8 августа	483
307.	Энгельс — К. Каутскому, 23 августа	484
308.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 25 августа	484
309.	Энгельс — Г. Шлютеру, 26 августа	485
310.	Энгельс — К. Каутскому, 6 сентября	485
311.	Энгельс — Г. Шлютеру, 9 сентября	486
312.	Энгельс — К. Каутскому, 10 сентября	486
313.	Энгельс — Г. Шлютеру, 23 сентября	487
314.	Энгельс — Э. Бернштейну, 8 октября	488
315.	Энгельс — Г. Шлютеру, 9 октября	490
316.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 20 октября	491
317.	Энгельс — неизвестному, 22 октября	492
318.	Энгельс — А. Бебелю, 28 октября	493
319.	Энгельс — Г. Шлютеру, 11 ноября	498
320.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 13 ноября	499
321.	Энгельс — А. Бебелю, 17 ноября	501
322.	Энгельс — М. Каутской, 26 ноября	503
323.	Энгельс — В. Либкнехту, 1 декабря	506
324.	Энгельс — П. Лавиню, 1 декабря	508
325.	Энгельс — К. Каутскому, 2 декабря	509

326. Энгельс — В. Либкнехту, 5 декабря	510
327. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 5 декабря	511
328. Энгельс — Э. Бернштейну, 7 декабря	512
329. Энгельс — Г. Шлютеру, 7 декабря	514
330. Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 19 декабря	515
331. Энгельс — Г. Шлютеру, 21 декабря	515
332. Энгельс — В. Либкнехту, 28 декабря	516
333. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 28 декабря	518
334. Энгельс — П. Мартиньетти, 1885 г.	519

1886 г.

335. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 7 января	520
336. Энгельс — В. Либкнехту, 7 января	520
337. Энгельс — А. Бебелю, 20—23 января	521
338. Энгельс — Э.-Р. Пизу, 27 января	527
339. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 29 января	527
340. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 3 февраля	529
341. Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 4 февраля	531
342. Энгельс — П. Л. Лаврову, 7 февраля	533
343. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 8 февраля	533
344. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 9 февраля	535
345. Энгельс — А. Бебелю, 15 февраля	536
346. Энгельс — П. Лафаргу, 16 февраля	539
347. Энгельс — Э. Бернштейну, 24 февраля	540
348. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 25 февраля	541
349. Энгельс — В. Либкнехту, 25 февраля	542
350. Энгельс — Г. Шлютеру, 3 марта	544
351. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 12 марта	544
352. Энгельс — А. Бебелю, 18 марта	545
353. Энгельс — В. И. Засулич, 31 марта	548
354. Энгельс — А. Бебелю, 12 апреля	549
355. Энгельс — К. Каутскому, 23 апреля	551
356. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 29 апреля	551
357. Энгельс — П. Лафаргу, 7 мая	556
358. Энгельс — В. Либкнехту, 12 мая	557
359. Энгельс — Г. Шлютеру, 12 мая	559
360. Энгельс — издательству Нестлер и Мелле, 13 мая	560
361. Энгельс — Э. Бернштейну, 22 мая	561
362. Энгельс — Г. Шлютеру, 3 июня	563
363. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 3 июня	563
364. Энгельс — К. Каутскому, 2 июля	564
365. Энгельс — К. Каутскому, 4 июля	565
366. Энгельс — К. Каутскому, 8 июля	565
367. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 9 июля	565
368. Энгельс — К. Каутскому, 26 июля	567
369. Энгельс — К. Каутскому, 31 июля	568
370. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 3 августа	568
371. Энгельс — К. Каутскому, 6 августа	569
372. Энгельс — К. Каутскому, 11 августа	570
373. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 13 августа	570
374. Энгельс — Э. Бернштейну, 14 августа	573
375. Энгельс — А. Бебелю, 18 августа	574
376. Энгельс — К. Каутскому, 20 августа	578
377. Энгельс — Г. Шлютеру, 20 августа	579
378. Энгельс — Э. Бернштейну, 20 августа	580
379. Энгельс — К. Каутскому, 23 августа	581
380. Энгельс — К. Каутскому, 24 августа	581
381. Энгельс — К. Каутскому, 25 августа	582
382. Энгельс — К. Каутскому, 26 августа	582
383. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 6 сентября	583

384.	Энгельс — А. Бебелю, 13 сентября	583
385.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 16 сентября	588
386.	Энгельс — издательству Нестлер и Мелле, сентябрь	590
387.	Энгельс — Н. Либкнехт, 25 сентября	592
388.	Энгельс — А. Бебелю, 8 октября	592
389.	Энгельс — Э. Бернштейну, 9 октября	594
390.	Энгельс — Э. Бернштейну, 22 октября	597
391.	Энгельс — Э. Энгельсу, 22 октября	598
392.	Энгельс — А. Бебелю, 23 октября	599
393.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 9 ноября	602
394.	Энгельс — Г. Шлютеру, 26 ноября	603
395.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 29 ноября	605
396.	Энгельс — Г. Шлютеру, 7 декабря	609
397.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 28 декабря	609

1887 г.

398.	Энгельс — Домела-Нивенгейсу, 11 января	612
399.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 11 января	613
400.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 27 января	614
401.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 9 февраля	615
402.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 12 февраля	621
403.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля	623
404.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 3 марта	624
405.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 10 марта	625
406.	Энгельс — Ю. Бебель, 12 марта	628
407.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 16 марта	629
408.	Энгельс — Г. Шлютеру, 19 марта	631
409.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 6 апреля	631
410.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 9 апреля	633
411.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 23 апреля	635
412.	Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 24 апреля	636
413.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 4 мая	636
414.	Энгельс — Э. Бернштейну, 5 мая	638
415.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 7 мая	640
416.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 7 мая	642
417.	Энгельс — К. Каутскому, 27 мая	643
418.	Энгельс — Э. Бернштейну, 28 мая	643
419.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 28 мая	644
420.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 31 мая	644
421.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 4 июня	645
422.	Энгельс — К. Каутскому, 15 июня	648
423.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 18 июня	648
424.	Энгельс — Дж.-Л. Магону, 22 июня	650
425.	Энгельс — Дж.-Л. Магону, 23 июня	650
426.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 30 июня	651
427.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 20 июля	653
428.	Энгельс — К. Каутскому, 22 июля	653
429.	Энгельс — Дж.-Л. Магону, 26 июля	654
430.	Энгельс — К. Каутскому, 1 августа	655
431.	Энгельс — К. Каутскому, 5 августа	655
432.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 8 августа	656
433.	Энгельс — А. Бебелю, 13 августа	658
434.	Энгельс — К. Каутскому, 17 августа	659
435.	Энгельс — А. Бебелю, 30 августа	660
436.	Энгельс — К. Каутскому, 3 сентября	660
437.	Энгельс — П. Л. Лаврову, 3 сентября	661
438.	Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 15 сентября	661
439.	Энгельс — Ф.-А. Зорге, 16 сентября	662
440.	Энгельс — Г. Коху, 22 сентября	665
441.	Энгельс — И. Вейсу, 10 октября	665

442. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 29 октября	666
443. Энгельс — П. Лафаргу, 22 ноября	666
444. Энгельс — К. Шмидту, 26 ноября	667
445. Энгельс — Н. Либкнехт, 29 ноября	668
446. Энгельс — Ф.-А. Зорге, ноябрь	670
447. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 3 декабря	670
448. Энгельс — П. Лафаргу, 5 декабря	672
449. Энгельс — Г. Шлютеру, 7 декабря	672
450. Энгельс — К. Каутскому, 20 декабря	674

Приложение

Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич (8 марта 1881 г.) . .	677
Первый набросок	677
Второй набросок	687
Третий набросок	692
Указатель имен	699

Отв. редактор *В. Адоратский*.

Техредакция: *И. Галактионов, А. Лавров*.

Корректор *В. Падосек*.

Книга слана в набор 8/X 1934 г. Подписана к печати 26/II 1935 г.
Партиздат № 531. Тираж 15.000 + 265. Ленгорлит № 5724. Заказ № 2168.
Формат бумаги 68 × 100¹/₁₆. Авт. л. 50¹/₈. Печ. л. 46³/₄. (86.800 тип. зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 23³/₄.
Бумага Каменской фабрики. Коленкор Щелжовско-й фабрики. Вышла в свет — март 1935 г.
Набрана во 2-й типографии «Печатный Двор» треста «Политграфкинг». Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатана с готовых матриц в типографии «Лен. Правда». Ленинград. Социалистическая, 14.
Заказ № 1706.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует печатать</i>
21	10 снизу	не известный,	неизвестный,
79	17 сверху	„Sozial-Demokrat“	„Sozialdemokrat“
83	15 „	окончилась	миновала
101	1 „	Str.,	str.,
118	1 снизу	счете.	счете,
134	10, 11 сверху	партия „твердолобых“	„партия твердолобых“
158	8 снизу	его	него
176	13 сверху	„Sozial-Demokrat“	„Sozialdemokrat“
183	17 „	Тешковского	Цешковского =
187	9 снизу	деорганизовано	деорганизовано
194	11 сверху	и царь.	царь.
209	17 снизу	вилле	вилле
224	12 сверху	Фирекки,	Фирекки
225	12 снизу	вопросам	вспросам,
244	11 „	что	что,
256	15, 16 „	„Égalite“	„Égalité“
—	18, 19 „	„Égalite“	„Égalité“
263	9 сверху	„Égalite“	„Égalité“
266	6 „	„L'exploité“	„L'Exploité“
285	9 снизу	анархистами,	анархистами
309	4 „	Вашем	вашем
315	17 сверху	профессоры	профессора
320	11 снизу	1789	и 1789
331	15 сверху	не возможно	невозможно
351	21 „	плату	плату,
385	12 снизу	письмо.	письмо,
414	10 „	разгар	разгаре
420	3 сверху	возвращен	возвращен;
635	Между 4 и 5	строками сверху	пропущен 411 номер письма
650	12 снизу	Кремеры	Кримеры